Б 10 6/1

Б10 6/41

НРАВСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ

ПОДЪ

СЕВАСТОПОЛЕМЪ.

Полковникъ **С. К. Гершельманъ.**

Цѣна 3 руб.

Складъ у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,
С.-Петербургъ, Колокольная, 14.
1897.

НРАВСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ

ПОДЪ

СЕВАСТОПОЛЕМЪ.

С. К. Гершельманъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, № 40.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Января 1897 года.

Гос. Истор. Науч. Б-ка
РСФСР
№ 294676
193 г.

Поднявъ вопросъ объ изслѣдованіи нравственнаго элемента и о пріемахъ, могущихъ служить начальнику для подъема нравственнаго духа въ своихъ войскахъ и для расшатыванія моральныхъ силъ противника, мы обратились къ дѣятельности нашего великаго полководца—Александра Васильевича Суворова [1]).

Изслѣдованіе это не имѣло цѣлью дополнить историческіе разборы дѣятельности великаго русскаго полководца, а имѣло въ виду выяснить, нужно ли и можно ли примѣнять и въ настоящее время сильный рычагъ Суворова въ дѣлѣ обезпеченія успѣха нашихъ войскъ на полѣ брани. Послѣ выборки эпизодовъ примѣненія имъ на дѣлѣ пріемовъ нравственнаго воздѣйствія, мы сдѣлали посильные выводы, въ которыхъ старались раздѣлить на рубрики и сгруппировать по характеру мѣръ всѣ употреблявшіеся имъ пріемы, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Сознавая всю важность примѣненія пріемовъ нравственнаго воздѣйствія на обѣ стороны въ настоящее время, когда условія комплектованія армій и ихъ составъ въ военное и мирное время, условія веденія нынѣшняго боя, да и самая жизнь народовъ во многомъ измѣнились, и даютъ въ общемъ меньшую возможность сохранить войска къ концу боя вполнѣ свѣжими въ моральномъ отношеніи, мы старались доказать настоятельную необходимость, съ одной стороны, и полную возможность—съ другой, самаго широкаго примѣненія этихъ мѣръ нынѣ при воспитаніи войскъ и подготовки ихъ, такимъ образомъ, къ отзывчивости на подобныя мѣры при будущихъ войнахъ. Для этого въ томъ же изслѣдованіи мы привели рядъ мѣръ, примѣненіе которыхъ въ настоящее время не встрѣчаетъ никакого затрудненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, принялись за другое изслѣдованіе и разобрали примѣненіе нравственнаго элемента въ болѣе близкомъ къ намъ времени — въ

---

[1]) «Нравственный элементъ въ рукахъ Суворова».

послѣднюю Турецкую войну, Ахалъ-Текинскую экспедицію и въ мирное время, однимъ изъ способнѣйшихъ нашихъ генераловъ послѣдняго времени — Михаиломъ Дмитріевичемъ Скобелевымъ [1]). Эта вторая работа подтвердила сдѣланные раньше выводы и тѣмъ доказала намъ возможность установить незыблемость и постоянство основныхъ мѣръ примѣненія нравственнаго воздѣйствія на войска обѣихъ сторонъ и указала только на разнообразіе формъ, въ зависимости какъ отъ характера самого начальника, такъ и отъ всей данной обстановки.

Но для окончательной разработки столь важнаго вопроса, конечно, недостаточно разбора двухъ, хотя бы и столь поучительныхъ примѣровъ, тѣмъ болѣе, что оба эти примѣра освѣщаютъ вопросъ только лишь съ положительной стороны. Этими примѣрами мы установили, такъ сказать, критерій, и теперь намъ легче будетъ, при разборѣ другихъ случаевъ, различать, какое вліяніе каждая данная мѣра должна была имѣть на нравственный духъ войскъ — положительный или отрицательный. Разборъ же эпизодовъ какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ значеніемъ, конечно, поможетъ намъ еще болѣе выяснить весь вопросъ.

Выясненіе же его крайне необходимо во многихъ подробностяхъ. Такъ, по дѣятельности Суворова, мы достаточно подробно разобрали его отношенія и нравственное воздѣйствіе на войска, въ смыслѣ всей массы солдатъ, но такіе пріемы нравственнаго воздѣйствія на армію были возможны и достаточны, когда арміи были не велики, дѣйствовали совокупно и не занимали при своей дѣятельности столь обширныхъ пространствъ, какъ это будетъ нынѣ. Теперь же, повидимому, личнаго воздѣйствія главнаго начальника прямо на свои войска будетъ недостаточно, такъ какъ послѣднія будутъ зачастую внѣ возможности личнаго вліянія главнокомандующаго. Мы уже упоминали однажды, что таковыя особенности нашего времени требуютъ, чтобы не только главный начальникъ, но и всѣ второстепенные начальники, почти до ротнаго командира включительно, понимали и примѣняли на каждомъ шагу мѣры нравственнаго воздѣйствія на свои части. Здѣсь тоже не малую роль играютъ отношенія главнокомандующаго къ подчиненнымъ ему начальникамъ, такъ какъ этимъ укрѣпляется связь его съ войсками и дается общій тонъ моральнаго склада всей арміи.

Мы не могли достаточно полно выяснить всѣ эти вопросы, раз-

---

[1]) «Нравственный элементъ въ рукахъ Скобелева».

бирая дѣятельность Скобелева, такъ какъ она представляетъ мало опыта въ командованіи значительными силами. Эти и другіе пробѣлы въ нашихъ бывшихъ изслѣдованіяхъ мы и постараемся пополнить, насколько это позволитъ пригодность матеріала.

Поставивши себѣ таковую цѣль, мы остановились на разборѣ, съ точки зрѣнія нравственнаго элемента, военныхъ дѣйствій въ Крыму и подъ Севастополемъ, представляющихъ весьма богатый въ этомъ отношеніи матеріалъ.

Кому не извѣстно, что оборона Севастополя представляетъ изъ себя самую блестящую эпопею въ русской военной исторіи; что превосходный въ силахъ и побѣдоносный противникъ засталъ подъ Севастополемъ только рядъ намѣченныхъ укрѣпленій на семиверстной оборонительной линіи съ мизернымъ гарнизономъ изъ нѣсколькихъ резервныхъ баталіоновъ и морскихъ: судовыхъ, ластовыхъ, рабочихъ и тому подобныхъ командъ. И на глазахъ союзниковъ, подъ ихъ выстрѣлами, Севастополь выросъ въ могучую крѣпость, о которую въ теченіе 11-ти мѣсяцевъ разбивались всѣ неимовѣрныя усилія двухъ могущественныхъ европейскихъ націй, съ вспомогательными контингентами другихъ странъ. Все это, какъ мы знаемъ, достигнуто было не превосходствомъ силъ, вооруженія и вообще способовъ къ борьбѣ съ матеріальной точки зрѣнія, а исключительно выходящими изъ ряда по своей энергіи и крѣпости нравственныхъ силъ защитниковъ.

Эта борьба изумила всѣ народы и показала всему міру недосягаемое могущество русскаго народа. Она прославила родную землю нашу, какъ родину лучшаго въ мірѣ солдата. Какъ же не разобрать послѣ этого, какими причинами обусловливалась возможность столь высокаго уровня нравственныхъ силъ русскаго воина въ стѣнахъ Севастополя; какими пріемами и кому изъ начальниковъ удалось вселить этотъ духъ въ войска?

Вспоминая подробности начала этой борьбы, мы не можемъ не остановиться на томъ, что гарнизонъ города составлялся изъ самыхъ, повидимому, разнообразныхъ элементовъ. Главный контингентъ составляли судовыя морскія команды, спущенныя со всѣхъ судовъ черноморскаго флота, затѣмъ были рабочія, мастеровыя, ластовыя и т. п. разнообразныя команды морскаго вѣдомства, сухопутные артилеристы, нѣсколько баталіоновъ резервной пѣхоты, даже арестанты и жители города обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ.

Казалось бы, подобное разнообразіе защитниковъ должно было служить препятствіемъ для развитія высокаго нравственнаго духа,

такъ какъ моральная сила войскъ, какъ извѣстно, весьма чувствительна къ ихъ организаціи и не терпитъ импровизацій. А мы видимъ, что ближайшимъ распорядителямъ этихъ силъ удалось въ самое короткое время сплотить ихъ во-едино, вселить въ нихъ одну общую крѣпкую душу и направить всѣ ихъ духовныя и физическія силы, при самомъ высокомъ ихъ развитіи, на защиту славнаго города. Не противорѣчитъ ли подобная обстановка сдѣланнымъ нами прежде основнымъ выводамъ примѣненія нравственнаго элемента и какими мѣрами были достигнуты, при такихъ условіяхъ, подобные результаты?

Затѣмъ является еще одинъ важный вопросъ. Главный контингентъ гарнизона вначалѣ составляли моряки, высаженные на сушу. А мы утверждали раньше, что наиболѣе благопріятною обстановкою для подъема въ войскахъ моральныхъ силъ составляютъ привычныя и знакомыя для войскъ дѣйствія и возможная ненарушимость обычной войскамъ обстановки. Гдѣ же онѣ въ этомъ случаѣ? Почему же высаженные на сушу моряки не явились въ безпомощномъ положеніи выброшенной на землю рыбы, а, напротивъ, сразу твердою рукою принялись за новое дѣло? Чѣмъ это было достигнуто и не составляетъ ли этотъ случай противорѣчія со сдѣланными нами въ предъидущихъ изслѣдованіяхъ выводами?

Есть и еще особенности въ этой борьбѣ за Севастополь, которыя представляютъ выдающійся интересъ.

Войска въ стѣнахъ Севастополя всегда дѣйствовали съ полною иниціативою, вырывая ее зачастую изъ рукъ наступающаго противника; почти во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и начинаніяхъ имѣли успѣхъ надъ непріятелемъ; часто заставляли его обращаться къ оборонительнымъ дѣйствіямъ и, такимъ образомъ, въ теченіе восьми мѣсяцевъ выказывали свое превосходство надъ всѣми усиліями союзниковъ. Только послѣдніе три мѣсяца перевѣсъ въ дѣйствіяхъ сталъ склоняться на сторону противника. Начальники, руководившіе дѣйствіями этихъ войскъ, были вполнѣ довольны какъ ихъ дѣйствіями, такъ равно и ихъ нравственнымъ духомъ и настроеніемъ. И въ общемъ, нельзя не сказать, что въ Севастополѣ за всѣ 11 мѣсяцевъ обороны царила выходящая изъ ряда полнота и цѣльность моральной связи между начальниками и войсками. Дѣйствія тѣхъ же самыхъ войскъ въ полѣ, внѣ стѣнъ Севастополя, зачастую страдали отсутствіемъ порядка, отличались безурядицей и почти всегда не имѣли успѣха.

Такое видимое противорѣчіе объясняется, конечно, многими и

матеріальными, и моральными причинами. Но, такъ какъ насъ интересуетъ исключительно вторая сторона дѣла, мы и постараемся прослѣдить, какія нравственныя причины имѣли вліяніе на дѣйствія войскъ въ Севастополѣ и въ полѣ, и какое онѣ могли производить впечатлѣніе на ихъ дѣятельность.

Для этого намъ придется войти въ подробности обстановки, въ которой войскамъ приходилось дѣйствовать, и прослѣдить отношенія начальниковъ всѣхъ степеней къ войскамъ и между собою. Интересно тоже, всѣ ли начальники, какъ высшіе, такъ и младшіе, обращали одинаковое вниманіе на нравственный элементъ вообще и принимали мѣры къ поддержанію и подъему моральныхъ силъ въ своихъ подчиненныхъ. Всѣ ли начальники дорожили и добивались установленія связи со своими подчиненными. Затѣмъ нельзя обойти вопроса о нравственномъ духѣ и состояніи самихъ начальниковъ, такъ какъ это не могло, конечно, не отражаться на войскахъ и ихъ дѣйствіяхъ.

Какъ извѣстно, въ долгій періодъ осады Севастополя было и такое время, когда союзники, доведенные до крайности неудачами и всею обстановкою борьбы, не разъ думали объ оставленіи начатаго ими предпріятія и готовы были обратно сѣсть на свои суда. Почему же въ подобное время съ нашей стороны не были предприняты серьезныя наступательныя дѣйствія, съ цѣлью заставить противника рѣшиться окончательно на подобную крайнюю мѣру? Было ли это вслѣдствіе невозможности съ матеріальной стороны рѣшиться на довершеніе разстройства противника, или дѣло тормозилось единственно моральными условіями, въ которыхъ заставало это время наши войска, или ихъ начальниковъ?

Всѣ эти вопросы, иногда трудно поддающіеся изслѣдованію, не всегда можно рѣшить правильно, по недостатку болѣе полныхъ данныхъ. Но мы постараемся сдѣлать то, что въ нашихъ силахъ, тѣмъ болѣе, что, разбирая и изслѣдуя эти вопросы, мы будемъ попутно все болѣе и болѣе разъяснять сложныя основы нравственнаго элемента.

Возвращаясь къ дѣятельности моряковъ подъ Севастополемъ, нельзя допустить мысли, чтобы можно было явиться въ военное время съ такимъ запасомъ нравственныхъ силъ, каковой они выказали, безъ солидной предварительной подготовки какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Поэтому-то невозможно не коснуться, хотя бы въ общихъ чертахъ, жизни нашихъ славныхъ черноморцевъ до осады Севастополя. Но вопросъ этотъ является

крайне труднымъ потому, во-первыхъ, что намъ не могутъ быть вполнѣ ясны всѣ тонкости внутренней жизни чуждой для насъ среды и, разбирая ее, легко будетъ впасть иногда въ ошибку, а во-вторыхъ, такъ какъ матеріалы для болѣе полной характеристики условій быта и воспитанія черноморскаго флота за это время еще не разработаны и не обнародованы. Но мы все-таки возьмемъ на себя смѣлость не упустить и этого вопроса, въ надеждѣ обойтись и имѣющимся скуднымъ матеріаломъ, такъ какъ собираемся сдѣлать этотъ разборъ не для спеціалистовъ-моряковъ.

Считаемъ необходимымъ предупредить, что, не задаваясь цѣлью историческаго описанія всей борьбы подъ Севастополемъ, мы не предполагаемъ дѣлать систематическаго и послѣдовательнаго повѣствованія, а обратимся, какъ и въ прежнихъ своихъ работахъ, къ выборкѣ фактовъ, эпизодовъ и матеріаловъ, необходимыхъ для нашей задачи. Считаемъ себя вправѣ только напоминать соотвѣтствующую данному факту обстановку, такъ какъ борьба за Севастополь, конечно, извѣстна всякому русскому.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, доказательства и подтвержденія правильности всякаго приводимаго факта слишкомъ разширили бы рамки нашей работы и затемнили бы тѣмъ главную ея цѣль, потому-то мы беремъ факты въ томъ видѣ, какъ они установлены лучшими сочиненіями, разбирающими эту войну. Такимъ образомъ, ручательствомъ за правильность приводимыхъ фактовъ и эпизодовъ служитъ соотвѣтствующій выборъ источниковъ. Поэтому-то, а отчасти, чтобы не заслужить упрека въ голословности приводимыхъ мнѣній и разсужденій, не оправданныхъ пропущенными у насъ доказательствами, мы весьма часто прибѣгаемъ къ цитированію упомянутыхъ авторовъ.

Затѣмъ считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателя и на слѣдующее. Какъ дѣйствія нашихъ войскъ, такъ и дѣятельность руководившихъ ими начальниковъ, мы разбираемъ исключительно съ одной нравственной стороны, касаясь другихъ сторонъ лишь по стольку, по скольку это неизбѣжно для выясненія дѣла. Потому-то наши сужденія и заключенія будутъ во многомъ односторонни и не будутъ пригодны для общаго вывода или заключенія о данномъ фактѣ или личности.

I.

Высадка союзниковъ въ Крыму.

Какъ извѣстно, послѣ уничтоженія турецкаго флота въ Синопѣ русскою эскадрою, подъ начальствомъ адмирала Нахимова, запад-

ныя державы, Франція и Англія, рѣшили принять активное участіе въ начавшейся войнѣ Россіи съ Турціею. Сначала это участіе выразилось въ посылкѣ въ Черное море союзнаго флота, который имѣлъ цѣлью протежировать перевозкамъ и дѣйствіямъ турецкаго флота, защищая его отъ дальнѣйшихъ нападеній съ нашей стороны, и стѣснять сообщенія и дѣйствія нашего флота. Послѣ выясненія дипломатическимъ путемъ таковой цѣли прихода въ Черное море союзныхъ флотовъ послѣдовалъ разрывъ между этими державами и Россіею. Но, не ограничиваясь дѣйствіями однимъ флотомъ, враждебныя намъ державы рѣшили оказать помощь туркамъ и сухопутными войсками, которыя въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1854 года и начали высаживаться у Галлиполи.

Въ началѣ мая оба главнокомандующіе: французскій—маршалъ С.-Арно и англійскій—генералъ лордъ Рагланъ прослѣдовали въ Варну и Шумлу для совѣщаній съ турецкимъ главнокомандующимъ Омеромъ-пашею, послѣ чего и рѣшено было собрать союзныя контингенты въ Варнѣ. Передвиженіе это совершалось бо́льшею частью моремъ отъ Галлиполи и изъ Константинополя и лишь одна французская дивизія генерала Боске совершила походное движеніе черезъ Адріанополь. Такимъ образомъ, въ началѣ іюля, союзники сосредоточили у Варны до 40,000 французскихъ войскъ, 15,000 англійскихъ и около 6,000 турецкихъ [1]). Но въ это время, какъ извѣстно, князь Горчаковъ снялъ осаду Силистріи и постепенное очищеніе дунайскихъ княжествъ нашею арміею уже началось.

Прибывшіе моремъ союзные контингенты, конечно, больше всего нуждались въ перевозочныхъ средствахъ и недостатокъ въ лошадяхъ отражался, прежде всего, на составѣ кавалеріи и артилеріи. По этимъ же причинамъ снабженіе жизненными припасами являлось мало обезпеченнымъ и находилось въ полной зависимости отъ подвозовъ моремъ и отъ близости расположенія войскъ къ нему.

При такихъ условіяхъ союзники не могли, разумѣется, рискнуть наступательными операціями противъ нашей арміи, отходившей къ предѣламъ Имперіи, тѣмъ болѣе, что и численное превосходство не могло быть на ихъ сторонѣ. Напротивъ, преобладаніе на морѣ было полное на сторонѣ союзниковъ, ихъ флотъ былъ гораздо многочисленнѣе нашего и былъ къ тому же снабженъ паровыми двигателями. Такимъ образомъ, активныя дѣйствія союзниковъ, которыхъ такъ нетерпѣливо и настойчиво ждало и требовало общественное мнѣніе

---

[1]) «Восточная война 1853—1856 гг.», М. И. Богдановича, т. II, стр. 136.

въ Англіи и Франціи, и которыя были столь необходимы Наполеону III, на сушѣ могли быть предприняты лишь послѣ очень продолжительнаго промежутка времени, необходимаго для подходящаго снаряженія и снабженія армій; на морѣ же, благодаря силѣ флота и возможности въ короткій срокъ собрать транспортныя флотиліи, для перевозки войскъ и всего необходимаго, можно было разсчитывать произвести блестящую экспедицію, сравнительно въ ближайжемъ будущемъ, конечно, при выборѣ для таковаго предпріятія подходящаго по своему значенію и важности пункта.

Такимъ пунктомъ на Черномъ морѣ безспорно являлся Севастополь, такъ какъ на его рейдѣ находился весь нашъ флотъ и тамъ же находились верфи, доки, адмиралтейство, мастерскія и всевозможные склады, обусловливающіе существованіе этого флота. Союзники имѣли возможность не выпустить изъ гавани флотъ, а помощью высадки своихъ, сравнительно значительныхъ, силъ разсчитывали однимъ ударомъ на плохо укрѣпленный съ сухопутной стороны городъ захватить его вмѣстѣ съ флотомъ и всѣми его ресурсами.

Понятно, что экспедиція, сулившая столь громадные и блестящіе результаты, не могла не улыбаться обоимъ союзникамъ. Она вполнѣ удовлетворила бы народное самолюбіе Франціи и оправдала бы всѣ сдѣланныя на снаряженіе и отправку войскъ затраты, да кромѣ того покрыла бы безрезультатность дѣйствій союзныхъ флотовъ какъ на Черномъ, такъ и на Балтійскомъ моряхъ, и тѣмъ удовлетворила бы властолюбивыя стремленія Наполеона. Объ Англіи нечего даже и говорить, такъ какъ, кромѣ всего сказаннаго выше, для нея захватъ Севастополя и уничтоженіе, такимъ образомъ, морскаго могущества Россіи на Черномъ морѣ являлось исполненіемъ ея историческихъ затаенныхъ желаній, которыхъ она всегда добивалась въ прошедшемъ и долго еще, повидимому, будетъ добиваться и въ будущемъ.

Поэтому понятно, отчего союзные главнокомандующіе, не смотря на серьезный протестъ адмираловъ, подстрекаемые желаніями своихъ правительствъ, рѣшились предпринять высадку на берегъ Крыма. Прежде чѣмъ переходить къ выборкѣ и изслѣдованію необходимыхъ намъ фактовъ изъ возгорѣвшейся борьбы за Севастополь, приведемъ нѣсколько общихъ чертъ для выясненія нравственнаго уровня войскъ, принявшихъ участіе въ этой борьбѣ.

Французскія войска того времени, отличныя по составу, имѣли хорошую боевую школу, какъ для начальниковъ, такъ и для самихъ

войскъ, въ Алжирѣ, тѣмъ болѣе, что одна изъ дивизій экспедиціонныхъ войскъ прибыла частью прямо оттуда. Отправляясь въ эту восточную экспедицію, французы, вспоминая блестящую восточную экспедицію Наполеона I въ Египетъ, мечтали о такихъ же подвигахъ и лаврахъ.

Англійскія войска, хотя и болѣе худшія по составу своему, какъ вербованныя, все-таки всегда отличались на поляхъ битвъ своимъ исключительнымъ хладнокровіемъ и стойкостью. Но весь этотъ первоначальный пылъ и увлеченіе не могли не остыть, конечно, уже въ силу долгаго бездѣйствія, такъ какъ отправленіе этихъ войскъ съ родины началось еще въ половинѣ марта и съ тѣхъ поръ тянулись долгіе мѣсяцы бездѣятельныхъ стоянокъ въ Галлиполи, Константинополѣ и Варнѣ. За это время союзные флоты много предпринимали въ разныхъ моряхъ, но весьма малаго достигали; общественное мнѣніе громко требовало отъ своихъ силъ и армій активныхъ и результатныхъ дѣйствій, а таковыхъ предпринять, какъ мы сказали выше, было невозможно. Въ силу подобныхъ обстоятельствъ, войска начали скучать, что̀ не могло не отразиться на ихъ духѣ, какъ свидѣтельствуютъ слѣдующія слова:

«Изъ англійскаго лагеря при Девно (близъ Варны) получены прямыя извѣстія отъ 13-го іюля. И офицеры, и солдаты, какъ кажется, упали духомъ. Армія утомлена своимъ продолжительнымъ бездѣйствіемъ еще болѣе (если только можно), нежели европейская публика. Она очень хорошо видитъ, что ничѣмъ еще не содѣйствовала въ пользу турецкаго оружія, и что произведенные ей смотры и парады были бы такъ же хороши и еще лучше въ Англіи, нежели въ Турціи. Если кто въ лагерѣ заговоритъ о нападеніи на Севастополь, тому отвѣчаютъ: «такое предпріятіе было бы сумасбродствомъ». Генералы говорятъ: «флотъ не устроенъ для подобной экспедиціи; нужно два года времени, чтобы собрать средства для высадки достаточнаго числа войскъ въ присутствіи непріятеля». Они говорятъ объ огромной потерѣ, которой стоило бы нападеніе подобнаго рода. Съ тѣмъ вмѣстѣ слышимъ мы о потерѣ отличныхъ офицеровъ въ Гамле-Карлеби, у Рущука и въ устьяхъ Дуная, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, предстояло мало случаевъ къ пожатію лавровъ. Подобныя извѣстія возбуждаютъ неудовольствія въ лагерѣ. Кореспондентъ «Times» говоритъ, что «безразсудно думать, чтобы солдаты съ восторгомъ желали сразиться съ русскими. Все это ложь: люди наши вовсе не чувствуютъ ненависти къ русскимъ и просто потому, что еще ни одного изъ нихъ не видали, и не имѣютъ сочувствія къ

туркамъ потому, что эти ихъ часто обманывали и обходятся съ ними, какъ съ союзниками, непрямодушно, словомъ, войска утомлены до пресыщенія этимъ веденіемъ войны» [1]). Кромѣ того, въ союзныхъ войскахъ развились въ сильной степени повальныя болѣзни и въ особенности холера. Желая, по возможности, ослабить вліяніе этихъ болѣзней, доставить войскамъ дешевые лавры и произвести демонстративное наступленіе, для отвлеченія вниманія князя Горчакова отъ готовившейся Крымской экспедиціи, маршалъ С.-Арно предписалъ своимъ войскамъ двинуться въ Добруджу, гдѣ еще оставались на правомъ берегу Дуная наши незначительныя силы. Но экспедиція эта, какъ извѣстно, дала совершенно обратные результаты, такъ какъ въ союзныхъ войскахъ появилась столь повальная холера, что они, не дойдя до Бабадага, должны были спѣшно повернуть назадъ къ Варнѣ. Дѣйствительно, болѣзненность въ войскáхъ и въ Варнѣ развилась до весьма серьезныхъ размѣровъ: «Потери, понесенныя французскою арміею, были огромны. Въ продолженіи шести недѣль, съ 21-го іюня (3-го іюля) по 8-е (20-е) августа, вообще заболѣло холерою 8,142 человѣка, изъ числа коихъ умерло 5,183. Другіе считаютъ число заболѣвшихъ французовъ до 10,000. Англичане то же потеряли много людей отъ холеры, хотя несравненно въ меньшей степени, нежели ихъ союзники» [2]).

Эти двѣ причины—бездѣятельность и болѣзненность произвели весьма сильное вліяніе на состояніе французской арміи и на ея внутреннюю жизнь. Вотъ какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ современники:

«...Одинъ *очевидецъ* утверждаетъ, что слышалъ, какъ зуавы кричали по возвращеніи: «*Долой Эспинаса! Долой С.-Арно! Мы хотимъ Ламорисіера и Каваньяка*»! Впрочемъ, нельзя не согласиться, что разстройство дисциплины усилилось въ рядахъ нашей арміи самымъ плачевнымъ образомъ, и что никто не уважаетъ власти маршала С.-Арно. Здѣсь, въ канцеляріи военнаго министерства, очень негодуютъ на главнокомандующаго восточною арміею, и я долженъ сказать, что имя его произносится не иначе, какъ съ весьма нелестными прилагательными. Нерѣдко, напримѣръ, называютъ его тѣмъ именемъ, которое онъ носилъ во время всего своего драматическаго поприща. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ военной канцеляріи, и по письмамъ съ востока, неповиновеніе до-

[1]) «Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя», подъ редакціею Н. Дубровина. Выпускъ II, стр. 212 и 213.

[2]) М. Богдановичъ, т. II, стр. 140.

шло во всѣхъ родахъ войскъ до такой степени, что сомнительно, сохранилъ ли маршалъ довольно власти, чтобы заставить себѣ повиноваться въ важныхъ случаяхъ. Недавно, за однимъ обѣдомъ въ Варнѣ, на которомъ былъ и главный штабъ, маршалъ громко жаловался на это положеніе дѣлъ. А какъ показалось, что онъ хочетъ свалить всю вину на дивизіонныхъ генераловъ *Боске* и *Аллонвиля*, то они, въ свою очередь, отвѣчали обвиненіями маршала, и съ такою пылкостью, и такими словами, что я не смѣю и повторять ихъ. Осуждая, въ свою очередь, маршала, они говорили, что бездѣйствіе, въ которомъ оставлены были войска, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, почти совершенное отсутствіе всякой предосторожности для охраненія здоровья арміи, объясняютъ нѣкоторымъ образомъ неповиновеніе солдатъ, и что генералы, видя такую непредусмотрительность и такія опасенія, не имѣли уже довольно власти, чтобы возстановить въ умахъ строгость дисциплины. Разговоръ принялъ самый рѣзкій характеръ, и г. С.-Арно замѣтилъ обоимъ генераламъ, что имѣетъ право отослать ихъ обратно во Францію; но генералы на это замѣчаніе отозвались, что главнокомандующій никогда не посмѣетъ на это рѣшиться. Я могъ бы сообщить вамъ и другія подробности, но не могу долѣе разсказывать такихъ плачевныхъ событій. Однако же, долгомъ почитаю упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, заключающемся въ письмѣ одного военнаго врача. Я передаю слово въ слово: «Посудите объ ужасѣ нашего положенія. У меня въ распоряженіи моемъ и для пищи моихъ холерныхъ больныхъ, въ теченіи трехъ недѣль, не было ничего, кромѣ дынь и арбузовъ. Уже двѣ недѣли лошадь моя кормится одною соломою; въ лагерѣ нѣтъ ни сѣна, ни ячменя, ни овса. Кофе у насъ довольно, но часто нѣтъ хлѣба» [1]).

Дѣйствительно, французская армія въ отношеніи главнокомандованія была обставлена не вполнѣ удачно. Въ жизни маршала С.-Арно нельзя не замѣтить нѣсколькихъ чертъ авантюриста. Боевая его репутація сложилась въ Алжирѣ, гдѣ онъ съ молодыхъ чиновъ отличался выходящею изъ ряда смѣлостью и отчаянностью предпріятій. Таковыя же качества, съ присоединеніемъ энергіи и даже жестокости къ арабамъ, были присущи ему при подавленіи возстанія Бу-Мазы, во время котораго онъ командовалъ отрядомъ. Затѣмъ, успѣшная и трудная экспедиція противъ кабиловъ доставила ему въ 1851 году чинъ генералъ-лейтенанта. Для болѣе полной харак-

[1]) «Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя, подъ редакціею Н. Дубровина. Выпускъ II, стр. 218 и 219.

теристики С.-Арно приведемъ слова историка о дальнѣйшей его карьерѣ и о причинахъ назначенія его главнокомандующимъ:

«Въ томъ же году генералъ Флёри отправился въ Алжиръ, чтобы глазъ-на-глазъ сговориться съ С.-Арно и предложить ему мѣсто военнаго министра, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ дѣятельное участіе въ задуманномъ Людовикомъ-Наполеономъ переворотѣ. С.-Арно, человѣкъ отважный и не разбиравшій средствъ для своего возвышенія, охотно согласился поддерживать предпріятіе, казавшееся отчаяннымъ, и въ день 2-го декабря былъ душею заговора противъ республики. Въ награду за то онъ былъ возведенъ въ достоинство маршала Франціи. Но домогательства С.-Арно, въ соединеніи съ мотовствомъ его, не знавшимъ предѣла, до того надоѣли Наполеону, что онъ, желая во чтобы то ни стало избавиться отъ назойливаго сподвижника, предложилъ маршалу главное начальство надъ войсками, назначенными для содѣйствія Портѣ, а чтобы опытъ способностей его въ командованіи арміей не обошелся слишкомъ дорого Франціи, ему приданы были надежныя лица главнаго штаба» [1]).

Къ тому же въ это время и здоровье маршала было очень разстроено, что̀ свидѣтельствуется слѣдующими выписками изъ «Современныхъ Извѣстій»:

«Маршалъ С.-Арно постоянно боленъ. Друзья его опасаются, чтобы походъ не стоилъ ему жизни. Но маршалъ не слушаетъ ихъ совѣтовъ отказаться отъ главнаго начальства надъ арміею...». «Болѣзненное положеніе маршала С.-Арно возбуждаетъ много толковъ; утверждаютъ, что генералъ Канроберъ, на случай его кончины, уже уполномоченъ занять его мѣсто. Маршалъ остановится четыре дня въ Марселѣ. Такой отдыхъ послѣ столь неутомительнаго путешествія (изъ Парижа въ Марсель) усиливаетъ слухи о болѣзни генерала» [2]).

Таково было главное начальствованіе французскими войсками, но нельзя не сказать, что въ числѣ подчиненныхъ маршалу начальниковъ было много людей опытныхъ и стяжавшихъ себѣ весьма солидную репутацію въ Алжирѣ.

Другой союзный главнокомандующій — англійскій лордъ Рагланъ—тоже, судя по слѣдующему отзыву о немъ историка, не подавалъ выходящихъ изъ ряда надеждъ: «Такимъ образомъ проведя почти всю свою жизнь, отъ юности до преклонныхъ лѣтъ, при

---

[1]) М. Богдановичъ, т. II, стр. 132.

[2]) «Матеріалы Н. Дубровина», вып. II, стр. 4 и 5.

Велингтонѣ, и получивъ независимое начальство надъ войсками уже на 66-мъ году отъ роду, Рагланъ отличался и глубокими свѣдѣніями по военной части, и боевою опытностью, но, ограничиваясь въ продолженіе всей своей службы скромною ролью исполнителя чужихъ соображеній, не обладалъ самостоятельными способностями полководца и затруднялся распоряжаться дѣйствіями столь сложной машины, какова армія въ военное время. Проведя бо́льшую часть жизни въ занятіяхъ по части администраціи войскъ, онъ сдѣлался формалистомъ, заботился исключительно о строгомъ соблюденіи порядковъ управленія и не имѣлъ дара поселять въ солдатахъ нѣсколькими простыми словами тотъ духъ, который умѣли вдохнуть Суворовъ и Блюхеръ. Скромный, непоколебимый въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ, онъ былъ совершенно несходенъ характеромъ съ маршаломъ С.-Арно» [1]).

Послѣ этого понятно, что согласія въ дѣйствіяхъ этихъ двухъ лицъ, столь необходимаго для веденія совмѣстныхъ военныхъ операцій на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій, не могло быть. Потому-то съ самаго начала прибытія экспедиціонныхъ войскъ въ Турцію появлялись слѣдующія извѣстія: «Несогласія между англичанами и французами при дипломатическо-военныхъ сношеніяхъ лорда Раглана и маршала С.-Арно скорѣе усилились, нежели уменьшились. Можетъ быть они согласны въ томъ, чего не хотятъ, но едва ли въ томъ, чего хотятъ. По крайней мѣрѣ, не видно энергіи ихъ дѣйствій; у турокъ же нечего и искать ея: они покорились необходимости» [2]). «... Носятся слухи, что маршалъ С.-Арно и нашъ главнокомандующій находятся не въ слишкомъ дружественныхъ отношеніяхъ. Во время послѣдняго своего свиданія, они существенно разошлись во мнѣніяхъ, какимъ образомъ вести войну. Всѣ говорятъ объ этомъ» [3]).

Не прекратились эти несогласія даже и послѣ назначенія маршала главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ силъ, такъ какъ даже и въ одной и той же арміи, при назначеніи одного изъ двухъ самостоятельныхъ и равныхъ по своимъ правамъ начальниковъ главнымъ, рѣдко дѣло обходится безъ неудобныхъ для дѣла треній. А тутъ мы имѣемъ соединеніе двухъ армій разныхъ національностей, къ тому же столь несхожихъ по своему характеру, подъ начальствомъ сравнительно младшаго генерала одной изъ этихъ національностей.

---

[1]) М. Богдановичъ, т. II, стр. 133 и 134.

[2]) «Матеріалы Н. Дубровина», вып. II, стр. 174 и 175.

[3]) Тамъ же, стр. 198.

Относительно второстепенныхъ англійскихъ начальниковъ не безъинтересна слѣдующая выписка: «... въ «Naval and Military Gazette» (издаваемой подъ руководствомъ военнаго министерства) съ нѣкоторымъ опасеніемъ смотрятъ на выборъ главнокомандующаго, говоря, что нежелательно было бы видѣть на этомъ мѣстѣ генерала слишкомъ престарѣлаго, и давая чувствовать при этомъ, что бо́льшая часть англійскихъ генераловъ не имѣютъ уже, по лѣтамъ своимъ, ни силы, ни дѣятельности...» [1]).

Такимъ образомъ, въ общемъ, вопросъ о главномъ начальствованіи въ союзныхъ войскахъ, какъ по характеристикѣ въ отдѣльности двухъ личностей, поставленныхъ во главѣ обѣихъ армій, такъ и по комбинаціи ихъ соединенія подъ одно общее руководство, не былъ рѣшенъ такъ, чтобы обезпечить за собою выдающуюся дѣятельность союзниковъ на театрѣ войны и не носилъ въ себѣ тоже залога къ особенному подъему духа ихъ войскъ.

И дѣйствительно, таковаго подъема духа не было замѣтно среди войскъ, готовившихся къ Крымской экспедиціи, напротивъ: «Самая экспедиція, предпринимаемая теперь къ берегамъ Крыма, есть какъ бы нѣчто необходимое, и это доказывается уже безнадежностью, съ какою приступаетъ къ ней экспедиціонная армія. Гдѣ бы вы ни встрѣтили французовъ и англичанъ, принадлежатъ ли они къ флоту, сухопутной арміи или гражданскому управленію, вездѣ только и слышите отъ нихъ, что предпріятіе это безумное и отчаянное... Маршалъ С.-Арно въ своей прокламаціи тоже ясно указываетъ на глубокое уныніе, въ которое погружена армія понесенными потерями, и старается подавить воспоминаніе о пережитыхъ ужасахъ надеждою на отчаянное предпріятіе. Общая безнадежность выражается и въ замѣчательныхъ словахъ прокламаціи: «Генералы, частные начальники и офицеры! вы *раздѣлите* надежду, которою исполнена душа моя, и постараетесь сообщить эту надежду солдатамъ». Маршалъ былъ принужденъ также поддержать мужество французскихъ войскъ, не нуждавшееся прежде въ подобныхъ средствахъ, слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Вы приведете это предпріятіе въ дѣйствіе помощью самыхъ страшныхъ военныхъ снарядовъ, какіе когда-либо видалъ міръ». Завоеваніе Севастополя маршалъ представляетъ «ручательствомъ за возвращеніе войскъ подъ родной кровъ» — странное средство ободренія для войскъ, не сдѣлавшихъ въ продолженіе цѣлаго похода ни одного выстрѣла! Одинъ

---

[1]) «Матеріалы Н. Дубровина», вып. II, стр. 7.

изъ французскихъ офицеровъ, въ письмѣ изъ Константинополя къ своему родственнику, отъ 12-го (24-го) августа, между прочимъ, говоритъ: «...Ты помнишь, съ какимъ восторгомъ, прощаясь съ тобою и своими, говорилъ я объ экспедиціи на востокъ, въ которой долженъ былъ участвовать. Въ воображеніи моемъ носился тогда образъ египетской арміи, и я, подобно моимъ товарищамъ, надѣялся нести знамена побѣдителя при Арколѣ изъ города въ городъ, въ быстромъ побѣдномъ шествіи. Мы мечтали о второй битвѣ при пирамидахъ или при горѣ Ѳаворѣ. Какъ жестоко обманулся я! Какіе ужасные часы я долженъ былъ прожить въ Варнѣ между больными лихорадкою и холерою! Я глубоко потрясенъ этимъ какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Если бы я остался въ Варнѣ, меня навѣрное уже не было бы; но, къ счастью, меня откомандировали со многими изъ моихъ товарищей въ Константинополь... Здѣсь господствуетъ общее неудовольствіе: флотъ и армія одинаково ропщутъ. Штабъ и оберъ-офицеры, солдаты и матросы, французы и англичане, всѣ недовольны, и никто не скрываетъ этого. Я слыхалъ, какъ самъ принцъ Наполеонъ выражалъ это неудовольствіе громко и въ жесткихъ словахъ. Онъ дѣлалъ все, что̀ могъ, чтобы возвратиться во Францію, и остается на востокѣ только вслѣдствіе строгихъ приказаній» [1]).

Но не одни только войска и ихъ ближайшіе начальники не были воодушевлены увѣренностью въ удачный исходъ предстоящей экспедиціи, не было такой увѣренности и въ главныхъ начальникахъ, и въ руководителяхъ союзнаго флота. Въ началѣ іюля оба главнокомандующіе получили отъ своихъ правительствъ депеши, выражавшія требованіе осадить Севастополь, «если они не считаютъ себя къ тому недостаточно готовыми» [2]). Лордъ Рагланъ сейчасъ же посовѣтовался съ однимъ изъ своихъ опытныхъ помощниковъ—генераломъ Броуномъ. Этотъ послѣдній, узнавъ, что достовѣрныхъ свѣдѣній ни объ укрѣпленіяхъ Севастополя, ни о силахъ войскъ въ Крыму не имѣется, а есть только надежда встрѣтить тамъ не болѣе 70,000 войскъ, высказался о крайней рискованности предпріятія. Но разговоръ у нихъ все-таки кончился слѣдующимъ: «Впрочемъ, прибавилъ онъ, вамъ не остается ничего болѣе, какъ дѣйствовать сообразно видамъ правительства, потому что, сколько я могу судить изъ депеши лорда Ньюкестля, дѣло уже рѣшено, и если вы отка-

---

[1]) «Матеріалы Н. Дубровина», вып. II, стр. 260—262.
[2]) М. Богдановичъ, т. II, стр. 265.

Гос. Историч. Наука. Б-ка
СССР
№ .....
..... 193 г.

жетесь, то на ваше мѣсто назначатъ кого-либо другаго, болѣе уступчиваго» [1]).

Послѣ этого на собранномъ военномъ совѣтѣ, въ которомъ участвовали и адмиралы, и начальники штабовъ армій, «... Раглапъ настойчиво поддерживалъ экспедицію, а маршалъ С.-Арно, зная, что Наполеонъ III былъ однѣхъ мыслей съ англійскимъ правительствомъ, изъявилъ согласіе на предложеніе лорда Раглана, хотя и самъ маршалъ, и весь штабъ его были противнаго мнѣнія» [2]).

Затѣмъ былъ предпринятъ рядъ морскихъ рекогносцировокъ береговъ Крыма и прибрежныхъ окрестностей Севастополя и послѣ этихъ рекогносцировокъ, «въ особенности адмиралы, страшась отвѣтственности, которой могли подвергнуться въ случаѣ неудачи, представляли обоимъ главнокомандующимъ, что, во-первыхъ, на берегахъ Крыма не было удобныхъ гаваней, и потому флотъ, застигнутый осенними бурями, не нашелъ бы никакого убѣжища; во-вторыхъ, снабженіе арміи жизненными припасами было бы крайне затруднено недостаткомъ гаваней и опасностью плаванія осенью въ Черномъ морѣ, и въ третьихъ, въ случаѣ неудачи, посадка войскъ на суда, въ виду непріятеля, могла имѣть самыя гибельныя послѣдствія» [3]).

Но, не смотря на все это, дѣятельныя приготовленія къ экспедиціи въ Крымъ приводились въ исполненіе и къ 24-му августа окончена была посадка на суда: 25,200 человѣкъ пѣхоты, съ сотнею кавалеріи и 68-ю орудіями, всего около 28,000 французскихъ войскъ; 7,000 турецкихъ и 18,000 пѣхоты, 2,000 кавалеріи и 54 орудія англійскихъ войскъ. Всѣ силы союзниковъ простирались до 60,000 человѣкъ, съ 134 полевыми и 73 осадными орудіями [4]).

На одновременный подъемъ столь значительныхъ силъ со всѣми необходимыми запасами и матеріальною частью потребовалось болѣе 300 морскихъ судовъ разной величины. Вся эта десантная флотилія собралась къ сборному пункту—Змѣиному острову, близъ устьевъ Дуная, къ 28-му августа, и затѣмъ двинулась къ мысу Тарханъ, въ 60-ти верстахъ отъ котораго остановилась на якорѣ. Лордъ Раглапъ съ высшими начальниками обѣихъ армій, но безъ маршала, который по нездоровью не могъ участвовать, вышелъ съ небольшою эскадрою впередъ для окончательнаго опредѣленія мѣста высадки.

---

[1]) М. Богдановичъ, т. II, стр. 265.
[2]) Тамъ же, стр. 266.
[3]) Тамъ же, стр. 268.
[4]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 1.

30-го августа комисія вернулась къ флоту и на другой день всѣ двинулись къ избранному мѣсту.

Выше мы набросали документально нѣсколько чертъ для характеристики нравственнаго состоянія союзныхъ войскъ, предпринявшихъ высадку, и на основаніи сказаннаго сдѣлаемъ общее заключеніе.

Войска, предназначенныя союзниками въ помощь Турціи, были отличныя по своему составу и благоустройству, очень хорошо вооруженныя и нѣкоторыя изъ нихъ съ недавнею боевою практикою и опытностью, вынесенною изъ почти непрерывно веденныхъ экспедицій въ Африкѣ. Начальники французскихъ войскъ тоже были подобраны съ выборомъ и многіе изъ нихъ были изъ числа заявившихъ свои способности и боевую опытность тамъ же, въ Алжирѣ. Войска ихъ уважали и довѣряли имъ. Еще болѣе тщательно былъ подобранъ штабъ главнокомандующаго. Но выборъ обоихъ главнокомандующихъ не подавалъ особенно много надеждъ на возможность развитія этими арміями, подъ ихъ командою, выдающейся дѣятельности. Одинъ изъ нихъ отличался всегда лишь беззавѣтною храбростью, дерзостью и крайнею энергіею, которая, впрочемъ, уже явилась надломленною состояніемъ здоровья, но не обладалъ, повидимому, необходимымъ авторитетомъ въ своей арміи. Другой, въ первый разъ въ свои почтенные года былъ поставленъ на самостоятельный постъ главнаго распорядителя войскъ, а до тѣхъ поръ всю жизнь занималъ или административныя, или подчиненныя должности. Потому-то и онъ не могъ разсчитывать владѣть сердцемъ своихъ войскъ. О турецкихъ войскахъ скажемъ только, что они представляли изъ себя, какъ всегда, отличный боевой матеріалъ, но мало обработанный и обезпеченный, какъ въ смыслѣ общаго благоустройства, такъ и въ смыслѣ командованія. Мы не входимъ въ подробности относительно турецкихъ войскъ, такъ какъ они входили въ экспедиціонную армію лишь въ незначительномъ числѣ и по отношеніямъ къ нимъ союзниковъ, какъ увидимъ ниже, играли лишь самую второстепенную роль во всѣхъ послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Нельзя не упомянуть, что духъ союзныхъ войскъ прибывшихъ въ Варну былъ очень хорошъ и они мечтали о предстоящихъ славныхъ дѣйствіяхъ, вспоминая знаменитую египетскую экспедицію.

Общее состояніе и настроеніе войскъ въ началѣ прибытія ихъ въ лагерь подъ Варною весьма рельефно характеризуется слѣдующими строками изъ записокъ одного французскаго офицера: «Вездѣ

я нашелъ увлеченіе, веселость, довольствіе; я былъ гордъ и счастливъ принадлежать къ подобной арміи» [1]). Но недолго продержалось такое благопріятное настроеніе въ арміяхъ подъ разлагающимъ вліяніемъ продолжительной бездѣятельности подъ Варною, въ особенности это замѣтно было на французскихъ войскахъ, такъ какъ, по характеру этой націи, солдата ихъ столь же легко возбудить и воспламенить, сколь трудно продолжительно удержать это настроеніе безъ поддерживающихъ его событій.

Затѣмъ явилась неудачная и безцѣльная попытка, при посредствѣ экспедиціи въ Добруджу, снова поднять уровень нравственныхъ силъ, которая достигла, благодаря развившейся съ ужасающею силою холерной эпидеміи, лишь совершенно обратныхъ цѣлей, выразившихся даже въ упадкѣ дисциплины.

Такимъ образомъ, не со свѣжими нравственными силами и при только что затихшей страшной холерной эпидеміи, союзныя войска начали посадку на суда для предположенной экспедиціи.

При всемъ этомъ имѣется однако слѣдующее свидѣтельство того же французскаго офицера о стремленіи каждаго солдата не быть назначеннымъ въ число оставляемыхъ въ Варнѣ: «То, что я предвидѣлъ, случилось; мнѣ стоило громадныхъ усилій выбрать 60 человѣкъ изъ моей роты для оставленія въ депо; эти храбрые ребята приходили къ моей палаткѣ и со слезами умоляли взять ихъ съ собою и я съ болью въ сердцѣ долженъ былъ имъ отказывать; я имъ обѣщалъ скорое присоединеніе къ ротѣ; я имъ говорилъ, что, по всей вѣроятности, армія не предприметъ ничего серьезнаго до прибытія подкрѣпленій и что, можетъ быть мы даже не выпустимъ ни одной пули до ихъ прибытія. Однимъ словомъ, я принялъ всѣ возможныя мѣры для ихъ утѣшенія, и когда думалъ, что уже отдѣлался отъ нихъ, каждый изъ нихъ осаждалъ меня еще въ отдѣльности!» [2]).

Но все-таки армія смотрѣла на эту экспедицію какъ на вынужденную, такъ какъ ничего другаго предпринять не было возможности, а выйти изъ удручающаго состоянія полной бездѣятельности и борьбы съ эпидеміею было необходимо. Точно также смотрѣли на это дѣло и начальники, противъ воли подчинившіеся приказанію свыше, потому что не могли ничего другаго предпринять. Вотъ это-то все и заставляетъ предполагать отсутствіе какъ въ начальникахъ, такъ и въ самой арміи той увѣренности въ предстоящихъ дѣйствіяхъ,

---

[1]) «Général Herbé. Francais et Russes en Crimée». Paris, 1892, стр. 29.
[2]) Тамъ же, стр. 61.

которая столь необходима для подъема нравственнаго духа въ войскахъ, а присутствіе только одной отчаянной рѣшимости.

Посмотримъ же теперь, какія войска были расположены въ Крыму, каково было ихъ состояніе и каковы были ихъ силы, какъ физическія, такъ и нравственныя.

Еще въ концѣ 1853 года, для единства власти по охранѣ береговъ Крыма и принятія надлежащихъ мѣръ по оборонѣ Севастополя, князю Меншикову были подчинены, на правахъ корпуснаго командира, всѣ сухопутныя войска, расположенныя въ Таврической и частью (по лѣвому берегу р. Буга) Херсонской губерніяхъ. Но вскорѣ выяснилось, что князь Меншиковъ, прикованный къ Севастополю, какъ важнѣйшему пункту нашему въ Крыму и сосредоточію всѣхъ нашихъ морскихъ силъ, не могъ обратить должнаго вниманія на оборону отъ покушеній противника Керченскаго пролива и Азовскаго моря. Потому-то въ апрѣлѣ 1854 года съ князя Меншикова была снята забота о восточной части Крыма, и Керченскій полуостровъ, равно какъ побережье Азовскаго моря были подчинены наказному атаману войска Донскаго, генералъ-адъютанту Хомутову.

Во всякомъ случаѣ власть надъ всѣми средствами по оборонѣ Севастополя и его окрестностей отъ покушеній противника была объединена въ одномъ лицѣ, распоряжавшемся какъ морскими, такъ и сухопутными силами и средствами. И если власти корпуснаго командира, какъ увидимъ ниже, было, можетъ быть, недостаточно для энергичнаго движенія впередъ строительныхъ и инженерныхъ работъ для должнаго укрѣпленія Севастополя, то ея вполнѣ достаточно было, чтобы узнать и подготовить ввѣренныя войска для предстоящей борьбы.

Сначала въ Крыму было очень мало силъ, но затѣмъ, когда вѣроятіе готовящейся союзниками высадки на берегахъ полуострова возросло, благодаря просьбамъ и настоянію князя Меншикова, а главнымъ образомъ благородству и сердечному отношенію князя Горчакова (главнокомандующаго южною арміею) къ дѣлу скорѣйшей помощи угрожаемому сосѣду, силы войскъ возросли и къ концу августа достигли слѣдующихъ размѣровъ. Какъ извѣстно, у князя Меншикова къ 1-му сентября имѣлось: 42 баталіона—32,956 человѣкъ, 16 эскадроновъ—2,675 чел., 9 сотенъ казаковъ—1,264 чел. и 88 полевыхъ орудій съ прислугою—1,702 чел.; всего было 38,597 человѣкъ [1]). Всѣ эти войска были бо́льшею частью расположены

[1]) «Оборона Севастополя», Тотлебена, ч. II, стр. 134.

въ ближайшихъ окрестностяхъ Севастополя, небольшая часть между рѣками Качею и Алмою и на аванпостахъ по берегу моря, и еще меньшая часть въ Симферополѣ и на пути къ этому городу отъ Перекопа. По разстояніямъ нахожденія войскъ отъ предполагаемаго мѣста столкновенія, князь Меншиковъ могъ всѣми ими воспользоваться для перваго боя съ противникомъ.

Затѣмъ у генерала Хомутова было: $9^3/_4$ баталіона, 1 эскадронъ, 18 сотенъ казаковъ и 24 орудія—силою до 12,000 человѣкъ. Относительно этихъ послѣднихъ силъ военное министерство еще 10-го іюля сдѣлало распоряженіе, чтобы онѣ, при первой опасности городу Севастополю, спѣшили на помощь князю Меншикову. Распоряженіе это было тогда же передано какъ генералу Хомутову, такъ и князю Меншикову [1]). Но расположеніе этихъ войскъ, не смотря на упомянутое ихъ назначеніе, не было измѣнено до послѣдняго времени, такъ что Меншиковъ по разстоянію, отдѣлявшему эти войска отъ него, могъ разсчитывать на прибытіе къ первому столкновенію, какъ то и случилось на самомъ дѣлѣ, лишь на резервъ Хомутова, расположенный у станціи Аргинъ и состоящій изъ четырехъ баталіоновъ, одного эскадрона, шести сотенъ и восьми орудій.

Но посмотримъ, какія это были войска? Можетъ быть, какъ увѣряли нѣкоторые бытописатели этой эпохи, войска эти были собраны изъ разныхъ административныхъ и тактическихъ единицъ и представляли изъ себя лишь «обрѣзки арміи». Однако, у болѣе серьезныхъ историковъ этой войны мы находимъ, что въ число войскъ, принимавшихъ участіе въ Алминскомъ сраженіи, входили: 16-я пѣхотная дивизія съ ея артилеріею въ полномъ составѣ, съ начальникомъ дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Квицинскимъ и своими бригадными и полковыми командирами; начальникъ 17-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ, имѣлъ подъ командою полностью три полка своей дивизіи, со своими начальниками и артилеріею; затѣмъ, бригада 14-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями (начальникъ этой дивизіи, генералъ-лейтенантъ Моллеръ, тоже находился въ Севастополѣ); одна бригада 6-й кавалерійской дивизіи со своею батареею и подъ начальствомъ бригаднаго командира; 6-й стрѣлковый и двѣ роты 6-го сапернаго баталіона; 1-я резервная бригада 13-й пѣхотной дивизіи, въ составѣ четырехъ баталіоновъ; одинъ сводный морской баталіонъ и, наконецъ, два казачьихъ полка съ двумя донскими же батареями.

---

[1]) «Восточная война 1853—1856 годовъ», Н. Дубровина, стр. 65.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что изъ числа 42½ баталіоновъ только четыре были войсками резервными, значитъ, выключая и морской баталіонъ, 37½ баталіоновъ принадлежали къ числу полевыхъ войскъ, съ прочною организаціею. Кромѣ того, изъ числа полевыхъ войскъ только восемь баталіоновъ 14-й дивизіи не принадлежали къ составу одного 6-го корпуса, командиръ котораго, генералъ князь Горчаковъ, тоже находился на лицо со своими войсками.

Изъ этого видно, что войска были далеко не сборныя, а, напротивъ, принадлежали въ большинствѣ къ одной высшей войсковой единицѣ и при войскахъ же находились всѣ органы, обусловливающіе ихъ полное благоустройство. Но были ли эти войска достаточно подготовлены къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ? На это мы можемъ дать нѣсколько отрицательный отвѣтъ, ссылаясь на слѣдующія выписки изъ записокъ столь авторитетнаго лица, какъ бывшій начальникъ штаба севастопольскаго гарнизона, князя Васильчикова. Вотъ эти нѣсколько словъ:

«...Войска 6-го корпуса, послѣ долгой стоянки въ окрестностяхъ Москвы, не отличались особымъ воинственнымъ духомъ...». Въ этихъ же запискахъ приводится еще болѣе авторитетное мнѣніе князя Михаила Дмитріевича Горчакова, который, по полученіи извѣстія объ Алмѣ, сказалъ: «...что я предвидѣлъ, то и сбылось! Князь Меншиковъ рѣшился на сраженіе, не смотря на малочисленность своего отряда, состоящаго изъ неопытныхъ полковъ, никогда въ огнѣ не бывавшихъ [1]).

Конечно, съ точки зрѣнія того времени, при сравнительно частыхъ войнахъ, можетъ быть и можно было считать плохими войска, давно не бывшія на войнѣ. Но нельзя не сказать, что для того и существуютъ въ мирное время войска и ихъ начальники, чтобы подготовлять воиновъ для будущихъ войнъ, и горе будетъ тому начальнику, который въ состояніи вести удачно въ бой лишь такія войска, которыя обладаютъ непрерывною боевою опытностью. Напротивъ, изъ прошлыхъ нашихъ изслѣдованій по этимъ же вопросамъ, какъ изъ отдаленнаго, такъ и изъ ближайшаго прошлаго, мы видѣли, что у опытныхъ начальниковъ существуютъ пріемы для боевой подготовки своихъ войскъ не только въ мирное время, не только въ періодъ подготовки предстоящихъ боевыхъ операцій, но даже и въ послѣдніе дни и минуты передъ самымъ боемъ.

Прослѣдимъ же теперь, были-ли въ наличности въ Крыму мѣры

---

[1]) Записки князя В. И. Васильчикова. «Русскій Архивъ» 1891 года, № 6-й, стр. 177 и 190.

для подобной подготовки войскъ и, вообще, какія сложились отношенія между войсками и ихъ начальникомъ.

Прежде всего мы можемъ сказать, что до Алминскаго сраженія князь Меншиковъ былъ скорѣе доволенъ, чѣмъ недоволенъ подчиненными ему войсками, что̀ и видно изъ слѣдующихъ его же отзывовъ:

Уже въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ писалъ военному министру:

— «Войска мои хороши, говорилъ князь, но я долженъ сказать, что, при отсутствіи батарейныхъ орудій, немногочисленная моя легкая артилерія принуждена будетъ дѣйствовать не иначе, какъ подъ огнемъ непріятельскихъ штуцерныхъ...» [1]). «Мы будемъ сражаться съ мужествомъ, самоотверженіемъ и патріотизмомъ, которые выкажутся въ каждомъ подданномъ Императора въ столь критическую минуту...» [2]) и далѣе: «...тогда какъ наши средства къ сопротивленію будутъ уменьшены предположеннымъ уходомъ восьми *прекрасныхъ* баталіоновъ 14-й пѣхотной дивизіи» [3]).

Такимъ образомъ, о подчиненныхъ ему войскахъ князь Меншиковъ всегда отзывался съ особою похвалою и почти наканунѣ сраженія писалъ, что рвеніе ихъ только усиливается. «Jusqu'ici», писалъ онъ князю Долгорукову (6-го сентября 1854 г.), «le temps et les routes protègent nos ennemis, mais quoiqu'il en soit nous nous battrons comme des enragés en dépit de l'ordre du jour de St.-Arnaud et les phrases de son empereur».

Таково было мнѣніе князя Меншикова о войскахъ передъ началомъ сраженія» [4]). Но, не смотря на такіе отзывы о войскахъ, Меншиковъ, повидимому, не баловалъ войска своимъ вниманіемъ и ни въ какихъ описаніяхъ мы не нашли хотя одного намека на желаніе его ближе познакомиться съ ними и завязать необходимую связь и обоюдное довѣріе. Напротивъ, мы можемъ привести даже и обратные примѣры. Въ однѣхъ запискахъ разсказано, какъ одинъ изъ полковъ 17-й дивизіи, послѣ длиннаго похода черезъ всю Россію, подходилъ 20-го апрѣля 1854 года къ Севастополю. Послѣднюю ночь солдаты провели безъ сна, готовясь къ смотру и производя тяжелую, тогдашняго времени работу—чистку амуниціи и всякой при-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 60.

[2]) Тамъ же, стр. 61.

[3]) Тамъ же, стр. 76 и 77.

[4]) Тамъ же, стр. 89. «До сихъ поръ погода и состояніе дорогъ протежируютъ нашимъ врагамъ, но чтобы ни было, мы будемъ драться, какъ бѣшенные, на перекоръ дневному приказу С.-Арно и словамъ его императора».

надлежности. Послѣдній переходъ былъ произведенъ подъ дождемъ и по грязи съ придачею постоянныхъ подъемовъ и спусковъ. Переходъ этотъ, послѣ безсонной ночи, былъ до того тяжелъ, что даже втянутые старые люди ворчали на живописную природу Крыма. Наконецъ, полкъ добрелъ до Севастополя и, при выглянувшемъ солнцѣ, подбодрившись, подошелъ къ корабельной части; «здѣсь мы ожидали пріѣзда свѣтлѣйшаго князя Меншикова; но вмѣсто его пріѣзжалъ кто-то другой, не помню»[1]).

Такое невниманіе къ переносимымъ войсками трудамъ, конечно, не могло произвести на нихъ хорошаго впечатлѣнія, въ особенности, если прибавить, что это было первое вступленіе полка подъ новое высшее начальствованіе.

Затѣмъ, не мало есть свидѣтельствъ, что Меншиковъ вообще былъ непривѣтливъ съ войсками и даже зачастую съ ними не здоровался. Боясь заслужить обвиненія въ умышленномъ подборѣ фактовъ, мы для объясненія этого вопроса сошлемся на слова такого лица, воспоминанія котораго дышатъ желаніемъ снять съ князя Меншикова всѣ высказываемые упреки его дѣятельности:

«Здѣсь не лишнее упомянуть, что, между прочимъ, упрекали князя Меншикова и въ томъ, что онъ не здоровался съ войсками. Помню, что 6-го декабря во время осады мы переѣзжали бухту, чтобы быть на молебствіи въ городѣ; поровнявшись съ пароходомъ «Громоносецъ», на коемъ команда стояла во фронтѣ, князь поздоровался, но не получилъ отвѣта. Когда же катеръ подошелъ ближе, князь поздоровался вторично и команда отвѣчала, причемъ, обратясь къ намъ, онъ сказалъ по французски: «меня упрекаютъ, что я не привѣтствую войска, для этого нужна нѣкоторая театральность, а я говорить громко не могу»[2]).

Изъ этой фразы видно, что упреки были правильны и что князь смотрѣлъ на привѣтствіе войскъ, какъ на трудную для себя обязанность, требующую къ тому же какой-то театральности, тогда какъ намъ кажется, что для начальника, любящаго своихъ подчиненныхъ, эта обязанность можетъ быть только пріятною и требующею только сердца.

Чтобы вполнѣ ясно выяснить отношенія, сложившіяся между княземъ Меншиковымъ и подчиненными ему войсками и ихъ начальниками, мы считаемъ необходимымъ привести основныя черты

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. II, стр. 134.

[2]) Рукописи о Севастопольской оборонѣ, собранныя Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, т. I, стр. 209.

характера князя. Но, не желая опять-таки дать поводъ къ нареканіямъ на умышленное, необходимое для нашихъ выводовъ, освѣщеніе данныхъ, мы приведемъ здѣсь мнѣнія болѣе компетентныхъ изслѣдователей или столь же солидныхъ современниковъ. Мнѣнія эти сводятся къ слѣдующимъ заключеніямъ:

«Князь А. С. Меншиковъ, по складу ума и характера, принадлежалъ къ числу людей, считающихъ себя внѣ всякихъ вліяній, увѣренныхъ въ своей самостоятельности, но на дѣлѣ легко подчиняющихся людямъ хитрымъ, наружно потворствующимъ ихъ волѣ. Безспорно умный и одаренный блестящими способностями, князь Меншиковъ былъ человѣкъ упрямый и самоувѣренный, не желавшій пользоваться совѣтами другихъ. Крайне недовѣрчивый и подозрительный, онъ привыкъ все сохранять въ глубокой тайнѣ и придавать всему таинственное значеніе. Сосредоточенный въ себѣ самомъ, онъ никому не сообщалъ своихъ мыслей, вездѣ хотѣлъ быть самъ и не любилъ чужаго ума. Князь требовалъ отъ окружающихъ не совѣта, а безпрекословнаго исполненія своей воли и своихъ приказаній. Онъ былъ равнодушенъ къ тому, что̀ внушаетъ инымъ мягкое и любящее сердце; не вѣря никому, онъ подъ конецъ своей жизни потерялъ вѣру въ самаго себя. Чрезвычайныя событія на полуостровѣ застигли князя Меншикова совершенно врасплохъ. Ему не съ кѣмъ было посовѣтоваться; у него не было начальника штаба, ни самаго штаба, правильно организованнаго, не было и довѣренныхъ лицъ, на которыхъ онъ могъ бы положиться — словомъ онъ чувствовалъ свое одиночество» [1]).

«При князѣ не было правильно организованнаго штаба. Хотя полковникъ Вуншъ и носилъ титулъ начальника штаба, но самаго штаба не существовало; дежурства не было; генералъ-квартирмейстерской части не имѣлось, а въ опытныхъ офицерахъ генеральнаго штаба чувствовался совершенный недостатокъ. Ненормальность такого положенія вещей еще усугублялась личнымъ характеромъ князя, сколько я могу о томъ судить по дальнѣйшему изученію этой личности въ то время, когда я, по званію начальника штаба Севастопольскаго гарнизона, состоялъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ.

«Основная черта характера князя Меншикова состояла въ полнѣйшемъ безотчетномъ недовѣріи ко всѣмъ окружающимъ его личностямъ. Въ каждомъ изъ своихъ подчиненныхъ онъ видѣлъ недобро-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 90 и 91.

желателя, подкапывающагося подъ его авторитетъ, и интригана или лихоимца, изыскивающаго случай къ обогащенію себя на счетъ казны, прикрываясь предписаніемъ или разрѣшеніемъ главнокомандующаго. Подъ вліяніемъ такого безотчетнаго опасенія, онъ не предпринималъ своевременно необходимѣйшихъ заготовленій провіанта и не разрѣшалъ инженерамъ нужнѣйшихъ работъ по укрѣпленію Севастополя съ суши, предвидя, что эти офицеры напрасно истратятъ огромныя суммы денегъ. Послѣдствіемъ такого прискорбнаго настроенія было то, что онъ вездѣ хотѣлъ распоряжаться самолично и, лишивши себя всякой помощи со стороны подчиненныхъ, остался безъ помощниковъ, а самъ, конечно, не былъ въ состояніи исполнить все то, что требовалось обстоятельствами»[1]).

Для болѣе рельефной обрисовки характера князя Меншикова и его отношеній къ людямъ способнымъ и завѣдомо могущимъ принести пользу дѣлу, передадимъ извѣстный пріемъ княземъ подполковника Тотлебена: «...князь М. Д. Горчаковъ, по полученіи достовѣрнаго извѣстія, что 15-го августа назначена посадка на суда экспедиціоннаго корпуса, потребовалъ къ себѣ подполковника Тотлебена.

— Я получилъ, сказалъ князь Тотлебену, достовѣрныя свѣдѣнія, что англо-французы предпринимаютъ высадку въ Крымъ. Поѣзжайте сейчасъ же въ Севастополь и осмотрите, въ какомъ положеніи онъ находится. Вотъ вамъ письмо къ князю Меншикову, въ которомъ я отзываюсь о васъ, какъ о знающемъ и опытномъ инженерѣ, какъ о достойномъ ученикѣ Шильдера, и предлагаю князю, если онъ найдетъ это полезнымъ, оставить васъ при себѣ. Будьте готовы къ тому, что князь Александръ Сергѣевичъ приметъ васъ непріязненно—онъ щекотливъ къ постороннимъ услугамъ, которыя предлагаются ему помимо его желанія. Не обращайте на это вниманія, будьте осторожны и оставайтесь тамъ, пока будетъ возможно. Не ожидайте себѣ какого-либо особаго назначенія, не напрашивайтесь на командованіе, но старайтесь вездѣ быть, все видѣть, осмотрѣть и быть полезнымъ въ Севастополѣ не только при устройствѣ укрѣпленій, но и всюду, гдѣ потребуютъ обстоятельства.

«Получивъ такого рода наставленіе, Тотлебенъ отправился въ Крымъ и 10-го августа былъ уже въ Севастополѣ. Вмѣсто того, чтобы найти въ немъ кипучую дѣятельность по оборонѣ города, онъ

---

[1]) Записки князя В. И. Васильчикова. «Русскій Архивъ» 1891 года, № 6-й, стр. 178.

нашелъ всѣхъ совершенно спокойными. По всему замѣтно было, что мнѣніе, будто бы высадка не состоится въ текущемъ году, проникла уже во всѣ слои общества и сдѣладась достояніемъ жителей города. Въ одномъ только флотѣ замѣтны были усиленныя работы, но и онѣ вовсе не относились къ защитѣ города...»

«Первое свиданіе подполковника Тотлебена съ княземъ Меншиковымъ происходило позднимъ вечеромъ. При тускломъ освѣщеніи комнаты, князь Александръ Сергѣевичъ долго разбиралъ передъ свѣчкой письмо князя Горчакова, при чтеніи котораго, по временамъ, насмѣшливая улыбка нѣсколько разъ скользила по лицу читавшаго.

— Князь Горчаковъ, по своей разсѣянности, проговорилъ онъ, продолжая читать письмо, вѣроятно, забылъ, что у меня въ Севастополѣ цѣлый саперный баталіонъ.

— Отдохните послѣ дороги, сказалъ князь Меншиковъ, обращаясь по окончаніи чтенія къ подполковнику Тотлебену, а затѣмъ поѣзжайте обратно въ дунайскую армію».

Предупрежденный наставленіями князя Горчакова, Тотлебенъ остался въ Севастополѣ и началъ съ осмотра приморскаго укрѣпленія города и рейда. Укрѣпленія эти онъ нашелъ въ отличномъ видѣ: «...и въ разговорѣ съ однимъ изъ лицъ, близкихъ князю Меншикову, онъ отозвался, что приморская оборона города находится въ такомъ состояніи, что можетъ отбить охоту у самаго предпріимчиваго непріятеля заглянуть въ Севастопольскую бухту. Слова эти были тотчасъ же переданы князю Меншикову и подозрѣнія послѣдняго, что Тотлебенъ присланъ для критической оцѣнки его дѣйствій по укрѣпленію города, отчасти разсѣялись и замѣнились нѣкоторою долею расположенія. На слѣдующій день князь Александръ Сергѣевичъ пригласилъ подполковника Тотлебена къ себѣ обѣдать, былъ очень веселъ, ласковъ и простеръ свою любезность до того, что самъ предложилъ осмотрѣть сухопутныя укрѣпленія Севастополя».

Осмотръ этотъ не замедлилъ состояться при участіи одного изъ адъютантовъ князя, но произвелъ совершенно противоположное впечатлѣніе.

Отзывъ Тотлебена о беззащитности Севастополя съ сухопутной стороны не понравился князю Меншикову и на слѣдующій день за обѣдомъ, на который приглашенъ былъ и Тотлебенъ, свѣтлѣйшій, будучи вообще возстановленъ противъ инженеровъ, въ присутствіи человѣкъ 12-ти разсказалъ анекдотъ, указывавшій, по его мнѣнію, насколько иногда инженеры понимаютъ свое дѣло и съ какою осторожностью слѣдуетъ довѣряться ихъ знанію.

— Въ турецкую войну 1810 года, такъ началъ князь, въ которой, подъ начальствомъ графа Каменскаго, мы съ княземъ М. Д. Горчаковымъ участвовали поручиками артилеріи, графъ Каменскій, прибывъ къ Рущуку, рѣшился овладѣть имъ немедленно. Чтобы штурмъ удался вѣрнѣе и съ меньшими потерями, онъ спросилъ объ этомъ мнѣніе состоявшаго при его штабѣ инженера изъ иностранцевъ. По происхожденію голандецъ, инженеръ этотъ у себя въ Голандіи, былъ простымъ каменьщикомъ, работалъ въ крѣпостяхъ и впослѣдствіи поступилъ въ нашу службу капитаномъ. Голандецъ отвѣтилъ графу, что для полнаго успѣха необходимо передъ крѣпостью поставить рядъ маленькихъ габіоновъ (туровъ), отъ нихъ ближе къ крѣпости поставить другіе габіоны, съ тѣмъ, чтобы подъ защитою ихъ двинуть войска и овладѣть Рущукомъ.

«Вотъ, продолжалъ князь Меншиковъ, по указанію голандца, поставили мы рядъ маленькихъ габіоновъ, но лишь только турки замѣтили работу, какъ открыли огонь, разметали поставленные габіоны и принудили наши войска отступить. Тогда графъ Каменскій спросилъ снова голандца, что же теперь предпринять для овладѣнія Рущукомъ? Надобно, отвѣчалъ на это голандецъ, положить теперь рядъ большихъ габіоновъ, за которыми расположить штурмующія колонны и приказать войскамъ катить эти габіоны къ крѣпости и затѣмъ броситься на штурмъ. Положили мы рядъ большихъ габіоновъ и покатили ихъ къ Рущуку, но, къ несчастью нашему, наткнулись на турецкое кладбище, черезъ которое не въ силахъ были перекатить габіоновъ. Турки опять открыли по нашимъ колоннамъ жестокій огонь и выгнали насъ изъ-за габіоновъ. Попытка наша овладѣть Рущукомъ неудалась.»

Мы привели выше выписки, подчеркивающія особенныя черты характера князя, можетъ быть и болѣе рельефно выступившія именно въ эту эпоху, когда ему было уже 67 лѣтъ отъ рода, лишь для выясненія его отношеній къ войскамъ и подчиненнымъ начальникамъ. Не можемъ не упомянуть еще, что вся его дѣятельность прошла внѣ строевой службы и ни разу онъ не имѣлъ случая быть отвѣтственнымъ начальникомъ отдѣльной строевой части. Только уже въ чинѣ контръ-адмирала мы видимъ его, въ 1828 г., начальникомъ десантнаго отряда подъ Анапою и осаднаго корпуса подъ Варною.

Конечно, таковое прохожденіе службы должно было отразиться непривычкою въ обращеніи съ войсками.

Описанныя черты характера главнаго начальника, конечно, ни

въ какомъ случаѣ, не могли повести къ подъему нравственныхъ силъ подчиненныхъ ему войскъ. Мы знаемъ изъ прежнихъ изслѣдованій, что первымъ требованіемъ для бодрости нравственнаго организма въ арміи служитъ безпредѣльная привязанность и любовь людей къ своему начальнику. А эти чувства ростутъ и развиваются, когда люди видятъ со стороны начальника открытыя любовь и довѣріе, когда начальникъ не избѣгаетъ, а пользуется каждымъ случаемъ, чтобы лишній разъ сердечно привѣтствовать ихъ, когда онъ словоохотливъ, зачастую бесѣдуетъ съ ними, ласковъ, узнаетъ и заботится объ ихъ нуждахъ, оказываетъ имъ вниманіе за ихъ труды и вообще откровенно и сердечно относится къ нимъ. Наличности-то этихъ основныхъ условій для закрѣпленія прочной связи между начальникомъ и подчиненными мы и не могли доискаться.

Столь же мало обѣщающее хорошихъ результатовъ было и отношеніе къ подчиненнымъ начальникамъ. То же недовѣріе, подозрительность, недопущеніе иниціативы и личнаго самостоятельнаго мнѣнія, а, при проявленіи ихъ, безцеремонное глумленіе съ помощью остротъ и сарказмовъ. Нельзя не сказать, что подобныя условія могли только убить въ начальникахъ ту личную иниціативу и самолюбіе, которыя заставляютъ всякаго всецѣло вносить свои труды и энергію на пользу дѣла, а этимъ-то и обезпечивается, главнымъ образомъ, удачное дѣйствіе войскъ.

Эти же черты характера, равно какъ и таинственность, повели, прежде всего, какъ мы видѣли, къ тому, что не было при главномъ начальникѣ организованнаго штаба, такъ что своевременная и толковая передача всѣхъ необходимыхъ распоряженій, приказаній и удовлетвореній нуждъ войскъ были совершенно необезпечены. А затѣмъ, не только войска, но и ихъ начальники, даже самые крупные, не знали ни предположеній, ни намѣреній, не видавъ своего начальника и, слѣдовательно, могли дѣйствовать только ощупью и совершенно неосмысленно. Благодаря этому, каждая, даже самая незначительная, случайность обращалась для нихъ въ критическое положеніе, ибо, не зная общей цѣли дѣйствій, они не могли своевременно найтись, чтобы обратить эту случайность въ свою пользу.

Дабы не ошибиться въ дальнѣйшихъ своихъ выводахъ и сужденіяхъ, намъ необходимо прежде всего выяснить вопросъ, могъ ли князь Меншиковъ ожидать высадки противниковъ въ окрестностяхъ Севастополя и зналъ ли онъ заранѣе о всѣхъ ихъ приготовленіяхъ и намѣреніяхъ.

По письмамъ и другимъ документамъ, извлеченнымъ изслѣдо-

вателями и историками этой войны изъ архивовъ, можно заключать, что, вопреки мнѣній князя Варшавскаго и генерала Лидерса, полагавшихъ, что предпріятіе высадки въ Крымъ не можетъ имѣть серьезнаго значенія, да и можетъ быть сдѣлана всего съ 20,000—30,000, князь Меншиковъ считалъ ее возможною и даже съ значительными силами.

По очищеніи Валахіи нашими войсками, князь Меншиковъ писалъ Государю, что, «въ случаѣ непріятельскаго десанта въ Крымъ, можно предполагать, что союзники предпримутъ нападеніе на Ѳеодосію или направятся черезъ Керченскій проливъ, либо сдѣлаютъ высадку у Евпаторіи, или между этимъ городомъ и Севастополемъ. По мнѣнію свѣтлѣйшаго, союзники могли направить въ Крымъ, кромѣ турокъ, отъ 50,000 до 60,000 англо-французскихъ войскъ» [1]).

Въ газетныхъ и другихъ извѣстіяхъ о замышляемой высадкѣ не было недостатка. Иностранныя газеты были полны этими предположеніями. Свѣдѣнія эти доходили до князя Меншикова своевременно съ разныхъ сторонъ; такъ, въ письмѣ Государя, отъ 18-го іюня 1854 года значилось:

«Спѣшу тебя увѣдомить, любезный Меншиковъ, что со всѣхъ сторонъ подтверждается, что скоро тебѣ предстоитъ ожидать сильной атаки на Крымъ, что сегодня еще телеграфической депешей отъ Хрептовича вновь подтверждено, и что будто о томъ послано рѣшительное приказаніе адмираламъ. Какъ эта атака послѣдуетъ, вовсе не знаю; вѣроятно, высадкой у Ѳеодосіи, ежели прежде замышлявшаяся у Евпаторіи на Перекопъ несбыточна» [2]).

Немного времени потребовалось, чтобы выяснить болѣе подробно мѣсто и время высадки. Разсказы одного плѣннаго чиновника, отпущеннаго на родину, о допросѣ его союзниками, привели къ слѣдующимъ заключеніямъ:

«Этотъ допросъ, писалъ баронъ Мейендорфъ, заставляетъ предполагать, что распространенные слухи о намѣреніяхъ нашихъ непріятелей имѣютъ большую вѣроятность. Этотъ чиновникъ, между прочимъ, мнѣ сообщилъ, что французскіе корабли (пароходы) сдѣлали промѣры и описи береговъ окрестностей Евпаторіи съ такимъ стараніемъ, что заставляетъ предполагать, *что на этомъ мѣстѣ будетъ произведена предполагаемая высадка»*, *къ этому надо прибавить*, что шкипера прибывавшихъ въ наши порты купеческихъ

---

[1]) Всѣ эти выписки сдѣланы изъ соч. Н. Дубровина, стр. 46.

[2]) Тамъ же, стр. 57.

судовъ также единогласно утверждали, что Евпаторія избрана союзниками мѣстомъ высадки.

Послѣ полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній князю Меншикову, хорошо знакомому съ мѣстностью полуострова и свойствами его береговъ, нетрудно было уже опредѣлить, съ нѣкоторою вѣроятностью, мѣсто высадки непріятеля. Указывая на пространство между Севастополемъ и Евпаторіею, какъ на такую часть берега, гдѣ непріятель можетъ явиться въ Крыму въ значительныхъ силахъ, князь Александръ Сергѣевичъ, между прочимъ, писалъ (отъ 22-го іюня 1854 г.), что переходъ черезъ рѣчки (Алму и Качу), протекающія въ этой мѣстности и черезъ овраги съ крутыми берегами, представитъ непріятелю нѣкоторое затрудненіе и, по его словамъ, «*это будутъ именно тѣ позиціи*, съ которыхъ мы будемъ дѣйствовать противъ его силъ, имѣя въ то же время въ виду перейти въ наступленіе при первой возможности» [1]).

Затѣмъ, въ письмахъ къ военному министру, отъ 22-го, 29-го и 30-го іюня, князь Меншиковъ писалъ, прося подкрѣпленій: «...Я имѣю приказаніе и обязанъ защищаться до крайности, но за всѣмъ тѣмъ мнѣ предстоитъ быть раздавленнымъ безъ успѣха, если непріятель высадитъ отъ 50,000 до 60,000, не считая турокъ».

«Я разсчитываю, что ему нужно еще отъ четырехъ до шести недѣль, а можетъ быть и болѣе, для организаціи въ большомъ размѣрѣ такой противъ Севастополя экспедиціи, которая могла бы быть самою рѣшительною изъ всѣхъ, кои онъ можетъ предпринять.

«Мнѣ кажется, что во время этихъ приготовленій 16-я пѣхотная дивизія будетъ имѣть время возвратиться къ намъ...» [2]).

Далѣе въ повѣствованіи того же историка мы читаемъ:

«... Князь Меншиковъ зналъ уже, что въ Варнѣ сосредоточено значительное число союзныхъ войскъ и ежедневно прибываютъ новыя; что въ Константинополѣ происходитъ большое движеніе судовъ; что французы формируютъ осадные парки, строятъ понтоны, мелководные баркасы, подвозныя лодки и проч.; что въ столицу Блистательной Порты прибываютъ корабли и пароходы съ войсками, провіантомъ, военными снарядами и, не выгружая ихъ, отправляются въ Варну, куда выступаютъ изъ Галлиполи и остальныя войска союзниковъ. Князю Меншикову было сообщено, что оба союзные главнокомандующіе оставили Константинополь и также

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 60.

[2]) Тамъ же, стр. 60—61.

отправились въ Варну, что слѣдомъ за ними поѣхали туда же принцъ Наполеонъ, герцогъ Кембриджскій и другіе генералы союзной арміи.

Намъ извѣстно было, что союзники закупали буксирные пароходы и зафрахтовывали, по мѣсячно, турецкія купеческія суда, не поясняя, впрочемъ, къ какой изъ портовъ Чернаго моря должны они будутъ слѣдовать.

Скоро узнали, что въ Варнѣ на рейдѣ стоитъ 250 транспортныхъ судовъ, кромѣ флота и купеческихъ пароходовъ, что тамъ дѣлаются всѣ приготовленія къ обширной экспедиціи...» [1]).

Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ нужно заключить, что князь Меншиковъ не только весьма заранѣе зналъ о предположенной непріятелемъ высадкѣ, но имѣлъ объ этой экспедиціи весьма подробныя и вѣрныя свѣдѣнія. Онъ вѣрно предъугадывалъ и силу союзниковъ—около 60,000, и мѣсто высадки, имъ даже намѣчены были позиціи, на которыхъ произойдетъ первая встрѣча съ противникомъ, что все потомъ въ дѣйствительности и оправдалось. Даже время высадки онъ самъ разсчитывалъ въ половинѣ августа или нѣсколько позже.

Но, не смотря на все это, въ августѣ мѣсяцѣ у него стало закрадываться сомнѣніе, чтобы высадка могла состояться въ текущемъ году:

«Поводомъ къ такому предположенію было полученное изъ Варны извѣстіе о движеніи союзниковъ къ Добруджѣ. Извѣстіе это поставило князя Меншикова въ колебательное положеніе: онъ вѣрилъ и не вѣрилъ тому, что англо-французы имѣютъ еще время высадиться въ Крыму. Вѣрилъ потому, что слухи о скорой высадкѣ не только не опровергались, но, напротивъ, сходились на томъ, что 15-го августа назначена посадка войскъ на суда. Онъ долженъ былъ вѣрить въ возможность экспедиціи и потому еще, что въ Варну приведено было изъ Константинополя и другихъ мѣстъ множество транспортныхъ судовъ, очевидно, необходимыхъ для амбаркаціи значительнаго числа войскъ.

Съ другой стороны, князь Меншиковъ видѣлъ, что и безъ того замедлившаяся экспедиція въ Крымъ, съ движеніемъ французовъ въ Добруджу, еще болѣе замедлится и, слѣдовательно, можетъ состояться развѣ только къ равноденствію или позже, когда время года не будетъ уже благопріятствовать высадкѣ. Не считая удоб-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 61 и 62.

нымъ, а, напротивъ, весьма рискованнымъ со стороны союзныхъ генераловъ пускаться въ море въ такое время года съ значительнымъ десантомъ, Меншиковъ ласкалъ себя надеждою, что, быть можетъ, въ текущемъ году минуетъ опасность и Севастополь не будетъ атакованъ» [1]).

Мнѣніе это стало постепенно усиливаться и распространяться. Полагали, что противникъ хочетъ только закончить кампанію текущаго года какимъ нибудь эфектнымъ нападеніемъ на одинъ изъ нашихъ слабо укрѣпленныхъ береговыхъ пунктовъ, какъ, напримѣръ, Новороссійскъ, Анапа и т. д. Были даже сдѣланы распоряженія для усиленія этихъ пунктовъ войсками. Въ Крыму же дѣлались предположенія для размѣщенія войскъ на зимнія квартиры.

Во второй половинѣ августа мнѣніе это перешло уже въ убѣжденіе и «князь Меншиковъ пошелъ въ этомъ отношеніи еще далѣе. Онъ не только не колебался, но самъ вѣрилъ безусловно и убѣждалъ другихъ въ томъ, что высадка не состоится.

«Предположенія мои совершенно оправдались, писалъ онъ новороссійскому генералъ-губернатору; непріятель никогда не могъ осмѣлиться сдѣлать высадку, а по настоящему позднему времени она невозможна» [2]). Это убѣжденіе было настолько сильно, что никакія дальнѣйшія свѣдѣнія не могли его поколебать, такъ:

«Хотя 18-го августа курьеръ изъ Петербурга и привезъ депешу графа Хрептовича о томъ, что англичане упорно настаиваютъ на безотлагательной атакѣ Севастополя, и что приготовленія къ экспедиціи не прекращаются ни въ Константинополѣ, ни въ Варнѣ, но тѣмъ не менѣе князь считалъ это дѣло несбыточнымъ. Онъ не придавалъ даже никакого значенія и позднѣйшимъ сообщеніямъ, что на варнскомъ рейдѣ стоитъ множество судовъ, нагруженныхъ уже провіантомъ и боевыми припасами, и что самая посадка войскъ уже началась. Приближеніе равноденственныхъ бурь, обыкновенно бывающихъ на Черномъ морѣ въ осеннее время года, вселяло настолько сильную увѣренность въ невозможность плаванія съ большимъ десантомъ, что князь Меншиковъ удивлялся даже тому, что князь М. Д. Горчаковъ такъ безпокоился за него и за Крымъ» [3]). Въ письмѣ князя, отъ 19-го августа, мы находимъ слѣдующія строки:

«Мы не будемъ атакованы по двумъ главнымъ причинамъ: во-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 69.
[2]) Тамъ же, стр. 75.
[3]) Тамъ же, стр. 76.

первыхъ, потому, что всѣ приготовленія къ значительному десанту не-могли выясниться до настоящаго времени, и, вѣроятно, не могутъ быть окончены къ извѣстному сроку, въ виду приближающагося поздняго времени. Вторая причина та, что непріятель знаетъ, что *мы сильны и сосредоточены, и что численное превосходство, независимо отъ позицій, съ приближеніемъ 16-й пѣхотной дивизіи, переходитъ на нашу сторону.* Это положеніе можетъ, очевидно, измѣниться, если война продолжится» [1]).

Утвержденіе себя въ таковомъ убѣжденіи и привело къ тому, что высадка союзниковъ застала и Меншикова, и войска его врасплохъ. Не можемъ не обратить вниманіе читателя, что, не смотря на столь заранѣе открытыя карты противника, относительно не только его силъ, намѣреній, но даже мѣста высадки и предполагаемыхъ мѣстъ встрѣчи съ непріятелемъ, мы не видимъ никакой дѣятельности для подготовки этой встрѣчи. Намѣченныя самимъ княземъ позиціи не были ни осмотрѣны, ни подготовлены въ какомъ бы то ни было отношеніи, такъ что о нихъ знали, но ихъ не знали. Затѣмъ не принято было никакихъ мѣръ для затрудненія высадки противника или ея замедленія, а, напротивъ, въ Евпаторіи были оставлены безъ всякой защиты значительные запасы продовольствія—до 28,000 четвертей хлѣба въ зернѣ, 40 воловьихъ подводъ съ крупчаткою, шедшихъ въ Севастополь, и въ казенномъ провіантскомъ магазинѣ въ селеніи Саки: муки—2,265, крупъ—202 и ячменя—407 четвертей [2]). Запасы эти захвачены были непріятелемъ и намного облегчили его положеніе въ первое время послѣ высадки.

Такъ какъ энергія и дѣятельность главнаго начальника воздѣйствуетъ весьма сильнымъ образомъ на войска, возбуждая ихъ къ таковой же, то и въ этомъ мы видимъ отсутствіе благодатнаго вліянія на нравственныя силы войскъ.

1-го сентября, какъ извѣстно, было изъ Севастополя видно приближеніе съ моря цѣлаго непріятельскаго флота и съ утра телеграфъ сталъ доставлять извѣстія о все возрастающемъ числѣ непріятельскихъ судовъ.

«Издали казалось, что къ берегу подходитъ большой движущійся городъ со множествомъ дымовыхъ трубъ, фабрикъ и заводовъ. Это былъ союзный флотъ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ 330

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 76.

[2]) Тамъ же, стр. 86 и 87.

судовъ разной величины...» [1]). Первое распоряженіе Меншикова было послать одного изъ лейтенантовъ флота наблюдать за высадкою противника, лейтенантъ этотъ получилъ слѣдующее личное приказаніе:

«Непріятельскій флотъ показался, на немъ есть войска и нужно думать, что онъ свезетъ десантъ; поѣзжайте немедленно въ Кронентальтамъ расположенъ казачій полкъ, возьмите столько казаковъ, сколько вамъ нужно, и поѣзжайте туда, гдѣ будетъ непріятельскій флотъ; возьмите эти конверты и извѣщайте меня о всемъ, что замѣтите, вкладывая записки въ эти конверты». На большой облаткѣ конвертовъ напечатано: «по приказанію командующаго» [2]). Затѣмъ были разосланы приказанія во всѣ мѣста, гдѣ были расположены войска, для сбора послѣднихъ къ рѣкѣ Алмѣ.

Но, повидимому, и эта часть не получила заранѣе благоустройства и порядка, такъ какъ есть свидѣтельство, что Московскій пѣхотный полкъ получилъ это приказаніе лишь въ 8 часовъ вечера 4-го сентября [3]). Полкъ этотъ выступилъ на другой день послѣ обѣда и прибылъ на алминскую позицію утромъ 8-го сентября. Такимъ образомъ выходитъ, что передача приказанія заняла столько же времени, какъ и самый походъ цѣлаго полка.

Впечатлѣніе, произведенное высадкою непріятеля на князя Меншикова, обрисовывается слѣдующими строками:

«... Онъ находился въ лихорадочномъ состояніи и какъ человѣкъ, застигнутый врасплохъ, растерялся. Съ этихъ поръ, если можно такъ выразиться, князь Меншиковъ не былъ похожъ на самаго себя—это былъ другой человѣкъ, совершенно неузнаваемый» [4]).

Какъ извѣстно, 1-го сентября, союзники заняли Евпаторію и завели сношеніе съ мѣстными жителями по сбору продовольствія, а 2-го числа, южнѣе, у Стараго форта, между озерами Камышлу и Кичикъ-Бельскимъ, начали высадку. Не смотря на то, что высадку эту никто не тревожилъ, она продолжалась до вечера 4-го числа. Положеніе и состояніе высаживающихся войскъ было слѣдующее:

«Французы провели первую ночь послѣ высадки довольно сносно, благодаря имѣвшимся при нихъ небольшимъ палаткамъ (tentes abris); напротивъ того, англичане, которымъ довелось простоять до

---

[1]) Тамъ же, стр. 78.
[2]) Рукописи, т. I, стр. 198.
[3]) Тамъ же, т. III, стр. 308.
[4]) Н. Дубровинъ, стр. 79.

утра на низменной мѣстности въ лужахъ, подъ проливнымъ дождемъ, безъ палатокъ и безъ бивачныхъ огней, терпѣли невыносимыя бѣдствія и успѣли окончить высадку не прежде 6-го (18-го) сентября, и вскорѣ въ англійскомъ лагерѣ развились въ сильной степени холера и другія повальныя болѣзни» [1]).

Такое состояніе войскъ и тѣ затрудненія, которыя были при высадкѣ столь многочисленныхъ силъ, должны были во много разъ возрости, если бы съ нашей стороны были сдѣланы хотя бы попытки потревожить противника. Мы не будемъ утверждать, чтобы можно было бы добиться какихъ-нибудь серьезныхъ результатовъ, но замедлить еще на день, два окончаніе высадки и ухудшить состояніе войскъ уже высадившихся было вполнѣ возможно, такъ какъ на нашей сторонѣ было знакомство съ мѣстностью, мы могли пользоваться ночью и имѣли въ своемъ распоряженіи кавалерію, отсутствіе которой у противника было почти полное. Изъ нашей же кавалеріи одинъ полкъ былъ расположенъ на рѣкѣ Качѣ, одинъ въ городѣ Симферополѣ и казачій полкъ содержалъ аванпосты по берегу моря.

Но главное значеніе какихъ-либо покушеній на спокойствіе противника, конечно, было бы нравственное.

Мы видѣли, что нравственное состояніе противника было не на весьма высокой ступени и что увѣренность въ удачѣ предпринятой высадки не была очень развита въ арміяхъ. Потому-то каждое встрѣченное препятствіе, каждое энергичное дѣйствіе съ нашей стороны могло только усилить эту неувѣренность и повліять пагубно на его моральныя силы, въ особенности, какъ первое впечатлѣніе при началѣ операціи. Напротивъ, полное отсутствіе съ нашей стороны какихъ либо дѣйствій и лишь пасивное наблюденіе за происходящимъ свободнымъ хозяйниченьемъ непріятеля на нашей землѣ, укрѣпляло у противника увѣренность въ удачѣ предстоящихъ дѣйствій и вѣру въ собственныя силы и неуязвимость.

Вотъ по какимъ причинамъ и желательно было бы видѣть хотя какія нибудь мѣры противодѣйствія съ нашей стороны.

Намъ скажутъ, пожалуй, что мелочныя затрудненія и обстоятельства высадки, которыми только и можно было воспользоваться для замедленія дѣйствій противника и тревоженія его тѣмъ или другимъ способомъ, извѣстны только теперь и совсѣмъ не были

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 5.

ясны въ то время. Отвѣтимъ, что посылка только одного лейтенанта флота съ нѣсколькими казаками была, какъ намъ кажется, тому главною причиною. Вѣдь замѣтилъ же этотъ лейтенантъ, «что флотъ стоитъ въ такой тѣснотѣ и безпорядкѣ, что присылка сюда брандера не есть дѣло невозможное, и можетъ надѣлать много вреда непріятелю» [1]), и далъ объ этомъ знать въ Севастополь адмиралу Корнилову.

Точно также, намъ кажется, что если бы порученіе рекогносцировки высадки было довѣрено опытному и компетентному лицу сухопутныхъ войскъ, то онъ не упустилъ бы случая указать, какимъ путемъ можно было нанести тотъ или другой вредъ противнику. Мы не говоримъ уже о томъ, что казалось бы вѣрнѣе всего было бы поручить это дѣло двумъ или тремъ полкамъ кавалеріи, подъ начальствомъ человѣка рѣшительнаго и не лишеннаго иниціативы. Тогда кавалерія наша навѣрное открыла бы и на сушѣ слабыя стороны противника и не замедлила бы ими воспользоваться. Скажемъ въ заключеніе, что хотя бы и самый незначительный успѣхъ нашей кавалеріи долженъ былъ бы самымъ отраднымъ образомъ повліять на наши неопытныя войска, какъ первое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ врагомъ, дерзнувшимъ стать на нашу родную землю.

Вотъ почему, въ отсутствіи попытокъ къ затрудненію врагу первыхъ его шаговъ мы видимъ опять-таки недостатокъ энергіи и рѣшительности главнаго начальника, имѣвшій большое значеніе для уровня моральныхъ силъ обѣихъ сторонъ.

Какъ извѣстно, союзники высадились соединенными англо-французско-турецкими силами въ слѣдующемъ составѣ: *французовъ*: 40 баталіоновъ, 2 эскадрона (числомъ до 150 человѣкъ) и 68 полевыхъ орудій, всего силою въ 28,223 человѣка; *англичанъ:* 32 баталіона, 10 эскадроновъ (числомъ до 1,100 человѣкъ) и 54 полевыхъ орудія, всего силою до 27,000 человѣкъ; *турокъ:* 1 дивизія пѣхоты съ 12-ю полевыми орудіями, всего до 7,000 человѣкъ. Сила всей союзной арміи простиралась до 62,223 человѣкъ, при 134 полевыхъ орудіяхъ [2]).

---

[1]) Рукописи, т. I, стр. 199.

[2]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 155.

II.

Алма.

6-го сентября армія союзниковъ двинулась съ мѣста высадки вдоль морскаго берега, провожаемая флотомъ, по направленію къ Севастополю, и 7-го числа, послѣ полудня, заняла лѣвый берегъ р. Булганака, въ шести верстахъ отъ алминской позиціи.

На этой позиціи князь Меншиковъ собралъ свою армію въ числѣ 42½ баталіоновъ, 16-ти эскадроновъ, 11-ти сотенъ и 96-ти полевыхъ орудій, численностью до 33,600 человѣкъ, причемъ 3,600 человѣкъ приходилось на кавалерію [1]). Упомянемъ еще, что Московскій пѣхотный полкъ прибылъ на позицію лишь около 8-ми часовъ утра 8-го сентября, т. е. передъ самымъ началомъ боя, сдѣлавъ непосредственно передъ тѣмъ, отъ Арчинской станціи, въ теченіе 65-ти часовъ болѣе 150 верстъ [2]).

При такихъ-то обстоятельствахъ, 8-го сентября, князь Меншиковъ рѣшилъ принять оборонительный бой на берегу р. Алмы. Прежде чѣмъ переходить къ выборкѣ эпизодовъ, имѣвшихъ вліяніе на нравственный элементъ сражавшихся армій въ этомъ бою, мы постараемся сдѣлать общую сводку моральныхъ силъ обѣихъ сторонъ и подчеркнемъ особенности положенія, долженствовавшія вліять на нравственный духъ войскъ; тогда намъ ясно будетъ, какія мѣры требовались со стороны нашихъ начальниковъ для укрѣпленія и поднятія духа нашихъ войскъ.

Союзная армія имѣла на своей сторонѣ двойное численное пре-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 169.

[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 11.

восходство и была составлена изъ надежныхъ, а частью и опытныхъ въ боевомъ отношеніи войскъ; имѣла достойныхъ начальниковъ, но не представляла по своему составу общее цѣлое, такъ какъ состояла изъ двухъ армій разныхъ національностей, съ придачею небольшаго контингента турецкихъ войскъ. Оба главнокомандующіе у союзниковъ не вполнѣ пользовались безграничнымъ довѣріемъ и преданностью своихъ войскъ, которыя такъ необходимы для выдающихся успѣховъ въ военномъ дѣлѣ. Власть надъ обѣими арміями хотя и была въ однѣхъ рукахъ, но маршалъ не вполнѣ пользовался полною мощью единаго начальника. Большимъ нравственнымъ преимуществомъ для союзныхъ армій являлось лучшее вооруженіе ихъ сравнительно съ нашими войсками, такъ какъ сознаніе этого вселяло, конечно, бо́льшую увѣренность въ себѣ и въ своихъ силахъ относительно противника.

Дѣйствительно, «у англичанъ всѣ полки, а у французовъ девять баталіоновъ были вооружены нарѣзными ружьями, да и остальные французскіе баталіоны, стрѣляя изъ гладкоствольныхъ ружей коническими пулями, имѣли преимущество надъ нашею пѣхотою. Даже въ турецкой дивизіи по одному баталіону въ каждомъ полку было вооружено штуцерами; слѣдовательно, четвертая часть всего числа людей состояла изъ хорошихъ стрѣлковъ» [1]).

Въ нашей же арміи только 6-й стрѣлковый и сводный морской баталіоны были вооружены штуцерами, въ остальныхъ же войскахъ штуцера имѣли только по 24 человѣка въ баталіонѣ, такъ что въ общемъ во всей арміи, собранной на р. Алмѣ, имѣлось штуцеровъ не болѣе 2,200 штукъ [2]).

Затѣмъ, не въ пользу союзниковъ было то, что они имѣли всего 1,250 человѣкъ кавалеріи, къ тому же утомленной морскимъ переѣздомъ, тогда какъ въ нашей арміи было на лицо 3,600 человѣкъ кавалеріи, этого рода оружія, способнаго при удачномъ употребленіи добиться бо́льшаго впечатлѣнія на нравственныя силы противника. Моральныя силы союзниковъ были, какъ мы видѣли, нѣсколько расшатаны бездѣятельностью въ Варнѣ и перенесенною тамъ холерною эпидеміею; къ тому же въ войскахъ не было увѣренности въ удачу предстоящихъ дѣйствій. Но нельзя не сказать, что эти невыгодные для союзниковъ симптомы должны были значительно сгладиться подъ вліяніемъ безпрепятственной и удачной высадки и полной пасивности во время ея съ нашей стороны.

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 10 и 11.

[2]) Тамъ же, стр. 10.

По другую сторону р. Алмы была сосредоточена наша армія, которая была вдвое слабѣе по числительности, но обладала надъ противникомъ тройнымъ превосходствомъ въ кавалеріи. Вооружена была значительно слабѣе противника. Состояла она, по общему мнѣнію, «изъ молодыхъ солдатъ, ни разу не бывшихъ въ огнѣ» [1]). Никакой связи между войсками и главнымъ ихъ начальникомъ не существовало. Къ тому же иниціатива была вполнѣ на сторонѣ противника.

Изъ этого краткаго вывода о состояніи обѣихъ враждующихъ армій со стороны нравственнаго элемента мы видимъ, что если въ періодъ до открытія военныхъ дѣйствій не было обращено должнаго вниманія на необходимое поднятіе и укрѣпленіе моральныхъ силъ въ нашей арміи, то съ открытіемъ военныхъ дѣйствій и, въ особенности, рѣшаясь на бой съ вдвое превосходящимъ числительною силою противникомъ, слѣдовало обратить самое серьезное вниманіе на подъемъ нравственнаго духа въ нашихъ войскахъ.

Форма этихъ мѣръ, какъ мы знаемъ, во многомъ зависитъ отъ характера и таланта начальника, но нельзя не сказать, что выясненные характеръ и свойство своихъ войскъ и противника, равно какъ всѣ данныя обстановки, указываютъ до нѣкоторой степени направленіе и характеръ этихъ мѣръ. Въ данномъ случаѣ, прежде всего, обстановка указывала на необходимость вселенія въ молодыя наши войска бо́льшей увѣренности. По обстоятельствамъ начавшейся борьбы, въ ряду этихъ мѣръ, казалось бы, слѣдовало въ особенности опереться на религіозное воздѣйствіе на войска, не только потому, что это были русскія войска, сильно воспріимчивыя вообще къ подобнаго рода мѣрамъ, но главнымъ образомъ потому, что самая война началась изъ-за религіозныхъ вопросовъ. Россія вступилась и обнажила мечъ для возстановленія попранныхъ правъ православной религіи въ Святыхъ мѣстахъ, да, кромѣ того, контингенты двухъ христіанскихъ державъ приняли участіе въ этой борьбѣ съ магометанскими властителями Палестины и не посовѣстились стать на защиту Турціи. Если прибавить къ этому, что первое непріязненное дѣйствіе со стороны союзниковъ на Черномъ морѣ—бомбардированіе Одессы — эти христіанскія націи не задумались произвести въ священный для каждаго христіанина день Великой Суботы, то понятнымъ станетъ, съ какою увѣренностью можно было разсчитывать на воспріимчивость войскъ къ мѣрамъ религіознаго характера. Затѣмъ на утвержденіе увѣренности въ этихъ молодыхъ войскахъ,

[1]) Тамъ же, стр. 10.

казалось бы, должна была оказать благотворное вліяніе энергичная дѣятельность въ дни, предшествовавшіе бою. Таковая дѣятельность передъ боемъ, конечно, когда она не переходитъ за предѣлы утомленія, имѣетъ потому большое нравственное значеніе, что оставляетъ на войска впечатлѣніе серьезной подготовки къ предстоящему бою и убѣждаетъ ихъ въ принятіи всѣхъ зависящихъ мѣръ для достиженія успѣха, т. е. вселяетъ полную увѣренность, которая такъ важна для подъема духа въ войскахъ. Конечно, всѣ извѣстныя мѣры для поддержанія передъ боемъ бодрости, энергіи, веселости и въ самомъ бою возбуждающія средства: энергичное обращеніе начальника къ войскамъ, музыка, пѣсни, знамена и т. д., должны бы были получить самое широкое развитіе при данномъ составѣ арміи.

Неопытность въ боевомъ отношеніи войскъ подсказывала настоятельную необходимость по возможности и самымъ тщательнымъ образомъ оградить ихъ отъ неожиданностей. Не будемъ утверждать, чтобы въ общемъ задача устранить случайности была легко достижима. Но въ данномъ случаѣ она значительно облегчалась полною возможностью заранѣе и самымъ подробнымъ образомъ изучить мѣстность, на которой должно было произойти столкновеніе, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что на нашей сторонѣ было бо̀льшее превосходство въ кавалеріи, вслѣдствіе чего выясненіе всѣхъ данныхъ о мѣстности и противникѣ какъ до боя, такъ и во время онаго, могло быть исполнено нами безъ особенной помѣхи со стороны непріятеля.

Та же самая неопытность арміи, не дававшая надежды на особую находчивость войскъ во время веденія боя, должна была натолкнуть на принятіе самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ тому, чтобы войскамъ были доподлинно и самымъ яснымъ образомъ извѣстны всѣ намѣренія, разсчеты, планы и предположенія главнаго начальника относительно предстоящаго боя, и притомъ, по возможности, заранѣе. Тогда бы войска могли изучить заранѣе ввѣренные ихъ оборонѣ участки, примѣниться ко всѣмъ особенностямъ мѣстности, оцѣнить взаимное положеніе относительно сосѣднихъ частей и ближайшихъ поддержекъ, и тѣмъ установить заранѣе обдуманный порядокъ въ своихъ дѣйствіяхъ, который выразился бы на дѣлѣ въ отсутствіи неизвѣстности, суетливости, нервности, замѣняя ихъ хладнокровіемъ и увѣренностью въ дѣйствіяхъ, столь сильно обезпечивающими подъемъ духа въ войскахъ, а слѣдовательно и шансы на полный успѣхъ.

Затѣмъ, конечно, нельзя было не предвидѣть, что недочеты въ вооруженіи относительно противника должны были оказать невыгодное моральное впечатлѣніе на наши войска. Дѣйствительно, противникъ могъ съ болѣе дальняго разстоянія своимъ огнемъ разстраивать нравственныя силы нашихъ войскъ, да еще при условіи, что послѣднія не въ состояніи были отвѣчать ему тѣмъ же, а должны были лишь пасивно выжидать приближенія его на близкое разстояніе. Имѣя въ виду такое положеніе, желательно было бы видѣть хотя какія нибудь мѣры для уменьшенія пагубнаго впечатлѣнія этого превосходства союзниковъ.

Не должно было тоже остаться не замѣченнымъ наше превосходство въ кавалеріи, этомъ родѣ оружія по преимуществу нравственныхъ впечатлѣній. Удачное и энергичное пользованіе этимъ нашимъ преимуществомъ дало бы возможность поставить союзникамъ лишнія препятствія при исполненіи ими наступленія и тѣмъ, можетъ быть, отчасти разстроить ихъ планъ, равно какъ хотя нѣсколько воспользоваться выгодами иниціативы.

Мы здѣсь упомянули лишь о тѣхъ мѣрахъ, которыя, такъ сказать, сами напрашивались при одномъ взглядѣ на положеніе обѣихъ армій при открытіи военныхъ дѣйствій.

Перейдемъ теперь къ выборкѣ эпизодовъ изъ сраженія на рѣкѣ Алмѣ, причемъ мы обратимъ вниманіе лишь на тѣ эпизоды, которые имѣли какое нибудь нравственное значеніе, или указываютъ на недостатокъ вниманія начальниковъ къ моральной сторонѣ дѣла. Разбора самого боя съ другихъ точекъ зрѣнія, равно какъ и подробнаго описанія его мы постараемся избѣжать, такъ какъ это не входитъ въ цѣль нашего изслѣдованія. Мы это тѣмъ болѣе считаемъ возможнымъ, что возгорѣвшаяся борьба за обладаніе Севастополемъ составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ нашей военной лѣтописи, въ смыслѣ особой рельефности доблести русскаго воина, и хорошо извѣстна каждому русскому.

Хотя высадка, какъ указано было выше, и застала князя Меншикова врасплохъ, но рѣшеніе принять бой на алмской позиціи не было для него сюрпризомъ; мы видѣли, что онъ давно смотрѣлъ на эту позицію какъ на мѣсто будущаго перваго столкновенія съ противникомъ. Благодаря этому, еще съ 17-го августа на этой позиціи находились восемь баталіоновъ 16-й дивизіи, а со 2-го сентября, т. е. за недѣлю до сраженія на ней, было сосредоточено уже 24 баталіона [1]). Но такое заблаговременное сосредоточеніе бо́льшей части

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 33 и 34.

арміи на мѣстѣ будущаго боя не принесло никакой пользы ни войскамъ, ни дѣлу подготовки будущаго сраженія. Войска ничего не дѣлали и не было принято никакихъ мѣръ, чтобы вывести войска изъ бездѣятельности и праздности. Напротивъ, «шесть дней, пишетъ участникъ, съ 1-го по 6-е сентября, нашъ лагерь предавался совершенной праздности: никто не былъ занятъ; войска не видали главнокомандующаго. Только начальникъ 17-й пѣхотной дивизіи (генералъ Кирьяковъ) ежедневно былъ посылаемъ княземъ Меншиковымъ осматривать правый флангъ позиціи и мѣстность выше оной» [1]).

Насколько дѣятельность войскъ поднимаетъ въ нихъ бодрость духа и связанную съ нею увѣренность въ своихъ силахъ, настолько, какъ мы знаемъ, бездѣятельность развиваетъ вялость. Но если принять во вниманіе, что какъ разъ въ это время, съ 1-го по 6-е сентября, противникъ производилъ трудную операцію высадки съ флота своей многочисленной арміи почти на глазахъ нашихъ войскъ, то нельзя не придти къ заключенію, что эта праздность и пасивность могла только понизить нравственный духъ въ нашихъ войскахъ.

Мы не видимъ, равнымъ образомъ, проявленія энергіи и дѣятельности со стороны высшаго начальства нашей арміи; достаточно указать хотя на то, что заранѣе предвидѣнная и выбранная позиція не была даже имъ осмотрѣна. Про осмотръ алминской позиціи мы имѣемъ свидѣтельство, что онъ былъ порученъ генеральнаго штаба подполковнику Залѣсскому, «который увѣрилъ князя, что въ возведеніи предлагаемыхъ укрѣпленій (на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи) нѣтъ ни малѣйшей нужды, по естественной неприступности этой позиціи» [2]).

Это мнѣніе о полной недоступности для непріятеля нашего лѣваго фланга не было провѣрено ни самимъ княземъ Меншиковымъ, ни кѣмъ либо другимъ изъ болѣе компетентныхъ и старшихъ лицъ въ арміи, несмотря на то, что «... въ Севастополѣ всѣмъ было извѣстно, что дорога изъ селенія Алма-Тамакъ на лѣвый берегъ р. Алмы, къ селенію Аджи-Булатъ, хотя и имѣла видъ тропинки, но движеніе по ней было возможно не только для пѣхоты, но, съ помощью людей, и для артилеріи. По этой дорогѣ татары постоянно

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 94 и 95.

[2]) «Четыре войны», П. Алабина, ч. III, стр. 7.

возили въ Севастополь сѣно, арбузы и другіе громоздскіе продукты земледѣльческой промышленности» [1]).

Но и этого мало; оказывается, что были лица, которыя указывали князю Меншикову на ошибочность его убѣжденія въ недоступности лѣваго фланга:

«Бывшіе въ Алминскомъ сраженіи утверждаютъ, будто бы генеральнаго штаба капитанъ Жолобовъ—офицеръ, подававшій большія надежды, мужественный и съ блестящими военными способностями (убитъ въ этомъ дѣлѣ), убѣждалъ князя Меншикова укрѣпить нашъ лѣвый флангъ, но князь его не послушалъ, потому собственно, что названный офицеръ былъ слишкомъ молодъ и слѣдовательно не годился въ совѣтники. Впрочемъ, другіе утверждаютъ, что такой же совѣтъ подалъ князю Меншикову и командовавшій 6-мъ корпусомъ, князь П. Д. Горчаковъ, но свѣтлѣйшій не послушалъ и его...» [2]).

«Когда начальникъ артилеріи войскъ, расположенныхъ на позиціи, генералъ-маіоръ Кишинскій, лично разставлявшій на мѣстѣ большую часть батарей, замѣтилъ генералу Кирьякову, въ присутствіи князя Меншикова, что непріятель не только можетъ взойти, но и ввезетъ свою артилерію на высоты нашего лѣваго фланга, то свѣтлѣйшій отвернулся и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ прочь» [3]).

Мы не говоримъ, конечно, что князь Меншиковъ долженъ былъ послѣдовать тому или другому совѣту и утвержденію, но не можемъ не сказать, что непровѣрка лично столь важнаго вопроса о доступности или недоступности лѣваго фланга, въ виду столькихъ свидѣтельствъ о неправильности доклада подполковника Залѣсскаго, доказывала отсутствіе энергіи и дѣятельности передъ боемъ главнаго начальника.

Вслѣдствіе этого, нашъ лѣвый флангъ, т. е. нижнее теченіе р. Алмы, оставленъ былъ даже совсѣмъ безъ наблюденія, такъ какъ выставленіе одного баталіона къ д. Аклесъ мы считаемъ за мѣру наблюденія за доступами съ моря въ тылъ нашей позиціи, а не за участкомъ лѣваго фланга нашей позиціи. Это вполнѣ подтверждается тѣмъ, что расположеніе баталіона было больше, чѣмъ въ верстѣ отъ долины р. Алмы, было отдѣлено отъ нея гребнемъ возвышенностей, и баталіонъ этотъ имѣлъ наблюдательные посты къ сторонѣ моря, а не къ рѣкѣ, такъ что появленіе на нашемъ берегу Алмы непрія-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 95.
[2]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 7.
[3]) Н. Дубровинъ, стр. 95.

тельскихъ передовыхъ войскъ было замѣчено только тогда, когда они открыли огонь во фланг и въ тылъ баталіону [1]).

Результатомъ всего этого явилось то, что преднамѣренное сраженіе на р. Алмѣ началось для обороняющагося появленіемъ у него на флангѣ цѣлой дивизіи противника съ артилеріею, взошедшею безпрепятственно и неожиданно для войскъ на такомъ пунктѣ, который и войска, и начальники считали вполнѣ обезпеченнымъ отъ покушеній непріятеля, по полной его недоступности.

Все сказанное невольно наводитъ на заключеніе, что высшее начальство арміи не только не приняло никакихъ мѣръ, чтобы уберечь молодыя войска отъ неожиданностей, но своею малою энергіею и бездѣятельностью какъ бы подготовило само возможность самой крупной и неблагопріятной случайности. Говоря о впечатлѣніи, которое должна была произвести эта случайность, нельзя не согласиться со слѣдующимъ заключеніемъ: «Неожиданное появленіе Боске на лѣвомъ нашемъ флангѣ, считавшемся обезпеченнымъ, окончательно поколебало наше довѣріе къ самимъ себѣ...» [2]).

Столь же малое вниманіе къ моральнымъ силамъ войскъ мы видимъ и въ томъ, что позиція не была укрѣплена. Какъ извѣстно, на всей алмской позиціи было построено всего два укрѣпленія: въ центрѣ позиціи, близъ большой дороги, былъ построенъ эполементъ на одну батарею и на правомъ флангѣ таковая же постройка еще на одну батарею. Вотъ все, что было сдѣлано для фортификаціоннаго усиленія нашей позиціи, между тѣмъ какъ времени и средствъ для полной подготовки позиціи въ этомъ отношеніи было болѣе, чѣмъ достаточно, такъ какъ: «съ 3-го сентября на позиціи было сосредоточено до 30-ти баталіоновъ, такъ что безъ особаго обремененія можно было высылать ежедневно на работу до 10,000 человѣкъ и въ пять дней окончить довольно значительныя работы, но объ этомъ никто не думалъ» [3]). Прибавимъ еще, что тутъ же находилась и часть сапернаго баталіона.

Мы не будемъ перечислять всѣ тѣ тактическія выгоды, которыя могли быть результатомъ должной подготовки и укрѣпленія позиціи саперными работами, но обратимъ вниманіе читателя на то, что наши неопытныя войска пріобрѣли бы много увѣренности и хладнокровія, если бы были расположены въ укрѣпленіяхъ. Да, кромѣ того,

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. II, стр. 82 и 83.

[2]) «Записки князя В. И. Васильчикова». «Русскій Архивъ» 1891 г. № 6-й, стр. 179.

[3]) Н. Дубровинъ, стр. 94.

подобное расположеніе войскъ на много бы уменьшило вредное вліяніе на наши войска превосходства непріятеля въ вооруженіи. Все это могло только поднять нравственный духъ нашихъ войскъ и повело бы къ тому, что съ ихъ стороны явилось бы больше настойчивости и упорства въ веденіи боя на ввѣренныхъ имъ участкахъ позиціи.

Къ такому заключенію нельзя не придти, зная, какой ожесточенный и упорный бой вели съ союзниками Владимірскій и Казанскій полки за обладаніе центральною нашею батареей, и сколькихъ усилій и потерь потребовалось отъ англійскихъ войскъ для окончательнаго овладѣнія однимъ этимъ укрѣпленіемъ.

Покончивъ съ вопросами о предварительной подготовкѣ избранной для боя позиціи, обратимся теперь къ мѣрамъ, касающимся подготовки самаго боя. Прежде всего мы наталкиваемся на слѣдующія свидѣтельства:

«До сихъ поръ никому еще не удавалось видѣть диспозиціи или другого какого письменнаго распоряженія передъ сраженіемъ на рѣкѣ Алмѣ. Въ арміи царствовала полнѣйшая безурядица и князь Меншиковъ не принималъ въ ней лично никакого участія» [1]), «...а, осматривая позицію, говоритъ участникъ, никому и ничего не сообщалъ изъ своихъ замѣчаній, какъ будто сознаваясь, что принятое имъ на себя дѣло ему не по силамъ и невольно заставлялъ думать другихъ, что не хочетъ принять сраженіе».

Въ разборахъ Алминскаго сраженія одною изъ причинъ неудачи его выставляется: «отсутствіе взаимной связи въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ». Разбирая подробно эту причину, одинъ изъ историковъ говоритъ:

«Эта послѣдняя причина, по нашему мнѣнію, главнѣйшимъ образомъ, происходитъ отъ отсутствія всякихъ предварительныхъ распоряженій, отчего не только войска, но и главные начальники оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно предстоящихъ дѣйствій. Никто не зналъ, что̀ предпринять, въ случаѣ успѣха, и куда отступать, въ случаѣ неудачи; полки не знали, гдѣ ихъ патронные ящики и лазаретныя фуры. Перевязочные пункты не были назначены и госпитальная часть находилась въ полномъ разстройствѣ. Неточность и неопредѣленность распоряженій, предшествовавшихъ сраженію, были поводомъ къ тому, что князь Горчаковъ и генералъ Кирьяковъ не согласовали между собой дѣйствій: одинъ не зналъ,

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 90 и 91.

что дѣлается у другого, и наоборотъ. Назначая князя Горчакова начальникомъ центра и праваго фланга, а Кирьякова — лѣваго крыла, князь Меншиковъ не разграничилъ ихъ точнымъ образомъ, такъ что оба эти генерала, спустя два года послѣ сраженія, спорили о томъ, подъ чьимъ начальствомъ находился Бородинскій полкъ; ни тотъ, ни другой не признавалъ его входящимъ въ составъ подчиненныхъ ему войскъ, но и не могъ доказать справедливость своихъ доводовъ по неимѣнію письменныхъ документовъ» [1]).

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ видно, что въ арміи передъ боемъ царствовалъ полный безпорядокъ, и ни войска, ни ближайшіе ихъ начальники, даже до такой крупной инстанціи, какъ командующій корпусомъ, не знали даже цѣли предстоящаго боя. Имъ не было выяснено, принимался-ли бой для окончательнаго задержанія противника, или желали только дать болѣе или менѣе чувствительный отпоръ, съ тѣмъ, чтобы, не упорствуя въ удержаніи за собой этой позиціи, отступить своевременно на ближайшую, изъ позади лежащихъ, для дальнѣйшаго замедленія наступленія союзниковъ.

Подобная обстановка исключила возможность сознательныхъ дѣйствій, а слѣдовательно, не могла усилить въ войскахъ хладнокровіе и увѣренность въ себѣ.

Мы видѣли, что князя Меншикова войска въ теченіи шести дней передъ боемъ совсѣмъ не видѣли, да и въ день боя встрѣча его съ войсками была какъ бы случайная; между прочимъ, одинъ изъ состоявшихъ при немъ во время боя офицеровъ, разсказывая, какъ онъ, послѣ замѣченнаго движенія французовъ къ нашему лѣвому флангу, самъ направляется туда между 10-ю и 11-ю часами утра, пишетъ: «На пути онъ привѣтствуетъ войска, стоявшія между центромъ и лѣвымъ флангомъ, и говоритъ имъ, что наступилъ день, когда они должны показать себя истинными русскими молодцами» [2]).

Такимъ образомъ, изъ всей арміи удостоились видѣть своего главнаго начальника передъ предстоящимъ первымъ боемъ много одинъ, два полка, попавшіеся ему по дорогѣ, должно быть Московскій и Тарутинскій, стоявшіе близъ указаннаго направленія. Да и то еще неизвѣстно, каковы были на этотъ разъ тонъ и манера князя, такъ какъ обыкновенно: «объѣзжая войска, онъ дѣлалъ это не-хотя, какъ бы вскользь...» [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 90.

[2]) Рукописи, т. I, стр. 209 и 210.

[3]) Н. Дубровинъ, стр. 91.

Такому примѣру главнаго начальника, повидимому, слѣдовали и слѣдующіе высшіе начальники въ арміи. По крайней мѣрѣ, ни въ однѣхъ запискахъ и воспоминаніяхъ объ Алминскомъ сраженіи, просмотрѣнныхъ нами, мы не встрѣчали описаній объѣздовъ начальниками своихъ войскъ, съ цѣлью ободренія ихъ и подготовки къ предстоящему бою. Но попалась намъ слѣдующая запись солдатскихъ поясненій про Алминскій бой:

«Встали мы, сударь ты мой, на позиціи спозаранку, помолились Богу и стоимъ. Какъ поставили, такъ выходитъ и стоимъ. А кто поставилъ, значитъ, мало смыслимъ; и вышло такъ: спереди дуютъ—это ничего, и сбоку дуютъ, флота ихняя—и это полгоря; а и сзади дуютъ, опять-таки флота; ну намъ старикамъ и это не Богъ вѣсть что, а молодежь-то сейчасъ—измѣна! Ну и неладно. А тутъ никто тебѣ и добраго слова не скажетъ, не то что: «здорово ребята! поработайте молъ!» или прочее, а все межь собой больше по нѣмецкому» [1]).

Интересна тоже слѣдующая выписка: «Въ это время появился между нами какой-то неизвѣстный старый генералъ, пѣшкомъ, на коемъ длинная шинель во многихъ мѣстахъ была прострѣлена, началъ онъ приводить кучи солдатъ въ порядокъ, и водить ихъ лично въ атаку. Это былъ, какъ оказалось потомъ, генералъ-отъ-инфантеріи князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, впослѣдствіи за этотъ подвигъ сдѣланный шефомъ Владимірскаго полка» [2]).

И это пишетъ не какой-нибудь рядовой, а офицеръ, бывшій въ то время полковымъ адъютантомъ Владимірскаго полка, входившаго какъ въ составъ 16-й дивизіи, а слѣдовательно и 6-го корпуса, такъ и въ составъ войскъ праваго фланга на Алминской позиціи. А мы знаемъ, что и тѣмъ и другимъ командовалъ князь Горчаковъ. Просто трудно повѣрить въ столь полное отсутствіе связи между начальникомъ и подчиненными ему войсками.

Такимъ образомъ, войска были предоставлены самимъ себѣ и сами себя, въ отдѣльности, по полкамъ и баталіонамъ приготовляли къ бою. Во Владимірскомъ полку «отслужили молебенъ. Послѣ ранняго и скораго обѣда солдаты начали приводить въ порядокъ оружіе и амуницію. Всѣ почти надѣвали чистое бѣлье. Безъ шума и безъ обычной солдатской суеты совершалось это послѣднее для многихъ изъ нихъ приготовленіе» [3]).

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. III, стр. 71.

[2]) Рукописи, т. I, стр. 58.

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 201 и 202.

Въ хроникѣ другаго полка читаемъ: «Непріятель приближался. Полковые священники служили въ баталіонахъ молебны; горячо молились солдаты; многіе изъ офицеровъ становились на колѣни» [1]).

«Въ войскахъ нашихъ начались молебствія по полкамъ и священники обошли баталіоны съ крестомъ и святою водою» [2]).

Во всѣхъ этихъ выпискахъ нѣтъ даже намека на какое-нибудь участіе въ подобныхъ приготовленіяхъ высшихъ войсковыхъ начальниковъ. Мы видѣли выше, что передъ боемъ не было никакой диспозиціи или письменнаго приказанія, да и на словесныя приказанія и разъясненія главный начальникъ былъ такъ скупъ, что даже крупные начальники частей совершенно не знали его плановъ и намѣреній относительно предстоящаго боя. Спрашивается, какимъ же образомъ и по чьимъ указаніямъ войска заняли позицію? На это приведемъ слѣдующій отвѣтъ:

«Получившій отъ князя Меншикова приказаніе приготовить позицію и расположить на ней войска, подполковникъ Залѣсскій переводилъ ихъ съ мѣста на мѣсто, и кончилъ тѣмъ, что спустилъ ихъ внизъ къ рѣкѣ. Обѣ боевыя линіи были сведены съ гребня высотъ и расположены на покатости или у подошвы горъ, и такъ стѣснены, что между первою и второю линіями было не болѣе 150 шаговъ; стрѣлковую же цѣпь можно было разсыпать только въ 50-ти шагахъ впереди баталіоновъ первой линіи. Двѣ роты стрѣлковаго баталіона, высланныя въ цѣпь передъ Бородинскимъ полкомъ, были выдвинуты отъ него впередъ только на 10 шаговъ. Вмѣсто того, чтобы, расположившись на возвышеніи, имѣть возможность поражать противника сверху и сбросить его обратно къ рѣкѣ, если бы онъ атаковалъ насъ, распорядители находили, что лучше поставить обѣ боевыя линіи такъ, чтобы онѣ не думали объ отраженіи непріятеля, а заботились о собственномъ отступленіи».

Такъ оно и было въ дѣйствительности. Сближенныя дистанціи между линіями, утесистый въ тылу берегъ рѣки Алмы, съ котораго резервы наши не могли свободно спускаться, точно также, какъ и части боевыхъ линій на него подыматься, привели къ тому, что непріятель, съ первыхъ выстрѣловъ, сталъ наносить нашимъ войскамъ, стоявшимъ совершенно открытыми у подошвы горъ, такое пораженіе, что поставилъ ихъ въ необходимость помышлять о скорѣйшемъ подъемѣ наверхъ, а не объ отпорѣ. Такая несообразность

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. IV, стр. 143.

[2]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 166.

въ размѣщеніи войскъ была очевидна для многихъ, но никто не въ силахъ былъ отвратить ее. Ближайшіе помощники командующаго войсками, генералы, князь П. Д. Горчаковъ, Кирьяковъ, Квицинскій и Кишинскій, были устранены отъ этого дѣла. Князь Меншиковъ распоряжался черезъ своихъ приближенныхъ, молодыхъ офицеровъ, и довелъ дѣло до того, что во время боя нѣкоторые изъ его адъютантовъ вмѣшивались всюду и дозволяли себѣ выходки, недопускаемыя въ благоустроенной арміи.

Отсутствіе общаго распорядителя вело къ произволу, среди котораго каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію: одни отступали, когда другіе наступали. Такъ, раннее отступленіе войскъ, стоявшихъ лѣвѣе севастопольской дороги, дозволило дивизіямъ Канробера и принца Наполеона почти безъ всякихъ затрудненій переправиться на нашъ берегъ Алмы» [1]).

Изъ сказаннаго видно прежде всего, что самъ командующій войсками своимъ образомъ дѣйствій разстраивалъ основную связь между войсками и ближайшими ихъ начальниками. Вѣдь не могли же не видѣть войска, что ихъ начальники устраняются отъ руководства ими и что ими распоряжаются постороннія личности. Этимъ не могла не подрываться въ войскахъ увѣренность въ своихъ начальниковъ передъ самымъ боемъ, да еще такимъ, который по обстановкѣ своей требовалъ высшаго уровня нравственнаго духа въ войскахъ. Откуда же ему было взяться, когда начальники дискредитировались, а слѣдовательно, шансы на то, что они въ состояніи будутъ вызвать въ своихъ войскахъ полное развитіе моральныхъ силъ только уменьшались манерой командованія главнаго начальника. Затѣмъ, обратимъ еще вниманіе на то рискованное, съ нравственной точки зрѣнія, испытаніе, которое было поставлено молодымъ и неопытнымъ войскамъ въ этомъ сраженіи. Многіе полки свое участіе въ этомъ первомъ бою должны были начать съ отступленія! А для нѣкоторыхъ изъ нихъ впечатлѣніе этого мрачнаго начала усиливалось еще тѣмъ, что они «... принуждены были побрасать свои ранцы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли, чтобы только скорѣе подняться на гору» [2]).

Понятно, послѣ этого, что войска эти, начавъ бой столь невыгоднымъ для себя образомъ, затѣмъ уже не выказали должнаго упорства въ дальнѣйшемъ сопротивленіи непріятелю, и перешли,

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 91 и 92.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 93.

какъ свидѣтельствуетъ ихъ начальникъ, «...незамѣтнымъ образомъ, какъ для войскъ, такъ и для частныхъ начальниковъ...» [1]), къ окончательному отступленію, «...о которомъ опредѣлительно никто не приказывалъ» [2]).

Мы уже говорили, что неустройствомъ искусственныхъ закрытій для войскъ на позиціи обрисовывалось, между прочимъ, невниманіе къ мѣрамъ къ уменьшенію нравственнаго впечатлѣнія на наши войска лучшаго вооруженія противника. Нижеслѣдующіе подчеркнетъ еще болѣе это невниманіе. Мы имѣли, какъ сказано было выше, въ своемъ распоряженіи около 2,200 человѣкъ вооруженныхъ столь же хорошими штуцерами, какъ и противникъ, и, казалось бы, привлеченіе всѣхъ этихъ людей въ передовую цѣпь могло до нѣкоторой степени уравновѣсить первыя впечатлѣнія боя на обѣ стороны. Тогда, по крайней мѣрѣ, при первомъ сближеніи сторонъ не было бы столь пагубныхъ явленій, что противникъ изъ своей цѣпи совершенно безнаказано открывалъ огонь съ разстоянія 1,200 шаговъ, тогда какъ противъ него стоящая наша цѣпь должна была безропотно выжидать, подъ его сильнымъ огнемъ, сближенія на 300 шаговъ—дистанція вѣрнаго выстрѣла изъ нашихъ гладкоствольныхъ ружей. Но такъ какъ штуцерники были оставлены въ своихъ ротахъ, то въ бою приняли участіе только штуцерные 6-го стрѣлковаго и своднаго морскаго баталіоновъ и тѣ изъ полковыхъ, роты которыхъ оказались разсыпанными въ цѣпь. Благодаря этому, по разсчету г. Богдановича, изъ имѣвшихся 2,200 отличныхъ стрѣлковъ, 700 человѣкъ не выпустили въ бою ни одной пули [3]). Но и эти двѣ трети дѣйствовавшихъ въ бою штуцерниковъ были поставлены царствовавшимъ въ арміи безпорядкомъ въ довольно критическое положеніе:

«Бывшія на лѣвомъ берегу Алмы въ цѣпи двѣ роты 6-го стрѣлковаго баталіона могли бы нанести вредъ дивизіи Канробера при переходѣ ея черезъ рѣку, но, не имѣя патроновъ и не будучи въ состояніи отыскать своихъ патронныхъ ящиковъ, находившихся гдѣ-то за правымъ флангомъ, они отступили, когда войска Канробера только что начинали подниматься на плато» [4]).

Расположеніе войскъ на позиціи было принято, какъ будто нарочно, такое, которое могло только усилить невыгодное впечатлѣ-

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. II, стр. 434.
[2]) Тамъ же, стр. 434.
[3]) М. Богдановичъ, т III, стр. 10.
[4]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 180.

ніе на наши войска превосходства непріятеля въ вооруженіи: «...наши стрѣлки оставались совершенно открытыми, тогда какъ непріятельскіе были скрыты въ садахъ и виноградникахъ» [1]).

«Войска наши стояли на склонѣ, обращенномъ къ непріятелю, такъ что съ самаго начала перестрѣлки пули англійской пѣхоты, зуавовъ и стрѣлковъ стали бить въ самые резервы.

Легко представить себѣ, каково должно быть впечатлѣніе, произведенное такимъ неожиданнымъ явленіемъ на войска, отъ роду не бывавшія въ огнѣ, но предупрежденныя народною молвою о превосходствѣ непріятельскаго вооруженія» [2]).

Но и во время самаго боя мы не видимъ въ распоряженіяхъ нашихъ начальниковъ той энергіи и хладнокровія, которыя даютъ возможность войскамъ обратить случайности боя въ свою пользу и своевременно вырвать изъ рукъ противника захваченную имъ инициативу.

Обратимся сначала къ дѣйствіямъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ: «8-го сентября, около 6-ти часовъ утра, генералъ Боске со своею дивизіею двинулся вдоль морскаго берега; за нимъ слѣдовала въ резервѣ турецкая дивизія. Подойдя къ Алмѣ и видя, что англичане еще не были готовы къ совокупному дѣйствію съ французами, Боске со своимъ штабомъ выѣхалъ впередъ, чтобы осмотрѣть доступы къ рѣкѣ, и замѣтилъ, что можно было взобраться на утесистый лѣвый берегъ ея, хотя и съ большимъ трудомъ, по двумъ доступамъ: одинъ изъ нихъ, еще прежде усмотрѣнный съ моря, находился близъ устья Алмы, гдѣ, по образовавшейся отъ прибоя воды узкой полосѣ наноснаго песку, можно было пройти только въ одинъ рядъ, а другой—около версты выше перваго. Переправясь черезъ рѣку, надлежало подняться на почти отвѣсный берегъ, вышиною въ 150 футовъ. Очевидно, что, при малѣйшемъ сопротивленіи нашихъ войскъ, высоты нижней Алмы были неприступны; но генералъ Боске не открылъ даже ни одного русскаго разъѣзда и, несмотря на то, войска его, офицеры и солдаты, сомнительно посматривали на подмытыя теченіемъ рѣки крутыя скалы, не надѣясь взобраться на нихъ. Между тѣмъ, англійскія войска, которыя, на основаніи диспозиціи, должны были выступить съ биваковъ въ $6^1/_2$ часовъ, простояли на мѣстѣ до 9-ти часовъ... Французы, въ ожиданіи содѣйствія своихъ союзниковъ, были принуждены останавливаться нѣсколько разъ, и

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 93 и 94.

[2]) «Записки князя В. И. Васильчикова». «Русск. Арх.» 1891 г., № 6-й, стр. 179.

даже дивизія Боске успѣла изготовить кофе, и, подойдя къ устью Алмы, оставалась на мѣстѣ почти до полудня. Не взирая на то, что появленіе значительныхъ силъ на этомъ пунктѣ, очевидно, обнаруживало намѣреніе союзниковъ—обойти позицію на Алмѣ съ лѣваго фланга, съ нашей стороны не было принято никакихъ мѣръ для противодѣйствія обходу, и наши войска оставались неподвижно на занятой ими позиціи» [1]).

Какія же въ дѣйствительности приняты были съ нашей стороны мѣры для отпора этому обходному движенію и было-ли оно заблаговременно извѣстно командующему войсками, видно изъ слѣдующаго:

«Совершенно ясно помню солнечное, прекрасное, тихое утро 8-го сентября; всѣ подымаются въ нашемъ лагерѣ очень рано; князь разсматриваетъ позицію непріятеля и часовъ около 7-ми или 8-ми приказываетъ мнѣ отправиться на лѣвый флангъ и передать генералу **, что противъ него спустились у самаго устья Алмы семь или восемь баталіоновъ французовъ, и чтобы онъ былъ очень остороженъ. Генералъ отвѣчаетъ, что онъ это видитъ, но не боится ихъ.

«Я отправился обратно и передалъ этотъ отвѣтъ князю. Около получаса спустя по возвращеніи моемъ къ князю, послышались на лѣвомъ флангѣ крики «ура»; вѣроятно, генералъ ** ободрялъ солдатъ. Вслѣдъ затѣмъ князь, весьма заботливо смотрѣвшій на устье рѣчки противъ нашего лѣваго фланга и всегда не довѣрявшій громкимъ возгласамъ, сѣлъ на лошадь (между 10-ю и 11-ю часами) и отправился туда самъ» [2]).

Князь Меншиковъ прибылъ на лѣвый флангъ тогда уже, «когда непріятель въ разсыпную взбирался на высоты» [3]), и оттуда только послалъ приказаніе спѣшить на подкрѣпленіе артилеріи Московскому и Минскому полкамъ. Такимъ образомъ, «... для подкрѣпленія лѣваго фланга были отправлены три баталіона Минскаго полка изъ резерва, тогда какъ ближайшій къ лѣвому флангу Тарутинскій полкъ оставленъ на мѣстѣ. Поспѣй онъ во-время на помощь, намъ, можетъ быть, удалось бы сбросить колонны Боске съ высотъ и дать иной оборотъ дѣлу, тѣмъ болѣе, что мѣстность благопріятствовала оборонѣ» [4]). Благодаря этому, передовыя войска Боске никѣмъ не были встрѣчены при подъемѣ на гору и, напротивъ, сами неожиданно открыли огонь во флангъ и въ тылъ Минскому бата-

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 14 и 15.
[2]) Рукописи, т. I, стр. 209.
[3]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 17.
[4]) Н. Дубровинъ, стр. 93.

ліону, наблюдавшему за подъемомъ съ моря по долинѣ Улюколъ, такъ что:

«Прибывшій, по распоряженію главнокомандующаго, въ помощь Минскому баталіону, 4-й баталіонъ Московскаго полка, съ 4-й и 5-й легкими батареями 17-й артилерійской бригады, способствовалъ подполковнику Раковичу не только отступить въ порядкѣ, но и удержаться на позиціи у Орта-Кисекъ. Но въ то время, когда подходилъ туда Московскій баталіонъ, его встрѣтили всѣ пять баталіоновъ бригады д'Отмара, за которыми уже начала всходить на высоты бригада Буа. Когда же князь Меншиковъ направилъ на лѣвый флангъ остальные баталіоны Минскаго полка, они встрѣтились съ десятью баталіонами дивизіи Боске» [1]).

Такимъ образомъ, несмотря на то, что почти за пять часовъ у насъ знали о готовящемся обходѣ французами нашего лѣваго фланга, обходъ этотъ засталъ наши войска неготовыми къ отпору, и, несмотря на личное присутствіе здѣсь въ самомъ горячемъ бою самаго командующаго войсками, «... судьба сраженія уже была рѣшена прежде, нежели бой завязался въ центрѣ и на правомъ флангѣ» [2]).

Между тѣмъ, на правомъ флангѣ, какъ извѣстно, завязался дѣйствительно упорный бой. Владимірскій и Казанскій полки, подъ ближайшимъ руководствомъ генераловъ князя Горчакова и Квицинскаго (начальника 16-й пѣхотной дивизіи), молодецки отстаивали переходъ черезъ Алму и эполементъ, отбивая съ успѣхомъ покушенія двухъ англійскихъ дивизій, Броуна и Леси-Эванса. Даже и тогда, когда лордомъ Раглаиомъ были двинуты на помощь этимъ дивизіямъ, подъ начальствомъ герцога Кембриджскаго, «отборные полки: гвардейскіе гренадеры, шотландскіе фузилеры и Cold-Straem» [3]); владимірцы, одушевленные примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ—генераловъ князя Горчакова и Квицинскаго, съ такимъ азартомъ снова бросились въ штыки, что «пораженные ужасомъ англійскіе баталіоны, стоявшіе въ первой линіи, бросились назадъ къ мосту...» [4]).

Но и эти оба доблестные начальника, выказавъ столько умѣнья въ поднятіи моральныхъ силъ ввѣренныхъ имъ войскъ и вызвавъ въ нихъ полную энергію и иниціативу въ дѣлѣ отстаиванія пози-

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 18.
[2]) Тамъ же, стр. 19.
[3]) Тамъ же, стр. 26.
[4]) Тамъ же, стр. 26.

ціи, не обнаружили того хладнокровія, которое столь необходимо для начальниковъ крупныхъ частей. Они, повидимому, увлеклись боемъ въ рядахъ славныхъ двухъ полковъ 16-й дивизіи и забыли про существованіе другихъ двухъ полковъ, которые могли на много облегчить и даже измѣнить бой, если бы были своевременно употреблены въ дѣло. Забыли они, повидимому, что личность начальника можетъ служить послѣднимъ, не не должна быть первымъ резервомъ ввѣренныхъ ему войскъ. Дѣйствительно, только отсутствіемъ хладнокровія и увлеченіемъ боемъ можно объяснить описанныя дѣйствія этихъ начальниковъ, такъ какъ сами они впослѣдствіи свидѣтельствовали:

«Продолжать наступленіе съ Владимірскимъ полкомъ я не рѣшился, не имѣя близко резерва, на который, въ случаѣ неудачи, могъ бы опереться» [1]), пишетъ генералъ Квицинскій.

«Я душевно сожалѣю, что, вѣроятно, рана помѣшала генералу Квицинскому послать за подкрѣпленіемъ, которое, по моему распоряженію, стояло за противоположнымъ скатомъ, въ 200 саженяхъ разстоянія отъ мѣста, гдѣ происходилъ бой» [2]), замѣчаетъ князь Горчаковъ. Прибавимъ отъ себя въ поясненіе, что это подкрѣпленіе состояло изъ цѣлаго Углицкаго полка, не принимавшаго участія въ дѣлѣ.

Нельзя тоже признать общее руководство боемъ энергичнымъ по тому факту, что четыре полка нашей кавалеріи все время боя простояли въ полной бездѣятельности и не приняли въ немъ никакого участія, при условіи тройнаго превосходства надъ противникомъ въ этомъ родѣ оружія. Не дѣлая никакихъ иллюзій въ предположеніи о дѣятельности этой кавалеріи, скажемъ просто, что одно угроженіе съ ея стороны лѣвому, открытому флангу англійскихъ войскъ могло нарушить значительно связь въ наступленіи союзниковъ, которая и безъ того, какъ мы видѣли, была нарушена опозданіемъ и медленностью дѣйствій англичанъ.

Но не одна кавалерія не приняла дѣятельнаго участія въ сраженіи: «... многіе полки не были введены въ дѣло. Таковы были полки: Тарутинскій, Суздальскій, Углицкій, Волынскій, вся кавалерія и двѣ батареи 14-й артилерійской бригады. Какъ будто всѣми забытыя, войска эти все время сраженія простояли на мѣстахъ и, не принимая участія въ дѣйствіяхъ, все-таки понесли потери уби-

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. II, стр. 424.

[2]) Тамъ же, стр. 430.

тыми и ранеными». «Въ нашъ баталіонъ (Тарутинскаго полка), пишетъ участникъ, ни разу не привозили приказанія отступать и даже вовсе не было никакихъ приказаній съ самаго начала боя» [1]).

Скажемъ еще, что, несмотря на бывшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позиціи весьма упорный бой, мы не видимъ примѣненія на дѣлѣ самыхъ элементарныхъ и общеизвѣстныхъ пріемовъ для возбужденія боеваго азарта въ войскахъ. Напротивъ, мы видимъ полное забвеніе этихъ пріемовъ. Такъ, во Владимірскомъ полку, который велъ столь упорный бой, что даже начальникъ дивизіи и командующій корпусомъ сами водили въ штыки его славные баталіоны—«знамена же наши были въ чехлахъ...» [2]). Другой же участникъ боя свидѣтельствуетъ, «что только при одномъ этомъ полку... была полковая музыка» [3]). Нельзя даже допустить, что князь Меншиковъ не зналъ нравственнаго значенія и вліянія музыки, такъ какъ самъ онъ этою музыкою воспользовался съ тою же цѣлью. «Отступленіе было исполнено безъ всякой суеты, въ совершенномъ порядкѣ; только одинъ изъ полковъ, по недоразумѣнію, пустился было бѣглымъ шагомъ, но тотчасъ остановился, какъ только настигшій его князь Меншиковъ приказалъ остановить полкъ и продолжать отступленіе съ музыкою» [4]).

Мы нисколько не сомнѣваемся, что всѣ части наши, отступавшія послѣ проиграннаго боя, сохранили достаточно моральныхъ силъ и были очень далеки отъ состоянія войскъ, нравственно расшатанныхъ; прямымъ доказательствомъ чему служитъ то, что противникъ, по занятіи нашей позиціи, встрѣтивъ въ тылу ея готовый къ отпору аріергардъ изъ одного полка съ тремя батареями и кавалеріею, не пытался даже начать преслѣдованіе нашей арміи. Но не можемъ сказать, чтобы общій порядокъ отступленія всей арміи не представлялъ полнаго хаоса, опять-таки вслѣдствіе малой энергіи и распорядительности въ высшемъ управленіи арміи.

«Оставляя поле сраженія, войска наши потянулись по направленію къ Качѣ. Они шли быстро, никѣмъ не руководимыя, отдѣльными частями, перегоняя другъ друга и торопясь «все впередъ и впередъ, не зная, говоритъ участникъ, ни пути, ни цѣли нашего движенія: шли на удачу по слѣдамъ попадавшихся на дорогѣ труповъ, обломковъ оружія и амуниціи, и на утро достигли Севасто-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 92.
[2]) Рукописи, т. I, стр. 59.
[3]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. II, стр. 297.
[4]) М. Богдановичъ, т. II, стр. 29.

поля». Нѣкоторые полки остались ночевать на Качѣ, другіе—прослѣдовали прямо къ Севастополю. Такъ, Тарутинскій полкъ достигъ до Севастополя въ полночь съ 8-го на 9-е сентября, а Владимірскій—явился туда раннимъ утромъ 9-го сентября. Многіе солдаты по одиночкѣ приходили въ сѣверное укрѣпленіе и, не найдя своихъ полковъ, снова уходили на Качу. Командующій войсками не сдѣлалъ никакихъ распоряженій относительно отступленія, и не удивительно послѣ этого, что, по словамъ г. Панаева, князь Меншиковъ, вскорѣ послѣ сраженія, потерялъ свою армію. Она шла никѣмъ не останавливаемая и по пути, никѣмъ не указанному, шли кому какъ и гдѣ удобнѣе, и скоро части разныхъ войскъ перемѣшались между собою. «Тутъ шла, говоритъ участникъ, пѣхота и артилерія, морскіе баталіоны, пришедшіе изъ Севастополя на подкрѣпленіе нашимъ войскамъ, и кавалерія частями. Все это сталкивалось и снова расходилось и до того перепуталось, что однѣ части примыкали къ другимъ, не разбирая, съ кѣмъ идутъ и куда направляются». Отступая на Качу, полки руководились только тѣмъ, что шли на соединеніе со своими обозами, которые были туда отправлены еще до начала сраженія. Они расположились на правомъ берегу рѣки въ двухъ колоннахъ: одна—близъ главной севастопольской дороги, другая—близъ деревни Эфенди-Кой. Отсутствіе при арміи не только полевой полиціи, но и лица, исполнявшаго обязанность генералъ-вагенмейстера, было причиною, что здѣсь царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ; въ однѣхъ повозкахъ были запряжены лошади, въ другихъ—нѣтъ; нѣкоторыя стояли вдоль, иныя—поперекъ. «Обозамъ не было дано знать объ отступленіи отряда, пишетъ Енишерловъ, а потому, увидавъ отступающихъ (прежде всего, разумѣется, перевязочныя повозки и раненыхъ), они подняли страшную суматоху. Неподчиненные одному лицу, обозы всѣхъ полковъ, а особенно офицерскія повозки, запрягли поспѣшно лошадей и бросились къ переправѣ черезъ рѣку, не соблюдая порядка и очереди». Весь правый берегъ рѣки Качи былъ покрытъ строеніями и садами, обнесенными оградами, и потому переправа черезъ нее могла быть произведена только по единственному броду, къ которому ведетъ узкій переулокъ. Въ этомъ узкомъ переулкѣ происходила ужасная давка. Столпившіяся повозки перемѣшались съ артилеріею, сцѣпились между собой и до такой степени перепутались, что могли окончить переправу только къ утру 9-го сентября.

Войска же, прождавъ переправы до самой ночи и не дождавшись ея, стали переправляться по одиночкѣ. Солдаты пробирались

между обозами, перелѣзали черезъ ограды и кое-какъ достигали до высотъ лѣваго берега, гдѣ и располагались бивакомъ [1]).

Никакой тоже распорядительности не выказано было по санитарной части и многочисленные раненые наши въ этомъ сраженіи не видали никакой заботливости къ своему положенію со стороны главнаго начальника. А между тѣмъ, сохраненіе совершенно свѣжими четырехъ полковъ пѣхоты, двухъ батарей и всей кавалеріи, равно какъ непреслѣдованіе со стороны противника, давали, повидимому, возможность позаботиться о судьбѣ людей, пострадавшихъ при исполненіи долга службы. Но никакихъ заботъ въ этомъ отношеніи не было проявлено и положеніе нашихъ раненыхъ рисуется слѣдующими мрачными красками:

«За отступавшими тянулась вторая искалѣченная армія—огромная толпа раненыхъ. Положеніе ихъ было въ полномъ смыслѣ безотрадное. Разсыпавшись на огромной площади между Симферополемъ, Бахчисараемъ и Севастополемъ, и не зная, куда отступила армія, контуженные и раненые брели на удачу, не зная, гдѣ найдутъ пріютъ и облегченіе своимъ страданіямъ. Одни успѣли добраться до Симферополя, другіе пришли въ Бахчисарай, наконецъ, третьи, двигаясь по направленію къ Севастополю, добрели до Качи и были встрѣчены попеченіемъ уцѣлѣвшихъ товарищей. Весь путь отъ рѣки Алмы вплоть до самой Качи былъ унизанъ ранеными. Санитарная часть находилась тогда въ самомъ плохомъ состояніи, и запасовъ почти не было. Въ корпіи и бинтахъ чувствовался значительный недостатокъ; небольшой запасъ ихъ при лазаретныхъ фурахъ расходовался на вѣсъ золота, и солдаты принуждены были для перевязки ранъ рвать собственныя рубахи... Вплоть до 14-го сентября, вся дорога отъ Бельбека до сѣвернаго укрѣпленія Севастополя была усѣяна ранеными» [2]).

По отступленіи арміи съ Качи, князь Меншиковъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ къ Государю съ словеснымъ донесеніемъ, «...что 8-го числа англо-французскія десантныя войска принудили его оставить позицію, которую онъ занималъ на Алмѣ; что причиною оставленія позиціи была *недостаточная стойкость войскъ* и что онъ отступаетъ къ Севастополю» [3]).

Вспомнимъ при этомъ, въ краткихъ чертахъ, участіе каждаго изъ полковъ нашей арміи въ этомъ несчастномъ сраженіи и по

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 98 и 99.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 102.
[3]) Тамъ же, стр. 100.

смотримъ, заслуживали-ли дѣйствительно войска упрековъ главнокомандующаго въ «недостаточной стойкости»?

Какъ извѣстно, на Алмѣ мы понесли потери убитыми и ранеными всего 5,709 человѣкъ. Потеря эта, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, распредѣляется по отдѣльнымъ частямъ слѣдующимъ образомъ: полки: Владимірскій — 1,309 человѣкъ; Казанскій—1,152; Минскій и Московскій—1,600; Суздальскій—420; Углицкій — 142; Бородинскій и Тарутинскій, четыре резервныхъ баталіона Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ, 6-й стрѣлковый баталіонъ, двѣ роты 6-го сапернаго баталіона, морской баталіонъ, вся артилерія, Волынскій полкъ и вся кавалерія—1,086 челов. А всего 5,709 человѣкъ.

Сопоставляя эти данныя съ приведенными выше обстоятельствами боя, мы не можемъ не придти къ заключенію, что тѣ полки, которымъ была ясна цѣль ихъ дѣйствій въ бою и которые были руководимы во время боя своими начальниками, выказали, напротивъ, высокую и обычную русскимъ войскамъ стойкость.

Полки Владимірскій и Казанскій, руководимые своими храбрыми начальниками, почти пять часовъ ожесточенно отстаивали ввѣренный имъ участокъ позиціи, отбивая поминутно противника своими молодецкими атаками и заставляя его все съ новыми и новыми силами возобновлять свои нападенія. Эти два полка окончательно отбили усилія двухъ англійскихъ дивизій, нанеся имъ потери въ 866 человѣкъ [1]). Но и прибывшія вновь отборныя непріятельскія войска были ими встрѣчены такъ, что въ ужасѣ бросились обратно, и только появленіе на флангѣ владимірцевъ батареи и штуцерныхъ противника заставило ихъ прекратить сопротивленіе. Они вышли изъ боя въ составѣ одного четырехъ-ротнаго баталіона, при двухъ штабъ и 9-ти оберъ-офицерахъ [2]), потерявъ обоихъ полковыхъ и бригадныхъ командировъ и начальника дивизіи.

Почти столь же упорное сопротивленіе оказалъ и нашъ лѣвый флангъ. Тамъ на-скоро подводимыя части Минскаго и Московскаго полковъ должны были удерживать, неожиданно для насъ появившуюся на высотахъ, всю дивизію Боске, а затѣмъ, совмѣстно съ резервными баталіонами Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ и двумя ротами 6-го стрѣлковаго баталіона, четыре часа задерживали наступленіе трехъ французскихъ дивизій: Боске, Канробера и Напо-

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 26.

[2]) Тамъ же, стр. 28.

леона, настолько упорно, что маршалъ С.-Арно счелъ необходимымъ подкрѣпить ихъ еще дивизіею Форе. Только послѣ этого нашъ лѣвый флангъ уступилъ напору противника и полки Минскій и Московскій вышли изъ боя, потерявъ своихъ полковыхъ командировъ и бо́льшую часть баталіонныхъ и ротныхъ.

Невозможно также обвинять въ недостаточной стойкости и Бородинскій полкъ, который былъ спущенъ съ высотъ и въ стѣсненныхъ линіяхъ былъ поставленъ на открытомъ скатѣ подъ безнаказанный обстрѣлъ непріятельскихъ штуцерныхъ, и долженъ былъ начать свое участіе въ бою отступленіемъ на высоты и втаскиваніемъ на нихъ, находящейся при полку, батареи. Не мудрено, что послѣ этого полкъ, никѣмъ не руководимый [1]), потянулся за другими отступавшими частями.

Остальные же четыре полка, какъ мы видѣли, не могли выказать своихъ способностей къ боевымъ подвигамъ, такъ какъ совсѣмъ не участвовали въ сраженіи, и «... не ихъ вина, что, не введенные въ дѣло, они остались праздными зрителями геройскаго сопротивленія своихъ товарищей» [2]).

Такимъ образомъ, выходитъ, что сопротивленіе союзникамъ на Алмѣ могли оказать всего 20—26 баталіоновъ, т. е. около половины нашей арміи, и эти части въ теченіе 4—5 часовъ упорно отстаивали позицію противъ 50,000-ной арміи противника (мы не считаемъ не введенныхъ въ дѣло турокъ), превосходившаго насъ значительно и въ вооруженіи, и нанесли имъ не только матеріальный уронъ въ 3,533 человѣка, но и произвели на нихъ глубокое нравственное впечатлѣніе:

«Одно алмское сраженіе, безъ ожидаемыхъ отъ него послѣдствій, не имѣло для насъ ни стратегическаго, ни тактическаго значенія, но, благодаря необыкновенной стойкости нашихъ войскъ, сраженіе это замѣчательно нравственнымъ вліяніемъ на послѣдующій ходъ военныхъ событій. Далеко превосходя насъ численностью и совершенствомъ оружія, союзники шли въ бой самонадѣянно и смѣло. Стойкость, мужество и храбрость русскаго солдата возбудили глубокое уваженіе къ нему самихъ противниковъ. Они видѣли, что всѣ полки, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, оказали чудеса храбрости; что всѣ частные начальники, полковые и баталіонные командиры лично водили ихъ въ штыки и умирали передъ

---

[1]) Генералы князь Горчаковъ и Кирьяковъ черезъ два года послѣ кампаніи спорятъ, кому былъ этотъ полкъ подчиненъ.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 101.

колоннами. Это имѣло такое сильное нравственное вліяніе на англо-французовъ, что самонадѣянность смѣнилась осторожностью, какъ слѣдствіе глубокаго уваженія къ доблестямъ русскаго солдата» [1]).

Вотъ какова была, значитъ, въ дѣйствительности, стойкость войскъ, дравшихся на Алмѣ, и, конечно, не въ видахъ противника было бы убѣждать себя въ этой стойкости.

Если же не всѣ начальники и не всѣ войска проявили ту дѣятельность, на которую разсчитывалъ и которую желалъ видѣть командующій войсками, то не можемъ не сказать, что для этого необходимо было прежде всего ему самому дѣйствовать въ должномъ направленіи.

Мы же видѣли, что князь Меншиковъ ни до боя, ни во время его, ни послѣ сраженія рѣшительно ничего не сдѣлалъ для поднятія въ войскахъ моральныхъ силъ и, напротивъ, многія его мѣры не могли не дѣйствовать прямо въ обратномъ направленіи.

Дѣйствительно, сводя все сказанное, нельзя не придти къ заключенію, что вопросы нравственнаго элемента были въ полномъ забвеніи у князя Меншикова. Онъ не принялъ никакихъ мѣръ для установленія связи съ подчиненными ему войсками, а, напротивъ, тяготился даже обыденными пріемами каждаго начальника. Не принято было тоже никакихъ мѣръ для надлежащей подготовки войскъ къ тяжелой задачѣ сражаться съ вдвое сильнѣйшимъ противникомъ, къ тому же гораздо лучше вооруженнымъ. Войска и ихъ начальники оставлены были въ полномъ невѣдѣніи, чего отъ нихъ желаютъ и что и какъ они должны дѣлать. Управленіе войсками было обставлено такъ, что порождало безпорядокъ и суету. Ближайшіе начальники дискредитировались. Молодымъ войскамъ, для начала боя, были, скажемъ просто, подготовлены два ошеломляющихъ сюрприза: появленіе цѣлой дивизіи непріятеля на мѣстѣ, считавшемся недоступнымъ, и необходимость начать бой съ отступленія. Противнику была предоставлена полная иниціатива сначала бездѣятельностью, а потомъ отсутствіемъ энергичныхъ и скорыхъ распоряженій въ противодѣйствіи ей. Не было принято мѣръ для уменьшенія впечатлѣнія сильныхъ сторонъ противника. Отъ безпорядка въ управленіи арміею произошелъ и полный безпорядокъ въ руководствѣ боемъ—половина арміи должна была дѣлать то, что могли исполнить, и, конечно, съ бо́льшимъ успѣхомъ, всѣ наличныя силы. Начавшая въ порядкѣ свое отступленіе армія, тѣмъ же отсутствіемъ

[1]) Тамъ же, стр. 98.

дѣятельности и распорядительности, была приведена въ концѣ концовъ къ полному безпорядку. Наконецъ, было полное отсутствіе заботливости о судьбѣ раненыхъ.

Невольно послѣ этого согласишься съ слѣдующимъ мнѣніемъ: «Конечно, принять всю отвѣтственность на себя гораздо труднѣе чѣмъ обвинить другихъ, и князь Меншиковъ послѣдовалъ послѣднему внушенію» [1]).

Государь писалъ князю Горчакову: «Но больно мнѣ, что причиной поставляется *малодушіе войскъ!* Непонятно для меня, зная какъ хороши были и по общему слуху, и донесеніямъ самого князя, какой духъ (между) ими господствовалъ» [2]).

Иначе, чѣмъ князь Меншиковъ, отнесся къ поведенію войскъ, повидимому, и вице-адмиралъ Корниловъ, начальникъ штаба Черноморскаго флота: «Герои дня 8-го сентября, владимірцы, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, приглашены генералъ-адъютантомъ Корниловымъ къ обѣду, на корабль «Великій Князь Константинъ». Это первое дружеское соединеніе моряковъ съ пѣхотою было весьма знаменательно для будущаго. Принявъ владимірцевъ съ распростертыми товарищескими объятіями, моряки положили между войсками различнаго рода оружія то прочное начало взаимнаго дружества, которое не прекращалось во все время знаменитой защиты Севастополя» [3]).

Но нашлись, къ сожалѣнію, и такіе начальники, которые не только повѣрили обвиненіямъ войскъ въ малодушіи, но давали это почувствовать войскамъ. Вотъ что мы находимъ въ воспоминаніяхъ бывшаго адъютанта славнаго Владимірскаго полка:

«11-го и 12-го сентября, къ вечеру, собрались остатки нашего полка на Куликовомъ полѣ, на южной сторонѣ Севастополя, и явившійся генералъ-лейтенантъ Жабокритскій объявилъ, что онъ назначенъ начальникомъ нашей 16-й дивизіи, что мы поступаемъ подъ его команду въ особый отрядъ, что мы должны туда слѣдовать, куда онъ поведетъ насъ, причемъ грозно добавилъ, что для ослушниковъ его приказаній при немъ постоянно находится въ кобурахъ пара пистолетовъ. Грустно больно было слушать подобное незаслуженное привѣтствіе, но намъ тотчасъ пришло на память, что эти любезности исходятъ вѣрно на основаніи пошлыхъ слуховъ о нашемъ будто бы бѣгствѣ подъ Алмой и о потерѣ знаменъ» [4]).

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 101.
[2]) Тамъ же, стр. 105.
[3]) Тамъ же, стр. 104.
[4]) Рукописи, т. I, стр. 61.

Послѣ алминскаго сраженія, какъ извѣстно, князь Меншиковъ сначала предполагалъ занять фланговую позицію на Бельбекѣ, но затѣмъ войска его къ вечеру 9-го сентября стянулись на южной сторонѣ Севастополя и расположились биваками на Куликовомъ полѣ. 11-го числа къ арміи прибыло подкрѣпленіе отъ генерала Хомутова, въ составѣ 3,572 человѣкъ, подъ командою генерала Жабокритскаго. Отсюда командующій доносилъ Государю:

«Для водворенія стройности въ войскахъ, впервые бывшихъ подъ непріятельскимъ огнемъ, и для укомплектованія ихъ снарядами, я передвинулся черезъ Инкерманскій дефиле и нахожусь на позиціи впереди Севастополя, откуда постараюсь перейти въ наступленіе, согласуя мои движенія съ мѣропріятіями по оборонѣ города» [1]).

Но уже 12-го числа, безъ всякаго пріема въ войска боевыхъ запасовъ (въ чемъ и не было надобности), князь Меншиковъ рѣшилъ, оставивъ Севастополь на произволъ судьбы, совершить съ арміею, безъ обозовъ, на-легкѣ, фланговое движеніе къ Качѣ.

«Предпринимая свое фланговое движеніе, князь Меншиковъ не сдѣлалъ никакого распоряженія, не отдалъ ни приказа, ни приказанія по войскамъ; все дѣлалось на словахъ: одному начальнику говорили такъ, другому иначе, и никто рѣшительно не зналъ, что̀ хочетъ предпринять командующій. Отъ этого, какъ увидимъ ниже, генералъ Кирьяковъ не попалъ на ту дорогу, на которую слѣдовало, и перепуталъ остальныя войска» [2]).

Въ ночь съ 12-го на 13-е число армія наша тремя эшелонами изъ которыхъ первый, въ числѣ 13,000 человѣкъ, былъ авангардомъ, спустилась къ Инкерманскому мосту, и, миновавъ гать, должна была взбираться по единственной дорогѣ на Мекензіеву гору. У хутора Мекензи дорога проходила всего въ четырехъ верстахъ отъ аванпостовъ противника. Только благодаря разнымъ благопріятнымъ случайностямъ, армія наша не подверглась нападенію противника, тоже двинувшагося фланговымъ маршемъ въ обходъ Севастополя.

«До разсвѣта ни русскіе, ни союзники не подозрѣвали, что ихъ раздѣляетъ только темная ночь и что они находятся другъ возлѣ друга. Съ разсвѣтомъ дѣло объяснилось. Всѣ три главнокомандующіе съ удивленіемъ замѣтили, что они, по мѣткому выраженію

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 104.

[2]) Тамъ же, стр. 150.

П. С. Нахимова, играли въ жмурки и обмѣнялись позиціями: мы шли съ юга на сѣверъ, а англо-французы—съ сѣвера на югъ.

Съ наступленіемъ утра наша армія ушла настолько впередъ, что не могла уже быть атакована непріятелемъ. Союзники успѣли захватить только часть обоза и парковыхъ повозокъ, опоздавшихъ своимъ движеніемъ» [1]).

Во время этого движенія былъ еще слѣдующій случай: «На разсвѣтѣ 13-го сентября генералъ Кирьяковъ (войска 17-й дивизіи) подошелъ къ Отаръ-Кой, сдѣлалъ здѣсь получасовой привалъ, по недоразумѣнію опередилъ авангардъ Жабокритскаго и потянулся къ Бахчисараю. Перейдя Качу, онъ расположился на высотахъ праваго берега Качи. . . . . Когда князь Меншиковъ узналъ, что генералъ Кирьяковъ безъ приказанія опередилъ авангардъ Жабокритскаго и двинулся на Качу, то приказалъ ему вернуться назадъ къ Отаръ-Кой и соединиться съ главными силами. Войска его отряда, двигавшіяся съ небольшими привалами въ теченіе 11-го числа, всей ночи съ 12-го на 13-е число и во весь день 13-го сентября, сдѣлали до 80-ти верстъ» [2]).

Принимая во вниманіе, что на другой день князь Меншиковъ со всѣми главными силами перешелъ туда же на Качу,—выходитъ, что войска генерала Кирьякова были возвращены наканунѣ единственно въ видѣ наказанія за исполненіе приказанія ихъ начальникомъ. Насъ нисколько не удивляетъ, что союзники упустили удобный случай атаковать нашу армію на маршѣ при перекрещиваніи обѣихъ сторонъ въ ночь на 13-е число. Они не имѣли кавалеріи, совершенно не знали крайне пересѣченной мѣстности и по многимъ другимъ причинамъ держались крайней осторожности. Но почему подобный случай былъ упущенъ нашею арміею, можно только объяснить отсутствіемъ иниціативы и дѣятельности у князя Меншикова и полнымъ его недовѣріемъ къ своимъ войскамъ.

По всѣмъ даннымъ положеніе союзниковъ на этомъ маршѣ было далеко не завидное: «Въ томъ направленіи, въ которомъ слѣдовали союзники, пролегала только одна дорога, которую необходимо было уступить для артилеріи, кавалеріи и обоза. Пѣхота же принуждена была сама прокладывать себѣ дорогу безъ проводниковъ съ компасомъ въ рукахъ, сквозь столь густой лѣсъ, что люди едва могли видѣть въ немъ другъ друга; въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ всѣ части

---

[1]) Тамъ же, стр. 151 и 152.

[2]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 231.

войскъ были совершенно смѣшаны между собой. Въ такомъ нестройномъ движеніи союзная армія только утромъ слѣдующаго дня вышла на дорогу, ведущую изъ Севастополя къ Симферополю» [1]).

Другой историкъ прибавляетъ: «Солдаты разбрелись въ безпорядкѣ, грабя и опустошая дома, встрѣчавшіеся на маршѣ» [2]).

Вотъ что пишетъ про этотъ маршъ одинъ изъ офицеровъ французской дивизіи принца Наполеона: «25-го числа (нов. ст.), армія, вмѣсто прямаго движенія на Севастополь, мѣняетъ направленіе и двигается фланговымъ маршемъ черезъ весьма трудно проходимый лѣсъ. Наше движеніе въ высшей степени затруднительно. Мы принуждены были останавливаться на каждомъ шагу по различнымъ случайностямъ и вслѣдствіе малой ширины тропинокъ; положеніе наше было бы критическое, если бы непріятель засталъ насъ въ такомъ безпорядкѣ. Холера снова появилась; многіе люди, на маршѣ, падали какъ подкошенные и должны были ожидать подхода лазаретныхъ муловъ... Мы выступили изъ лагеря въ 6 часовъ утра и сдѣлали только 10—12 километровъ въ 15 часовъ времени. Наша дивизія слѣдовала почти въ хвостѣ арміи; ночь была темная, съ трудомъ можно было различать направленія и нужно было предполагать, что многіе люди заблудились въ столь трудно проходимомъ лѣсу. Принцъ приказалъ разложить большіе огни на прогалинахъ, на которыхъ мы кое-какъ разбили палатки, и распорядился, чтобы въ каждомъ полку въ теченіи всей ночи трубили, для сбора заблудившихся. Около 3-хъ часовъ утра, армія хотя, правда, нѣсколько въ перемѣшку, но почти собралась. За этотъ день никто не ѣлъ и не пилъ; невозможно было найти ни капли воды. Офицеры и солдаты умирали отъ жажды. Простые солдаты напрасно предлагали 10 франковъ за фляжку воды» [3]).

Подобное описаніе обстоятельствъ совершенія фланговаго движенія союзниками заставляетъ согласиться со слѣдующимъ мнѣніемъ:

«Если бы князь Меншиковъ выступилъ въ ночь съ 11-го на 12-е сентября, онъ имѣлъ бы огромное преимущество надъ непріятелемъ, тянувшемся длинною вереницею отъ Бельбека къ рѣкѣ Черной, и могъ поставить его въ крайне затруднительное положеніе. Фланговый маршъ союзниковъ стоилъ бы имъ весьма не дешево,

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 148.
[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 53.
[3]) Herbé, стр. 94 и 95.

потому что, при всемъ желаніи сохранить стройность и порядокъ, они не могли этого сдѣлать, по затруднительности пути: колонны ихъ безпрерывно или разрывались, или сталкивались въ дефилеяхъ и проходили по такой мѣстности, на которой никакъ нельзя было устроиться для принятія боя. На дорогѣ, по которой они шли, были оставлены слѣды большой торопливости и поспѣшности: въ кустахъ было забыто много киверовъ, въ особенности англійскаго № 33-го полка; по всему пути валялись вальтрапы и прочія принадлежности одежды и вооруженія» [1]).

Скажутъ, пожалуй, что такое положеніе союзной арміи выяснилось только впослѣдствіи, но не можемъ не возразить, что оно могло быть извѣстно Меншикову, прояви онъ хотя какую-нибудь иниціативу и дѣятельность. Въ его рукахъ была многочисленная и свѣжая кавалерія, въ его арміи были три Черноморскихъ пластунскихъ баталіона [2]), особенно способные для дѣйствія на пересѣченной мѣстности, на его сторонѣ должно было быть полное знаніе мѣстности, какъ ближайшихъ окрестностей Севастополя. Наконецъ, не считая войскъ, оставленныхъ въ городѣ, у него было болѣе 25,000 человѣкъ.

Но князь Меншиковъ, убѣдивъ себя и окружающихъ въ слабыхъ достоинствахъ своихъ войскъ, оказался со всею арміею 9-го числа на южной сторонѣ Севастополя и оставилъ противника, повидимому, совсѣмъ безъ наблюденія, иначе онъ не могъ бы неожиданно для себя перекреститься съ союзною арміею въ ночь на 13-е сентября. Правда, 11-го числа, имъ была сдѣлана попытка наблюденія за дѣйствіями противника, но вотъ въ какой формѣ она проявилась:

«Еще 11-го сентября князь Меншиковъ для наблюденія за непріятелемъ послалъ часть войскъ къ Бельбеку. Исполненіе этого порученія возложено было на генералъ-лейтенанта Кирьякова, который, взявъ восемь баталіоновъ и 20 орудій, долженъ былъ перейти черезъ Черную рѣчку, присоединить къ себѣ на пути еще четыре баталіона и пять сотенъ казаковъ, и, поднявшись у хутора Мекензи, расположиться на высотахъ лѣваго берега Бельбека.

Въ 4 часа пополудни отрядъ генерала Кирьякова подошелъ къ Бельбеку. Увидѣвъ на противоположномъ берегу англійскія войска и получивъ около 6-ти часовъ извѣстіе, что дорога въ Дуванкой занята англичанами, онъ, въ $10^1/_2$ часовъ вечера, началъ обратное

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 155.

[2]) Прибыли въ отрядѣ генерала Жабокритскаго.

движеніе къ Инкерману, и, оставивъ одинъ баталіонъ Тарутинскаго полка и дивизіонъ батарейной № 1-го батареи 16-й артилерійской бригады у инкерманскаго спуска, съ остальными войсками расположился на высотахъ Сапунъ-горы» [1]).

Мы, конечно, не знаемъ, какія указанія были даны генералу Кирьякову, но, вѣроятно, такой способъ наблюденія за непріятелемъ соотвѣтствовалъ желаніямъ князя Меншикова, такъ какъ войска эти не были возвращены обратно, какъ это онъ дѣлалъ, когда начальники располагались не тамъ, гдѣ онъ желалъ.

Севастополь до перваго бомбардированія включительно.

Приморскія укрѣпленія Севастополя были, какъ мы видѣли, въ хорошемъ состояніи и могли представить серьезное сопротивленіе всякому покушенію со стороны противника. Напротивъ того, защита Севастополя съ суши, какъ на сѣверной, такъ и на южной сторонѣ рейда, несмотря на давно составленный проектъ, не была устроена. Это, какъ было сказано, объясняется недостаточною властью, предоставленною князю Меншикову при открытіи военныхъ дѣйствій, а можетъ быть и тѣмъ, что возможность вообще столь серьезнаго десанта была не установлена и оспаривалась.

«Оборонительная линія укрѣпленій все еще была въ самомъ плохомъ состояніи и работы подвигались весьма медленно. Не имѣя въ своемъ распоряженіи ни денегъ, ни матеріальныхъ запасовъ, князь Меншиковъ принужденъ былъ ограничиваться насыпкою земляныхъ брустверовъ, въ которыхъ не только не было никакихъ блиндированныхъ построекъ, но и пороховыхъ погребковъ. Безпрерывная борьба его со строителями укрѣпленій не привела ни къ какимъ результатамъ. Неподчиненные князю Меншикову инженеры получали приказанія отъ своего департамента и терялись въ перепискѣ съ Петербургомъ. За неотпускомъ денегъ, они цѣлый годъ строили редюитъ въ сѣверномъ укрѣпленіи и не достроили его до начала осады. На южной сторонѣ города они весь іюль мѣсяцъ провели въ обтесываніи камней, для возведенія оборонительной казармы, которая должна была примкнуть къ существовавшей оборонительной стѣнкѣ» [2]).

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 230.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 68.

Такое положеніе дѣлъ въ виду предполагавшейся высадки противника, казалось бы, должно было убѣдить князя Меншикова, что обращеніе Севастополя въ укрѣпленный городъ не могло быть исполнено своевременно и вызвать со стороны командующаго усиленную дѣятельность по приведенію ближайшихъ окрестностей въ такое положеніе, чтобы можно было вести упорную борьбу съ незначительными силами. Для этого въ его распоряженіи имѣлся саперный баталіонъ, имѣлась рабочая сила—цѣлая армія и былъ присланъ спеціально съ этою цѣлью весьма опытный руководитель работъ—подполковникъ Тотлебенъ. Но князь Меншиковъ не принялъ въ этомъ направленіи никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ. Поэтому состоявшаяся высадка застала защиту города въ совершенно неподготовленномъ видѣ.

Съ отбытіемъ на Алму князя Меншикова и арміи, въ Севастополѣ, какъ извѣстно, остались только четыре резервныхъ баталіона 13-й дивизіи, четыре морскихъ десантныхъ баталіона и разныя морскія команды. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ оставалось съ покорностью ожидать развязки встрѣчи нашей арміи съ непріятелемъ и дальнѣйшей судьбы Севастополя.

Но на счастіе этого многострадальнаго города въ немъ остался главный распорядитель морскихъ силъ, начальникъ штаба Черноморскаго флота вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ, Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ. Чуткою, преданною интересамъ родины душею, онъ оцѣнилъ всю важность обстоятельствъ и не ограничился только послѣдними распоряженіями для приготовленія флота къ оборонѣ рейда и для предполагаемаго выхода въ море на бой съ противникомъ. Онъ также горячо и энергично принялся за усиленіе сухопутной обороны города.

«Встрѣтивши въ лицѣ подполковника Тотлебена дѣятельнаго и энергичнаго помощника, Корниловъ поручилъ ему главное и общее завѣдываніе всѣми оборонительными работами. Для болѣе быстраго въ этомъ успѣха, со 2-го сентября были остановлены всѣ портовыя работы и прекращены работы, производившіяся въ сѣверномъ укрѣпленіи по возвышенію и утолщенію его брустверовъ. Оставшіеся свободными рабочіе были обращены на вновь устраиваемыя земляныя укрѣпленія, возводимыя одновременно по всей линіи съ тою цѣлью, чтобы, откуда не явился непріятель, можно было бы вездѣ дать ему отпоръ. Необходимо было работать такъ, чтобы укрѣпленіе сегодня насыпаемое, завтра могло огнемъ своимъ встрѣтить непріятеля и оказать сопротивленіе при его нападеніи. Труда было много, но не

задумались надъ нимъ защитники, и въ городѣ закипѣла необыкновенная дѣятельность. Всѣ рабочіе, какіе только были подъ рукою, обращены на устройство укрѣпленій: писаря, вахтера, музыканты, пѣвчіе, рота карантинной стражи и даже арестанты были высланы на работу, и все-таки такого люда насчитывалось не болѣе 800 человѣкъ. Жители города, старый и малый, богатый и бѣдный, чиновный и простой, всѣ спѣшили туда, гдѣ строились укрѣпленія, гдѣ устанавливались преграды непріятелю. Телѣги, лошади и волы, тачки и носилки, принадлежащіе частнымъ людямъ, безъ всякаго требованія, по одной доброй волѣ, употреблены были для переноски и перевозки различныхъ предметовъ. Полиція, обходя дома, приглашала обывателей на работу, и, случалось, долго стучались въ дверь, чтобы услышать отъ ребенка, что отецъ и мать давно ушли туда безъ всякаго приглашенія. Такихъ работниковъ разнаго званія, пола и возраста собралось около 5,000 человѣкъ. Оставшіеся въ городѣ солдаты и матросы были вооружены лопатами, кирками, мотыгами и прочими инструментами, необходимыми при постройкѣ укрѣпленій. Рабочіе носили землю во всемъ, въ чемъ было можно: носили и въ корзинахъ, мѣшкахъ, и въ полахъ шинелей. По улицамъ города тащили бревна, доски и другіе матеріалы. Работа кипѣла» [1]). Объѣзжая укрѣпленія по нѣсколько разъ въ день, адмиралъ Корниловъ радовался успѣху, видя, что въ недѣлю сдѣлано столько, сколько въ другой разъ не сдѣлаешь и въ цѣлый годъ.

«Лишь только укрѣпленіе приходило къ концу, какъ оставшіеся въ городѣ матросы снимали съ кораблей свои огромныя орудія и перевозили ихъ на батареи. Люди, человѣкъ по сто, впрягались въ тяжелую пушку, и гдѣ съ припѣвомъ «дубинушка», а гдѣ и просто съ крикомъ «ура» втаскивали ее на гору и ставили на батарею. Изъ порта тащили на укрѣпленія станки подъ орудія, орудійную принадлежность, снаряды и мѣшки, для насыпки ихъ землею и ускоренія устройства амбразуръ. Подъ руководствомъ инженеръ-подполковника Тотлебена работа производилась день и ночь. Тысячъ пять человѣкъ съ разсвѣтомъ начинали работу и продолжали ее безъ перерыва цѣлый день. Ночью работали при свѣтѣ факеловъ и фонарей. Всякій работалъ отъ души, понимая, что работа эта необходима и что онъ долженъ работать» [2]).

8-го числа Корниловъ, получивъ свѣдѣніе о вступленіи нашей

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 122.

[2]) Тамъ же, стр. 124.

арміи въ бой на Алмѣ, поскакалъ туда, но засталъ уже отступающую армію. «Возвратившись въ Севастополь, поздно вечеромъ, Корниловъ, прежде всего, сдѣлалъ распоряженіе о размѣщеніи по госпиталямъ и лазаретамъ раненыхъ, прибывающихъ съ поля сраженія. На сѣверной сторонѣ ожидали ихъ шлюпки для переправы черезъ бухту, а на пристаняхъ южнаго берега стояли люди съ носилками. Вся дорога, вплоть до госпиталей и казармъ, назначенныхъ для пріема раненыхъ, была освѣщена факелами и всю ночь тянулись по ней мрачныя тѣни, говорившія о нашей потерѣ» [1]).

Видя отступающую армію и не предполагая, что она въ состояніи будетъ на первыхъ порахъ задержать непріятеля и не дать ему возможности занять сѣверное укрѣпленіе и окружающія рейдъ высоты, Корниловъ безпокоился за участь любимаго Черноморскаго флота. Онъ скорбѣлъ при мысли, что овладѣніе союзниками ближайшими неукрѣпленными высотами заставитъ нашъ флотъ отойти съ выгодной для обороны входа на рейдъ позиціи и тогда непріятельскій флотъ ворвется въ гавань и совмѣстно съ арміею погубитъ въ легкой борьбѣ и городъ, и флотъ, гордый своимъ благоустройствомъ и нравственною силою своего личнаго состава. Такая безславная гибель роднаго флота не могла не страшить Корнилова и онъ, 9-го числа, утромъ, собралъ на совѣтъ флагмановъ и капитановъ и предложилъ имъ героическое рѣшеніе выйти съ флотомъ въ море и искать счастія въ открытой борьбѣ съ многочисленнымъ флотомъ союзниковъ, столпившихся у мыса Лукула. Но если счастіе не будетъ на нашей сторонѣ, чего нельзя было не предвидѣть, вслѣдствіе состава и громадности силъ противника, онъ предложилъ сцѣпиться на абордажъ и, въ крайнемъ случаѣ, взорваться на воздухъ вмѣстѣ съ неодолимымъ врагомъ.

Этимъ путемъ онъ разсчитывалъ разстроить непріятельскій флотъ и лишить его армію возможности подвезти продовольствіе и подкрѣпленія. Такимъ образомъ, если славный флотъ нашъ погибалъ неминуемо, то и непріятельская армія, оставленная въ чужой странѣ безъ средствъ существованія, не могла избѣжать той же участи.

Но подобное рѣшеніе хотя и отвѣчало вполнѣ силѣ нравственнаго духа нашихъ черноморцевъ, но не отвѣчало данной обстановкѣ. Дѣйствительно, силы воюющихъ сторонъ на морѣ были слишкомъ несоразмѣрены. Союзный флотъ состоялъ изъ 34-хъ линейныхъ ко-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 125.

раблей и 55-ти фрегатовъ [1]), а мы могли вывести въ море, согласно диспозиціи адмирала Нахимова, объявленной приказомъ Корнилова, отъ 2-го сентября, № 86-й, всего 14 линейныхъ кораблей и семь фрегатовъ [2]). Въ сказанномъ числѣ у союзниковъ было 54 судна съ паровымъ двигателемъ, у насъ же всѣ были парусныя. Эти причины лишали нашъ флотъ даже возможности выйти изъ гавани во всякое время, такъ какъ по узкости входа нельзя было пользоваться лавировкою, а необходимо было ожидать попутнаго вѣтра. Точно также и наступившій въ морѣ штиль отнималъ у насъ возможность маневрировать. Та же узкость входа не позволяла выйти флоту соединенно. Количество и сила имѣвшихся пароходовъ недозволяли выбуксированіе флота, такъ какъ по бывшему опыту, послѣ Синопскаго боя, пароходы принуждены были отдавать буксиры даже при умѣренномъ вѣтрѣ, въ случаѣ довольно сильнаго волненія. Всѣ эти обстоятельства не могли, конечно, уравновѣсить шансы борьбы, даже при нѣкоторой безпечности и малой иниціативѣ, высказанныхъ союзнымъ флотомъ въ предшествующее время. Тѣмъ не менѣе предложеніе Корнилова поставило совѣщавшихся въ затруднительное положеніе; не такъ были воспитаны бравые черноморцы, чтобы не предпочесть, хотя и безрезультатную, но славную гибель въ борьбѣ съ врагомъ, перспективѣ отдаться, такъ сказать, живыми, въ руки противника. Вотъ почему никто первое время не рѣшался высказать другое, давно приходившее многимъ севастопольцамъ на умъ, рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что это рѣшеніе приводило къ уничтоженію собственными руками всего самого дорогаго и святаго для истаго моряка. Но и тутъ правильное военное воспитаніе моряковъ помогло дѣлу; они были воспитаны съ полнымъ вниманіемъ къ выработкѣ въ каждомъ офицерѣ и начальникѣ полной иниціативы и привыкли всегда прямо высказывать свое мнѣніе, когда вопросъ сводился къ пользѣ дѣла.

— «Хотя не прочь, сказалъ обращаясь къ совѣту капитанъ 1-го ранга Зоринъ, вмѣстѣ съ другими выйти въ море, вступить въ неравную битву и искать счастія или славной смерти, но я смѣю предложить другой способъ защиты: заградить рейдъ потопленіемъ нѣсколькихъ кораблей, выдти всѣмъ на берегъ и защищать съ оружіемъ въ рукахъ свое пепелище до послѣдней капли крови» [3]).

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 156.

[2]) «Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи Владиміра Алексѣевича Корнилова». А. Жандра. Спб. 1859 г., стр. 188 и 189.

[3]) Н. Дубровинъ, стр. 128.

Трудно было не согласиться съ подобнымъ мнѣніемъ, которое, преграждая доступъ противнику на рейдъ, давало въ то же время болѣе 10,000 храбрыхъ и испытанныхъ воиновъ-матросовъ для защиты города отъ непріятельской сухопутной арміи. Конечно, можно было разсчитывать, что армія съ такимъ солиднымъ подкрѣпленіемъ сможетъ продержаться подъ Севастополемъ незначительное время, необходимое для подхода направленныхъ вновь изъ южной арміи силъ на защиту Крымскаго полуострова. При удачѣ этого плана приходилось жертвовать небольшимъ числомъ старыхъ кораблей, необходимыхъ для загражденія фарватера, все же остальное могло продолжать дорого, но не безцѣльно, продавать свою жизнь на пользу родины.

Молчаніемъ отвѣтили члены совѣта на это предложеніе и только навернувшіяся у многихъ на глазахъ слезы свидѣтельствовали, какъ тяжело имъ было это неизбѣжное рѣшеніе. Одинъ Корниловъ не раздѣлялъ этого безмолвнаго согласія и своими возраженіями вызвалъ горячіе споры, но въ концѣ ихъ все-таки общее мнѣніе склонилось къ затопленію кораблей. Пылкая натура Корнилова не могла, однако, согласиться на это рѣшеніе и, оканчивая совѣща́ніе, онъ отдалъ слѣдующее приказаніе: «Готовьтесь къ выходу; будетъ данъ сигналъ: что̀ кому дѣлать» [1]).

Послѣ совѣщанія Корниловъ отправился къ князю Меншикову доложить о происходившемъ. Князь, случайно узнавшій о мнѣніи совѣта, отвѣтилъ ему приказаніемъ: «затопить фарватеръ»; но Корниловъ возразилъ, что онъ этого не сдѣлаетъ. Разсерженный его настойчивымъ противорѣчіемъ, князь Меншиковъ сказалъ: «ну такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ своему мѣсту службы», и приказалъ ординарцу позвать вице-адмирала Станюкевича, дабы отдать ему приказанія. «Остановитесь»! вскричалъ Корниловъ, «это самоубійство... то, къ чему вы меня принуждаете...! но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ—невозможно! Я готовъ повиноваться вамъ» [2]).

10-го числа, корабли, предназначенные къ загражденію входа на рейдъ, заняли свои мѣста, а остальной флотъ по новой диспозиціи сталъ вдоль южнаго берега бухты для обстрѣливанія высотъ сѣвернаго берега и балокъ, идущихъ отъ нихъ къ рейду. Исполненіе приказа о потопленіи кораблей имѣло большое нравственное зна-

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 199.

[2]) Тамъ же, стр. 199.

ченіе для защитниковъ Севастополя. Корниловъ, то громко сожалѣвшій, то грустный и задумчивый въ продолженіи этой тяжелой сцены, смогъ найти затѣмъ въ себѣ силы, чтобы обратиться къ морякамъ со словами утѣшенія.

«Товарищи! писалъ онъ въ приказѣ. Войска наши, послѣ кровавой битвы съ превосходнымъ непріятелемъ, отошли къ Севастополю, чтобы грудью защищать его. Вы пробовали непріятельскіе пароходы и видѣли его суда, не нуждающіяся въ парусахъ? Онъ привелъ двойное число такихъ, чтобы наступить на насъ съ моря. Намъ надо отказаться отъ любимой мысли—разразить врага на водѣ. Къ тому же мы нужны для защиты города. Главнокомандующій рѣшилъ затопить пять старыхъ кораблей на фарватерѣ. Они временно преградятъ входъ на рейдъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ свободныя команды усилятъ войска. Грустно уничтожать свой трудъ! много было употреблено нами усилій, чтобы держать корабли, обреченные жертвѣ, въ завидномъ свѣту порядкѣ. Но надо покориться необходимости!

«Москва горѣла, а Русь отъ этого не погибла! напротивъ, стала сильнѣе. Богъ милостивъ! Конечно, онъ и теперь готовитъ вѣрному ему народу русскому такую же участь. Итакъ, помолимся Господу, и не допустимъ врага сильнаго покорить себя! Онъ цѣлый годъ набиралъ союзниковъ, и теперь окружилъ царство русское со всѣхъ сторонъ. Зависть коварна! Но Царь шлетъ уже свою армію; и если мы не дрогнемъ, то скоро дерзость будетъ наказана и врагъ будетъ въ тискахъ»!

Затопленіе кораблей было ударомъ для Черноморскаго флота, но, какъ увидимъ ниже, оно было еще большимъ ударомъ для союзниковъ, совершенно не ожидавшихъ такой мѣры. Съ прегражденіемъ фарватера, Севастополь пересталъ быть портомъ и его знаменитый рейдъ, по выраженію Корнилова, обратился въ озеро, недоступное для непріятельскаго флота. Чувство долга и любовь къ родинѣ обращали городъ въ крѣпость, а моряковъ-матросовъ—въ солдатъ-пѣхотинцевъ. Морякъ становился теперь стрѣлкомъ, артилеристомъ, саперомъ и чернорабочимъ, не знавшимъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Это крутое превращеніе совершилось на глазахъ многочисленнаго непріятеля, уже приближавшагося къ Севастополю. Мы остановились на перепетіяхъ рѣшенія вопроса о флотѣ съ тѣмъ, чтобы хотя въ нѣсколькихъ чертахъ обрисовать высокую нравственную мощь морской черноморской семьи, въ руки которой отдавалась судьба Севастополя—ихъ родной колыбели. Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, какими мѣрами удалось вселить въ чер-

номорцахъ столь высокія моральныя силы, а будемъ выбирать факты, служившіе къ поддержанію и усиленію этого духа.

Послѣ Алмы, какъ извѣстно, противникъ болѣе двухъ сутокъ не двигался впередъ и совсѣмъ упустилъ изъ вида нашу армію. Въ этой то бездѣятельности и сказались: недостатокъ единства въ командованіи союзными силами, отчасти болѣзненное состояніе маршала, а главнымъ образомъ осторожность, внушенная упорствомъ нашихъ полковъ, дравшихся на Алмѣ. Только 11-го числа противникъ передвинулся на Качу, но тутъ онъ получилъ свѣдѣніе о затопленіи нашихъ судовъ и это извѣстіе не могло не измѣнить его плановъ.

Въ это же время, въ Севастополѣ, князь Меншиковъ рѣшилъ покинуть съ арміею городъ, оставивъ его на попеченіе почти однихъ моряковъ, такъ какъ въ городѣ находилось лишь восемь резервныхъ баталіоновъ 13-й дивизіи, изъ которыхъ два были на сѣверной сторонѣ, а шесть—на южной. 11-го числа князь Меншиковъ отдалъ приказъ, въ которомъ возложилъ на адмирала Корнилова оборону всей сѣверной стороны, а морскія команды на южной сторонѣ подчинилъ синопскому герою вице-адмиралу Павлу Степановичу Нахимову. Но на южной сторонѣ было еще два начальника. Генералъ-лейтенантъ Моллеръ, какъ старшій сухопутный генералъ и прямой начальникъ оставшихся резервныхъ баталіоновъ, и командиръ порта, старшій изъ всѣхъ адмираловъ, вице-адмиралъ Станюковичъ, въ распоряженіи котораго были всѣ матеріальныя средства.

Корниловъ, распоряжавшійся, какъ начальникъ штаба Черноморскаго флота, всѣмъ совершенно самостоятельно, «съ радостью принялъ почетное назначеніе: встрѣтить съ нѣсколькими баталіонами моряковъ 60,000-ную отборную армію и удержать своимъ искусствомъ стремительный натискъ ея, пока князь Меншиковъ ударитъ во флангъ и въ тылъ самонадѣяннымъ союзникамъ, или умереть геройскою смертью Леонида на рубежѣ роднаго города—казалось ему завидною долею. Проникнутый тѣмъ же благороднымъ стремленіемъ къ благу общественному, тѣми же высокими понятіями о святости долга, Нахимовъ смотрѣлъ съ другой точки зрѣнія на обязанность, налагаемую любовью къ отечеству. Онъ взялъ за правило въ жизни, никогда не браться за дѣло, не извѣдавъ напередъ своихъ силъ выполнить его отчетливо, и не отступилъ отъ него даже въ этотъ торжественный часъ, изъ страха навлечь своею неопытностью гибель на подчиненныхъ. Забывая, что такая строгость къ себѣ—въ высшей степени благородная въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, становится излишнею въ минуты критическія,

когда вблизи нѣтъ человѣка, на котораго бы мы могли указать, какъ на болѣе способнаго, Нахимовъ явился къ князю Александру Сергѣевичу и высказалъ, что для блага Россіи онъ не задумается умереть, готовъ подчиниться младшему и съ радостью будетъ содѣйствовать ему, но самъ не можетъ быть хорошимъ сухопутнымъ генераломъ. Князь отвѣчалъ, что не принимаетъ этотъ отвѣтъ за серьезный отказъ и уѣхалъ изъ Севастополя, не перемѣнивъ назначенія» [1]). Такимъ образомъ, судьба южной стороны города предоставлялась случаю; тамъ оставались три самостоятельныхъ начальника, изъ которыхъ главный, какъ начальникъ преобладающихъ въ то время морскихъ силъ, считалъ себя совершенно некомпетентнымъ въ порученномъ ему дѣлѣ. Князь Меншиковъ предоставилъ имъ самимъ выпутываться изъ этихъ затрудненій. Между тѣмъ Корниловъ выказывалъ столь же кипучую дѣятельность по приготовленію ввѣреннаго ему поста къ отпору, какъ и до алминскаго боя. Хотя эта усиленная дѣятельность и привела къ тому, что если бы непріятель подступилъ къ сѣверному укрѣпленію вслѣдъ за сраженіемъ, то онъ бы не встрѣтилъ «и половины того, что успѣли сдѣлать теперь» [2]), но все-таки положеніе Корнилова не было завиднымъ, ибо онъ могъ встрѣтить противника на $1^1/_2$-верстной укрѣпленной позиціи, съ которой могло дѣйствовать фронтально всего 29 орудій, причемъ были такіе три подступа къ этому укрѣпленію, при движеніи по которымъ противникъ могъ подвергаться обстрѣливанію всего 6—7 орудій. Защищалась эта позиція всего двумя сухопутными и 15-ю морскими баталіонами, въ которыхъ съ прибавкою еще нѣсколькихъ ротъ и командъ было всего 11,352 человѣка [3]). Но Корниловъ и подчиненныя ему войска, сдѣлавъ все, что было возможно, надѣялись отстояться и съ этими силами. Къ тому же Корниловъ не упустилъ въ рядѣ приказовъ точно указать обязанности войскъ и ихъ начальниковъ, озаботился о раненыхъ и указалъ не только мѣры, но и порядокъ на случай отступленія.

Извѣстіе о затопленіи кораблей заставило, какъ извѣстно, союзниковъ перемѣнить планъ дѣйствій. Они не могли уже разсчитывать, одновременно съ занятіемъ арміею сѣверной стороны, захватить и рейдъ прорвавшимся въ него флотомъ. Взять же одну сѣверную сторону и стоять тамъ подъ огнемъ нашего флота, безъ воз-

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 207 и 208.

[2]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 222.

[3]) Тамъ же, стр. 50 и 51 прилож.

можности выгрузить для дѣйствія по немъ осадныя орудія, они считали рискованнымъ, такъ какъ близъ сѣверной стороны не было никакой удобной гавани и нельзя было устроить солидную базу для дальнѣйшихъ дѣйствій. Къ тому же тылъ ихъ являлся бы открытымъ подходящимъ изъ Россіи подкрѣпленіямъ, да и о нахожденіи арміи Меншикова у нихъ тоже было мало свѣдѣній. Потому на совѣтѣ 11-го числа рѣшено было перейти на южную сторону, гдѣ тылъ являлся обезпеченнымъ, базу удобно было устроить въ гаваняхъ Балаклавы, Камышевой, Казачьей и другихъ, и притомъ, по свѣдѣніямъ татаръ, южная сторона была слабѣе укрѣплена. Во исполненіе этого плана союзники 12-го числа перешли на Бельбекъ, а 13-го начали свое движеніе для перехода на южную сторону. Движеніе это было видно изъ Севастополя и сѣверная сторона вздохнула свободнѣе, но за то южная поняла свое опасное положеніе.

На южной сторонѣ къ этому времени было всего шесть резервныхъ баталіоновъ, одинъ флотскій баталіонъ и разныя флотскія команды, составлявшія прислугу при орудіяхъ, и взятыя бо́льшею частью изъ «арсенальныхъ, лабораторныхъ, рабочихъ и ластовыхъ командъ...» [1]), что̀ составляло въ общемъ не болѣе 5,800 человѣкъ. Работы по усиленію, постройкѣ и вооруженію батарей южнаго фронта хотя и велись по прежнему дѣятельно, но такъ какъ главное вниманіе было обращено на Сѣверное укрѣпленіе, то работы эти производились малочисленными командами: «Команды эти работали безъ устали, положили труда много, но укрѣпленія, раскинутыя на семиверстномъ протяженіи, были далеки отъ окончанія, такъ что, когда вице-адмиралъ Нахимовъ, назначенный завѣдующимъ морскими командами, отдѣленными для защиты южной части Севастополя, объѣхалъ оборонительную линію, то онъ нашелъ укрѣпленія въ самомъ печальномъ положеніи. Бастіонъ № 5 хотя и вооружался орудіями, но брустверъ его былъ очень низокъ; ровъ бастіона № 4 былъ неоконченъ, а вновь возводимыя укрѣпленія были далеко еще не только не вооружены, но и не окончены; приготовленныя для нихъ орудія валялись на землѣ, не имѣя ни лафетовъ, ни станковъ. Нахимовъ видѣлъ, что пороховые погреба устроены ненадежно; что батареи, расположенныя восточнѣе южной бухты, не связаны между собою и, наконецъ, многія мѣста этой мѣстности оставлены вовсе безъ обороны» [2]).

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 218.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 179 и 180.

Подъ мрачнымъ впечатлѣніемъ этого осмотра Нахимовъ отправился къ коменданту города, генералъ-лейтенанту Моллеру, испросить указаній о планѣ обороны города. Никакого плана не оказалось и на совѣтъ были собраны всѣ наличные генералы, адмиралы и начальники дистанцій оборонительной линіи. На совѣтѣ этомъ много было высказано желанія обороняться до послѣдней крайности, много было говорено о необходимости рѣшительныхъ мѣръ, но никто не взялъ на себя почина въ объединеніи и приведеніи въ исполненіе этихъ общихъ похвальныхъ желаній. Такъ вопросъ объ оборонѣ южной стороны и остался открытымъ и предоставленнымъ случайной энергіи трехъ отдѣльныхъ начальниковъ, каждаго по своей части. Нахимовъ продолжалъ дѣятельно вооружать, строить и снабжать всѣмъ необходимымъ укрѣпленія, насколько это было въ его силахъ. Нужно сказать, что давно уже было рѣшено уничтожить весь флотъ, въ случаѣ захвата Севастополя противникомъ, а потому еще 12-го числа во всѣхъ корабляхъ и фрегатахъ продѣланы въ подводной части отверстія, задѣланныя пока пробками, а затѣмъ Нахимовъ приказалъ еще: «привязать къ бортамъ оперъ-дековъ кораблей смоленые кранцы, дабы, въ крайности, зажечь корабли, и тѣмъ не допустить непріятеля завладѣть ими» [1]). Когда же 13-го числа выяснился переходъ противника на южную сторону и сообщеніе съ арміею было прервано, Нахимовъ, видя невозможность со ввѣренными ему командами отстоять городъ, рѣшился умереть съ оружіемъ въ рукахъ на батареяхъ Севастополя, и отдалъ въ 7 часовъ утра, 14-го сентября, такой приказъ: «Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизона; я въ необходимости нахожусь затопить суда ввѣренной мнѣ эскадры, и оставшіяся на нихъ команды, съ абордажнымъ оружіемъ, присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться какъ герой; насъ соберется до трехъ тысячъ; сборный пунктъ на Театральной площади. О чемъ по эскадрѣ объявляю» [2]). Но этого, къ счастію, не пришлось дѣлать; какъ только выяснилось минованіе опасности Сѣверному укрѣпленію, Корниловъ по собственной иниціативѣ оставилъ порученный ему постъ и явился въ городѣ съ 11-ю морскими баталіонами. Тотчасъ на его квартирѣ собрались генералъ Моллеръ, адмиралъ Нахимовъ и подполковникъ Тотлебенъ для обсужденія мѣръ

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 220.

[2]) Тамъ же, стр. 221.

для обороны города. Оба начальника, забывая свое старшинство и видя въ Корниловѣ личность, способную, въ силу своей энергіи и иниціативы, стать во главѣ обороны Севастополя, «просили Владиміра Алексѣевича принять на себя общія распоряженія по оборонѣ города, тѣмъ болѣе, что двѣ трети гарнизона составляли моряки. На замѣчаніе Корнилова, что сухопутныя войска не обязаны исполнять его приказанія, генералъ Моллеръ предложилъ отдать приказъ, что Корниловъ принимаетъ на себя должность начальника штаба севастопольскаго гарнизона, и присовокупилъ: «Тогда всѣ войска будутъ непосредственно подчинены вамъ». На семъ основаніи гарнизону объявлено генераломъ Моллеромъ въ приказѣ № 30: «Предлагаю всѣмъ гг. начальникамъ войскъ исполнять всѣ приказанія господина вице-адмирала генералъ-адъютанта Корнилова, принявшаго на себя обязанности начальника штаба всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ городѣ Севастополѣ, какъ утвержденныя распоряженія». Распоряженіе это, свидѣтельствуя о томъ, какъ далеки были севастопольскіе начальники отъ взаимныхъ распрей, такъ часто появляющихся въ подобныхъ обстоятельствахъ, служило залогомъ доблестнаго будущаго, ибо единодушіе начальниковъ порождаетъ силу подчиненныхъ» [1]).

Дѣйствительно, власть была не только объединена, но попала въ крѣпкія и надежныя руки, что̀ доказывается слѣдующимъ эпизодомъ. Вслѣдствіе недоразумѣнія, по полученіи приведеннаго выше приказа Нахимова, и не ожидая условленнаго сигнала къ исполненію его, корабль «Ростиславъ» былъ затопленъ и одинъ изъ адмираловъ явился къ Корнилову съ донесеніемъ:

«Какъ! вскрикнулъ Корниловъ, кто вамъ велѣлъ?» — Его превосходительство Павелъ Степановичъ Нахимовъ.—«Это недоразумѣніе; я сейчасъ все улажу», возразилъ Корниловъ, и бросился къ двери. Настала минута, когда Корниловъ явилъ всю энергію своего характера. Вспомнивъ, что транспортъ «Кубань», наполненный скорострѣльными трубками и разными артилерійскими снарядами, и брандеры «Кинбурнъ» и «Ингулъ», столь драгоцѣнные для города въ осадное время, только что затоплены именемъ Нахимова, потому что, стоя въ Киленъ-бухтѣ, внизу 1-го и 2-го бастіоновъ, они могли взрывомъ своимъ нанести вредъ прислугѣ орудій нашихъ батарей,—какъ будто не было возможности отбуксировать эти суда изъ Киленъ-бухты, — Корниловъ подозвалъ меня и сказалъ: «По-

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 224.

ѣзжайте ко всѣмъ командирамъ кораблей и скажите имъ, что, если хотя одна подводная пробка будетъ открыта безъ *моего* приказанія, то я признаю командира того корабля за государственнаго преступника, и въ кандалахъ отправлю къ Государю!» [1]).

Нѣтъ надобности разбирать здѣсь, правильно или неправильно было рѣшеніе Меншикова удалиться съ арміею изъ Севастополя, но нельзя не обратить вниманія на то, что при уходѣ онъ обезпечилъ только командованіе сѣверной стороны. Надлежащій порядокъ командованія на обѣихъ сторонахъ установился, лишь благодаря той случайности, что у Корнилова хватило иниціативы покинуть ввѣренный ему постъ и явиться объединителемъ власти въ своихъ энергичныхъ рукахъ, а у другихъ начальниковъ достало гражданскаго мужества отбросить личное самолюбіе и подчиниться власти наиболѣе изъ нихъ энергичнаго.

Вступивъ въ отправленіе своей новой должности, Корниловъ поручилъ всѣ инженерныя работы подполковнику Тотлебену и открылъ ему всѣ средства порта и доковыхъ мастерскихъ. Въ тотъ же день, 14-го числа, въ приказѣ по гарнизону появилась подробная диспозиція для защиты оборонительной линіи. Войска узнали свои мѣста, ввѣренные ихъ оборонѣ участки; назначены были отвѣтственные начальники какъ надъ войсками, такъ и надъ батареями въ каждой дистанціи.

Въ этой диспозиціи все было принято во вниманіе. Резервныя войска были назначены на болѣе укрѣпленную и не пересѣченную дистанцію; моряки же, болѣе надежные и развитые, призваны были на защиту пространства наиболѣе пересѣченнаго балками и ущельями и наименѣе прикрытаго искусственною защитою. На самую важную и наиболѣе слабую дистанцію назначенъ былъ испытанный и способный начальникъ—контръ-адмиралъ Владиміръ Ивановичъ Истоминъ.

Рано утромъ, на другой день, войска заняли мѣста, указанныя имъ диспозиціею. «По распоряженію Владиміра Алексѣевича, духовенство съ образами, хоругвями и крестами совершило крестный ходъ по южной оборонительной линіи, на дистанціяхъ отслужили молебны и окропили войска святою водою». Такъ правильно принялся Корниловъ съ перваго же дня за поднятіе и закрѣпленіе въ войскахъ нравственной мощи. Затѣмъ: «Одѣтый въ блестящую генералъ-адъютантскую форму, окруженный многочисленною свитою,

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 225.

Корниловъ осматривалъ войска и говорилъ имъ: «Царь надѣется, что мы отстоимъ Севастополь; да намъ и некуда отступать: позади насъ—море, впереди—непріятель. Князь Меншиковъ обманулъ и обошелъ его, и когда непріятель насъ атакуетъ, то наша армія ударитъ на него съ тыла. Помни же—не вѣрь отступленію. Пусть музыканты забудутъ играть ретираду—тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду!... и если я самъ прикажу отступить—коли меня!...» Повторяя эти достопамятныя слова каждому баталіону, Владиміръ Алексѣевичъ разнообразилъ ихъ, примѣняясь къ характеру людей: армейскимъ баталіонамъ онъ толковалъ: «Ваше дѣло сначала строчить непріятеля изъ ружей, а если ему вздумается забраться на батареи, такъ принимайте его по-русски; тутъ ужъ знакомое дѣло—штыковая работа». Баталіону капитана 2-го ранга Винка, состоявшему преимущественно изъ матросовъ 38-го и 41-го экипажей, сказалъ, что давно знаетъ ихъ за молодцевъ, а съ молодцами и говорить много нечего. Вообще, онъ говорилъ съ матросами менѣе, надѣясь болѣе на ихъ стойкость» [1]). Дѣйствительно, въ письмѣ своей женѣ, отъ 18-го сентября, онъ пишетъ: «Матросы особенно одушевлены и съ жаждою помышляютъ о битвѣ за родину» [2]). Вообще, этотъ объѣздъ и слова адмирала произвели глубокое и отрадное впечатлѣніе на войска.

«— Умремъ за родное мѣсто! отвѣчали моряки на слова адмирала. Одушевленіе войскъ и желаніе, постоявъ за себя, отмстить врагу сдѣлалось всеобщимъ. Смотря въ это время на пропеченыя южнымъ солнцемъ загорѣлыя лица стоявшихъ на укрѣпленіяхъ, можно было видѣть, что всѣ они одушевлены спокойною и разумною готовностью ко всѣмъ случайностямъ; видно было, что всякій постоитъ за себя и исполнитъ свой долгъ, какихъ бы жертвъ онъ ни потребовалъ. Увѣренность въ своей силѣ солдатъ и радостные крики ихъ на привѣтственныя слова Корнилова закончили этотъ величественный день въ жизни севастопольскаго гарнизона. Въ это время о князѣ Меншиковѣ никто не вспоминалъ, имя его произносилось съ неудовольствіемъ и всѣ симпатіи стремились къ Корнилову, на котораго смотрѣли, какъ на Богомъ вдохновеннаго человѣка. Дѣйствительно, онъ трудился безъ устали и, казалось, не чувствовалъ ея» [3]).

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 228 и 229.
[2]) Тамъ же, стр. 229.
[3]) Н. Дубровинъ, стр. 193 и 194.

Слова, высказанныя Корниловымъ, были только пріемомъ для возвышенія нравственнаго духа, съ цѣлью подвигнуть войска на такое воодушевленіе, которое давало возможность вызвать неимовѣрную дѣятельность, столь необходимую въ то время въ Севастополѣ. Конечно, онъ разсчитывалъ одновременно вселить въ людяхъ такое упорство, которое дало бы надежду дорого продать непріятелю родное гнѣздо и нанести ему столь значительный вредъ, что подошедшей арміи уже легко было бы справиться съ растрепаннымъ побѣдителемъ. Самъ же Корниловъ въ глубинѣ души не былъ увѣренъ въ то время въ возможность отстоять городъ отъ многочисленнаго врага. Вотъ двѣ выдержки изъ его подневныхъ писемъ къ женѣ: «Итого у насъ набирается 5,000 резервовъ Аслановича и 10,000 морскихъ разнаго рода оружія, даже съ пиками. Хорошъ гарнизонъ для защиты каменнаго лагеря, разбросаннаго на протяженіи многихъ верстъ и перерѣзаннаго балками такъ, что сообщенія прямаго нѣтъ; но что будетъ, то будетъ. Положили стоять. Слава будетъ, если устоимъ; если же нѣтъ..... По укрѣпленіямъ работа кипитъ, даже арестанты усердствуютъ. Войско кипитъ отвагой,—но все это можетъ увеличить только рѣзню, но не воспрепятствовать входу непріятеля...» [1]).

«15-го сентября. О князѣ ни слуху, ни духу..... Наши дѣла улучшаются, инженерныя работы идутъ успѣшно. Укрѣпляемся сколько можемъ, но чего ожидать, кромѣ позору, съ такимъ клочкомъ войска, разбитаго на огромной мѣстности, при укрѣпленіяхъ, созданныхъ въ двухнедѣльное время..... Если бы я зналъ, что это случится, то, конечно, никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышелъ дать сраженіе двойному числомъ врагу. Съ ранняго утра осматривалъ войско на позиціи: шесть резервныхъ баталіоновъ и 15 морскихъ изъ матросовъ; изъ послѣднихъ четыре пріобучены порядочно, а остальные и плохо вооружены, и плохо пріобучены; но что будетъ, то будетъ—другихъ нѣтъ. Чтобы усилиться, формируемъ еще команды изъ обоза. Можетъ завтра разыграться исторія. Хотимъ биться до-нельзя, врядъ-ли поможетъ это дѣлу. Корабли и всѣ суда готовы къ затопленію; пускай достанутся развалины!..... Вечеръ въ черныхъ мечтахъ о будущемъ Россіи» [2]).

И дѣйствительно, было отчего склоняться къ чернымъ мыслямъ. За то короткое время, что главное вниманіе перешло на южную

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 228.

[2]) Тамъ же, стр. 231.

сторону, конечно, было только многое начато и намѣчено, но окончено и исполнено было мало; передъ тѣмъ же, какъ мы видѣли, недостатокъ рукъ тоже не позволялъ многаго сдѣлать. Все-таки со 2-го—14-го сентября на вооруженіи южной стороны было прибавлено 27 орудій, все вооруженіе было поставлено на свои мѣста и можно было дѣйствовать изъ 172-хъ орудій. «Бо́льшая часть этого вооруженія состояла изъ пушекъ 18-ти и 12-ти-фунт., единороговъ 1/2-пуд. и пушекъ-коронадъ 24-хъ-фунт.; т. е. изъ орудій незначительнаго калибра и досяганія. По обширности оборонительной линіи, имѣвшей до семи верстъ длины, вооруженіе это было вездѣ слабо и не представляло нигдѣ огня, достаточно сильнаго для отраженія непріятеля. Что касается самой оборонительной линіи, то одна только часть ея, между 5-мъ и 7-мъ бастіонами, — т. е. 6-й и 7-й бастіоны и оборонительныя стѣнки,—могла считаться въ нѣкоторой степени обезпеченною отъ атаки открытою силою. Остальная же часть ея, отъ 5-го бастіона включительно до Киленъ-бухты, на протяженіи болѣе пяти верстъ, была совершенно слабою и доступною, потому что входившія въ составъ ея укрѣпленія, какъ то: 5-й и 4-й бастіоны, батареи на мѣстѣ 3-го, 2-го и 1-го бастіоновъ и другія имѣли слабую полевую профиль, отчасти были неокончены и бо́льшею частью даже не имѣли рва, а обширные промежутки между ними были почти вездѣ совершенно открыты» [1]). Гарнизонъ же этой прерывчатой семиверстной оборонительной линіи состоялъ, 15-го сентября, всего изъ 23-хъ баталіоновъ съ 32-мя полевыми и десантными орудіями, силою въ 16,000 человѣкъ. Къ тому же за всѣ эти дни объ арміи Меншикова не имѣлось никакихъ свѣдѣній и въ Севастополѣ не знали даже, гдѣ она находится и что съ ней сталось. Конечно, при такихъ условіяхъ, 58,000-ная армія союзниковъ могла смѣло разсчитывать овладѣть городомъ, хотя и съ потерями; но на это дѣло требовалось рѣшимости и единодушія, которыхъ не хватало въ союзной арміи.

Когда союзная армія стала переходить на южную сторону, маршалъ С.-Арно былъ уже совсѣмъ болѣнъ, но все-таки лелѣялъ себя надеждою дожить до взятія Севастополя, полагая, что послѣ усиленнаго бомбардированія легко будетъ имъ овладѣть. Однако, въ ночь съ 13-го на 14-е число маршалъ почувствовалъ приближеніе смерти и, собравъ начальниковъ, передалъ свою власть въ руки генерала Канробера. Оказалось, что у послѣдняго хранилось уже на

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 237 и 238.

этотъ случай распоряженіе императора, предвидѣвшаго недолговѣчность маршала. «Канроберъ былъ извѣстенъ французской арміи какъ человѣкъ съ прекрасными качествами: честный, добросовѣстный и скромный. Подчиненные любили Канробера за его заботливость о сбереженіи здоровья войскъ; они любили его и за личную храбрость. Его мужество, спокойствіе на полѣ битвы, вѣрный взглядъ и необыкновенная пылкость въ критическую минуту возбуждали удивленіе солдатъ, но только своей дивизіи, прибавляетъ его соотечественникъ, ибо, нечего скрывать, этотъ блистательный генералъ не созданъ для главнаго предводительства и неспособенъ командовать арміею. Его умъ привыкъ дѣйствовать въ тѣсной рамкѣ и не въ силахъ обнимать разомъ общаго: во время битвы онъ займется только однимъ пунктомъ и пренебрежетъ другими, привяжется со всѣмъ жаромъ къ одной части, и не будетъ знать, что происходитъ съ другими». Храбрый на полѣ битвы Канроберъ во всѣхъ своихъ административныхъ и боевыхъ распоряженіяхъ былъ до крайности нерѣшителенъ. «Нельзя браться за все вдругъ», повторялъ онъ часто и поступалъ во всемъ медленно, нерѣшительно. Его сотоварищъ лордъ Рагланъ, по характеру истый англичанинъ, любившій комфортъ и изящныя рѣчи, не отличался также большою подвижностью, и оба главнокомандующіе потратили много времени на взаимное совѣщаніе о предстоявшихъ дѣйствіяхъ» [1]).

Благодаря этому, дѣйствія союзниковъ отличались медленностью. 14-е число прошло у англичанъ въ занятіи Балаклавы, а французы совершали переходъ отъ Федюхиныхъ высотъ, и только 15-го числа аванпосты противника показались противъ южной стороны Севастополя. На другой день союзники произвели первую рекогносцировку, повторили ее еще черезъ день, и рѣшили, несмотря на настояніе Раглана, что немедленный штурмъ города вызоветъ большія потери и не имѣетъ за собой много шансовъ. Они предполагали гарнизонъ Севастополя въ 25,000—30,000 и боялись нападенія въ тылъ и во флангъ, во время штурма, арміи Меншикова. На судахъ же у нихъ имѣлись осадные парки и они окончательно рѣшили, по предложенію Канробера, приступить къ штурму лишь по ослабленіи огня нашихъ укрѣпленій осадными батареями. Такимъ образомъ, благопріятная минута ускользала изъ рукъ союзниковъ. 17-го числа они начали располагать свои лагери, а затѣмъ приступили къ выгрузкѣ съ флотовъ всѣхъ привезенныхъ и необходимыхъ матеріаловъ и

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 189 и 190.

давали тѣмъ энергичнымъ защитникамъ Севастополя большой выигрышъ во времени для усиленія своей скороспѣлой оборонительной линіи. Эта медленность и нерѣшительность союзниковъ не могли, конечно, не повліять благодѣтельнымъ образомъ и на нравственныя силы защитниковъ.

Всѣми этими благопріятными случайностями какъ нельзя лучше воспользовались будущіе герои Севастополя. Въ единодушіи и энергіи у нихъ не было недостатка. Власть была объединена и всѣ остальные начальники положили всѣ свои силы и душу въ дѣло солидной подготовки роднаго города къ предстоящей борьбѣ. Корниловъ и Нахимовъ всею своею властью и опытностью спѣшили снабдить необходимыми средствами подполковника Тотлебена, которому поручено было главное руководство работами. «Ожиданіе штурма побуждало въ самое короткое время приготовиться къ встрѣчѣ атакующаго; поэтому укрѣпленіямъ давалась сначала профиль, обезпечивающая прислугу только отъ огня полевой артилеріи. Для скорѣйшей постройки укрѣпленій снимали съ окружающей мѣстности верхній тонкій слой земли и углубляли рвы только въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ это возможно было выполнить безъ ломки скалистаго грунта, что̀ значительно замедлило бы прикрытіе артилеріи и войскъ. Все остальное, какъ-то: усиленіе профили батарей и устройство разнаго рода преградъ, откладывалось до болѣе благопріятнаго времени. Вообще, работы производились съ такимъ разсчетомъ, чтобы съ каждымъ днемъ усиливалась оборона; не ожидая окончанія батарей, орудія устанавливались безотлагательно при первой возможности дѣйствовать изъ нихъ» [1]). Но на всѣ эти работы требовалось много труда и рабочихъ рукъ. Руки эти нашлись, благодаря примѣру, энергіи и воодушевленію Корнилова; всякій видѣлъ его кипучую дѣятельность и постоянное присутствіе на работахъ. Днемъ онъ, не сходя съ лошади, переѣзжалъ съ одной позиціи на другую, а вечеромъ всѣ собирались къ нему за приказаніями. Благодаря этому высокому примѣру начальника, не только солдаты и матросы выбивались изъ силъ на работахъ, но въ нихъ приняли участіе: «вольные мастеровые, мѣщане, лавочники, лакеи; словомъ, всѣ свободные жители города, женщины и дѣти. Женщины носили воду, шили мѣшки, а дѣти таскали землю на укрѣпленія» [2]). Всякій несъ посильную службу и лентяевъ, и тунеядцевъ

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 246 и 247.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 184.

не было въ городѣ. Все населеніе Севастополя приняло дѣятельное участіе въ работахъ. На пристаняхъ выгружали орудія большаго калибра съ кораблей; изъ порта и арсенала, раскрытыхъ настежъ, тащили всякіе снаряды, лафеты, матеріалы и инструменты, и все это тянулось къ укрѣпленіямъ, гдѣ цѣлый день работало отъ 5,000 до 6,000 человѣкъ, на ночь же становилась другая смѣна, хотя и въ меньшемъ числѣ. Въ то же время въ городѣ для занятія карауловъ сформировалась милиція изъ гражданъ, которою командовали два актера. Вотъ до какихъ размѣровъ удалось Корнилову довести одушевленіе и любовь къ отечеству всѣхъ жителей города, не говоря уже о чинахъ флота и войска. «Совокупныя усилія севастопольцевъ сдѣлали небывалую вещь: въ двѣ ночи и одинъ день было поставлено на батареяхъ болѣе 100 орудій большихъ калибровъ. Явившись на южной сторонѣ города, союзники повѣсили нѣсколькихъ татаръ, увѣрявшихъ ихъ, что городъ вовсе не защищенъ съ южной стороны. Повѣшенные получили должное возмездіе, какъ измѣнники Россіи, но были справедливы въ своихъ показаніяхъ—они не могли предполагать столь успѣшной работы» [1]).

Первые боевые выстрѣлы съ вновь возводимой оборонительной линіи сопровождала нѣкоторая удача. Пробными выстрѣлами съ бастіона № 4-го и корабля «Ягудіилъ», поставленнаго въ глубинѣ южной бухты, заставили противника отодвинуть назадъ одинъ изъ расположившихся уже лагерей.

16-го числа, на другой день послѣ торжества освященія укрѣпленій, въ Севастополѣ было получено, наконецъ, первое извѣстіе изъ арміи. Къ адмиралу Корнилову прибылъ отъ князя Меншикова лейтенантъ Стеценко и передалъ: о расположеніи арміи близъ Бахчисарая, о прибытіи подкрѣпленій въ числѣ 10,000-наго отряда отъ генерала Хомутова, объ ожидаемомъ прибытіи 12-й пѣхотной дивизіи и о намѣреніи князя тогда перейти въ наступленіе. Корниловъ не замедлилъ воспользоваться этимъ для ободренія своихъ войскъ и сейчасъ, совмѣстно съ прибывшимъ, объѣхалъ всѣ укрѣпленія—«разсказывая главнымъ начальникамъ вѣсти изъ арміи» [2]).

Черезъ два дня гарнизонъ Севастополя былъ обрадованъ появленіемъ нашей арміи на сѣверной сторонѣ. Въ 2 часа дня прибылъ на батарею № 4-го князь Меншиковъ [3]), но онъ не поспѣшилъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 185.
[2]) Матеріалы А. Жандра, стр. 232.
[3]) Тамъ же, стр. 235.

на другую сторону рейда, съ цѣлью повидать и поблагодарить гарнизонъ, такъ много потрудившійся за время отсутствія арміи. Онъ вызвалъ къ себѣ адмирала Корнилова и, жалуясь ему на свое положеніе, высказалъ предположеніе снова отвести армію отъ города. Но мысль эта не была приведена въ исполненіе и 19-го числа гарнизонъ Севастополя былъ усиленъ изъ арміи тремя полками 17-й дивизіи, двумя резервными баталіонами и двумя полевыми батареями. Это измѣненіе состава защитниковъ сейчасъ же вызываетъ новыя распоряженія по оборонѣ города и 20-го числа уже объявлена войскамъ новая диспозиція съ подробнымъ распредѣленіемъ всѣхъ частей по дистанціямъ и къ ней приложена была еще подробная инструкція начальникамъ дистанцій, съ указаніемъ разныхъ мѣръ и характера дѣйствій для отбитія непріятельскаго нападенія. Такимъ образомъ, войска подробно и своевременно знали, что̀ и какъ имъ слѣдуетъ дѣлать.

Въ этотъ же день, 20-го сентября, князь Меншиковъ, наконецъ, посѣтилъ Севастополь. Объѣздъ этотъ онъ началъ съ праваго фланга, но уже на 6-мъ бастіонѣ получилъ свѣдѣніе о приближеніи противника къ Малахову кургану, а потому прямо направился туда. Послѣ разъясненія, что противникъ совсѣмъ не намѣренъ вести наступленіе, объѣздъ укрѣпленій всей оборонительной линіи не былъ оконченъ, а прямо «съ дистанціи Истомина, князь Александръ Сергѣевичъ поѣхалъ на сѣверную сторону черезъ Ушакову балку...» [1]). Такимъ образомъ, болѣе половины оборонительной линіи и войскъ на ней расположенныхъ остались не объѣханными княземъ при первомъ посѣщеніи его этихъ, вновь созданныхъ войсками, укрѣпленій. Нигдѣ мы не нашли свидѣтельствъ, чтобы князь что нибудь говорилъ войскамъ при этомъ объѣздѣ или даже просто выразилъ имъ лично благодарность за ихъ выходящіе изъ ряда по энергіи труды.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ Корниловъ на обязанность начальника своимъ примѣромъ и словами вліять и подготовлять войска: «Корниловъ, объѣзжая со своимъ штабомъ оборонительную линію каждый день, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ, наблюдалъ лично за ходомъ инженерныхъ работъ, за строгимъ исполненіемъ аванпостной службы, за порядкомъ въ размѣщеніи войскъ, а ночью, при малѣйшей тревогѣ или перестрѣлкѣ, немедленно являлся на линію. Онъ всегда говорилъ съ солдатами, стараясь поддержать въ нихъ энергію и мысль о необходимости драться до послѣдней крайности [2]).

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 241.

[2]) Тотлебенъ, Ч. I, стр. 265.

Какъ мы уже упомянули выше, союзники, занявъ Балаклавскую и Херсонескія бухты, рѣшили употребить въ дѣло свою осадную артилерію, а потому и приступили къ выгрузкѣ матеріаловъ съ эскадръ. Но работы по устройству лагерей и разгрузкѣ флотовъ не отличались успѣшностью, такъ какъ первое время арміи нуждались рѣшительно во всемъ. Высадившись и двинувшись изъ подъ Алмы на южную сторону только съ тѣми запасами, которые имѣлись на себѣ, безъ всякаго обоза, союзныя арміи должны были прежде всего подумать о продовольствіи и доставленіи войскамъ хотя какихъ нибудь удобствъ для отдыха и пріостановленія дальнѣйшаго развитія болѣзненности. Холерныя заболѣванія не прекращались среди войскъ и современники утверждали, что армія потеряла отъ холеры со времени высадки столько же, сколько въ бою на р. Алмѣ. Замѣтно хуже въ этомъ отношеніи было положеніе англійской арміи, гдѣ интендантская и медицинская части были менѣе благоустроены: «Продовольствіе англо-французовъ было не обильно; матеріальныя средства также весьма скудны. До 22-го сентября англійскія войска не имѣли палатокъ, солдаты и офицеры проводили сырыя и весьма холодныя ночи на чистомъ воздухѣ. Бивачная жизнь подъ открытымъ небомъ вредно дѣйствовала на союзниковъ. «Едва-ли найдется хотя одинъ офицеръ, писали въ англійскихъ газетахъ, который былъ бы совершенно здоровъ. Кто не страдалъ отъ припадковъ холеры и простуды, у того навѣрное ревматизмъ. Надо сказать правду—британская армія много потерпѣла» [1]).

Но снабженіе арміи всѣмъ необходимымъ могло быть производимо не иначе какъ подвозомъ моремъ, а Черное море въ это время непривѣтливо встрѣчало транспорты союзниковъ осенними бурями, такъ что зачастую лишь самая ограниченная часть посланныхъ вещей и грузовъ доходила по назначенію: «... англичане въ разное время и на разныя суда посадили въ Турціи 300 лошадей, а привезли въ Крымъ только двѣ» [2]).

Не менѣе затрудненій встрѣчали союзники и при выгрузкѣ и доставкѣ въ лагерь осадныхъ матеріаловъ со своего флота, такъ какъ почти никакихъ перевозочныхъ средствъ при арміи не было и приходилось большинство вещей перетаскивать при помощи рабочей силы самой арміи. Въ этомъ отношеніи опять-таки англичане были въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ французы, такъ какъ ихъ ла-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 207.

[2]) Тамъ же.

герь отстоялъ отъ Балаклавы на 12 верстъ и дороги были испорчены и пролегали по крутизнамъ и балкамъ. Къ тому же англійскіе вербованные солдаты не привыкли къ подобной службѣ. Эти работы еще болѣе изнуряли и безъ того трудно переносившія лишенія войска. «Всѣ наши солдаты очень исхудали, писалъ одинъ изъ англійскихъ кореспондентовъ; пыль и потъ, накопившіеся на нихъ въ теченіе долгаго времени, придаютъ имъ самый невзрачный видъ. Платья ихъ, которыхъ они не перемѣняли уже нѣсколько недѣль, невозможно и очистить. Какъ прикажете мыться, когда воды такъ мало, что и пить нечего?» [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что союзники, не рѣшившись на энергичный и скорый способъ овладѣнія почти беззащитнымъ городомъ, отложили дѣло въ болѣе или менѣе долгій ящикъ, такъ какъ требовалось сначала благоустроить жизненныя потребности арміи и затѣмъ только приступить къ не менѣе копотливымъ и труднымъ работамъ по заготовленію всего необходимаго для открытія осадныхъ работъ, хотя бы и съ цѣлью лишь непродолжительнаго обстрѣла нашей оборонительной линіи. Подобное рѣшеніе союзниковъ не могло прежде всего не поднять духа защитниковъ города, какъ всякая нерѣшительность и медленность въ дѣйствіяхъ противника. Затѣмъ оно должно было повліять въ обратную сторону на ихъ войска, такъ какъ убѣждало ихъ въ неожиданной силѣ и готовности къ бою нашего гарнизона и требовало отъ ихъ войскъ значительныхъ усилій и трудовъ, которыя при малой обезпеченности и всевозможныхъ лишеніяхъ могли только истощать войска и ронять ихъ духъ, а не подымать. Но, главнымъ образомъ, это рѣшеніе давало въ наши руки возможность не только еще болѣе усилиться въ матеріальномъ отношеніи, но болѣе солидно подготовить войска къ предстоящей борьбѣ съ нравственной стороны. Дѣйствительно, въ первые дни лихорадочной дѣятельности по устройству защиты Севастополя всѣ помыслы Корнилова были устремлены на то, чтобы вызвать возможное одушевленіе въ каждомъ, способномъ къ труду, человѣкѣ, изъ числа находившихся въ городѣ матросовъ, солдатъ и частныхъ лицъ для скорѣйшаго возведенія матеріальнаго оплота города. Для возвышенія же нравственнаго духа въ гарнизонѣ имъ принимались только тѣ мѣры, которыя достигались попутно или по существу своему не требовали для себя времени, а только энергіи и желанія начальника.

---

[1]) Тамъ же, стр. 208.

Послѣ вынужденнаго затопленія кораблей, онъ не далъ чинамъ флота предаться унынію, а именно на почвѣ этой жертвы воодушевилъ ихъ на защиту роднаго гнѣзда до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Вызванная имъ энергія и дѣятельность всѣхъ чиновъ, конечно, могла только ободрить ихъ и смѣло можно сказать, что съ каждой новой батареею, съ каждымъ вновь поставленнымъ орудіемъ увѣренность гарнизона въ своихъ силахъ возрастала. При первомъ же появленіи противника на южной сторонѣ, когда можно было ожидать немедленнаго штурма, онъ, въ видахъ подготовленія къ нему защитниковъ, прежде всего обратился къ воздѣйствію на религіозныя чувства войскъ, причемъ воспроизвелъ столь высоко торжественную обстановку, которая не могла не оставить глубокаго впечатлѣнія на воспріимчивую душу русскаго воина. Самъ онъ, не только при этомъ случаѣ, но, каждый день появляясь на работахъ, все время говорилъ съ войсками и, опираясь въ своихъ словахъ на преданность Царю и отвѣтственность передъ родиною, убѣждалъ войска въ полной необходимости отстаивать городъ до послѣдней капли крови, допуская лишь единственный исходъ — всѣмъ лечь костьми и отдать врагу лишь полныя развалины. Появляясь всюду лично и давая всѣмъ нужныя указанія, онъ поддерживалъ энергію въ работахъ примѣромъ личной дѣятельности. Къ тому же вся эта валовая лихорадочная работа велась въ полномъ порядкѣ, каждый имѣлъ свое дѣло и зналъ, что отъ него требуется. Войска не могли быть застигнуты врасплохъ, такъ какъ при каждомъ измѣненіи ихъ состава появлялась новая диспозиція, на случай покушенія противника, оборонительная линія была раздѣлена на участки, каждый зналъ, что ему довѣрено и за что онъ отвѣтственъ. Въ необходимыхъ случаяхъ эти распоряженія дополнялись подробными инструкціями.

Когда же, 22-го сентября, замѣчено было приготовленіе союзниковъ къ началу осадныхъ работъ и тѣмъ выяснилось, что непріятель еще откладываетъ свое нападеніе на довольно продолжительное время, необходимое для постройки и вооруженіе осадныхъ батарей, Корниловъ, не прерывая всей энергической дѣятельности по матеріальному усиленію оборонительной линіи дальнѣйшею постройкою батарей и лучшимъ ихъ вооруженіемъ, принимаетъ рядъ мѣръ, свидѣтельствующихъ о глубокомъ и правильномъ пониманіи имъ значенія нравственнаго элемента, такъ какъ мѣры эти имѣли прямое назначеніе къ еще бо́льшему поднятію нравственнаго духа въ средѣ защитниковъ Севастополя.

Прежде всего Корниловъ обратилъ вниманіе на моряковъ, какъ на главный контингентъ защитниковъ. Дѣйствительно, положеніе ихъ было совершенно необычное. Всю жизнь ихъ готовили для службы на морѣ и на корабляхъ, а съ наступленіемъ военныхъ дѣйствій имъ пришлось проститься съ любимыми судами и на твердой землѣ отстаивать колыбель своего флота, дѣйствуя въ мало знакомой имъ обстановкѣ пѣхотнаго и крѣпостнаго боя. Въ высокихъ, нравственныхъ качествахъ ихъ, какъ воиновъ вообще, онъ не сомнѣвался, но, конечно, полное проявленіе всѣхъ этихъ качествъ на дѣлѣ значительно облегчалось при возможномъ устраненіи всего новаго и необычнаго. Всякій человѣкъ, по натурѣ своей, всегда больше можетъ принести пользы дѣлу и увѣреннѣе его дѣлаетъ, когда онъ поставленъ въ привычную для себя обстановку. Чѣмъ больше нарушена привычная обстановка войскъ, чѣмъ больше въ ихъ составѣ импровизаціи, чѣмъ бо́льшее число у нихъ новыхъ начальниковъ, тѣмъ меньше можно разсчитывать на нравственныя силы войскъ. Между тѣмъ это имѣло мѣсто въ Севастополѣ при спѣшной организаціи сухопутной обороны его изъ морскихъ баталіоновъ. Такъ какъ сначала суда флота предназначались для обстрѣливанія сѣверной стороны при ожиданіи нападенія на нее, то съ этихъ судовъ могли быть отдѣлены лишь команды, которыя, равно какъ и люди, освободившіеся съ потопленныхъ судовъ, образовали баталіоны. Баталіоны эти, стало быть, были вполнѣ импровизованные, составленные изъ людей разныхъ экипажей, со вновь назначенными начальниками, изъ числа свободныхъ, и не имѣли даже знаменъ, ибо таковыя принадлежали экипажамъ и не могли быть выданы сборнымъ баталіонамъ. Когда же противникъ перешелъ на южную сторону и большинство моряковъ вступило въ число сухопутнаго гарнизона, то Корниловъ хотѣлъ сдѣлать переформированіе по экипажамъ, но ежеминутное ожиданіе немедленнаго штурма не дозволяло приступить къ этому дѣлу, такъ какъ оно потребовало бы оставленія многихъ пунктовъ на нѣсколько часовъ совсѣмъ безъ обороны. Послѣдовавшее замедленіе въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ вызвало со стороны Корнилова просьбу: «начальникамъ флотскихъ дивизій составить проекты соединенія экипажей и размѣщенія ихъ по дистанціямъ, взамѣнъ баталіоновъ, и представить еще проекты ему для дальнѣйшаго, по мѣрѣ возможности, исполненія» [1]). Но когда окончательно выяснилось, что противникъ на-

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 274.

чалъ постройку осадныхъ батарей и будетъ ждать ихъ окончанія, раньше чѣмъ принять что нибудь рѣшительное противъ города, Корниловъ отдалъ, 30-го сентября, слѣдующій приказъ:

«Находя въ настоящихъ обстоятельствахъ возможнымъ экипажи соединить въ настоящіе составы, причемъ состоять имъ въ командованіи экипажныхъ своихъ командировъ и имѣть при себѣ знамена, я симъ предписываю сего же 30-го сентября совершить это преобразованіе, причемъ экипажи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: нижнимъ чинамъ, на батареи назначеннымъ, оставаться при своихъ мѣстахъ; штабъ и оберъ-офицерамъ, не имѣющимъ особыхъ назначеній, быть при своихъ экипажахъ...» [1]).

Приказъ этотъ на много усиливалъ гарнизонъ въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ начальники получили своихъ офицеровъ и людей, а люди своихъ начальниковъ. Кромѣ того, всѣ части получали свои знамена. Адмиралы — начальники дистанцій, имѣя подъ командою свои же экипажи и поручивъ командованіе бастіонами и батареями капитанамъ и экипажнымъ командирамъ со своими же людьми, ввели и на сушѣ тѣ же порядки, которыхъ привыкли придерживаться на морѣ. Порученіе командованія бастіонами и батареями командирамъ кораблей и экипажей съ ихъ же офицерами и людьми имѣло еще одно большое нравственное значеніе въ томъ отношеніи, что командиры эти приняли бастіоны и батареи въ командованіе столь же полно, какъ привыкли командовать кораблями. Они приняли на полную свою отвѣтственность состояніе порученныхъ имъ укрѣпленій и съ привычною иниціативою заботились и принимали мѣры, какъ для фортификаціоннаго усиленія пункта, такъ и для снабженія его артилерійскимъ вооруженіемъ со всѣми необходимыми запасами, равно какъ и для полнаго снабженія и благоустройства гарнизона. Тутъ не было мѣста той разъединенности, какая часто случается отъ недружныхъ дѣйствій инженернаго, артилерійскаго и интендантскаго вѣдомствъ. Все было объединено въ однѣхъ рукахъ, сознававшихъ полную свою отвѣтственность по всѣмъ частямъ и привыкшихъ въ морѣ, гдѣ никогда нельзя разсчитывать получить своевременно указанія, къ полной иниціативѣ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ. Этимъ то положеніемъ моряки при началѣ осады Севастополя и создали ту нравственную силу, которая держалась за всѣ 11 мѣсяцевъ обороны и была главнымъ залогомъ ея неслыханнаго успѣха.

---

[1]) Тамъ же, стр. 274 и 275.

Начало работъ со стороны союзниковъ вызвало сближеніе передовыхъ цѣпей съ обѣихъ сторонъ. Сближеніе это повело къ ряду мелкихъ нападеній и предпріятій съ нашей стороны. Эти мелкія вылазки имѣли цѣлью или уничтоженіе мѣстныхъ закрытій, которыми могъ съ выгодою воспользоваться противникъ, или ближайшій осмотръ и сборъ свѣдѣній о ходѣ его работъ, или просто тревоженіе непріятеля, разрушеніе и замедленіе его работъ.

Первая вылазка была произведена 23-го сентября однимъ морскимъ баталіономъ съ двумя орудіями и нѣсколькими казаками для разоренія хутора между французскимъ лагеремъ и нашими 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Про вылазку эту Корниловъ въ своемъ дневникѣ пишетъ: «Молодцы наши отогнали два баталіона французовъ и эскадронъ ихъ конницы, и сдѣлали свое дѣло на глазахъ непріятеля, т. е. срыли стѣнки и сожгли домъ. Это чрезвычайно развеселило гарнизонъ» [1]). Конечно, подобныя мелкія предпріятія не могли не имѣть хорошаго вліянія на нравственныя силы гарнизона. За этимъ первымъ удачнымъ началомъ послѣдовали другія вылазки, которыя производились въ большинствѣ случаевъ охотниками, вызванными отъ моряковъ, пѣхоты и саперъ. Исполняя необходимыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ смѣлыя порученія, команды эти наглядно вселяли въ гарнизонъ увѣренность въ своихъ силахъ, выказывая на его глазахъ боевое неуваженіе противнику. При такихъ вылазкахъ часто захватывались плѣнные и различныя вещи, инструменты и оружія противника. Нескончаемые и оживленные разсказы охотниковъ вызывали боевой азартъ у слушателей и въ общемъ служили развитію удали и лихости между защитниками. Сначало появилось соревнованіе между отдѣльными личностями, которое незамѣтно перешло и на части. Но кромѣ всей этой пользы для нашихъ войскъ, вылазки, производимыя днемъ и ночью, не давали покоя противнику и удручающе дѣйствовали на него. Зачастую наши охотники подымали весь лагерь противника на ноги и заставляли его становиться въ ружье, ожидая серьезнаго нападенія съ нашей стороны. По свидѣтельству иностранцевъ, эти тревоги были особенно тягостны для англичанъ, медлительность которыхъ заставляла ихъ терять много времени, бросая работы и становясь въ ружье при первомъ крикѣ «ура»! горсти нашихъ удальцовъ. Такимъ образомъ вылазки наши, подымая своимъ удальствомъ и лихостью нравственныя силы въ на-

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 251.

шихъ войскахъ, способствовали въ то же время утомленію и безпокойству противника и вліяли пагубнымъ образомъ на его моральныя и физическія силы. Объявляя о сдѣланныхъ подвигахъ въ приказѣ по гарнизону, Корниловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатайствовалъ у князя Меншикова, чтобы большинству изъ отличившихся были пожалованы знаки отличія военнаго ордена. На награды эти начальники смотрѣли не только какъ на воздаяніе за совершенные подвиги, но видѣли въ нихъ средство для поднятія нравственныхъ силъ защитниковъ. Донесеніе Истомина Корнилову о поискахъ партій Бородинскаго и Бутырскаго полковъ заканчивается слѣдующею фразою: «...словомъ, эти двѣ небольшія партіи не давали имъ, сегодня, послѣ обѣда, покоя, и Георгіевскій крестъ, который князь пожаловалъ Лапину, дастъ Богъ принесетъ прекрасные плоды, возбудивъ соревнованіе между двумя полками» [1]).

Возбужденный въ гарнизонѣ духъ предпріимчивости и захвата иниціативы въ свои руки выказался не только въ дѣйствіяхъ партій охотниковъ, но проявился также въ дѣлѣ обстрѣливанія ружейнымъ огнемъ работъ противника, несмотря на превосходство его въ вооруженіи. Удалось это достигнуть тѣмъ, что, съ приходомъ въ составъ гарнизона пѣхотныхъ полковъ, всѣхъ штуцерныхъ этихъ полковъ приказано было собрать въ особыя команды, и команды эти, диспозиціею отъ 20-го сентября, были отданы въ распоряженіе начальниковъ дистанцій оборонительной линіи. Ежедневно эти команды штуцерныхъ высылались впередъ для перестрѣлки съ противникомъ. Оказалось, что наши люди, какъ отборные и спеціально подготовленные, были гораздо искуснѣе въ стрѣльбѣ, чѣмъ противникъ, почему значительно замедляли своимъ огнемъ работы непріятеля, а иногда имъ удавалось и совершенно разгонять рабочихъ. Про столь удачную дѣятельность нашихъ штуцерныхъ имѣются многочисленныя свидѣтельства.

Немало было тоже выказано иниціативы руководителями Севастопольской обороны при возведеніи оборонительной линіи и ея вооруженіи. Они задались не только возведеніемъ достаточно сильныхъ преградъ противнику и укрѣпленій, обстрѣливающихъ изъ большаго числа орудій всѣ подступы къ осажденному городу, но преслѣдовали цѣль предупредить появленіе и дѣятельность непріятельскихъ осадныхъ батарей, выставляя противъ нихъ заранѣе значительное число батарей приблизительно съ тѣмъ же числомъ ору-

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 280.

дій. Цѣль эта была почти достигнута, такъ что при осадѣ Севастополя роли осажденнаго и осаждающаго до нѣкоторой степени измѣнились и активную дѣятельность для предстоящей борьбы артилеріи выказывала не та сторона, какъ обыкновенно это бываетъ при осадахъ: «Здѣсь, по иниціативѣ Тотлебена, дѣло стало въ обратное положеніе: не осаждающій соображался съ силою огня крѣпости, ему неизвѣстнаго, а осажденный старался противопоставить артилеріи союзниковъ бо̀льшее число орудій и, разметавши эти орудія по разнымъ батареямъ небольшаго протяженія, сосредоточить огонь ихъ въ одно мѣсто, чтобы въ то же время развлечь огонь непріятеля такъ, чтобы постоянно имѣть надъ нимъ превосходство огня» [1]). Не говоря уже объ особенностяхъ оборонительной линіи Севастополя, такая полная иниціативы дѣятельность по оборонѣ города могла быть достигнута только благодаря неисчерпаемымъ артилерійскимъ запасамъ флота и его арсеналовъ, и той энергіи, которую удалось вызвать во всѣхъ защитникахъ города.

Но не на однѣ искусственныя преграды и ихъ сильное вооруженіе надѣялся Корниловъ въ ожиданіи предстоящей борьбы съ противникомъ. Онъ отлично понималъ, что всякія боевыя дѣйствія только тогда могутъ быть удачны, когда каждый участникъ ихъ будетъ заранѣе знать, какъ ему лучше дѣйствовать и что̀ ему предстоитъ дѣлать. Потому-то онъ и старается заранѣе выработать и показать подчиненнымъ планъ предстоящихъ дѣйствій, съ тѣмъ, чтобы, при началѣ боя, былъ возможенъ тотъ порядокъ въ развитіи и веденіи его, который всегда ведетъ къ успѣху. Дѣйствительно, когда начальники и подчиненные знаютъ, что̀ имъ необходимо дѣлать въ бою, то съ самаго начала боя никто не будетъ теряться и искать лучшаго способа дѣйствій, и противникъ сразу встрѣтитъ сильный и правильный отпоръ и не въ состояніи будетъ воспользоваться нашими слабыми сторонами. Во всѣхъ дѣйствіяхъ будетъ царствовать полное хладнокровіе, начальники не будутъ заняты въ горячія минуты боя спѣшными соображеніями объ отысканіи наилучшаго способа дѣйствій и о мѣрахъ передачи и разъясненіи ихъ подчиненнымъ. Послѣдніе сами будутъ исполнять свое дѣло, какъ вполнѣ знакомую имъ и привычную работу. Умъ же и способности начальниковъ будутъ совершенно свободны для широкаго развитія и примѣненія находчивости, съ цѣлью немедленно воспользоваться всѣми ошибками, неудачами и слабостями противника, случайно

---

[1]) «Записки князя В. И. Васильчикова». «Русск. Арх.» 1891 г., № 6-й, стр. 186.

явившимися при ходѣ боя. Однимъ словомъ, въ дѣятельности Корнилова мы видимъ присутствіе мѣръ, направленныхъ къ установленію возможно полнаго порядка въ предстоящемъ бою, такъ сильно, какъ извѣстно, вліяющаго на подъемъ нравственнаго духа, вслѣдствіе развитія въ высокой мѣрѣ увѣренности, хладнокровія и находчивости.

Къ числу этихъ мѣръ прежде всего относится разъясненіе войскамъ способа ихъ дѣйствій путемъ диспозицій и инструкцій. Какъ мы уже указывали, при всякой перемѣнѣ данныхъ, въ смыслѣ ли увеличенія войскъ гарнизона, или измѣненія условій обороны даннаго участка постройкою новыхъ укрѣпленій, или при появленіи новыхъ данныхъ о противникѣ, войска получали сейчасъ же новыя диспозиціи, инструкціи или распоряженія, соотвѣтственно дополняющія прежде отданныя. Такъ что каждую минуту войска являлись вполнѣ готовыми встрѣтить всякое покушеніе противника. Не скупился онъ то же на разъясненія своихъ намѣреній и диспозицій въ тѣхъ случаяхъ, когда выказывалось несознательное пониманіе ихъ войсками. Такъ, 26-го сентября, имъ отданъ былъ приказъ, въ которомъ былъ подробно указанъ способъ дѣйствій артилеріи и ея прислуги, цѣпи и сомкнутыхъ частей пѣхоты гарнизона, какъ на случай бомбардировки, такъ и на случай дневнаго и ночнаго штурма. Мы не приводимъ полностью этого приказа, но сдѣлаемъ изъ него двѣ выписки, съ цѣлью указать, что и редакція распоряженій Корнилова была строго соображена съ развитіемъ и укрѣпленіемъ въ войскахъ необходимыхъ качествъ для предстоящей борьбы. При обрисовкѣ характера дѣйствій для противодѣйствія дневному штурму, въ концѣ наставленія артилеристамъ сказано: «...и когда непріятель подойдетъ на картечный выстрѣлъ, то картечью, продолжая дѣйствіе даже и тогда, когда часть непріятеля ворвется; когда же онъ отобьетъ отъ орудій, то, не оставляя ихъ, обороняться холоднымъ оружіемъ, ибо, при могущемъ случиться отбитіи штурма, артилерія должна будетъ его преслѣдовать...»; наставленіе же пѣхотѣ заканчивается слѣдующимъ указаніемъ: «Въ случаѣ прорыва непріятеля, войска наши должны собираться въ улицахъ и препятствовать распространенію непріятеля, ударяя въ него по возможности, стрѣлкамъ же пользоваться всѣмъ, что встрѣтится: домомъ, хатой и заборомъ, ибо, въ случаѣ прорыва, непріятель будетъ также разстроенъ, и слѣдовательно, рукопашный бой долженъ рѣшить окончательно дѣло» [1]).

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 261.

Изъ этихъ двухъ выписокъ видно, что Корниловъ нисколько не скрывалъ отъ войскъ силы противника и не убѣждалъ ихъ въ легкости противостоять ему, а напротивъ, вполнѣ допускалъ возможность прорыва непріятеля во внутрь оборонительной линіи. Но въ то же время говорилъ войскамъ, что упорнымъ и настойчивымъ веденіемъ и продолженіемъ боя возможно и въ этомъ случаѣ одолѣть противника и говорилъ про подобное выходящее изъ ряда упорство безъ всякаго пафоса, какъ про вещь обыкновенную и вполнѣ присущую подчиненнымъ ему войскамъ. Этимъ вселялась въ войска увѣренность въ ихъ способности вести бой столь героическимъ образомъ; да къ тому же они видѣли, что начальникъ ихъ вполнѣ убѣжденъ въ столь высокихъ ихъ качествахъ. Послѣ подобныхъ словъ, конечно, никакой временной успѣхъ противника при нападеніи не являлся бы для войскъ неожиданностью и не повелъ бы за собой катастрофы, такъ какъ войска знали, что онъ предвидѣлся начальствомъ и знали, что они должны дѣлать и въ этомъ случаѣ.

Изъ другихъ мѣръ укажемъ на производство, 23-го сентября, примѣрнаго отбитія штурма на Малаховъ курганъ войсками четвертой дистанціи. Маневръ этотъ, кромѣ указанія войскамъ на практикѣ способа дѣйствій, указаннаго въ диспозиціяхъ и инструкціяхъ, принесъ еще ту пользу, что указалъ на недостаточность войскъ этой дистанціи, вслѣдствіе чего онѣ были усилены. Самъ Корниловъ присутствовалъ на этомъ ученьи и не упустилъ случая поговорить съ людьми. Къ этого же рода мѣрамъ мы отнесемъ и производство пробныхъ стрѣльбъ по осаднымъ работамъ противника 2-го и 4-го октября, такъ какъ онѣ были произведены: «для лучшаго приготовленія нашей артилеріи къ предстоящей ей борьбѣ...» и передъ начатіемъ ихъ, «...предварительно, на мѣстѣ тщательно опредѣленъ обстрѣлъ каждой амбразуры наведеніемъ орудій по щекамъ амбразуръ, и такимъ образомъ указаны орудія, которыя могли быть наведены на Рудольфову высоту». Кромѣ того: «при этой стрѣльбѣ были опредѣлены углы возвышенія» [1]).

Этими стрѣльбами, кромѣ достиженія главной ихъ цѣли—упорядоченія предстоящаго артилерійскаго состязанія съ осадными батареями, были достигнуты попутно и другіе не менѣе важные результаты: «Всѣ французскія батареи были сильно повреждены, въ особенности правая, обращенная къ 4-му бастіону; на нѣкоторыхъ изъ нихъ амбразуры открылись и ясно обозначилась туровая одеж-

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 283.

да ихъ», а въ другой разъ—«на французскихъ батареяхъ произведены такія же сильныя поврежденія, какъ и 2-го числа, а на англійскихъ обнаружены нѣкоторыя замаскированныя амбразуры» [1]). Поврежденія эти, конечно, для гарнизона были фактическимъ доказательствомъ силы оборонительной линіи и какъ всякій, хотя бы и незначительный, успѣхъ съ нашей стороны, не могъ не имѣть значенія въ смыслѣ укрѣпленія духа обороняющагося.

Мы уже упоминали, что большинство редутовъ, батарей и бастіоновъ было ввѣрено командованію флотскихъ офицеровъ, которые, въ силу своей привычки по службѣ на морѣ, являлись полными хозяевами ввѣренныхъ имъ участковъ обороны и отдѣльныхъ укрѣпленій и считали себя вполнѣ отвѣтственными не только за удачныя боевыя дѣйствія, но и за полное благоустройство во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и всякаго рода снабженій. Этотъ полный интересъ командировъ къ дѣятельности своихъ батарей еще больше усиливался тѣмъ, что принято было именовать укрѣпленія не нумерами, а фамиліями ихъ командировъ. При такомъ пріемѣ въ дѣло замѣшивалось самолюбіе начальниковъ, такъ какъ каждому понятна разница между выраженіями: «батарея № 26 дѣйствовала отлично» или «батарея Шемякина дѣйствовала отлично».

Нельзя обойти молчаніемъ постоянную заботливость, которую проявлялъ Корниловъ о своихъ подчиненныхъ; несмотря на громадность своихъ занятій въ это время, онъ, при своей энергіи, успѣвалъ обо всемъ подумать, представлять и просить, причемъ заботы эти доходили до мельчайшихъ подробностей быта и жизни нижнихъ чиновъ.

Объявленіемъ подробныхъ инструкцій по отправленію службы на батареяхъ и размѣщенію войскъ на дистанціяхъ выражалось стараніе не подвергать людей излишнему утомленію и расположить ихъ, до необходимости встрѣтить войсками штурмующія части противника, по возможности, скрытно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по представленіямъ Корнилова, было разрѣшено: довольствіе морскою провизіею флотскихъ чиновъ гарнизона; рабочимъ нижнимъ чинамъ на батареяхъ выдавать заработныя деньги, какъ за адмиралтейскія работы; полкамъ были отпущены паруса для палатокъ; морскіе нижніе чины получили теплыя рубашки; черноморскіе пластуны, прибывшіе въ Севастополь почти нагими, получили сукно, холстъ и сапожный товаръ отъ морскаго вѣдомства, причемъ Меншиковъ писалъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 283 и 284.

по этому поводу Корнилову: «Прикажите объявить черноморцамъ, что за даруемую имъ одежду никакого взысканія учинено не будетъ...» [1]).

Корниловъ успѣвалъ тоже посѣщать госпитали, гдѣ имъ были призрѣны раненые подъ Алмой офицеры и нижніе чины. Разговаривая съ ними, онъ ободрялъ ихъ и, шутя, уговаривалъ поскорѣй выздоравливать, для очищенія мѣста защитникамъ Севастополя. Часть раненыхъ подъ Алмой офицеровъ была имъ отправлена въ Симферополь, причемъ онъ «нашелъ время написать губернатору письмо, прося его покровительствовать раненымъ» [2]).

Заботы, вниманіе и привѣтливость Корнилова, конечно, не остались безъ оцѣнки со стороны подчиненныхъ и не только матросы, знавшіе его раньше, но и сухопутныя войска платили ему за это любовью и преданностью. «... Крѣпко любили его солдаты за привѣтъ и доброе слово. Рѣчь его была впечатлительна, всякое слово было близко солдатскому уму и сердцу. При всякой встрѣчѣ и прощаніи съ нимъ, солдаты говорили между собою: «вотъ такъ енералъ; отецъ, а не енералъ!..» [3]).

Но такія отношенія нисколько не мѣшали ему быть взыскательнымъ и строгимъ, причемъ онъ всегда различалъ невольныя ошибки отъ неумѣнія и нерадѣнія, и на первыя указывалъ, оберегая самолюбіе впавшихъ въ нихъ, а за вторыя каралъ. Однажды, незадолго до перваго бомбардированія Севастополя, 6-й резервный баталіонъ NN полка былъ посланъ на Пересыпь для возведенія новой батареи. Придя на назначенное мѣсто, баталіонъ простоялъ безъ дѣла почти до разсвѣта. Наконецъ, явился флотскій офицеръ и сказалъ, что для постройки батареи слѣдуетъ взять бывшіе на берегу южной бухты желѣзныя систерны, насыпать ихъ землею и устанавливать одну надъ другою въ три ряда, такъ чтобы осталось четыре промежутка для амбразуръ. Не зная совершенно мѣстности Севастополя, пишетъ участникъ, и въ какомъ мѣстѣ и для какой охраны строить эту батарею, «NN рѣшили, что батарея должна защищать входъ въ бухту, а потому на выдающемся мыску уложили ящики, насыпали ихъ землею и оставили четыре амбразуры». Работа была уже окончена, когда подъѣхалъ къ нимъ вице-адмиралъ Корниловъ. — «Что это вы, господа, для французовъ устроили ба-

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 290.
[2]) Матеріалы А. Жандра, стр. 289.
[3]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. IV, стр. 157.

тарею? спросилъ онъ, обращаясь къ офицерамъ. Она совершенно не для насъ; мы ожидаемъ непріятеля съ юга, а батарея обращена на сѣверъ».

Батарея была дѣйствительно обращена задомъ къ непріятелю. Корниловъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее казаку, самъ шагами размѣрилъ длину, обозначилъ ее колышками и указалъ направленіе для орудій. «Теперь, сказалъ онъ, обращаясь къ офицерамъ, во избѣжаніе насмѣшки, постарайтесь, по указанію моему, перестроить ее за-ново». Работа закипѣла; офицеры, подавая собою примѣръ, помогали нижнимъ чинамъ, и въ первомъ часу пополудни батарея была готова [1]).

Совсѣмъ другаго рода распоряженія мы видимъ послѣ несчастнаго случая ночью 25-го сентября. Въ эту ночь команда охотниковъ была выслана передъ 5-й бастіонъ и наткнулась на нѣсколько баталіоновъ французовъ, спрятанныхъ за возвышеніемъ; команда завязала перестрѣлку и начала отходить къ оборонительной линіи. Но туда еще раньше дано было знать казаками о непріятельскихъ баталіонахъ, а потому, когда цѣпь дала знать на бастіонъ о движеніи колонны, то пробита была тревога, и съ 5-го бастіона и редута открытъ былъ картечный огонь. Вскорѣ оказалось, что обстрѣлу подверглись наши же охотники и понесли потерю. За такую торопливость въ открытіи огня, безъ всякаго принятія мѣръ къ разъясненію донесенія, были смѣнены начальникъ батарей первой дистанціи и командиры 5-го бастіона и редута. Кромѣ того, на другой день былъ отданъ приказъ съ подробнымъ разъясненіемъ порядка дѣйствій, о которомъ мы упоминали выше. Въ концѣ этого приказа мы находимъ слѣдующія указанія: «... при ночныхъ тревогахъ надлежитъ быть крайне осмотрительнымъ, ибо часто таковыя производятся непріятелемъ для утомленія гарнизона, дабы встрѣтить его къ разсвѣту уставшимъ: въ лунныя ночи, подобно нынѣшнимъ, такъ легко отличить движущіяся массы, что въ самую плохую трубу можно распознать ихъ числительность, и стоитъ только имѣть въ соображеніи, что для нападенія на Севастополь требуется армія, а не баталіоны, чтобы не нарушить безполезно сонъ людей» [2]).

Заканчивая обзоръ мѣръ, принятыхъ Корниловымъ для подготовки обороны Севастополя во всѣхъ отношеніяхъ, нельзя не сказать, что, благодаря его, выходящей изъ ряда, энергіи и единодуш-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 194 и 195.

[2]) Матеріалы А. Жандра. стр. 261 и 262.

ной помощи такихъ сотрудниковъ, какъ Нахимовъ, Истоминъ, Тотлебенъ, Ползиковъ, ему удалось въ весьма короткій промежутокъ времени, съ 14-го сентября по 5-е октября, сдѣлать весьма многое. За это время южная сторона получила дѣйствительно непрерывную оборонительную линію, упиравшуюся обоими своими концами въ рейдъ. Всѣ семь бастіоновъ и Малаховъ курганъ, составлявшіе главные пункты этой линіи, были закончены и вооружены, пространство между ними занято было оборонительными стѣнками и отдѣльными батареями и укрѣпленіями. Вновь было построено за это время болѣе 20-ти батарей, не считая улучшенія и перестройки бывшихъ или начатыхъ. Вооруженіе обороны возросло вдвое. Вмѣсто бывшихъ 172-хъ орудій къ 14-му сентября, теперь ихъ находилось всего 341 орудіе. Изъ этого числа только 116 орудій осталось прежнихъ и на тѣхъ же мѣстахъ, вновь же поставлено на оборонительную линію 206 орудій, преимущественно большихъ калибровъ—24-хъ, 36-ти и 68-ми-фунтовыхъ. Орудія по цѣли своей постановки распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 118 назначалось для обстрѣливанія осадныхъ батарей противника, 160—дѣйствовало по впередилежащей мѣстности, обстрѣливая пункты, удобные для занятія противникомъ, и 63 орудія назначались для фланковой, тыльной и внутренней обороны [1]). Кромѣ того, одинъ корабль и семь пароходовъ, введенные въ глубину бухтъ южнаго берега или расположенные на рейдѣ близъ фланговъ оборонительной линіи, могли огнемъ своимъ содѣйствовать оборонѣ. Для усиленія обороны нѣкоторыхъ главныхъ пунктовъ были заложены 27 камнеметныхъ фугасовъ и устроены засѣки.

Конечно, одно перечисленіе построекъ и счетъ орудій не даетъ понятія о массѣ приложеннаго труда, а потому хотя для слабаго характеризованія понесенныхъ защитниками усилій напомнимъ, что всѣ эти укрѣпленія строились изъ приносной земли, которую приходилось приносить издалека, такъ какъ слой земли надъ скалой былъ крайне тонокъ. Переноска производилась въ мѣшкахъ и куляхъ изъ рогожи. Да и эта земля не имѣла никакой вязкости, такъ какъ состояла зачастую изъ мелкаго щебня и земляной пыли, утрамбовать которую въ насыпяхъ опять стоило неимовѣрныхъ усилій. Для одежды этихъ разсыпавшихся укрѣпленій не имѣлось ни лѣса, ни дерна. Зачастую «внутреннія крутости батарей поддерживались стѣнками, сложенными изъ камня на-сухо, или изъ

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 296—299.

глины, причемъ насыпка земли производилась по мѣрѣ возведенія этихъ стѣнокъ. Щеки амбразуръ имѣли весьма слабыя одежды, что̀ должно было значительно ослаблять и затруднять дѣйствіе нашей артилеріи. Многія изъ нихъ были одѣты земляными мѣшками и это были лучшія одежды, несмотря на то, что отъ выстрѣловъ они часто загорались и обсыпались. Другія амбразуры имѣли досчатыя и глиняныя одежды, которыя были еще менѣе прочны. У амбразуръ, не имѣвшихъ одеждъ, щеки обмазывались глиною» [1]). Эти-то на-скоро возведенныя укрѣпленія на протяженіи семиверстной оборонительной линіи и долженъ былъ отстаивать гарнизонъ, число котораго въ это время состояло изъ 43-хъ баталіоновъ, одного сапернаго баталіона и 28-ми полевыхъ орудій, силою всего до 32,000 человѣкъ. Не забудемъ, что изъ сказаннаго числа 13 баталіоновъ было морскихъ, въ первый разъ вступавшихъ въ борьбу съ противникомъ на сушѣ.

Непріятель успѣлъ за это время построить осадныя батареи, вооруженныя 120-ю орудіями большаго калибра, и имѣлъ въ своемъ распоряженіи армію силою до 80,000 человѣкъ. Съ нашей стороны хотя и стояла на сѣверной сторонѣ полевая армія Меншикова, силою около 20,000 человѣкъ, но на активныя ея дѣйствія въ предстоящей борьбѣ трудно было разсчитывать. Усиленныя работы и труды защитниковъ на пользу обороны; частныя удачи въ пораженіи противника какъ артилерійскимъ, такъ и ружейнымъ огнемъ, и постоянныя лихія и дерзкія предпріятія мелкими охотничьими партіями; полное довѣріе войскъ къ своему начальнику; благодаря вниманію его къ нравственному элементу, успѣли за это короткое время сложить въ гарнизонѣ увѣренность въ своихъ силахъ и возвысить до крайнихъ предѣловъ нравственный духъ людей. Потому-то Корниловъ и могъ быть убѣжденнымъ въ возможности отстоять Севастополь. Наканунѣ бомбардированія онъ говорилъ: «Завтра будетъ жаркій день, англичане употребятъ всѣ средства, чтобы произвести полный эффектъ; я опасаюсь за большую потерю отъ непривычки; впрочемъ, наши молодцы скоро устроятся,—безъ урока же сдѣлать ничего нельзя, а жаль, многіе изъ насъ завтра слягутъ» [2]).

Таковой успѣхъ въ усиленіи обороны Севастополя и неимовѣрные труды его гарнизона не остались безъ должной оцѣнки; князь Меншиковъ донесъ объ этомъ, и 4-го октября, въ приказѣ по черно-

---

[1]) Тамъ же, стр. 294.

[2]) Матеріалы А. Жандра, стр. 292.

морскому флоту, онъ могъ объявить слѣдующія милостивыя слова Государя: «Удостоясь получить всемилостивѣйшій Государя Императора рескриптъ, въ коемъ Его Императорское Величество изволилъ выразиться: «Благодари всѣхъ за усердіе; скажи нашимъ молодцамъ-морякамъ, что Я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ. Никому не унывать, надѣяться на милосердіе Божіе; помнить, что мы, русскіе, защищаемъ родимый край и вѣру нашу, и предаться съ покорностію волѣ Божіей! Да хранитъ васъ всѣхъ Господь; молитвы Мои за васъ и наше правое дѣло, а душа Моя и всѣ мысли съ вами». Объявляя о сихъ неизрѣченно милостивыхъ словахъ Его Императорскаго Величества по черноморскому флоту, я вполнѣ увѣренъ, что слова эти глубоко западутъ въ душу каждаго изъ насъ и что всѣ мы, вѣрноподданные, исполняя долгъ вѣрноподданныхъ, будемъ защищать до послѣдней капли крови нашъ родимый край и вѣру нашу, и охотно умремъ за Царя и Русь святую» [1]).

Между тѣмъ, противникъ, преодолѣвъ всѣ трудности по постройкѣ и вооруженію достаточнаго, по его мнѣнію, числа осадныхъ батарей, рѣшилъ 5-го октября приступить къ овладѣнію Севастополемъ. Успѣхъ этого покушенія былъ основанъ на силѣ артилерійскаго огня противъ нашей оборонительной линіи. Союзники разсчитывали, приготовивъ войска къ штурму, усиленнымъ бомбардированіемъ съ суши и моря сбить нашу артилерію и затѣмъ направить штурмовыя колонны для окончательнаго овладѣнія городомъ.

Съ разсвѣтомъ, 5-го числа, съ нашей стороны былъ открытъ обыкновенный огонь по работамъ противника, но вскорѣ замѣчено было, что осадныя батареи открыли свои замаскированныя амбразуры, а въ $6^1/_2$ часовъ утра онѣ одновременно открыли самый частый огонь изъ всѣхъ орудій. Наши орудія, назначенныя для состязанія съ осадными батареями, сейчасъ же начали отвѣчать такимъ частымъ огнемъ, къ которому моряки привыкли въ морскомъ бою. Французы изъ своихъ 49-ти осадныхъ орудій направили огонь на 4-й, 5-й и 6-й бастіоны съ промежуточными батареями и постройками и привлекли на себя огонь укрѣпленій городской стороны, въ числѣ 64-хъ орудій. Англичане же съ своей стороны успѣли выставить 71 орудіе и сосредоточить свой огонь преимущественно по 3-му бастіону, затѣмъ по Малахову кургану и отчасти по 4-му бастіону. Имъ отвѣчали наши батареи корабельной стороны изъ 54-хъ орудій.

Съ началомъ стрѣльбы Корниловъ поскакалъ на 4-й бастіонъ и

---

[1]) Тамъ же, стр. 395 и 396.

тутъ, разговаривая съ комендорами и давая имъ указанія, переходилъ отъ одного орудія къ другому вдоль всего фронта бастіона и прилегающихъ построекъ. Вездѣ онъ нашелъ полное усердіе и воодушевленіе; матросы, не щадя силъ и снарядовъ, увлекались скоростью стрѣльбы, несмотря на то, что все пространство до непріятеля заволокло дымомъ. Неоднократно было отдаваемо приказаніе стрѣлять рѣже, но трудно было удержать увлеченныхъ боемъ моряковъ отъ привычнаго имъ рода огня. Большинство ихъ поддалось увлеченію первымъ боемъ, любуясь на примѣръ и воодушевленіе своихъ начальниковъ. Про Корнилова очевидецъ говоритъ слѣдующее: «Покойно и строго было выраженіе его лица, легкая улыбка едва замѣтно играла на его устахъ, глаза—эти удивительные, умные и проницательные глаза—свѣтились ярче обыкновеннаго, щеки пылали; высоко держалъ онъ голову, сухощавый и нѣсколько согнутый станъ его выпрямился; онъ весь какъ будто сдѣлался выше ростомъ.....; я никогда не видѣлъ человѣка прекраснѣе его въ эти минуты» [1]). Покончивъ обходъ этого участка линіи, Корниловъ поѣхалъ на 5-й бастіонъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ его офицеровъ разсказываетъ: «Въ лощинѣ онъ проѣхалъ возлѣ Тарутинскаго баталіона; солдаты провожали его глазами и, слѣдуя за нимъ, я слышалъ слова: «вотъ этотъ такъ молодецъ», которыми тарутинцы выражали свое мнѣніе о нашемъ адмиралѣ» [2]). На 5-мъ бастіонѣ распоряжался и направлялъ дѣйствія людей адмиралъ Нахимовъ, который въ своей неизмѣнной формѣ, отличающей его отъ всего гарнизона, сюртукъ съ эполетами, какъ на кораблѣ, не замѣчалъ окружающей его опасности. Онъ былъ уже легко раненъ въ голову пулею, и когда ему кто-то сказалъ: «Вы ранены, Павелъ Степановичъ?» — «Не правда-съ!» воскликнулъ онъ энергически. Но черезъ мгновеніе, проведя рукою по окровавленному лицу, онъ прибавилъ: «Слишкомъ мало-съ, чтобы объ этомъ заботиться, слишкомъ мало-съ!» [3]). Несмотря на рану, «Нахимовъ не щадилъ своей жизни и въ порывѣ геройскаго увлеченія самъ направлялъ орудія, открыто становясь въ амбразуры» [4]). Оба адмирала взошли на банкетъ у исходящаго угла и долго наблюдали за дѣйствіемъ нашего огня. Непріятельскій огонь велся столь же оживленно и бастіонъ осыпался его ядрами. Командиръ бастіона, видя

---

[1]) Тамъ же, стр. 293.
[2]) Тамъ же, стр. 293.
[3]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 72.
[4]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 303.

какой опасности подвергаются два любимые адмирала флота, доложилъ Корнилову, что его присутствіе на бастіонахъ доказываетъ недовѣріе къ подчиненнымъ, «и просилъ его уѣхать, обѣщаясь исполнить свой долгъ»; Корниловъ возразилъ: «А зачѣмъ же вы хотите мѣшать мнѣ исполнить свой долгъ? мой долгъ—видѣть всѣхъ» [1]). Затѣмъ онъ побывалъ на наиболѣе пострадавшей открытой батареѣ, на оборонительной казармѣ бастіона и поѣхалъ далѣе къ 6-му бастіону. По дорогѣ онъ приказалъ доставить на каждый бастіонъ по нѣсколько бочекъ воды, такъ какъ замѣтилъ, что прислуга орудій томится жаждою. Боязнь, что при такой силѣ огня никакихъ средствъ не достанетъ, заставила его поѣхать домой и сдѣлать необходимыя распоряженія къ безостановочному снабженію батарей зарядами и снарядами.

Но не только усиленнымъ отвѣтнымъ огнемъ приходилось бороться осажденнымъ противъ открывшагося бомбардированія. Какъ уже было сказано, наши укрѣпленія не могли отличаться прочностью; хрящеватая, неслежавшаяся насыпь брустверовъ легко осыпалась отъ попадавшихъ снарядовъ. Особенною непрочностью отличались амбразуры, одежда которыхъ или обваливалась, или загоралась. Поэтому приходилось подъ непрерывнымъ огнемъ постоянно расчищать ихъ и дѣлать неотложныя исправленія. Съ самою беззавѣтною удалью матросы и саперы исполняли эти работы. Не меньше потерь несли и войска, предназначавшіяся для отбитія штурма, хотя для этого держалось на-готовѣ вблизи укрѣпленій только самое необходимое число, но потери въ нихъ при ихъ бездѣятельности должны были имѣть, кромѣ физическаго, еще и большее нравственное впечатлѣніе.

Между тѣмъ, вслѣдствіе небольшой высоты брустверовъ и превышенія позицій союзниковъ, пришлось отвести еще болѣе назадъ и тѣ небольшія части, которыя оставались на укрѣпленіяхъ, ограничившись оставленіемъ войскъ лишь на линіи огня. Но и при этомъ трудно было найти достаточно закрытій для войскъ; вся внутренность бастіоновъ 3-го, 4-го и 5-го была подъ сосредоточеннымъ огнемъ противника. Поэтому съ самаго начала бомбардировки явилось значительное число потерь и уборка раненыхъ встрѣчала затрудненія. Но скоро и эта часть пришла въ порядокъ, тѣмъ болѣе, что арестанты просили разрѣшенія заняться этимъ дѣломъ и исполняли его съ полнымъ самоотверженіемъ. Во-

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 294.

обще, воодушевленіе войскъ скоро охватило все населеніе Севастополя, такъ что на бастіонахъ зачастую появлялись женщины-матроски и ихъ дѣти, подносившія, несмотря на огонь, воду томившимся раненымъ. Около 9½ часовъ послѣдовалъ на французскихъ батареяхъ значительный взрывъ пороховаго погреба.

Князь Меншиковъ тоже прибылъ и, объѣхавъ лѣвый флангъ линіи, направился къ Корнилову. Послѣдній доложилъ ему о положеніи дѣлъ на 1-й и 2-й дистанціяхъ, и такъ какъ въ это время огонь французскихъ батарей уже сдѣлался слабѣе, то командующій отбылъ на сѣверную сторону. Корниловъ же снова поѣхалъ на оборонительную линію и на уговоры окружавшихъ не ѣздить отвѣтилъ: «что скажутъ обо мнѣ солдаты, если сегодня они меня не увидятъ» [1]). На 4-мъ бастіонѣ дѣло шло очень хорошо, разстройство взрывомъ одной изъ французскихъ батарей позволило намъ сосредоточить огонь по другимъ, и около 10-ти часовъ другой взрывъ погреба у французовъ рѣшилъ участь состязанія на этомъ флангѣ. Около 10½ часовъ французскія батареи окончательно замолкли. Не то было на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Англійскія батареи, превосходившія насъ и числомъ орудій, и калибромъ ихъ, и мортирнымъ огнемъ, и удачнымъ расположеніемъ своихъ батарей, въ особенности донимали 3-й бастіонъ, опасное положеніе котораго уже начало выясняться при прибытіи Корнилова. Но на лицо еще были главные герои—руководители обороною этого пункта—моряки Рачинскій, Ергомышевъ и Попандопуло; они своимъ примѣромъ и энергіею продолжали вести ожесточенную борьбу съ сильнымъ противникомъ. Насколько обязанности долга глубоко вкоренены были въ морской семьѣ, показываетъ слѣдующій извѣстный разсказъ. На этой же дистанціи одною изъ батарей командовалъ сынъ упомянутаго капитана 1-го ранга Попандопуло и въ началѣ бомбардированія ему оторвало руку. Подбѣжавъ къ сыну, Попандопуло благословилъ его и, сказавъ: «до свиданія, — увидимся!» [2]), возвратился къ своему посту. Дѣйствительно, вскорѣ раненаго и контуженнаго героя вносили въ тотъ же госпиталь, гдѣ умиралъ его сынъ.

Съ 3-го бастіона Корниловъ, вдоль оборонительной линіи, направился на Малаховъ курганъ. По дорогѣ 44-й флотскій экипажъ встрѣтилъ своего любимаго начальника громкимъ «ура»,—«будемъ кричать «ура» тогда, когда собьемъ англійскія батареи, а теперь

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 296.

[2]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 72.

покамѣсть только эти замолчали», сказалъ адмиралъ, указывая на французскія батареи...» [1]).

Сдѣлавъ по дорогѣ распоряженіе о передвиженіи баталіоновъ Московскаго полка, для болѣе укрытаго ихъ расположенія, Корниловъ прибылъ на Малаховъ курганъ, гдѣ верхняя батарея на башнѣ была значительно повреждена, такъ что огонь съ нея уже прекратился, но руководимыя хладнокровнымъ и энергичнымъ Истоминымъ, земляныя батареи отстрѣливались отъ губительнаго огня противника.

Пробывъ здѣсь до половины 12-го часа, Корниловъ хотѣлъ еще проѣхать къ полкамъ въ Ушаковой балкѣ, но при спускѣ съ кургана ему раздробило ядромъ лѣвую ногу у самаго живота. Ни стона, ни крика никто изъ окружающихъ не слыхалъ; единственными словами, произнесенными героемъ, были: «отстаивайте же Севастополь» [2]), послѣ чего онъ потерялъ сознаніе.

Въ это время уже и на морѣ начиналось состязаніе наше съ противникомъ. Непріятельскій флотъ постепенно сталъ занимать по буйкамъ охватывающую позицію противъ батарей: Александровской, № 10-го, Константиновской, Карташевскаго и Волохова башни. Въ началѣ 2-го часа раздались первые залпы съ союзнаго флота и бомбардированіе приморскихъ батарей приняло огромные размѣры. Флотъ дѣйствовалъ орудіями одного борта, въ числѣ 1,244 орудій, на которыя помянутыя наши батареи отвѣчали всего 152 орудіями [3]). Полный штиль на морѣ способствовалъ заволакиванію густымъ дымомъ всего пространства между флотомъ и батареями, такъ что только сверкавшіе огни выстрѣловъ опредѣляли направленіе цѣлей. Прислуга нашихъ открытыхъ батарей, видя силу противника, искала помощи въ развитіи неимовѣрной скорости огня.

Въ Севастополѣ, между тѣмъ, Корниловъ, перенесенный въ госпиталь, доживалъ послѣднія минуты, но и въ это время всѣ мысли и надежды его были обращены къ флоту, Севастополю и дорогимъ защитникамъ ихъ. Утѣшая находившихся при немъ, онъ говорилъ: «рана моя не такъ опасна; Богъ милостивъ, я еще переживу пораженіе англичанъ» [4]). Когда же близость смерти стала и ему явственна, онъ произнесъ: «скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна»; потомъ, повременивъ, онъ продолжалъ: «благо-

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 297.
[2]) Матеріалы А. Жандра, стр. 298.
[3]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 316.
[4]) Матеріалы А. Жандра, стр. 299 и 300.

слови Господи Россію и Государя, снаси Севастополь и флотъ» [1]). Послѣднія слова, произнесенныя имъ уже черезъ силу, были: «ура!» «ура!», въ отвѣтъ на принесенное извѣстіе о сбитіи англійскихъ батарей. Такимъ образомъ, онъ отошелъ въ вѣчность съ мыслью, что дѣло, въ которое онъ вложилъ всю душу свою, окончилось полною удачею.

Но послѣднее извѣстіе на самомъ дѣлѣ было еще преждевременнымъ; напротивъ, 3-й бастіонъ въ это время находился въ самомъ критическомъ положеніи. Перекрестный огонь превосходящихъ калибромъ и числомъ англійскихъ орудій съ Зеленой и Воронцовской высотъ наносилъ ему значительныя поврежденія, треть вооруженія бастіона уже была сбита, передъ остальными же орудіями амбразуры были совершенно разрушены. Только желѣзное упорство и храбрость командировъ-моряковъ Ергомышева, Лесли и Рачинскаго заставляло обороняющагося не признавать надъ собой перевѣса противника и продолжать энергическое противодѣйствіе. Потери были громадны, прислуга у орудій была уже два раза замѣщена и, несмотря на это, «... амбразуры расчищались немедленно; сами офицеры, подавая примѣръ, выходили на брустверъ и принимали участіе въ работѣ, а матросы ревностно помогали саперамъ» [2]).

Но около 3-хъ часовъ надъ бастіономъ стряслась окончательная бѣда. Непріятельская бомба пробила пороховой погребъ, въ исходящемъ углу бастіона, и произвела громадный взрывъ: «... вся передняя половина бастіона была сброшена въ ровъ, орудія и станки были опрокинуты, вездѣ валялись обгорѣлые, обезображенные трупы, а вдали, сквозь гулъ и адскій грохотъ орудій, слышались крики торжествующаго непріятеля. При взрывѣ погибло болѣе 100 человѣкъ; отъ многихъ, въ томъ числѣ отъ капитанъ-лейтенанта Лесли, не было найдено никакихъ слѣдовъ» [3]).

Но ничто не могло поколебать крѣпости духа севастопольскихъ моряковъ; къ нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ орудіямъ, имѣя во главѣ офицеровъ, сейчасъ же подбѣжала новая прислуга отъ близъ стоящаго 41-го экипажа, къ нимъ на помощь пришла команда въ 75 человѣкъ съ корабля «Ягудіилъ», и скоро съ этого бастіона вновь былъ открытъ огонь. Сосѣднія батареи съ криками «ура» участили до крайности огонь, а вызванная команда охотниковъ, подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ, несмотря на значительныя потери, подносила заряды отъ госпитальной пристани.

---

[1]) Тамъ же, стр. 300.

[2]) Тотлебенъ. Ч. I, стр. 311.

[3]) Тамъ же, стр. 311.

Не съ меньшимъ ожесточеніемъ, хотя и болѣе успѣшно, продолжалась борьба на Малаховомъ курганѣ. Хотя верхній этажъ башни былъ уже совершенно разрушенъ и осколки камней ея поражали прислугу окружающихъ батарей съ тыла, но огонь продолжался съ неменьшею силою. Матросы находили утѣшеніе не только въ примѣрѣ своихъ достойныхъ начальниковъ, но и въ благословеніи священника, который около двухъ часовъ не выходилъ изъ огня, обходя съ крестомъ въ рукѣ орудія и благословляя прислугу на дальнѣйшіе подвиги [1]).

Въ 3 часа 50 минутъ и на англійской батареѣ произошелъ взрывъ, а вслѣдъ затѣмъ на Малаховомъ курганѣ взорвало зарядный ящикъ, что̀ не помѣшало продолженію дѣйствій.

Не слѣдя за подробностями боя флота съ береговыми батареями, такъ какъ мы упомянули уже, что и здѣсь люди проявили ту же высоту нравственнаго духа и упорство въ борьбѣ съ превосходнымъ непріятелемъ, скажемъ только, что развязка его, послѣдовавшая около 6-ти часовъ вечера, была во многомъ неожиданная и вполнѣ удачная для защитниковъ Севастополя.

Въ 6 часовъ непріятельскіе корабли начали постепенно выходить изъ линіи, провожаемые огнемъ нашихъ батарей. Изъ послѣднихъ понесла значительныя поврежденія и потери лишь Константиновская, на верхней платформѣ которой были сбиты почти всѣ орудія. Остальныя же батареи понесли очень незначительныя поврежденія и потери, простиравшіяся всего до 138 человѣкъ. Вредъ же, нанесенный ихъ дѣйствіемъ союзному флоту, былъ соразмѣрно весьма великъ, такъ что противникъ принужденъ былъ отправить нѣсколько кораблей для значительныхъ исправленій въ Константинополь. Людьми же флотъ потерялъ 520 человѣкъ. Столь неудачное дѣйствіе флота объясняется прежде всего тѣмъ, что адмиралы положили произвести лишь демонстративное нападеніе, а потому и не сошлись на рѣшительную для нихъ дистанцію. А затѣмъ батареи наши, въ большинствѣ земляныя и высоко стоящія надъ поверхностью моря, конечно, могли наносить деревяннымъ судамъ противника болѣе значительный вредъ, чѣмъ тѣ съ своей стороны, ибо ихъ снаряды, если не попадали въ брустверъ, далеко перелетали черезъ всю батарею.

Такимъ образомъ, послѣ 6-ти часовъ вечера только англійскія батареи продолжали довершать разрушеніе 3-го бастіона. Разруше-

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 302.

ніе это было дѣйствительно полное и изъ 22-хъ орудій тамъ могло отвѣчать противнику только два, но оставшіеся при нихъ цѣлыми пять человѣкъ прислуги продолжали дѣйствовать, пока не выпустили послѣднихъ зарядовъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, и на этомъ флангѣ бомбардированіе прекратилось.

Потери наши на сушѣ были довольно значительны и простирались до 1,112 человѣкъ, союзники же потеряли около 348 человѣкъ.[1])

Итакъ, первое бомбардированіе Севастополя принесло союзникамъ полную неудачу дѣйствій съ моря, еще бо́льшую неудачу на французскомъ участкѣ осады и лишь частную удачу англійскихъ батарей, да и то на одномъ пунктѣ нашего фронта — 3-мъ бастіонѣ. Насколько эта удача была незначительна, по отношенію къ общимъ результатамъ предпринятой противникомъ операціи, видно изъ того, что онъ не рѣшился пустить приготовленныя для штурма войска. Нельзя не сказать поэтому, что, въ общемъ, день 5-го октября принесъ союзникамъ лишь отрицательные результаты, такъ какъ заставилъ ихъ разочароваться въ своей силѣ, убѣдиться въ неожиданной силѣ обороняющагося и отказаться, подъ вліяніемъ этой силы, отъ предначертанныхъ дѣйствій.

Понятно, какое впечатлѣніе долженъ былъ оставить этотъ день на наши войска; онъ доказалъ имъ наглядно нашу силу, убѣдилъ въ возможности не только противостоять дѣйствіямъ противника, но и заставлять его отказываться отъ рѣшительныхъ противъ насъ дѣйствій. День этотъ могъ еще больше вселить увѣренность въ себѣ и тѣмъ усилить до высшихъ предѣловъ нравственный духъ осажденныхъ. Настроеніе это вполнѣ и выказалось въ ночь, послѣдующую за бомбардированіемъ. Несмотря на дневное утомленіе во время боя и понесенныя не малыя потери, съ прекращеніемъ огня, на всей оборонительной линіи и въ особенности на 3-мъ бастіонѣ закипѣли самыя энергичныя работы по исправленію понесенныхъ поврежденій и усиленію дѣятельности оборонительной линіи. 3-й бастіонъ приходилось исправлять почти совсѣмъ заново. Орудія и платформы приходилось откапывать, разбирать и вновь устанавливать; взорванную часть бруствера пришлось вновь насыпать, прорѣзать и обдѣлать амбразуры, очистить засыпанный ровъ и построить пороховые погребки. На другихъ же пунктахъ исправить всѣ поврежденія, подмѣнить подбитыя орудія, построить новые траверсы отъ анфилад-

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 326 и 327.

наго огня и снабдить всѣ батареи запасомъ зарядовъ и снарядовъ. Но обширность этихъ работъ не остановила предпріимчивости гарнизона; за ночь все было исполнено, вновь поставлено и замѣнено въ общемъ 40 орудій; 3-й бастіонъ снова представлялъ грозную силу съ 19-ю орудіями, и утромъ, 6-го числа, союзники увидали нашу оборонительную линію еще болѣе усилившеюся и готовою снова выказать столь же рѣшительное противодѣйствіе. Это должно было произвести тѣмъ болѣе сильное нравственное впечатлѣніе на обѣ стороны въ выгодномъ для насъ направленіи, что французскія батареи не могли еще 6-го числа открыть огня и цѣлый день принуждены были хранить полное молчаніе. Англійскія же батареи въ этотъ день снова открыли столь же сильный огонь, какъ и наканунѣ, но уже ни въ этотъ день, ни въ послѣдующіе, когда къ нимъ снова присоединились исправленныя и вновь построенныя французскія батареи, они не могли достигнуть и такихъ результатовъ, какіе были ими достигнуты въ первый день. Частныя поврежденія, наносимыя нашимъ укрѣпленіямъ, не только сейчасъ же съ прекращеніемъ огня исправлялись, но съ каждымъ днемъ оборонительная линія росла и усиливалась постройкою новыхъ укрѣпленій и прибавкою числа орудій. Къ тому же, въ эти дни мы зачастую добивались нашимъ огнемъ и довольно значительныхъ успѣховъ. Такъ, 7-го числа, въ день возобновленія огня французскими батареями, на нихъ опять были произведены два значительныхъ взрыва, а одна изъ батарей принуждена была замолчать уже въ 10 часовъ утра. Вообще же, французскія батареи въ этотъ день принуждены были къ 3-мъ часамъ дня прекратить огонь.

Результаты какъ перваго дня бомбардированія, такъ и послѣдующихъ, окончательно заставили противника отказаться отъ мечты скоро овладѣть Севастополемъ помощью бомбардированія и немедленнаго за нимъ штурма. Противникъ убѣдился на опытѣ, что однимъ огнемъ съ дальняго разстоянія невозможно сломить упорство и силу защитниковъ, а слѣдовательно, и рисковано рѣшаться на столь мало подготовленный штурмъ. Приходилось признать силу врага и перейти къ болѣе медленному способу — правильной осадѣ. За эти-то работы противникъ и принялся немедленно. Но и тутъ онъ на первыхъ порахъ встрѣтился снова съ энергичнымъ противодѣйствіемъ обороняющагося, исполненнымъ полной иниціативы. Въ ночь съ 8-го на 9-е число со всѣхъ отдѣленій оборонительной линіи были высланы для тревоженія и порчи работъ противника мелкія команды охотниковъ. Одна изъ этихъ командъ, подъ начальствомъ

лейтенанта Троицкаго, успѣла захватить въ темнотѣ французскую батарею и заклепать на ней нѣсколько орудій.

Такимъ образомъ, только одну неизгладимую потерю нанесли союзники въ день 5-го октября защитникамъ Севастополя—эта потеря была въ лицѣ ихъ начальника, составлявшаго всю душу обороны—Корнилова. Незамѣнима была эта потеря, но тотъ духъ, которымъ онъ воодушевилъ и соединилъ въ одну общую семью защитниковъ роднаго города, не могъ уже вывѣтриться и не боялся никакихъ послѣдующихъ испытаній. Одинъ изъ иностранныхъ историковъ такъ говоритъ о первыхъ дняхъ организаціи обороны Севастополя: «русская армія удалилась и о ней не было никакого слуха. Флотъ стоялъ неподвижно, какъ бы на мели. Войска, оставленныя въ небольшомъ числѣ на защиту города, состояли изъ солдатъ резерва, моряковъ и рабочихъ, бо́льшею частью необученныхъ дѣйствію на сухомъ пути. Но всѣ эти люди были единоплеменны, подданные одного Государя, исповѣдывали одну вѣру, говорили между собой на одномъ языкѣ, одушевлены были жизнью, страстью, волею могучей націи. И вотъ почему отсутствіе арміи, при появленіи непріятеля, не повлекло за собою паденіе Севастополя. Народъ твердый и рѣшительный занялъ постъ, оставленный главнокомандующимъ и его арміею. Блистательный фасадъ обрушился, но за нимъ высились гранитныя стѣны. Корниловъ съ горстью людей различныхъ сословій, но взаимно связанныхъ призывомъ отечества, имѣлъ право сказать, что *защита будетъ русская*» [1]).

Нельзя не согласиться съ этими вѣрными взглядами иностранца, но необходимо замѣтить, что насколько легко перечислить наличность всѣхъ благопріятныхъ матеріаловъ для созданія этой гранитной стѣны—русской защиты, настолько же трудно самое созданіе ея. Въ этомъ-то и состоитъ вся великая заслуга Корнилова. Природныя доблестныя силы всякаго народа всегда находятся въ наличности, но не всякому удается вызвать ихъ къ дѣятельности. Корниловъ съумѣлъ все населеніе Севастополя заставить думать единственно о спасеніи города, онъ съумѣлъ дѣятельность каждаго направить на усиленіе обороны, никто въ городѣ не думалъ о себѣ, а каждый съ полнымъ самоотверженіемъ несъ свою лепту, «по способности», на защиту родины. Добившись таковаго воодушевленія въ войскахъ и населеніи, онъ энергичными и непрерывными работами съ каждымъ днемъ все больше и больше вкоренялъ въ гарни-

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 65.

зонъ увѣренность въ возможности отстоять оборонительную линію отъ покушеній противника и довелъ, наконецъ, оборону до дѣйствительно грозной силы. Такъ что, когда нерѣшительный противникъ счелъ себя достаточно подготовленнымъ къ борьбѣ, онъ встрѣтилъ уже не отдѣльныя укрѣпленія, разбросанныя на семиверстномъ разстояніи, а непрерывную линію, вооруженную внушительной артилерійской силой.

Но не этою матеріальною силою, какъ мы видѣли, грозенъ сталъ для союзниковъ Севастополь, главная его сила состояла въ тщательно подготовленномъ нравственномъ могуществѣ его гарнизона.

На эту сторону дѣла Корниловъ обратилъ самое серьезное вниманіе и въ короткій промежутокъ времени довелъ нравственный духъ не только своихъ, знакомыхъ ему, моряковъ, но и чуждыхъ ему пѣхотныхъ частей, вошедшихъ въ составъ гарнизона, до самыхъ высшихъ предѣловъ. Можно положительно утверждать, что ни одинъ изъ солдатъ пѣхотныхъ или резервныхъ, ни одинъ матросъ, даже изъ числа ластовыхъ и рабочихъ, ни одинъ арестантъ, изъ числа только что выпущенныхъ изъ тюрьмы, не задумался бы, совершенно сознательно, скорѣе положить свой животъ на возведенныхъ укрѣпленіяхъ, чѣмъ остаться живымъ и видѣть Севастополь во вражьихъ рукахъ. Корниловъ постепенно пріучилъ всѣхъ къ готовности дойти до возможнаго для человѣка предѣла въ упорствѣ предстоящей обороны, заставилъ вѣрить въ себя и въ предстоящій успѣхъ и сдѣлался для нихъ идеаломъ любимаго начальника.

Подробнаго разбора мѣръ его въ этомъ направленіи мы теперь не будемъ касаться. Упомянемъ только, что моряки, какъ болѣе знакомые ему и болѣе знавшіе его, равно какъ болѣе подготовленные, о чемъ мы то же скажемъ ниже, къ принятію мѣръ воздѣйствія на нравственный элементъ, первыми откликнулись на эти мѣры и составили дружное ядро, къ характеру и направленію котораго примѣнялись всѣ входившіе въ составъ гарнизона элементы.

Какъ ни страннымъ можетъ показаться тотъ фактъ, что войска, выбитыя изъ своей обычной колеи, взятыя съ привычнаго моря и пересаженныя на сушу, безъ всякой предварительной подготовки къ дѣйствіямъ въ пѣхотномъ строю, могли не только не потеряться въ незнакомой обстановкѣ, а служить только примѣромъ для другихъ войскъ, но фактъ этотъ, какъ свидѣтельствуютъ многіе участники, былъ на лицо:

«Но никакія испытанія не могли сокрушить мужества черноморцевъ; они еще съ бо́льшимъ рвеніемъ продолжали свое безпри-

мѣрное служеніе флоту и отечеству, и благодѣтельный примѣръ ихъ возымѣлъ счастливое вліяніе на духъ всего гарнизона» [1]).

«Вообще, флотскіе офицеры и матросы были настоящіе воины и давали тонъ всѣмъ защитникамъ Севастополя» [2]).

До какихъ высшихъ размѣровъ у моряковъ былъ поднятъ нравственный духъ и какъ они этимъ духомъ возвысили свои воинскія доблести, кромѣ приведенныхъ выше эпизодовъ, могутъ служить слѣдующія выписки:

«Во время бомбардировокъ они (морскіе офицеры) обыкновенно сами стояли съ подзорной трубой на возвышенныхъ мѣстахъ: на пороховомъ погребѣ или блиндажѣ и руководили стрѣльбою изъ нашихъ орудій. Я не помню случая, чтобы изъ подчиненныхъ имъ матросовъ кто-либо осмѣлился передъ пулею кивнуть головою или не исполнить какое-нибудь, хотя бы и безразсудное, ихъ приказаніе. Матросы любили этихъ офицеровъ, и изъ-за нихъ готовъ былъ каждый разорваться...; они настолько проникнуты были стоицизмомъ и долгомъ воинской чести, что легко и даже тяжело раненые обыкновенно не стонали отъ боли, что, конечно, отлично вліяло на остальныхъ, отстраняя поводы къ унынію; я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ мнѣ знакомый флотскій офицеръ, сидя на носилкахъ, съ перебитыми ногами осколкомъ бомбы, не издавалъ ни одного стона, такъ что я подошелъ къ нему и спросилъ: «что вы забрались на носилки»? Онъ мнѣ ничего не отвѣтилъ, а указалъ на ноги, которыя, немного ниже колѣнъ, лежали не по должному направленію и кровь изъ нихъ такъ и лилась» [3]).

Не менѣе характеренъ слѣдующій разсказъ изъ записокъ «Егеря»

«Даже тяжело раненые моряки рѣдко лежали на носилкахъ. одинъ сидитъ, нагнувши голову, покачивается, будто ньяный, клюетъ носомъ; другой обводитъ мутными глазами окружающіе его предметы; иной стоитъ на четверенькахъ, значитъ раненъ въ спину и ни сѣсть, ни лечь нельзя. Но не слышалось ни одного крика, ни одного упрека: матросъ или пластунъ развѣ только охнетъ тяжело, отъ нестерпимой боли... Впрочемъ, дня черезъ два или три и наши пѣхотинцы пообдержались и впослѣдствіи во многомъ не уступали морякамъ.

«Какъ хладнокровны были моряки и пластуны къ смерти, я разскажу нѣсколько случаевъ, бывшихъ въ октябрѣ мѣсяцѣ.

---

[1]) Записки кн. В. И. Васильчикова. «Русскій архивъ» 1891 г., № 6, стр. 197.
[2]) Рукописи, т. 1, стр. 164.
[3]) Тамъ же, стр. 164 и 165.

«5-го октября, утромъ, несли матроса. Онъ сидѣлъ на носилкахъ, поддерживая одной рукой другую, перебитую вблизи плеча. Кровь лилась изъ раны. «Земляки, стой»! сказалъ онъ носильщикамъ: «здѣсь армейцы!» носильщики остановились. «Дайте, братцы, трубочки!... смерть захляснуться дымкомъ хочется!» обратился онъ къ нашимъ. «Въ душѣ больно горитъ!...» Наши солдатики, вмигъ, наперерывъ, подскочили къ матросу съ услугами.

«Матросъ хладнокровно спустилъ раненую руку на колѣни, здоровой взялъ поданную трубку, жадно сталъ глотать изъ нея дымъ, всякій глотокъ пристукивалъ зубами и выпускамъ дымъ и въ ноздри, и въ ротъ. Такое затягиваніе онъ повторилъ раза четыре, пять и, кивнувъ головой въ знакъ благодарности хозяину трубки, примолвилъ: «спасибо, спасибо вамъ, братцы, добрые ребята!... прощайте, теперь пора къ дохтуру!...» «А вы, товарищи, тащите меня поскорѣе, сказалъ раненый носильщикамъ, а то что-то въ затылокъ постукиваетъ, да и въ глазахъ четверится». Носильщики тронулись.

«Спустя часъ, не болѣе, носильщики эти возвращались на батареи за новыми жертвами. «Что, живъ ли?» спрашивали ихъ наши солдатики. «Нѣтъ, умеръ дорогой», былъ отвѣтъ. «Царство ему небесное!» проговорили нѣсколько голосовъ вдругъ. «Лихая, забубенная голова была. Ребятишекъ, жаль, много покинулъ!» договорили носильщики, проходя со спѣхомъ мимо» [1]).

Столь выдающаяся дѣятельность моряковъ подъ Севастополемъ, конечно, не могла не быть замѣченною, и уже 12-го октября мы читаемъ слѣдующее въ Высочайшемъ приказѣ: «Государь Императоръ, получивъ отъ генералъ-адъютанта Меншикова донесеніе о непоколебимомъ мужествѣ, примѣрной стойкости и достохвальномъ самоотверженіи, оказанныхъ всѣми морскими и сухопутными войсками, составлявшими гарнизонъ Севастополя во время бомбардированія этого города англо-французами 5-го и 6-го числа сего октября, объявляетъ искреннюю душевную признательность всѣмъ чинамъ означенныхъ войскъ, отъ генерала до рядоваго, за блистательный ихъ подвигъ, коимъ они вполнѣ оправдали Высочайшее довѣріе къ нимъ Его Величества. Государь Императоръ изволитъ оставаться въ убѣжденіи, что они и впредь не перестанутъ отличать себя доблестною храбростью и всѣми достоинствами, одушевляющими истинныхъ сыновъ Россіи» [2]).

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. IV, стр. 155 и 156.

[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 106.

Кромѣ того, Государь прислалъ въ Севастополь флигель-адъютанта, который обошелъ всѣ бастіоны и батареи, гдѣ были расположены и дѣйствовали флотскіе чины, и передалъ имъ милостивыя слова Монаршей благодарности. Государыня же прислала войскамъ на благословеніе икону Спасителя. По прибытіи этой иконы, на площади у Николаевской батареи было отслужено въ присутствіи войскъ молебствіе и въ тотъ же день вечеромъ икона была обнесена по всей линіи батарей и затѣмъ водружена надъ главнымъ входомъ въ Николаевскую батарею.

19-го октября Государь снова прислалъ князю Меншикову слѣдующій рескриптъ, который приказалъ объявить въ приказѣ: «Надѣюсь на милость Божію, надѣюсь, что начатое славно довершится. Меня счастливитъ геройская стойкость нашихъ несравненныхъ моряковъ, неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Господь воздастъ имъ за всѣ ихъ доблестные подвиги, которымъ и примѣра еще не было. Я счастливъ, зная своихъ моряковъ-черноморцевъ съ 1828 года, бывъ тогда очевидцемъ, что имъ никогда и ничего нѣтъ невозможнаго. Былъ увѣренъ, что несравненные молодцы вновь себя покажутъ, какими всегда были на морѣ и на сушѣ. Скажи имъ всѣмъ, что ихъ старый знакомый, всегда ихъ уважавшій, ими гордится, и всѣхъ Онъ отечески благодаритъ, какъ своихъ дорогихъ и любезныхъ дѣтей. Вѣроятно, дѣти мои прибудутъ еще во-время, чтобы участвовать въ готовящемся; надѣюсь, что они покажутъ себя достойными своего званія; ввѣряю ихъ войскамъ въ доказательство Моей любви и довѣренности; пусть ихъ присутствіе среди васъ замѣнитъ Меня. Да сохранитъ васъ Господь великосердный» [1]).

По поводу этого рескрипта одинъ изъ моряковъ, участниковъ защиты, въ письмахъ своихъ писалъ слѣдующее: «... Согласитесь, что подобнаго еще не было и не будетъ. Это видно, что Государь писалъ самъ, и отъ чистаго сердца. За то и мы, черноморцы, понимаемъ Его, и всѣ готовы лечь за Царя. По крайней мѣрѣ, пріятно то, что всѣ армейцы отдаютъ справедливость флоту и говорятъ: что лучше флотскихъ нѣтъ войска во всей Россіи; а дѣйствительно, что духъ у насъ такой, лучше котораго и желать нечего. Если только намъ придется идти въ штыки, то можно навѣрное сказать, что отсталыхъ не будетъ, и что ни одинъ не отступитъ...» [2]).

Государь оцѣнилъ также и дѣятельность погибшаго на Мала-

---

[1]) Рукописи, т. II, стр. 298.
[2]) Рукописи, т. II, стр. 298 и 299.

ховомъ курганѣ адмирала Корнилова. Вдова адмирала, независимо широкаго матеріальнаго обезпеченія, получила самый милостивый и лестный рескриптъ. Кромѣ того, Государь приказалъ укрѣпленія на Малаховомъ курганѣ именовать «Корниловскимъ бастіономъ», и предать землѣ тѣло доблестнаго адмирала рядомъ съ покойнымъ его учителемъ и воспитателемъ Черноморскаго флота—адмираломъ Лазаревымъ.

Съ неописуемою горестью проводила семья севастопольскихъ героевъ прахъ обожаемаго начальника до завѣтной могилы, подъ грохотъ продолжавшейся бомбардировки, прощаясь «съ усопшимъ начальникомъ, какъ дѣти прощаются съ любимымъ отцомъ, безвременно похищеннымъ смертью» [1]). Но и на этотъ разъ семья не была въ полномъ составѣ, такъ какъ князь Меншиковъ на погребеніи не присутствовалъ [2]).

---

[1]) Матеріалы А. Жандра, стр. 305.

[2]) Записки М. М. Попова. «Русская Старина» 1893 г., сентябрь, стр. 525.

III.

Балаклава и Инкерманъ.

Мы оставили армію князя Меншикова, когда она сравнительно благополучно разошлась съ противникомъ, переходившимъ на южную сторону, и направилась къ Бахчисараю. Расположившись бивакомъ въ пяти верстахъ отъ города, армія нуждалась во всемъ. Обозы ея были оставлены въ Севастополѣ, при арміи имѣлось только нѣсколько палатокъ для командующаго войсками и его канцеляріи, остальные же всѣ были расположены подъ открытымъ небомъ, даже командиръ 6-го корпуса, князь Горчаковъ, «помѣщался подъ нѣсколькими кустами, связанными за верхнія вѣтви» [1]).

И въ остальномъ существенномъ армія была очень мало обезпечена; такъ, еще распоряженіемъ отъ 16-го сентября приказано было выдавать нижнимъ чинамъ «по $^3/_5$ ф. мяса и только по $1^1/_4$ ф. сухарей» [2]). Развившіяся, вслѣдствіе этого, въ частяхъ фуражировки и реквизиціи, при нѣкоторомъ неспокойствіи въ мѣстномъ населеніи и отсутствіи чиновъ земской полиціи, грозили повліять на дисциплину и порядокъ въ самой арміи: «Въ настоящее время, доносилъ жандармскій офицеръ шефу жандармовъ, графу Орлову, всѣ деревни, въ окрестностяхъ лагерей находящіяся, или тѣ, гдѣ наши войска проходили, совершенно опустошены; всѣ сады уничтожены, господскіе дома ограблены, все въ нихъ перебито, переломано, нѣкоторые даже сожжены казаками, которые, сверхъ того, расхитили экипажи и продавали ихъ за безцѣнокъ или увозили въ

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 160.
[2]) Тамъ же, стр. 175.

полки; въ особенности это говорятъ о казачьемъ полкѣ NN. Причиною то, что отъ всѣхъ частей войскъ посылаются фуражиры по окрестностямъ; они забираютъ все безплатно и при этомъ случаѣ, конечно, грабятъ» [1]).

Таковое положеніе арміи происходило отчасти потому, что власть командующаго войсками не была достаточною для немедленныхъ и обширныхъ хозяйственныхъ заготовокъ, а, главнымъ образомъ, потому, что у него не было сформировано штаба.

«Въ это время весь штабъ князя Меншикова состоялъ изъ двухъ, трехъ адъютантовъ и завѣдующаго штабомъ, полковника Вунша. Послѣдній сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ всѣ званія: начальника штаба, дежурнаго генерала, генералъ-квартирмейстера, интенданта, директора канцеляріи, госпиталей и почтъ, генералъ-полиціймейстера и проч. При самыхъ блестящихъ способностяхъ и при неутомимой дѣятельности, человѣкъ, поставленный въ подобное положеніе, не въ состояніи удовлетворить многочисленнымъ и разнообразнымъ требованіямъ войскъ. Оттого съ самаго начала военныхъ дѣйствій въ крымской арміи замѣчался большой безпорядокъ въ администраціи и въ особенности во всемъ, что̀ касалось интендантскихъ распоряженій» [2]).

«Князь Меншиковъ жаловался, что у него нѣтъ штаба; говорилъ, что всѣхъ лицъ его главной квартиры можно пересчитать по пальцамъ, а между тѣмъ самъ онъ никого не просилъ о сформированіи штаба. Правда, онъ ходатайствовалъ о назначеніи къ нему отдѣльныхъ лицъ, которыя тотчасъ же и назначались. Вельможа, стяжавшій себѣ славу дипломата, воина и администратора, князь Александръ Сергѣевичъ, извѣстный всему мыслящему русскому міру своимъ широкимъ умомъ, смотрѣлъ на учрежденія штабовъ съ усмѣшкою.

«— Обойдемся, отвѣчалъ онъ обыкновенно на предложеніе организовать штабъ въ полномъ его составѣ» [3]).

Отношеніе князя Меншикова къ войскамъ осталось то же, что̀ было и сейчасъ послѣ Алминскаго боя. Онъ до такой степени не довѣрялъ подчиненнымъ ему войскамъ, что даже и не пробовалъ слѣдить за непріятелемъ: «Непріятеля мы здѣсь не видимъ, писалъ

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 175.
[2]) Тамъ же, стр. 173 и 174.
[3]) Тамъ же, стр. 202.

онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Корнилову (13-го сентября) и ничего объ нихъ не слышимъ» [1]).

Въ особенности онъ былъ слабаго мнѣнія о духѣ войскъ, хотя самъ, какъ видно, не только не принималъ никакихъ мѣръ для его поднятія, но упускалъ даже подходящіе для того случаи. Такъ, на другой день по прибытіи арміи къ Бахчисараю туда пріѣхалъ извѣстный архіепископъ херсонскій и таврическій, преосвященный Иннокентій. Этотъ достойный пастырь, зная о замѣшательствахъ въ краѣ, по случаю открывшихся военныхъ дѣйствій, выѣхалъ для объѣзда своей паствы и намѣревался видѣть войска для благословенія ихъ на побѣду и раздѣленія съ ними опасности. Съ этою-то высокою цѣлью онъ послалъ къ Меншикову просьбу о дозволеніи прибыть въ главную квартиру и въ Севастополь, гдѣ онъ разсчитывалъ помолиться съ войсками и передать имъ явленную икону Касперовской Божіей Матери. «Князь приказалъ сказать преосвященному, что теперь не до того и что надобно выбрать другое болѣе удобное время; на поѣздку же Иннокентія въ Севастополь князь вовсе не согласился.

«— Я боюсь, замѣтилъ свѣтлѣйшій, чтобы чудотворная Божія Матерь не попала въ руки непріятеля.

«Князь Меншиковъ совѣтовалъ Иннокентію возвратиться къ своей паствѣ, въ Одессу. Преосвященный вернулся въ тотъ же день въ Симферополь, а 16-го сентября отправился оттуда по южному берегу Крыма, для осмотра церквей въ Ѳеодосіи и Керчи» [2]).

Между тѣмъ, уважаемый пастырь этотъ былъ изъ тѣхъ выдающихся лицъ нашего духовенства, которыя понимали всю глубокую историческую связь православной церкви нашей съ войсками и вдохновеннымъ словомъ своимъ всегда умѣлъ вселять въ войска увѣренность, напутствуя ихъ на боевые подвиги.

Вотъ разсказъ очевидца, какими словами напутствовалъ онъ части 11-й пѣхотной дивизіи, выступавшія изъ Одессы въ Крымъ. На просьбу начальника дивизіи владыко съ охотою согласился благословить выступающія части и, въ назначенный часъ, вынесъ изъ собора къ собраннымъ войскамъ икону Касперовской Божіей Матери и въ срединѣ каре началъ напутственное молебствіе. Горячо молились солдаты, по свидѣтельству очевидца. «Но вотъ замолкло богослуженіе; Иннокентій оперся на посохъ, благодушными очами

---

[1]) Тамъ же, стр. 176 и 177.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 160.

обвелъ воинскій строй и тихимъ, но внятнымъ голосомъ, сказалъ мгновенно стѣснившимся къ самому аналою воинамъ-слушателямъ:

«Христолюбивые и побѣдоносные воины! Христолюбивые и потому побѣдоносные! Недолго досталось вамъ покоиться отъ вашихъ трудовъ и подвиговъ задунайскихъ. По гласу Монарха, вы снова должны возстать и идти на полуостровъ Таврическій для наказанія и пораженія тамъ кичливыхъ враговъ нашихъ, кои, въ ослѣпленіи гордости и злобы, дерзнули, переплывъ море, вторгнуться въ эту древнюю область нашу, гдѣ пріялъ крещеніе еще великій и равноапостольный князь Владиміръ, откуда вмѣстѣ съ нимъ вѣра христіанская пошла по всей земли русской. Привѣтствуемъ васъ съ симъ новымъ походомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и благочестнымъ странствіемъ къ колыбели нашего христіанства и православія!... Поклонитесь, съ благоговѣніемъ поклонитесь ей, отъ лица всей земли русской и станьте съ свойственнымъ вамъ мужествомъ противъ изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета и наглыхъ клеветовъ ихъ, за честь вѣры и креста Христова, за слезы и кровь собратій нашихъ по вѣрѣ...» [1]).

Продолжая далѣе свое слово, владыко пожелалъ въ концѣ войскамъ поскорѣе видѣть ихъ побѣдителями «на радость всей Россіи и къ славѣ возлюбленнаго Монарха нашего...»

«Мы едва удержались, продолжаетъ далѣе очевидецъ, чтобы не отвѣтить любимымъ своимъ крикомъ «ура» на вдохновенную рѣчь русскаго Златоуста; но всѣ мы, толпившіеся близъ него офицеры, не могли не покрыть поцѣлуями его рукъ, его одежды. Когда нѣсколько успокоилось волненіе восторга слушателей, преосвященный благословилъ дивизію иконою нерукотвореннаго Спаса, вручилъ оный генералъ-лейтенанту Павлову и съ чудотворною иконою Касперовской Богоматери пошелъ по рядамъ солдатъ, окропляя ихъ святою водою. Долго солдаты лобзали одежды великаго проповѣдника, просили не забывать ихъ въ своихъ святыхъ молитвахъ. Еще разъ благословивъ насъ въ далекій, а для многихъ послѣдній путь, владыко удалился въ соборъ при колокольномъ звонѣ и пѣніи клира, а мы потянулись въ походъ, провожаемые любопытствующимъ народомъ» [2]).

Еще меньше могло способствовать поднятію духа въ войскахъ

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 42.

[2]) Тамъ же, стр. 43.

настроеніе самого командующаго войсками и его полное недовѣріе къ начальникамъ и войскамъ, ему подчиненнымъ:

«Во всѣхъ рѣчахъ князя Меншикова было что-то безотрадное; видно было, что онъ не довѣряетъ ни начальникамъ, ни войскамъ. Князь, впрочемъ, не скрывалъ своего мнѣнія и позволялъ себѣ нѣкоторыя выходки, оскорбительныя для тѣхъ, которые грудью своею заслонили Севастополь на Алмѣ, тамъ же сохранили ему доброе имя и безропотно переносили всѣ лишенія» [1]).

Не менѣе откровененъ былъ князь и въ своихъ донесеніяхъ, и письмахъ въ Петербургъ, сваливая въ нихъ всѣ неудачи на войска и клеймя ихъ несправедливыми обвиненіями, что̀ видно изъ слѣдующаго его письма военному министру, князю Долгорукову, отъ 24-го сентября:

«Князь Михаилъ Горчаковъ, писалъ князь Меншиковъ, назначилъ полковника Батезатула сопровождать генерала К. для подкрѣпленія, какъ онъ думаетъ, сомнительной способности этого генерала. Къ несчастію, это выраженіе можетъ прилагаться ко многимъ другимъ... Я приказалъ ежедневно дѣлать вылазки изъ Севастополя небольшими партіями, не столько для того, чтобы безпокоить ими непріятеля, сколько для того, чтобы пріучать войска къ огню, ибо приходишь въ отчаяніе, когда видишь смущеніе, производимое непріятельскими снарядами, которые летаютъ надъ головами баталіоновъ, не касаясь ихъ» [2]).

Конечно, послѣ подобнаго мнѣнія о войскахъ и ихъ начальникахъ нельзя было ожидать, чтобы армія эта могла имѣть въ чемъ нибудь удачу и совершенно правильными слѣдуетъ признать слѣдующія строки:

«Что чрезвычайно тяжело было узнать, писалъ князь Долгорукій въ отвѣтъ на письмо князя Меншикова, такъ это то, что вы мало увѣрены въ искусствѣ вашихъ генераловъ и даже сомнѣваетесь въ храбрости вашихъ войскъ. Понятно, что подобное убѣжденіе должно неблагопріятно отозваться на всѣхъ дѣлаемыхъ распоряженіяхъ» [3]).

Не можемъ не напомнить читателямъ, что эти горькія строки о войскахъ князь Меншиковъ писалъ, находясь съ арміею на сѣверной сторонѣ Севастополя въ то время, когда по другую сторону

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 200.
[2]) Тамъ же, стр. 200.
[3]) Тамъ же, стр. 201.

рейда, въ самомъ городѣ, части тѣхъ же самыхъ войскъ, назначенныхъ въ гарнизонъ, пользовались заслуженною похвалою своего новаго начальника. Всѣмъ было извѣстно, какъ высокъ былъ ихъ воинскій духъ и какъ они, наперерывъ съ моряками, совершали свои, по выраженію Корнилова, «удалые подвиги».

Чему же это приписать, какъ не тому, что по одну сторону рейда войскамъ отдавали должное, всякое ихъ стараніе цѣнилось и уважалось и въ ихъ качества вѣрили и говорили имъ это, а по другую сторону совсѣмъ не цѣнили дѣятельность войскъ, совсѣмъ не вѣрили въ наличность въ нихъ какихъ-либо достоинствъ и иногда прямо высказывали это свое подавляющее мнѣніе самимъ войскамъ.

Конечно, такая разница въ оцѣнкѣ войскъ по обѣ стороны рейда должна была поразить всякаго и этому надо приписать то, что послѣ словеснаго донесенія Корнилова Государю черезъ отправляющагося флигель-адъютанта, повтореннаго въ приведенномъ выше приказѣ по гарнизону: «Я поручилъ доложить Его Величеству, что войска рвутся сразиться и на всякомъ шагу выказываютъ свою удаль, что они, по примѣру отцовъ, не хотятъ и знать о числѣ непріятелей, а обѣщаютъ отстаивать довѣренное имъ Государемъ сокровище», и князь Меншиковъ нѣсколько смягчилъ свое мнѣніе о войскахъ въ слѣдующемъ своемъ письмѣ военному министру, отъ 3-го октября: «духъ въ войскахъ поднялся и я имѣю надежду, что они будутъ драться хорошо» [1]).

Едва-ли можно признать этотъ отзывъ предвѣстникомъ установленія болѣе нормальныхъ отношеній между главнымъ начальникомъ и подчиненными ему войсками. Строки эти были написаны, повидимому, только для того, чтобы сгладить въ Петербургѣ впечатлѣніе разительной разницы во взглядахъ обоихъ начальниковъ.

Удручающее настроеніе въ арміи осталось то же самое и должно было повести за собой столь же неудачныя дѣйствія, къ какимъ оно привело при первомъ столкновеніи съ непріятелемъ.

Весьма рельефно и живо описываетъ это положеніе въ арміи въ своихъ запискахъ князь Васильчиковъ, посланный начальникомъ 12-й дивизіи, спѣшно слѣдовавшей въ Крымъ, генераломъ Липранди къ князю Меншикову за приказаніями:

«Прибывши на Бельбекъ, я засталъ князя (Меншикова) въ лагерѣ пьющимъ вечерній чай въ палаткѣ, сидя на барабанѣ. По вру-

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 201.

ченіи донесенія, привезеннаго мною отъ генерала Липранди, князь спросилъ меня: что такое Липранди? Не успѣлъ я отвѣтить, что генералъ Липранди—бывалый военный человѣкъ, знаетъ войска, умѣетъ съ ними обращаться и пользуется ихъ довѣріемъ, и напомнить князю, что онъ еще въ полковничьемъ чинѣ получилъ Георгія 3-й степени, какъ его свѣтлость прервалъ меня словами: «Да, интриганъ, фанаріотъ! Я его помню въ то время, когда онъ командовалъ Семеновскимъ полкомъ». Всѣ мои возраженія остались напрасными; привычка всѣхъ подозрѣвать, во всѣхъ видѣть враговъ себѣ, превозмогла, и князь пустился въ порицанія всего окружающаго его люда. Войска никуда не годятся, не хотятъ драться, кавалерія для дѣла непригодна; генераловъ нѣтъ ни одного: «Кирьяковъ», сказалъ князь, сдѣлавши презрительную гримасу; «Халецкій!», прибавилъ онъ, «un Lévachoff tartare», и сдѣлалъ привычный графу Левашову жестъ лѣвою рукой, при которомъ указательный палецъ оставался вытянутымъ, тогда какъ остальные были согнуты, какъ будто бы держали поводья управляемой графомъ верховой лошади.

«Не желая далѣе выслушивать такой желчной саркастической іереміады, я спросилъ князя, какія будутъ приказанія къ генералу Липранди, и получилъ въ отвѣтъ, что распоряженія имъ уже сдѣланы и что я могу оставаться пока въ лагерѣ, потому что надняхъ отправленъ буду курьеромъ обратно къ князю Горчакову. Такимъ образомъ и я поступилъ въ отрядъ интригановъ, которыхъ слѣдовало оберегаться и которыхъ князь имѣлъ обыкновеніе сейчасъ же удалять отъ себя.

«И при такой системѣ человѣкъ этотъ имѣлъ еще дерзость жаловаться, что у него не было помощниковъ и что ему приходилось все дѣлать самому! Правда, что онъ въ это же время совѣтовался съ флигель-адъютантомъ Альбединскимъ насчетъ способнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба и по его рекомендаціи вытребовалъ къ себѣ полковника Попова, который одно время долженъ былъ исправлять должность начальника главнаго штаба арміи.

«Два дня прошлялся я въ лагерѣ, ожидая отправленія и, конечно, многаго разсмотрѣть не могъ въ это время. Видѣлъ всеобщее уныніе и грусть; видѣлъ, что между войсками и ихъ главнокомандующимъ не было никакого общенія; видѣлъ, какъ начальникъ проѣзжалъ передъ войсками, никогда съ ними не здороваясь; видѣлъ, какъ люди сурово и молча посматривали на этого начальника, и удивлялся! Видѣлъ, наконецъ, совершенную безтолковщину

въ администраціи полковника Вунша, исправлявшаго чуть-ли не съ двумя писарями должности и начальника штаба, и интенданта арміи, и удивлялся тому, что умный человѣкъ, какимъ былъ князь Меншиковъ, могъ дойти до такой безсмыслицы. Передъ отъѣздомъ я испросилъ себѣ разрѣшеніе князя съѣздить въ Севастополь. Подъ вечеръ я удостоился увидать еще разъ адмирала Корнилова, который принялъ меня очень любезно, далъ мнѣ лошадь и самъ провелъ по главнѣйшимъ частямъ оборонительной линіи. Отрадно было видѣть тотъ контрастъ, который существовалъ между настроеніемъ защитниковъ Севастополя и унылыми обитателями Бельбекскаго лагеря. Здѣсь все кипѣло, все надѣялось, если не побѣдить, то заслужить въ предстоящемъ рѣшительномъ бою одобреніе и признательность Россіи; тамъ все поникло головою и какъ бы страшилось приговора отечества и современниковъ» [1]).

Такимъ образомъ, Меншиковъ не только уничтожалъ всякую дѣятельность находившихся въ арміи начальниковъ своимъ мнѣніемъ о нихъ, но и о вновь прибывавшихъ начальникахъ заранѣе отзывался съ такимъ предубѣжденіемъ, которое не могло усилить въ этомъ начальникѣ энергію въ дѣятельности на пользу арміи, а способно было лишь только уронить его духъ и увѣренность.

Единственное лицо, которому князь довѣрялъ, былъ князь Горчаковъ, командиръ 6-го корпуса; про него Меншиковъ отзывался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я не имѣю ни одного генерала, кромѣ князя Горчакова, но намъ обоимъ вмѣстѣ 140 лѣтъ, и если мы заболѣемъ и будемъ ранены, я не знаю, что тогда будетъ».

«Старый Горчаковъ, который помогаетъ мнѣ очень честно, и я едва успѣваемъ дѣлать текущія распоряженія» [2]).

Довѣріе его къ Горчакову дошло до того, что онъ назначилъ его командующимъ всѣми войсками дѣйствующаго отряда и вновь прибывающими къ Севастополю, причемъ въ приказѣ было сказано:

«Объявляя о семъ по ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, предписываю всѣмъ начальникамъ дѣйствующаго отряда всѣ приказанія генерала князя Горчакова исполнять, какъ бы мои» [3]).

Но подобное довѣріе не ставило князя Горчакова въ положеніе самостоятельнаго начальника, такъ какъ Меншиковъ только совѣтовался съ нимъ, а распоряженія по войскамъ отдавалъ самъ, часто даже не сообщая ему объ отданныхъ приказаніяхъ.

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1891 г. № 6, стр. 191 и 192.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 203.

[3]) Тамъ же, стр. 204.

Не можемъ не оговорить еще, что были и такія части въ составѣ арміи, которымъ приходилось очень тяжело изъ-за нерасположенія командующаго войсками къ ихъ прямымъ начальникамъ. Такъ, одинъ изъ офицеровъ Московскаго полка разсказываетъ, какъ онъ рапортомъ донесъ командиру полка объ оказанномъ 7-го октября отличіи своемъ и подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ, и что на этотъ рапортъ получилъ отъ командира полка, въ присутствіи баталіонныхъ командировъ, слѣдующій отвѣтъ:

«— Уважая вашу службу Государю и отечеству, въ настоящее время я никакъ не могу сдѣлать представленія о васъ и объ остальныхъ охотникахъ. Вамъ должно быть извѣстно, что настоящій нашъ начальникъ, генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ, хотя и считается въ званіи начальника нашей дивизіи, но очень не надолго. Онъ лишенъ власти надъ нами. Неудовольствіе главнокомандующаго къ генералу Кирьякову такъ велико, что каждую бумагу за его подписью свѣтлѣйшій князь приказалъ возвращать генералу безъ доклада. Бригадный же командиръ, не считая начальника дивизіи отсутствующимъ, не беретъ на себя право входить съ представленіями помимо его, даже въ болѣе важныхъ дѣлахъ. Такое положеніе для насъ ужасно тяжело. Черезъ это, продолжалъ командующій полкомъ, мы испытали много горя; въ особенности, когда въ полкъ понадобилось немедленно нѣсколько тысячъ аршинъ холста, по случаю потери въ Алминскомъ сраженіи, какъ вы сами знаете, почти всѣхъ срочныхъ военныхъ вещей и всего солдатскаго имущества. Объ этомъ мы подали по дистанціи; дистанція перенесла выше, а изъ главнаго штаба начальнику дивизіи всю переписку возвратили. Онъ отправляетъ вторично, ему вторично возвращаютъ. Дѣло нетерпящее отлагательства лежало такимъ образомъ, а бѣдные солдаты, не имѣя возможности отлучиться ни изъ траншеи, ни отъ работъ, должны были оставаться безъ перемѣны платья...

«Вотъ почему ни о васъ, ни о комъ, и ни о чемъ нельзя писать по начальству» [1]).

Хотя приведенный примѣръ и представляетъ по своей рѣзкости исключительный случай, но не можемъ не сказать по этому поводу, что тяжелое положеніе части изъ-за провинности начальника ея можно было наблюдать довольно часто.

Вотъ, въ общемъ, въ какомъ неприглядномъ положеніи была внутренняя жизнь въ арміи, стоявшей на сѣверной сторонѣ, въ то

---

[1]) Рукописи, т. III, стр. 293 и 294.

время, какъ на южной такъ бодро и съ такимъ вниманіемъ къ нравственному элементу готовились къ первой борьбѣ съ противникомъ.

Трудно, конечно, было предполагать, чтобы духъ въ арміи могъ, при такихъ условіяхъ, возвыситься, на что разсчитывалъ командующій войсками, но самъ не принималъ къ этому никакихъ мѣръ. Можно указать только на одно распоряженіе, которое, конечно, должно было затеряться въ ряду другихъ ему противоположныхъ. но если оно успѣло возымѣть вліяніе на войска, то должно было отразиться въ положительномъ смыслѣ.

Съ большою благодарностью, какъ знакъ вниманія и облегченія войскъ въ ихъ трудной службѣ, со стороны князя Меншикова, встрѣтили войска, спѣшно слѣдовавшія въ Крымъ на подкрѣпленіе, его разрѣшеніе оставить въ складахъ въ Николаевѣ каски и слѣдовать дальше въ однѣхъ фуражкахъ:

«Солдаты отъ души благодарятъ свѣтлѣйшаго за распоряженіе объ оставленіи касокъ. Простое, кажется, распоряженіе, а между тѣмъ нѣсколькими подобными можно очень привязать къ себѣ солдатъ». [1]).

То полное недовѣріе, съ которымъ князь Меншиковъ относился, какъ къ подчиненнымъ ему войскамъ, такъ и къ ихъ начальникамъ, не могло не отразиться и на настроеніи его духа: потерявъ совершенно увѣренность, онъ не могъ найти въ себѣ надеждъ на лучшее будущее.

Подобное настроеніе князя не могло не выказаться въ его донесеніяхъ, потому-то мы видимъ почти въ каждомъ письмѣ къ нему Государя стараніе поднять духъ и ободрить командующаго войсками, и совѣты къ принятію такихъ же мѣръ относительно подчиненныхъ ему войскъ. Вотъ нѣсколько подобныхъ выписокъ:

«Ежели Богъ, по милосердію своему, сохранитъ еще день восемь дѣла у Севастополя въ томъ же положеніи, то Липранди, съ прекрасной и надежной дивизіей, будетъ у тебя, и тогда у тебя подъ рукой будетъ у Севастополя до 75,000 человѣкъ. Будемъ молить Бога, чтобы удалось тебѣ употребить ихъ съ пользою и спасти Севастополь, флотъ и край. *Не унывать никому, повторяю Я; доказать каждому, что мы тѣ же русскіе, которые отстояли Россію въ 1812 году.*

«Богъ съ вами и всѣмъ Мой поклонъ и надежда».

«Всѣхъ ободряй, возбуждай, и Я увѣренъ, что скоро Меня обра-

---

[1]) Алабинъ, ч. III, стр. 43.

дуютъ добрыя вѣсти. Будемъ усердно молиться Богу и съ покорностью ждать, что онъ намъ даруетъ. Богъ съ тобой и съ вами. Поклонись Горчакову, Корнилову и Липранди, котораго тебѣ особенно рекомендую».

«Постепенно наступать на непріятеля, укрѣпляясь на удобныхъ мѣстахъ, устраняетъ опасность, которой мы подвергались бы при болѣе отважномъ образѣ дѣйствій. При томъ молодое войско *пристрѣливать*, знакомить съ огнемъ, разохотить и беречь, сколько можно, не утомляя, грѣя и кормя, сколько можно лучше...

«Напиши Мнѣ, много-ли раненыхъ и больныхъ выписывается. Поклонись Горчакову, Корнилову и Липранди; войскамъ Мой поклонъ и увѣренность, что каждый свято исполнитъ долгъ свой, какъ надлежитъ православнымъ русскимъ, защищающимъ край родной и святую вѣру. Никому не унывать; съ нами Богъ!» [1]).

Но Меншиковъ, какъ мы видѣли, не всѣ эти благіе совѣты приводилъ въ исполненіе, и если разсчитывалъ на лучшее будущее, то исключительно благодаря прибытію свѣжихъ войскъ въ подкрѣпленіе.

Дѣйствительно, съ самаго перехода арміи на южную сторону, послѣ Алминскаго боя, къ ней начали подходить подкрѣпленія. Сначала подходили небольшія отдѣльныя части отъ генерала Хомутова и изъ другихъ пунктовъ Крымскаго полуострова и ближайшаго къ нему побережья Чернаго моря. Но главную услугу князю Меншикову оказалъ, какъ извѣстно, князь Горчаковъ, главнокомандующій бывшей дунайской арміею. Онъ выказалъ необычное благородство и преданность интересамъ отечества, забывая при этомъ свои личные интересы и безопасность. Онъ, не только не ожидая приказаній, но даже вопреки приказаніямъ и мнѣнію князя варшавскаго, отдѣлилъ отъ своей арміи все, что было возможно, и направилъ войска въ Крымъ, благоустроивъ имъ безостановочное и скорое движеніе. По первымъ извѣстіямъ о неудачѣ при столкновеніи съ противникомъ и возможности отрѣзанія Севастополя и арміи отъ сообщеній съ Россіей, онъ приказалъ двумъ уланскимъ дивизіямъ слѣдовать форсированнымъ маршемъ изъ Одессы и Николаева къ Перекопу, туда же направилъ на подводахъ 12-ю пѣхотную дивизію и приготовилъ къ движенію другія двѣ дивизіи 4-го корпуса—10-ю и 11-ю.

---

[1]) Эти выписки взяты изъ писемъ Государя Меншикову отъ 30-го сентября и 3-го, 7-го и 8-го октября. Н. Дубровинъ, стр. 224, 227, 228 и 229.

Благодаря всѣмъ принятымъ мѣрамъ:

«Движеніе 12-й дивизіи совершилось съ необыкновенною быстротою и такимъ увлеченіемъ со стороны людей, что во все время лѣдованія не было почти больныхъ. Нижніе чины дѣлали по 30-ти и 40 верстъ, проѣзжая половину пути на подводахъ и проходя пѣшкомъ остальное пространство. Ни пѣсни, ни шуточки не было слышно; всѣ были преисполнены торжественностью той минуты, всѣ торопились если не на выручку, такъ на помощь товарищамъ. Народъ вдоль по пути встрѣчалъ войска съ крестнымъ знаменіемъ; помѣщики привѣтствовали извѣстнаго имъ по репутаціи генерала Липранди и желали ему успѣха; нѣмецкіе колонисты выѣхали на встрѣчу войскамъ со всею массою наличныхъ своихъ лошадей и подводъ» [1]).

Благодаря этому уже съ 4-го октября славные полки 12-й дивизіи стали присоединяться къ арміи князя Меншикова и къ 10-му числу вся дивизія была на лицо. Такимъ образомъ, за время съ 19-го сентября по 10-е октября армія получила подкрѣпленій всего въ числѣ 24-хъ баталіоновъ, 12-ти эскадроновъ, 56-ти орудій и 12-ти сотенъ казаковъ [2]).

Съ этими подкрѣпленіями силы Меншикова къ 10-му октября простирались въ общемъ до 63,800 человѣкъ пѣхоты. Кавалерія въ этомъ разсчетѣ не принята во вниманіе на основаніи соображенія самаго князя, «потому что на занимаемой непріятелемъ позиціи участіе ея въ дѣлѣ можетъ быть самое ограниченное».

Изъ этого числа 38,000 находилось уже въ составѣ Севастопольскаго гарнизона, такъ что отрядъ, могшій дѣйствовать въ полѣ, былъ не болѣе 25,800 штыковъ [3]). Но и къ союзникамъ за это время подходили подкрѣпленія, такъ что они считали у себя болѣе 85,000, изъ которыхъ до 50,000 французовъ и 35,645 человѣкъ англичанъ [4]).

Такія силы противника не могли дать достаточнаго основанія для перехода съ нашей стороны къ наступленію, съ цѣлью снятія начавшейся осады Севастополя и освобожденія его гарнизона дло совмѣстнаго истребленія противника. Но слѣдовавшія въ Крымъ остальныя силы 4-го корпуса давали полное основаніе къ переходу

---

[1]) Записки князя В. И. Васильчикова. «Русскій Архивъ» 1891 года, № 6, стр. 191.

[2]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 360 и 361.

[3]) Н. Дубровинъ, стр. 249.

[4]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 360.

въ наступленіе, и дѣйствительно, князь Меншиковъ доносилъ Государю, что приходится отложить наступленіе до прихода 10-й и 11-й дивизіи, такъ какъ:

«Двинуться съ настоящими силами, полагаю, было бы идти на слишкомъ неравный бой, а атаковать непріятеля совокупно съ гарнизономъ Севастополя невозможно по тому, что я едва-ли буду въ состояніи быстро и своевременно перевести туда артилерію, не говоря уже о томъ, что крайне рисковано и трудно дебушировать войску изъ крѣпости подъ батареями враговъ» [1]).

Еще раньше, не разъ, Государь писалъ Меншикову: «ничего не предпринимать на авось, а идти на вѣрное», а потому не могъ теперь не согласиться съ его доводами, но отвѣчалъ ему, между прочимъ, слѣдующее: «... Полагаюсь совершенно на тебя, на усердіе и храбрость всѣхъ съ генераловъ и адмираловъ до солдатъ и матросовъ, и увѣренъ, что русскимъ героямъ невозможнаго нѣтъ и всякій исполнитъ свой долгъ. Затѣмъ, что Богъ опредѣлитъ, тому и быть; безропотно покоримся Его волѣ. Не скрою Мое опасеніе, что искусно ведомая атака съ огромными силами, не въ мѣру способамъ защиты, которую представляютъ наши временные окопы. Потому казалось бы Мнѣ, что надо стараться замедлить успѣхъ осады контръапрошами отъ нашего лѣваго фланга, вдоль по оврагу, что̀ отъ лабараторіи, устраивая эполементы для орудій хотя полевыхъ, чтобы брать во фланг непріятельскія работы и тревожить частыми малыми вылазками.

«Не зная подробностей ведомой атаки, не могу опредѣлить, не было бы ли возможно сдѣлать на семъ флангѣ сильную вылазку для истребленія непріятельскихъ работъ» [2]).

Почти такого же мнѣнія держался и князь Горчаковъ, главнокомандующій дунайскою арміею; еще до начала осады Севастополя онъ писалъ князю Меншикову, что контръ-апрошная система могла дать значительный успѣхъ въ борьбѣ съ противникомъ.

Но главнокомандующій [3]) крымскою арміею, повидимому, окончательно рѣшилъ дождаться прибытія всего 4-го корпуса для рѣшительнаго перехода въ наступленіе. Пока же онъ занялся соображеніемъ предстоящаго плана дѣйствій и поручилъ выработать его генералу Липранди, такъ какъ, кромѣ особенной рекомендаціи Го-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 249.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 250.

[3]) Князь Меншиковъ назначенъ главнокомандующимъ указомъ сенату 30-го сентября 1854 года.

сударя, онъ получилъ и отъ князя Горчакова слѣдующій лестный отзывъ:

«Генералы Липранди и Врангель, писалъ князь Горчаковъ, самые достойные изъ моей арміи. Посылаемыя вамъ войска превосходны»[1]).

Генералъ Липранди, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ и осмотрѣвъ все на мѣстѣ, разработалъ планъ нападенія отъ с. Чоргунъ въ тылъ расположенія союзниковъ на Сапунъ-горѣ. Для нападенія этого, какъ извѣстно, предполагалось сосредоточить у Чоргуна до 65-ти баталіоновъ, 52 эскадрона, 18 сотенъ и 200 орудій. Предположено было сначала овладѣть въ то время слабо укрѣпленной нѣсколькими редутами позиціею противника впереди д. Кадыкіой, а затѣмъ, оставивъ на этой позиціи, въ видѣ резерва, дивизію пѣхоты, всѣхъ остальныхъ, въ составѣ 49-ти баталіоновъ, 52-хъ эскадроновъ, 18-ти сотенъ и 152-хъ орудій, направить на Сапунъ-гору.

Планъ этотъ былъ старательно разработанъ до мельчайшихъ подробностей; указаны были: составъ, направленіе и цѣль дѣйствій каждой колонны и даже составлена была диспозиція.

Такимъ образомъ, казалось, что для крымской арміи мрачный горизонтъ началъ проясняться. Главнокомандующій получалъ свѣжія, испытанныя войска, подъ командою достойныхъ и особенно рекомендуемыхъ генераловъ; числительность войскъ дозволяла ему перейти въ наступленіе и онъ имѣлъ время и возможность подробно разработать во всѣхъ деталяхъ планъ предстоящихъ дѣйствій. Оставалось только, повидимому, сохранить этотъ планъ въ глубокой тайнѣ, чтобы не дать возможности противнику приготовиться къ нападенію и усилить свои слабые пункты. Тогда бы нападеніе это, кромѣ матеріальныхъ шансовъ, имѣло бы за собой и всѣ нравственные, такъ какъ могло бы захватить союзниковъ врасплохъ и было бы направлено въ самую слабую точку ихъ расположенія. Поэтому можно было разсчитывать поколебать въ основѣ нравственныя силы противника, а слѣдовательно и добиться самыхъ рѣшительныхъ результатовъ.

Но 10-го октября главнокомандующій далъ знать генералу Липранди, что въ городѣ чувствуется недостатокъ въ порохѣ, а потому онъ предполагаетъ, для отвлеченія вниманія союзниковъ, произвести съ 12-ю дивизіею большую вылазку изъ Севастополя. Ге-

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 170 и 171.

нералу Липранди удалось убѣдить князя Меншикова, что подобная вылазка не обѣщаетъ хорошихъ результатовъ и можетъ повести къ тому, что противникъ на плечахъ ея ворвется въ нашу оборонительную линію. Находя все-таки необходимымъ «сдѣлать что нибудь для отвлеченія непріятеля отъ Севастополя» [1]), князь Меншиковъ рѣшилъ, не ожидая прибытія еще двухъ дивизій, начать исполненіе рѣшеннаго наступательнаго плана и взять съ бою непріятельскую укрѣпленную позицію у д. Кадыкіой.

Принимая подобное рѣшеніе, главнокомандующій, повидимому, упускалъ изъ вида, что онъ этимъ раскрывалъ карты противнику, обращалъ его вниманіе на слабый его пунктъ и, какъ бы заранѣе указывалъ ему, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать серьезнаго съ нашей стороны нападенія и этимъ, конечно, терялъ всѣ нравственныя выгоды задуманныхъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій.

Причинъ подобнаго пренебреженія къ нравственнымъ шансамъ успѣха предстоящаго наступленія, какъ намъ кажется, было двѣ. Одну изъ нихъ указывалъ самъ князь Меншиковъ, отвѣчая на просьбы не предпринимать нападенія до прихода 10-й и 11-й дивизій: «У насъ недостатокъ въ порохѣ, отвѣчалъ на это князь Меншиковъ, и настаивалъ, чтобы наступательное движеніе было произведено на слѣдующій же день, т. е. 12-го октября» [2]).

Другою же причиною, повидимому, было то недовѣріе, которое князь питалъ къ подчиненнымъ ему войскамъ и которое повело къ тому, что онъ не разсчитывалъ на возможность удержать въ своихъ рукахъ Севастополь до прихода подкрѣпленій. По крайней мѣрѣ, 11-го октября онъ доносилъ Государю:

«При продолжающемся неумолкаемо уже восьмыя сутки бомбардированіи города, приближается и то время, въ которое непріятель, по всѣмъ вѣроятіямъ, получитъ рѣшительный надъ нами перевѣсъ и настанетъ для насъ минута необходимости вывести весь гарнизонъ на сѣверную сторону, подъ прикрытіемъ кораблей» [3]).

Если обѣ эти причины были дѣйствительно на лицо, то нельзя не сказать, что главнокомандующій былъ поставленъ въ критическое положеніе, которое и заставило его пренебречь главными, дающими успѣхъ и побѣду, шансами—нравственными. Но если эти причины были только кажущимися и недостаточно изслѣдованными на дѣлѣ, то придется придти къ заключенію, что князь Менши-

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 260.
[2]) Тамъ же.
[3]) Н. Дубровинъ, стр. 254 и 255.

ковъ недостаточно придавалъ значенія нравственному элементу и не признавалъ за нимъ того главнаго фактора, который имѣетъ первенствующее вліяніе на успѣхъ всякаго боеваго дѣла.

Потому-то мы позволимъ себѣ войти въ нѣсколько болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ причинъ.

По вопросу о недостаткѣ пороха мы имѣемъ слѣдующія подробныя данныя:

«Къ вечеру 9-го октября при севастопольскомъ гарнизонѣ, не считая запасовъ морскаго вѣдомства, было пороха въ боченкахъ 4,900 пудовъ; въ минахъ, устроенныхъ подъ батареями: Константиновской, Михайловской и № 4-го и въ бастіонахъ № 5-го и № 6-го, Малаховомъ курганѣ и сѣверномъ укрѣпленіи было 551 пудъ, и, сверхъ того, по 100 зарядовъ на каждое орудіе во всѣхъ головныхъ приморскихъ фортахъ и сухопутныхъ укрѣпленіяхъ и, наконецъ, по 40 зарядовъ на внутреннихъ приморскихъ батареяхъ. Такимъ образомъ, не считая пороха, бывшаго въ запасахъ морскаго вѣдомства, того, который находился въ зарядахъ на приморскихъ фортахъ, и, наконецъ, того, который былъ на судахъ черноморскаго флота, остававшихся въ бездѣйствіи, мы видимъ, что къ вечеру 9-го октября въ запасахъ одного сухопутнаго вѣдомства находилось до 12,951 пуда пороха.

Изъ донесеній офицеровъ, сопровождавшихъ транспорты, штабъ крымской арміи долженъ бы былъ знать, что изъ Херсона слѣдуетъ 5,901 пудъ, въ трехъ транспортахъ, изъ коихъ первый прибылъ въ Севастополь 13-го, второй—19-го и, наконецъ, третій—21-го октября.

Съ 4-го по 9-е число октября включительно сухопутными батареями израсходовано было до 13,500 пудовъ, а съ 4-го по 12-е тисло—около 18,000 пудовъ пороха. Слѣдовательно, при самомъ большемъ расходѣ его, какъ, напримѣръ, въ день перваго бомбардированія, когда моряки стрѣляли залпами, жгли порохъ, не жалѣя, то и тогда средній расходъ его простирался отъ 2,000 до 2,500 пудовъ въ день. При болѣе же правильномъ веденіи огня, указанномъ совѣтомъ, при замѣтномъ ослабленіи канонады непріятеля,—состоящаго на лицо пороха и готовыхъ зарядовъ было бы достаточно, по крайней мѣрѣ, на недѣлю, т. е. до доставленія новыхъ транспортовъ и прибытія, 17-го октября, 10-й пѣхотной дивизіи.

Въ ожиданіи прибытія транспортовъ, князь Меншиковъ всегда имѣлъ возможность взять порохъ съ судовъ флота, освободить порохъ, бывшій въ минахъ тѣхъ батарей, которыя находились на сѣ-

верной сторонѣ, и, наконецъ, взять порохъ изъ мѣстныхъ херсонскихъ парковъ, остававшихся весьма долгое время нетронутыми. Точное знаніе средствъ обороны, предварительныя и своевременныя распоряженія могли бы устранить опасенія и ложную необходимость начинать дѣло рановременно, и, обнаруживши свои намѣренія, не имѣть возможности привести ихъ въ исполненіе съ успѣхомъ. Но дѣло въ томъ, что въ главномъ штабѣ крымской арміи не имѣлось точныхъ свѣдѣній о количествѣ пороха и средствахъ обороны. Въ пріемѣ транспортовъ не было порядка; въ расходованіи пороха существовалъ полный произволъ. Моряки, командиры бастіоновъ и батарей дѣлали излишній запасъ зарядовъ и, не показывая ихъ по отчетамъ, скрывали на черный день» [1]).

Изъ этой выписки видно, что главнокомандующій какъ будто бы не считалъ свое рѣшеніе отказаться отъ нравственныхъ выгодъ въ предстоящей борьбѣ настолько важнымъ, чтобы оно стоило детальной провѣрки причины, на основаніи которой принималось.

Это же заставляетъ убѣдиться и въ томъ, что гласно высказываемое опасеніе за недостачу пороха не было единственною и главною причиною принятаго рѣшенія, а, какъ мы указали выше, кромѣ того, князь Меншиковъ не вѣрилъ въ возможность отстоять Севастополь до прихода ожидаемыхъ войскъ.

Посмотримъ же теперь, насколько основательна была эта вторая причина и не была-ли она единственно плодомъ того непреодолимаго недовѣрія къ войскамъ, которое сложилось у главнокомандующаго, какъ мы видѣли, совершенно неосновательно и только на основаніи неудачъ, происшедшихъ въ бо̀льшей степени отъ его же невниманія къ нравственной сторонѣ дѣла.

Въ ходѣ атаки и обороны за это время не произошло ничего такого, чтобы заставило думать о перемѣнѣ сложившагося отношенія воюющихъ сторонъ на этомъ главномъ пунктѣ борьбы. Первый день бомбардированія, какъ мы знаемъ, убѣдилъ противника въ рискованности штурма безъ основательной къ нему подготовки. Потому-то союзники въ послѣдующіе дни продолжали бомбардированіе, которое послѣ 8-го числа стало даже менѣе энергичнымъ. Въ то же время союзники возводили новыя батареи и усиливали, и умножали свое артилерійское вооруженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ приступили къ правильнымъ осаднымъ работамъ и повели главную атаку на 4-й бастіонъ и вспомогательную—на 3-й. Не менѣе энер-

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 261—263.

гично шли дѣла за это время и со стороны обороны. Число батарей и орудій съ каждымъ днемъ возрастало, какъ количествомъ, такъ и калибромъ. Ни разу за эти дни, съ 8-го по 13-е октября, непріятелю не удалось одержать какой нибудь значительный перевѣсъ въ артилерійскомъ состязаніи. Частные же мелкіе успѣхи и удачи случались на обѣихъ сторонахъ. Такимъ образомъ, не было никакихъ признаковъ къ предположенію, чтобы слѣдующее рѣшительное артилерійское состязаніе оказалось бы не въ нашу пользу даже и въ той мѣрѣ, какъ это имѣло мѣсто въ день 5-го октября относительно 3-го бастіона.

Осадныя работы противника хотя подвигались впередъ, но не дошли къ 12-му числу до такого разстоянія, чтобы заставить ожидать штурма со дня на день. Къ этому времени французы успѣли вывести изъ первой паралели впередъ траншеи и заложить вторую паралель участками противъ исходящаго угла 4-го бастіона на разстояніи 200 саженъ отъ него. Англійская же вторая паралель на Воронцовской горѣ была въ 450 саженяхъ отъ исходящаго угла 3-го бастіона. Но и болѣе успѣшному ходу французскихъ работъ былъ положенъ нѣкоторый предѣлъ. Въ этомъ случаѣ гарнизонъ снова выказалъ полную способность къ энергичной иниціативѣ. Когда работы противника вошли въ сферу дѣйствительности картечнаго огня, предложенъ былъ слѣдующій способъ дѣйствій. На ночь передъ оборонительною линіею высылалась не цѣпь, а нѣсколько сильныхъ секретовъ, составленныхъ изъ опытныхъ въ этой службѣ черноморскихъ пластуновъ. Секреты эти выслушивали и высматривали веденіе непріятельской работы и, давая знать эти точныя свѣдѣнія на батареи, отходили назадъ. Батареи открывали картечный огонь по указаннымъ мѣстамъ, поддерживали его около $^1/_4$ часа, а затѣмъ опять высылались секреты. И такъ дѣйствовали цѣлую ночь. Первая проба этого новаго способа была произведена въ ночь съ 12-го на 13-е число и дала блестящіе результаты: «въ теченіе цѣлой ночи непріятель вывелъ только одинъ короткій зигзагъ отъ правой оконечности второй паралели» [1]).

Затѣмъ, потери, наносимыя непріятельскимъ бомбардированіемъ, сравнительно съ первыми днями значительно уменьшились, благодаря устройству новыхъ траверсовъ и приспособленію людей къ избѣжанію напрасныхъ потерь. Какъ извѣстно, первый день 5-го октября потеря была въ 1,112 человѣкъ, 6-го — въ 324, 7-го—

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 351 и 352.

въ 519, а затѣмъ съ 8-го по 13-е октября выбыло: «изъ строя 1,526 человѣкъ, въ томъ числѣ убитыхъ 220 человѣкъ, т. е. среднимъ числомъ въ сутки выбывало 254 человѣка, изъ которыхъ убитыми 36 человѣкъ» [1]).

Духъ гарнизона оставался на той же высотѣ, до которой его поднялъ Корниловъ. Послѣ его смерти достойные сподвижники его, Нахимовъ и Истоминъ, съ успѣхомъ продолжали его дѣятельность въ этомъ отношеніи. Начальники часто посѣщали и обходили бастіоны, способствуя тѣмъ хорошему настроенію подчиненныхъ. Нахимовъ не разъ появлялся къ своимъ любимымъ матросамъ съ «гостинцемъ», какъ онъ называлъ, Георгіевскими крестами, и не упускалъ при этомъ случая лично и съ ласкою отличить подчиненныхъ.

Геройскіе подвиги офицеровъ и солдатъ не переводились. Укажемъ, напримѣръ, на слѣдующій: «Въ зданіе морской лабораторіи влетѣла сквозь крышу бомба. Матросъ 45-го флотскаго экипажа Илія Васильевъ выбросилъ ее за окно, гдѣ она тотчасъ и разорвалась, не причинивъ никакого вреда» [2]).

Характеренъ тоже слѣдующій поступокъ лейтенанта Львова, батарея котораго находилась на лѣвомъ фасѣ 4-го бастіона. Когда ему оторвало обѣ ноги, то онъ, предчувствуя свою скорую смерть, просилъ одной награды: дать двоимъ комендорамъ его батареи Георгіевскіе кресты [3]).

Въ мелкихъ дѣйствіяхъ и стычкахъ гарнизона съ непріятелемъ осталась та же иниціатива и дерзость въ нападеніяхъ.

«Для поддержанія нашей цѣпи, расположенной впереди Малахова кургана, между Киленъ-балкою и Доковымъ оврагомъ, сильно тревожимой англійскими штуцерными, контръ-адмиралъ Истоминъ усилилъ ее въ эту ночь двумя морскими подвижными орудіями. Занявъ курганъ впереди Малахова, наши орудія открыли огонь гранатами и вскорѣ принудили непріятельскихъ стрѣлковъ удалиться. Съ этого времени по 4-е (16-е) ноября орудія эти высылались въ цѣпь каждую ночь» [4]).

Мы уже говорили о заклепкѣ французскихъ орудій во время вылазки въ ночь съ 8-го на 9-е октября.

Всѣ поврежденія, понесенныя за день, въ ту же ночь исправлялись и въ то же время возводились новыя работы. Эти усилен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 356.
[2]) Тамъ же, стр. 354.
[3]) Рукописи, т. I, стр. 40.
[4]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 340.

ныя занятія гарнизона, по свидѣтельству участниковъ, приносили не малую пользу нравственнымъ силамъ защитниковъ: «..... подобныя усиленныя занятія заставляютъ солдата забыть тягостное его положеніе, не даютъ ему времени думать объ окружающей его опасности, и тѣмъ дѣлаютъ его совершенно хладнокровнымъ» [1]).

Говоря о духѣ, одушевлявшемъ осажденныхъ, нельзя не привести слѣдующее:

«Въ октябрѣ 1854 года, послѣ усиленнаго перваго бомбардированія, сдѣлано было общее по севастопольскому гарнизону распоряженіе, чтобы прислуга на батареяхъ, изъ флотскихъ экипажей составленная, смѣнялась днемъ и ночью для отдыха. При объявленіи о семъ нижнимъ чинамъ флота, принадлежавшимъ къ 4-му бастіону, всѣ они единодушно просили позволенія оставаться при своихъ орудіяхъ безсмѣнно, изъявляя готовность защищаться и умереть на своихъ мѣстахъ. Командующій дистанціей вице-адмиралъ Новосильскій тогда же донесъ о томъ формально командовавшему войсками въ городѣ Севастополѣ, генералъ-лейтенанту Моллеру, нижеслѣдующимъ рапортомъ, отъ 24-го октября 1854 г., за № 200:

«Вслѣдствіе распоряженія вашего превосходительства для отдохновенія нижнихъ чиновъ, днемъ и ночью дѣйствовавшихъ на батареяхъ ввѣренной мнѣ дистанціи, изъ флотскихъ экипажей, имъ назначена была смѣна, но прислуга изъявила единодушное желаніе остаться при своихъ орудіяхъ, изъявляя готовность защищаться и умереть на своихъ мѣстахъ. О чемъ вашему превосходительству имѣю честь донести и покорнѣйше просить этотъ достохвальный поступокъ не оставить довести до свѣдѣнія высшаго начальства» [2]).

Несмотря на усиленныя работы гарнизона, здоровье войскъ въ немъ было въ удовлетворительномъ состояніи, и въ этомъ отношеніи князь Меншиковъ принялъ мѣру, за которую севастопольскіе защитники не могли не благодарить его:

«Заботясь о войскахъ, находившихся въ составѣ гарнизона, главнокомандующій приказалъ выдавать имъ ежедневно по 1 фунту мяса и по двѣ чарки водки, что̀ имѣло большое вліяніе на сохраненіе бодраго духа и здоровья этихъ войскъ, при тѣхъ чрезмѣрныхъ трудахъ, которые они переносили...» [3]).

Изъ всего сказаннаго нельзя не вывести заключенія, что нрав-

---

[1]) Рукописи, т. I, стр. 32 и 33.

[2]) Матеріалы Н. Дубровина, в. III, стр. 443 и 444.

[3]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 357.

ственный духъ севастопольскаго гарнизона былъ на той же высотѣ, какъ и ко времени перваго бомбардированія, и на него можно было вполнѣ разсчитывать. Нельзя поэтому не согласиться съ слѣдующимъ заключеніемъ: «..... Севастопольскій гарнизонъ одинаково принималъ смерть и увѣчья съ изумительною безропотностью, закалявшею въ немъ только желаніе отомстить врагу и сойтись съ нимъ грудь съ грудью. На самыя опасныя работы не было надобности наряжать; къ допущенію въ охотники, на отчаянныя вылазки, принуждены были бросать жребій; самыя усиленныя работы производились безъ всякаго принужденія,—всѣ работали неутомимо и побѣги нижнихъ чиновъ, случающіеся въ мирное время, не имѣли здѣсь мѣста. Вотъ то нравственное состояніе гарнизона, которое было до Балаклавской побѣды...» [1]).

Мы не говоримъ здѣсь о нравственномъ состояніи арміи противника, такъ какъ оно не могло быть въ точности извѣстно нашему главнокомандующему, а слѣдовательно и не могло имѣть вліянія на принятіе имъ того или другаго рѣшенія.

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 264.

IV.

Изъ сдѣланнаго ранѣе краткаго обзора положенія осады и обороны нельзя не придти къ заключенію, что при высокомъ духѣ гарнизона и внушительной силѣ его въ 38,000 штыковъ, нельзя было бояться не удержать Севастополь какіе нибудь 10 дней до прихода главныхъ подкрѣпленій. Невозможно было противнику, даже съ его 85,000-ными силами, сразу, однимъ неподготовленнымъ ударомъ сломить стойкость защитниковъ города. Да и самая подготовка не могла быть достигнута быстро, такъ какъ она была бы достаточна лишь тогда, если бы союзникамъ удалось сбить бо́льшую часть нашей многочисленной артилеріи и нанести значительныя поврежденія нашимъ укрѣпленіямъ, но и тогда еще противникъ долженъ былъ разсчитывать встрѣтить за грудой укрѣпленій самое отчаянное сопротивленіе людей, готовыхъ на все, кромѣ отдачи роднаго города. А у главнокомандующаго имѣлось еще въ рукахъ до 25,000 одной пѣхоты и большія силы кавалеріи, съ которыми онъ могъ или не допустить всѣхъ войскъ противника къ штурму, или своевременнымъ рѣшительнымъ ударомъ не дать союзникамъ овладѣть городомъ. Такимъ образомъ ни боязнь за необходимость оставить Севастополь и вывести гарнизонъ на сѣверную сторону, ни боязнь за нехватку пороха не были основательными причинами для предпринятія преждевременнаго наступленія. И если главнокомандующій рѣшился на него, не провѣривши предварительно и тщательно основательность этихъ причинъ, то нужно придти къ заключенію, что онъ не придавалъ особеннаго значенія потерѣ нравственныхъ шансовъ въ предстоящей рѣшительной борьбѣ, не признавая за ними главнаго залога успѣха. Иначе, конечно, онъ терпѣливо дождался бы прибытія всѣхъ силъ, а въ случаѣ крайней необходимости

замедлить болѣе серьезнымъ образомъ работы противника, испробовалъ бы, принесшія столь огромную пользу впослѣдствіи, контръапрошныя работы, на которыя указывали ему многіе. Есть даже мнѣніе, что въ предпріятіи на Балаклаву съ одной 12-й дивизіей видѣли только облегченіе предстоящихъ рѣшительныхъ дѣйствій безъ указанія на громадныя невыгоды этого рѣшенія:

«Желая воспользоваться прибытіемъ свѣжихъ войскъ и положить основаніе дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ въ обширномъ размѣрѣ, князь Меншиковъ рѣшился произвести наступленіе на тылъ непріятельской артилеріи со стороны Чоргуна, по направленію къ Балаклавѣ» [1]).

Вотъ какъ просто объясняется это рѣшеніе въ одномъ изъ самыхъ солидныхъ источниковъ по этой кампаніи.

Подобное же объясненіе даетъ и другой историкъ:

«Въ особенности же для насъ было удобно дѣйствовать со стороны Чоргуна по направленію къ Балаклавѣ, основанію дѣйствій англійской арміи. Выгоды такого образа дѣйствій побудили князя Меншикова, не выжидая прибытія остальныхъ дивизій 4-го пѣхотнаго корпуса, предпринять наступленіе на Балаклаву» [2]).

Какъ извѣстно, Балаклава съ ея гаванью составляла основаніе и базу для англійской арміи, а потому англичане и предприняли устройство обширнаго укрѣпленнаго лагеря для ея защиты отъ покушеній со стороны долины рѣки Черной. Укрѣпленія эти должны были войти въ связь съ циркумвалаціонною линіею по Сапунъгорѣ, но къ этому времени широкій планъ лагеря далеко не былъ выполненъ. Ближайшая къ Балаклавѣ линія укрѣпленій, состоявшая изъ батарей, редутовъ и траншей между ними, тянулась отъ д. Кадыкіой на лѣвомъ флангѣ и до горы Спиліи на правомъ. Не всѣ эти укрѣпленія были окончены и соединены сплошною траншеею. Вооружены же были только три укрѣпленія въ окрестности д. Кадыкіой всего 15-ю орудіями. Затѣмъ имѣлась еще передовая позиція на хребтѣ, раздѣлявшемъ Балаклавскую долину отъ долины рѣки Черной. На этой позиціи было четыре редута, вооруженные 11-ю крѣпостными орудіями.

Для обороны этой позиціи имѣлось всего 4,350 человѣкъ, изъ которыхъ 1,000 турецкихъ войскъ занимали передовые редуты, 93-й шотландскій полкъ—650 человѣкъ, 100 человѣкъ англійскихъ

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 363.

[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 108.

инвалидовъ и 1,500 англійской кавалеріи были расположены у д. Кадыкіой, а 1,100 человѣкъ англійскихъ флотскихъ экипажей занимали ближайшія къ Балаклавѣ укрѣпленія.

Съ нашей стороны для атаки былъ назначенъ отрядъ генерала Липранди въ составѣ 17-ти баталіоновъ, 10-ти эскадроновъ, 10-ти сотенъ, 48-ми пѣшихъ и 16-ти конныхъ орудій—численностью до 16,000 и для охраненія праваго фланга этой атаки, со стороны Сапунъ-горы, былъ выдвинутъ на Ѳедюхины высоты отрядъ генерала Жабокритскаго въ составѣ: 7¾ баталіоновъ, двухъ эскадроновъ, двухъ сотенъ и 14-ти орудій—силою до 4,500 человѣкъ [1]).

Мы не будемъ описывать самаго боя, такъ какъ это не входитъ въ рамки нашего изслѣдованія, а обратимъ только вниманіе на такіе его эпизоды, которые намъ необходимы. Несмотря на кажущуюся легкость задачи, нужно напомнить, что противникъ имѣлъ на Сапунъ-горѣ обсерваціонный корпусъ Боскѐ, который вмѣстѣ съ частями осаднаго корпуса могъ быть притянутъ къ мѣсту боя.

Въ предварительныхъ распоряженіяхъ генерала Липранди мы отмѣтимъ, что:

«12-го числа по полудни, начальникъ отряда, генералъ-лейтенантъ Липранди, со своимъ штабомъ и *всѣми командирами отдѣльныхъ частей*, произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи, чему представляла возможность значительная высота, расположенная передъ сел. Чоргунъ, откуда весьма хорошо были видны непріятельскія укрѣпленія, избранныя для атаки. Во время рекогносцировки, во избѣжаніе недоразумѣній въ предстоящемъ сраженіи, начальникомъ отряда указаны были первоначальныя мѣста для отдѣльныхъ колоннъ...

По возвращеніи на бивакъ, диспозиція была составлена и разослана по войскамъ» [2]).

Затѣмъ, на другой день, передъ самымъ началомъ сраженія, «когда все было готово къ бою, генералъ Липранди объѣхалъ со своею свитою войска и, обращаясь къ своей дивизіи, выразилъ надежду, что она будетъ драться также храбро, какъ и на Дунаѣ. Онъ прибавилъ, что не сомнѣвается въ успѣхѣ нашего оружія. Ничто не возбуждаетъ въ такой степени мужества и рѣшимости, какъ увѣренность въ успѣхѣ. Это всякій военный навѣрное каждый разъ испыталъ на себѣ и это правило сохраняетъ свою силу и въ отно-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 364—369.

[2]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. II, стр. 30 и 31.

шеніи къ цѣлымъ массамъ войскъ. Замѣчу мимоходомъ, что ничто такъ легко не передается нашему солдату, какъ эта увѣренность. Генералъ Липранди своими краткими словами вполнѣ наэлектризовалъ свой отрядъ. Солдаты неумолкаемымъ «ура» отвѣчали на слова своего любимаго начальника. Это не былъ тотъ кликъ, который такъ ровно и протяжно раздавался на ученьяхъ; это былъ кликъ—предвозвѣстникъ побѣды, естественно вырвавшійся изъ могучей груди нашего богатыря-солдата» [1]).

Такъ подготовленныя войска двинулись нѣсколькими колоннами на передовую позицію противника и, какъ извѣстно, съ одного налета, несмотря на упорное сопротивленіе, овладѣли сначала однимъ, а затѣмъ и всѣми четырьмя редутами этой позиціи, захвативъ на нихъ орудія со всѣми запасами, инструментами и лагеремъ. Вслѣдъ за захватомъ этой позиціи, неудобный по отдаленности своей редутъ № 4-й былъ срытъ, а къ остальнымъ прибыла артилерія.

«Вмѣстѣ съ артилеріею прибылъ на высоту начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Липранди, и благодарилъ войска. Восторженное «ура!» и готовность къ новымъ подвигамъ было отвѣтомъ на благодарность любимаго начальника» [2]).

Испуганные нашимъ наступленіемъ, союзники сейчасъ же послали, какъ извѣстно, за подкрѣпленіями. Обсерваціонный корпусъ Боскѣ занялъ позицію на скатáхъ Сапунъ-горы. Лордъ Раглань послалъ за 1-ю и 4-ю дивизіями, а генéралъ Канроберъ приказалъ спѣшить къ мѣсту боя бригадамъ Эспинаса и Винуà. Между тѣмъ англійская кавалерія произвела рядъ своихъ замѣчательныхъ, но губительныхъ для нее атакъ. Силы нашего отряда были незначительны для производства дальнѣйшаго рѣшительнаго наступленія, особенно въ виду начавшихъ подходить къ противнику, съ 10-ти часовъ, подкрѣпленій. Силы, стянутыя имъ, превосходили 30,000. Такимъ образомъ, Чоргунскій отрядъ не могъ не ограничиться взятіемъ лишь передовой укрѣпленной позиціи и къ 4-мъ часамъ продолжавшаяся долгое время канонада затихла. Наши потери въ этомъ дѣлѣ простирались до 550 человѣкъ, союзники же оцѣниваютъ свою въ 598 человѣкъ. Въ нашихъ рукахъ остались трофеи въ числѣ: 11-ти чугунныхъ орудій, лагеря, 60-ти патронныхъ ящиковъ, инструмента и одного знамени.

Настроеніе и духъ войскъ, участвовавшихъ въ бою, выказались

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. IV, стр. 50 и 51.

[2]) Тамъ же, стр. 34.

съ самой лучшей стороны. Много отдѣльныхъ подвиговъ совершено было чинами отряда во время боя. Много есть свидѣтельствъ, что раненые люди не оставляли своихъ рядовъ или возвращались немедленно послѣ перевязки. Мы не будемъ перечислять всѣхъ сдѣланныхъ отдѣльными людьми отличій, но приведемъ наиболѣе характерные случаи:

«Во время атаки редута № 4-го, штуцерному 5-й егерской роты Дементію Комисарову оторвало осколкомъ гранаты концы средняго и указательнаго пальцевъ лѣвой руки; долго онъ не оставлялъ своего штуцера, стараясь еще зарядить его, но лившаяся кровь мочила патронъ и оружіе; выведенный изъ терпѣнія, Дементій Комисаровъ обратился къ офицеру: «ваше благородіе, позвольте мнѣ сбѣгать завязать руку, а пока не угодно ли самимъ пострѣлять изъ моего штуцера: знатно попадаетъ, я же сейчасъ ворочусь». И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ Дементій Комисаровъ явился опять между стрѣлками и, хотя съ перевязанною рукою, не переставалъ стрѣлять изъ своего любимаго штуцера до конца сраженія.

Когда, разбитая на-голову, непріятельская кавалерія въ безпорядкѣ и во весь духъ мчалась назадъ, лежавшій на землѣ, раненый въ ногу штуцерной 4-й карабинерной роты Цвѣрковскій, котораго не успѣли еще отвести на перевязочный пунктъ (а самъ идти былъ не въ состояніи), увидѣлъ скакавшаго впереди на лихой лошади англичанина: «Ахъ, батюшки», сказалъ онъ, «не дайте ему выскочить! Онъ славно напиралъ, пусть же хоть на отъѣздъ попробуетъ русскаго свинцу!» Съ этими словами онъ повернулся, приподнялся, прицѣлился, выстрѣлилъ—и славный англійскій наѣздникъ свалился съ коня. «Теперь хоть и на перевязку!» сказалъ Цвѣрковскій.

Въ одно время съ горнистомъ 1-го баталіона Денегою, принесеннымъ съ оторваною рукою на перевязочный пунктъ, принесли туда же англійскаго гусара, истекавшаго кровью и совершенно ослабѣвшаго отъ сабельныхъ ранъ. Видя это, Денега забылъ о собственныхъ страданіяхъ и обратился къ полковому штабъ-лекарю съ просьбою: «Ваше высокоблагородіе, погодите еще смотрѣть меня, помогите вотъ этому прежде, а то онъ пить попросить не можетъ. Пусть знаетъ, что мы христіане и люди добрые!» [1]).

Что же сказать про нравственные результаты и послѣдствія этого боя у Балаклавы?

Для данной минуты бой этотъ имѣлъ, конечно, хорошее нрав-

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. IV, стр. 28 и 29.

ственное значеніе. Многострадальный гарнизонъ Севастополя искренне порадовался одержанному успѣху и привезеннымъ трофеямъ. Всѣ убѣдились, что и въ полевомъ бою наши войска могутъ добиваться успѣховъ, что входящія вновь въ составъ крымской арміи войска принадлежатъ къ числу опытныхъ и надежныхъ войскъ, на которыя, равно какъ и на ихъ начальниковъ, можно вполнѣ положиться. Но всѣ эти выгоды не имѣли никакого значенія въ сравненіи съ невыгодными послѣдствіями Балаклавы. Этотъ бой совершенно уничтожилъ и нравственные, и матеріальные шансы предстоящаго рѣшительнаго удара. Противнику были вполнѣ раскрыты глаза. Предстоящій ударъ не могъ уже быть для него неожиданнымъ и не могъ застать его врасплохъ. Съ 14-го октября непріятель дѣятельно началъ исправлять свои ошибки и усиливать слабыя мѣста:

« ... Оба главнокомандующіе приступили въ ту же ночь къ возведенію новыхъ укрѣпленій. Отправившись въ Балаклаву и осмотрѣвъ окружающую мѣстность, Канроберъ и лордъ Рагланъ, дорожа временемъ, избрали позицію менѣе пространную, но такую, которая могла быть укрѣплена въ болѣе короткій промежутокъ времени. Съ 13-го октября лордъ Рагланъ,—toujours et trop exclusivement préoccupé de la Balaclava [1]), возводилъ вездѣ укрѣпленія и старался всячески оградить этотъ городъ отъ угрожающей ему опасности.

Съ разсвѣтомъ 14-го октября русскія войска увидѣли, что непріятель роетъ Сапунъ-гору и возводитъ множество новыхъ построекъ по всему ея скату и что дѣятельность по усиленію Балаклавы значительно увеличилась. Въ послѣдующіе затѣмъ дни каждое утро являлось новое укрѣпленіе, назначавшееся для непосреднаго прикрытія Балаклавы, или составлявшее часть той непрерывной линіи, которая впослѣдствіи тянулась по всему протяженію Сапунъ-горы, почти до устья Черной рѣчки.

Къ утру 20-го октября союзники успѣли построить вокругъ Балаклавы и на Сапунъ-горѣ рядъ укрѣпленій, которыя были вооружены 40 орудіями частію полевой, но преимущественно крѣпостной артилеріи, снятой съ судовъ флота.

Занятіе нами Кадыкіойскихъ высотъ настолько озаботило союзниковъ, что Канроберъ, опасаясь новыхъ и болѣе серьезныхъ нападеній, приказалъ, чтобы съ 14-го октября первая дивизія пре-

[1]) « ... постоянно и слишкомъ исключительно озабоченный Балаклавою...»

кратила высылать рабочихъ и караульные баталіоны въ томъ вниманіи, чтобы имѣть ее всегда подъ рукою и въ полномъ составѣ» [1]).

Такимъ образомъ, неожиданность въ нападеніи, столь сильно дѣйствующая всегда на нравственныя силы врага, была совершенно потеряна.

Мы видѣли, что къ концу Балаклавскаго боя непріятель стянулъ значительныя силы, а потому самое расположеніе чоргунскаго отряда на взятой у непріятеля укрѣпленной позиціи, повидимому, внушало опасеніе, по крайней мѣрѣ:

«Для отвлеченія вниманія непріятеля отъ отряда генералъ-лейтенанта Липранди, а вмѣстѣ съ тѣмъ для обозрѣнія непріятельскаго расположенія, утромъ, 14-го октября, по приказанію главнокомандующаго, произведена была изъ Севастополя на Сапунъ-гору большая вылазка отрядомъ, составленнымъ изъ шести баталіоновъ Бутырскаго и Бородинскаго полковъ и четырехъ орудій легкой № 5-го батареи 17-й артилерійской бригады, подъ начальствомъ полковника Федорова, командира Бутырскаго полка» [2]).

Послѣ полудня, вылазка эта правымъ берегомъ Киленъ-балки двинулась на англійскій лагерь; пока наши прошли въ гору трехверстное разстояніе до англійской позиціи, тамъ успѣли сосредоточить до 16-ти баталіоновъ съ 18-ю орудіями и потому вслѣдъ за начавшимся рукопашнымъ боемъ на одномъ изъ англійскихъ укрѣпленій и потерею раненымъ начальника отряда, вылазка отступила обратно въ Севастополь, не давъ противнику себя преслѣдовать. Эта безцѣльная вылазка, съ потерею все-таки 270 человѣкъ, въ томъ числѣ 25-ти офицеровъ, тоже не была на пользу моральныхъ силъ, такъ какъ только указала непріятелю на новый возможный путь для наступленія на него (этотъ путь и былъ выбранъ для Инкермана), а цѣли своей не достигла, ибо войска 12-й дивизіи все-таки срыли и покинули редуты, занятые въ бою 13-го октября.

Ничего не можетъ быть пагубнѣе для войскъ, какъ сознаніе полной безцѣльности веденнаго боя и испытанныхъ потерь. Такое убѣжденіе заставляетъ войска терять вѣру въ начальника, рѣшившагося на бой, а слѣдовательно и во всѣ его послѣдующія распоряженія. Результатомъ же этого является неувѣренность войскъ въ правильности дѣйствій, которая можетъ только повести къ упадку моральнаго духа. Къ какому же заключенію могла придти вновь

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 265 и 266.

[2]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 382.

вошедшая подъ команду главнокомандующаго 12-я дивизія? Она съ полнымъ одушевленіемъ и стараніемъ исполнила захватъ непріятельской позиціи, послѣдующими своими дѣйствіями не допустила собравшагося съ силами противника отнять у нея эту позицію, а черезъ нѣсколько дней оставила все захваченное.

Никакихъ выгодъ не принесла атака Балаклавы и севастопольскому гарнизону. Въ нравственной поддержкѣ, какъ мы видѣли, онъ не нуждался, матеріальныхъ же выгодъ не оказалось никакихъ. Дѣятельная атака французами 4-го бастіона велась съ тою же энергіею. Къ 16-му числу французы, несмотря на нашъ картечный огонь, сильно задерживавшій работы, успѣли приблизить свои подступы на 125 саженъ къ 4-му бастіону [1]). Въ то же время они неутомимо трудились надъ постройкою шести новыхъ батарей. Англійскія работы продолжали идти своимъ медленнымъ ходомъ, результатомъ коихъ была новая батарея впереди первой паралели. Впрочемъ, о задержкѣ хода англійскихъ работъ никогда не было и рѣчи, такъ какъ онѣ отстояли отъ пункта атаки еще на 450 саженъ. Не оказалъ тоже вліянія бой на уменьшеніе непріятельскаго огня по нашимъ работамъ, что̀ видно изъ слѣдующаго свидѣтельства: «Въ промежутокъ времени съ 13-го по 20-е октября, *хотя огонь непріятеля и былъ также силенъ*, въ особенности противъ 4-го и 3-го бастіоновъ, но потеря наша значительно уменьшилась, вслѣдствіе навыка людей укрываться отъ снарядовъ и устройства закрытій. Въ эти семь дней выбыло у насъ изъ строя 1,024 человѣка, въ томъ числѣ 150 убитыми, что̀ составляетъ въ сутки, среднимъ числомъ, выбывшими изъ строя 146 и убитыми 21 человѣкъ, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе дни» [2]).

Къ 20-му октября французы успѣли закончить постройку своихъ новыхъ шести батарей и сосредоточили по 4-му бастіону огонь изъ 74-хъ орудій. Хотя съ нашей стороны усиленіе артилерійской обороны велось за эти дни столь же энергично и усиленно, но невыгодными условіями для нашихъ батарей было то, что, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, наши орудія, кромѣ 4-го бастіона, могли дѣйствовать по противнику съ разстоянія отъ 450—800 саженъ, тогда какъ онъ билъ 4-й бастіонъ съ 300—450 саженъ [3]). Къ тому же, наши одежды амбразуръ были очень непрочны, такъ какъ

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 387.
[2]) Тамъ же, стр. 391.
[3]) Тамъ же, стр. 393.

туры и фашины начали только теперь и въ самомъ небольшомъ количествѣ заготовляться на сѣверной сторонѣ.

Въ этотъ день 4-й бастіонъ получилъ весьма сильныя поврежденія и понесъ значительныя потери, а батарея Костомарова была почти уничтожена. Въ этотъ же день князь Меншиковъ прислалъ приказаніе: « . . . . . сдѣлать всѣ распоряженія для усиленія обороны Севастополя, такъ какъ, по отзыву дезертировъ, непріятель готовился безъ отлагательства штурмовать 4-й бастіонъ» [1]).

Въ дѣйствительности же, какъ потомъ выяснилось: «Въ тотъ же день, союзные генералы, на военномъ совѣтѣ, рѣшили штурмовать Севастополь 6-го (18-го) ноября. Французы тогда уже подошли траншеями ближе 100 саженъ къ 4-му бастіону; англичане же довели свои работы на разстояніи около версты отъ 3-го и Корнилова бастіоновъ» [2]).

Воспользовавшись разстройствомъ 4-го бастіона, французы въ ночь на 21-е октября выдвинули свои подступы и заложили третью паралель всего въ 65-ти саженяхъ отъ нашего контръ-эскарпа. Всѣ послѣдующіе дни и ночи велись самыя усиленныя работы, какъ по исправленію 4-го бастіона, такъ и по принятію мѣръ внутренней обороны на случай штурма и, хотя артилерія бастіона была возстановлена и съ нѣкоторымъ успѣхомъ выносила огонь осаждающаго, но все-таки: «. . . . . бастіонъ этотъ подвергался страшнымъ разрушеніямъ отъ сосредоточеннаго дѣйствія артилеріи союзниковъ и, хотя всѣ разрушенія, производимыя непріятелемъ, тотчасъ же исправлялись подъ огнемъ, подбитыя орудія безпрерывно замѣнялись другими, а рѣдѣвшій строй защитниковъ пополнялся новыми людьми, однако, оборонительная сила 4-го бастіона видимо истощалась» [3]).

Такое положеніе бастіона вызывало сомнѣніе въ возможности отстоять его въ случаѣ штурма, но въ это время уже подошли къ намъ всѣ ожидавшіяся подкрѣпленія, а потому и безъ этой побудительной причины время начатія рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій наступило.

Дѣйствительно, прибывшія къ князю Меншикову войска усилили его армію въ общемъ до 90,000—100,000, изъ которыхъ въ самомъ Севастополѣ находилось въ то время до 32,000.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 397.
[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 125 и 126.
[3]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 410.

Силы же союзниковъ въ это время были значительно слабѣе, всего они имѣли 93 баталіона, 32 эскадрона, 174 полевыхъ и 175 осадныхъ орудій; общая сила этихъ войскъ простиралась до 71,235 человѣкъ.

Какъ извѣстно, силы союзниковъ раздѣлялись на осадный и обсервацiонный корпуса. Осадный корпусъ, считая 32 баталіона французовъ силою въ 18,568 челов. и 28 баталіоновъ англичанъ—16,447 человѣкъ, въ общемъ простирался до 60-ти баталіоновъ, числительностью въ 35,015 человѣкъ.

Обсервацiонный же корпусъ состоялъ изъ 24-хъ французскихъ баталіоновъ, силою до 17,500 человѣкъ, восьми баталіоновъ турецкихъ—4,907 человѣкъ, трехъ баталіоновъ англичанъ—до 2,000 человѣкъ и 12-ти французскихъ и 20-ти англійскихъ эскадроновъ въ числѣ 3,942 сабель. Такимъ образомъ, всего въ обсервацiонномъ корпусѣ имѣлось 35 баталіоновъ и 32 эскадрона, силою до 28,400 человѣкъ. Значитъ, по этому разсчету въ сраженіи могло принять участіе врядъ-ли болѣе 63,000 человѣкъ [1]).

Армія эта занимала все пространство отъ Камышевой бухты до Балаклавы, но была прикрыта со стороны Севастополя всѣми осадными работами, а на правомъ флангѣ весьма крѣпкою и укрѣпленною позиціею на Сапунъ-горѣ, отличающейся трудно доступными скатами. Не менѣе недоступно по мѣстнымъ условіямъ было и пространство между скатами Сапунъ-горы и правымъ флангомъ англійскихъ осадныхъ работъ, но пространство это было наиболѣе слабо занято войсками и мало искусственно подготовлено къ оборонѣ.

Кромѣ внушавшаго опасенія положенія 4-го бастіона, главнокомандующему было извѣстно, что и противникъ ожидаетъ въ скоромъ времени новыя подкрѣпленія, а потому съ наступленіемъ нужно было торопиться, и главная квартира съ 18-го октября была перенесена въ Чоргунъ, куда направлялись прибывающія войска и откуда по прежнему рѣшенію должно было состояться наступленіе. Здѣсь ежедневно происходили совѣщанія между главнокомандующимъ и старшими войсковыми начальниками, большинство которыхъ свыклось, такимъ образомъ, съ предстоящимъ планомъ дѣйствій и успѣло ознакомиться съ мѣстностью, по которой пришлось бы имъ наступать.

Къ 22-му октября на этой мѣстности собрались уже почти полностію 10-я, 11-я и 12-я дивизіи, части 17-й дивизіи и бо́льшая

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 127 и 128. Тотлебенъ, ч. I, стр. 411—414.

часть кавалеріи. Но, вдругъ, 22-го числа князь Меншиковъ мѣняетъ свои взгляды и рѣшенія, переходитъ съ главною квартирою на Инкерманскія высоты, дѣлаетъ распоряженія о спѣшномъ переходѣ войскъ на новые пункты, для производства главнаго нападенія со стороны Севастополя. Причины, побудившія его къ этой перемѣнѣ плана, нѣсколько разъясняются слѣдующимъ его донесеніемъ Государю:

«Движеніе наше къ Балаклавѣ (13-го октября) оттянуло значительную часть непріятельскихъ войскъ къ сему пункту и на прилегающія высоты, которыя непріятель продолжаетъ укрѣплять.

«Это побуждаетъ меня 10-ю, 11-ю и 16-ю дивизіи быстро двинуть въ Севастополь, дабы оттуда, совокупно съ гарнизономъ, стараться дебушировать лѣвымъ флангомъ, сходно съ указаніемъ Вашего Императорскаго Величества» [1]).

Изъ этого донесенія видно, прежде всего, что преждевременное нападеніе у Балаклавы настолько раскрыло наши намѣренія противнику, что заставило главнокомандующаго отказаться отъ выгоднаго и вполнѣ уже обработаннаго прежняго плана дѣйствій. Затѣмъ, въ словахъ «быстро двинуть» нельзя не усмотрѣть желаніе князя подготовить неожиданность противнику, но, какъ увидимъ ниже, этотъ новый планъ хотя и былъ неожиданностью для противника, но столь же, если еще не больше, онъ былъ неожиданностью и для нашихъ начальниковъ, почему и засталъ ихъ совершенно неподготовленными къ толковому и порядочному его исполненію.

Мы не будемъ разбирать въ подробности выгоды и невыгоды обоихъ этихъ плановъ наступленія, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, а упомянемъ только, что на сторонѣ плана, отъ котораго князь Меншиковъ отказался, были большія выгоды въ нравственномъ отношеніи. При направленіи главнаго наступленія отъ Чоргуна на Сапунъ-гору мы направлялись въ тылъ англійской арміи и отрѣзали ее отъ ея базы со всѣми жизненными и матеріальными складами — Балаклавы. Даже при томъ невыгодномъ предположеніи, что послѣ занятія Сапунъ-горы мы бы не достигли рѣшительныхъ результатовъ въ борьбѣ съ соединенными силами обсерваціоннаго и осаднаго корпусовъ противника, Балаклава не избѣжала бы своей участи, такъ какъ для защиты ея оста-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 272 и 273.

валось у противника не болѣе 10,000 [1]). Такимъ образомъ, даже и окончательная неудача наша на этомъ пунктѣ давала въ наши руки столь огромную нравственную выгоду, какъ захватъ и уничтоженіе базы одного изъ нашихъ противниковъ. Второй же планъ ничего подобнаго за собой не могъ имѣть, ибо приводилъ къ фронтальному столкновенію съ противникомъ и, въ случаѣ успѣха, мы только отбрасывали противника на его тылъ.

Нельзя не сказать еще, что всякая перемѣна въ распоряженіяхъ начальника, если мотивы ея не вполнѣ понятны исполнителямъ этого распоряженія, производитъ непріятное впечатлѣніе на войска и заставляетъ ихъ предполагать нерѣшительность и неувѣренность въ дѣйствіяхъ начальника. Полки 10-й и 11-й дивизіи, собиравшіеся у Чоргуна и не успѣвшіе отдохнуть отъ спѣшнаго и продолжительнаго похода въ Крымъ, были подняты въ ночь на 23-е число и подъ дождемъ и въ слякоть потянулись опять на Мекензіеву гору, которую за нѣсколько дней передъ тѣмъ проходили.

Конечно, войска не могли понять этого безцѣльнаго ихъ передвиженія, не могли они понять, почему ихъ «изъ Бахчисарая прямо не направили туда, куда теперь посылаютъ» [2]). А между тѣмъ они цѣлую ночь подымались на высоты и провели ее подъ дождемъ на неустроенныхъ бивакахъ, безъ палатокъ и возможности, вслѣдствіе вѣтра и дождя, развести костры. Съ разсвѣтомъ ихъ снова потревожили, чтобы отодвинуть версты на двѣ назадъ и тѣмъ лучше скрыть отъ непріятеля. Не осталась безъ невыгодныхъ послѣдствій эта неожиданная перемѣна и въ другихъ отношеніяхъ:

«Совершенно неожиданная перемѣна относительно наступательныхъ дѣйствій имѣла послѣдствіемъ поспѣшность, неточност и неполноту всѣхъ распоряженій къ предстоящему сраженію» [3]).

Для ознакомленія начальниковъ съ новымъ рѣшеніемъ главнокомандующаго и съ мѣстностью, на которой имъ предстояло дѣйствовать, принято было очень мало мѣръ:

«Замкнувшись въ кругу своего немногочисленнаго и молодаго штаба, онъ (князь Меншиковъ) поручилъ ему составить диспозицію для предстоящаго наступленія. Генералы, на которыхъ возлагалось командованіе войсками, были совершенно устранены отъ этого дѣла и не присутствовали при составленіи окончательнаго плана дѣйствій, а между тѣмъ непосредственное участіе этихъ лицъ

---

[1]) 2,000 англичанъ, бригада Винуа—2,278 и турецкая дивизія—въ 4,907 челов.
[2]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 82.
[3]) Н. Дубровинъ, стр. 273.

казалось необходимымъ, хотя бы и потому, что, зная ранѣе другихъ общій планъ дѣйствій, они имѣли бы время познакомиться съ мѣстностью. Изъ всѣхъ главныхъ участниковъ и руководителей Инкерманскаго сраженія только одинъ Данненбергъ [1]), до начала Крымской войны жившій нѣкоторое время въ Севастополѣ, былъ знакомъ съ мѣстностью, окружающею городъ, но оба начальника дивизіи, т. е. ни Соймоновъ, ни Павловъ, не имѣли о ней никакого понятія» [2]).

Между тѣмъ мѣстность, на которой приходилось дѣйствовать, какъ и большинство окрестностей Севастополя, была не изъ легкихъ. Пространство между обрывами Сапунъ-горы и Киленъ-балкою было не вездѣ доступно и пересѣчено многими второстепенными оврагами и балками и ихъ развѣтвленіями, къ тому же покрытыми мелкимъ кустарникомъ.

Понятно послѣ этого, что многіе начальники желали познакомиться съ мѣстностью и составить себѣ о ней болѣе точное понятіе, но:

«Ситуаціонной карты мѣстности, на которой намъ завтра предстояло сражаться, начальникамъ отрядовъ не было дано...» [3]), да планы и карты эти трудно было отыскать начальникамъ, такъ какъ ихъ не было».

Имѣется даже свидѣтельство, что и въ главной квартирѣ арміи наканунѣ боя не было плана, необходимаго для сраженія:

«На другой день рано утромъ я пришелъ на пароходъ, на которомъ помѣщался князь Меншиковъ. На палубѣ встрѣтилъ я генеральнаго штаба полковника Герсеванова, состоявшаго при князѣ въ должности, которая, какъ кажется, никогда съ точностью опредѣлена не была. Онъ держалъ въ рукѣ какой-то свертокъ бумаги, размахивалъ имъ во всѣ стороны и взволнованнымъ отъ негодованія тономъ, привѣтствовалъ меня словами:

— «Вотъ какъ у насъ дѣла дѣлаются. Вчера мы давали рѣшительное сраженіе, а сегодня, только сегодня, доставленъ къ намъ планъ той мѣстности, на которой происходило сраженіе; вотъ фельдъегерь, который сію минуту только что прибылъ съ этой посылкой».

---

[1]) Командиръ 4-го корпуса.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 273.
[3]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 84.

На возраженіе мое, что слѣдовало похлопотать объ этомъ заблаговременно, Герсевановъ объяснилъ мнѣ, какъ все это происходило. Оказывается, что штабъ князя Меншикова (если можно назвать такимъ именемъ канцелярію, при немъ состоявшую) давно уже былъ озабоченъ отысканіемъ плана окрестностей Севастополя, составленнаго штабомъ 5-го корпуса подъ главнымъ руководствомъ тогдашняго начальника штаба Данненберга, въ то время, когда корпусъ этотъ, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева (Карскаго), стоялъ на этой мѣстности лагеремъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтнихъ сезоновъ сряду. Естественно было обратиться съ такимъ требованіемъ въ штабъ генералъ-адъютанта Лидерса. Но въ это время 5-й корпусъ былъ на Дунаѣ, а, выступая изъ Одессы, онъ сложилъ тамъ всѣ свои тяжести и архивъ, который остался подъ охраною вахтера, не могущаго сыскать въ кипахъ разныхъ бумагъ требуемаго плана. Поэтому всѣ просьбы офицеровъ, бывшихъ въ Крыму, оставались тщетными: плана изъ штаба 5-го корпуса не высылалось. Тогда князь Меншиковъ обратился въ военное министерство, предполагая, что въ военно-топографическомъ депо должны находиться карты того края, защита котораго ему поручена. Но на просьбу его военный министръ отвѣчалъ, что въ депо имѣется одна лишь подлинная съемка, а таковую, по силѣ такой-то статьи военныхъ постановленій, нельзя никому выдавать иначе, какъ по особому Высочайшему на то повелѣнію, для испрошенія котораго онъ, князь Долгорукій, ждетъ особаго отъ князя Меншикова заявленія. Между тѣмъ время шло; наступилъ моментъ рѣшительнаго дѣйствія, а планѣ нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ это время явился генералъ Данненбергъ и объявилъ, что онъ мѣстность знаетъ, какъ свои карманы и что ему никакого плана не нужно. Вотъ почему сраженіе было дано безъ точнаго знакомства съ мѣстностью, такъ что войска наши, во время своего наступательнаго движенія, неоднократно натыкались на крутые обрывы овраговъ, непроходимыхъ для артилеріи и не разъ лишались оттого полезнаго содѣйствія этого оружія» [1]).

Личное знакомство начальниковъ частей съ мѣстностью то же не могло быть полное. Наканунѣ боя на Инкерманскихъ высотахъ генералъ Данненбергъ съ полковыми и батарейными командирами 11-й дивизіи выѣзжалъ на рекогносцировку, но въ то время ему еще не былъ извѣстенъ въ подробности планъ главнокомандующаго

---

[1]) «Записки князя В. И. Васильчикова». «Русскій Архивъ» 1891 года, № 6, стр. 206 и 207.

и диспозиція на завтрашній бой еще не была получена войсками, потому-то, по свидѣтельству очевидца:

«По невозможности приблизиться къ непріятельской позиціи, рекогносцировку производили посредствомъ наблюденій надъ противолежащею мѣстностью, съ Маячной батареи простымъ глазомъ и въ трубу... Частные начальники, а именно, полковые командиры, хотя и бывшіе на рекогносцировкѣ, но, по причинѣ (какъ было уже замѣчено выше) значительности разстоянія отъ мѣста, съ котораго производилось наблюденіе, до мѣстности, занятой непріятелемъ, по причинѣ туманной погоды и мелкаго дождя, а равно по причинѣ большой толпы рекогносцировавшихъ, не могли изучить поля предстоявшаго сраженія и опредѣлить его положительно, чтобы составить себѣ заранѣе, хотя приблизительный, планъ дѣйствіямъ. По окончаніи рекогносцировки, большая часть лицъ ее производившихъ воротилась съ тѣмъ же запасомъ данныхъ, съ какимъ отправилась на рекогносцировку. Оставалось завтра дѣйствовать по обстоятельствамъ» [1]).

Съ такою-то подготовкою начальниковъ приступалось къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, которыя были задуманы болѣе чѣмъ на двѣ недѣли ранѣе.

Приведемъ еще, что князь Меншиковъ хотѣлъ произвести атаку 23-го числа, несмотря на то, что «Охотскій полкъ, напримѣръ, вступилъ на Инкерманскую гору 22-го октября, а Камчатскаго полка только часть прибыла въ этотъ день» [2]). Только усиленныя просьбы генерала Данненберга убѣдили главнокомандующаго отложить атаку на одинъ день до 24-го числа. И здѣсь мы видимъ полное невниманіе къ войскамъ: корпусъ этотъ не могъ не быть утомленнымъ послѣ продолжительнаго и поспѣшнаго похода, но на это какъ бы не обращалось никакого вниманія со стороны главнаго начальника и войска, вмѣсто заслуженнаго и возможнаго отдыха, какъ мы видѣли, совершали каждый день новыя передвиженія.

Наканунѣ самаго боя армія была обрадована прибытіемъ къ ней двухъ сыновей Государя, Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. Еще ранѣе Великіе Князья были отправлены въ армію князя Горчакова, но потомъ Государь писалъ ему: «Полагаю, что долгъ чести требуетъ, чтобы ты Моихъ рекрутъ, немедля, отправилъ въ Крымъ, къ Меншикову, съ тѣмъ, чтобы они тамъ остава-

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 84 и 85.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 273.

лись при немъ до минованія опасности, или до изгнанія непріятеля; потомъ же, чтобы возвратились къ тебѣ. Ежели опасность есть, то не Моимъ дѣтямъ удаляться отъ нея, а собой подавать примѣръ другимъ. Итакъ, съ Богомъ вели имъ отправляться туда» [1]).

Князю же Меншикову Государь писалъ:

«Сыновьямъ Николаю и Михаилу Моимъ дозволилъ я ѣхать къ тебѣ; пусть присутствіе ихъ при тебѣ докажетъ войскамъ степень Моей довѣренности; пусть дѣти учатся дѣлить опасности ваши и примѣромъ своимъ служатъ ободреніемъ храбрымъ нашимъ сухопутнымъ и морскимъ молодцамъ, которымъ ихъ Я ввѣряю».

Въ другомъ же письмѣ было сказано:

«Благодари всѣхъ и каждаго за ихъ богатырскій духъ, за ихъ вѣрную службу и скажи всѣмъ, что одного жалѣю, что Я не съ вами; за то дѣти Мои среди васъ будутъ» [2]).

И дѣйствительно, одно появленіе Великихъ Князей среди войскъ наканунѣ боя отразилось хорошо на ихъ настроеніи:

«... Опоясавъ саблю, бѣгу на крикъ, а крикъ бѣжитъ ко мнѣ. На горѣ толпы солдатъ. Что такое? Шапки летятъ вверхъ, «ура» реветъ сильнѣе. Посреди восторженной толпы—коляска. Это Великіе Князья!...

«Драться будемъ, ребята!» говорили Великіе Князья.

— Ради стараться, Ваше Высочество! кричатъ одни.

— Готовы умереть! кричатъ другіе, бросая въ воздухъ шапки.

«Государь Императоръ кланяться вамъ приказалъ, ребята».

— «Ура!» ура!» раздираетъ воздухъ и, несмотря на грязь и глину дороги, солдаты бѣгутъ наравнѣ съ коляскою Великихъ Князей и новыя толпы смѣняютъ ихъ въ торжествѣ и восторгѣ.

Конечно, если бы значительный отрядъ войска подошелъ къ намъ сегодня на помощь, не произвелъ бы онъ такого восторга, какой произвело прибытіе Великихъ Князей. Они явились живыми свидѣтелями любви и довѣренности къ намъ Монарха: мы ли не оправдаемъ ее, мы ли не возблагодаримъ за нее?» [3]).

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 248 и 249.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 250, 251 и 256.
[3]) П. Алабинъ, ч. III, стр 84.

V.

23-го октября, около 5-ти часовъ вечера, начальники войскъ получили слѣдующую диспозицію для боя на другой день: «Завтра, 24-го октября, назначается наступленіе на англійскую позицію съ тѣмъ, чтобы овладѣвъ высотами, утвердиться на нихъ.

Для чего:

«1) Дѣйствующему отряду въ Севастополѣ (тремъ полкамъ 10-й пѣхотной дивизіи, тремъ полкамъ 16-й пѣхотной дивизіи и Бутырскому полку съ 22-мя батарейными и 16-ю мелкими орудіями), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Соймонова, начать наступленіе отъ Киленъ-балки въ 6 часовъ утра, предварительно сему сдѣлавъ уже выдвиженіе изъ укрѣпленій.

«2) Отряду съ Инкерманской горы, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова (11-я пѣхотная дивизія съ ея артилеріею, Бородинскій и Тарутинскій егерскіе полки, съ батарейною № 3-го батареею 17-й артилерійской бригады), въ 6 же часовъ утра возстановить Инкерманскій мостъ и быстро слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Соймонова. При семъ отрядѣ находиться командиру 4-го пѣхотнаго корпуса, генералу-отъ-инфантеріи Данненбергу, которому, по соединеніи помянутыхъ двухъ отрядовъ, принять общее надъ ними начальство.

«3) Войскамъ, находящимся подъ начальствомъ князя Горчакова, содѣйствовать общему наступленію, отвлекая собою силы непріятеля, и стараясь овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору. Причемъ драгунъ имѣть въ полной готовности къ движенію на гору при первой возможности.

«4) Гарнизону Севастополя, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Моллера, слѣдить за ходомъ наступленія, прикрывая своими

батареями правый флангъ наступающихъ войскъ и, въ случаѣ замѣшательства на непріятельскихъ батареяхъ, захватить оныя.

«5) Всѣ частныя распоряженія къ выполненію данныхъ назначеній предоставляю сдѣлать начальникамъ обозначенныхъ частей и доставить мнѣ въ теченіи ночи на 24-е число ихъ диспозиціи.

«6) Главнокомандующій будетъ находиться первоначально у Инкерманскаго моста.

«Подлинную подписалъ генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ. Вѣрно: оберъ-квартирмистръ полковникъ Норденстренгъ [1])».

Въ дополненіе этой диспозиціи упомянемъ, что составъ и сила всѣхъ перечисленныхъ отдѣльныхъ колоннъ и отрядовъ были слѣдующія:

Въ колоннѣ генерала Соймонова—29 баталіоновъ, одна сотня и 38 орудій; всего 18,922 человѣка; у генерала Павлова—15,806 человѣкъ въ составѣ: 20½ баталіоновъ и 96 орудій. Въ чоргунскомъ отрядѣ князя Горчакова—16 баталіоновъ пѣхоты, численностью въ 15,077 человѣкъ, 52 эскадрона и 10 сотенъ кавалеріи—7,327 и 96 орудій; вся же численность колонны показана въ 22,444 человѣка. Всего, значитъ, отдѣлено для нападенія на непріятеля, не считая предположенной вылазки изъ Севастополя, 57,172 человѣка. Кромѣ того, былъ еще маленькій отрядъ изъ 6 баталіоновъ и 36 орудій, силою въ 3,862 человѣка, который обезпечивалъ Бахчисарайскую долину отъ покушеній непріятеля. Всѣ же остальныя войска изъ числа находившихся въ окрестностяхъ Севастополя составляли его гарнизонъ.

Мы не разъ уже указывали на то громадное вліяніе въ нравственномъ отношеніи, которое можетъ имѣть приказаніе начальника, а въ особенности, отданное для боя. Если это приказаніе ставитъ войскамъ цѣль ихъ дѣйствій достаточно полно и подробно, чтобы оно было понято, какъ слѣдуетъ, и не могло бы повести къ путаницѣ, не нарушало бы въ войскахъ обыденнаго и привычнаго начальствованія, было бы отдано своевременно, чтобы и начальники, и войска успѣли съ нимъ ознакомиться, то оно вселяетъ въ войска порядокъ, сознательныя дѣйствія безъ всякихъ колебаній, а слѣдовательно, даетъ столь необходимую въ бою увѣренность. Если же оно не отвѣчаетъ этимъ требованіямъ, то съ нимъ вмѣстѣ исчезаетъ порядокъ въ дѣятельности войскъ, появляется суета и путаница, разногласіе отдѣльныхъ приказаній

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 85 и 86.

частныхъ начальниковъ, и войска теряютъ увѣренность въ правильности своихъ дѣйствій. Послѣдствіемъ же этого бываетъ упадокъ нравственнаго духа прежде всего у начальниковъ, которые, будучи не въ состояніи исправить заварившагося общаго безпорядка, неувѣренно и ненаходчиво направляютъ войска, и если послѣднія и сохраняютъ еще способность хорошо и съ воодушевленіемъ драться, то ихъ усилія, направленныя не туда и не такъ, какъ бы слѣдовало, пропадаютъ даромъ и не даютъ хорошихъ и достойныхъ ихъ самопожертвованія результатовъ.

Поэтому-то мы считаемъ необходимымъ остановиться на подробномъ разборѣ этой диспозиціи, и выяснить, къ какимъ послѣдствіямъ она повела на дѣлѣ.

Первое, что бросается въ глаза, это слишкомъ краткая, а потому и неясная постановка общей цѣли для боя всѣмъ колоннамъ, не разъясненная въ указаніяхъ для каждой колонны. Цѣлью боя ставилось: «наступленіе на англійскую позицію и утвержденіе на ней». Но англійская позиція тянулась, какъ извѣстно, отъ Сарандинакиной балки до обрывовъ Сапунъ-горы, надъ Каменоломнымъ оврагомъ, и раздѣлялась, какъ она сама, такъ въ особенности подступы къ ней, глубокою и трудно проходимою Киленъ-балкою. Спрашивается, должны-ли были оба назначенные отряда атаковать самостоятельно каждый соотвѣтствующую своему расположенію часть этой позиціи, или они оба должны были обрушиться на одну ея часть? Въ диспозиціи это не было указано. Отряду Соймонова указано было наступленіе «отъ Киленъ-балки», а слѣдовательно, этому указанію соотвѣтствовало движеніе какъ по лѣвому, такъ и по правому берегу этого оврага. Только расположеніе передъ началомъ сраженія одного отряда въ Севастополѣ, а другаго — на Инкерманскихъ высотахъ, и характеръ мѣстности, при которомъ, по узкости ея, по одну сторону Киленъ-балки, не могли развернуться столь значительныя силы, какъ обѣ колонны вмѣстѣ, заставляли предполагать, что обѣ колонны должны были дѣйствовать отдѣльно по обѣимъ сторонамъ оврага. На это тоже указывало, хотя и косвенно, приказаніе севастопольскому гарнизону прикрывать «своими батареями правый флангъ наступающихъ войскъ». Это приказаніе имѣло смыслъ только тогда, когда Соймоновъ направился бы по лѣвому берегу Киленъ-балки, такъ какъ иначе она сама достаточно охраняла бы его флангъ отъ покушеній противника, хотя, съ другой стороны, артилерійскій обстрѣлъ колонны возможенъ былъ для противника и съ другаго

*

берега балки. Но были въ диспозиціи и другія указанія, запутывавшія этотъ вопросъ. Генералу Данненбергу указано было: «по соединеніи помянутыхъ двухъ отрядовъ, принять общее надъ ними начальство». Изъ этого видно, что отряды должны соединиться; но гдѣ? Если отряды направятся по двумъ разнымъ сторонамъ Киленъ-балки, то соединеніе ихъ могло произойти лишь по взятіи англійской позиціи. Если же искать соединенія раньше, то отряды должны были быть направлены съ самаго начала по какую-нибудь одну сторону балки, такъ какъ она проходима лишь въ верховьѣ — у англійской позиціи, и въ низовьѣ — у Севастополя. Изъ этого опять вытекаетъ масса вопросовъ. Долженъ ли былъ Соймоновъ изъ Севастополя перейти на правый берегъ балки и выждать здѣсь присоединеніе войскъ Павлова, прикрывая въ то же время его переправу черезъ рѣку Черную по возстановленному Инкерманскому мосту, или Павловъ долженъ былъ, по переходѣ черезъ Черную, идти на лѣвый берегъ Киленъ-балки, для исполненія указанія: «быстро слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Соймонова». Вопросы эти не уяснялись и назначеннымъ временемъ для выступленія обѣихъ колоннъ. Одной колоннѣ назначено начать движеніе въ 6 часовъ утра, предварительно собравшись внѣ укрѣпленій Севастополя, а второй — «въ 6 же часовъ утра возстановить Инкерманскій мостъ». Переправа столь значительнаго отряда, какъ колонна генерала Павлова, и подъемъ ея на высоты по горнымъ и узкимъ дорогамъ, Саперной и идущей вдоль Инкерманской каменоломни, должны были значительно задержать его, и, слѣдовательно, наступленіе на англійскую позицію могло быть сдѣлано не одновременно съ колонною Соймонова. Такъ какъ трудно предположить намѣренное эшелонированіе обоихъ отрядовъ при наступленіи ихъ самостоятельно по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки, то этотъ разсчетъ времени опять заставляетъ предполагать возможность дѣйствія обоихъ отрядовъ по одну какую нибудь сторону балки, причемъ въ головномъ эшелонѣ находился бы Соймоновъ, а во второмъ — Павловъ.

Но указаніе всѣхъ этихъ подробностей и выясненіе недоразумѣній главнокомандующій совсѣмъ устранилъ отъ себя и не оставилъ за собой даже возможности своевременно провѣрить и согласить частныя распоряженія отдѣльныхъ начальниковъ отрядовъ. Не поручилъ онъ даже и корпусному командиру, генералу Данненбергу, наблюсти, чтобы распоряженія двухъ его начальниковъ ди-

визій согласовались между собой при установленіи неуказанныхъ подробностей.

Въ диспозиціи просто было указано: «начальникамъ обозначенныхъ частей» сдѣлать всѣ распоряженія и доставить ихъ въ штабъ арміи «въ теченіе ночи». Значитъ, можно было доставить распоряженіе съ началомъ выступленія, когда уже никакой физической возможности не представлялось измѣнить, или исправить эти указанія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, сколько вопросовъ, совершенно невторостепенныхъ, могли возбудиться при исполненіи этой диспозиціи, и князь Меншиковъ не взялъ на себя ихъ рѣшенія, такъ что невольно согласишься съ однимъ авторомъ, который приходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Изъ этой, отличающейся своею неопредѣленностью, диспозиціи прежде всего видно желаніе главнокомандующаго устранить себя отъ всѣхъ подробностей и предоставить всѣ распоряженія частнымъ начальникамъ, которые и должны, конечно, отвѣчать за правильность дѣйствій» [1]).

Съ перваго раза является нѣсколько непонятнымъ, почему князь Меншиковъ не поручилъ объединеніе дѣйствій обѣихъ колоннъ и ихъ распоряженій генералу Данненбергу, какъ прямому ихъ начальнику, и, оставляя его въ качествѣ простаго зрителя при одной изъ колоннъ, указалъ ему принять командованіе надъ войсками только по ихъ соединеніи, которое, какъ мы видѣли, могло быть только по окончаніи боя, если онъ разыграется согласно сдѣланныхъ предположеній.

Это объясняется характеромъ и способностями самого генерала Данненберга и сложившемся у главнокомандующаго о немъ мнѣніи.

Генерала Данненберга, какъ военачальника, характеризуютъ слѣдующимъ образомъ:

«Генералъ Данненбергъ, участвовавшій съ отличіемъ въ войнахъ 1812 — 1815 годовъ и въ послѣдующихъ походахъ, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ нашихъ военныхъ людей. Соединяя въ себѣ боевую опытность съ основательнымъ изученіемъ теоріи военнаго дѣла, онъ, казалось, обладалъ всѣми качествами, необходимыми для занятія высшихъ должностей въ арміи. Но уже кампанія на Дунаѣ 1853 года показала, что Данненбергъ, командуя отдѣльною частью войскъ, дѣйствовалъ нерѣшительно, и

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 275.

что неудача дѣла при Ольтеницѣ произошла не столько отъ стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, сколько отъ нерѣшительности и недостатка предусмотрительности начальника войскъ» [1]).

Потому-то князь Меншиковъ не желалъ прибытія вмѣстѣ съ войсками, слѣдовавшими въ Крымъ, генерала Данненберга, а добивался, чтобы къ нему былъ командированъ командиръ 5-го корпуса генералъ Лидерсъ. Объ этомъ желаніи князя Меншикова зналъ и князь Горчаковъ, посылавшій ему войска изъ своей арміи, но, по сложившимся обстоятельствамъ, онъ не могъ его исполнить и писалъ по этому дѣлу къ князю Меншикову въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Я не могу избавить васъ отъ Данненберга. Принимая выгоды отъ войскъ, вамъ посылаемыхъ, примите и сопряженныя съ этимъ неудобства. Къ тому же онъ не сдѣлалъ ничего предосудительнаго, за что бы можно было отнять у него корпусъ; но полезно имѣть въ виду, что его способности не таковы, чтобы можно было поручить ему отдѣльное командованіе» [2]).

Впрочемъ, это письмо получено было въ Крыму вечеромъ 24-го октября и, слѣдовательно, не могло вліять на рѣшеніе главнокомандующаго передъ боемъ, и мы его привели только для подтвержденія сложившагося мнѣнія о генералѣ.

Князь Меншиковъ вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе, что видно изъ слѣдующаго разсказа личнаго адъютанта генерала Данненберга, прибывшаго съ донесеніемъ о слѣдованіи 4-го корпуса изъ Перекопа, о пріемѣ его главнокомандующимъ: «... когда я подалъ князю донесеніе, онъ, прочитавъ и сдѣлавъ одну изъ гримасъ, получившихъ извѣстность, спросилъ меня съ выраженіемъ удивленія: «Такъ и генералъ Данненбергъ сюда будетъ съ корпусомъ?» Послѣ моего: «точно такъ, ваша свѣтлость», князь нахмурилъ брови и долго что-то раздумывалъ, пока, наконецъ, меня отпустилъ» [3]).

Изъ всего сказаннаго выше нельзя не придти къ заключенію, что князь Меншиковъ желалъ совсѣмъ устранить командира корпуса отъ распоряженія войсками въ сраженіи и, повидимому, имѣлъ на это достаточныя основанія. Но не проще-ли было бы въ этомъ случаѣ не указывать генералу Данненбергу быть при одной изъ колоннъ его корпуса, а прямо указать ему быть при главнокомандую-

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 132.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 277.
[3]) Рукописи, т. II, стр. 88.

щемъ на томъ основаніи, что подчиненныя ему войска были разбиты по тремъ удаленнымъ другъ отъ друга колоннамъ, а по соединеніи колоннъ, если таковое предвидѣлось, принять самому команду надъ всѣми соединенными войсками и, такимъ образомъ, высшею властью опять-таки устранить вліяніе и на послѣдствія боя человѣка, которому не довѣряли. Тогда бы генералъ Данненбергъ совсѣмъ не вмѣшивался въ распоряженія своихъ подчиненныхъ, не считалъ бы это для себя обязательнымъ и, такимъ образомъ, безъ того неясныя распоряженія главнокомандующаго не были бы еще больше запутаны. Къ тому же и авторитетъ положенія корпуснаго командира въ глазахъ войскъ не былъ бы нарушенъ. Вѣдь не могли же не видѣть войска, что командиру корпуса приказано было находиться при одной изъ колоннъ безъ права распоряженія оною, такъ какъ это право предоставлено было особому начальнику отряда. А авторитетъ начальника, какъ извѣстно, настолько важенъ, что колебаніе его отзывается не только на данной личности, а въ корень подрываетъ довѣріе войскъ къ самому посту начальника, и отражается наиболѣе пагубно на самихъ войскахъ, такъ какъ разстраиваетъ всю духовную спайку и силу войскъ.

На самомъ дѣлѣ диспозиція князя Меншикова, ея указанія и распоряженія привели къ слѣдующему:

По полученіи этой диспозиціи, около 5-ти часовъ пополудни, наканунѣ сраженія, какъ въ штабахъ обоихъ отрядовъ, такъ и въ штабѣ 4-го корпуса, приступили къ составленію своихъ частныхъ диспозицій. Но вотъ при какихъ условіяхъ эти диспозиціи составлялись. Въ штабѣ 11-й дивизіи:

«... не было карты, на которой во всѣхъ подробностяхъ изображалась бы мѣстность предстоящаго дѣла съ нанесеніемъ, хотя приблизительно, расположенія непріятельскихъ войскъ—карты, по которой можно бы было составить себѣ идею дѣйствій; поэтому диспозиція, имъ писанная, состояла преимущественно изъ указаній, которой части отряда идти за которою, когда начнется движеніе, и кому куда слѣдуетъ направиться по переходѣ черезъ Инкерманскій мостъ. Дальнѣйшаго же порядка дѣйствій и цѣли, къ которой должна была стремиться каждая часть, этою диспозиціею невозможно было опредѣлить» [1]).

Диспозиція генерала Соймонова была составлена въ этомъ же родѣ, но мы отмѣтимъ, что въ ней мы встрѣчаемся съ слѣдующими указаніями:

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 86.

1) «Предварительное движеніе *для перехода черезъ Киленъ-балку*»; ... затѣмъ слѣдовалъ перечень войскъ въ порядкѣ ихъ слѣдованія.

2) «Войскамъ симъ, *по переходѣ черезъ Киленъ-балку*, выстроиться на походѣ...»,—затѣмъ слѣдовалъ порядокъ построенія и назначенія войскъ въ боевую линію и резервъ.

Послѣ этого, по недостатку свѣдѣній и знаній мѣстности, занятой непріятелемъ, имѣлъ мѣсто слѣдующій пунктъ:

«Дальнѣйшія распоряженія будутъ отданы мною на мѣстѣ». Еще дальше встрѣчается слѣдующее распоряженіе:

«Музыкантамъ быть при своихъ мѣстахъ, но безъ инструмента» [1]).

Изъ этихъ выписокъ видно, что генералъ Соймоновъ понялъ диспозицію главнокомандующаго такъ, что ему нужно было перейти черезъ Киленъ-балку и, значитъ, дѣйствовать по правому ея берегу.

Въ томъ же смыслѣ понялъ сначала общую диспозицію и генералъ Данненбергъ, такъ какъ онъ, по полученіи общей диспозиціи, составилъ свою собственную для войскъ обѣихъ колоннъ, понявъ, что онъ долженъ ими обѣими руководить въ общемъ смыслѣ и до соединенія, а принять фактическое надъ ними командованіе послѣ таковаго.

Эта диспозиція, полученная въ обоихъ отрядахъ послѣ разсылки полкамъ независимыхъ диспозицій самихъ начальниковъ отрядовъ, давала слѣдующія указанія:

«Въ 2 часа пополуночи 2-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи, расположенная у Графской пристани, а за нею Екатеринбургскій пѣхотный полкъ выступаютъ въ возможной тишинѣ и слѣдуютъ лѣвымъ флангомъ въ шести-рядныхъ колоннахъ, имѣя въ головѣ колонны своихъ штуцерныхъ; бригада направляется по указанію генеральнаго штаба капитана Яковлева такъ, чтобы, прикрываясь справа штуцерными, дойти сколь можно скрытнѣе до мѣста, откуда можно прикрывать переправу черезъ Черную рѣчку войскъ, для того назначенныхъ. По мѣрѣ того, какъ мѣстность будетъ позволять, баталіоны выстраиваются въ колонны къ атакѣ по командным словамъ въ полголоса, послѣдовательно, такъ чтобы перемѣною директіи по-баталіонно налѣво полки могли построиться удобно въ боевой порядокъ...

---

[1]) Полная диспозиція помѣщена въ сочиненіи Тотлебена, ч. I приложенія, стр. 68—70 и у П. Алабина, ч. III, стр. 90.

За 10-ю пѣхотною дивизіею слѣдуетъ, тѣмъ же порядкомъ, 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи, Бутырскій пѣхотный и Углицкій егерскій полки, съ десятью батарейными орудіями, подъ командою генералъ-маіора Жабокритскаго, и выстраиваются въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ, правѣе 10-й пѣхотной дивизіи... Всѣми войсками, выступающими изъ города, будетъ командовать начальникъ 10-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Соймоновъ.

Коль скоро 10-я пѣхотная дивизія прикроетъ переправу черезъ Черную рѣчку, по устроенному флотскимъ вѣдомствомъ мосту переходятъ полки 11-й пѣхотной дивизіи въ слѣдующемъ порядкѣ:...

Перейдя черезъ мостъ, 11-я пѣхотная дивизія оставитъ почтовую дорогу слѣва, слѣдуетъ направо по дорогѣ, вновь проложенной надъ бухтою, и располагается въ резервномъ порядкѣ за центромъ линіи, т. е. за интерваломъ между 16-ю и 10-ю пѣхотными дивизіями..... должна переправиться 2-я бригада 17-й пѣхотной дивизіи со своею артилеріею подъ командою генералъ-лейтенанта Кирьякова и расположиться въ резервѣ за лѣвымъ флангомъ 10-й пѣхотной дивизіи.

Цѣль предпріятія—отбросить отъ города правый флангъ непріятеля и укрѣпиться на занимаемой имъ мѣстности между городомъ и берегомъ, на горной плоскости»...[1]).

Такимъ образомъ, генералъ Данненбергъ сначала предписалъ войскамъ обѣихъ колоннъ соединиться и затѣмъ предполагалъ наступать на пространствѣ между Киленъ-балкою и обрывами Сапунъ-горы, имѣя въ боевой линіи отрядъ Соймонова, а въ резервѣ за нимъ, въ центрѣ, 11-ю дивизію, а за лѣвымъ флангомъ, ближе къ Сапунъ-горѣ, бригаду 17-й дивизіи. Диспозиція эта была получена въ штабѣ 11-й пѣхотной дивизіи черезъ нѣсколько часовъ по составленіи имъ своей диспозиціи на основаніи общей диспозиціи главнокомандующаго[2]).

Однако, генералъ Данненбергъ измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе, что̀ видно изъ того, что въ штабѣ 11-й пѣхотной дивизіи «часа черезъ два или три по полученіи этой диспозиціи, получено было приказаніе генерала Данненберга къ 5-ти часамъ утра прибыть къ Инкерманскому мосту и далѣе наступать уже не въ порядкѣ, указанномъ сейчасъ приведенною диспозиціею, а въ слѣдующемъ...»[3]):

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 87—89.

[2]) Тамъ же, стр. 87.

[3]) Тамъ же, стр. 89.

Послѣ указанія порядка слѣдованія колонны, въ этомъ приказаніи прикрытіе переправы всей колонны уже не было возложено на колонну генерала Соймонова, какъ было въ диспозиціи, а на Охотскій, Бородинскій и Тарутинскій полки этой же колонны. Затѣмъ было сказано: «далѣе будемъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, по приказаніямъ генерала Данненберга, который будетъ находиться съ нами» [1]).

На эту же перемѣну генераломъ Данненбергомъ первоначальнаго своего рѣшенія указываетъ и слѣдующій рапортъ его главнокомандующему:

«Глубокій и продолжительный оврагъ, называемый Киленъ-балкою, разобщаетъ первоначальное наше наступленіе съ генераломъ Соймоновымъ; оврагъ сей удобопроходимъ по дорогѣ, недавно устроенной, которая ведетъ только на путь дѣйствія правой колонны, черезъ что мы были бы лишены возможности дѣйствовать по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки, что мнѣ кажется необходимымъ; кромѣ того, какъ мѣстность вверхъ по правому берегу Киленъ-балки довольно затруднительна, а также силы непріятельскія и ихъ расположеніе намъ неизвѣстны положительнымъ образомъ; дороги, ведущія отъ переправы, столь узкія, что всякое обратное движеніе, при какомъ-либо непредвидѣнномъ случаѣ, могло бы быть сопряжено съ крайнимъ затрудненіемъ и потерею времени. По сему поводу я сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: «генералъ-лейтенанту Павлову я приказалъ...» [2]). Далѣе указывалось только что приведенное нами приказаніе войскамъ колонны генерала Павлова. Относительно же колонны генерала Соймонова было сказано:

«Мнѣ кажется также, что колонна генералъ-лейтенанта Соймонова подвергается дѣйствію англійскихъ осадныхъ батарей въ началѣ своего движенія, и потому я предложилъ генералъ-лейтенанту Соймонову начать свое движеніе часомъ ранѣе» [3]).

Это послѣднее предложеніе заключалось въ слѣдующемъ предписаніи генерала Данненберга генералу Соймонову: «Какъ при наступленіи колоннъ вверхъ по лѣвому берегу Киленъ-балки оныя подвергаются дѣйствію англійскихъ осадныхъ батарей, пока вы не поравняетесь съ ними на одной высотѣ, то я полагаю полезнымъ начать движеніе ваше отъ Малахова кургана часомъ ранѣе назна-

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 89.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 284 и 285.
[3]) Тамъ же, стр. 285.

ченнаго времени, т. е. въ 5 часовъ, дабы миновать опасную для движенія мѣстность до разсвѣта; полагаю также полезнымъ имѣть за правымъ флангомъ вашимъ главный резервъ ввѣренныхъ вамъ войскъ, ибо лѣвый флангъ ихъ будетъ совершенно обезпеченъ оврагомъ Киленъ-балки и содѣйствіемъ войскъ, которыя переправятся черезъ Черную рѣчку» [1]).

Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что это послѣднее предписаніе генералъ Соймоновъ получилъ «... уже тогда, когда большая часть его отряда перешла черезъ Киленъ-балку, и когда обратный переходъ черезъ оврагъ подвергалъ его опасности быть атакованнымъ, не успѣвъ совершить обратнаго движенія» [2]).

Въ кругъ нашей задачи не входитъ разборъ, когда и какія изъ этихъ распоряженій дошли до частей, да это до сихъ поръ никому и не удалось окончательно установить. Для нашихъ же выводовъ достаточно установить тотъ фактъ, что обѣ колонны получили три неясныхъ, неполныхъ и разнорѣчивыхъ указанія для предстоящихъ дѣйствій: общая диспозиція, диспозиція генерала Данненберга и его же послѣдующее приказаніе и предписаніе.

Обращаясь опять къ диспозиціи и распоряженіямъ главнокомандующаго для боя, укажемъ, что въ диспозиціи было приказано генералу Павлову: «возстановить Инкерманскій мостъ», постройка же самаго моста и его доставка водою на мѣсто была поручена адмиралу Нахимову, пользуясь средствами порта. Эта двойственность заботъ о возстановленіи моста, вѣроятно, и была причиною тому, что мостъ не былъ готовъ своевременно и голова колонны генерала Павлова начала переправу лишь въ 7 часовъ утра [3]), а это не могло не отразиться на разновременности вступленія въ бой обѣихъ наступавшихъ колоннъ—Соймонова и Павлова.

Не можемъ то же умолчать и о редакціи общей диспозиціи по арміи, но не съ цѣлью ея критическаго разбора, а потому, что, оставаясь въ своей рамкѣ разбора всѣхъ фактовъ лишь со стороны вліянія ихъ на нравственный элементъ, мы должны придти къ заключенію, что даже редакція этой диспозиціи могла невыгодно повліять на моральное состояніе войскъ. Дѣйствительно, она была написана не отъ лица командующаго войсками, а просто подписана однимъ изъ штабныхъ полковниковъ, а между тѣмъ весь тонъ ея

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, приложеніе стр. 79.

[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 135 и записки В. И. Васильчикова. «Русскій архивъ» 1891 г. № 6, стр. 205.

[3]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 96.

имѣетъ видъ приказа и встрѣчаются даже такія фразы: «При семъ отрядѣ *находиться командиру 4-го пѣхотнаго корпуса генералу-отъ-инфантеріи...*»

«Всѣ частныя распоряженія къ выполненію данныхъ назначеній *предоставляю* сдѣлать начальникамъ обозначенныхъ частей [1]) и *доставить мнѣ...*»

Нельзя не сказать, что подобная редакція, по крайней мѣрѣ, недисциплинарна.

Остается указать еще на слѣдующее. Какъ извѣстно, нравственный элементъ въ войскахъ можно поддерживать и возвышать легче всего, когда войска вступаютъ въ бой съ знакомыми и постоянными ихъ начальниками, и если этого нельзя привести въ исполненіе полностью, то лучше назначать въ составныя колонны войска, наиболѣе знакомыя между собой. Между тѣмъ, что же мы видимъ въ распредѣленіи войскъ по колоннамъ передъ Инкерманскимъ боемъ. Для совмѣстнаго наступленія на англійскую позицію изъ Севастополя и отъ Инкерманскихъ высотъ главнокомандующій считалъ необходимымъ назначить всего 12 полковъ, и въ составѣ вновь пришедшаго 4-го корпуса было ровно 12 полковъ, а между тѣмъ въ обѣихъ колоннахъ, которыми по соединеніи долженъ былъ командовать командиръ 4-го корпуса, было только шесть полковъ его корпуса, а другіе шесть—6-го корпуса. Командиру же 6-го корпуса, генералу Горчакову, въ его чоргунскомъ отрядѣ, была подчинена пѣхота исключительно 4-го корпуса (12-я дивизія). Эта перемѣшка частей продолжалась и далѣе. Подъ командою генерала Соймонова были полки изъ трехъ разныхъ дивизій и только три полка—его дивизіи, четвертый же его полкъ остался въ Севастополѣ. У генерала Павлова то же одинъ полкъ его дивизіи былъ назначенъ въ другой отрядъ, а ему приданы два полка совершенно незнакомой ему, 17-й, дивизіи.

Казалось бы то же, что князь Меншиковъ, который всѣмъ и каждому жаловался на недостатокъ въ его арміи хорошихъ и опытныхъ начальниковъ, долженъ бы въ особенности дорожить такими людьми, которые успѣли зарекомендовать себя съ хорошей стороны и отличались именно боевою опытностью, и назначить таковыхъ на главный пунктъ атаки въ предположенномъ имъ бою. Однако же, въ колоннахъ, назначенныхъ имъ для главныхъ дѣйствій, мы не видимъ присутствія такихъ начальниковъ, какъ: Липранди, Семякинъ, Баумгартенъ, Голевъ и т. п.

---

[1]) Т. е. двумъ генераламъ-отъ-инфантеріи и тремъ генералъ-лейтенантамъ.

Изъ всѣхъ же войскъ князь Меншиковъ долженъ былъ, конечно, довѣрять больше всего 12-й дивизіи, которая только что на его глазахъ доказала свою боевую подготовку и дала ему возможность имѣть первый боевой успѣхъ въ полевыхъ дѣйствіяхъ надъ противникомъ; однако, именно эта дивизія была имъ назначена для второстепенныхъ демонстративныхъ дѣйствій, а полки 16-й и 17-й пѣхотныхъ дивизій, которымъ онъ, по его же отзывамъ, недовѣрялъ со времени Альмы, назначены были имъ въ колонны, отъ которыхъ зависѣлъ весь успѣхъ предпринимаемаго наступленія.

Резюмируя все сказанное о диспозиціи и всѣхъ распоряженіяхъ главнокомандующаго передъ Инкерманскимъ боемъ, нельзя не сказать, что онъ не обратилъ вниманіе на нравственную подготовку этого боя, тѣмъ болѣе, что никакихъ слѣдовъ принятія имъ какихъ нибудь другихъ мѣръ не имѣется. Вотъ при какихъ условіяхъ долженъ былъ начаться Инкерманскій бой.

Какъ извѣстно, бой начался неожиданнымъ нападеніемъ войскъ колонны генерала Соймонова на англійскую позицію. Перейдя со своими войсками изъ Севастополя черезъ Киленъ-балку, генералъ Соймоновъ направилъ ихъ вверхъ по правому берегу балки, причемъ въ боевой линіи были три полка его дивизіи съ 22-мя орудіями, а резервъ составили остальные четыре полка подъ командою генерала Жабокритскаго. Колонна генерала Павлова должна была придти на это же пространство между Киленъ-балкою и обрывами Сапунъ-горы, но, задержанная на переправѣ, могла вступить въ бой гораздо позже.

Не можемъ не напомнить читателю, что пространство, на которомъ, такимъ образомъ, долженъ былъ разъиграться бой, для веденія котораго съ нашей стороны было направлено 12 полковъ съ 134 орудіями, представляло изъ себя плато шириною отъ 350 до 60-ти саженъ. Такимъ образомъ, не только вслѣдствіе разновременности подхода войскъ къ мѣсту боя, но прямо по причинѣ крайней тѣсноты мѣста, мы не могли воспользоваться нашими большими силами, по невозможности развернуть ихъ, и дать еще мѣсто значительной артилеріи.

Подойдя съ головными частями къ подъему на нагорную позицію противника, генералъ Соймоновъ остановилъ ихъ для кратковременнаго отдыха и устройства, причемъ обошелъ свои войска и «не упустилъ распросить проводника о мѣстности, ободрялъ солдатъ, внушалъ имъ быть храбрыми и говорилъ, что сегодняшній день они будутъ драться въ виду Ихъ Императорскихъ Высочествъ

Великихъ Князей, и тутъ же приказалъ идти, какъ можно тише и не разговаривать» [1]). Но не могъ генералъ Соймоновъ, по полному незнанію мѣстности и расположенія противника, дать войскамъ болѣе опредѣленныя указанія. Двинувшись впередъ съ тремя полками своей дивизіи, онъ, пользуясь неожиданнымъ появленіемъ своимъ для противника, повелъ самое энергичное наступленіе и храбрые его полки вскорѣ захватили одну изъ англійскихъ батарей, причемъ овладѣли орудіями, а вслѣдъ затѣмъ ворвались въ ближайшій непріятельскій лагерь. Но противникъ скоро оправился и, собравъ свои силы, задерживалъ дальнѣйшее наступленіе. Въ это время былъ смертельно раненъ генералъ Соймоновъ, а вслѣдъ за нимъ бригадный командиръ и два полковыхъ, принявшихъ послѣдовательно начальствованіе надъ отрядомъ. Генералъ Жабокритскій, съ четырьмя полками резерва, находился въ двухъ верстахъ отъ боевой линій и, ожидая приказаній, не принялъ никакихъ мѣръ со своей стороны. Генералъ Данненбергъ, долженствовавшій по диспозиціи быть при колоннѣ генерала Павлова, находился еще на переправѣ. Главнокомандующій то же былъ далеко. Такимъ образомъ, никто изъ могущихъ объединить дѣйствія войскъ и направить оставшіяся безъ руководителей части, не зналъ, что происходитъ въ начавшихъ бой передовыхъ частяхъ, и не принялъ или не могъ принять мѣръ къ дальнѣйшему руководству этими частями. Оставшіеся же безъ начальниковъ передовые полки въ теченіи $2^1/_2$ часовъ вели ожесточенный бой съ собравшимися англійскими войсками и, наконецъ, отошли въ Киленъ-балку. Только тогда съ лѣваго фланга вступили въ бой два полка 17-й дивизіи изъ колонны генерала Павлова. Эти два полка со столь же похвальнымъ мужествомъ бросились и овладѣли англійскою батареею № 1 съ двумя орудіями. Но на помощь этой части англійской позиціи спѣшили уже освободившіяся послѣ отхода полковъ 10-й дивизіи силы противника. Снова и на этомъ мѣстѣ завязалась самая ожесточенная и упорная борьба; непріятель сильно разстраивалъ наши войска сосредоточеннымъ губительнымъ огнемъ, а они, несмотря на это, упорно возобновляли свои штыковыя атаки и старались отстоять свой первый успѣхъ. Но, наконецъ, и эти молодецкія части были принуждены къ отступленію подошедшими новыми частями противника и отошли въ Каменоломный оврагъ, а затѣмъ, вслѣдствіе полнаго ихъ разстройства и большой потери, въ Инкерманскую до-

[1]) Рукописи, т. I, стр. 115.

лину. Хотя въ этомъ начальномъ бою у противника собралось не болѣе 11,500, тогда какъ съ нашей стороны участвовало во всѣхъ пяти полкахъ до 15,000, но мы видѣли, что наши полки приняли участіе въ дѣлѣ по-эшелонно съ промежуткомъ почти въ два часа времени. Поэтому-то наше превосходство въ силахъ не могло повліять на успѣхъ боя въ это время, и войска наши, дравшіяся съ выходящимъ изъ ряда молодечествомъ и настойчивостью, но безъ общаго руководства боемъ, должны были отдать въ руки противника захваченную вначалѣ боя его позицію съ укрѣпленіями и орудіями. Пользуясь отступленіемъ нашихъ передовыхъ полковъ, англичане снова подались впередъ, заняли свою позицію и укрѣпленія и, хотя съ утомленными уже боемъ и сильно разстроенными частями, приготовлялись къ встрѣчѣ нашего дальнѣйшаго наступленія.

Лордъ Рагланъ, видя слѣдованіе главныхъ силъ колонны генерала Павлова, послалъ приказаніе остальнымъ своимъ двумъ дивизіямъ спѣшить къ мѣсту боя. Въ то же время командиръ обсерваціоннаго корпуса, генералъ Боскѐ, предложилъ англичанамъ свою помощь и сначала направилъ лишь незначительныя силы для прикрытія праваго фланга своихъ союзниковъ. Съ нашей стороны генералъ Жабокритскій, наконецъ, выдвинулъ два полка и прикрылъ ими отступленіе полковъ 10-й дивизіи по Киленъ-балкѣ къ Севастополю. Генералъ же Данненбергъ готовилъ три полка 11-й дивизіи къ наступленію, приказавъ выдвинуть батарею изъ 38-ми орудій. Но артилерія встрѣтила большія препятствія въ мѣстности къ скорому выдвиженію на возвышенности, такъ что передовые наши полки начали свое движеніе почти безъ ея содѣйствія. Три полка 11-й дивизіи двинулись впередъ и снова захватили батарею № 1-й у англичанъ и, несмотря на упорное сопротивленіе противника, вновь подошедшими свѣжими частями, отчаянно ломились впередъ штыками, окончательно опрокидывая и разстраивая врага. Казалось уже ничто не могло остановить побѣднаго движенія этихъ полковъ, такъ какъ англійскія войска, утомленныя боемъ, приходили въ полное разстройство, потерявъ большинство своихъ старшихъ начальниковъ. Но въ это время генералъ Боскѐ, видя, что со стороны чоргунскаго отряда ведется лишь самая откровенная демонстрація, рѣшился оставить противъ него лишь 3,200 человѣкъ и со всѣми остальными силами поспѣшилъ на помощь англичанамъ.

Но и головныя части войскъ Боскѐ были потѣснены нашими полками 11-й дивизіи и только когда подошли къ мѣсту боя всѣ

французскія подкрѣпленія, доходившія до 10½ баталіоновъ и 20-ти орудій, численный перевѣсъ на сторонѣ непріятеля возстановилъ бой въ его пользу, и наши три геройскіе полка принуждены были къ отступленію. Генералъ Данненбергъ прикрылъ это отступленіе оставшимися, не введенными въ бой, полками изъ резерва генерала Жабокритскаго. Отступленіе это удалось совершить настолько въ порядкѣ, что непріятель не былъ допущенъ до развитія преслѣдованія. А между тѣмъ приходилось отвести разстроенные боемъ и потерявшіе своихъ начальниковъ и большинство офицеровъ полки по тѣмъ же узкимъ дорогамъ и тропинкамъ въ долину Черной рѣчки и тамъ переправить за мостъ. Приходилось то же всю многочисленную артилерію, загромоздившую Саперную дорогу, убрать въ Севастополь. Благодаря Бога, удалось исполнить все это въ относительномъ порядкѣ и не оставить никакихъ трофей въ рукахъ побѣдителя.

Такъ печально закончился бой на главномъ пунктѣ. На другихъ пунктахъ, какъ извѣстно, произошло слѣдующее. Чоргунскому отряду, въ который, для демонстраціи, было назначено до 15,000 пѣхоты и 7,000 кавалеріи, не удалось отвлечь обсерваціонный корпусъ Боскѣ отъ участія въ борьбѣ на главномъ пунктѣ боя, и на скатахъ Сапунъ-горы оставалось изъ этого корпуса къ концу боя всего лишь 3,200 человѣкъ. Другая демонстрація, произведенная вылазкою изъ Севастополя на лѣвый флангъ французскаго осаднаго корпуса, добилась болѣе существенныхъ результатовъ. Ей удалось ворваться и захватить двѣ фланговыя осадныя, французскія батареи, заклепать на нихъ орудія и, такимъ образомъ, удержать весь корпусъ Форе отъ посылки подкрѣпленій къ англійской арміи.

Потери наши въ Инкерманскомъ бою простирались до 10,000—11,000 и приходились, главнымъ образомъ, на войска колоннъ генераловъ Соймонова и Павлова, которыя потеряли около 10,000, т. е. почти третью часть всей своей числительности. Въ особенности чувствительны были потери въ начальникахъ и старшихъ офицерахъ. Были полки, которые вышли изъ боя подъ командою капитановъ. Но и противникъ понесъ весьма чувствительную потерю, въ особенности англійская армія, лишившаяся, кромѣ того, многихъ доблестныхъ старшихъ начальниковъ. Въ общемъ потеря союзниковъ превышала 5,000 человѣкъ.

Столь печально закончилось наступательное предпріятіе нашей арміи. Но могло-ли оно закончиться иначе, когда мы видѣли, что и

передъ боемъ, и въ самомъ бою войска были поставлены въ самое ненормальное положеніе? Вглядываясь во всѣ явленія этого боя только съ точки зрѣнія вопросовъ нравственнаго элемента, нельзя не сказать, что въ этомъ отношеніи было сдѣлано все для пониженія уровня нравственныхъ силъ войскъ, и остается удивляться только достоинствамъ этихъ войскъ, оказавшихся способными сохранить до конца боя свой высокій духъ при подобныхъ условіяхъ.

Мы видѣли, что до боя войска совершенно безцѣльно передвигались съ одного мѣста на другое, и ихъ лишили тѣмъ необходимаго отдыха, послѣ утомительнаго, продолжительнаго похода. Наканунѣ боя войска получили неясное и непонятое ими распоряженіе главнаго начальника. Хотя сами войска вечеръ и часть ночи провели спокойно, но за то начальники ихъ все это время отдавали и получали противорѣчившія одно другому приказанія, которыя ко времени выступленія войскъ не только не выяснили главныхъ вопросовъ о предстоящемъ боѣ, но еще больше ихъ запутали. Потому войска вступили въ бой безъ яснаго представленія о томъ, что̀ и какъ имъ предстоитъ дѣлать. Они не знали ни мѣстности, ни расположенія и данныхъ о противникѣ. Большинство изъ нихъ шли въ бой, получивъ отъ своихъ начальниковъ только обѣщаніе, что дальнѣйшія ихъ дѣйствія будутъ указаны на самомъ мѣстѣ боя. Благодаря этому, случайное выбытіе изъ строя одного изъ старшихъ начальниковъ въ самомъ началѣ боя отражается тѣмъ, что главная и сильнѣйшая колонна остается сразу совсѣмъ безъ всякаго руководства. Боевая часть этой колонны продолжаетъ съ ожесточеніемъ вести бой въ полномъ одиночествѣ и безъ всякаго руководства, а резервъ стоитъ въ двухъ верстахъ сзади, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. У начальника этого резерва не хватаетъ собственной иниціативы не только узнать, что̀ дѣлается впереди, но и почему онъ не получаетъ обѣщанныхъ дальнѣйшихъ указаній. Высшій же начальникъ, слыша бой и не получая о немъ никакихъ донесеній, самъ не принимаетъ никакихъ мѣръ для своевременнаго разъясненія обстановки начавшихся дѣйствій, хотя бы только для того, чтобы дать указанія другой колоннѣ, слѣдующей къ мѣсту боя. Корпусный же командиръ, какъ мы видѣли, прикованъ высшимъ распоряженіемъ къ одной изъ колоннъ его войскъ и ему оставлено право распоряжаться боемъ, только по соединеніи обѣихъ колоннъ.

Затѣмъ всѣ войска въ количествѣ 35,000 направлены на такое узкое по мѣстнымъ условіямъ пространство, что, несмотря даже на

то, что они дѣйствуютъ частями, оказывается невозможнымъ вести бой хотя въ какомъ нибудь порядкѣ.

«Не успѣлъ начаться бой, говоритъ участникъ, какъ разныхъ частей нашихъ войскъ столпилось въ то время на высотахъ такъ много, что люди почти перемѣшались вмѣстѣ. Кутерьма сдѣлалась страшная: барабаны бьютъ наступленіе, рожки трубятъ отступленіе; всѣ кричатъ, снаряды разрываются въ воздухѣ, пули свистятъ мимо ушей, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ надъ головой; кто толкаетъ и лѣзетъ впередъ, а кто поворачиваетъ назадъ» [1]).

При такихъ уловіяхъ введенные въ бой полки не только не могли, какъ слѣдуетъ, развернуться и воспользоваться своимъ превосходствомъ въ силахъ, но сохраненіе необходимаго для упорнаго дѣйствія частей въ бою порядка было невозможно. Наступающіе скоро сбивались въ общую кучу, перемѣшивались и, только благодаря общему стремленію впередъ, ломили нестройной толпой на непріятеля, который, конечно, могъ пользоваться съ бо̀льшимъ успѣхомъ своимъ отличнымъ вооруженіемъ и полнымъ содѣйствіемъ своей артилеріи. Наши же войска были лишены и этой, имѣющей столь важное значеніе, нравственной поддержки. При нашихъ войскахъ было 134 орудія, и изъ нихъ, вначалѣ боя, дѣйствовало всего 22 орудія, а затѣмъ было выдвинуто еще 38 орудій, такъ что всего приняло участіе въ бою менѣе половины всѣй артилеріи. Да и эта артилерія, расположившись на Казачьей горѣ, могла дѣйствовать только урывками въ тѣ недолгіе моменты боя, когда пѣхота наша не шла въ штыковую атаку или по отступленіи ея послѣ таковыхъ. Та же тѣснота мѣста не позволяла ввести въ дѣло бо̀льшаго числа орудій, да и эти орудія были сейчасъ же закрываемы проходящею впереди пѣхотою. Слѣдовать же за нею и поддержать войска въ самое критическое для нихъ время, послѣ захвата непріятельской позиціи, не было никакой возможности, такъ какъ мы видѣли, что и для пѣхоты не хватало простора дѣйствіямъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось нашимъ геройскимъ частямъ производить свои частныя и разрозненныя атаки на непріятеля. Атаки эти были молодецки, но разновременны, безъ общаго руководства ими, чѣмъ отличались всѣ дѣйствія подъ Инкерманомъ.

«Но и подъ Инкерманомъ, подобно тому, какъ при Альмѣ,

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 299.

главнокомандующій, подвергаясь случайностямъ боя наравнѣ со своими солдатами, не исполнилъ высокихъ обязанностей полководца, не устремилъ къ общей цѣли усилія ввѣренныхъ ему тысячей храбрыхъ воиновъ, и предоставилъ начальникамъ ихъ распоряжаться каждому по собственному усмотрѣнію. Отъ этого недоставало главнаго условія для успѣха—согласія въ дѣйствіяхъ, и побѣда ускользнула изъ рукъ нерѣшительнаго военачальника» [1]).

Но, несмотря на все это, войска наши совершали чудеса храбрости и весь бой былъ рядомъ подвиговъ со стороны введенныхъ въ бой частей, такъ что остается только удивляться и завидовать высокому нравственному ихъ духу. Ничто, казалось, не могло ихъ поколебать, ни отсутствіе подготовки и поддержки со стороны артилеріи, ни сильный артилерійскій огонь противника, ни превосходство его вооруженія. Всѣ эти факторы, нанося громадный матеріальный ущербъ нашимъ войскамъ, не могли сломить ихъ нравственной стойкости:

«Не было ни одного полка, который, подъ убійственнымъ огнемъ противника, не достигъ бы до штыковаго боя. Инкерманское сраженіе лучше всего указываетъ, на какіе подвиги способенъ русскій солдатъ, какъ велики его стойкость, мужество и храбрость, которыя, при разумномъ употребленіи, могутъ принести блестящіе результаты» [2]).

На этотъ разъ даже князь Меншиковъ не могъ не признать безупречнаго поведенія войскъ и ихъ высокаго духа.

Но, къ сожалѣнію, это убѣжденіе главнокомандующаго не повліяло на отношенія его къ войскамъ: онъ не сблизился съ ними и не выразилъ имъ своего довѣрія.

Черезъ день послѣ Инкермана главнокомандующій объѣзжалъ полки, бывшіе въ дѣлѣ, и вотъ что заноситъ въ свои записки объ этомъ объѣздѣ очевидецъ:

«Сегодня главнокомандующій князь Меншиковъ объѣхалъ наши войска. Въ солдатской шинели съ чернымъ воротникомъ и генералъ-адмиральскими погонами, медленно онъ ѣхалъ по фронту, въ мрачномъ настроеніи духа, въ полголоса здороваясь съ солдатами, бо́льшею частью его видѣвшими впервые [3]) и отвѣчавшими ему тоже въ полголоса. Князь никому не сказалъ привѣтливаго

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 155.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 301.

[3]) Значитъ передъ боемъ князь Меншиковъ не потрудился, даже повидать ввѣренныя ему новыя войска.

слова; никому не сказалъ «спасибо», даже тѣмъ, которые стояли тутъ же во фронтѣ съ обвязанными головами, съ подвязанными ранеными руками... Особенно какъ-то болѣзненно сжалось сердце, когда свѣтлѣйшій, подъѣхавъ къ Селенгинскому полку, вмѣсто обычнаго въ этихъ случаяхъ начальническаго привѣта, спросилъ солдатъ: «вы отчего своихъ перестрѣляли?» Солдаты дружно отвѣчали, что Богъ ихъ миловалъ отъ стрѣльбы по своимъ. Передъ Якутскимъ полкомъ главнокомандующій, увидѣвъ двухъ штабъ-офицеровъ: полковника Бялаго, хромающимъ, и подполковника Малевскаго, въ перевязкахъ, спросилъ перваго, отчего онъ хромаетъ, а второго, гдѣ раненъ. Полковникъ Бялый отвѣчалъ за себя и за Малевскаго: «Хромаю, ваша свѣтлость, отъ боли въ ранѣ, мы оба ранены тамъ, гдѣ отняли батарею у англійской гвардіи» [1]).

Объясняя подробно, что случай стрѣльбы по своимъ селенгинцами являлся далеко невыясненнымъ и составлялъ только предположеніе, ничѣмъ не подтвержденное, авторъ записокъ совершенно правильно замѣчаетъ:

«Но допустимъ, что такое печальное событіе совершилось въ дѣйствительности, то прилично-ли главнокомандующему, на другой день боя, объѣзжая свои полки, обагренные вражьей и своею кровью, еще, такъ сказать, дымящеюся, попрекать ихъ подобнымъ событіемъ, представляющимъ собою только несчастную случайность!! Удобно-ли главнокомандующему, вмѣсто того, чтобы поднять ихъ духъ энергическою похвалою ихъ подвиговъ, ласковымъ словомъ, сочувствіемъ къ ранамъ, ими понесеннымъ, слѣды которыхъ онъ видитъ передъ собою, вмѣсто того, говорю, чтобы одушевить своихъ солдатъ и сдѣлать ихъ способными къ принятію и нанесенію новыхъ ударовъ, быть можетъ, завтра же имъ предстоящихъ,—удобно-ли оскорблять солдатъ поклепами, огорчать ихъ и угнетать ихъ духъ выраженіемъ неудовольствія?!! Не по военачальнически!» [2]).

Но не даромъ прислалъ Государь въ эту армію своихъ сыновей; Они своимъ обращеніемъ, ласкою и сердечными заботами восполняли солдатамъ то, что не хотѣлъ имъ дать ихъ главнокомандующій. Вотъ какъ описываетъ этотъ же авторъ посѣщеніе войскъ послѣ Инкермана Великими Князьями:

«Вотъ это дѣло совсѣмъ другое; вотъ такую рѣчь, такое обра-

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 127—129.
[2]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 128.

щеніе любитъ нашъ солдатъ. Оно его воодушевляетъ, на ноги подымаетъ; оно—его отрада, утѣшеніе, поэзія его жизни, и, право, это безотвѣтное существо стоитъ, чтобы ему дарили иногда такія минуты...

Солдаты бѣгутъ со всѣхъ сторонъ точно по тревогѣ. Въ бивакирующемъ отрядѣ раздается перекатный воинскій кликъ. Вотъ всѣ сгруппировались вокругъ нѣсколькихъ всадниковъ; я бросился туда же, едва успѣвъ вскочить на неосѣдланную лошадь, и издали узналъ въ этихъ всадникахъ—Великихъ Князей! Солдаты ихъ окружили съ восторгомъ, съ умиленіемъ...

До солдатъ уже дошелъ слухъ о томъ вниманіи, о томъ попеченіи, какое Великіе Князья оказываютъ въ эти дни ихъ раненымъ собратамъ. Ежедневно посѣщая госпитали, раздавая деньги въ утѣшеніе раненымъ, ходатайствуя у главнокомандующаго о пожалованіи георгіевскихъ крестовъ многимъ, заботясь объ участи семействъ, погибшихъ въ Севастополѣ офицеровъ и солдатъ; всякому оказывая возможную помощь и успокоеніе, Великіе Князья, въ нѣсколько дней своего здѣсь пребыванія, заслужили имена ангеловъ-утѣшителей крымской арміи.

Солдаты расходились толпами, каждый на свой ладъ воспѣвая Великихъ Князей, каждый, находя что нибудь сказать о Нихъ хорошаго, каждый по своему благодаря, восхваляя Ихъ.

— Что вамъ, ребята, говорили Великіе Князья? — спросилъ я одну толпу охотцевъ.

— Благодарили, просили напредки постараться. Впередъ вызвали всѣхъ раненыхъ, сказывали: «Царь-батюшка не забудетъ васъ!»

Въ средѣ охотцевъ, окруженные толпою этихъ немногихъ оставшихся отъ славнаго полка, представленныхъ Великимъ Князьямъ капитаномъ Кравченко (сильно контуженнымъ, но оставшимся въ строю), который вывелъ полкъ изъ сраженія, какъ старшій, Царевичи пробыли около получаса; они распрашивали солдатъ о подробностяхъ боя; интересовались слышать *отъ самихъ солдатъ* различныя частности и эпизоды этого дня; заставляли разсказывать многихъ о томъ участіи, какое они собственно сами принимали въ дѣлѣ»[1]).

Вотъ какъ поступали тѣ, которые понимали значеніе нравственнаго элемента и не только потому, что Они, Великіе Князья, не были

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 129 и 130.

тогда въ рядахъ арміи или не начальствовали надъ нею. Мы можемъ привести слѣдующій примѣръ, какъ одинъ изъ Нихъ, будучи самъ главнокомандующимъ, встрѣтился съ войсками, понесшими неудачу подъ Плевною, 18-го іюля, въ послѣднюю турецкую кампанію 1877—1878 гг.

«24-го іюля главнокомандующій со свитой направился къ болгарскому Карагачу и Порадиму, чтобы объѣхать всѣ части войскъ, которыя принимали участіе въ дѣлѣ 18-го іюля, и ихъ ободрить. Войска боготворили своего главнокомандующаго, цѣнили его ласковое слово и отеческое обращеніе. Этотъ объѣздъ произвелъ замѣчательное дѣйствіе; солдаты услышали отъ Великаго Князя, что онъ ихъ благодаритъ за службу и жалуетъ по два георгіевскихъ креста на роту, слѣдовательно пораженія не было, была только неудача. Увѣренность въ себя, въ свои силы, снова вернулась ко всѣмъ. Когда въ мирное время я слышалъ разсказы о томъ, какъ въ тяжелыя минуты достаточно бываетъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ любимымъ вождемъ, чтобы поднять духъ солдатъ, я этому какъ-то не вѣрилъ. Теперь же это совершалось на нашихъ глазахъ: восторженное «ура» гремѣло, какъ въ Кишиневѣ; все горе, всѣ лишенія были забыты» [1]).

Не понималъ необходимости и значенія такого рода обращенія съ войсками только князь Меншиковъ, несмотря на то, что неоднократно получалъ отъ Государя слѣдующія указанія:

«Ободряй войска, говори съ ними Моимъ именемъ, благодари ихъ, чтобы знали, что ты уважаешь ихъ заслуги и доводишь до Меня ихъ подвиги. Представляй скорѣй къ наградамъ отличившихся. Авось Богъ милосердный сподобитъ еще тебя обрадовать меня доброй вѣстью» [2]).

Впечатлѣніе, произведенное Инкерманскимъ боемъ, было различное. На главнокомандующаго эта неудача произвела удручающее впечатлѣніе, и онъ не предвидѣлъ дальше ничего хорошаго, не надѣясь не только отстоять Севастополь, но даже и защита Крымскаго полуострова казалась ему сомнительною и трудно выполнимою:

«Toutes les positions depuis la Balaklava jusqu'à Sévastopol, писалъ князь Меншиковъ князю Долгорукову, отъ 25-го октября, ou plutôt tout le massif qui comprend cet espace est fortifié et je ne prévois plus la possibileté de l'attaquer avec succès. Si quelques circonstances imprévues et extraordinaires n'obligent la levée du

[1]) В. М. Вонлярлярскій, стр. 109.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 306.

siège de Sévastopol, le sort de cette place sera bientôt décidé, et c'est celui de la Crimée qu'il faudra assurer» [1]).

27-го числа онъ писалъ слѣдующее:

«Положеніе непріятеля неприступное теперь, будетъ еще болѣе неприступнымъ послѣ паденія Севастополя, и его блокированіе зимою, хотя и возможное, будетъ сопряжено съ большими затрудненіями, не говоря о страданіяхъ, которыя должны будутъ выносить войска, и объ истощеніи страны, послѣднія средства которой мы поглощаемъ. Наше положеніе очень тяжело и успѣхъ его въ рукахъ Провидѣнія» [2]).

Эти два письма весьма рельефно рисуютъ личное настроеніе главнокомандующаго. Но въ то же время онъ не могъ не сознавать, что разстроенными послѣ боя являлись только тѣ 35,000 изъ числа всѣхъ его силъ—90,000, которыя были въ двухъ главныхъ колоннахъ, да и про нихъ онъ самъ же доносилъ Государю, что духъ въ этихъ войскахъ настолько хорошъ, несмотря на потери, что они сохранили бодрость и готовность на новый бой. Съ другой стороны, съ потерею 11,000, превосходство въ силахъ все-таки оставалось на его сторонѣ. И мы дѣйствительно видимъ, что князь Меншиковъ считалъ возможнымъ повторить наступленіе, но только въ себѣ не находилъ на это рѣшимости, а предлагалъ исполнить его подчиненнымъ себѣ начальникамъ, конечно, вмѣстѣ съ отвѣтственностью за таковое рѣшеніе:

«25-го октября, пишетъ Липранди въ своихъ запискахъ, я былъ потребованъ къ князю Горчакову, который показалъ мнѣ собственноручное письмо князя Меншикова, въ коемъ онъ, высказывая неудовольствіе свое на дѣйствія генерала Данненберга, 24-го октября, предлагалъ князю Горчакову, не рѣшится-ли онъ атаковать непріятеля съ войсками, находившимися подъ его начальствомъ, къ коимъ князь Меншиковъ предполагалъ присоединить изъ бывшихъ тогда на другихъ позиціяхъ войскъ такое число, какое сочтетъ приличнымъ князь Горчаковъ; и если бы по какому-либо случаю князь Горчаковъ не пожелалъ принять на себя это предпріятіе, то

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 303. «Всѣ позиціи отъ Балаклавы до Севастополя, или, лучше сказать, весь нагорный массивъ на этомъ пространствѣ укрѣпленъ и я не предвижу больше возможности атаковать его съ успѣхомъ. Если какія нибудь непредвидѣнныя и особенныя обстоятельства не заставятъ снять осаду Севастополя, то судьба этого мѣста будетъ скоро рѣшена, и тогда придется заботиться объ обезпеченіи Крыма.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 305.

главнокомандующій просилъ его предложить мнѣ произвести эту атаку» [1]).

Пагубное для арміи настроеніе главнокомандующаго не могло не обратить на себя вниманія Государя и онъ писалъ ему:

«Не унывай, любезный Меншиковъ, начальствуя севастопольскими героями, имѣя въ своемъ распоряженіи 80,000 отличнаго войска, вновь доказавшаго, что нѣтъ ему невозможнаго, лишь бы вели его какъ слѣдуетъ и куда должно; съ такими молодцами было бы стыдно и думать о конечной неудачѣ [2])...

«Кончаю чѣмъ началъ,—не унывать никому, а тебѣ, вождю, менѣе всякаго другаго, ибо на тебя всѣ глаза и твой примѣръ другихъ долженъ увлекать къ исполненію долга, до послѣдней крайности» [3]).

А въ другомъ письмѣ мы находимъ слѣдующія строки:

«... то письмо твое къ князю Долгорукову, съ твоими горькими предсказаніями, Меня глубоко опечалило. Зачѣмъ же столько геройства, столько горькихъ потерь, ежели исходъ дѣла долженъ быть столь гибельный? Какъ этому вѣрить, когда рядомъ съ этимъ знаю, что за молодецкій духъ въ войскахъ, который они на дѣлѣ доказали и доказываютъ, и что грѣшно не признавать.

Неужели и враги наши не пострадали и весь перевѣсъ въ ихъ пользу? Воля твоя, этому Я вѣрить не могу. Не унывай, говорю Я, и не вселяй унынія въ другихъ. Это было бы постыдно» [4]).

На войска наши потеря Инкерманскаго боя не имѣла столь большаго вліянія въ смыслѣ упадка духа ихъ, какъ можно было бы ожидать. Они понесли большую матеріальную потерю и были частью крайне разстроены въ личномъ своемъ составѣ, но нравственная сила войскъ не была, какъ мы видѣли, расшатана, они снова готовы были съ тою же стойкостью продолжать борьбу съ противникомъ, и это объясняется тѣмъ, что они вышли изъ Инкерманскаго боя съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей силѣ. Не даромъ же говорятъ, что: «они сражались такъ храбро, что едва было не загладили ошибки своихъ начальниковъ, бывшія причиною понесенной нами неудачи» [5]). Но это сознаніе войскъ хотя и помогло имъ сохранить свой высокій духъ, но вливало въ нихъ такой ядъ, который не могъ

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 298.
[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 156.
[3]) Н. Дубровинъ, стр. 303.
[4]) Н. Дубровинъ, стр. 306.
[5]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 152.

остаться безъ вреда на ихъ нравственныя силы, и долженъ былъ уничтожить въ нихъ увѣренность въ будущихъ дѣйствіяхъ, которая и составляетъ одинъ изъ нравственныхъ залоговъ успѣха:

« ... а непоправимо было то, что на Инкерманскихъ высотахъ подорвано было довѣріе массъ къ тѣмъ, кто долженъ былъ этими массами руководить. Войска не упали духомъ, потому что въ свои собственныя, дѣйствительно громадныя силы вѣры не утратили; но, не довѣряя болѣе разумному ихъ направленію, перестали ждать успѣховъ и разсчитывали на однѣ неудачи. Недовѣріе это желчно высказывалось при каждомъ удобномъ случаѣ. Тысячи анекдотовъ и разсказовъ, распространившихся въ арміи, послѣ Инкерманскаго сраженія, могутъ служить подтвержденіемъ этого. Въ каждомъ изъ этихъ анекдотовъ и разсказовъ слышна была безпощадная насмѣшка надъ всѣми нашими намѣреніями и планами—и какое-то злорадное самоосужденіе. Образовалась цѣлая стихотворная литература въ этомъ родѣ. Наконецъ, всѣмъ извѣстно, что наша 500,000-ная армія едва насчитывала три, четыре имени, которымъ вѣрила и которыя дѣйствительно были популярны.

Вотъ это-то настроеніе арміи, при тогдашнемъ несчастномъ положеніи дѣлъ, дѣйствительно было непоправимо, а потому и имѣло громадную важность» [1]).

Интересно, что на противника Инкерманское сраженіе произвело громадное нравственное впечатлѣніе. Противникъ увидалъ на дѣлѣ и испыталъ на себѣ весь размѣръ духовной силы нашихъ войскъ преисполнился полнымъ уваженіемъ къ этимъ геройскимъ войскамъ, боясь только повторенія съ ихъ стороны наступательныхъ дѣйствій.

«Въ Инкерманской битвѣ, писали англичане, нѣтъ ничего для насъ радостнаго. Мы ни на шагъ не подвинулись ближе къ Севастополю, а между тѣмъ потерпѣли страшный уронъ. Конечно, русскіе понесли, можетъ быть, еще бо́льшую потерю, нежели союзники, и были принуждены отступить, но они возвратились въ свои прежнія позиціи, а эти позиціи возлѣ самаго Севастополя и Балаклавы. Они вознаградятъ свою потерю и могутъ возобновить свои нападенія всякій разъ, какъ почтутъ то нужнымъ. А могутъ-ли союзники, которые изъ осаждающихъ превратились теперь въ осажденныхъ, постоянно отражать эти нападенія? Могутъ-ли они такъ скоро воз-

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. IV, стр. 222 и 223.

награждать свои потери, какъ русскіе? Нельзя болѣе скрывать: положеніе союзниковъ отчаянное»[1]).

Сами противники, видя выходящія изъ ряда качества нашихъ войскъ въ бою, приписывали свой успѣхъ подъ Инкерманомъ не своимъ дѣйствіямъ и войскамъ, а ошибкамъ нашихъ начальниковъ:

« ... et comme il n'est pas possible qu'avec des adversaires comme les Russes, la *furia* française ait tout fait, il faut chercher la cause du succès dans les fautes comises par nos adversaires...» [2]).

И дѣйствительно, послѣ Инкерманскаго боя союзники, съ горяча, хотѣли даже снять осаду Севастополя. Они отказались совершенно отъ назначеннаго и рѣшеннаго штурма города и, поддерживая скорѣе для вида огонь противъ 4-го бастіона, сами перешли къ оборонительнымъ работамъ. Они начали дѣятельно укрѣплять нетолько непосредственно позиціи, прикрывающія ихъ расположеніе на Херсонесскомъ полуостровѣ, но и на самыхъ осадныхъ работахъ уширяли траншеи и возводили укрѣпленія для обезпеченія ихъ фланговъ отъ нашихъ нападеній. Наступательныя же, осадныя работы на ихъ фронтѣ не были продвинуты ни на шагъ впередъ.

«Лордъ Рагланъ сосредоточилъ все свое вниманіе на постройкѣ оборонительной линіи укрѣпленій, и кореспондентъ газеты «Times» съ грустью писалъ, что англійская армія, разстроенная потерями 24-го октября и истощенная усталостью, должна теперь работать надъ защитою своего тыла со стороны Балаклавы. Въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, говоритъ онъ, половина нашей пѣхоты постоянно на ногахъ, и новая, возложенная на насъ обязанность, вѣроятно, еще болѣе истощитъ нашу слабую армію!!» [3]).

Инкерманскій бой, такимъ образомъ, представляетъ изъ себя рѣдкій въ военной исторіи примѣръ, когда армія, понеся полную матеріальную неудачу въ своихъ дѣйствіяхъ, наноситъ въ то же время еще болѣе полное пораженіе противнику въ нравственномъ отношеніи, заставляя его нетолько отказаться отъ предположенныхъ рѣшительныхъ дѣйствій, но совершенно измѣнить даже характеръ своихъ дѣйствій, обратившись отъ наступленія къ пассивной оборонѣ.

Но рѣшающаго успѣха отъ подобной исключительной дѣятель-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 302.

[2]) Herbé, стр. 135. « ... и такъ какъ невозможно, при такомъ противникѣ, какъ русскіе, считать, чтобы все сдѣлала бѣшеная доблесть французовъ, то причину успѣха нужно искать въ ошибкахъ, сдѣланныхъ нашимъ противникомъ...»

[3]) Н. Дубровинъ, стр. 304.

ности нашихъ войскъ все-таки не было. И это нужно объяснить тѣмъ, что высоко держали знамя нравственнаго могущества только войска и ихъ ближайшіе начальники, высшіе же начальники не съумѣли установить прочную связь съ войсками, слиться съ ними въ одно грозное цѣлое. А напротивъ, своими распоряженіями и дѣйствіями, направленными скорѣе на разрушеніе, чѣмъ на укрѣпленіе нравственной силы войскъ, настолько тормозили успѣхи ихъ, что не дали имъ возможности добиться вполнѣ заслуженныхъ ими результатовъ.

Мы видимъ, значитъ, насколько именно старшій начальникъ обязанъ глубоко обдумывать всякое свое распоряженіе и въ особенности смотрѣть, чтобы оно не противорѣчило основамъ нравственнаго элемента, иначе одно его необдуманное распоряженіе можетъ обратить ни во что все моральное могущество войскъ.

VI.

Осень и зима подъ Севастополемъ.

Вслѣдъ за Инкерманскимъ сраженіемъ для союзниковъ, какъ извѣстно, послѣдовалъ новый ударъ, который сильно повліялъ на ихъ нравственныя силы и едва не разстроилъ окончательно ихъ способность къ продолженію борьбы. Это была буря 2-го ноября. День этотъ дорого обошелся союзному флоту—основанію дѣйствій всей экспедиціи. Не говоря уже о потерѣ болѣе 30-ти купеческихъ кораблей и транспортовъ, многіе военные корабли были выброшены на берегъ и на прибрежныя мели: пароходъ «Ретрибюшенъ», потерявъ мачты, принужденъ былъ выбросить за бортъ свои пушки и спасся только благодаря смѣлости и искусству своего капитана. Французскій сто-пушечный корабль «Генрихъ IV», корветъ «Плутонъ» и пять англійскихъ судовъ были разбиты у Евпаторіи. Англійскій пароходъ «Принцъ» погибъ у Балаклавы» [1]).

Всѣ эти аваріи были очень чувствительны для непріятельской арміи, такъ какъ многія изъ этихъ судовъ были нагружены теплою одеждою и вообще необходимыми для арміи вещами, такъ что въ самое нужное время, съ наступленіемъ осени, войска лишились многихъ своихъ запасовъ.

«Конечно, писалъ одинъ изъ участниковъ, союзники потеряли въ эту бурю не столько людей, сколько потеряно въ Инкерманскомъ сраженіи, но суда, разбитыя въ щепы, должны были подвезти союзникамъ все, чѣмъ поддерживается ихъ жизнь, что защищаетъ ихъ

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 321 и 322.

отъ холода и голода, съѣстные припасы и одежду, а главное, что доставляетъ имъ возможность защищать свою жизнь — свинецъ и порохъ, и все это исчезло въ морскихъ безднахъ, вмѣстѣ съ средствами перевозки» [1]).

Не менѣе опустошеній надѣлала буря 2-го ноября и на сухомъ пути. Она разметала большинство лагерей союзниковъ, снесла палатки и разнесла по полю вещи и бумаги. Холодъ съ снѣгомъ, градомъ и дождемъ довершилъ бѣдствіе людей, лишенныхъ крова и не могшихъ развести даже костровъ для обогрѣванія. Вѣтеръ свирѣпствовалъ съ такою силою, что около 30-ти англійскихъ палатокъ были занесены въ чоргунскій отрядъ. Испуганные люди и лошади метались и бѣгали по лагерю: «пространство, говоритъ Guérin, такъ недавно еще оживленное чистыми бѣлыми шатрами, теперь представлялось бурнымъ потокомъ, уносившимъ съ собою все встрѣчное» [2]).

Госпитальныя палатки и даже бараки были снесены и сравнены съ землею, такъ что и больные остались неприкрытыми отъ ужасающей непогоды. Той же участи подверглись и многіе бараки съ запасами.

Всѣ эти бѣдствія повліяли на состояніе противника самымъ пагубнымъ образомъ. Послѣ бури противникъ прекратилъ даже обстрѣливаніе 4-го бастіона и отказался отъ дальнѣйшаго продолженія своихъ работъ, приводя только въ порядокъ все ранѣе начатое. Количество перебѣжчиковъ значительно усилилось и они сообщали о полномъ упадкѣ духа союзниковъ и о томъ, насколько они изнурены и терпятъ отъ наступившихъ холода и непогоды. Лучшимъ доказательствомъ упадка нравственныхъ силъ союзныхъ армій, кромѣ указанныхъ выше, было то, что не только въ самой арміи, но и отдаленныя правительства союзныхъ державъ были бы совершенно удовлетворены, если бы возможно было какимъ-нибудь приличнымъ предлогомъ прикрыть оставленіе арміею Крымскаго полуострова:

«Лучшая развязка, которой желало бы французское правительство, состояла въ разрушеніи Севастополя огнемъ осадныхъ батарей и затѣмъ въ оставленіи Крыма. Наполеонъ готовъ былъ довольствоваться этимъ результатомъ, и въ такомъ случаѣ намѣренъ былъ объявить, что штурмъ не былъ предпринятъ для сбереженія жизни

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 323.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 322.

солдатъ, а городъ не былъ занятъ по нежеланію оставить его за собой. Торжественное молебствіе въ Парижѣ и выстрѣлы у Дома Инвалидовъ могли прикрыть «принужденное отступленіе» и французы успокоились бы на лаврахъ» [1]).

Такимъ образомъ, казалось, недоставало лишь внѣшняго толчка для того, чтобы довести противника до окончательнаго отказа отъ начатой борьбы, и таковой толчокъ могъ бы довершить его нравственное разстройство и заставить его сѣсть снова на суда и покинуть наши берега. Чтобы правильно судить, почему этого толчка не было сдѣлано, и имѣлся-ли въ нашей арміи достаточный запасъ нравственныхъ и физическихъ силъ для его производства, мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности послѣдующихъ дѣйствій подъ Севастополемъ въ теченіи осени и зимы.

Положеніе нашихъ войскъ въ Севастополѣ, съ наступленіемъ холодовъ и непогоды было, конечно, незавидное. Траншеи были переполнены водою и вездѣ была липкая и непроходимая грязь. Закрытыхъ помѣщеній для войскъ, какъ мы знаемъ, не было, а между тѣмъ, необходимо было держать на всякій случай войска на оборонительной линіи. Войска эти стояли безсмѣнно, прикрываясь отъ непогоды стѣнками, заборами и т. п. подручнымъ матеріаломъ, и, какъ говоритъ очевидецъ, «только смерть и раны полагали конецъ ихъ тяжкимъ трудамъ и лишеніямъ» [2]).

Но, несмотря на столь изнурительную обстановку службы, славные защитники Севастополя не только не падали духомъ, а, напротивъ, на каждомъ шагу проявляли самую высшую степень подъема духа и неизсякаемый запасъ нравственныхъ силъ. Такое заключеніе легко подтвердить, прослѣдивъ даже лишь поверхностно за дѣятельностью севастопольскаго гарнизона въ теченіе ноября, декабря и января мѣсяцевъ.

Первое, что не можетъ не броситься въ глаза—это сильное развитіе удальства между людьми, выражавшееся развитіемъ вылазокъ, на которыя былъ всегда избытокъ охотниковъ, а у нѣкоторыхъ эта охота идти на вылазку обращалась прямо въ страсть. Вотъ, что пишетъ о вылазкахъ одинъ изъ историковъ: «Для удержанія же непріятеля въ безпрестанной тревогѣ (что, кромѣ изнуренія его войскъ, заставляло его постоянно имѣть въ траншеяхъ значительныя силы подъ выстрѣлами крѣпостной артилеріи) про-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 327.
[2]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 499.

изводились небольшія вылазки. Сначала, почти исключительно, ходили на вылазки охотники изъ матросовъ, но впослѣдствіи солдаты и казаки (пластуны) соперничали съ моряками въ удальствѣ подползти неожиданно къ непріятельскому пикету, заколоть часоваго, ворваться въ траншею, поднять на ноги непріятельскіе резервы и уйти во-время незамѣтно. Многіе изъ моряковъ ходили на вылазку по нѣсколько разъ и до того облюбовали это занятіе, что оно обратилось какъ бы въ страсть. Само собою разумѣется, что такая опасная игра обходилась не безъ потерь, и потому не всегда разрѣшалась начальствомъ, а какъ нѣкоторые изъ смѣльчаковъ рѣшались уходить на вылазку и безъ дозволенія, на свой страхъ, то, чтобы предупредить подобныя отступленія отъ воинскаго порядка и сохранить храбрыхъ людей, необходимыхъ для защиты Севастополя, держали нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ особымъ присмотромъ. Въ числѣ такихъ неугомонныхъ охотниковъ подраться съ непріятелями 30-го экипажа матросъ Кошка составилъ себѣ блистательную извѣстность; но такихъ въ Севастополѣ было много. Да и вообще, какъ между черноморскими моряками, такъ и между всѣми, бившимися на ряду съ ними въ защиту «своего» города, храбрость, при той жизни, которую тогда вели они, сдѣлалась общимъ качествомъ, и храбрость не порывами, а постоянная, обратившаяся въ убѣжденіе, что едва-ли кому изъ «севастопольцевъ» удастся снести голову, выйти цѣлу и невредиму изъ этого горнила смертоносныхъ снарядовъ, въ которомъ огонь и желѣзо наперерывъ уничтожали цвѣтъ народонаселенія Россіи» [1]).

«Особенно любятъ вылазки моряки, пишетъ другой авторъ; у нихъ не считается подвигомъ напасть ночью на траншею, забраться нивѣсть въ какую трущобу посреди непріятеля, вырѣзать пикетъ, поднять на ноги непріятельскіе резервы, надѣлать зла врагу, какъ только можно и сколько можно, и удрать назадъ. Все это у нихъ не болѣе какъ удальство и молодечество.

Многихъ матросовъ перестали пускать на вылазки: ни одна изъ нихъ, конечно, не обходится безъ потерь, а эти молодцы нужны общему дѣлу, очень нужны въ настоящее время.

Есть между моряками такіе, которые по нѣсколько разъ ходили на вылазку и для которыхъ это хожденіе обратилось, кажется, въ потребность, даже въ страсть. Въ Севастополѣ есть матросъ Кошка, составившій себѣ особенно блистательную репутацію; его даже за-

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 168 и 169.

пираютъ, когда собираются на вылазку, но почти всегда онъ успѣваетъ улизнуть» [1]).

Много можно назвать такихъ, какъ между нижними чинами, такъ и между офицерами, которые добыли себѣ своими подвигами на вылазкахъ не только уваженіе своихъ товарищей-севастопольцевъ, не только благодарное восхищеніе своей родины, но полное признаніе ихъ выдающихся заслугъ со стороны противника. Наиболѣе выдающимся въ этомъ отношеніи былъ извѣстный лейтенантъ Бирилевъ, и мы не можемъ не привести здѣсь отзыва о немъ непріятеля.

«Кажется, всѣ эти ночныя стычки происходятъ подъ руководствомъ Бирилева; онъ дѣйствительно выказываетъ храбрость и неустрашимость выше всякой похвалы; вотъ почему, несмотря на весь вредъ, который онъ намъ наноситъ, онъ пользуется большимъ уваженіемъ между всѣми французскими офицерами и даже солдатами. Если бы мнѣ случилось встрѣтиться съ Бирилевымъ въ траншеѣ, я бы желалъ вступить съ нимъ въ смертный бой одинъ на одинъ, но если я его встрѣчу внѣ поля брани, то буду счастливъ пожать ему руку» [2]).

Еще болѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующія строки французскаго автора: «Я узналъ, что лейтенантъ Бирилевъ раненъ пулею въ бедро, во время одной вылазки на наши траншеи. Многіе изъ французскихъ офицеровъ, которымъ случалось имѣть съ нимъ дѣло, воспользовались днемъ перемирія и послали ему въ знакъ уваженія свои визитныя карточки. Они хорошо сдѣлали» [3]).

Въ продолженіе этого начала любезностей между героями авторъ повѣствуетъ:

«Узналъ, что лейтенантъ Бирилевъ прислалъ свои карточки французскимъ офицерамъ, пославшимъ ему таковыя по случаю его раненія; онъ сообщилъ тамъ, что рана его поправляется, но что онъ боится слишкомъ долго не быть въ состояніи снова исполнять службу. Мы слишкомъ уважаемъ Бирилева, чтобы не пожелать ему полнаго выздоровленія въ короткій срокъ, но желали бы въ то же время, чтобы онъ былъ уволенъ въ отпускъ на поправку до заключенія мира: это слишкомъ сильный противникъ, чтобы ему пожелать другого» [4]).

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 180.
[2]) Herbé, стр. 194 и 195.
[3]) Herbé, стр. 205.
[4]) Herbé, стр. 226 и 227.

Вылазки эти хотя и тревожили врага, не давая ему возможности спокойно проводить ночи и заставляя быть постоянно на-чеку, но по малости силъ, съ которыми онѣ предпринимались, не достигали большихъ результатовъ и тревожили только войска, занимавшія траншеи, не отражаясь на силахъ, расположенныхъ въ лагеряхъ. Частыя нападенія нашихъ охотниковъ заставили и французовъ сформировать у себя особыя роты охотниковъ, на обязанности которыхъ лежало отраженіе нашихъ нападеній и производство отвѣтныхъ покушеній на наши передовыя работы.

Но частое примѣненіе мелкихъ вылазокъ доказывало существованіе и полное развитіе въ нашихъ войскахъ стремленія къ иниціативѣ и наличность высокаго нравственнаго духа, который не находилъ себѣ исхода вслѣдствіе нерѣшительности главныхъ начальниковъ воспользоваться имъ для достиженія болѣе серьезныхъ результатовъ.

Частыя вылазки эти, развивая все болѣе и болѣе удальство и молодечество въ войскахъ, много способствовали поддержанію нравственныхъ силъ войскъ на достигнутой высотѣ. Таковое настроеніе гарнизона выражалось и въ рядѣ подвиговъ отдѣльныхъ личностей, случавшихся почти ежедневно.

«На 4-мъ бастіонѣ непріятельская бомба упала у входа въ пороховой погребъ; находившіеся вблизи матросы тотчасъ же бросились и потушили ее. Подобные примѣры самоотверженія повторялись безпрестанно по всей оборонительной линіи» [1]). Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ слѣдующія строки:

«Здѣсь матросъ 30-го экипажа Шевченко, сопровождавшій во всѣхъ вылазкахъ лейтенанта Бирилева, явилъ особенный примѣръ самоотверженія. Когда наши охотники вытѣснили непріятеля изъ траншей штыками, человѣкъ пятнадцать изъ отступавшихъ французовъ прицѣлились въ Бирилева. Тогда Шевченко, усмотрѣвъ, какой опасности подвергается его начальникъ, осѣнилъ себя крестомъ, заслонилъ Бирилева собою и палъ въ защиту его, пораженный смертельно пулею» [2]).

Мы ограничимся лишь двумя этими примѣрами, такъ какъ всѣхъ подобныхъ случаевъ перечислить невозможно, да они и не всѣ извѣстны, ибо не считались за подвигъ молодцами-товарищами, а лишь за добросовѣстное и повседневное въ Севастополѣ испол-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 389.

[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 182.

неніе долга службы. Цитированный выше историкъ слѣдующими словами заканчиваетъ разсказъ свой о вылазкахъ:

«Велики были подвиги храбрости и самоотверженія, совершенныхъ на вылазкахъ защитниками Севастополя. И кто можетъ исчислить ихъ? Одни изъ нашихъ героевъ пали славною смертью, другіе, оставшись въ живыхъ, не считали нужнымъ оглашать дѣла доблести, которыхъ были участниками. Для нихъ не было ничего чрезвычайнаго стоять молодецкою грудью за Россію въ темныя ночи, вдали отъ своихъ, внѣ взоровъ начальниковъ и товарищей, которые могли оцѣнить дѣйствія мужественныхъ воиновъ. Ихъ возбуждали ни награды, ни отличія; они шли на смертный бой за вѣру, за Царя, за Россію. Другихъ помысловъ у нихъ не было и не могло быть. Они были всѣ храбры: каждый офицеръ былъ Бирилевъ, каждый изъ рядовыхъ—Шевченко. Да будутъ же примѣромъ грядущимъ поколѣніямъ русскаго народа извѣстные и неизвѣстные герои славной севастопольскѣй обороны, пока предъ лицомъ міра красуется великая, могучая Россія!» [1]).

Этимъ выдающимся настроеніемъ войскъ, защищавшихъ Севастополь, воспользовались лишь частные начальники и ближайшіе руководители обороны города при своихъ повседневныхъ заботахъ объ усиленіи защиты и затрудненіи борьбы для противника. Дѣйствительно, когда въ половинѣ ноября французы открыли новые подступы противъ редута Шварца, то противъ этихъ и послѣдующихъ работъ осаждающаго была съ большимъ успѣхомъ примѣнена система выдвинутыхъ передъ оборонительную линію ложементовъ. Система ложементовъ была, собственно говоря, подсказана самими войсками. Мы уже упоминали, что части наши, выдвигавшіяся на ночь для аванпостной службы, устраивали по собственному почину, на скорую руку, завалы, которые способствовали имъ болѣе самостоятельно и надежно занимать выгодные для обстрѣливанія противника пункты. Той же самой цѣли должны были служить и ложементы. Это были тѣ же завалы, но выбранные и устроенные съ помощью искусства и науки. Они выдвигались передъ оборонительною линіею и, находясь, такимъ образомъ, вблизи работъ противника, давали возможность своевременно открывать ближайшій ружейный огонь по нимъ. Изъ этихъ же ложементовъ указывалось на батареи вѣрное направленіе для обстрѣла работъ противника орудійнымъ огнемъ. Ложементы устраивались въ двѣ ли-

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 183.

ніи, для цѣпи и резерва, такъ что выдвинутые въ нихъ отряды пѣхоты были достаточно самостоятельны. Къ артилерійскому огню противника они были мало чувствительны, представляя весьма малую цѣль. Къ тому же, приближая нашу пѣхоту къ работамъ непріятеля, они уравновѣшивали въ значительной степени неравенство въ вооруженіи.

Первый изъ подобныхъ ложементовъ былъ заложенъ въ ночь съ 20-го на 21-е ноября, въ 100 саженяхъ передъ редутомъ Шварца. Замѣтимъ кстати, что передъ выводомъ рабочихъ имъ была сдѣлана репетиція работы и прикрытія ея, такъ что закладка ложемента успѣшно произведена была въ одну ночь и въ такомъ порядкѣ и тишинѣ, что противникъ замѣтилъ его лишь на разсвѣтѣ, когда подвергся мѣткому огню занявшихъ его штуцерныхъ. Этотъ первый опытъ былъ настолько удаченъ, что вскорѣ подобныя постройки появились передъ всѣми угрожаемыми осаждающимъ пунктами.

Эта новая система обороны не могла не имѣть большаго вліянія на противника, такъ какъ передавала инициативу въ руки обороняющагося и во многихъ случаяхъ окончательно останавливала дальнѣйшее продолженіе работъ по атакѣ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ она была мало уязвима и заставляла непріятеля переходить къ открытой штыковой борьбѣ и терять безполезно не только время, но и людей. Въ большинствѣ случаевъ, при атакѣ ложементовъ открытою силою, наша пѣхота заблаговременно отступала и противникъ подвергался усиленному обстрѣлу картечью съ батарей. Не выдержавъ огня, противникъ отступалъ, а ложементы снова занимались нами. Въ борьбѣ за обладаніе этими ложементами, устроенными впереди 4-го, 5-го и 6-го бастіоновъ, прошла вся зима, и на всѣхъ этихъ пунктахъ начатыя работы противника были пріостановлены, и французы совсѣмъ не успѣли продвинуться впередъ.

Видя безуспѣшность дальнѣйшаго хода своихъ работъ, французы обратились къ миннымъ работамъ противъ 4-го бастіона. Но, какъ извѣстно, и въ этой подземной борьбѣ они встрѣтили отпоръ, полный инициативы и наступательнаго характера. Непріятельскій минеръ былъ не только остановленъ своевременнымъ взрывомъ изъ контръ-минныхъ работъ, но и принужденъ къ отступленію, причемъ намъ удалось овладѣть частью галереи противника.

Совершенно въ томъ же духѣ и съ полною энергіею, присущею гарнизону, велись за время зимняго періода и другія оборонительныя работы по всей линіи севастопольскихъ укрѣпленій. Благодаря этой энергіи и почти полному прекращенію прицѣльнаго ору-

дійнаго огня осаждающаго, который поддерживалъ только навѣсный и ружейный огонь, въ теченіе зимы исполнены были слѣдующія большія работы:

«1) Всѣ бастіоны и батареи оборонительной линіи были усилены и улучшены возвышеніемъ и утолщеніемъ брустверовъ, отрытіемъ рвовъ, устройствомъ вспомогательныхъ преградъ, траверсовъ, блиндажей и проч. Сверхъ того, на оборонительной линіи построено 11 новыхъ батарей, назначенныхъ для состязанія съ осадными батареями и для обстрѣливанія впередилежащей мѣстности.

«2) Главныя укрѣпленія, а именно, Малаховъ-курганъ и бастіоны 5-й, 4-й, 3-й и 2-й сомкнуты съ горжи и обращены въ самостоятельные опорные пункты оборонительной линіи.

«3) На Корабельной сторонѣ устроенъ одинъ внутренній опорный пунктъ—въ морскихъ казармахъ, а на Городской—четыре такихъ пункта: редуты Язоновскій, Чесменскій и Ростиславскій и сомкнутое укрѣпленіе при береговой батареѣ № 8-го. Кромѣ того, для внутренней обороны возведено нѣсколько батарей, а улицы города преграждены двумя рядами барикадъ.

«4) Наконецъ, значительно усилены и распространены сухопутныя укрѣпленія Сѣверной стороны, укрѣплена обширная позиція между Сѣвернымъ укрѣпленіемъ и почтовою дорогой и устроены на сѣверномъ берегу рейда и Черной рѣчки нѣсколько батарей для обстрѣливанія непріятельскихъ работъ на Киленъ-балочныхъ высотахъ.

«Всего въ описанный періодъ обороны поставлено вновь на оборонительной линіи и внутреннихъ батареяхъ около 250 орудій, такъ что къ 9-му февраля всего состояло на сухопутномъ вооруженіи Южной стороны до 700 орудій, кромѣ малыхъ мортиръ и элевацiонныхъ орудій» [1]).

Таковой успѣхъ въ работахъ, конечно, могъ быть только какъ слѣдствіе наличности не только въ руководителяхъ работъ, но главнымъ образомъ, въ ихъ исполнителяхъ полной и ничѣмъ непоколебимой энергіи.

Все сказанное даетъ намъ право придти къ заключенію, что въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ послѣ инкерманской неудачи, несмотря на крайне тяжелыя по состоянію погоды условія жизни и службы въ траншеяхъ, севастопольскій гарнизонъ отличался высокою энергіей и бодростью духа и такою выдающеюся нравственною силою, при которой люди не удовлетворялись даже иниціативой, прояв-

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 599.

ляемой ими въ повседневной борьбѣ съ осаждающимъ противникомъ. Ближайшіе начальники, какъ мы видѣли, были вынуждены даже сдерживать наступательные порывы доблестныхъ защитниковъ города.

Но что же это были за люди, нравственныя силы которыхъ не поддавались никакимъ испытаніямъ? Не было развѣ большинство, въ числѣ гарнизона, составлено изъ тѣхъ самыхъ людей, которые понесли только что громадную неудачу подъ Инкерманомъ. Почему же по вступленію въ Севастополь они нашли силы выказать такую стойкость духа, которую не могли сломить никакія невзгоды, никакія усилія враговъ?

Постараемся отвѣтить на эти вопросы, по возможности, кратко, не вдаваясь въ излишнія подробности.

Мы видѣли изъ всего сказаннаго выше, что начали и установили всѣ порядки службы по защитѣ Севастополя доблестные черноморскіе моряки. Они, со своими ближайшими начальниками, составляли ядро защитниковъ города и давали тонъ всей славной оборонѣ. Другія войска входили частями на разные пункты оборонительной линіи и вездѣ встрѣчали эту сплоченную во-едино геройскую семью черноморцевъ.

Случалось, конечно, что входившія части были разныя по своимъ нравственнымъ качествамъ, но ни одна изъ нихъ не могла внести, такъ сказать, свой уставъ въ чужой монастырь. Такія части сейчасъ же подпадали подъ вліяніе моряковъ и легко воспринимали отъ нихъ геройскій духъ.

Сами моряки явились въ Севастополѣ блистательно подготовленными въ нравственномъ отношеніи, о чемъ мы скажемъ подробнѣе ниже. Теперь же вспомнимъ, что Корнилову удалось своими мѣрами до крайнихъ предѣловъ возвысить ихъ моральныя силы и наэлектризовать ихъ до высшихъ степеней геройства и самоотверженія на защиту родного города и славу флота и родины.

Моряки затѣмъ не участвовали ни подъ Альмой, ни подъ Инкерманомъ, а по ходу обороны Севастополя сохранили въ неприкосновенности вѣру, какъ въ себя, такъ и въ своихъ славныхъ начальниковъ. Да и начальники эти, со смертью Корнилова, продолжали дѣйствовать въ его духѣ и по завѣту его, клали всю душу въ дѣло обороны и настойчиво поддерживали бодрость и духъ оставшихся защитниковъ. Мы не разъ уже упоминали о двухъ наиболѣе выдающихся севастопольцахъ — адмиралахъ Нахимовѣ и Истоминѣ, но о такихъ воинахъ никогда не лишнимъ будетъ упомянуть еще разъ.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ продолжалъ ежедневно обходить всю оборонительную линію, наблюдая за неуклоннымъ исполненіемъ всѣми своихъ обязанностей и исправнымъ снабженіемъ батарей всѣми артилерійскими предметами. Но не въ этомъ контролѣ былъ главный смыслъ этихъ обходовъ; вотъ, что пишетъ про нихъ одинъ изъ очевидцевъ:

«Онъ ежедневно подвергалъ себя безъ малѣйшей осторожности непріятельскому огню, избиралъ мѣста самыя опаснѣйшія—по крайней мѣрѣ, никогда не обходилъ ихъ; останавливался на самыхъ беззащитныхъ пунктахъ бастіоновъ, а когда окружающіе почти насильно увлекали его прочь отъ опасности, то онъ какъ бы съ намѣреніемъ замедлялъ свои шаги.

«Все это дѣлалось безъ малѣйшаго тщеславія: напротивъ того, всѣ поступки его носили явный отпечатокъ величайшей скромности, и, конечно, имѣя единственною цѣлью возвысить общее мужество и показать, что минута смерти опредѣлена Провидѣніемъ. И, дѣйствительно, его примѣръ имѣлъ безпредѣльное вліяніе на духъ нашихъ храбрыхъ матросовъ, и за упорную оборону порта Отечество ему невыразимо обязано. Онъ до того пренебрегалъ собственною безопасностью, что вся армія, наконецъ, стала смотрѣть на него какъ бы на человѣка, застраховавшаго жизнь свою, видя, въ теченіе девяти мѣсяцевъ сряду, въ самомъ жаркомъ огнѣ, что ядра какъ бы сами избѣгали встрѣчи съ нимъ. А, казалось, небольшаго стоило бы труда врагу узнать Нахимова, ростомъ высокаго, единственнаго во всемъ Севастополѣ офицера, носившаго эполеты, которыхъ онъ никогда не снималъ съ плечъ. Мнѣ случалось встрѣчать его во всякое время дня, и всегда при эполетахъ (онъ даже спалъ въ нихъ, ибо, какъ самъ мнѣ признавался, что во все время девятимѣсячной осады онъ ни разу не ложился спать раздѣтый). Такимъ образомъ онъ представлялъ постоянно цѣль для непріятельскихъ выстрѣловъ, тѣмъ болѣе, что весьма часто пренебрегалъ всякимъ прикрытіемъ во время наблюденія непріятельскихъ дѣйствій и выказывался сверхъ бруствера. . . . . » [1]).

При всей своей разнообразной дѣятельности въ Севастополѣ, Павелъ Степановичъ находилъ время заботиться о своихъ подчиненныхъ и въ особенности не забывалъ навѣщать и утѣшать раненыхъ.

«Я помню, что по всѣмъ безчисленнымъ мелочнымъ желаніямъ

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, прилож., стр. 52 и 53.

и нуждамъ больныхъ постоянно приходилось обращаться къ Нахимову. Часто встрѣчались нужды, повидимому, не легко или даже вовсе неудовлетворяемыя, но отъ которыхъ для раненаго ожидалось благодѣяніе или облегченіе, и Павелъ Степановичъ непремѣнно находилъ средство уладить дѣло. . . . .

«Нахимовъ получалъ значительное содержаніе; но, не имѣя семейства и живя со скромностью древняго философа, онъ не только никогда не имѣлъ денегъ, но постоянно прибѣгалъ къ кошельку своихъ адъютантовъ для раздачи милостыни бѣднымъ, а въ особенности на пособіе матроскимъ семействамъ и проч. Не могу удержаться, чтобы не привести случаевъ, которыми выражалась его заботливость о страждущихъ, потому что они могли только проистекать изъ безпредѣльно нѣжнаго сердца. Мнѣ нерѣдко случалось находить у раненыхъ офицеровъ различнаго рода лакомства, не легко доступныя. На распросы мои, откуда достаются они, я постоянно получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «прислалъ Нахимовъ!» [1]).

При всей своей требовательности и строгости по службѣ, онъ былъ крайне простъ въ обращеніи со своими подчиненными, а потому пользовался безпредѣльною ихъ любовью и довѣріемъ.

«Онъ умѣлъ говорить съ матросами по *душѣ*, называя каждаго изъ нихъ при объясненіи *другъ*, и былъ дѣйствительно для нихъ другомъ. Преданность и любовь къ нему матросовъ не знали границъ. Всякій, кто былъ на севастопольскихъ бастіонахъ, помнитъ необыкновенный энтузіазмъ людей при ежедневныхъ появленіяхъ адмирала на батареяхъ: истомленные до-нельзя матросы, а съ ними и солдаты, воскресали при видѣ своего любимца, и съ новой силой готовы были творить и творить чудеса» [2]).

«Павелъ Степановичъ! Павелъ Степановичъ! зашумятъ бывало радостно матросы, и все флотское какъ будто охорашивается, ростетъ, желая показаться молодцоватѣе своему знаменитому адмиралу, герою Синопа. «Здравія желаемъ, Павелъ Степановичъ!» отзывается какой-либо смѣльчакъ изъ группы матросовъ, привѣтствуя своего любимаго, неспѣсиваго командира. «Все-ли здорово?» — «Здорово, Грядка, какъ видишь, добродушно отвѣтитъ Павелъ Степановичъ, слѣдуя далѣе.

«А что, Синопъ забылъ?» спрашиваетъ онъ другого. — «Какъ можно! Помилуйте, Павелъ Степановичъ; небось и теперь почесы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 54 и 55.

[2]) Тамъ же, стр. 180.

вается турокъ, усмѣхается матросъ.—«Молодецъ!» замѣтитъ Нахимовъ; либо, потрепавъ иного молодца по плечу, самъ завязываетъ несложный разговоръ, распрашивая о французахъ» [1]).

Разговоры эти съ нижними чинами Нахимовъ велъ ежедневно и не разъ допытывался до разумныхъ практическихъ совѣтовъ.

«Всякій матросъ говорилъ ему смѣло: нѣтъ, это не такъ. — Отчего же не такъ? говори!—А вотъ отъ чего.—Нахимовъ выслушивалъ, задумывался, и нерѣдко говорилъ спасибо толковитому матросу: «такъ, такъ, молодецъ, дѣлай такъ!» Ободрить, утѣшить бастіонныхъ, онъ первый...» [2]).

Немудрено послѣ этого, что «Нахимова матросы любятъ, какъ отца или добраго брата, и надѣятся на него, какъ на каменную гору, говоря, что пока живъ «Нахименко», не имѣть непріятелю въ своихъ рукахъ Севастополя» [3]).

Разсказываютъ, что когда Павелъ Степановичъ приближался къ бастіону, то на немъ слышались возгласы: «ребята, отецъ матросовъ идетъ» [4]).

Не меньше можно привести свидѣтельствъ о столь же благотворной дѣятельности другаго адмирала, Владиміра Ивановича Истомина. Чтобы быть краткими, приводимъ лишь слѣдующій общій отзывъ о его дѣятельности.

«Надо сказать правду, постоянная, необыкновенная дѣятельность Истомина достойна удивленія самихъ враговъ. И день, и ночь онъ на работѣ, и день, и ночь онъ готовъ къ смерти. Въ какое отличное состояніе Истоминъ привелъ Малаховъ курганъ! Какія всюду произведены работы, какіе траверсы нагромождены! Чистота, порядокъ, осторожность, дисциплина царствуютъ на курганѣ и всюду тамъ видна готовность къ борьбѣ и смерти. Курганъ — это корабль Истомина! И управляется-то онъ такимъ же точно порядкомъ, какъ корабль, тѣ же формы соблюдаются здѣсь, что̀ и тамъ, тѣ же условія жизни, что̀ и на кораблѣ, съ тою только разницею, что этотъ корабль самою природою поставленъ на незыблемомъ якорѣ, а между тѣмъ на немъ все-таки столько же работы экипажу, какъ если бы онъ былъ подъ парусами. Также вахты смѣняются здѣсь, что̀ и на кораблѣ; также царствуетъ языкъ корабля, введена морская терминологія при названіи различныхъ частей вооруже-

---

[1]) Рукописи, т. III, стр. 34.
[2]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, прилож., стр. 68.
[3]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 237.
[4]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, прилож., стр. 75.

нія и нѣкоторыхъ укрѣпленій; также господствуетъ рупоръ, также колоколъ бьетъ стклянки; та же здѣсь дѣятельность и бдительность, что̀ на кораблѣ у хорошаго командира»[1]).

Мы привели данныя о дѣятельности лишь этихъ двухъ главныхъ морскихъ героевъ Севастополя, чтобы дать понятіе, какое высокое значеніе для духа защитниковъ имѣли отдѣльные начальники оборонительной линіи, которые въ большинствѣ были изъ одной геройской семьи черноморцевъ и, слѣдуя примѣру главныхъ своихъ представителей, всѣ дѣйствовали въ томъ же духѣ и добивались тѣхъ же результатовъ въ дѣлѣ поддержанія нравственныхъ силъ гарнизона на крайне высокомъ уровнѣ.

Изъ заведенныхъ моряками на бастіонахъ порядкахъ нельзя не упомянуть о слѣдующемъ.

«На каждомъ бастіонѣ, гдѣ нибудь въ углу, помѣщались образа, и передъ ними день и ночь горѣло множество свѣчей. Картина эта, особенно ночью, во время страшной трескотни, растерзанныхъ труповъ, вздоховъ изувѣченныхъ страдальцевъ, какъ-то особенно дѣйствовала успокоительно...

«Каждую суботу и въ воскресенье утромъ являлся на бастіонъ священникъ служить вечерню и обѣдню»[2]).

Говоря о порядкѣ въ Севастополѣ, нельзя не упомянуть, что, со вступленіемъ въ начальствованіе надъ севастопольскимъ гарнизономъ генералъ-адъютанта Остенъ-Сакена, тамъ приняты были нѣкоторыя мѣры къ установленію полнаго внутренняго порядка, а то со времени смерти Корнилова въ общемъ управленіи гарнизономъ не было единства. Въ числѣ этихъ мѣръ мы встрѣчаемъ установленіе порядка относа раненыхъ съ оборонительной линіи и подачи имъ первой помощи; кромѣ того, было сдѣлано росписаніе числа рабочихъ съ каждаго отдѣленія и указано, чтобы рабочіе наряжались не отдѣльными командами, а, по возможности, цѣлыми ротами, со своими ротными командирами и офицерами[3]).

Не малое значеніе для духа и бодрости гарнизона имѣло пребываніе въ числѣ защитниковъ Севастополя Великихъ Князей.

«Въ трудную годину защиты Севастополя особенно утѣшительнымъ явленіемъ было посѣщеніе бастіоновъ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Нико-

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 170.
[2]) Рукописи, т. II, стр. 455 и 456.
[3]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 555.

лаевичами, прибывшими доблестно раздѣлить боевые труды и опасность вмѣстѣ съ подданными Своего Незабвеннаго Родителя.

«Вотъ Они, ясныя солнышки, соколики Наши! Провѣдать насъ пожаловали! Отъ Царя-Батюшки поклонъ привезли! Слышали, братцы?!» говаривали наши солдаты съ сіяющими лицами отъ радости.

«Великіе Князья, посѣщая бастіоны, постоянно и вездѣ удостоивали нашихъ солдатъ самыми теплыми непринужденными бесѣдами и объясненіями, отчего они бодрились и, такъ сказать, росли. Труды и лишенія на время забывались. Эта высокая милость къ намъ Государя, сказавшаяся въ присылкѣ Царственныхъ Сыновей своихъ въ составъ нашей семьи защитниковъ, право, въ стѣнахъ Севастополя было для насъ самою лучшею, драгоцѣннѣйшею наградою» [1]).

Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ про второй пріѣздъ Великихъ Князей въ январѣ: «Къ намъ пріѣхали сегодня, ночью, Великіе Князья; мы всѣ Ихъ ждали съ огромнымъ нетерпѣніемъ. Гарнизонъ и вообще всѣ войска Ихъ обожаютъ, и Они имѣютъ огромное вліяніе на ихъ духъ» [2]).

Дѣйствительно, обращеніе Ихъ было такое, что не могло не трогать подчиненныхъ и привязывало къ Нимъ душою всѣхъ защитниковъ Севастополя.

«Вообще, Ихъ Высочества чрезвычайно къ намъ милостивы. Ихъ недаромъ здѣсь считаютъ ангелами-утѣшителями. Не говоря уже о постоянныхъ заботахъ Ихъ о раненыхъ и больныхъ, нѣтъ случая, которымъ бы Они не воспользовались, чтобы оказать какое-либо благодѣяніе, помощь, даже услугу. Какъ внимательны Они, какъ вѣжливы со всѣми, какъ деликатны съ каждымъ! Къ другому генералу придешь по дѣлу, простоишь часъ, другой въ передней, пока удостоитъ принять, а къ Великимъ Князьямъ прямехонько иди въ покой, минуты не заставятъ ждать.

«Подпоручикъ Селенгинскаго полка Бѣлозерскій сегодня явился къ Великимъ Князьямъ за деньгами, Ими пожалованными раненымъ, оставшимся во фронтѣ; такъ Они его обласкали, просто какъ ровню! Подробно обо всемъ его распросили: о службѣ, о немъ самомъ, о его житьѣ-бытьѣ, о его семействѣ . . . . .; отпуская, приказали послѣ всякаго дѣла являться къ нимъ и докладывать о каж-

---

[1]) Рукописи, т. III, стр. 31 и 32.

[2]) Рукописи, т. II, стр. 314.

домъ оставшемся во фронтѣ, несмотря на рану, имъ полученную, чтобы передать такимъ молодцамъ награжденіе отъ Ихъ Высочествъ» [1]).

Немало утѣшенія и радости нашли защитники Севастополя въ достойной оцѣнкѣ Государемъ ихъ службы и въ царскихъ милостяхъ къ нимъ. Мы уже упоминали раньше о крайне милостивыхъ рескриптахъ Государя черноморскимъ морякамъ. Въ концѣ ноября Государь писалъ князю Меншикову:

«Считаю справедливымъ велѣть тебѣ объявить всѣмъ войскамъ, составляющимъ другой мѣсяцъ гарнизонъ Севастополя, какъ сухопутнымъ, такъ и морскимъ, что, въ признательность за ихъ безпримѣрное мужество, усердіе и труды въ теченіе сего времени, Я велѣлъ имъ зачесть *каждый мѣсяцъ за годъ службы*, по всѣмъ правамъ и преимуществамъ. Они это вполнѣ заслуживаютъ; объяви о томъ на 6-е декабря. Ты скупъ представлять къ наградамъ; прошу тебя, дай Мнѣ радость наградить достойныхъ. . . . . » [2]).

При всемъ боевомъ азартѣ, которымъ, какъ мы видѣли, были такъ сильно одушевлены наши войска, они не нарушали традиціонной русской незлобливости къ побѣжденному врагу. Не разъ можно было видѣть, какъ кто нибудь изъ охотниковъ, вернувшихся съ вылазки, угощалъ у себя въ землянкѣ захваченнаго имъ плѣннаго противника. Если же какой нибудь плѣнный выказалъ во время боя особую храбрость, то имъ интересовались и наши начальники, выказывая ему вниманіе и доставляя нѣкоторыя льготы. Эти и тому подобные случаи повели къ взаимному уваженію между противниками, которое впослѣдствіи съ французами перешло даже въ возможное сближеніе и симпатію. Это можно было наблюдать при временныхъ перемиріяхъ для уборки тѣлъ, когда наши и французскіе офицеры и солдаты сходились и, не ограничиваясь разговорами, взаимно угощали другъ друга.

Закончивъ выборкою фактовъ для выясненія моральнаго состоянія нашихъ войскъ въ это время и указавъ на главнѣйшія причины, поддерживавшія предпріимчивость и необыкновенную бодрость духа въ нашихъ войскахъ, перейдемъ теперь къ даннымъ о нравственномъ состояніи противника. Для этого прежде всего мы приведемъ разсказы иностранныхъ же писателей о положеніи ихъ армій въ описываемый зимній періодъ, а затѣмъ посмотримъ, по

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 260 и 261.

[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 187

какимъ наружнымъ признакамъ, замѣтнымъ для насъ въ то время, можно было составить себѣ вѣрное понятіе о положеніи противниковъ нашихъ.

«У французовъ не было топлива; не только все ростущее пошло на дрова, но даже корни деревьевъ и винограда. Снѣгъ былъ для французовъ сущимъ бѣдствіемъ. Отъ снѣга не спасали палатки: онъ пробивался въ малѣйшія щели, покрывалъ бѣдныхъ солдатъ, ожидавшихъ покоя хотя ночью, послѣ тяжелаго дневнаго труда. Весьма часто ихъ утромъ находили замерзшими—ихъ застывшее платье послужило имъ саваномъ. Но если еще эти палатки заняты здоровыми людьми, бѣдствіе еще не такъ велико; если же ихъ наполняютъ больные и раненые, страдающіе грудью или лихорадочные, одержимые поносомъ или лишившіеся члена, оторваннаго, либо отрѣзаннаго операторомъ!... Идетъ снѣгъ и какую же отъ него защиту представляетъ холщевая кровля!?...

«Англичане страдали еще гораздо больше. Въ этомъ году у нихъ еще не было такого благоустройства, какъ въ слѣдующемъ году. Застигнутые войною врасплохъ, они очень пострадали. Англійская армія, столь пострадавшая уже въ сраженіяхъ въ половинѣ декабря (нашего стиля), считала у себя больныхъ собственно подъ Севастополемъ около 3,500 челов., не считая 5,000, уже отправленныхъ въ Скутарійскіе госпитали. Почти всѣ генералы, открывшіе кампанію, сошли со сцены. Въ числѣ покинувшихъ армію видимъ Броуна, герцога Кембриджскаго, Кордигана, Каткарта, Лесси-Ивенса, Тильдена, Стронгвайса, Бентинга, Бюллера, Голди, Адамса, Торренса, Катара, Росса, примѣру которыхъ послѣдовали почти всѣ полковники и офицеры всѣхъ чиновъ и оружія. То же можно сказать и о солдатахъ, которые почти всѣ перемѣнились. Несчастные юноши, присылаемые изъ Англіи на смѣну старымъ солдатамъ, погибали, даже не побывавъ еще въ боевомъ огнѣ. Гвардейская бригада королевы, столь великолѣпная нѣкогда, состояла теперь не болѣе какъ изъ 950 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ прислугу, къ концу же января въ ея рядахъ было не болѣе 500 солдатъ! Подумайте, писалъ одинъ кореспондентъ редактору извѣстной газеты, каково должно быть подъ палаткою, поставленною на болотѣ, подъ которою отъ 12-ти до 14-ти несчастныхъ, мокрыхъ, прозябшихъ до костей, должны искать отдыха послѣ 12-ти-часоваго бодрствованія въ траншеѣ, наполненной водой или грязью! Подумайте, въ какомъ положеніи должны быть эти бѣдные люди

къ концу ночи, проведенной подъ такимъ кровомъ, не имѣя возможности перемѣнить промокшей одежды, подъ мокрымъ одѣяломъ».

Артилерійскій полковникъ Гамлей въ своей исторіи Севастопольской кампаніи такъ разсказываетъ о жалкомъ положеніи англійской арміи въ это время: «Въ декабрѣ и январѣ число больныхъ въ англійскомъ лагерѣ считалось отъ 2,000 до 3,000, а считая съ отосланными въ Балаклаву, Скутари и Англію (не считая убитыхъ и раненыхъ) число больныхъ доходило до 14,000. Прибывавшія подкрѣпленія не могли пополнить такой убыли, а между тѣмъ необходимость охранять траншеи не исчезала, и солдаты бывали вынуждены иногда безсмѣнно оставаться въ нихъ по трое сутокъ. Кромѣ того, для продовольствія осаднаго корпуса необходимо было доставлять ежедневно изъ Балаклавы провизію, такъ какъ осадныя работы были такого рода, что, до конца декабря, транспортныя средства не позволяли запасать продовольствія на день впередъ. Поэтому, ежедневно измученные люди и лошади вынуждены были путешествовать по грязи и слякоти изъ Балаклавы въ лагерь и обратно, а иногда ожидать по колѣно въ грязи своей очереди приступить къ пріемкѣ. Часто случалось, что нѣкоторыя дивизіи по два дни не получали порцій рома и говядины, и вынуждены бывали питаться кофе и сухарями; также часто приходилось солдатамъ довольствоваться половинною порціею продовольствія».

«Но если печально было положеніе французовъ и ужасно положеніе англичанъ, то положеніе турокъ было плохо до чрезвычайности. Мусульманскіе лазареты, по словамъ очевидца, скорѣе были похожи на кладбища, чѣмъ на мѣста, устроенныя для облегченія страданій. Суровость зимы и постоянные труды тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на турокъ и туниссцевъ, что они привыкли къ другой жизни, къ другому, пламенному небу» [1]).

Конечно, столь подробно состояніе непріятельскихъ армій не могло быть извѣстно у насъ въ то время, но все-таки были признаки деморализаціи и упадка духа у противника, которые не могли не обратить на себя вниманія. Не говоря уже о томъ, что боевая дѣятельность непріятеля на осадномъ фронтѣ почти совсѣмъ прекратилась, въ особенности у англичанъ. Никакой энергіи въ дальнѣйшемъ продолженіи и движеніи впередъ осадныхъ работъ не было замѣтно, огонь поддерживался лишь весьма слабый, да и тотъ только навѣсный. Но главнымъ явленіемъ, выдававшимъ состояніе

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 182 и 183.

противника, было умноженіе перебѣжчиковъ, которые, не жалѣя красокъ, описывали состояніе своихъ войскъ:

«Болѣзни и лишенія вредно дѣйствовали на состояніе духа и въ рядахъ непріятельской арміи не видно было уже и слѣдовъ прежней веселости. Неудовольствіе и безнадежность господствовали въ союзныхъ лагеряхъ и число перебѣжчиковъ на нашу сторону съ каждымъ днемъ увеличивалось. Цѣлыми толпами передавались намъ солдаты, и, приходя часто съ отмороженными оконечностями и ногами, обернутыми сѣномъ или соломою, вызывали къ себѣ истинную жалость и соболѣзнованіе. Они голодали и холодали въ своемъ лагерѣ и искали спасенія въ великодушіи непріятеля. Съ появленіемъ перебѣжчиковъ на нашихъ бастіонахъ и батареяхъ, ихъ принимали радушно, по русскому обычаю вели въ баню, тутъ же устроенную, обмывали и одѣвали, поили и кормили и затѣмъ отправляли на сѣверную сторону.

«Днемъ 25-го декабря перебѣжало къ намъ шесть человѣкъ и, сверхъ того, многіе были убиты своими выстрѣлами, пущенными въ догонку. Англичане были одѣты въ драповые плащи, вмѣсто потонувшихъ полушубковъ, а французы украшали себя фесками и имѣли на ногахъ обувь, сдѣланную изъ барабанной шкуры. Бѣжавшіе показывали, что въ рядахъ союзниковъ слышится ропотъ и начальство утѣшаетъ ихъ увѣреніями, что въ непродолжительномъ времени будетъ заключенъ миръ или предпринятъ штурмъ. Никто не вѣритъ этимъ обѣщаніямъ и многочисленныя письма изъ Крыма убѣждали англичанъ и ихъ правительство, что хотя союзники и стоятъ подъ Севастополемъ, но осады не существуетъ, батареи замолкли, а армія истощена отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и лишеній. Англійская армія, доносилъ Канроберъ императору, испытываетъ лишенія и дѣйствительныя страданія, которыя отстранить, къ несчастію, не въ моей власти; числительность ея войскъ такъ быстро ослабѣваетъ, лошади обозныя и кавалерійскія такъ изнурены и число ихъ до того уменьшилось, что англичане едва успѣваютъ подвозить въ свои лагери съѣстные припасы, и не имѣютъ поэтому никакой возможности, несмотря на наше содѣйствіе, вооружать свои батареи надлежащимъ образомъ, чтобы дѣйствовать успѣшно и одновременно съ нами».

«Очевидно было, прибавляетъ къ этому баронъ Базанкуръ въ своей исторіи Крымской войны, что храбрость англичанъ осталась прежнею, но они, не будучи въ состояніи бороться съ суровостью зимы и ежедневными трудами, заболѣвали и умирали въ такомъ

множествѣ, что можно было опасаться за самое существованіе арміи».

«Словомъ сказать, положеніе союзниковъ было таково, что, по собственному ихъ сознанію, они могли считать себя счастливыми, если успѣютъ продержаться на занятыхъ ими позиціяхъ до наступленія весны и прибытія подкрѣпленій. Они сознавали, что энергическое наступательное движеніе съ нашей стороны могло имъ стоить дорого и благодарили судьбу, обрекшую русскую армію на бездѣйствіе» [1]).

Невольно напрашивается вопросъ, въ чемъ же была эта роковая судьба?

Мы видѣли, что наша армія была преисполнена боеваго азарта, и каждый изъ солдатъ только и мечталъ сразиться съ противникомъ. Люди были полны энергіи, предпріимчивости, отваги и напрасно тратили эти доблести свои на мелкія предпріятія, разрѣшаемыя имъ начальствомъ, но не приносившія никакихъ серьезныхъ результатовъ по малости вреда, наносимаго ими противнику. Сравнивая состояніе моральныхъ силъ обѣихъ армій, нельзя не видѣть полнаго превосходства на нашей сторонѣ, гдѣ наступательные инстинкты людей не имѣли исхода и удовлетворенія, и зачастую потому безцѣльно тратились на совсѣмъ ненужные подвиги, стоившіе не одной молодецкой головы.

Можетъ быть, скажемъ мы, матеріальное состояніе силъ было слишкомъ въ пользу союзниковъ?

По всѣмъ даннымъ и численное превосходство за этотъ періодъ было на нашей сторонѣ. Историки не даютъ въ этомъ отношеніи точныхъ цифръ, но по сопоставленіи ихъ выходитъ, что союзники считали въ своихъ рядахъ отъ 40,000—65,000, а у князя Меншикова было 85,000» [2]).

Послѣ всего сказаннаго, остается искать причину отсутствія съ нашей стороны серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій въ теченіи зимы въ недостаткѣ энергіи и рѣшимости въ главномъ руководителѣ дѣйствій нашихъ войскъ. Попробуемъ прослѣдить поэтому по перепискѣ, словамъ, мнѣніямъ и распоряженіямъ нашего главнокомандующаго, соотвѣтствовало-ли моральное его настроеніе высокому нравственному уровню ввѣренныхъ ему войскъ. Понималъ-ли онъ и поддерживалъ-ли онъ эти нравственныя силы? Вѣрилъ-ли

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 347 и 348.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 352 и М. Богдановичъ, т. III, стр. 189.

онъ войскамъ и ихъ ближайшимъ начальникамъ и принималъ-ли онъ со своей стороны какія-нибудь мѣры для укрѣпленія духа въ своихъ войскахъ и личныхъ нравственныхъ связей съ ними? Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе безпорядокъ, царствовавшій въ управленіи Крымскою арміею, который сталъ еще чувствительнѣе и нагляднѣе съ увеличеніемъ числа войскъ. Не было порядка даже и въ самомъ Севастополѣ, гдѣ, послѣ смерти Корнилова, не оказалось человѣка, способнаго объединить дѣятельность всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ и гдѣ явилось слѣдующее положеніе:

«Генералъ Моллеръ никуда изъ своей квартиры не выходилъ, никому никакихъ приказаній не отдавалъ и даже не получалъ извѣщенія о важнѣйшихъ на оборонительной линіи событіяхъ. Каждый начальникъ отдѣленія дѣйствовалъ самостоятельно, по собственному своему соображенію, и обращался къ начальнику гарнизона только въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо вѣдомство не съ желаемою быстротою и исправностью доставляло на бастіоны слѣдующіе отъ него предметы снабженія. Тотлебенъ былъ душою всей дѣятельности гарнизона: онъ соображалъ и распредѣлялъ предстоящія работы по исправленію верковъ и сооруженію новыхъ укрѣпленій, разсчитывалъ съ начальниками отдѣленій нужное на то количество рабочихъ, указывалъ, на какіе пункты слѣдуетъ направлять нашъ артилерійскій огонь. Адмиралъ Нахимовъ вѣдалъ свою часть, т. е. распоряжался флотскими экипажами. Капитанъ-лейтенантъ Поповъ съ помощникомъ своимъ капитаномъ Пестичемъ завѣдывалъ снабженіемъ морской артилеріи всѣми потребностями; генералъ-лейтенантъ Сикстель распоряжался орудіями сухопутнаго вѣдомства, разметанными кое-гдѣ по бастіонамъ. Цѣлаго, общаго ничего не было во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, исходящихъ изъ разныхъ источниковъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ, другъ друга не знающихъ и даже въ нѣкоторой степени другъ другу враждебныхъ. Такъ, напримѣръ, гарнизонная артилерія, рутинно придерживавшаяся обычной бюрократической формальности, постоянно сталкивалась съ требованіями начальниковъ отдѣленій и бастіоновъ, возбуждая неудовольствіе и недоброжелательность морскаго вѣдомства, коего офицеры командовали почти всѣми батареями; отсюда — пререканія и споры тамъ, гдѣ нужно было дѣйствовать. Штабъ начальника гарнизона, вмѣсто того, чтобы устранять такія столкновенія, не сдѣлалъ ничего и поддерживалъ, такимъ образомъ, возникшій хаосъ своею апатіею [1]).

[1]) Записки князя В. И. Васильчикова. «Русск. арх.» 1891 г. № 6, стр. 209 и 210.

Но подобное положеніе въ Севастополѣ, казалось, или не замѣчалось, или считалось естественнымъ княземъ Меншиковымъ, по крайней мѣрѣ, онъ только въ концѣ ноября назначилъ новаго и болѣе дѣятельнаго начальника штаба гарнизона, да и то «впослѣдствіи оказалось, что онъ только подчинился настоятельному требованію Великихъ Князей, для которыхъ неурядица и отсутствіе всякаго распоряженія по гарнизону стали фактомъ несомнѣннымъ» [1]).

Немудрено, что главнокомандующій обращалъ мало вниманія на указанный выше порядокъ дѣлъ въ Севастополѣ, такъ какъ у него у самаго въ дѣлѣ управленія арміею было не больше порядка, и если тамъ затрудненія происходили отъ обилія отдѣльныхъ начальниковъ, то въ арміи было наоборотъ. Меншиковъ, стоя одинъ во главѣ арміи, безъ организованнаго штаба, страдалъ отъ отсутствія довѣренныхъ исполнителей. Дѣлая лично все дѣло, онъ, конечно, не могъ ни поспѣть все сдѣлать, ни предусмотрѣть всего необходимаго. Понятно, что такое положеніе вещей не могло не отражаться на всемъ управленіи арміею, которая сдѣлалась уже довольно многочисленною, и вело за собою неурядицы и безпорядки въ дѣлѣ продовольствія войскъ, а въ особенности въ госпитальной части.

Причины столь долгаго несформированія штаба для крымской арміи видны изъ слѣдующаго письма военнаго министра къ князю Горчакову:

«Вы мнѣ говорите о сформированіи этого штаба; я не желаю ничего лучшаго, но, несмотря на истинно дружескія отношенія, въ которыхъ мы находимся съ княземъ Меншиковымъ, весьма трудно удовлетворить его вкусу. Ему посылаютъ лучшихъ офицеровъ и опытныхъ чиновниковъ и, однакоже, это не приводитъ ни къ чему. Если вы находитесь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Меншиковымъ, не можете-ли внушить ему какую-нибудь хорошую мысль» [2]).

Только въ самомъ началѣ ноября главнокомандующій избралъ и назначилъ себѣ начальникомъ штаба генерала Семякина, и тотъ съ энергіею принялся за работу, но работа эта была нелегкая. Въ письмѣ его отъ 15-го ноября мы читаемъ:

«Здоровье мое, благодаря Богу, кое-какъ держится, трудовъ такъ много, что я самъ удивляюсь, какъ меня хватаетъ, видно милость Пресвятой, она укрѣпляетъ; да, такъ много дѣлъ, что и законъ

---

[1]) Записки князя В. И. Васильчикова. «Русск. арх.» 1891 г. № 6, стр. 208 и 209.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 313.

раздѣлилъ на четырехъ генераловъ, а я одинъ и то едва сформировалъ неполный штатъ, ибо свѣтлѣйшій и слышать не хочетъ о штабѣ, какой долженъ быть въ арміи; «обойдемся» — вотъ его слова» [1]).

Съ назначеніемъ генерала Семякина порядокъ въ арміи сталъ понемного появляться, и въ началѣ декабря Великій Князь Николай Николаевичъ писалъ уже Государю: «Семякинъ идетъ шагъ за шагомъ, и тамъ, гдѣ ничего не было, все приходитъ въ стройность и порядокъ...» [2]).

Въ остальномъ все шло въ арміи по старому; по прежнему главнокомандующій не довѣрялъ своимъ войскамъ, не принималъ никакихъ мѣръ для сближенія съ ними и для благотворнаго вліянія на ихъ нравственный духъ, не довѣряясь подчиненнымъ начальникамъ и тѣмъ не вызывалъ ихъ идти своею дѣятельностью на встрѣчу его предначертаніямъ и на пользу и славу арміи.

Послѣ Инкерманскаго сраженія, неудачу котораго, какъ мы видѣли, далеко нельзя приписать неумѣлымъ или недостаточно хорошимъ дѣйствіямъ нашихъ войскъ, мнѣніе о нихъ главнокомандующаго не измѣнилось.

« — Доложите князю М. Д. Горчакову, говорилъ князь Меншиковъ, отправляя Столыпина, присланнаго къ нему изъ южной арміи, что я не рѣшаюсь атаковать непріятеля съ нашею пѣхотою, которая получала въ годъ только по два боевыхъ патрона, и съ кавалеріею, которая послѣ сраженія при Полтавѣ не сдѣлала ни одной порядочной атаки» [3]).

Для сближенія съ войсками и пріобрѣтенія ихъ привязанности князь Меншиковъ не пользовался даже такою обыденною мѣрою, какъ тароватое и скорое вознагражденіе за службу, по крайней мѣрѣ въ письмахъ къ нему Государя отъ 14-го — 15-го ноября, 23-го ноября и 31-го января мы находимъ слѣдующія фразы:

«Пожалуй, не забудь представить о наградахъ; пора воздать по заслугамъ» [4]).

«Благодарю тебя, что ты не упустилъ наградить главныхъ виновниковъ подвиговъ 24-го числа, нашихъ молодецкихъ солдатиковъ. Не могъ безъ слезъ читать, что дѣти мои про нихъ пишутъ, и Стюрлеръ разсказывалъ про матросовъ—что̀ за богатыри! Награж-

---

[1]) Рукописи, т. III, стр. 124.
[2]) Тамъ же, стр. 121.
[3]) Н. Дубровинъ, стр. 352.
[4]) Тамъ же, стр. 325.

дай ихъ щедро и часто; они точно сего заслуживаютъ, да и объ офицерахъ желаю представленія» [1]).

«Немедли наградами достойныхъ и старайся поддерживать этимъ духъ и соревнованіе всѣхъ» [2]).

Подобное же свидѣтельство мы имѣемъ и въ письмѣ Великаго Князя Николай Николаевича Государю о дѣятельности новаго начальника штаба—Семякина: «...а что поразительно, это то, что онъ успѣлъ свѣтлѣйшаго сдѣлать щедрымъ на награды—герои день ото дня выростаютъ» [3]).

Въ отношеніяхъ и мнѣніяхъ своихъ о начальникахъ главнокомандующій высказывалъ столь же мало довѣрія:

«Онъ просилъ князя М. Д. Горчакова поручить кому-нибудь постройку крѣпостцы въ Перекопѣ, ссылаясь на то, что у него нѣтъ ни генераловъ, ни офицеровъ, ни даже войскъ, способныхъ къ битвѣ. Князь Меншиковъ говорилъ, что на подкрѣпленіе его силъ посылаются одни только резервы, т. е. «нѣсколько тысячъ необученныхъ людей, въ жизнь свою не заряжавшихъ ружья, и подъ командою неопытныхъ офицеровъ».

«— Позвольте вамъ сказать, отвѣчалъ на это князь Михаилъ Дмитріевичъ, что вы несправедливы къ вашимъ генераламъ. У васъ цвѣтъ арміи: Сакенъ, мой братъ, Нахимовъ, Липранди, Врангель, Семякинъ и Баумгартенъ—все люди усердные и способные, но до извѣстной, конечно, степени. Они могутъ быть очень полезны въ совѣтѣ и въ дѣлѣ, но нужно терпѣливо обсуждать и послѣ уже отдавать рѣшительныя приказанія» [4]).

Но могъ-ли главнокомандующій воспользоваться дарованіями и опытностью своихъ подчиненныхъ, когда про его отношенія къ знающимъ и самостоятельнымъ начальникамъ разсказываютъ слѣдующее:

«Говорятъ, что князь Меншиковъ съ барономъ Остенъ-Сакеномъ начинаютъ очень не ладить, и Сакенъ что-то начинаетъ сказываться больнымъ. И не мудрено, что между этими генералами произойдетъ полный разладъ: Сакенъ человѣкъ способный, крайне самостоятельный, съ извѣстной военной репутаціей, не мелкая сошка въ военной іерархіи и не позволитъ играть собою, какъ пѣшкою. Меншиковъ—эгоистъ великій, гордый и самолюбивый до чрезвы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 330.
[2]) Тамъ же, стр. 361.
[3]) Рукописи, т. III, стр. 129.
[4]) Н. Дубровинъ, стр. 336 и 337.

чайности—я его не знаю вовсе, но такъ про него всѣ говорятъ, онъ терпѣть не можетъ никого, кто въ какой-либо степени могъ бы раздѣлить съ нимъ власть и значеніе, или про кого могутъ только сказать, что онъ вполнѣ полезный дѣлу человѣкъ и можетъ быть хорошимъ помощникомъ главнокомандующаго. Прибывающихъ въ его армію людей съ такою репутаціей онъ чуть не прогоняетъ отъ себя» [1]).

Въ обращеніи съ начальниками даже и крупными, главнокомандующій мало щадилъ личное ихъ самолюбіе и ставилъ ихъ иногда въ положеніе обидное, даже передъ глазами подчиненныхъ имъ войскъ. Конечно, этимъ нарушалась связь между начальниками и войсками и подрывалось въ послѣднихъ довѣріе къ первымъ. Послѣдствіемъ же этого не могла не являться потеря энергіи въ дѣятельности таковаго начальника и нарушеніе нравственнаго элемента въ войскахъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ примѣръ. Наиболѣе рельефнымъ въ этомъ отношеніи случаемъ было рѣшеніе и приступъ къ атакѣ Евпаторіи.

Въ концѣ января, какъ извѣстно, была сдѣлана неудачная попытка овладѣть Евпаторіею; мотивами къ рѣшенію ея выставляютъ слѣдующія.

«Давно уже высадки, тамъ происходившія, возбуждали опасенія Меншикова, насчетъ возможности движенія союзниковъ оттуда къ Перекопу; но, по всей вѣроятности, не столько эти обстоятельства, сколько постоянныя требованія Государя — открыть рѣшительныя дѣйствія, побудили нашего главнокомандующаго къ такому предпріятію, которое, оставляя въ неизмѣнномъ положеніи борьбу подъ Севастополемъ, имѣло видъ перехода къ наступленію» [2]).

Наблюденіе за Евпаторіею, какъ извѣстно, съ осени было поручено боевому и опытному генералу К. Е. Врангелю, который, какъ мы выше видѣли, считался въ числѣ лучшихъ генераловъ нашей арміи. Ему-то князь Меншиковъ и поручилъ выработать планъ атаки города. Упомянемъ, что къ этому времени непріятель значительно усилилъ свои войска въ Евпаторіи высадкою туда вновь прибывшаго турецкаго корпуса Омера-паши.

Баронъ Врангель, составивъ проектъ атаки, высказался противъ этого нападенія, не обѣщавшаго, по его мнѣнію, большаго

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 234.
[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 213.

успѣха и выгоды. Вызванный въ Севастополь баронъ Врангель вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба, подполковникомъ Батезатулъ, подробно изложилъ на словахъ причины такого рѣшенія, но «...главнокомандующій не призналъ ихъ достаточно сильными, чтобы отложить задуманное предпріятіе, и приказалъ барону Врангелю вновь сдѣлать рекогносцировку города, и затѣмъ представить свое мнѣніе. Съ намѣреніемъ же возбудить въ этомъ генералѣ бо́льшую рѣшимость и «придать ему полную энергію», свѣтлѣйшій отправилъ въ евпаторійскій отрядъ генерала Хрулева, съ назначеніемъ «начальникомъ артилеріи и штаба всѣхъ войскъ, которыя должны участвовать въ евпаторійской экспедиціи» [1]).

Генералъ Хрулевъ былъ одинъ изъ вновь прибывшихъ въ распоряженіе князя Меншикова изъ южной арміи и, не имѣя никакого дѣла и командованія, усиленно добивался послѣдняго. О немъ князь Горчаковъ писалъ главнокомандующему слѣдующее:

«У меня онъ состоялъ при Шильдерѣ и продѣлывалъ прошедшею весною на Дунаѣ разныя штуки, которыя были намъ нужны. Это бравый молодецъ, не особенно умный (qui n'a pas beaucoup de tête), но очень храбрый и предпріимчивый. Будучи артилеристомъ и въ школѣ у Шильдера, онъ можетъ съ успѣхомъ строить у васъ временныя, береговыя батареи, дѣлать съ артилеріею экспедиціи вдоль морскаго берега, чтобы стрѣлять по непріятельскимъ судамъ, и т. п. Онъ очень смѣлъ, дѣятеленъ и сдѣлаетъ все, что вы скажете, лишь бы ему было объяснено, что отъ него требуютъ» [2]).

Произведя вторичную рекогносцировку совмѣстно съ генераломъ Хрулевымъ, генералъ Врангель доносилъ: «...что не можетъ отвѣчать за послѣдствія предпріятія, не обѣщавшаго никакого успѣха». «Начинать это важное дѣло, говорилъ онъ, я не могу рѣшиться безъ вѣрной надежды на успѣхъ. А потому, если вашей свѣтлости угодно будетъ мнѣ формально предписать, я предприму нападеніе и употреблю всѣ усилія, чтобы достигнуть цѣли» [3]).

Получивъ это донесеніе, главнокомандующій отмѣнилъ атаку, но вслѣдъ затѣмъ измѣнилъ свое рѣшеніе, получивъ слѣдующее донесеніе генерала Хрулева:

«До моего пріѣзда, генералъ Врангель осмотрѣлъ позицію и призналъ брать Евпаторію невозможнымъ. Я сего числа при ре-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 369.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 337.
[3]) Тамъ же, стр. 372.

когносцировкѣ убѣдился, что городъ Евпаторію взять возможно и *ручаюсь за совершенный успѣхъ*, и почтительнѣйше прошу о слѣдующемъ: 1) кратковременное командованіе отрядомъ для взятія Евпаторіи *поручить мнѣ*; 2) разрѣшить назначить избранныхъ мною помощниковъ: начальникомъ штаба — флигель-адъютанта полковника Волкова, начальникомъ артилеріи—полковника Шейдемана; генералъ-маіора Огарева назначить командовать бригадою пѣхоты по моему усмотрѣнію» [1]).

Полковникъ же Волковъ, между прочимъ, доносилъ:

«Вмѣстѣ съ симъ долгомъ считаю довести до вашей свѣтлости, *что генералъ Хрулевъ убѣжденъ въ полномъ успѣхѣ сего дѣла, если ему поручатъ командованіе симъ отрядомъ, а никакъ не предполагаетъ имѣть большую потерю*» [2]).

Получивъ два, столь разнорѣчивыя, заключенія, князь Меншиковъ не провѣрилъ эти оба показанія и предпочелъ мнѣніе человѣка, только разъ бывшаго на мѣстѣ, мнѣнію опытнаго боеваго генерала, съ осени находившагося передъ Евпаторіею и изучившаго до мельчайшихъ подробностей всѣ мѣстныя обстоятельства. Кромѣ того, онъ рѣшается взять временно изъ подчиненія генерала Врангеля всю его пѣхоту и отдать этотъ отрядъ въ самостоятельное подчиненіе генерала Хрулева, согласившись въ то же время на назначеніе въ эти войска нѣсколькихъ лицъ, совершенно незнакомыхъ войскамъ, но которыхъ генералъ Хрулевъ желалъ имѣть у себя подъ командою.

Барону Врангелю главнокомандующій писалъ:

«Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ 27-го числа дѣлалъ рекогносцировку Евпаторіи; *былъ въ 450 саженяхъ* отъ строющихся укрѣпленій и по *тщательномъ обзорѣ* находитъ въ настоящее время возможнымъ взять этотъ городъ и даже съ небольшою потерею.

«Какъ уничтоженіе въ началѣ строющихся укрѣпленій и разрушеніе могущаго впослѣдствіи быть крѣпкаго пункта есть дѣло весьма важное, то я поручаю генералу Хрулеву эту экспедицію и прошу ваше превосходительство пріостановить обратное движеніе частей войскъ, передать пѣхоту въ вѣдѣніе генералъ-лейтенанта Хрулева, на котораго и возлагаю взятіе и разрушеніе Евпаторіи» [3]).

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 374.
[2]) Тамъ же.
[3]) Н. Дубровинъ, стр. 376.

Выходитъ такимъ образомъ, какъ будто генералъ Врангель не рѣшился близко подъѣхать къ Евпаторіи, занятой непріятелемъ, и поэтому не могъ произвести тщательнаго обзора; предоставляемъ судить читателю, какъ должны были подобныя слова отразиться на дальнѣйшей энергіи боеваго и опытнаго генерала.

Убѣжденный въ предстоящей неудачѣ атаки на Евпаторію и предвидя возможность со стороны противника перехода въ наступленіе, генералъ Врангель:

«Оставшись распорядителемъ лишь небольшой части кавалеріи и сохраняя званіе начальника блокаднаго корпуса, на обязанности котораго лежало обезпеченіе сообщеній, спрашивалъ главнокомандующаго, кто долженъ распоряжаться войсками, въ случаѣ покушенія непріятеля на какомъ-либо пунктѣ. Князь Меншиковъ отвѣчалъ, что обязанности его не измѣняются и что Хрулевъ долженъ находиться въ полной его зависимости; но, по странной случайности, бумага эта, подписанная главнокомандующимъ 2-го февраля, была получена барономъ Врангелемъ только тогда, когда дѣло подъ Евпаторіею состоялось и дѣятельность Хрулева окончилась» [1]).

Какъ извѣстно, попытка взять Евпаторію не имѣла успѣха и привела только къ напрасной потерѣ въ 769 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя.

«По началу дѣла Хрулевъ уже видѣлъ, что взять Евпаторію невозможно, что городъ обнесенъ прочнымъ валомъ и гарнизонъ весьма значителенъ и что, наконецъ, стоявшія на рейдѣ непріятельскія суда могутъ своими выстрѣлами избороздить городъ и его окрестности по всѣмъ направленіямъ. По симъ причинамъ, доносилъ онъ князю Меншикову, и, предвидя, что при овладѣніи городомъ будетъ потери *до семи тысячъ* человѣкъ, несмотря на просьбу солдатъ дозволить идти вторично на штурмъ, *считая начало дѣла усиленною рекогносцировкою*, я въ 10 часовъ утра рѣшился прекратить бой» [2]).

И все это произошло только потому, что «князь Меншиковъ предпочелъ мнѣніе Хрулева, какъ человѣка, бравшаго на себя всю отвѣтственность въ случаѣ неудачи и дававшаго главнокомандующему слишкомъ много, въ случаѣ успѣха» [3]).

Вотъ какія причины могли побудить главнокомандующаго на-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 377.
[2]) Тамъ же, стр. 374.
[3]) Тамъ же, стр. 375.

нести столь жестокій ударъ самолюбію одного изъ самыхъ достойныхъ начальниковъ его арміи. Служили-ли подобные случаи, спросимъ мы, усиленію или расшатыванію нравственнаго элемента въ арміи? Могли-ли, напримѣръ, войска блокаднаго корпуса у Евпаторіи продолжать относиться съ необходимымъ боевымъ довѣріемъ къ своему начальнику, когда они видѣли, что для предпринятаго крупнаго боеваго дѣла у этого начальника отбирались изъ подъ команды почти всѣ войска и ввѣрялись вновь присланному изъ главной квартиры генералу?

Приведемъ еще слѣдующій примѣръ. Послѣ сраженія подъ Инкерманомъ князь Меншиковъ писалъ князю Горчакову объ одномъ изъ начальниковъ дивизіи: «П..., о которомъ отзывались какъ о храбрецѣ, исполнился такой паники, что я, въ предупрежденіе перехода ея на другихъ, долженъ былъ удалить его изъ Севастополя» [1]).

А въ началѣ февраля, когда противникъ перенесъ свою главную атаку противъ Малахова кургана, этотъ же самый генералъ былъ назначенъ начальникомъ всѣхъ сухопутныхъ войскъ Корабельной стороны.

Какое же изъ этого можно вывести заключеніе. Или первоначальное обвиненіе генерала было легкомысленное, основанное на интригахъ и сплетняхъ, и тогда главнокомандующій держалъ, значитъ, понапрасну подъ столь тяжкимъ, даже для всякаго рядоваго, обвиненіемъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ одного изъ крупныхъ начальниковъ своей арміи. Или онъ считалъ ни во что нравственный элементъ и полагалъ возможнымъ, чтобы войсками продолжалъ командовать начальникъ съ подобною репутаціею. Обоихъ этихъ случаевъ намъ кажется достаточнымъ, чтобы понять, почему главнокомандующій не находилъ и не могъ найти въ ввѣренной ему арміи надежныхъ и преданныхъ ему начальниковъ.

Для болѣе полной обрисовки обстановки въ этомъ періодѣ атаки и обороны Севастополя скажемъ нѣсколько словъ о настроеніи самаго князя Меншикова.

Мы видѣли выше, что Инкерманское сраженіе произвело на князя Меншикова самое удручающее впечатлѣніе. Послѣ него онъ считалъ потерянымъ не только дѣло обороны Севастополя, но и всего Крымскаго полуострова, и не принялъ соотвѣтствующихъ этому убѣжденію мѣръ только потому, что противникъ ничего не

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 312.

предпринималъ со своей стороны. На повѣрку же оказалось, что нравственныя силы въ нашихъ войскахъ были далеко не расшатанными и, во всѣхъ своихъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ, войска наши выказывали самымъ рельефнымъ образомъ высокій уровень своего нравственнаго духа. Напротивъ того, противникъ оказался съ поколебленными моральными силами. Наступившая затѣмъ осень и зима еще пагубнѣе отразились на его состояніи и довели его почти до полнаго разстройства.

«Подкрѣпленія наши, говорили англичане, служатъ только для умноженія больныхъ въ лазаретахъ и числа погребаемыхъ. Несчастные пріѣзжаютъ къ намъ во время проливныхъ дождей и высаживаются въ глубокую грязь, часто не имѣя даже пищи. Это разстройство ведетъ ихъ въ госпиталь или могилу. Въ нѣкоторыхъ полкахъ нѣтъ врачей, въ другихъ нѣтъ медикаментовъ. 46-й полкъ вышелъ на берегъ 10-го ноября въ числѣ 706 человѣкъ. Полкъ этотъ не былъ въ дѣлѣ противъ непріятеля и уже потерялъ 114 человѣкъ и имѣетъ 257 больныхъ. Наши войска совершенно упали духомъ и представляютъ только сбродъ людей въ лохмотьяхъ, въ грязи и въ нищетѣ» [1]).

Англичане впослѣдствіи признавались сами, что «въ случаѣ сильной атаки русскихъ у насъ были сдѣланы распоряженія объ отступленіи въ Балаклаву для амбаркаціи, и рѣшено было бросить артилерію, какъ осадную, такъ и полевую, по совершенному неимѣнію лошадей, а укрѣпленія передъ Балаклавою защищать штуцерами» [2]).

Немало признаковъ подобнаго состоянія противника, какъ мы видѣли выше, можно было уловить изъ всей обстановки поведенія противника въ теченіи зимы человѣку понимающему и обращающему вниманіе на нравственный элементъ. Вглядись нашъ главнокомандующій поближе во всю обстановку этого періода борьбы подъ Севастополемъ, онъ не могъ бы не убѣдиться въ этомъ, какъ и въ томъ, что, съ другой стороны, наши войска были вполнѣ готовы для продолженія и веденія самой энергичной борьбы и жаждали только возможности перейти въ рѣшительное наступленіе.

Съ другой стороны, Государь и князь Горчаковъ почти въ каждомъ письмѣ настойчиво указывали князю на подобное положеніе и настаивали, если не на переходѣ въ рѣшительное наступленіе

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 353.

[2]) Тамъ же, стр. 351 и 352.

всѣми силами, то на полной возможности и умѣстности начать серьезныя контръ-апрошныя работы. И, конечно, эти контръ-апроши были бы гораздо своевременнѣе зимою при полной бездѣятельности, разстройствѣ и апатіи противника, чѣмъ въ началѣ февраля, когда онѣ были предприняты, ибо въ это время союзники, съ наступленіемъ весны, сами оживились, получили подкрѣпленія и перешли къ энергической дѣятельности.

Но князь Меншиковъ, какъ мы видѣли, не довѣрялъ своимъ войскамъ, не вѣрилъ въ способности подчиненныхъ ему начальниковъ, не искалъ сближенія и установленія нравственныхъ связей со своими войсками и часто принималъ мѣры, могущія служить къ умаленію, а не къ возвеличенію нравственныхъ силъ въ войскахъ.

Откуда же ему было почерпнуть рѣшимости на энергическія и наступательныя дѣйствія?

Итакъ, непониманіе и невниманіе къ нравственному элементу привело къ тому, что самое выгодное время для пораженія противника было упущено.

VII.

Оживленіе дѣятельности подъ Севастополемъ. Контръ-апроши. Штурмъ 6-го іюня.

Зима, какъ мы видѣли, самымъ пагубнымъ образомъ отразилась на войскахъ союзниковъ и, въ особенности, англійская армія, понеся значительныя потери, пришла въ совершенное разстройство. Работы англичанъ совсѣмъ почти не подвигались впередъ и имъ не подъ силу было уже поддерживать и продолжать ихъ на всемъ занятомъ ими сначала участкѣ. Поэтому, еще въ началѣ января, французы, какъ болѣе многочисленные, пришли къ нимъ на помощь и заняли одною бригадою англійскія работы праваго участка на Киленъ-балочномъ хребтѣ, противъ Малахова кургана.

Въ январѣ союзники начали получать новыя подкрѣпленія и, не считая турецкой дивизіи Омера-паши, высадившейся въ Евпаторіи, къ концу января силы ихъ были доведены до 80,650 человѣкъ французскихъ войскъ и 43,000—англійскихъ [1]). Такое усиленіе позволило осаждающему оживить свою дѣятельность и снова приняться за энергичное продолженіе осады. Но при этомъ былъ, какъ извѣстно, значительно измѣненъ планъ веденной раньше атаки.

Сильное противодѣйствіе, встрѣченное атакующимъ въ своихъ работахъ противъ 4-го бастіона и неудача дальнѣйшаго движенія этихъ работъ, какъ надъ землею, такъ и подъ нею, заставили его, какъ извѣстно, искать другаго пункта на оборонительной линіи для главной атаки. Съ другой стороны, англійскіе инженеры уже

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 628.

давно указывали на болѣе важное значеніе Малахова кургана, съ паденіемъ котораго достигались болѣе рѣшительные результаты, чѣмъ при захватѣ 4-го и 5-го бастіоновъ. Направленіе главной атаки на Малаховъ курганъ облегчало вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной мѣрѣ атаку англичанъ на 3-й бастіонъ. Къ тому же, по мѣстнымъ условіямъ, веденіе атаки противъ Малахова кургана было очень удобно. Впереди него, въ разстояніи 250 саженъ, находился другой курганъ, занятіе котораго доставило бы союзникамъ слѣдующія выгоды: «во-первыхъ, оно позволяло бы имъ открыть подступы съ разстоянія не болѣе 250 саженъ, т. е. гораздо меньшаго тѣхъ, на которыхъ они до сихъ поръ открывали свои траншеи; во-вторыхъ, курганъ этотъ имѣетъ довольно значительное командованіе надъ Малаховымъ курганомъ, и въ особенности надъ 2-мъ бастіономъ; въ третьихъ, задняя отлогость, обращенная въ поле, будучи закрыта отъ этихъ укрѣпленій и только частью подвержена отдаленнымъ выстрѣламъ 3-го бастіона, могла служить плацдармомъ, а пролегающія съ двухъ боковъ кургана Киленбалка и Доковая балка—удобными сообщеніями для союзныхъ войскъ; наконецъ, въ четвертыхъ, дальнѣйшіе подступы союзниковъ противъ Малахова кургана могли поддерживаться сильнымъ фланговымъ огнемъ, съ одной стороны—съ англійскихъ батарей, а съ другой—съ тѣхъ батарей, которыя французы могли устроить на высотахъ за Киленбалкою» [1]).

Всѣ высказанныя выше причины, равно какъ и увеличеніе войскъ, позволявшее значительно расширить осадныя работы, привели союзниковъ къ новому плану атаки. Планъ этотъ, дѣятельно поддержанный прибывшимъ изъ Парижа генералъ-адъютантомъ Наполеона III, генераломъ Ніелемъ, былъ принятъ обоими главнокомандующими: «На военномъ совѣтѣ 20-го января (1-го февраля) они рѣшили открыть противъ Малахова кургана осадныя работы, съ цѣлью атаковать это укрѣпленіе одновременно съ атакою Городской стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено, что въ томъ случаѣ, если бы, послѣ новаго общаго открытія огня, атака городскихъ укрѣпленій сдѣлала большіе успѣхи, то для штурма этихъ укрѣпленій союзники не должны были ожидать приближенія подступовъ къ Малахову кургану».

«Вслѣдствіе этого рѣшенія было приказано, одновременно съ возведеніемъ и вооруженіемъ новыхъ батарей противъ 5-го бастіо-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 18.

на построить для обстрѣливанія Малахова кургана и высоты, лежащей впереди его, двѣ батареи: одну, на 8 орудій (№ 9-й),—въ англійской паралели на оронцовской высотѣ, а другую, на 15 орудій (№ 1-й),—на Киленбалочной высотѣ. Постройка послѣдней, а также заложеніе паралели и сильной батареи на курганѣ впереди Малахова кургана, были возложены на французскія войска».

«По окончаніи этихъ подготовительныхъ работъ предположено было снова открыть огонь со всѣхъ французскихъ и англійскихъ батарей съ тѣмъ, чтобы продолжать его нѣсколько дней. Подъ прикрытіемъ этого огня подвести подступы къ 5-му бастіону на такое же близкое разстояніе, на какомъ они находились отъ 4-го. Въ то же время англичане должны были приблизить свои подступы къ 3-му бастіону, а французы должны были увѣнчать курганъ впереди Малахова, чтобы заложить на немъ батарею».

«Новыя осадныя работы впереди Малахова кургана были возложены на 2-й французскій корпусъ Боске».

«Союзники надѣялись открыть усиленный огонь со своихъ батарей 2-го (14-го) марта»[1].

Но этотъ послѣдній разсчетъ былъ сдѣланъ безъ принятія во вниманіе характера противника, а мы знаемъ, что осажденный, опираясь на высокій уровень своихъ моральныхъ силъ, выказывалъ выходящую изъ ряда иниціативу, которая до сихъ поръ разстраивала всѣ предпріятія союзниковъ. Оказывается, что въ Севастополѣ давно уже понимали значеніе кургана впереди Малахова, но не занимали его, не желая увеличивать размѣра работъ, ограничиваясь проявленіемъ частной иниціативы лишь на фронтахъ, атакованныхъ противникомъ—4-мъ и 3-мъ бастіонахъ.

Когда же въ началѣ февраля обнаружилась постройка французами двухъ батарей на Киленбалочной высотѣ и новой англійской батареи, обращенной къ сторонѣ Малахова кургана, то ближайшія намѣренія противника выяснились, и обороняющійся рѣшилъ захватить высоту впереди Малахова кургана раньше противника. Но владѣніе этою высотою могло явиться обезпеченнымъ лишь при томъ условіи, если бы мы имѣли на высотахъ за Киленбалкою опорный пунктъ, иначе противникъ имѣлъ возможность такъ расположить свои батареи, чтобы обстрѣливать эту высоту передъ Малаховымъ курганомъ перекрестнымъ огнемъ съ трехъ сторонъ. Такимъ образомъ, являлась необходимость приступить къ возведенію цѣ-

[1] Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 258 и 259.

лой системы контръ-апрошныхъ работъ для противодѣйствія новымъ намѣреніямъ противника.

Къ этимъ работамъ и было, какъ извѣстно, приступлено, въ ночь съ 9-го на 10-е февраля, постройкою на высотахъ за Киленбалкою Селенгинскаго редута. На работы было назначено три баталіона Селенгинскаго полка, а для прикрытія ихъ—четыре баталіона Волынскаго полка. Все дѣло было возложено на генерала Хрущева, командира Волынскаго полка. Мы не будемъ входить въ подробности исполненія этой работы, а остановимся только на мѣрахъ, принятыхъ руководителями ея, благодаря которымъ предпріятіе заложенія редута въ 400 саженяхъ отъ непріятельской паралели имѣло полный успѣхъ. Въ сумерки передъ началомъ работъ инженеры: полковникъ Тотлебенъ и штабсъ-капитанъ Тидебель лично, подъ прикрытіемъ секрета пластуновъ, произвели на мѣстѣ разбивку укрѣпленій. Затѣмъ, подошедшій для прикрытія Волынскій полкъ былъ тоже лично разставленъ генераломъ Хрущевымъ въ 200—250 саженяхъ отъ непріятеля. При разсчетѣ и разстановкѣ рабочихъ отъ Селенгинскаго полка былъ сохраненъ полностію строевой разсчетъ и каждая рота получила для возведенія свой участокъ, благодаря чему: «. . . . . люди находились подъ наблюденіемъ своихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и, въ случаѣ нападенія, могли тотчасъ взяться за оружіе и образовать правильный строй» [1]).

Кромѣ того, въ верховья ближайшихъ бухтъ были введены суда, долженствовавшія по условленному съ начальникомъ отряда сигналу открыть огонь по впередилежащей мѣстности.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, порядокъ, успѣхъ и тишина работъ явились настолько обезпеченными, что противникъ только съ разсвѣтомъ замѣтилъ ихъ производство. А между тѣмъ за эту первую ночь работа настолько подвинулась, что во рву люди оказались достаточно прикрыты турами по контръ-эскарпу и тамъ возможно было продолжать работу уже и днемъ; кромѣ того, на половинномъ разстояніи между редутомъ и непріятельскою паралелью были сдѣланы четыре ложемента, занятые на день штуцерными въ числѣ 100 человѣкъ. Слѣдующую ночь работы продолжались въ томъ же порядкѣ и къ утру 11-го числа были возведены еще четыре ложемента впереди, работы же въ редутѣ подвинулись настолько, что и тамъ возможнымъ оказалось продолжать ихъ днемъ.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 22.

Но появленіе этого редута и допущеніе нашего утвержденія на этой мѣстности слишкомъ разстраивало планы союзниковъ, а потому они рѣшили сдѣлать открытое нападеніе на нашу неоконченную работу и назначили для этого пять отборныхъ баталіоновъ, общее командованіе надъ которыми принялъ начальникъ дивизіи, генералъ Майранъ. Атака была назначена въ ночь на 12-е февраля. Дѣйствительно, въ эту ночь пластунскіе секреты стали доносить о построеніи войскъ непріятеля въ своихъ траншеяхъ, а съ заходомъ луны, при полной темнотѣ, французы подошли къ нашей цѣпи и двинулись на редутъ и въ обходъ его обоихъ фланговъ. Но это неожиданное нападеніе не застало врасплохъ генерала Хрущева, у котораго все было на подобный случай заранѣе подготовлено. По зажженному фальшфейеру, при первомъ извѣстіи, пароходъ «Владиміръ» открылъ огонь изъ орудій, наведенныхъ еще съ вечера. Войска наши, какъ прикрытія, такъ и работавшія, въ полномъ порядкѣ, стали по бокамъ редута и въ немъ самомъ. По приближеніи противника завязалась самая отчаянная рукопашная схватка у самаго редута. Генералъ Хрущевъ въ передовыхъ рядахъ своихъ славныхъ волынцевъ хладнокровно распоряжался боемъ. Одинъ изъ офицеровъ зуавовъ успѣлъ прорваться къ нему и занесъ уже надъ нимъ саблю: «. . . . . но стоявшій возлѣ него рядовой Бѣлоусовъ закололъ зуава, а полковой горнистъ Павловъ въ то же время выхватилъ у него саблю» [1]).

Полная готовность наша къ серьезному отпору поселила колебаніе въ рядахъ нападающаго, не ускользнувшее отъ генерала Хрущева. Воспользовавшись этимъ, онъ сейчасъ же собралъ свои баталіоны и «съ барабаннымъ боемъ» [2]) перешелъ съ ними въ рѣшительное наступленіе. Не только баталіоны первой линіи, но и резервъ французскихъ войскъ не могъ удержать стремительнаго штыковаго натиска нашихъ молодцовъ и бой закончился спѣшнымъ отступленіемъ противника обратно въ свою траншею. Французы потеряли въ этомъ бою: «убитыми болѣе 100 человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ одинъ штабъ-офицеръ и 7 оберъ-офицеровъ; ранеными нѣсколько сотъ человѣкъ; плѣнными 5 офицеровъ и 26 нижнихъ чиновъ, вообще же отъ 500 до 600 человѣкъ» [3]). Съ нашей стороны вся потеря состояла: «изъ 6 офицеровъ и 411 нижнихъ чи-

---

[1]) Рукописи, т. I, стр. 10.
[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 243.
[3]) Тамъ же, стр. 243.

новъ, но 104 человѣка легко раненые остались во фронтѣ и потому выбыло изъ рядовъ только 313 человѣкъ» [1]).

Не можемъ не остановить вниманіе читателя на фактѣ неоставленія рядовъ цѣлою сотнею раненыхъ, что̀ не можетъ не доказывать высокій уровень моральныхъ силъ сражавшихся. О впечатлѣніи этого небольшаго, но кровопролитнаго ночнаго дѣла мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство:

«Дѣло въ ночь съ 11-го (23-го) на 12-е (24-е) февраля, въ которомъ четыре волынскихъ баталіона съ небольшимъ лишь участіемъ трехъ баталіоновъ Селенгинскаго полка отразили съ блестящимъ успѣхомъ нападеніе пяти отборныхъ баталіоновъ, поселило въ нашихъ войскахъ твердую увѣренность удержаться на позиціи ими занятой въ значительномъ разстояніи отъ оборонительной линіи» [2]).

Да и вообще это молодецкое дѣло не могло не имѣть, какъ увидимъ ниже, благодатнаго вліянія на духъ нашего гарнизона, какъ хорошее начало, получившихъ затѣмъ большое развитіе, контръапрошныхъ работъ. Нельзя не упомянуть, что на этотъ разъ не только частное, но и высшее начальство оказало должное вниманіе заслугамъ войскъ:

«Въ тотъ же день, около 2-хъ часовъ пополудни, Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Философова и другихъ лицъ своей свиты, удостоили своимъ посѣщеніемъ позицію, занимаемую генераломъ Хрущевымъ, и именемъ Государя Императора благодарили храбрыхъ волынцевъ. Ихъ Высочества довольно долго оставались на позиціи, несмотря на ружейную пальбу съ непріятельскихъ траншей, и весьма милостиво разговаривали съ офицерами и солдатами. Можно себѣ представить восторгъ полка.

«Главнокомандующій, по причинѣ болѣзни, не могъ пріѣхать на позицію; но тотчасъ послѣ боя прислалъ 25 знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія для возложенія на болѣе отличившихся нижнихъ чиновъ, а также наградилъ орденами нѣсколькихъ офицеровъ. . . . . » [3]).

Въ приказѣ же по арміи, отъ 12-го февраля, за № 48, князь Меншиковъ, между прочимъ, писалъ: «. . . . . Относя такой достославный отпоръ отчаяннаго непріятельскаго покушенія къ храбро-

---

[1]) Тамъ же, стр. 243.
[2]) Тамъ же, стр. 244.
[3]) Рукописи, т. I, стр. 10.

сти, хладнокровію и распорядительности генералъ-маіора Хрущева, мнѣ искренне пріятно поздравить его съ подвигомъ молодецкаго дѣла, въ которомъ всѣ ввѣренные ему чины оправдали ожиданія Государя Императора»[1]).

Даже и подчиненные ссылались на генерала Хрущева, какъ на главнаго виновника удачи этого дѣла:

«Всѣ мы были свидѣтелями его распорядительности и невозмутимаго спокойствія въ самыя опасныя минуты. Генералъ-адъютантъ Философовъ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, сказалъ генералу Хрущеву: «При посѣщеніи сегодня Великими Князьями вашихъ раненыхъ, одинъ изъ нихъ, которому осталось жить нѣсколько часовъ, на слова утѣшенія и благодарности, отвѣчалъ Ихъ Высочествамъ: «Я умру спокойно, исполнивъ свою обязанность», и при этомъ прибавилъ: «какъ же намъ не идти было впередъ, когда нашъ генералъ былъ постоянно впереди». Подобный отзывъ умирающаго солдата о своемъ начальникѣ весьма знаменателенъ»[2]).

На другой день послѣ боя наши войска отдавали послѣднюю честь убитымъ въ ночномъ дѣлѣ и при этомъ выказали всегда присущее русскому воинству рыцарское отношеніе къ павшимъ врагамъ:

«Въ одномъ углу обширной могилы лежали наши солдаты; остальное мѣсто занимали французы. Шесть французскихъ офицеровъ въ дубовыхъ гробахъ лежали у приготовленной по сосѣдству особой могилы. Наши покойники были уже отпѣты; католическій священникъ совершалъ обрядъ погребенія. Унылые звуки заупокойныхъ молитвъ вызвали сердечныя слезы...»

«Обрядъ религіозный совершился. За нимъ послѣдовала воинская церемонія: нарочно назначенный взводъ, при офицерѣ, съ музыкою, отдалъ послѣднюю честь усопшимъ. Залпы замерли въ воздухѣ. Имъ вторилъ ревъ непріятельскихъ орудій и переносившихся снарядовъ. Всей этой печальной церемоніи былъ свидѣтелемъ взятый въ этомъ же дѣлѣ въ плѣнъ французскій зуавскій капитанъ Пьеръ (Pierre-François), съ участіемъ слѣдившій за ея подробностями съ бастіона № 2-го, находясь при свитѣ начальника гарнизона, генералъ-адъютанта барона (нынѣ графа) Остенъ-Сакена, почтившаго своимъ присутствіемъ отданіе послѣдняго долга братьямъ и храбрымъ врагамъ»[3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 11.

[2]) Тамъ же, стр. 12.

[3]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 258 и 259.

Неудача ночной атаки французовъ на Селенгинскій редутъ дозволила намъ безпрепятственно продолжать дальнѣйшія работы только подъ дальнимъ штуцернымъ огнемъ противника. Въ послѣдующіе дни Селенгинскій редутъ былъ достроенъ, а въ ночь съ 16-го на 17-е февраля заложенъ еще одинъ редутъ — Волынскій. Онъ былъ выдвинутъ еще на 100 саженъ впередъ противъ Селенгинскаго редута; кромѣ того, въ связи съ этими укрѣпленіями, была устроена еще батарея на два орудія. Всѣ эти новыя работы получили окончательное устройство къ 26-му февраля и представляли изъ себя полную укрѣпленную позицію, состоявшую изъ трехъ линій. Въ первой линіи было 12 ложементовъ, отстоявшихъ на 200—250 саженъ отъ траншеи противника; вторую линію составили—Волынскій редутъ и батарея № 83-й, а третью—Селенгинскій редутъ съ траншеею. Вооруженіе этой позиціи состояло изъ 24-хъ орудій 36-ти и 24-хъ-фунт. калибра и занималась она шестью баталіонами, по два отъ полковъ Волынскаго, Селенгинскаго и Якутскаго. Общее командованіе было ввѣрено генералу Хрущеву.

Противникъ, потерявъ надежду воспрепятствовать окончательному устройству этой новой позиціи обороны, приступилъ къ постройкѣ противъ нея новыхъ батарей въ раіонѣ своихъ работъ.

Такимъ образомъ, было положено начало активныхъ контръапрошныхъ работъ, поведшихъ при своемъ развитіи, какъ увидимъ ниже, къ полному разстройству всѣхъ плановъ и предположеній противника.

За это же время произошла крупная перемѣна въ нашей арміи. Уже давно князь Меншиковъ сильно жаловался на свое здоровье и «. . . . . хотя и поручалъ отправляемымъ въ Петербургъ флигель-адъютантамъ доложить Императору о своемъ болѣзненномъ состояніи, но самъ не заявлялъ объ этомъ до тѣхъ поръ, пока здоровье его не было окончательно разстроено и физическія силы не ослабѣли»[1]).

Въ началѣ же февраля болѣзнь настолько ухудшилась, что князь Меншиковъ не только не могъ вставать съ постели, но и долго сидѣть, такъ что и онъ сознялъ полную невозможность для себя исполнять обязанности главнокомандующаго. Потому-то 16-го февраля онъ сдалъ временное начальствованіе надъ арміею генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену съ правами командира корпуса, и на другой день, пославъ курьера съ прошеніемъ объ увольн-

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 386.

неніи отъ должности, самъ отправился въ Симферополь ожидать новаго назначенія на покинутый имъ постъ.

Но эта просьба князя Меншикова была предупреждена въ Петербургѣ, такъ какъ Государь рѣшилъ уволить его отъ должности по полученіи донесенія о неудачной попыткѣ штурмовать Евпаторію и тогда же назначить вмѣсто него князя Михаила Дмитріевича Горчакова. Государь Николай I былъ уже тогда сильно боленъ и поручилъ Наслѣднику сообщить свое рѣшеніе обоимъ лицамъ. Письмо князю Меншикову было слѣдующее:

«Государь, чувствуя себя не совершенно здоровымъ, приказалъ Мнѣ, любезный князь, отвѣчать Его именемъ на послѣдняго вашего курьера отъ 7-го февраля. Его Величество крайне былъ огорченъ неудачною попыткою, произведенною, по вашему приказанію, генераломъ Хрулевымъ на Евпаторію, и значительною потерею, понесенною нашими храбрыми войсками *безъ всякаго результата.*

«Его Величество не можетъ не удивляться, что, пропустивъ *три* мѣсяца для атаки сего пункта, когда въ немъ находился *самый незначительный гарнизонъ, не успѣвшій еще укрѣпиться*, вы выждали теперешній моментъ для подобнаго предпріятія, тогда именно, когда по всѣмъ свѣдѣніямъ *достовѣрно* было извѣстно, что туда прибыли значительныя турецкія силы съ самимъ Омеръ-пашею. Его Величество не можетъ не припомнить вамъ, что Онъ, къ сожалѣнію, предвидѣлъ этотъ грустный результатъ.

«Изъ журналовъ осадныхъ работъ подъ Севастополемъ Его Величество убѣждается, что союзники, подвигаясь все ближе, устраивая новыя батареи, какъ противъ 4-го бастіона, такъ и на Сапунъ-горѣ, и получивъ значительныя подкрѣпленія, замышляютъ что-то рѣшительное, что̀ также подтверждается всѣми газетными статьями.

«Съ другой стороны, усматривая изъ вашихъ неоднократныхъ донесеній, что при теперешнемъ числѣ войскъ вы рѣшительно считаете *всякое наступательное движеніе невозможнымъ*, Его Величество видитъ одинъ только выгодный исходъ всему дѣлу, а именно, если непріятель покусится на штурмъ и Богъ поможетъ намъ отбиться, то, немедля, перейти въ наступленіе какъ изъ самой крѣпости, такъ и со стороны (Чоргуна) на Кадыкіой, назначивъ для сего послѣдняго движенія сколь возможно бо̀льшее число свободныхъ войскъ, съ нужною артилеріею и кавалеріею, дабы угрожать одновременно центру, правому флангу и даже тылу непріятельскаго расположенія.

«Если же непріятель самъ предприметъ наступательное движеніе, то Его Величество не сомнѣвается, что принятыми вами мѣрами на крѣпкой и почти неприступной позиціи, нынѣ вами занимаемой и сильно укрѣпленной, вы вездѣ встрѣтите его и съ Божіею помощью остановите всякое дальнѣйшее покушеніе.

«Что касается до признаваемой вами необходимости новаго затопленія *трехъ линейныхъ кораблей*, для замѣны разнесеннаго прежняго загражденія Севастопольскаго рейда, Его Величество, не отвергая пользы сего загражденія, не можетъ, однако, не замѣтить, что мы сами уничтожаемъ нашъ флотъ.

«За симъ Государь поручаетъ Мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ Своему старому, усердному и вѣрному сотруднику, и откровенно сказать вамъ, любезный князь, что, отдавая всегда полную справедливость вашему рвенію и готовности исполнять всякое порученіе, довѣріемъ Его Величества на васъ возлагаемое, Государь съ прискорбіемъ извѣстившись о вашемъ болѣзненномъ теперешнемъ состояніи, о которомъ вы нѣсколькимъ лицамъ поручали неоднократно словесно доводить до Высочайшаго Его свѣдѣнія, желая доставить вамъ средство поправить и укрѣпить службою разстроенное ваше здоровье, Высочайше увольняетъ васъ отъ командованія крымскою арміею и ввѣряетъ ее начальству генералъ-адъютанта князя Горчакова, которому немедленно предписано отправиться въ Севастополь. До его пріѣзда Его Величество вполнѣ остается увѣреннымъ, что вы съ прежнимъ усердіемъ будете продолжать исполнять должность вами до селѣ занимаемую. Извѣстясь также о болѣзненномъ состояніи сына вашего, вслѣдствіе сильной контузіи, Его Величество разрѣшаетъ ему возвратиться сюда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначаетъ его генералъ-адъютантомъ.

«За симъ Государь поручаетъ мнѣ, любезный князь, искренно обнять Своего стараго друга Меншикова и отъ души поблагодарить за его всегда усердную службу и за попеченіе о братьяхъ моихъ» [1]).

Къ сожалѣнію, желаніе Государя не было исполнено и армія, въ столь горячее время, осталась безъ руководителя. Генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ, какъ временной замѣститель главнокомандующаго, не могъ взять на свою отвѣтственность многаго, а между тѣмъ обстоятельства требовали рѣшительныхъ дѣйствій. Непринятіе долгое время союзниками рѣшительныхъ мѣръ противодѣйствія нашимъ контръ-апрошнымъ работамъ склонили князя Мен-

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 388—390.

шикова къ мнѣнію о возможности начать серьезныя наступательныя дѣйствія съ нашего лѣваго фланга на работы противника на Сапунъ-горѣ. Онъ даже, удаляясь самъ изъ арміи, просилъ барона Сакена обдумать это дѣло и, если возможно, привести въ исполненіе. Однако, на совѣтѣ въ Севастополѣ признали подобное наступательное движеніе невозможнымъ, а предложено было построить редутъ въ 250-ти саженяхъ впереди Малахова кургана, о чемъ и было написано князю Меншикову.

«Князь Менщиковъ вполнѣ одобрилъ эту мѣру и находилъ даже, что такой редутъ послужитъ впослѣдствіи опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій къ овладѣнію англійскими батареями, между Киленъ и Лабораторною балками» [1]).

Какъ сказано было выше, послѣ устройства *одной* батареи (15 оруд.) на высотѣ за Киленбалкою и одной въ раіонѣ англійскихъ работъ, непріятель предполагалъ захватить, подъ покровительствомъ огня съ этихъ батарей, курганъ передъ Малаховымъ и устроить на немъ паралель и батарею. Постройка нами новыхъ редутовъ и неудачная попытка противника захватить ихъ открытою силою заставили его приступить къ постройкѣ еще четырехъ батарей, такъ что, вмѣсто предположенныхъ 15-ти орудій, онъ долженъ былъ довести число орудій на этомъ пунктѣ до 46-ти [2]).

Теряя время на устройство этихъ батарей, французы дали намъ возможность докончить вооруженіе нашихъ новыхъ редутовъ и тѣмъ обезпечить захватъ и устройство еще одного опорнаго пункта.

Главныя выгоды въ захватѣ кургана для насъ были: въ предупрежденіи противника на этомъ пунктѣ и разстраиваніи, такимъ образомъ, его плановъ; въ отдаленіи начала его осадныхъ работъ противъ Малахова кургана и въ возможности обстрѣливать фланговымъ огнемъ англійскую атаку противъ 3-го бастіона и подступовъ французовъ за Киленбалкою.

Къ исполненію этого предпріятія было приступлено въ ночь съ 26-го на 27-е февраля.

Разбивка и работа этого новаго укрѣпленія, названнаго Камчатскимъ люнетомъ, были произведены при соблюденіи тѣхъ же порядковъ и строеваго разсчета рабочихъ, такъ что противникъ замѣтилъ только на разсвѣтѣ эту новую для себя неудачу. Къ утру работа люнета уже настолько подвинулась, что ее можно было про-

---

[1]) Тамъ же, стр. 397.

[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 261.

должать днемъ. Въ послѣдующіе дни работа на люнетѣ успѣшно подвигалась впередъ, несмотря на постепенно открываемый огонь изъ орудій съ новыхъ непріятельскихъ батарей. Французы сначала хотѣли штурмовать начатый люнетъ, въ ночь на 1-е марта, но генералъ Канроберъ, по неудачному опыту съ Селенгинскимъ редутомъ, не рѣшился на это и вмѣсто того они заложили первую параллель противъ люнета, въ разстояніи около 225 — 350 саженъ отъ него [1]).

За это время войска были глубоко поражены вѣстью о неожиданной кончинѣ Императора Николая I, всегда такъ отечески относившагося къ войскамъ и входившаго во всѣ мелочи ихъ быта, службы и дѣятельности. Одинъ изъ участниковъ слѣдующими словами передаетъ тяжелую картину объявленія войскамъ гарнизона этой роковой вѣсти: «Солдаты крестились; многіе шептали молитву; иные стали на колѣни и клали земные поклоны, молясь за упокой души опочившаго на вѣки! Когда же я началъ читать манифестъ, солдаты, офицеры, генералы—всѣ плакали...» [2]).

Въ прощальномъ приказѣ своемъ по арміи князь Меншиковъ передавалъ слѣдующія слова изъ рескрипта къ нему Императора Александра II отъ 19-го февраля:

«Въ общей глубокой горести о кончинѣ Нашего благодѣтеля да будетъ намъ утѣшеніемъ истинно русская храбрость, съ которою ввѣренныя вамъ войска встрѣтили непріятеля и противодѣйствуютъ его покушеніямъ. Поблагодарите отъ меня всѣхъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя за блистательные подвиги, коими они украсили наши военныя лѣтописи; перешедшій въ жизнь вѣчную, Царственный вождь православнаго воинства, благословляетъ свыше ихъ стойкость и безпримѣрную неустрашимость».

Затѣмъ, князь обращается уже самъ къ войскамъ со слѣдующими словами:

«Товарищи! что могу еще сказать послѣ двухъ царственныхъ благословеній вамъ на вѣрную и честную службу Престолу и Отечеству?

«Тяжкими недугами разлученный съ вами, мнѣ остается только искренно поблагодарить всѣхъ и каждаго изъ моихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ, сотрудниковъ отъ генерала до рядоваго, за неоднократное доставленное мнѣ счастіе передавать имъ «Царское

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 249.
[2]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 272.

спасибо», и, покидая, по необходимости, ряды доблестнаго воинства, я утѣшаюсь убѣжденіемъ, что, удостоенное прежде, оно не перестанетъ и впредь заслуживать Монаршее одобреніе, радуя нашего Царя успѣхами защиты православнаго дѣла.

«Товарищи, прощайте! Господь да помогаетъ вамъ» [1]).

Успѣшное и скорое заложеніе траншеи передъ неоконченнымъ люнетомъ возбудило опасеніе, что непріятель не дастъ возможности докончить и вооружить его быстрымъ движеніемъ впередъ своихъ работъ. Потому-то предположено было еще однимъ активнымъ предпріятіемъ замедлить эти работы. Рѣшено было выдвинуть впередъ, на 150 саженъ отъ люнета и всего въ 100 саженяхъ отъ французской траншеи, линію передовыхъ ложементовъ, а за нею, на половинномъ разстояніи, для поддержекъ, вторую линію ложементовъ. Постройка ложементовъ была благополучно начата въ слѣдующую ночь и продолжалась послѣдующіе дни. Но близкое расположеніе ихъ къ траншеѣ и подступамъ изъ нея противника повело къ тому, что непріятель почти каждую ночь покушался захватить ихъ въ свои руки, но каждая попытка его вызывала энергичную контръатаку нашихъ войскъ и ложементы оставались за нами.

Всѣми войсками на Корабельной сторонѣ въ это время командовалъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ. Особенно сильное нападеніе произвелъ противникъ въ ночь съ 5-го на 6-е марта, когда онъ, съ значительными силами, состоящими изъ двухъ ротъ 3-го полка зуавовъ, 86-го линейнаго полка и 4-го стрѣлковаго баталіона, нѣсколько разъ производилъ атаки на наши ложементы. Съ нашей стороны введены были въ дѣло постепенно всего девять ротъ, но онѣ такъ энергично отбросили противника, что ворвались въ его траншею и продолжали тамъ рукопашный бой, пока не были отозваны самимъ генераломъ Хрулевымъ, прибывшимъ на мѣсто боя. Къ утру ложементы наши были снова исправлены и заняты штуцерными.

Между тѣмъ, Камчатскій люнетъ близился къ окончанію и къ 9-му марта брустверы его были доведены до полной профили и онъ былъ вооруженъ десятью 24-хъ-фунтовыми пушками.

Какъ видимъ, ложементы сослужили вполнѣ свою службу, они не только дали возможность докончить люнетъ, но и значительно замедляли работу противника, который съ 3-го по 10-е число успѣлъ продвинуть свои подступы впередъ всего на 35 саженъ [2]).

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 394.

[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 50.

Не мудрено послѣ этого, что французы не оставили намѣренія захватить эти ложементы и 9-го числа, въ сумерки, снова произвели нападеніе превосходными силами. Наше прикрытіе было выбито и отошло въ люнетъ, а огнемъ послѣдняго и противникъ былъ выбитъ изъ ложементовъ, такъ что къ утру они остались никѣмъ не заняты.

Устройствомъ Камчатскаго люнета заканчивалась постройка сильной контръ-апрошной позиціи передъ нашимъ лѣвымъ флангомъ. Такимъ образомъ, какъ только противникъ принялъ новый планъ для своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій и приступилъ къ подготовительнымъ работамъ для открытія новой главной атаки на Малаховъ курганъ, онъ сейчасъ же встрѣтилъ со стороны славныхъ защитниковъ Севастополя такой, выходящій изъ ряда по своей активности, отпоръ, который разрушилъ всѣ его планы. Какъ мы видѣли, онъ разсчитывалъ около 2-го марта открыть общій огонь и заложить паралель на 250 саженяхъ отъ Малахова кургана, а ему пришлось заложить свою паралель въ 600 саженяхъ отъ этого нашего бастіона, да и вести атаку не противъ него, а противъ новой нашей позиціи. Это, конечно, должно было надолго отсрочить возможность атаковать самый Малаховъ курганъ, что̀ сознавали сами противники.

«Не было больше сомнѣнія, пишетъ Оже, относительно намѣренія русскихъ: они насъ предупредили и строили редутъ (Камчатскій), который, совмѣстно съ «Ouvrages blancs» (Селенгинскій и Волынскій редуты) и контръ-апрошными траншеями, образовывалъ выдвинутую впередъ оборонительную линію, необходимость овладѣнія которою надолго отдаляла возможность штурма Малаховой башни» [1]).

Кромѣ того, эти же постройки затрудняли противнику устройство батарей для обстрѣливанія рейда.

Въ самомъ началѣ марта, какъ мы видѣли, французы разсчитывали начать усиленное бомбардированіе по всей линіи, приготовивъ для того значительное число орудій и боевыхъ запасовъ. — «Теперь же эти средства признаны недостаточными и изъ Франціи потребованъ былъ новый осадный паркъ въ 160 орудій» [2]).

Всѣ эти достигнутые результаты, по мнѣнію многихъ, отсрочивали почти на полгода паденіе Севастополя. Въ одной нѣмецкой брошюрѣ высказано слѣдующее мнѣніе объ этихъ работахъ:

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 398.

[2]) Тамъ же, стр. 400.

«Мы видимъ систему контръ-апрошей въ небываломъ дотолѣ протяженіи, исполненную столь же дальновидно, сколько и смѣло—фактъ, блистательно свидѣтельствующій о превосходствѣ высшаго начальствованія обороною»[1]).

Но не такъ думали многіе защитники Севастополя, не такъ должны и мы высказаться объ этихъ работахъ. Вспомнимъ, что эти работы были предприняты тогда, когда противникъ ожилъ и отдохнулъ отъ тяжелаго и пагубнаго положенія, въ которомъ былъ зимою; получилъ значительныя подкрѣпленія и самъ перешелъ къ энергичному продолженію активной дѣятельности. Изъ-за чего мы должны были производить ихъ на скорую руку и подъ сильнымъ огнемъ противника. Вотъ почему эти работы не достигли той солидности и крѣпости, какую могли бы имѣть, если бы были предприняты раньше, да и стоили намъ значительныхъ жертвъ. Не можемъ не привести по этому поводу слѣдующаго мнѣнія:

«Если бы князь Меншиковъ послѣдовалъ своевременнымъ указаніямъ Императора Николая I, онъ могъ бы сдѣлать эту позицію столь сильною, что для овладѣнія ею англо-французамъ пришлось бы употребить труда не менѣе, чѣмъ противъ важнѣйшихъ пунктовъ оборонительной линіи. Появленіе редутовъ впереди оборонительной линіи показало, что предпріимчивый главнокомандующій могъ съ русскими войсками отважиться на многое: что опасенія князя Меншикова и его доказательства о невозможности наступательныхъ дѣйствій были неосновательны и что, наконецъ, если мы могли утвердиться на передовой позиціи въ виду непріятеля въ то время, когда французы пришли на помощь англичанамъ и приняли на себя атаку Малахова кургана, то мы могли это сдѣлать съ большимъ успѣхомъ для обороны—нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, когда противъ насъ стояли одни англичане, обезсиленные болѣзнями и упавшіе духомъ»[2]).

Но не только въ настоящее время, по разработкѣ всѣхъ матеріаловъ, можно склоняться къ подобному мнѣнію, современники событій высказывали то же самое:

«Все это *совершенно сходно съ мыслями* нашего незабвеннаго Государя, писалъ Императоръ Александръ II князю Горчакову, и вѣрно Его бы порадовало. Три новыхъ укрѣпленія, возведенныхъ подъ носомъ непріятеля, есть уже весьма важный результатъ. Жаль

---

[1]) Тамъ же, стр. 400 и 401.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 399 и 400.

только, что устройство ихъ не было исполнено *тремя мѣсяцами раньше*, на что незабвенный нашъ Благодѣтель *неоднократно указывалъ князю Меншикову*. Въ то время и уронъ былъ бы, вѣроятно, не столь значителенъ, какъ теперь. Дай Богъ только, чтобы намъ удалось въ нихъ удержаться»[1]).

Мы подробно выяснили, чѣмъ главнымъ образомъ вызывалось наше бездѣйствіе во время зимы, а теперь можемъ видѣть, къ какимъ пагубнымъ результатамъ приводитъ несоотвѣтствіе моральнаго уровня главнокомандующаго съ таковымъ же уровнемъ подчиненныхъ ему войскъ и отсутствіе нравственной связи главнаго начальника со своими войсками. На этой-то почвѣ и сложилось, какъ мы видѣли, недовѣріе князя Меншикова къ подчиненнымъ ему войскамъ и начальникамъ, породившее, главнымъ образомъ, отказъ съ его стороны отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Не можемъ не упомянуть, что послѣ перваго опыта активныхъ дѣйствій—постройки редутовъ за Киленбалкою, князь Меншиковъ какъ бы убѣдился въ ошибочности своего мнѣнія и призналъ надежду на возможность серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій. Но тогда было уже поздно, самъ онъ покинулъ уже армію, да и противникъ былъ уже въ другомъ положеніи и силахъ, чѣмъ былъ не только въ началѣ зимы, но даже и вслѣдъ за Инкерманомъ. Неужели же только по этому крупному и слишкомъ рельефному опыту князь Меншиковъ могъ понять истинное положеніе и состояніе своей арміи. Намъ кажется, что будь онъ болѣе внимателенъ къ моральной сторонѣ дѣла, будь онъ ближе къ своей арміи и ея начальникамъ, ему это не только должно, но и могло бы быть ясно давно. О результатахъ же такого своевременнаго сознанія предоставимъ судить самому читателю, боясь заслужить упрекъ въ слишкомъ оптимистическихъ выводахъ.

Доведя до 10-го марта выборку эпизодовъ изъ хода атаки и обороны на Корабельной сторонѣ, не можемъ обойти молчаніемъ страшной потери, понесенной защитою Севастополя въ лицѣ Владиміра Ивановича Истомина, бывшаго съ самаго начала осады начальникомъ четвертой дистанціи и однимъ изъ главныхъ столповъ славной обороны города. Вотъ что мы читаемъ въ дневникѣ одного пѣхотнаго офицера: «Не стало Истомина! Однимъ вождемъ-героемъ у Севастополя, однимъ доблестнымъ сыномъ у Россіи стало меньше и какимъ сыномъ?—составлявшимъ ея честь, ея славу; не щадившимъ для нея силъ, здоровья, трудовъ; для ней презрѣвшимъ по-

[1]) Тамъ же, стр. 401.

кой, опасность и смерть! Плачь родная отчизна! твоихъ слезъ достоинъ этотъ славный прахъ!

«Не долго мы знали Истомина, не долго служили съ нимъ; но знаемъ, какой памяти онъ достоинъ, какъ человѣкъ, морякъ и воинъ...» «Истоминъ съ сердечною теплотою заботился о подчиненныхъ. Такъ, за нѣсколько часовъ до смерти, онъ самымъ настойчивымъ образомъ просилъ о прибавленіи носилокъ для успокоенія переносимыхъ раненыхъ, которыхъ, по недостатку носилокъ, таскаютъ на ружьяхъ, или просто за руки, за ноги. Такъ, сегодня еще утромъ тяжело раненъ горнистъ, всегда его сопровождавшій; Истоминъ покрылъ его своею шинелью и, со слезами поцѣловавъ въ лобъ, отослалъ его въ госпиталь...» [1]).

Другой историкъ говоритъ: «Съ самаго начала осады онъ (Истоминъ) не раздѣвался, спалъ весьма мало и въ послѣдніе дни свои, постоянно находясь въ нервическомъ раздраженіи, принималъ мускусъ, чтобы поддержать физическія силы свои...» [2]).

Но, не въ состояніи будучи передать здѣсь всѣ заслуживающія вниманія свидѣтельства объ этой богатырской личности, приведемъ одно мнѣніе, обрисовывающее всю его дѣятельность въ самыхъ краткихъ словахъ: «Несмотря на непоколебимую строгость, которою всегда отличался Истоминъ, и на большую требовательность его въ служебномъ отношеніи, никто изъ подчиненныхъ его никогда не ропталъ, видя своего начальника всегда бодрствующаго и всегда впереди, на самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Истоминъ пробылъ на Малаховомъ курганѣ неотлучно пять мѣсяцевъ, подавая собою примѣръ мужества и необычайной энергіи. Какъ этими качествами, такъ и своею заботливостью о подчиненныхъ, Истоминъ снискалъ себѣ большое довѣріе и популярность въ войскахъ. Распорядительность Истомина съ первыхъ же дней обороны стала извѣстна всему гарнизону, и всѣ были увѣрены, что при такомъ начальникѣ, какъ онъ, Малаховъ курганъ всегда представитъ самую блистательную защиту» [3]).

Севастопольская семья, глубоко цѣня заслуги и доблести Владиміра Ивановича, упокоила его прахъ на самомъ почетномъ и дорогомъ для нея мѣстѣ:

«Истомина похоронили въ соборѣ Св. Владиміра, рядомъ съ

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 279 и 280.

[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 253.

[3]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 58 и 59.

Корниловымъ, на мѣстѣ, которое вице-адмиралъ Нахимовъ приготовилъ для себя, но счелъ долгомъ уступить павшему прежде сподвижнику» [1]).

Во время усиленной и энергичной дѣятельности съ обѣихъ сторонъ противъ Корабельной стороны, на другихъ пунктахъ союзники тоже дѣятельно продолжали осадныя работы. Англичане умножали свои батареи противъ 3-го бастіона, а французы въ лѣвой своей атакѣ тоже строили новыя батареи и вели подступы противъ 5-го и 6-го бастіоновъ. Союзники встрѣчали то-же упорное противодѣйствіе обороняющагося и, между прочимъ, въ это время была произведена одна значительная вылазка противъ 6-го бастіона, которой удалось ворваться въ траншеи противника. Въ общемъ за этотъ мѣсяцъ съ 10-го февраля по 9-е марта обѣ стороны готовились къ предстоящему новому артилерійскому состязанію, а потому союзники, исключая описанной борьбы противъ нашихъ новыхъ построекъ, ограничивались почти однимъ рѣдкимъ мортирнымъ огнемъ. Штуцерной же огонь былъ весьма силенъ по всей линіи. Наши потери въ общемъ простирались до 2,167 человѣкъ, т. е. по 77 на день [2]).

Съ нашей стороны артилерійскій огонь тоже былъ возможно рѣдокъ и настойчиво сдерживался, вслѣдствіе заботъ о сохраненіи пороха, подвозъ котораго по состоянію путей встрѣчалъ значительныя затрудненія. За возможнымъ сохраненіемъ боевыхъ запасовъ и за уменьшеніемъ потерь въ гарнизонѣ самымъ настойчивымъ образомъ заботился адмиралъ Нахимовъ. Исполняя должность помощника начальника гарнизона и командира Севастопольскаго порта, онъ лично наблюдалъ за мѣрами, принятыми въ этомъ отношеніи по всей оборонительной линіи. Мы не можемъ не привести здѣсь одного изъ его приказовъ по этимъ двумъ важнымъ для защиты города вопросамъ:

«Усилія, употребленныя непріятелемъ противъ Севастополя 5-го октября и въ послѣдующіе затѣмъ дни, даютъ основательный поводъ думать, что, рѣшившись продолжать осаду, враги наши разсчитываютъ на средства еще болѣе громадныя; но теперь шестимѣсячные труды по укрѣпленію Севастополя приходятъ къ концу, средства обороны нашей почти устроились, и потому, кто изъ насъ, вѣрующихъ въ правосудіе Божіе, усомнится въ торжествѣ надъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 59.

[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 58.

дерзкими замыслами непріятеля? Но разрушить ихъ, при большой потерѣ съ нашей стороны, не есть еще полное торжество, и потому-то я считаю долгомъ напомнить всѣмъ начальникамъ священную обязанность, на нихъ лежащую, именно, предварительно озаботиться, чтобы, при открытіи огня съ непріятельскихъ батарей, не было ни одного лишняго человѣка, не только въ открытыхъ мѣстахъ и безъ дѣла, но даже прислуга у орудій и число людей для неразлучныхъ съ боемъ работъ было ограничено крайнею необходимостью. Заботливый офицеръ, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщетъ средства сдѣлать экономію въ людяхъ и тѣмъ уменьшить число подвергающихся опасности. Любопытство, свойственное отвагѣ, одушевляющей доблестный гарнизонъ Севастополя, въ особенности не должно быть допущено частными начальниками. Пусть каждый будетъ увѣренъ въ результатѣ боя и спокойно останется на указанномъ ему мѣстѣ; это въ особенности относится къ гг. офицерамъ.

«Я надѣюсь, что гг. дистанціонные и отдѣльные начальники войскъ обратятъ полное вниманіе на этотъ предметъ и раздѣлятъ своихъ офицеровъ на очереди, приказавъ свободнымъ находиться подъ блиндажами и въ закрытыхъ мѣстахъ. При этомъ прошу внушить имъ, что жизнь каждаго изъ нихъ принадлежитъ отечеству, и что не удальство, а только истинная храбрость приноситъ пользу ему и честь умѣющему отличить ее въ своихъ поступкахъ отъ перваго.

«Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы еще разъ повторить запрещеніе частой пальбы. Кромѣ невѣрности выстрѣловъ, естественнаго слѣдствія торопливости, трата пороха и снарядовъ составляетъ такой важный предметъ, что никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдать офицера, допустившаго ее. Заботливость объ охраненіи города, ввѣреннаго Государемъ нашей чести, пусть будетъ ручательствомъ за мѣткость и хладнокровіе нашихъ молодцовъ-артилеристовъ» [1]).

8-го числа прибылъ на сѣверную сторону новый главнокомандующій, князь М. Д. Горчаковъ 2-й.

Полная зависимость нравственнаго элемента отъ личности начальника заставляетъ насъ желать, прежде чѣмъ переходить къ дальнѣйшему разбору событій, ознакомиться съ главными чертами

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 56—58.

характера новаго главнокомандующаго, а потому и приведемъ здѣсь мнѣніе о немъ опытнаго военнаго историка, генерала Богдановича:

«Въ 1853 году, князь Михаилъ Дмитріевичъ, 64-хъ лѣтъ отъ рода, уже былъ съ 1843 г. генераломъ-отъ-артилеріи и кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ. Долговременное пребываніе его при фельдмаршалѣ князѣ Варшавскомъ (начальникомъ штаба въ теченіе 22-хъ лѣтъ), начальникѣ, не терпѣвшемъ самостоятельности въ своихъ подчиненныхъ, оказало невыгодное вліяніе на характеръ князя Горчакова. Потерявъ совершенно самоувѣренность, онъ, несмотря на присущую ему личную храбрость, не оставлявшую его до конца жизни, сталъ бояться всякой отвѣтственности, не только передъ Государемъ, но и въ отношеніи къ общественному мнѣнію. «Что скажутъ при Дворѣ?—Что будутъ толковать въ Петербургѣ?» Эти вопросы стѣсняли его дѣятельность, не допуская его слѣдовать внушеніямъ своего разума и подчиняя его рѣшимость постороннимъ вліяніямъ. Горя любовью къ Россіи и военной славѣ, прямой во всѣхъ дѣлахъ и помыслахъ своихъ, онъ заискивалъ въ случайныхъ людяхъ и нерѣдко выказывалъ неумѣстную въ его положеніи уступчивость, что много вредило ему, заставляя нѣкоторыхъ сомнѣваться въ его дарованіяхъ. Князь Михаилъ Дмитріевичъ постоянно обнаруживалъ въ военныхъ совѣтахъ и въ кабинетныхъ занятіяхъ здравый просвѣщенный умъ, но лишь только садился на коня и долженъ былъ распоряжаться войсками въ полѣ, всѣ его способности исчезали въ туманѣ сомнѣній и нерѣшимости. Благодарный, прямодушный, онъ бывалъ довѣрчивъ къ людямъ, не всегда достойнымъ того. . . . .

«Заботливый о нуждахъ солдатъ, прозванный въ рядахъ ихъ почетнымъ именемъ *честнаго князя*, Горчаковъ любилъ ихъ, но не умѣлъ говорить съ ними. Да и вообще, образованный, богатый свѣдѣніями и опытностью, поэтъ въ душѣ, князь Горчаковъ терялся на всякомъ шагу; разсѣянный, забывчивый, суетливый, онъ, при всѣхъ высокихъ душевныхъ качествахъ своихъ, былъ обреченъ безсилію, и самъ, какъ бы сознаваясь въ томъ, жаловался на то, что «судьба судила ему пережить цѣлый рядъ дѣлъ доблестныхъ, много дней кровавыхъ, но немного дней радостныхъ!» [1]).

Вступивъ въ командованіе крымскою арміей, князь отдалъ слѣдующій приказъ:

«Государь Императоръ изволилъ мнѣ повелѣть принять личное

---

[1]) М. Богдановичъ, т. I, стр. 96 и 97.

начальство надъ сухопутными и морскими силами, находящимися въ Крыму.

«Храбрые воины! мужествомъ вашимъ гордится вся Россія, и Великій Государь Николай I, при кончинѣ своей, съ признательностью обратилъ послѣдній взоръ свой на ваши подвиги. Достойный преемникъ Его, царствующій Императоръ Александръ II, въ письмахъ ко мнѣ отъ 19-го и 23-го февраля, изволилъ выразиться слѣдующими словами: «Скажите отъ Имени незабвеннаго благодѣтеля нашего храбрымъ защитникамъ Севастополя, что Онъ ими гордился и со смертнаго одра посылаетъ имъ черезъ Меня послѣднее и душевное спасибо; скажите нашимъ молодцамъ, что Я ихъ отъ души благодарю Его именемъ и вполнѣ увѣренъ, что они всегда будутъ достойны Его отеческаго попеченія».

«Самое трудное для васъ время миновало: пути возстановляются; подвозы всякаго рода запасовъ идутъ безостановочно и сильныя подкрѣпленія, къ вамъ на помощь направленныя, сближаются.

«Принимая начальство надъ вами, я въ полномъ упованіи, что вскорѣ, съ Божіей помощью, конечный успѣхъ увѣнчаетъ наши усилія, и что мы оправдаемъ ожиданія нашего Государя и Россіи» [1]).

Большинство войскъ подъ Севастополемъ, какъ мы знаемъ, было прежде въ составѣ южной арміи, а потому:

«Войска приняли князя Горчакова и его увѣренія скораго изгнанія непріятеля изъ Крыма съ ледянымъ равнодушіемъ; тѣ, которые служили подъ его начальствомъ на Дунаѣ, знали его личную храбрость и безпредѣльную преданность Царю и отечеству, уважали въ немъ справедливаго начальника и благороднаго, великодушнаго человѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ знали, что отъ него нельзя было ожидать ничего рѣшительнаго; морякамъ онъ былъ вовсе неизвѣстенъ» [2]).

Мы оставили борьбу на нашемъ лѣвомъ флангѣ на томъ, что обороняющійся долженъ былъ покинуть первую линію ложементовъ передъ Камчатскимъ люнетомъ, но и не дозволилъ своимъ огнемъ непріятелю занять ихъ. Однако, противникъ довелъ уже свой лѣвый подступъ на 40 саженъ къ ложементамъ и могъ, такимъ образомъ, въ одну ночь занять ихъ и передѣлать въ свою паралель. Потому-то рѣшено было въ ту же ночь на 11-е марта произвести серьезную вылазку, съ цѣлью возможнаго разрушенія ближнихъ работъ противника и упроченія тѣмъ положенія нашихъ контръ-

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 401 и 402.
[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 256.

апрошей. На эту вылазку, какъ извѣстно, было назначено девять баталіоновъ, общее начальство надъ которыми поручено генералу Хрулеву. Сила отряда доходила до 5,000 человѣкъ; кромѣ того, для отвлеченія вниманія и силъ союзниковъ предположено было произвести еще двѣ малыя вылазки противъ англійскихъ работъ.

Начальникъ отряда заранѣе сосредоточилъ его къ Камчатскому люнету и, какъ пишетъ участникъ, «мы всѣ знали куда идемъ и зачѣмъ идемъ, съ нами былъ въ это время всѣми любимый нашъ генералъ Хрулевъ, онъ-то и объявилъ намъ и распоряжался этимъ дѣломъ» [1]).

Въ темнотѣ цѣпью было обнаружено, что французы начали передѣлку нашихъ ложементовъ, а потому послѣ короткаго картечнаго огня войска въ двухъ колоннахъ, подъ начальствомъ полковниковъ Голева и Радомскаго, двинулись впередъ на оба французскіе подступа. Вскорѣ, выбитый штыками, противникъ отступилъ въ свою паралель, а наши рабочіе приступили къ разрушенію его работъ. Но работа эта не могла быть скоро окончена, а войска наши сильно терпѣли отъ огня французовъ, такъ что полковникъ Голевъ рѣшилъ выгнать непріятеля изъ его паралели. Молодцы-камчатцы ворвались въ траншею противника и тамъ завязался самый ожесточенный бой.

«Здѣсь въ самомъ разгарѣ рукопашнаго боя появился іеромонахъ 45-го флотскаго экипажа Іоаникій Савиновъ, съ крестомъ въ рукахъ, пѣвшій звонкимъ голосомъ тропарь: «Спаси Господи, люди твоя!» [2]).

«Одинъ изъ непріятелей бросился на безоружнаго монаха и ударомъ штыка разорвалъ на немъ рукавъ рясы и эпитрахиль, но былъ въ то же мгновеніе убитъ юнкеромъ Негребецкимъ» [3]).

По разрушеніи непріятельскихъ работъ вылазка начала отступать, но къ непріятелю подошли значительныя подкрѣпленія и онъ готовился къ рѣшительному преслѣдованію, вслѣдствіе чего къ намъ были пододвинуты резервы отряда и всѣ части по общему сигналу ринулись въ отчаянную контръ-атаку. Удачное дѣйствіе части другой вылазки съ противоположнаго берега Доковой балки въ тылъ французамъ много помогло этой атакѣ и лѣвый флангъ непріятеля былъ обращенъ въ полное бѣгство. Баталіоны Камчат-

---

[1]) Рукописи, т. II, стр. 18.
[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 66.
[3]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 261.

скаго и Днѣпровскаго полковъ окончательно захватили паралель непріятеля, взяли батарею, сбросили на ней орудія и, увлеченные боемъ, кинулись частью въ англійскую траншею, частью же далѣе на Ланкастерскую батарею. Генералъ Хрулевъ неоднократно подавалъ сигналъ отступленія и посылалъ объ этомъ приказанія, но войска, разгоряченныя боемъ, не вѣрили сигналамъ, думая, какъ это бывало часто, что ихъ подаетъ противникъ, а привезшимъ приказанія отвѣчали: «Не таковскій генералъ, чтобы велѣлъ отступать» [1]). Тогда «генералъ-лейтенантъ Хрулевъ вызвалъ изъ передовой цѣпи іеромонаха Савинова и поручилъ ему передать свое приказаніе. Солдаты, убѣдившись, что это было дѣйствительно желаніе ихъ любимаго начальника, отступили» [2]).

Только по отступленіи нашихъ французы снова заняли свою паралель, но уже не покушались преслѣдовать.

Малыя вылазки на англійскія работы тоже были вполнѣ удачны, такъ какъ каждая изъ нихъ побывала въ непріятельскихъ траншеяхъ, причемъ были разрушены три батареи, заклепаны орудія и взяты въ плѣнъ офицеры и нижніе чины.

Потери наши во всѣхъ этихъ вылазкахъ были довольно значительны: «вообще же у насъ убито и ранено 30 офицеровъ и 1,360 нижнихъ чиновъ; но какъ *многіе изъ раненыхъ остались въ строю*, то наша убыль не превышала 1,000 человѣкъ» [3]).

Обозленный противникъ, не рѣшаясь на продолженіе боя, всю ночь сильно бомбардировалъ городъ, выпустивъ «болѣе 2,000 бомбъ и 150 конгревовыхъ ракетъ» [4]).

Благопріятные результаты этой энергичной вылазки принесли значительныя выгоды: «Хотя при вылазкѣ 11-го (23-го) марта съ Камчатскаго люнета мы понесли значительную потерю, но при этомъ совершенно достигли предположенной цѣли — не допустить французовъ овладѣть передовою линіею нашихъ ложементовъ и обратить въ свою паралель, что сдѣлало бы для насъ весьма затруднительнымъ дальнѣйшее удержаніе Камчатскаго люнета. Итакъ, попытка французовъ овладѣть нашими ложементами оказалась такъ же неудачна, какъ и сдѣланное ими 12-го (24-го) февраля нападеніе на Селенгинскій редутъ.

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. II, стр. 45.
[2]) Тамъ же, стр. 46.
[3]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 263.
[4]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 70.

«Обѣ эти неудачи, какъ увидимъ впослѣдствіи, поколебали энергію союзниковъ и показали имъ, что для овладѣнія оборонительною линіею имъ предстояло предварительно брать съ боя каждый шагъ впередилежащей мѣстности, для защиты которой и для воспрепятствованія успѣху атаки обороняющійся не щадилъ никакихъ жертвъ, имѣя въ виду, что приближеніе осадныхъ батарей повлекло бы за собою неминуемо еще болѣе значительныя потери въ гарнизонѣ. Съ другой стороны, успѣхъ, достигнутый нами въ этой вылазкѣ, возвысилъ духъ гарнизона и убѣдилъ его въ возможности удержать за собою позицію, занятую контръ-апрошами, которыя, какъ показалъ опытъ, представляютъ при сильномъ гарнизонѣ самое дѣйствительное средство для замедленія осадныхъ работъ, въ особенности, противъ укрѣпленій, необезпеченныхъ отъ атаки открытою силой» [1]).

Но не одни эти ближайшіе результаты были благимъ слѣдствіемъ удачной активности гарнизона, проявленной, благодаря высокимъ моральнымъ качествамъ какъ людей, такъ и частныхъ ихъ начальниковъ. На основаніи этихъ удачныхъ дѣйствій явилось предположеніе:

«1) Ложементы впереди Киленбалочныхъ редутовъ передѣлать въ непрерывную контръ-апрошную траншею отъ Георгіевской балки до Киленбалки.

«2) Обратить тоже въ траншеи линіи ложементовъ впереди Камчатскаго люнета, причемъ первая линія назначалась для стрѣлковъ, обстрѣливавшихъ непріятельскіе подступы, а вторая для помѣщенія ближайшихъ резервовъ.

«3) Въ обѣ стороны люнета построить траншеи, продолживъ ихъ до Киленбалки и Докова оврага. Въ этихъ траншеяхъ могъ помѣщаться главный резервъ и могли быть устроены батареи для противодѣйствія демонтирнымъ батареямъ противника, такъ какъ люнетъ по короткости фронта не могъ вмѣстить большаго числа орудій.

«4) Устроить такія же двѣ линіи передовыхъ траншей впереди 3-го бастіона, противъ англійскихъ подступовъ.

«5) Связать эти послѣднія траншеи черезъ Доковъ оврагъ съ контръ-апрошами Камчатскаго люнета.

«Такимъ образомъ, имѣлось въ виду занять сильною контръ-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 71 и 72.

апрошною системой все пространство отъ рейда до Лабораторной балки» [1]).

«Всѣ предположенныя работы, несмотря на сильное противодѣйствіе непріятеля, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, были приведены въ исполненіе въ промежутокъ времени отъ 11-го (23-го) до 28-го марта (9-го апрѣля), такъ что къ этому послѣднему дню контръ-апрошная система находилась въ положеніи, означенномъ на генеральномъ планѣ» [2]).

Непріятель со своей стороны, какъ извѣстно, не рѣшаясь употребить столь же активный способъ противодѣйствія нашимъ работамъ, старался замедлить ихъ сильнѣйшимъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Для этого съ 14-го марта онъ сосредоточилъ дѣйствіе всѣхъ своихъ готовыхъ батарей по люнету и, кромѣ того, размѣстилъ въ траншеяхъ болѣе 30-ти полевыхъ и горныхъ орудій и кёгорновыхъ мортиръ.

«По недостатку пороха мы не имѣли возможности противопоставить атакующему равносильный артилерійскій огонь и отвѣчали только однимъ выстрѣломъ на каждые пять или шесть его выстрѣловъ по люнету. При такихъ обстоятельствахъ, артилерія люнета была почти ежедневно приводима въ совершенное разстройство. При значительномъ же скопленіи войскъ и рабочихъ на люнетѣ и въ ложементахъ, и при отсутствіи на люнетѣ блиндированныхъ помѣщеній, къ постройкѣ которыхъ невозможно было еще приступить, мы терпѣли на этомъ пунктѣ отъ непріятельскаго огня чувствительныя потери, простиравшіяся ежедневно отъ 50 до 150 человѣкъ» [3]).

«Съ своей стороны атакующій, послѣ дѣла 10-го (22-го) марта, старался настойчиво подвинуть свои работы противъ редутовъ на Киленбалочной высотѣ, Камчатскаго люнета и 3-го бастіона; но, несмотря на всѣ усилія, дальнѣйшіе успѣхи его были замедлены ружейнымъ огнемъ изъ контръ-апрошей, постоянно усиливавшимся вслѣдствіе соединенія ложементовъ траншеями» [4]).

На другомъ флангѣ атаки — противъ Городской стороны, мы нашимъ активнымъ выдвиженіемъ ложементовъ тоже могли не давать возможности непріятелю продвигаться впередъ:

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 74.
[2]) Тотлебенъ, ч. I, отд. II, стр. 74.
[3]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 78.
[4]) Тамъ же, стр. 79.

«Подступы французовъ въ этой атакѣ, будучи остановлены ружейнымъ огнемъ изъ ложементовъ, не подвинулись впередъ ни на шагъ» [1]).

Такимъ образомъ, на этомъ флангѣ и на всѣхъ другихъ пунктахъ работы съ обѣихъ сторонъ были направлены исключительно къ умноженію и лучшему устройству всѣхъ средствъ къ предстоящему второму усиленному бомбардированію Севастополя.

«На оборонительной линіи, въ виду ожидаемаго бомбардированія, приняты были дѣятельныя мѣры для упроченія брустверовъ, амбразуръ и пороховыхъ погребовъ, и для устройства достаточнаго количества блиндированныхъ помѣщеній. Всего на оборонительной линіи и редутахъ къ 28-му марта (9-му апрѣля) устроено 141 блиндированное помѣщеніе, въ которыхъ могло помѣститься весьма тѣснымъ образомъ до 6,000 человѣкъ.

«Для уравновѣшенія огня въ предстоявшей артилерійской борьбѣ, сдѣланъ былъ начальникомъ инженеровъ подробный разсчетъ, сколько атакующій могъ направить орудій на каждый пунктъ оборонительной линіи. Сообразно этому разсчету, сдѣланы имъ на мѣстѣ распоряженія о перерѣзкѣ значительнаго числа амбразуръ и объ установкѣ вновь необходимаго числа орудій такимъ образомъ, чтобы на всѣ важнѣйшіе пункты атаки направить превосходное число орудій» [2]).

Эта послѣдняя активная задача, поставленная руководителемъ работъ, благодаря высокимъ моральнымъ силамъ гарнизона, обусловливающимъ неистощимую его энергію, была вполнѣ достигнута. Къ 28-му числу вооруженіе оборонительной линіи дошло до 998 орудій, изъ которыхъ 466 могли дѣйствовать по осаднымъ батареямъ, а остальныя 532 орудія назначались для обстрѣла ближайшей мѣстности при штурмѣ и для фланговой, тыльной и внутренней обороны укрѣпленій [3]). Такимъ образомъ артилерійская сила обороны возрасла вдвое противъ состоянія ея ко 2-му ноября и вчетверо противъ перваго бомбардированія. Союзники къ этому времени подвезли значительныя средства и готовились открыть огонь по нашимъ укрѣпленіямъ изъ 444 орудій. Изъ сказанныхъ цифръ видно, что превосходство въ числѣ орудій для предстоящаго состязанія было на нашей сторонѣ. Несмотря на это, союзники

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 82.
[2]) Тамъ же, стр. 84.
[3]) Тамъ же, стр. 92 и 93.

имѣли на своей сторонѣ слѣдующія два значительныя преимущества. У насъ имѣлось всего 57 мортиръ, а у нихъ 130. Слѣдовательно, въ навѣсномъ огнѣ противникъ значительно насъ превосходилъ. Это превосходство имѣло большое моральное значеніе, какъ потому, что навѣсный огонь болѣе дѣйствителенъ по укрѣпленіямъ вообще, а въ особенности обороняющагося, такъ какъ они не могли быть оставлены безъ сильнаго занятія войсками на случай штурма, такъ и потому, что навѣсный огонь способенъ производить бо̀льшее нравственное впечатлѣніе.

Другимъ преимуществомъ противника было — значительное богатство его средствами къ борьбѣ. Союзники успѣли снабдить свою артилерію болѣе чѣмъ 500 зарядами на каждое орудіе, тогда какъ у насъ въ среднемъ было менѣе 150 зарядовъ на орудіе. Подобная разница въ средствахъ не могла не отразиться на силѣ огня и слѣдовательно тоже должна была имѣть невыгодное нравственное вліяніе, какъ явная для всѣхъ уступка въ силѣ противодѣйствія непріятелю. Вотъ при какихъ сравнительныхъ условіяхъ должно было начаться новое состязаніе съ союзниками, которое послѣдніе предпринимали съ цѣлью сбить нашу артилерію и, быстро подведя подступы, штурмовать городъ. Гарнизонъ Севастополя къ этому времени состоялъ приблизительно изъ 34,000 штыковъ и 9,000 артилерійской прислуги, въ числѣ которой до 8,000 было моряковъ [1]). Всѣ же силы князя Горчакова простирались до 75,000, не считая кавалеріи, а противникъ имѣлъ болѣе 85,000.

27-го марта былъ первый день Св. Пасхи. Торжественная служба, въ двухъ имѣвшихся въ Севастополѣ церквахъ, собрала всѣхъ свободныхъ отъ службы защитниковъ и оставшихся жителей. Не забыты были и войска, находившіяся на укрѣпленіяхъ: «По окончаніи обѣдни въ церквахъ, духовенство было приглашено отслужить молебны на оборонительной линіи, у батарейныхъ образовъ. Бастіоны и батареи приняли праздничный видъ. Площадки были выметены и усыпаны пескомъ, блиндажи убраны, станки и платформы вымыты и вычищены, люди опрятно одѣты въ чистые мундиры. Женщины и дѣти, презирая опасность, шли на бастіоны христосоваться со своими мужьями и отцами, и принести имъ освященной пасхи».

«Послѣ обѣдни, на бастіонахъ составились веселые кружки, явились музыканты и пѣсенники, пошли пляски и другія забавы.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 91 и 92, и Н. Дубровинъ, стр. 407.

Здѣсь выказалась вполнѣ веселость и беззаботность, столь характеризующая русскаго солдата. Вечеромъ на бульварѣ, у памятника Казарскаго игралъ хоръ военной музыки, причемъ въ толпѣ гуляющихъ видно было много дамъ. Казалось, всѣ забыли о грозныхъ приготовленіяхъ непріятеля къ открытію новаго бомбардированія, которое передъ праздниками ожидалось со дня на день» [1]).

Но на другой день съ 5-ти часовъ утра противникъ по общему сигналу открылъ бомбардированіе со всѣхъ своихъ батарей.

«При первыхъ выстрѣлахъ, помощникъ начальника гарнизона вице-адмиралъ Нахимовъ и прочія начальствующія лица прибыли на оборонительную линію, гдѣ и оставались цѣлый день» [2]).

Первые пять часовъ артилерійское состязаніе шло одинаково успѣшно и противникъ не пріобрѣталъ нигдѣ замѣтнаго превосходства, но въ 10 часовъ утра, начальникъ гарнизона, предвидя не соотвѣтствующій по имѣющимся запасамъ расходъ зарядовъ, долженъ былъ приказать: «...умѣрить огонь до послѣдней возможности, отвѣчая однимъ выстрѣломъ не менѣе какъ на два выстрѣла непріятеля» [3]).

Конечно, это вынужденное распоряженіе сейчасъ же отразилось и на возгорѣвшейся борьбѣ, такъ что къ вечеру союзники на многихъ пунктахъ успѣли нанести весьма значительный вредъ:

«5-й бастіонъ и смежныя съ нимъ батареи были такъ сильно повреждены, что къ сумеркамъ должны были совершенно замолчать.

«Въ оборонительной стѣнѣ, вправо отъ 5-го бастіона, дѣйствіемъ французской батареи № 28-го произведена брешь, шириною въ три сажени.

«4-й бастіонъ, подверженный огню 56-ти мортиръ и 30-ти длинныхъ бомбовыхъ орудій и, въ полномъ смыслѣ слова, засыпанный разрывными снарядами, также потерпѣлъ значительныя поврежденія и огромную потерю въ людяхъ. Самыя сильныя поврежденія причинены огнемъ осадныхъ батарей передовымъ укрѣпленіямъ лѣваго фланга: Камчатскому люнету, и редутамъ Селенгинскому и Волынскому, которые въ теченіе дня приведены были въ груду развалинъ. Всего у обороняющагося подбито 15 орудій и 13 станковъ, повреждены 23 платформы и завалено 122 амбразуры.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 96.
[2]) Тамъ же, стр. 97.
[3]) Тамъ же, стр. 98.

«Обороняющійся, со своей стороны, успѣлъ нанести важныя поврежденія многимъ осаднымъ батареямъ, въ особенности англійскимъ на Зеленой горѣ и французскимъ на Киленбалочной высотѣ» [1]).

Но подобный сравнительный успѣхъ противника не поколебалъ нравственныхъ силъ гарнизона и въ немъ какъ начальники, такъ и исполнители, думали только о томъ, чтобы на другой день еще больше не уступить противнику, не обращая вниманія на обстановку, при которой пришлось для этого производить работу:

«Чтобы не позволить непріятелю взять полный перевѣсъ въ артилерійской борьбѣ слѣдующаго дня, сдѣлано было распоряженіе о непремѣнномъ исправленіи въ теченіе ночи всѣхъ поврежденій и о замѣнѣ подбитыхъ орудій. Съ наступленіемъ темноты, по всей линіи приступлено было къ работамъ, которыя продолжались всю ночь безпрерывно, не взирая ни на какія потери. Между тѣмъ осаждающій, не прекращая прицѣльнаго огня, усилилъ навѣсный и штуцерной. Всю ночь громилъ онъ укрѣпленія и городъ изъ своихъ полутораста мортиръ. Съ особенною силою поражалъ онъ 4-й бастіонъ, но самый сильный огонь производилъ по Камчатскому люнету и редутамъ за Киленбалкою, которые были забрасываемы снарядами. Здѣсь не было никакой возможности отвѣчать осаднымъ батареямъ, и все вниманіе было исключительно устремлено на исправленіе поврежденій.

«Но, несмотря на страшный огонь, несмотря на размягчившуюся отъ дождя почву, затруднявшую доставку орудій, обороняющійся успѣлъ въ теченіе ночи, благодаря невѣроятнымъ усиліямъ и необыкновенному усердію всѣхъ чиновъ гарнизона, привести въ исправное состояніе укрѣпленія и замѣнить почти всѣ подбитыя орудія, такъ что утромъ на слѣдующій день Севастополь предсталъ взорамъ непріятеля не слабѣе, чѣмъ былъ наканунѣ» [2]).

Такое поведеніе обороняющагося не могло не служить ему на пользу. Защитники видѣли, что вредъ, наносимый огнемъ противника, не заслуживаетъ особаго вниманія и не серьезенъ, такъ какъ въ теченіе одной ночи исправляется почти безслѣдно; видѣли они также, что противостоять усиліямъ союзниковъ они въ состояніи. Легко себѣ представить, каково было впечатлѣніе непріятеля; только черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ перваго бомбардированія онъ счелъ себя достаточно подготовленнымъ для вторичнаго состяза-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 99 и 100.

[2]) Тамъ же, стр. 113.

нія, но первый день его не принесъ даже и тѣхъ результатовъ, каковые были достигнуты 5-го октября на 3-мъ бастіонѣ, а къ утру слѣдующаго дня вся оборонительная линія была въ томъ же грозномъ и вполнѣ готовомъ къ борьбѣ видѣ.

Съ 5-ти часовъ утра 29-го числа снова открылась бомбардировка. На этотъ разъ огонь былъ особенно силенъ противъ 4-го и 5-го бастіоновъ и контръ-апрошныхъ работъ нашего лѣваго фланга. Съ нашей стороны оказалось необходимымъ принять еще болѣе строгія мѣры для сбереженія зарядовъ и разрѣшено было за день израсходовать лишь по 30 зарядовъ на орудіе. Не трудно было при такихъ условіяхъ противнику одержать матеріальный успѣхъ надъ защитниками, но это не вело еще къ моральному превосходству, тѣмъ болѣе, что и ближайшіе начальники не упускали случая поддержать нравственныя силы гарнизона:

«Въ самомъ разгарѣ артилерійскаго боя начальникъ гарнизона баронъ Остенъ-Сакенъ лично посѣтилъ 5-й и 4-й бастіоны. Не обращая вниманія на страшный огонь непріятеля, христосовался онъ, по русскому обычаю, съ офицерами и нижними чинами, и благодарилъ ихъ за геройскую службу. Въ отвѣтъ на это раздавалось искреннее и громкое: «*рады стараться*», на лицахъ людей отражалась отвага и готовность умереть на бастіонахъ» [2]).

За этотъ второй день результаты бомбардированія были слѣдующіе:

5-й бастіонъ былъ приведенъ въ совершенное молчаніе. На 4-мъ бастіонѣ было подбито нѣсколько орудій, амбразуры были почти всѣ завалены и къ вечеру могли дѣйствовать лишь два орудія. Камчатскій люнетъ тоже сильно пострадалъ отъ дѣйствія непріятельскихъ мортиръ и полевыхъ орудій. Но всего больше пострадали редуты за Киленбалкою: «къ 2-мъ часамъ пополудни осадныя батареи взяли надъ ними полный перевѣсъ: на Селенгинскомъ редутѣ всѣ амбразуры были завалены, а на Волынскомъ уцѣлѣли только три; горжевой фасъ этого послѣдняго былъ почти срытъ. Вскорѣ затѣмъ оба редута принуждены были замолчать» [1]).

Но и непріятель не остался безъ поврежденій. Четыре французскихъ батареи должны были прекратить огонь; значительныя поврежденія были нанесены и англійскимъ батареямъ. Съ наступленіемъ темноты непріятель снова перешелъ на одинъ навѣсный

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 115.

[2]) Тамъ же, стр. 116.

огонь, а у насъ начались работы по исправленію поврежденій. Но въ эту ночь французы произвели нападеніе на ложементы впереди 5-го бастіона и редута Шварца. Прикрытіе изъ ложементовъ было отозвано сигналомъ отступленія и тогда всѣ наши близлежащія батареи открыли картечный огонь, выбившій къ полуночи французовъ изъ ближайшихъ ложементовъ. Въ рукахъ непріятеля остались лишь три ложемента передъ 5-мъ бастіономъ и передовая линія передъ редутомъ Шварца. Тогда направлены были: баталіонъ Колыванскаго полка и четыре роты изъ рабочихъ, которые стремительною штыковою атакою окончательно обратили непріятеля въ бѣгство, забравъ у него плѣнныхъ, шанцевый инструментъ и до 300 туровъ. Ложементы къ разсвѣту были исправлены и снова заняты нашими стрѣлками. Столь же неудачна оказалась и попытка французовъ начать новые подступы передъ четвертымъ бастіономъ.

За эту ночь снова были исправлены всѣ поврежденія на оборонительной линіи; къ сожалѣнію, не удалось окончательно исправить весьма значительныя поврежденія двухъ лѣвофланговыхъ редутовъ:

«Редуты эти были разрушены до такой степени, и непріятель всю ночь такъ сильно препятствовалъ своимъ огнемъ работѣ, что, несмотря на всѣ усилія, успѣли исправить на нихъ только пороховые погреба и амбразуры. Наружныя же крутости и задній фасъ Волынскаго редута остались въ полуразрушенномъ состояніи. За часъ до разсвѣта гарнизонъ сталъ въ ружье; всю ночь не смыкавшая глазъ прислуга размѣстилась при орудіяхъ, заряженныхъ картечью. Всѣ ждали, что непріятель, пользуясь разстройствомъ редутовъ, пойдетъ на штурмъ [1]).

30-го марта, французы обратили особенное вниманіе на редутъ Шварца, 5-й бастіонъ и батарею Шемякина, которые помѣшали имъ наканунѣ завладѣть нашими ложементами; къ вечеру французы успѣли совершенно разстроить оборону этихъ укрѣпленій. Тоже сильно пострадалъ за этотъ третій день бомбардированія 4-й бастіонъ, на которомъ въ исходящемъ углѣ были сбиты всѣ орудія и завалены амбразуры лѣваго фаса. На другихъ пунктахъ оборонительной линіи огонь былъ слабѣе, а англійскія батареи понесли значительныя поврежденія отъ нашихъ батарей 3-го отдѣленія.

Въ послѣдующую затѣмъ ночь, несмотря на навѣсный и шту-

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 119.

церной огонь, приступлено было не только къ исправленію дневныхъ поврежденій, но неутомимые защитники нашли возможнымъ даже начать нѣкоторыя новыя работы для бо́льшаго усиленія обороны слабыхъ пунктовъ, и, между прочимъ, было вновь поставлено на вооруженіе пять 68-ми-фунтовыхъ пушекъ. Французы же со своей стороны снова возобновили попытки придвинуть свои работы ближе къ осажденнымъ веркамъ. Дѣйствительно, въ эту ночь они уже цѣлымъ полкомъ произвели нападеніе на ложементы у кладбища, и, несмотря на сильный нашъ картечный огонь, прикрываясь турами, приступили къ работамъ. Съ нашей стороны были высланы два баталіона Колыванскаго полка, которые хотя по своей малочисленности и не могли прогнать противника, но своими, не разъ повторенными, атаками и ближнимъ огнемъ, не дали возможности французамъ успѣшно вести работы. Траншея ихъ настолько мало подвинулась, что на день они должны были ее оставить, а мы снова заняли стрѣлками свои ложементы. Въ этомъ ночномъ дѣлѣ противникъ потерялъ до 250 человѣкъ, а у насъ выбыло изъ строя всего 134 человѣка [1]).

Противъ 4-го бастіона въ эту ночь французы вели весьма ожесточенный прицѣльный и навѣсный огонь, чтобы помѣшать картечному обстрѣливанію ихъ подступовъ, чѣмъ и успѣли значительно ослабить наше противодѣйствіе, но, несмотря на это, они къ разсвѣту могли прибавить лишь десять туровъ въ одномъ изъ подступовъ.

Къ утру снова всѣ наши поврежденія были исправлены и подбитыя орудія замѣнены. 31-го числа сильному обстрѣливанію подверглись: 4-й и 5-й бастіоны, редутъ Шварца и Камчатскій люнетъ. Противъ же редутовъ, за Киленбалкою, огонь противника почти совсѣмъ прекратился. За этотъ день 3-й бастіонъ достигъ полнаго перевѣса надъ англійскими батареями и заставилъ ихъ послѣ полудня окончательно замолчать. Мы же потерпѣли значительное поврежденіе лишь на 4-мъ бастіонѣ, но, вслѣдствіе этого и невозможности въ одну ночь привести въ полное устройство его артилерійскую оборону, противникъ успѣлъ оба свои подступа выдвинуть на десять саженъ. Въ эту ночь опять была борьба въ ложементахъ противъ 5-го бастіона; ложементы эти, переходя нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, къ утру снова остались за нами и были

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 123.

исправлены. Значительнымъ успѣхомъ этой ночи было возстановленіе артилерійской обороны нашихъ лѣвофланговыхъ редутовъ.

1-го апрѣля опять больше всего пострадалъ, невполнѣ оправившійся, 4-й бастіонъ, принужденный къ вечеру совершенно замолкнуть. Тоже значительно разстроены были 5-й бастіонъ и редутъ Шварца. Напротивъ, на лѣвомъ флангѣ вновь ожившіе редуты успѣли заставить окончательно замолчать 15-ти-пушечную французскую батарею, наносившую постоянно большой вредъ Камчатскому люнету.

Въ послѣдующую ночь съ 1-го на 2-е апрѣля, такимъ образомъ, приходилось обратить особенное вниманіе на возстановленіе способности дальнѣйшаго сопротивленія 4-го бастіона, который, благодаря исключительнымъ стараніямъ французовъ, за послѣдніе дни все больше и больше приходилъ въ разстройство. Къ ночи было собрано на бастіонѣ до 1,500 рабочихъ и поднесено большое количество матеріаловъ: «одушевляемые присутствіемъ храбраго начальника 2-го отдѣленія, вице-адмирала Новосильскаго, который съ начала осады почти неотлучно находился на бастіонѣ, всѣ люди — саперы, матросы и пѣхота работали съ необыкновеннымъ усердіемъ, не обращая вниманія на страшный огонь непріятеля» [1]).

Въ эту же ночь мы рѣшили обратить ложементы впереди 5-го бастіона въ сплошную траншею, но на работу эту назначено было всего три баталіона Волынскаго полка, въ числѣ около 900 человѣкъ, тогда какъ противникъ назначилъ для овладѣнія нашими ложементами передъ 5-мъ бастіономъ и редутомъ Шварца значительныя силы и, введя изъ нихъ 16 ротъ въ дѣло, успѣлъ завладѣть ложементами и срыть ихъ. Къ утру французы устроили передъ 5-мъ бастіономъ траншею, а передъ редутомъ въ головѣ подступа сдѣлали небольшой плацдармъ.

Огонь 2-го числа не принесъ противнику никакихъ особенныхъ результатовъ, напротивъ, мы достигли въ этотъ день разрушенія подступовъ передъ 4-мъ бастіономъ, сильнаго пораженія англійскихъ батарей и полнаго разстройства французской батареи противъ Камчатскаго люнета.

Ночью же продолжался картечный и ружейный огонь по передовымъ работамъ противника, который не разъ заставлялъ его прекращать работу.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 129.

Столь долго продолжающееся бомбардированіе, при неизвѣстности дня прибытія новыхъ запасовъ пороха, заставило принять особыя мѣры для пополненія ежедневнаго расхода зарядовъ и для сохраненія необходимаго запаса на случай штурма. Затрудненія съ неимѣніемъ должнаго запаса пороха дошли до того, что приказано было приступить къ раздѣлкѣ излишняго запаса ружейныхъ патроновъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указано было ограничить еще болѣе расходъ зарядовъ и, имѣя по 50-ти зарядовъ на орудіе на случай штурма, расходовать въ день: «...изъ 162 орудій на важнѣйшихъ батареяхъ не болѣе 15-ти зарядовъ, изъ 224 орудій—не болѣе 10-ти, а изъ 53-хъ орудій—не болѣе 5-ти зарядовъ» [1]).

3-го апрѣля противникъ продолжалъ усиленное обстрѣливаніе 4-го и 3-го бастіоновъ и Камчатскаго люнета. Но такъ какъ огонь 4-го бастіона препятствовалъ ему продвинуть значительно впередъ свои подступы, то вечеромъ этого дня онъ взорвалъ четыре сближенныхъ горна для образованія воронокъ. Ночью по этимъ воронкамъ, бывшимъ въ разстояніи 30—40 саж. отъ нашего контръ-эскарпа, усиленно дѣйствовали картечью наши ближайшія батареи, такъ что на разсвѣтѣ воронки оказались не занятыми. За этотъ день удалось снабдить 2-е отдѣленіе 2,000 зарядовъ, раздѣланныхъ изъ патроновъ, да кромѣ того прибылъ первый транспортъ въ 900 пудовъ пороху и получено извѣстіе о прибытіи черезъ сутки слѣдующаго транспорта съ 2,000 пудовъ.

Въ одномъ изъ дневниковъ за этотъ день читаемъ слѣдующее:

«Князь Горчаковъ обошелъ всѣ укрѣпленія, дѣйствовавшія по непріятелю, всѣхъ благодарилъ, ободрилъ солдатъ и на всякомъ бастіонѣ далъ по два знака отличія военнаго ордена, предоставляя одинъ—матросамъ, а другой—пѣхотнымъ возложить на достойнѣйшаго изъ ихъ среды.

«Такимъ-то образомъ дѣйствій укрѣпляется нравственная сила арміи, столько времени не выходящей изъ пламени и крови!»

Далѣе въ выноскѣ мы читаемъ:

«Самъ же генералъ Сакенъ во всякое время посѣщаетъ бастіоны, а что касается его помощника, князя Васильчикова, то онъ ежедневно посѣщаетъ бастіоны одного или другаго отдѣленія, а иногда успѣваетъ посѣтить укрѣпленія двухъ отдѣленій» [2]).

Днемъ 4-го апрѣля вообще огонь противника былъ значительно

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 133.

[2]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 319.

слабѣе, исключая по 4-му бастіону, который снова былъ сильно разстроенъ, но защитники рѣшили не жалѣть ничего для сохраненія способности дѣйствія картечью изъ орудій бастіона. Англійскія батареи снова понесли значительныя поврежденія въ этотъ день и у нихъ былъ произведенъ взрывъ пороховаго погреба.

Ночью французы пытались занимать воронки и вести летучую сапу для соединенія ихъ съ паралелью, но были разгоняемы нашею картечью. Съ недостаткомъ пороха все еще не удалось справиться, такъ что въ эту ночь были розданы заряды только на 4-й бастіонъ и Камчатскій люнетъ, остальныя же батареи имѣли всего по 5-ти—10-ти зарядовъ на орудіе, не считая запаса для штурма.

«Съ тревожнымъ чувствомъ всѣ ожидали слѣдующаго утра. Но къ общей радости, 5-го (17-го) апрѣля французскія батареи продолжали сильно дѣйствовать только противъ 4-го бастіона и Камчатскаго люнета, а англійскія значительно ослабили свою энергію. Видно было, что союзники, израсходовавъ громадное количество снарядовъ и не достигнувъ ни на одной части оборонительной линіи ожидаемаго результата, постепенно ослабляли свой огонь» [1]).

За этотъ день была разрушена нашими выстрѣлами летучая сапа къ воронкамъ, но и мы понесли снова сильныя поврежденія на 4-мъ бастіонѣ и батареѣ Костомарова.

Въ слѣдующую ночь французы опять пытались производить работы у воронокъ, но съ нашей стороны были высланы три роты и 100 охотниковъ Тобольскаго полка, которые разогнали рабочихъ и разбросали вѣнчаніе воронокъ.

6-го числа повторилась та же борьба противъ 4-го бастіона. Съ утра наша артилерія разрушила до основанія ходъ сообщенія съ воронкою, а къ вечеру сама понесла значительное разстройство.

Ночью на 7-е число снова начались французскія работы и снова нашею вылазкою было сдѣлано на нихъ нападеніе. На этотъ разъ, однако, наша вылазка понесла значительный уронъ отъ ружейнаго огня противника, но и французы сильно потерпѣли, попавъ при преслѣдованіи подъ картечный огонь батареи Костомарова.

7-го апрѣля союзники прекратили, наконецъ, свое десяти-дневное общее бомбардированіе Севастополя, благодаря чему мы могли приступить къ болѣе капитальнымъ исправленіямъ всѣхъ бывшихъ поврежденій, исключая, впрочемъ, 4-го бастіона, такъ какъ:

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 140.

«Съ 7-го (19-го) по 11-е (23-е) апрѣля осадныя батареи продолжали дѣйствовать по 4-му бастіону, направляя свой огонь на другія укрѣпленія только отъ времени до времени, съ цѣлью покровительствовать осаднымъ работамъ» [1]).

Впрочемъ, и это обстрѣливаніе 4-го бастіона было прекращено непріятелемъ послѣ того, какъ 8-го числа онъ совсѣмъ разстроилъ артилерію бастіона и, пользуясь этимъ, успѣлъ соединить воронки сапою и приспособить ихъ къ оборонѣ ружейной.

За все время этого, неслыханнаго по своей силѣ и продолжительности, бомбардированія, союзниками было выпущено около 160,000 зарядовъ, а нами—только 88,751 зарядъ.

Потери, понесенныя обѣими сторонами, были тоже неравносильны. Противникъ потерялъ въ общемъ около 1,850 человѣкъ, а у насъ выбыло до 6,131 человѣка [2]). Столь значительная потеря вызвала, конечно, неутомимую дѣятельность за эти дни и медицинскаго персонала, которому въ дѣлѣ утѣшенія и успокоенія раненыхъ много помогали сестры милосердія Крестовоздвиженской общины. Не оставалось и начальство равнодушнымъ къ заботамъ о пострадавшихъ защитникахъ: «...принимали живое участіе въ судьбѣ раненыхъ начальникъ гарнизона, графъ Остенъ-Сакенъ, и начальникъ его штаба, князь В. И. Васильчиковъ; адмиралъ Нахимовъ, съ отеческою заботливостью, также старался облегчить ихъ тяжкое положеніе» [3]).

Болѣе подробное описаніе этого безпримѣрнаго десяти-дневнаго артилерійскаго состязанія даетъ намъ возможность, установивъ его результаты и послѣдствія, опредѣлить, на чьей сторонѣ оказалось нравственное превосходство въ этой борьбѣ и чѣмъ оно обусловливалось.

Результаты бомбардированія для союзниковъ были, какъ мы видѣли, слѣдующими: противъ 5-го бастіона и редута Шварца французамъ удалось захватить и разрушить наши ложементы и довести свою новую траншею передъ бастіономъ до кладбища, а противъ редута тоже устроить небольшую траншею и вывести изъ нея новый подступъ.

Главнымъ достигнутымъ успѣхомъ было приведеніе 4-го бастіона въ полуразрушенное состояніе и почти полное лишеніе его

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 144.
[2]) Тамъ же, стр. 153 и 154.
[3]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 285.

артилерійской обороны, пользуясь чѣмъ, противникъ довелъ свои подступы на 30—40 саженъ передъ этимъ укрѣпленіемъ.

На другой французской атакѣ имъ удалось окончить передовую полупараллель въ 200 саженяхъ отъ Камчатскаго люнета.

Успѣхъ англичанъ ограничился лишь занятіемъ одного нашего ложемента передъ 3-мъ бастіономъ.

Послѣдствіемъ же бомбардированія было признаніе союзниками своей неготовности къ штурму и отказъ отъ него на болѣе продолжительное время. Вотъ какимъ образомъ противникъ дошелъ до подобнаго рѣшенія:

«На военномъ совѣтѣ у французскаго главнокомандующаго 27-го марта (8-го апрѣля) было рѣшено открыть на слѣдующій день огонь, который поддерживать непрерывно 24 часа, послѣ чего долженъ былъ собраться 29-го марта (10-го апрѣля) въ англійской главной квартирѣ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса о штурмѣ. Но 29-го марта (10-го апрѣля) военный совѣтъ не состоялся, такъ какъ, по сознанію союзниковъ, *русскія батареи не только не были сбиты, но стрѣляли даже сильнѣе чѣмъ наканунѣ.* На совѣщаніи же 31-го марта (12-го апрѣля) артилерійскаго и инженернаго начальствъ обѣихъ армій было рѣшено продолжать усиленный огонь еще трое сутокъ, и въ то же время подвести подступы къ 5-му и 4-му бастіонамъ и Камчатскому люнету, а затѣмъ—собраться снова для рѣшенія вопроса о штурмѣ. Послѣ совѣщанія 2-го (14-го) апрѣля, союзные главнокомандующіе рѣшили, такъ какъ подступы передъ 4-мъ бастіономъ еще недостаточно подвинуты, то продолжать усиленный огонь еще трое сутокъ, а затѣмъ произвести штурмъ: французы должны были штурмовать 6-й, 5-й и 4-й бастіоны и Камчатскій люнетъ, и сдѣлать демонстрацію противъ редутовъ за Киленбалкою, а англичане должны были атаковать 3-й бастіонъ...

«5-го (17-го) апрѣля штурмъ также не состоялся. Послѣ совѣщанія 6-го (18-го) апрѣля, союзные главнокомандующіе рѣшили отложить его еще на нѣсколько дней, съ тѣмъ, чтобы въ это время французы устроили новую батарею въ подступахъ противъ редута № 1-го (Шварца), а англичане вооружили вновь возведенныя батареи. Наконецъ, штурмъ былъ назначенъ на 16-е (28-е) апрѣля. Но, какъ увидимъ ниже, онъ не состоялся въ этотъ день и былъ отложенъ на неопредѣленное время» [1]).

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 165—167.

Такимъ образомъ, несмотря на достигнутое разстройство артилеріи на 4-мъ бастіонѣ и на послѣдующее подведеніе подступовъ къ этому пункту на 100 шаговъ, союзники признали успѣхъ штурма недостаточно подготовленнымъ и не рѣшились на это предпріятіе.

«Причины нерѣшительности союзниковъ заключались, по всей вѣроятности, во-первыхъ, въ трудности согласить и направить къ одной цѣли дѣйствія двухъ отдѣльныхъ армій; во-вторыхъ, въ опасеніи контръ-минъ, и, въ третьихъ, въ томъ сильномъ нравственномъ вліяніи, которое имѣло на нихъ упорное сопротивленіе 4-го бастіона» [1]).

Дѣйствительно, какъ мы видѣли, дѣятельность гарнизона и его ближайшихъ начальниковъ за время этой десятидневной борьбы могла имѣть не малое нравственное вліяніе на непріятеля. Противникъ, занимая болѣе выгодную для обстрѣла мѣстность, могъ значительно менѣе терпѣть потерь въ войскахъ, такъ какъ не имѣлъ надобности держать ихъ столь близко къ укрѣпленіямъ, какъ обороняющійся, ожидавшій штурма. Затѣмъ, на сторонѣ противника хотя и не было превосходства въ числѣ орудій, но было таковое въ силѣ и впечатлѣніи огня. Соотвѣтственно калибрамъ орудій, 444 орудія союзниковъ давали въ одинъ залпъ до 732 пудовъ чугуна, а 466 орудій оборонительной линіи — только 577 пудовъ [2]). Союзники превосходили насъ больше чѣмъ вдвое навѣснымъ огнемъ. Главною же невыгодой для насъ являлось малое количество запасовъ, вслѣдствіе котораго мы могли отвѣчать всего однимъ выстрѣломъ на два непріятельскихъ. Но всѣ эти матеріальныя и нравственныя невзгоды какъ бы не оказывали никакого вліянія на стойкость, упорство и моральныя силы защитниковъ. Они обладали такимъ запасомъ энергіи, что, несмотря на понесенныя за день потери и поврежденія, успѣвали, не взирая ни на какія жертвы и трудности, встрѣчать съ утра новыя усилія противника съ той же стойкостью, какъ и наканунѣ. Противникъ, такимъ образомъ, ежедневно убѣждался въ недостаточности результатовъ своихъ предыдущихъ дѣйствій и, конечно, съ каждымъ днемъ терялъ все болѣе и болѣе увѣренность въ возможность одержать верхъ надъ нами, и потому день за днемъ отлагалъ назначенный штурмъ. Въ этомъ отношеніи самое большое впечатлѣніе должны были произвести первые два дня бомбардированія, когда союзники выпустили 34,000 и

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 168.

[2]) Тамъ же, стр. 150.

33,000 зарядовъ. Но не только въ артилерійской борьбѣ и ея послѣдствіяхъ союзники встрѣтили столько упорства; начавъ приводить въ исполненіе свое намѣреніе приблизить работы къ нашимъ веркамъ, они встрѣтили отпоръ, полный иниціативы и рѣшимости. Передъ 5-мъ бастіономъ и редутомъ Шварца они сдѣлали первое свое нападеніе на наши стрѣлковые ложементы въ ночь съ 28-го на 29-е марта, но были съ большимъ урономъ прогнаны какъ въ эту ночь, такъ и въ послѣдующія, и не только нашею картечью, но и энергичною штыковою атакой. Только въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля имъ удалось захватить ложементы и устроить свои траншеи, но для этого они должны были направить цѣлыхъ пять полковъ и два стрѣлковыхъ баталіона, хотя непосредственно въ дѣлѣ изъ нихъ приняли участіе только 16 ротъ [1]).

Тоже самое происходило и передъ 4-мъ бастіономъ. Союзники, съ перваго же дня бомбардированія, настойчиво старались продвинуться впередъ своими подступами, но работы ихъ каждый день были разрушаемы нашею артилеріею. Наконецъ, 3-го апрѣля они обратились къ помощи миннаго взрыва, но образовавшіяся воронки имъ удалось окончательно увѣнчать и соединить съ третьею паралелью всего лишь 8-го числа, такъ какъ мы мѣшали имъ не только картечнымъ огнемъ, но и смѣлыми вылазками.

Такимъ образомъ, всякій шагъ, всякая попытка союзниковъ встрѣчали такой энергичный и полный иниціативы отпоръ, что непріятель не могъ не убѣдиться въ исключительной готовности обороняющагося къ самой отчаянной борьбѣ. Это-то все и имѣло настолько сильное нравственное вліяніе на противника, что онъ не только призналъ необходимымъ отказаться отъ предположеннаго штурма, но даже не нашелъ въ себѣ достаточнаго запаса моральныхъ силъ для рѣшимости овладѣть такими пунктами, какъ Закиленбалочные редуты и 4-й бастіонъ, полное разстройство которыхъ, казалось бы, давало право разсчитывать на частный успѣхъ.

Приходится, значитъ, придти къ окончательному заключенію, что и эта десятидневная борьба, при нѣкоторомъ матеріальномъ успѣхѣ противника, была въ то же время полнымъ неуспѣхомъ его въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ онъ приведенъ былъ къ необходимости отказаться отъ исполненія своихъ плановъ и намѣреній и признать своего противника такой силы, которая недопускала возможности рѣшительныхъ противъ него дѣйствій.

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 277 и 278.

Послѣ выдержанной борьбы обороняющійся настолько сохранилъ нравственныя силы, что сейчасъ же принялся за вполнѣ активное противодѣйствіе достигнутымъ союзниками результатамъ. Положеніе 4-го бастіона крайне заботило руководителей обороны какъ по близкому расположенію непріятельскихъ подступовъ съ фронта, такъ въ особенности вслѣдствіе устройства французами подступовъ на площадкѣ передъ редутомъ Шварца. Дальнѣйшее продолженіе этихъ подступовъ было не трудно для противника, вслѣдствіе невозможности усилить фронтальный обстрѣлъ ихъ съ редута, а между тѣмъ подступы эти давали бы возможность обстрѣливать фланговымъ и тыльнымъ огнемъ не только 4-й бастіонъ, но и сообщенія его съ городомъ и часть оборонительной линіи въ Городскомъ оврагѣ. Для предупрежденія сего рѣшено было самимъ выдвинуться на эту площадку контръ-апрошными работами на 75 саженъ отъ редута. Работы французовъ тогда были бы въ 50-ти саженяхъ отъ нашихъ, а потому рѣшено было устроить двѣ линіи траншей въ 25-ти саженяхъ одна за другою, а затѣмъ, постепенно утолщая и улучшая постройку, вооружить ее сначала полевыми, а потомъ и орудіями большаго калибра. Эта новая работа должна была дать возможность сильнымъ фронтальнымъ огнемъ остановить успѣхъ противника, а также обстрѣливать ближнимъ фланговымъ огнемъ работы его передъ 4-мъ бастіономъ.

Всѣ предварительныя распоряженія и соображенія для этой новой активной работы были сдѣланы на мѣстѣ, руководство же ею было поручено опытному уже въ этомъ дѣлѣ, по постройкѣ редутовъ за Киленбалкою, генералу Хрущеву и въ его распоряженіе было назначено семь баталіоновъ, изъ которыхъ два для работъ, а пять въ прикрытіе. Вечеромъ 11-го апрѣля войска, выйдя за оборонительную линію и незамѣченныя сначала противникомъ, приступили къ дѣлу. Къ разсвѣту уже были готовы четыре ложемента, изъ которыхъ наши штуцерные обстрѣливали цѣлый день ближнимъ огнемъ непріятельскія траншеи. Противникъ цѣлый день обстрѣливалъ ложементы сильнымъ артилерійскимъ огнемъ и успѣлъ даже одинъ изъ нихъ разрушить. На слѣдующую ночь, какъ только головные баталіоны подходили къ ложементамъ, французы, послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ залповъ, выскочили изъ своихъ траншей и, занявъ ложементы, начали ихъ разрушать. Но храбрые екатеринбургцы были уже близко и съ генераломъ Хрущевымъ и командиромъ полка полковникомъ Богенскимъ во главѣ съ барабаннымъ боемъ и громкимъ крикомъ «ура» сейчасъ же бросились въ штыки.

Послѣ ожесточенной рукопашной схватки французы были прогнаны въ свои траншеи и цѣлую ночь поддерживали самый сильный ружейный и артилерійскій огонь. Но это не помѣшало нашимъ молодцамъ исправить и улучшить ложементы первой линіи и построить вновь два ложемента для резерва. Затѣмъ, въ ночь съ 13-го на 14-е апрѣля прибавлено еще три ложемента и задняя линія соединена въ общую траншею и ходомъ сообщенія съ редутомъ Шварца. Французы, кромѣ огня, пробовали произвести тревогу мелкими партіями, но прикрытіе было бдительно и работы шли успѣшно. Въ слѣдующую ночь ложементы первой линіи связаны въ общую траншею и соединены со второю линіею. Такъ же успѣшно продолжались работы и въ послѣдующіе дни, такъ что къ 19-му числу новыя контръ-апроши, протяженіемъ въ 250 саженъ, были почти окончательно устроены, снабжены траверсами и вооружены девятью 6-ти-фунтовыми мортирами. Огонь штуцерныхъ и мортирокъ сильно уже тревожилъ непріятельскія работы. Потому-то командиръ 1-го французскаго корпуса, генералъ Пелисье, настойчиво убѣждалъ маршала Канробера разрѣшить произвести сильное нападеніе на контръ-апроши, пока онѣ еще не были обращены въ солидное укрѣпленіе, и успѣлъ побѣдить нерѣшительность главнокомандующаго. Съ нашей же стороны новыя работы были переданы въ вѣдѣніе начальника 1-го отдѣленія, такъ какъ генералъ Хрущевъ назначенъ былъ замѣнить генерала Липранди въ Чоргунскомъ отрядѣ.

19-го съ утра противникъ очень сильно обстрѣливалъ контръ-апроши и нанесъ имъ значительныя поврежденія. Вечеромъ было наряжено на работы два баталіона Волынскаго полка, а въ прикрытіе имъ всего два баталіона Углицкаго полка, ближайшій же резервъ тоже въ количествѣ двухъ баталіоновъ, «былъ отведенъ, по распоряженію командующаго войсками, на Ростиславскій редутъ» [1]).

Генералъ же Пелисье, задумавъ серьезное нападеніе, собралъ отрядъ силою до семи полковъ и одного стрѣлковаго баталіона, подъ общею командою дивизіоннаго генерала де-Салля [2]). Въ 10 часовъ вечера непріятель вдругъ открылъ сильный огонь со своихъ батарей по ближайшимъ частямъ оборонительной линіи и въ значительныхъ силахъ бросился съ фронта и обоихъ фланговъ на

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 181.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 415.

наши работы. Углицкіе баталіоны, захваченные врасплохъ, не выдержали неожиданнаго нападенія и отступили. Работавшіе волынцы, послѣ ожесточенной схватки, тоже принуждены были отступить. Французы преслѣдовали волынцевъ вплоть до редута Шварца, но тутъ были остановлены картечью съ 5-го бастіона. Нашъ ближайшій резервъ и полкъ, высланный изъ общаго резерва, подошли уже тогда, когда противникъ совсѣмъ утвердился въ нашихъ контръ-апрошахъ, захвативъ и бывшія тамъ мортирки. Такимъ образомъ, вслѣдствіе назначенія слишкомъ малыхъ силъ въ прикрытіе и удаленія, въ видахъ уменьшенія потерь, резерва, потеряны были контръ-апроши, и противникъ сразу продвинулся впередъ на 75 саженъ и подошелъ на 56 саженъ къ редуту Шварца.

На другой день, 20-го апрѣля, предположено было отбитіе захваченныхъ непріятелемъ работъ и для этого назначено было шесть баталіоновъ, и нападеніе должно было начаться въ 6 часовъ пополудни съ двухъ сторонъ. Но главнокомандующій отмѣнилъ эти распоряженія и нападеніе было произведено въ 3 часа дня, въ присутствіи начальника штаба арміи, генералъ-адъютанта Коцебу, всего двумя баталіонами и 180 охотниками. Конечно, столь малыя силы ничего не могли сдѣлать серьезнаго и подошедшія къ французамъ подкрѣпленія изъ ближайшихъ траншей, послѣ упорнаго штыковаго боя, выбили ворвавшихся туда нашихъ молодцовъ.

«Потеря контръ-апрошей впереди редута № 1 (Шварца) и неудача наша при попыткѣ взять ихъ обратно должны были возвысить духъ атакующаго, такъ какъ это было первое непріятельское нападеніе, которое имѣло успѣхъ и при которомъ непріятелю удалось овладѣть частью нашихъ укрѣпленій. Слѣдовало предполагать, что послѣ этого атакующій станетъ дѣйствовать болѣе рѣшительно» [1]).

Изъ описанныхъ дѣйствій мы видимъ, что ближайшіе начальники обороны, основываясь на блистательныхъ качествахъ войскъ гарнизона, задумали смѣлое активное предпріятіе, уже испытанное и принесшее столько благихъ результатовъ на другихъ пунктахъ обороны. Но вмѣшательство высшихъ начальниковъ, не рѣшившихся, избѣгая потерь, поддержать продолженіе этихъ работъ достаточными силами, испортило все дѣло и обратило его на пользу и выгоду противнику. Въ этомъ фактѣ мы снова видимъ полное не-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 183.

вниманіе къ нравственному элементу. Могло ли послѣ этого факта въ славныхъ защитникахъ Севастополя укрѣпиться то необходимое довѣріе къ высшему начальнику, которое составляетъ главный залогъ успѣха въ военномъ дѣлѣ. Войска не могли не видѣть, что всѣ ихъ усилія съ 11-го по 20-е апрѣля и понесенныя при этомъ потери были совершенно безцѣльны и принесли только пользу противнику.

Несмотря на эту первую удачу подъ Севастополемъ, противникъ не отваживался переходить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, къ тому же онъ ожидалъ прибытія значительныхъ подкрѣпленій. Поэтому-то дѣятельность его въ концѣ апрѣля и началѣ мая ограничивалась продолженіемъ постройки новыхъ осадныхъ батарей и нѣкоторымъ приближеніемъ своихъ работъ, помощью устройства второй паралели на Киленбалочной высотѣ. Съ нашей же стороны всѣ передовыя постройки неутомимо дѣйствовали своими штуцерными по работамъ противника, несмотря на его всегда сильный огонь. На самой же оборонительной линіи дѣятельно были заняты ея исправленіемъ и усиленіемъ. Кромѣ того, для тревоженія противника и подведенія его подъ нашъ картечный огонь продолжались малыя вылазки, столь отвѣчавшія настроенію всѣхъ частей гарнизона. Всѣ эти вылазки были болѣе или менѣе удачны, но, конечно, немогли имѣть вліянія на общій ходъ осады и обороны, хотя не мало задерживали и тревожили противника. Изъ всѣхъ этихъ вылазокъ мы упомянемъ объ одной, которая имѣла особое значеніе.

1-го мая Охотскій полкъ собирался праздновать юбилей шестимѣсячнаго пребыванія въ рядахъ защитниковъ Севастополя, а потому въ ночь съ 29-го на 30-е апрѣля на вылазку были назначены исключительно охотцы, изъ которыхъ составилась команда охотниковъ въ 175 человѣкъ, при пяти офицерахъ. Молодцамъ этимъ удалось забраться на одну изъ англійскихъ батарей, гдѣ они и хозяйничали, пока не были отозваны лично своимъ командиромъ полка. Затѣмъ 1-го мая состоялось празднованіе: «...торжество началось молитвою, панихидою за упокой охотцевъ, убитыхъ съ начала осады. Затѣмъ, послѣ обѣдни и молебна въ устроенной на-скоро, по распоряженію генерала Хрулева, въ полупостроенномъ домѣ, полковой церкви, прошелъ церемоніальнымъ маршемъ взводъ георгіевскихъ кавалеровъ, въ числѣ коихъ были трое, награжденные крестами за послѣднюю вылазку. Обѣдъ для всего полка, музыка и пляски, продолжавшіяся до самой ночи, подъ

громомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, завершили праздникъ храбрыхъ охотцевъ»[1]).

Такимъ-то образомъ, многіе изъ нашихъ доблестныхъ частныхъ начальниковъ въ Севастополѣ пользовались каждымъ подходящимъ случаемъ для поддержанія и усиленія нравственныхъ силъ цѣлыхъ войсковыхъ частей, чествуя на глазахъ всего гарнизона ихъ доблестную и неутомимую службу.

За это время произошли значительныя перемѣны въ составѣ обѣихъ армій. У насъ многіе полки весьма сильно пострадали, а потому въ баталіонахъ имѣлось иногда только по 200 и 400 штыковъ. Вслѣдствіе этого пришлось переформировать большинство полковъ, находившихся въ Севастополѣ, въ двухъ-баталіонный составъ, а нѣкоторые въ одно-баталіонный. Но за это же время подошли въ подкрѣпленіе 6-я и 9-я пѣхотныя дивизіи, такъ что общая числительность силъ князя Горчакова доходила до 110,000—157,500, пѣхоты же было въ томъ числѣ 95,000—119,000 [2]). Изъ этихъ силъ въ Севастополѣ, на сѣверной сторонѣ, на Инкерманѣ и въ общемъ резервѣ у Симферополя было отъ 86,000—110,000, остальныя же были въ разныхъ пунктахъ полуострова.

Въ союзной же арміи, кромѣ значительнаго ея усиленія, произошли и серьезныя перемѣны. Многіе генералы союзной арміи, да и сами войска, тяготились нерѣшительностью дѣйствій своего главнокомандующаго, который, видя силу противника, не отваживался на штурмъ:

«Противъ лѣвой стороны (Севастополя), говорилось въ письмахъ, отправляемыхъ съ театра дѣйствій, работы союзниковъ идутъ худо. Русскія укрѣпленія до Малахова кургана весьма сильны, такъ что если мы необдуманно бросимся на нихъ, не можемъ причинить имъ вреда. Все, что мы портимъ, русскіе исправляютъ. Съ батарей, которыя мы нынѣ сбиваемъ, на другой день огонь становится сильнѣе. Вотъ чему надо приписать замедленіе въ штурмѣ. Штурмъ совершенно невозможное дѣло; надо одолѣть русскія укрѣпленія орудіями и понемногу минами; посредствомъ сапы достигнуть

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 297.

[2]) Тамъ же, стр. 299 и Н. Дубровинъ, стр. 426. Мы сочли возможнымъ не отвлекаться ближайшимъ изслѣдованіемъ правильности той или другой изъ приводимыхъ, довольно разбросанныхъ, цифръ подсчета нашихъ силъ, но считаемъ необходимымъ предупредить, что первый авторъ не даетъ ссылки на источникъ, изъ котораго взяты приводимыя имъ цифры, второй же ссылается на официальный архивный документъ.

до крѣпости, не прибѣгая къ опасному и отчаянному средству штурма» [1]).

Но подобное мнѣніе не раздѣлялось не только многими въ самой арміи, но и лордомъ Рагланомъ. Обострившіяся отношенія между двумя начальниками и невозможность согласовать взаимныя дѣйствія для исполненія предписаннаго изъ Парижа новаго плана наступательныхъ дѣйствій въ полѣ, заставили Канробера отказаться отъ званія главнокомандующаго, которое и перешло къ генералу Пелисье. Пелисье, настоявшій на захватѣ нашихъ контръапрошей у редута Шварца, былъ главнымъ поборникомъ рѣшительныхъ дѣйствій и по характеру своему, и энергіи вполнѣ соотвѣтствовалъ отважности замысловъ; кромѣ того онъ успѣлъ заслужить довѣріе англійскаго и турецкаго главнокомандующихъ, что служило къ согласованію взаимныхъ дѣйствій. При вступленіи въ должность 7-го мая онъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Солдаты! мое довѣріе къ вамъ безпредѣльно. Послѣ многихъ испытаній и столькихъ благородныхъ жертвъ нѣтъ ничего невозможнаго для вашей храбрости. Вы знаете, чего ждетъ отъ васъ императоръ и отечество. Оставайтесь тѣмъ же, чѣмъ были до сихъ поръ, и тогда, благодаря вашей энергіи, при содѣйствіи нашихъ доблестныхъ союзниковъ, при мужествѣ храбрыхъ моряковъ нашихъ эскадръ и съ помощью Бога, мы побѣдимъ» [2]).

Таковая перемѣна въ руководствѣ союзными силами не могла не имѣть громаднаго значенія на послѣдующія дѣйствія:

«Рѣшительный и энергичный характеръ Пелисье скоро отразился на войскахъ и среди союзниковъ стала замѣтна усиленная дѣятельность. Недоумѣнію Канробера онъ противоставилъ ясно сознанную цѣль, нерѣшительности—смѣлость и энергію, а слабости—настойчивость въ достиженіи цѣли и умѣнье пользоваться обстоятельствами.

«На первомъ же совѣтѣ главнокомандующихъ было рѣшено продолжать осаду съ упорствомъ; главную атаку вести противъ Малахова кургана и, стѣсня подступами Городскую часть, въ то же время отправить безотлагательно экспедицію въ Азовское море. Развернувъ линію обсерваціонной арміи и угрожая лѣвому флангу нашей арміи, союзники рѣшили для лучшаго обезпеченія своихъ дѣйствій поспѣшить окончаніемъ укрѣпленій у Камышевой и Ка-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 420.
[2]) Тамъ же, стр. 425.

зачьей бухтъ. 7-го мая Пелисье вступилъ въ званіе главнокомандующаго, а 13-го числа всѣ эти предположенія приводились уже въ исполненіе. Въ это время къ союзникамъ прибыла большая часть подкрѣпленій и численность ихъ армій, включая турокъ и сардинцевъ, по свидѣтельству Оже, достигла до 200,000 человѣкъ» [1]).

Со своей стороны, обороняющійся не могъ помириться съ послѣднимъ успѣхомъ атаки,—захватомъ контръ-апрошей у редута Шварца, и думалъ о продолженіи энергичныхъ дѣйствій для воспрепятствованія противнику дальнѣйшаго успѣшнаго движенія впередъ. Въ исполненіе этого, генераломъ Тотлебеномъ былъ составленъ планъ устройства на Кладбищенской высотѣ, занимаемой до того лишь ложементами, обширныхъ контръ-апрошей, которыя должны были бы ближнимъ ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ обстрѣливать начатыя уже траншеи противника для занятія Кладбищенской высоты; кромѣ того, онѣ достигали еще двухъ цѣлей: «1) дѣйствіемъ близкаго картечнаго и ружейнаго огня во флангъ непріятелю успѣли бы остановить его подступы впереди редута № 1 (Шварца), и, 2) разстроивъ предварительно фланговымъ артилерійскимъ огнемъ войска непріятеля, занимающія подступы, получалась бы возможность атаковать ихъ съ вѣроятностью успѣха» [2]).

Такимъ образомъ эти контръ-апроши имѣли громадное значеніе: занимая Кладбищенскую высоту, онѣ должны были прекратить готовящееся приближеніе работъ противника къ нашему правому флангу—первому отдѣленію оборонительной линіи, и въ то же время дать возможность обратно отнять у противника недавно потерянныя контръ-апроши впереди редута Шварца.

Это новое предположеніе дальнѣйшей дѣятельности обороняющагося не только вполнѣ соотвѣтствовало съ матеріальной стороны всѣмъ желательнымъ условіямъ продолженія упорной обороны на этомъ пунктѣ, но, какъ говоритъ авторъ проекта:

«Сверхъ того, наступательный образъ дѣйствій обороняющагося вполнѣ соотвѣтствовалъ нравственному состоянію гарнизона, всегда съ радостью встрѣчавшаго всякое извѣстіе о наступленіи,

---

[1]) Дубровинъ, стр. 425 и 426.
[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 209.

между тѣмъ какъ пасивный способъ обороны находилъ въ войскахъ весьма мало сочувствія» [1]).

Кромѣ того, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ предложилъ устроить еще контръ-апроши у Карантинной бухты.

Главнокомандующій собралъ на совѣтъ высшихъ начальствующихъ лицъ, большинство которыхъ высказалось за необходимость наступательныхъ дѣйствій, а потому и рѣшено было приступить къ устройству контръ-апрошей на обоихъ означенныхъ выше пунктахъ въ ночь съ 9-го на 10-е мая.

Общее руководство этими новыми работами было возложено на генерала Хрулева и во всѣхъ предварительныхъ соображеніяхъ мы видимъ полное вниманіе къ сохраненію столь важнаго въ нравственномъ отношеніи порядка. Въ предшествующую ночь съ 8-го на 9-е число генералъ Тотлебенъ лично на мѣстѣ произвелъ разбивку и указалъ какъ саперамъ, такъ и начальникамъ частей: «порядокъ слѣдованія войскъ, расположеніе аванпостовъ, ближайшихъ прикрытій и резервовъ, и распредѣленіе рабочихъ» [2]). Разсчетъ рабочихъ былъ сдѣланъ такъ, чтобы обезпечить скорое принятіе боеваго порядка рабочими и, кромѣ того, за каждою работавшею частью было прикрытіе отъ своего же баталіона или полка, такъ что всѣ люди на каждомъ участкѣ не выходили изъ-подъ надзора своихъ прямыхъ и постоянныхъ начальниковъ. Подробная же диспозиція дополняла всѣ эти предварительныя мѣры; всего было назначено 10 баталіоновъ, изъ которыхъ 9 назначались для работъ у кладбища и одинъ у Карантинной бухты.

Съ наступленіемъ темноты, 9-го мая, войска вышли на указанныя мѣста и приступили къ работѣ. Заранѣе установленный порядокъ и опредѣленность требованій привели къ тому, что противникъ всю ночь не безпокоилъ рабочихъ, не замѣчая ихъ дѣятельности, и къ утру контръ-апроши были настолько подвинуты, что могли вмѣстить и укрыть отъ огня противника уже два баталіона. Но съ разсвѣтомъ онѣ были заняты, какъ и раньше ложементы, всего 70-ю стрѣлками. Днемъ только противникъ увидалъ наши новыя работы. Оказалось, что французы въ эту ночь тоже работали невдалекѣ и начали выводить подступъ отъ одной изъ своихъ батарей къ нашимъ ложементамъ у кладбища. Такимъ образомъ, прочнымъ

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 210.

[2]) Тамъ же, стр. 212.

занятіемъ Кладбищенской высоты мы снова предупредили противника всего на нѣсколько дней, какъ это было съ высотою передъ Малаховымъ курганомъ.

Къ вечеру 10-го числа противникъ открылъ со своихъ батарей сильнѣйшій огонь по 5-му и 6-му бастіонамъ, а наша артилерія, получивъ отъ секретовъ свѣдѣнія, что французы сосредоточиваютъ значительныя силы противъ контръ-апрошей и выводятъ ихъ изъ траншей, обстрѣливала мѣстность впереди нашихъ новыхъ работъ и мѣста, гдѣ предполагали сосредоточеніе непріятельскихъ войскъ. Вскорѣ было получено извѣстіе, что противникъ занялъ наши контръ-апроши, выгнавъ изъ нихъ незначительное число бывшихъ тамъ стрѣлковъ. Тогда, не дожидаясь темноты, генералъ Хрулевъ двинулъ Подольскій полкъ и два баталіона Орловскаго полка выбивать непріятеля. Къ контръ-апрошамъ же у Карантинной бухты были двинуты два баталіона Житомирскаго полка и одинъ Орловскаго. Наши баталіоны вскорѣ выбили противника изъ траншей у кладбища и заняли ихъ. Французы усиленно дѣйствовали огнемъ по оборонительной линіи и мѣстности, лежащей передъ 5-мъ и 6-мъ бастіонами, и достигли значительныхъ поврежденій на 5-мъ бастіонѣ и батареѣ Шемякина. Новою атакой непріятелю удалось оттѣснить наши войска въ загородную балку; тогда на помощь имъ былъ двинутъ еще одинъ баталіонъ Орловскаго полка. Баталіону этому удалось подкрѣпить отступавшія изъ траншей войска и вмѣстѣ съ ними, послѣ упорной рукопашной свалки, снова завладѣть нашею контръ-апрошею. Генералъ Хрулевъ осмотрѣлъ лично войска и, найдя въ нихъ значительный уронъ, подкрѣпилъ ихъ семью ротами Углицкаго полка и двумя баталіонами Минскаго. Дѣйствительно, противникъ не заставилъ себя долго ждать и съ новыми силами ринулся на нашеи траншеи. Завязался отчаянный рукопашный бой, части наши соперничали между собою и упорно отстаивали контръ-апрошу, которая пять разъ переходила изъ рукъ въ руки, такъ что противникъ долженъ былъ ввести въ дѣло свой главный резервъ, но и тогда не совладалъ съ геройствомъ нашихъ войскъ, и къ разсвѣту въ разстройствѣ отступилъ въ свои траншеи. Въ этомъ бою одинъ изъ нашихъ полковъ заглаживалъ сдѣланный имъ промахъ, выразившейся въ потерѣ плацдарма у редута Шварца:

«Въ этихъ схваткахъ отличились особеннымъ мужествомъ семь ротъ Углицкаго полка. Полкъ этотъ дѣломъ 19-го апрѣля (1-го мая) уронилъ себя въ общемъ мнѣніи гарнизона за то, что, при

нераспорядительности начальниковъ, позволилъ застичь себя врасплохъ.

«Въ ночь 10-го (22-го) мая, роты Углицкаго полка, желая возстановить честь полка, выказали необыкновенное мужество и стойкость, и этимъ заслужили уваженіе прочихъ полковъ. На долю ихъ выпала борьба съ французскими гвардейскими войсками, которыя, будучи въ первый разъ въ огнѣ, желали сравняться съ прочими французскими полками, уже обстрѣленными, и дрались весьма храбро и упорно» [1]).

Но и другія наши части выказали въ этомъ ночномъ дѣлѣ столько упорства и храбрости, что произвели, повидимому, внушительное впечатлѣніе на противника. По крайней мѣрѣ, когда по окончаніи канонады и боя отходили къ оборонительной линіи, оставивъ въ контръ-апрошѣ на день 250 охотниковъ, то, «... несмотря на значительную убыль и крайнее утомленіе, имѣли бодрый видъ, отступали съ пѣснями, медленно, время отъ времени останавливаясь и устраиваясь въ балкѣ. Хотя было уже свѣтло, однако, непріятель не сдѣлалъ ни одного выстрѣла по нашимъ баталіонамъ, которые, во время подъема ихъ къ 6-му бастіону, были совсѣмъ открыты» [2]).

Къ сожалѣнію, на другомъ мѣстѣ бой окончился не въ нашу пользу. Контръ-апроша у Карантинной бухты, послѣ упорнаго боя, за время котораго она три раза переходила изъ рукъ въ руки, осталась окончательно въ рукахъ французовъ.

Въ обоихъ этихъ бояхъ съ обѣихъ сторонъ участвовали почти одинаковыя силы, около 12-ти баталіоновъ съ нѣсколькими ротами. Потеря въ нашихъ войскахъ простиралась до 2,646 человѣкъ, но и противникъ въ этотъ день понесъ значительный уронъ—1,802 человѣка [3]).

На слѣдующую ночь, конечно, слѣдовало ожидать повторенія покушенія противника на наши новыя работы у кладбища; но 10-го, вечеромъ, и 11-го числа были получены отъ дезертировъ свѣдѣнія: «..... что къ союзникамъ прибыли три французскія пѣхотныя дивизіи и около 20,000 сардинцевъ, что турецкія войска сосредоточивались у Евпаторіи, и что главное начальство надъ французскою арміей принялъ генералъ Пелисье» [4]). Кромѣ того, усмотрѣнъ былъ

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 222.
[2]) Тамъ же, стр. 222.
[3]) Тамъ же, стр. 224 и 225.
[4]) Тамъ же, стр. 226.

выходъ изъ Камышевой бухты непріятельскаго флота съ десантомъ, силою въ 15,000—20,000.

«Поэтому князь Горчаковъ, предвидя значительныя потери въ случаѣ дальнѣйшаго отстаиванія кладбищенскаго плацдарма и, находя невозможнымъ подкрѣпить севастопольскій гарнизонъ свѣжими войсками, отдалъ 11-го (23-го) мая слѣдующее приказаніе:

«Для охраненія вновь заложенной траншеи и продолженія въ ней работъ, подъ руководствомъ генералъ-маіора Тотлебена, назначаются два баталіона Житомирскаго полка, изъ коихъ одинъ баталіонъ долженъ занимать цѣпью самую траншею, а другой—находиться въ резервѣ. . . . .

«Если бы замѣчено было, что наступленіе непріятеля производится въ значительныхъ силахъ, такъ что двумъ баталіонамъ будетъ невозможно удержать за собою траншею, предписывается подкрѣпленій изъ черты оборонительной линіи не выводить, а баталіонамъ Житомирскаго полка отступать въ лощину.

«Когда траншея будетъ очищена нашими войсками, начальникъ обоихъ баталіоновъ подаетъ условленный сигналъ, по которому батареи, могущія по тому направленію дѣйствовать, открываютъ учащенный огонь.

«Баталіоны занимаютъ опять траншеи только въ томъ случаѣ, если бы секреты дали знать, что непріятель отступилъ» [1]).

Послѣдствіемъ этого распоряженія было окончательное занятіе противникомъ въ ночь съ 11-го на 12-е мая нашихъ работъ у кладбища, такъ какъ наши два баталіона не могли удержать ихъ противъ направленныхъ французами шести баталіоновъ.

Такимъ образомъ, конечнымъ результатомъ всѣхъ усилій и выходящаго изъ ряда геройства нашихъ войскъ, было выдвиженіе противника впередъ сразу на 250 саженъ и приближеніе его работъ къ 6-му бастіону на разстояніе 200 саженъ. Это, значитъ, была вторая значительная неудача во всемъ ходѣ обороны Севастополя. По поводу этой неудачи Государь Императоръ писалъ князю Горчакову:

«..... Отдавая полную справедливость стойкости и храбрости нашихъ войскъ въ дѣлѣ съ 10-го на 11-е число, Я не могу, однакоже, не сожалѣть, что оно стоило намъ столько дорогой крови и не при-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 226 и 227.

несло никакого результата, ибо мы сами очистили окопы и приготовили нѣкоторымъ образомъ траншеи для непріятеля...» [1]).

Причины отказа князя Горчакова отъ защиты новыхъ нашихъ построекъ и продолженія работъ по ихъ улучшенію были приведены выше и главное вліяніе въ этомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, оказала значительность потери, такъ что нельзя не согласиться со слѣдующимъ заключеніемъ: «. . . князь Горчаковъ, пораженный понесеннымъ нами урономъ, отказался отъ дальнѣйшаго отстаиванія кладбищенскихъ траншей...» [2]).

Въ задачи нашего изслѣдованія не входитъ подробный разборъ возможности или невозможности удержанія этихъ траншей и доведенія ихъ, продолженіемъ работъ, до предположенной силы, а потому упомянемъ только, что всѣ источники доказываютъ полную осуществимость надеждъ защитниковъ на успѣхъ въ этомъ дѣлѣ.

Мы же, съ своей стороны, обратимъ вниманіе, что дальнѣйшее удержаніе контръ-апрошей, при бдительности съ нашей стороны и настойчивости со стороны противника овладѣть ими открытою силой, принимая въ разсчетъ постепенное усиленіе нашихъ работъ, могло только увеличить потери противника. А это должно было имѣть на него громадное вліяніе, такъ какъ даже потеря, понесенная имъ въ ночь съ 10-го на 11-е число, была для него необыденною и равнялась обыкновенной потерѣ его за цѣлый мѣсяцъ. Съ нашей же стороны, потеря, равносильная бывшей въ эту ночь, могла быть понесена во всякое время въ три, четыре дня, если бы противникъ вздумалъ открыть усиленный огонь по нашимъ укрѣпленіямъ. Но, во всякомъ случаѣ, потеря эта должна была быть предвидѣна при рѣшеніи производства новыхъ контръ-апрошныхъ работъ и не могла быть неожиданностью или новою данною, оправдывавшими измѣненіе принятаго образа дѣйствій. Поэтому-то отказъ отъ продолженія работъ и отданіе ихъ въ руки противника приходится объяснить исключительно нерѣшительностью характера главнокомандующаго. Князь Горчаковъ далъ свое согласіе на начало работъ, но не нашелъ въ себѣ запаса рѣшимости и энергіи, когда реальная обстановка начавшейся борьбы выказалась яркими красками. Подобная нерѣшительность въ лицѣ главнаго начальника войскъ является самой пагубной съ точки зрѣнія нравственнаго

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 316.

[2]) Тамъ же, стр. 314.

элемента, по своимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ. Потому-то принятіе подобныхъ рѣшеній не можетъ не навести на мысль, что оно плодъ непривычки начальниковъ взвѣшивать въ каждомъ дѣлѣ нравственныя его послѣдствія, ставить ихъ выше всѣхъ матеріальныхъ и добиваться преимущественно нравственныхъ удачъ для себя и таковыхъ же неудачъ для противника.

Дѣйствительно, въ данномъ случаѣ князю Горчакову легко было помириться съ приближеніемъ противника къ правому флангу нашей оборонительной линіи и занятіемъ Кладбищенской высоты, если онъ думалъ только о матеріальныхъ выгодахъ и невыгодахъ. Приближенію противника можно было противопоставить новое усиленіе нашей оборонительной линіи на угрожаемыхъ пунктахъ, но за то мы имѣли возможность не нести столь значительныя потери, какъ 2,600 человѣкъ въ однѣ сутки, и тѣмъ, конечно, сохраняли людей и силы для противодѣйствія рѣшительному предпріятію противника.

Но не такъ легко было бы рѣшиться на отказъ, если бы при этомъ рѣшеніи были приняты во вниманіе всѣ нравственныя стороны подобнаго шага. Посмотримъ же, какое вліяніе долженъ былъ произвести этотъ эпизодъ на войска обѣихъ сторонъ.

Наши войска съ полнымъ довѣріемъ и бодрымъ молодецкимъ духомъ принялись за исполненіе предначертаній своихъ начальниковъ, выдержали ожесточенную и упорную борьбу съ противникомъ, выйдя изъ нея не только побѣдителями, но произведя еще сильное нравственное впечатлѣніе на противника. А на другой день они увидали, какъ противникъ безъ всякихъ усилій занялъ ихъ работы и обратилъ ихъ въ свою пользу. Можно-ли было разсчитывать, что эти войска въ слѣдующій разъ съ тѣмъ же довѣріемъ къ распоряженіямъ начальниковъ и самоотверженіемъ пойдутъ исполнять ихъ? Неужели главнокомандующій полагалъ, что войска скоро забудутъ это дѣло и будутъ столь же настойчиво добиваться, жертвуя собой, хорошихъ результатовъ, забывая, что послѣднее распоряженіе ихъ главнаго начальника снова можетъ отнять у нихъ всѣ достигнутые результаты? Возможно-ли, вообще, ожидать хорошей работы отъ людей при условіи полной необезпеченности ея результата? Не безцѣльно-ли будетъ работать въ такой обстановкѣ?

Значитъ, эпизодъ этотъ могъ только въ корнѣ подорвать довѣріе войскъ къ своему главнокомандующему и всѣмъ его послѣдующимъ распоряженіямъ и затруднить войскамъ сохранить свои мо-

ральныя силы на той же высотѣ, а, напротивъ, ослабилъ ихъ проявленіе въ значительной мѣрѣ въ слѣдующихъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ.

Даже большая потеря, понесенная войсками при борьбѣ за обладаніе Кладбищенской высотой, должна была побудить князя Горчакова продолжать ея отстаиваніе. Всякая потеря только тогда не имѣетъ большаго пагубнаго вліянія на моральныя силы войскъ, когда она не безцѣльна и войска въ достигнутомъ успѣхѣ видятъ ея неизбѣжную необходимость. Понеся въ первый день борьбы въ новыхъ траншеяхъ столь значительную потерю, слѣдовало, какъ намъ кажется, еще съ бо̀льшимъ упорствомъ продолжать сопротивленіе, и тогда потери противника повліяли бы чувствительно на его моральныя силы, а наша хотя и бо̀льшая потеря прошла бы безъ вліянія на нравственный духъ защитниковъ.

Не принята была тоже во вниманіе и предшествующая дѣятельность обѣихъ сторонъ въ ходѣ борьбы за Севастополь. Нельзя было не видѣть, что наша настойчивость и успѣхъ въ дѣлѣ устройства контръ-апрошей на лѣвомъ флангѣ оказали огромное нравственное вліяніе на противника и на весьма продолжительное время удержали его отъ приступа къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ города. Положеніе борьбы на правомъ флангѣ, тѣмъ болѣе въ то время, требовало возможно энергичныхъ дѣйствій съ нашей стороны, ибо успѣхъ атаки 4-го бастіона выказывался приближеніемъ къ нему траншейныхъ работъ на 35—60 саженъ, да къ тому же на этомъ флангѣ была уже съ нашей стороны одна неудача—потеря контръ-апрошей передъ редутомъ Шварца. Слѣдовательно, положеніе борьбы на правомъ нашемъ флангѣ требовало такого дѣйствія съ нашей стороны, которое способно было снова подчинить противника гнету нашего моральнаго могущества и заставить продолжать считать себя еще не подготовленнымъ къ переходу къ рѣшительнымъ противъ насъ дѣйствіямъ. Такого именно результата и разсчитывали достигнуть ближайшіе руководители обороны, рѣшаясь на устройство новыхъ работъ у кладбища.

Развязка же этого дѣла, вслѣдствіе нерѣшительности главнаго начальника, привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ и настолько возвысила нравственныя силы противника, что побудила его, какъ увидимъ ниже, къ продолженію рѣшительныхъ противъ насъ дѣйствій.

Подобное настроеніе противника было тѣмъ болѣе опасно въ

данное время, такъ какъ онъ только-что значительно усилился численно и перешелъ подъ команду человѣка, обладающаго гораздо болѣе развитыми моральными силами, чѣмъ его малорѣшительный предмѣстникъ.

Это выгодное состояніе союзниковъ сейчасъ же и выказалось на дѣлѣ. На всѣхъ пунктахъ проявилась съ ихъ стороны болѣе оживленная дѣятельность. Отдѣльная эскадра съ значительнымъ десантомъ овладѣла г. Керчью и проникла въ Азовское море, гдѣ занялась истребленіемъ запасовъ въ прибрежныхъ пунктахъ. Нанеся значительный убытокъ не только казнѣ, но и частнымъ лицамъ и прекративъ сообщеніе водою черезъ Азовское море, союзникамъ, все-таки, не удалось проникнуть въ Сивашъ для угрозы нашимъ сухопутнымъ сообщеніямъ черезъ Чонгарскую переправу и Перекопъ. Въ окрестностяхъ Севастополя они тоже продвинулись впередъ и овладѣли теченіемъ рѣки Черной. Здѣсь они окончательно утвердились на Федюхиныхъ и Балаклавскихъ высотахъ, и открыли себѣ, такимъ образомъ, доступъ къ водѣ и въ Байдарскую долину, гдѣ можно было получать сѣно и дрова. Все это, конечно, стѣсняло наше положеніе и, главное, не могло не быть признано за успѣхъ со стороны противника.

Наконецъ, противъ самаго Севастополя осаждающій въ своей лѣвой атакѣ занялся окончательнымъ упроченіемъ своимъ на Кладбищенской высотѣ, а на всемъ остальномъ фронтѣ дѣятельно заканчивалъ сооруженіе и вооруженіе новыхъ батарей. Таковая дѣятельность осаждающаго, равно какъ и свѣдѣнія, полученныя отъ дезертировъ, давали поводъ къ заключенію, что союзники готовились къ новому третьему бомбардированію Севастополя.

Хотя со втораго бомбардированія не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, но защитники Севастополя на много успѣли усилить свою оборону, преслѣдуя, какъ и прежде, цѣль — не уступить врагу въ артилерійскомъ состязаніи. Къ 28-му марта, какъ указано было выше, число орудій на оборонительной линіи достигало 998, а къ 25-му мая, ко дню открытія третьяго бомбардированія, это число возросло до 1,174 орудій, изъ которыхъ 571 было назначено для борьбы съ осадными батареями, а остальныя 603—для фланговой и внутренней обороны укрѣпленій и для обстрѣливанія ближайшихъ подступовъ на впередилежащей мѣстности. Общее увеличеніе числа орудій съ нашей стороны простиралось до 176. Но и союзники выказали за это время большую настойчивость въ уси-

леніи своихъ средствъ борьбы съ неподатливымъ противникомъ. Они тоже увеличили свое вооруженіе на 144 орудія, доведя ихъ число до 588, изъ которыхъ, впрочемъ, только 544 могли дѣйствовать по укрѣпленіямъ южной стороны. Такимъ образомъ, благодаря неослабно продолжающейся энергіи и дѣятельности защитниковъ и къ этому бомбардированію они сохранили за собой превосходство въ 27 орудій. Не могли они только превзойти противника въ такихъ средствахъ борьбы, которыя не отъ нихъ зависѣли. Пороха имѣлось на батареяхъ оборонительной линіи всего по 140 зарядовъ на каждое длинное орудіе (въ томъ числѣ по 50 для штурма), по 60 на мортиру и по 70 на каждое орудіе, дѣйствовавшее не по осаднымъ батареямъ. Противникъ же въ этомъ отношеніи, пользуясь легкостью подвоза моремъ, былъ снабженъ весьма обильно и имѣлъ отъ 600—500 зарядовъ на каждое орудіе [1]).

Вотъ при какихъ условіяхъ 25-го мая ровно въ 3 часа пополудни противникъ открылъ одновременно огонь изъ всѣхъ осадныхъ батарей. Огонь противника съ самаго начала достигалъ ужасающей силы, но замѣтно все-таки было, что наиболѣе учащенный обстрѣлъ велся противъ нашихъ контръ-апрошныхъ построекъ лѣваго фланга. Въ особенности страдалъ отъ этого огня Камчатскій люнетъ, который къ вечеру принужденъ былъ замолчать, сильно пострадавъ отъ огня направленныхъ на него 48-ми орудій противника. На всѣхъ остальныхъ частяхъ оборонительной линіи, не исключая Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ, несмотря на довольно значительныя поврежденія и въ особенности большое количество засыпанныхъ амбразуръ, огонь поддерживался вплоть до вечера, только Малаховъ курганъ «къ вечеру почти не стрѣлялъ» [2]), благодаря сильному разрушенію правой его части англійскими батареями.

Но и непріятельскія батареи не остались безъ поврежденій и должны были ослабить къ вечеру свой прицѣльный огонь. Ночью противникъ поддерживалъ только мортирный огонь, съ нашей же стороны всю ночь продолжался прицѣльный и навѣсный огонь, бо́льшею частью съ 3-го, 2-го и 1-го бастіоновъ. Одною изъ бомбъ удалось взорвать погребъ на французской батареѣ, на Киленбалочной высотѣ. Всю ночь, несмотря на сильный непріятельскій огонь,

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 283 и 284.

[2]) Тамъ же, стр. 287.

на нашей оборонительной линіи шли дѣятельныя работы по исправленію понесенныхъ поврежденій, благодаря чему:

«Къ разсвѣту 26-го мая (7-го іюня), подбитыя орудія, станки и платформы были замѣнены новыми, и почти всѣ амбразуры приведены въ исправное состояніе. Одинъ только Камчатскій люнетъ, несмотря на всѣ усилія, не могъ быть совершенно исправленъ.

«На разсвѣтѣ 26-го мая (7-го іюня) непріятель возобновилъ жестокую канонаду противъ всѣхъ укрѣпленій влѣво отъ капитали 4-го бастіона, направляя самые частые выстрѣлы на Малаховъ курганъ, Камчатскій люнетъ и редуты за Киленбалкою» [1]).

Вслѣдствіе этого уже къ 8-ми часамъ утра осадныя батареи взяли явный перевѣсъ надъ нашими батареями лѣвѣе Докова оврага, которыя значительно ослабили огонь; Камчатскій же люнетъ совсѣмъ долженъ былъ замолчать. Напротивъ того, 3-й бастіонъ нанесъ сильныя поврежденія англійскимъ батареямъ и взорвалъ на одной изъ нихъ пороховой погребъ.

«Не взирая на жестокій огонь, на бастіонахъ и батареяхъ производились работы по исправленію поврежденій. Команды рабочихъ, назначенныя къ каждому пороховому погребу, забрасывали земляными мѣшками воронки, производимыя въ ихъ насыпяхъ бомбами; другія команды расчищали заваленныя амбразуры, и тушили пожары въ туровой одеждѣ амбразуръ и брустверовъ отъ взрыва непріятельскихъ бомбъ и гранатъ» [2]).

Съ 3-хъ часовъ пополудни, союзники, не ослабляя огня противъ нашего лѣваго фланга и сосредоточивъ его противъ Камчатскаго люнета, начали обстрѣливать и правую часть нашей оборонительной линіи.

«При такихъ обстоятельствахъ, между тѣмъ, какъ артилерія правой части оборонительной линіи отъ 7-го бастіона до Докова оврага продолжала упорно бороться съ осадными батареями, большая часть укрѣпленій нашего лѣваго фланга къ 6-ти часамъ пополудни была приведена въ совершенное разстройство» [3]).

Все это указывало, что противникъ намѣревался предпринять что нибудь рѣшительное именно противъ нашего лѣваго фланга, противъ котораго были обращены за эти два дня наибольшія усилія. Посмотримъ, какъ же были распредѣлены и расположены силы,

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 287 и 288.

[2]) Тамъ же, стр. 288.

[3]) Тамъ же, стр. 289.

которымъ была поручена защита города. На южной сторонѣ въ это время находилось 60 баталіоновъ пѣхоты и 2½ баталіона саперъ, числительностью до 36,000 челов., кромѣ того имѣлось 20 запряженныхъ полевыхъ орудій. Прислуга при орудіяхъ, на батареяхъ была преимущественно изъ матросовъ, около 9,000 человѣкъ. Изъ всѣхъ этихъ силъ 35 баталіоновъ съ восемью орудіями занимали Городскую сторону, 22 баталіона съ 12-ю орудіями — Корабельную, а два баталіона — береговыя батареи. Такое распредѣленіе силъ было принято потому, что по близости подступовъ непріятеля къ 4-му и 5-му бастіонамъ и редуту Шварца Городская сторона могла ожидать ежеминутнаго штурма. На Корабельной же сторонѣ только редуты за Киленбалкою и Камчатскій люнетъ были подвержены таковому. Но, въ виду особаго вниманія противника къ Корабельной сторонѣ, прослѣдимъ болѣе подробно расположеніе войскъ на ней.

При устройствѣ редутовъ, какъ уже упоминалось, было рѣшено постоянно занимать эту позицію не менѣе какъ шестью баталіонами, такъ какъ скорый подходъ резерва изъ города не могъ быть обезпеченъ, вслѣдствіе отдѣленія этой позиціи отъ оборонительной линіи Киленбалкою. Послѣ втораго бомбардированія, когда противникъ обратилъ особенное вниманіе на нашу передовую позицію лѣваго фланга, по настоянію начальника инженеровъ, диспозиціею отъ 29-го марта «...назначено было имѣть на Киленбалочной позиціи восемь баталіоновъ, а на Камчатскомъ люнетѣ и въ передовыхъ его контръ-апрошахъ: днемъ — два, а ночью — четыре баталіона» [1]).

Начальникомъ всѣхъ войскъ на Корабельной сторонѣ до 5-го мая былъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ. Когда же онъ былъ отозванъ для устройства кладбищенскихъ контръ-апрошей, то его замѣнилъ генералъ-маіоръ князь Урусовъ, а съ 14-го мая этотъ важный постъ занялъ генералъ-лейтенантъ Жабокритскій.

«Генералъ Жабокритскій представилъ 19-го (31-го) мая проектъ частной диспозиціи, по которой гарнизоны редутовъ, Камчатскаго люнета и всего лѣваго фланга оборонительной линіи были ослаблены до послѣдней крайности.

«Предложеніе генерала Жабокритскаго было принято въ штабѣ и включено въ общую диспозицію, отданную 22-го мая (3-го іюня)» [2]).

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 292.

[2]) Тамъ же, стр. 293.

По этому распоряженію 22 баталіона на Корабельной сторонѣ были расположены слѣдующимъ образомъ: днемъ Селенгинскій и Волынскій редуты занимались каждый всего двумя ротами, всего около 450 человѣкъ. Въ ближайшемъ резервѣ въ Троицкой балкѣ стоялъ еще баталіонъ (500 человѣкъ). Затѣмъ общій резервъ этой позиціи, въ числѣ четырехъ баталіоновъ, былъ помѣщенъ въ Ушаковой балкѣ, т. е. въ тылу за 1-мъ бастіономъ. Движеніе этого резерва къ редутамъ должно было производиться по мосту черезъ Киленъ-бухту. Только на ночь всѣ шесть баталіоновъ сосредоточивались на Киленбалочной позиціи.

Контръ-апроши передъ Камчатскимъ люнетомъ занимались штуцерными въ числѣ 100 человѣкъ. Самый люнетъ—однимъ баталіономъ и Малаховъ курганъ — тоже однимъ баталіономъ. Резервъ этого отдѣленія изъ восьми баталіоновъ стоялъ въ Корабельной слободкѣ. На ночь располагались: $3^1/_2$ баталіона на Камчатскомъ люнетѣ и впереди его, $3^1/_2$ баталіона — на Малаховомъ курганѣ, 2-мъ бастіонѣ и куртинѣ между ними и три баталіона оставались въ резервѣ.

На 3-мъ отдѣленіи: въ контръ-апрошахъ—150 штуцерныхъ, на 3-мъ бастіонѣ—двѣ роты и въ резервѣ, въ Александровскихъ казармахъ—$5^1/_2$ баталіоновъ. На ночь въ резервѣ оставался одинъ баталіонъ [1]).

Про это расположеніе одинъ изъ историковъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе:

«Изъ этого обзора видно, что гарнизоны всѣхъ укрѣпленій Корабельной стороны были ослаблены до-нельзя, и что редуты за Киленбалкою были отданы на жертву непріятелю, а вся лѣвая часть оборонительной линіи поставлена почти въ беззащитное положеніе» [2]).

Не можемъ не указать еще, что отдѣленіе резерва редутовъ въ Ушакову балку могло быть подсказано лишь какими нибудь несвоевременными соображеніями о доставленіи удобства войскамъ и полнымъ забвеніемъ главной заботы начальника — боевой готовности ввѣреннаго ему поста, тѣмъ болѣе, что:

«Такое расположеніе не могло быть оправдано желаніемъ уменьшить потери отъ непріятельскаго огня, такъ какъ, оставляя въ редутахъ и траншеяхъ два баталіона, можно было расположить еще

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 293—295.

[2]) Тамъ же, стр. 295.

до шести баталіоновъ въ Троицкой балкѣ, гдѣ они были бы совершенно укрыты отъ прицѣльнаго огня и подвергались бы только случайнымъ потерямъ отъ навѣсныхъ выстрѣловъ, отъ которыхъ они почти въ такой же степени терпѣли и въ Ушаковой балкѣ» [1]).

Въ дневникѣ одного изъ участниковъ Севастопольской обороны мы встрѣчаемъ подробное сравненіе порядка несенія службы войсками на Корабельной сторонѣ при Хрулевѣ и при генералахъ Урусовѣ и Жабокритскомъ, говорящее не въ пользу порядковъ, установленныхъ послѣдними начальниками. Мы приведемъ здѣсь только окончательное заключеніе автора, наиболѣе для насъ важное:

«Также вѣрно, что онъ (Жабокритскій) войсками на лѣвой половинѣ оборонительной линіи командовалъ спустя рукава, отчего слишкомъ не строго относились къ своимъ обязанностямъ и власти, ему подначальныя. Въ послѣднее время командованія Жабокритскаго въ гарнизонѣ лѣвой половины образовался хаосъ» [2]).

Появленіе безпорядка въ отправленіи службы на столь важномъ пунктѣ, какъ Корабельная сторона, конечно, не могло повліять на усиленіе моральной силы обороны, но оно могло быть исправлено своевременными распоряженіями при выясненіи намѣреній противника, но и этого не было сдѣлано, какъ свидѣтельствуютъ всѣ историки, повѣствующіе о событіяхъ 26-го мая.

«Между тѣмъ, съ наблюдательныхъ постовъ замѣченъ былъ сборъ въ непріятельскихъ траншеяхъ, и дезертиры доносили, что союзники намѣрены, въ этотъ вечеръ, штурмовать редуты и Камчатскій люнетъ. Но вмѣсто того, чтобы принять мѣры для усиленія гарнизоновъ этихъ укрѣпленій, генералъ Жабокритскій рапортовался больнымъ и уѣхалъ на сѣверную сторону.

«Назначенный снова начальникомъ войскъ на Корабельной сторонѣ генералъ Хрулевъ нашелъ необходимымъ усилить гарнизоны на всѣхъ передовыхъ укрѣпленіяхъ, оставленныхъ почти безъ войскъ.

«Но едва успѣлъ онъ измѣнить ночной нарядъ войскамъ, какъ непріятель, около 6½ часовъ вечера, произвелъ штурмъ на редуты за Киленбалкою и Камчатскій люнетъ, а вскорѣ затѣмъ атаковалъ и контръ-апроши впереди 3-го бастіона» [3]).

Такимъ образомъ, для встрѣчи штурма имѣлось всего: на реду-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 310.

[2]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 382.

[3]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 295. То же подтверждается и М. Богдановичемъ, т. III, стр. 346 и П. Алабинымъ, ч. III, стр. 381.

тахъ — баталіонъ въ 450 чел. и тоже одинъ баталіонъ (500 чел). въ резервѣ; на Камчатскомъ люнетѣ и впереди него баталіонъ и 100 охотниковъ, всего 450 человѣкъ и въ резервѣ на Малаховомъ курганѣ—баталіонъ; въ контръ-апрошахъ передъ 3-мъ бастіономъ—150 охотниковъ и на самомъ бастіонѣ—двѣ роты. Противникъ же сосредоточилъ для штурма, подъ общимъ начальствомъ генерала Боске, слѣдующія силы:

Атака редутовъ была поручена дивизіи Майрана, а въ резервѣ за ней была дивизія Дюлака—всего имѣлось 18 баталіоновъ. На Камчатскій люнетъ назначалась дивизія Каму, поддержанная дивизіею Брюнѣ и двумя баталіонами гвардіи—всего 21 баталіонъ. Въ верховьяхъ Киленбалки расположилась въ видѣ общаго резерва турецкая дивизія Османа-паши.

Во всѣхъ пяти дивизіяхъ состояло отъ 35,000 до 40,000. Англичане для атаки контръ-апрошей передъ 3-мъ бастіономъ назначили отрядъ въ 400 человѣкъ и резервъ къ нему въ 600 человѣкъ, да кромѣ того въ бою принялъ участіе рабочій отрядъ въ 800 человѣкъ [1]).

Атака французскихъ головныхъ бригадъ на редуты была такъ стремительна, что по нимъ успѣли сдѣлать едва нѣсколько выстрѣловъ и отчаянное сопротивленіе одного баталіона въ самихъ редутахъ не могло спасти ихъ отъ захвата. Небольшое число изъ защитниковъ Волынскаго редута при этомъ попалось въ плѣнъ и одинъ изъ нихъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ: «...французы, обезоруживъ насъ двухъ офицеровъ и 49 человѣкъ нижнихъ чиновъ, начали шарить въ блиндажахъ и въ пороховомъ погребѣ, изъ котораго вытащили проколотое штыкомъ тѣло храбраго матроса, который передъ самымъ штурмомъ былъ раненъ ядромъ въ ногу; лежа подъ навѣсомъ у входа пороховаго погреба и услыхавъ, что французы уже были въ редутѣ, онъ хотѣлъ принести жертву на алтарь отечества, и началъ кресаломъ добывать огонь, чтобы взорвать пороховой погребъ, но былъ застигнутъ французами, и умерщвленъ на мѣстѣ» [2]). Къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ осталось имя этого подражателя знаменитаго Архипа Осипова.

Остатки защитниковъ редутовъ отошли къ Забалканской батареѣ, но и тутъ, несмотря на помощь баталіона резерва, не могли удержаться.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 307 и 308.

[2]) Рукописи, т I, стр. 366. Тотъ же разсказъ мы находимъ и во французской книжкѣ Herbé на стр. 267 и 268, но только французскій авторъ говоритъ, что солдатъ этотъ не былъ приколотъ изъ уваженія къ его геройству.

Не измѣнила неудачнаго начала боя на этомъ пунктѣ и подошедшая изъ Ушаковой балки первая подмога и только потомъ вновь подоспѣвшимъ частямъ удалось отбить Забалканскую батарею, но редуты остались въ рукахъ непріятеля.

Почти столь же быстро съ перваго налета французы овладѣли и Камчатскимъ люнетомъ. На него около 6-ти часовъ вечера прибылъ адмиралъ Нахимовъ и началъ свой обычный обходъ, когда раздался крикъ: «штурмъ!» Не успѣли наши дать и двухъ картечныхъ выстрѣловъ, какъ три непріятельскія колонны лѣзли уже на люнетъ и примыкающія батареи съ трехъ сторонъ. Несмотря на превосходство противника, Полтавскій баталіонъ ожесточенно дрался съ нимъ.

«Самъ Нахимовъ, окруженный непріятелямъ, подвергался крайней опасности. Одѣтый, по обыкновенію, въ сюртукъ съ эполетами, онъ едва не былъ захваченъ въ плѣнъ и спасся только благодаря усиліямъ моряковъ и полтавцевъ, которые, составя кругомъ него стальную ограду, неоднократно кидались въ штыки и выручили обожаемаго ими начальника»[1]).

Наконецъ, французы зашли въ тылъ люнета и кучка полтавцевъ принуждена была отступить къ куртинѣ между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ. Непріятель бросился было преслѣдовать, но былъ остановленъ картечью. Тогда онъ открылъ сильнѣйшій огонь со всѣхъ батарей по Малахову кургану и другимъ укрѣпленіямъ, которыя могли дѣйствовать по занятому люнету.

Но вскорѣ стали подходить и наши резервы, изъ которыхъ прибывшій генералъ Хрулевъ образовалъ двѣ колонны въ 3 и $3^1/_2$ баталіона и повелъ одну на люнетъ, а другую направилъ между нимъ и Киленбалкою. Храбро работая штыками, наши молодцы успѣли завладѣть обратно люнетомъ и контръ-апрошами, захвативъ при этомъ 7 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ плѣнными. Генералъ Хрулевъ, послѣ этого, отправился на лѣвый флангъ для личныхъ наблюденій за боемъ на Киленбалочной позиціи.

Между тѣмъ, генералъ Боске открылъ жестокій перекрестный огонь по люнету и въ короткое время сильно разстроилъ занявшія его войска. Затѣмъ онъ направилъ снова обѣ бригады Каму съ поддержкою дивизіи Брюне на вторичный штурмъ люнета. Разстроенныя и подавленныя численнымъ превосходствомъ, войска наши снова принуждены были отойти на оборонительную линію.

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 348.

Какъ только французы показались въ первый разъ на Камчатскомъ люнетѣ, англичане тоже начали атаку контръ-апрошей передъ 3-мъ бастіономъ. Нѣсколько разъ эти траншеи переходили изъ рукъ въ руки послѣ жестокихъ рукопашныхъ свалокъ, но въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ усилія бывшихъ здѣсь полутора баталіоновъ и подошедшаго къ концу боя еще одного баталіона, они остались за непріятелемъ.

Генералъ Хрулевъ, распорядившись боемъ за Киленбалкой и получивъ извѣстіе о вторичной потерѣ люнета, прибылъ на Малаховъ курганъ и началъ подготовлять новое наступленіе. Но когда были получены вѣрныя свѣдѣнія объ окончатетьной потерѣ редутовъ, то и покушеніе на Камчатскій люнетъ, въ которомъ нельзя было бы держаться, не владѣя редутами, не состоялось. Въ этотъ кровавый день потери съ обѣихъ сторонъ были довольно значительны. Мы потеряли болѣе 5,000, а противникъ болѣе 6,000 [1]). Еще три дня послѣ взятія редутовъ, непріятель продолжалъ усиленное бомбардированіе Корабельной стороны, обращая особенное вниманіе на Малаховъ курганъ и 3-й бастіонъ. Несмотря на новый недостатокъ пороха, вслѣдствіе котораго разрѣшено было дѣлать изъ орудій не болѣе 40 выстрѣловъ въ сутки, наша артилерія не только выдерживала бой, но и причиняла значительныя поврежденія, въ особенности англійскимъ батареямъ. Въ общемъ, за всѣ дни третьяго бомбардированія съ 25-го по 29-е мая, нами было выпущено до 40,000, а непріятелемъ—до 90,000 снарядовъ. Значитъ, мы отвѣчали менѣе чѣмъ однимъ выстрѣломъ на два непріятельскіе.

Большая потеря, понесенная противникомъ, при условіи легкости для нихъ первой атаки на наши укрѣпленія, заставляетъ многихъ остановиться на мнѣніи, что эти укрѣпленія могли быть не отданы противнику, если бы они были заняты соотвѣтствующимъ гарнизономъ или сдѣланы были своевременно, по полученіи свѣдѣній о готовящемся штурмѣ, всѣ нужныя распоряженія.

Во всякомъ случаѣ, это была третья удача противника и весьма значительная, такъ какъ мы лишились всѣхъ контръ-апрошныхъ работъ на лѣвомъ флангѣ, и, кромѣ большой потери въ людяхъ, оставили въ рукахъ противника вооруженіе этихъ работъ, въ числѣ 73-хъ орудій, правда, мало годныхъ къ дальнѣйшему употребленію. Успѣхъ этотъ, прежде всего, настолько возвысилъ духъ противника и увѣренность его въ своихъ силахъ, что онъ призналъ себя доста-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 308.

точно подготовленнымъ къ предпринятію штурма Севастополя. Союзный главнокомандующій торопился воспользоваться этимъ благопріятнымъ настроеніемъ войскъ и назначилъ штурмъ черезъ 10 дней.

Конечно, обратное дѣйствіе должно было произвести это событіе на обороняющагося. Рельефнѣе всего оно выказалось въ настроеніи главнокомандующаго, князя Горчакова, доносившаго Государю о потерѣ редутовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Положеніе мое начинаетъ дѣлаться отчаяннымъ. 25-го непріятель открылъ усиленную канонаду; мы отвѣчали ему съ успѣхомъ и взорвали нѣсколько пороховыхъ погребовъ, а также засыпали много амбразуръ; ночью онъ произвелъ бомбардированіе сильнѣйшее, чѣмъ когда-либо; на другой день возобновилъ канонаду, а въ 7 часовъ вечера повелъ на приступъ три дивизіи, не считая резервовъ, на контръ-апрошные редуты наши: Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій. Бой завязался самый кровавый; но превосходство непріятеля было слишкомъ велико, и намъ удалось окончательно отбить только одну батарею между Селенгинскимъ редутомъ и бастіономъ № 1-го. Непріятель понесъ огромный уронъ—дѣйствительно, бо́льшій, чѣмъ мы. Но численное превосходство его столь несоразмѣрно, что потеря для него нечувствительна. Что́ наши дрались славно, доказательствомъ тому: выбитіе непріятеля изъ Камчатскаго редута, которымъ онъ овладѣлъ только послѣ введенія въ дѣло свѣжихъ резервовъ; взятіе 275 плѣнныхъ, въ томъ числѣ семи офицеровъ; взятіе у непріятеля двухъ горныхъ орудій, имъ въ поле вывезенныхъ, и, наконецъ, овладѣніе снова батареею по ту сторону Киленбалки. Но какая отъ этого польза? Редуты съ 50-ю орудіями, хотя бо́льшею частью и заклепанными, остались въ рукахъ непріятеля, и, что́ всего хуже, черезъ нѣсколько дней онъ устроитъ на нихъ или около, батареи, которыя пресѣкутъ всякое дневное, а можетъ быть и ночное сообщеніе по бухтѣ; наконецъ, у меня съ имѣющимся и ожидаемымъ порохомъ не болѣе 135,000 выстрѣловъ по 6-е іюня, а тамъ порохъ будетъ подходить весьма малыми количествами; этого менѣе чѣмъ на 10 дней, если отвѣчать огню непріятеля хотя въ умѣренной соразмѣрности.

«Теперь я думаю объ одномъ только, какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть болѣе 20,000-наго урона. О корабляхъ и артилеріи и помышлять нельзя, чтобы ихъ спасти. Ужасно подумать.

«Всемилостивѣйшій Государь! Прибывъ сюда тому восемь не-

дѣль назадъ, я засталъ непріятеля, превосходнаго числомъ, въ неприступной, съ тыла укрѣпленной, позиціи, охватывающаго городъ своими апрошами и редутами, по всему объему его, и находящагося уже въ 60-ти саженяхъ отъ 4-го бастіона. Теперь, послѣ восьми недѣль утомительнѣйшей осады, послѣ выдержанія неслыханнаго бомбардированія, причинившаго намъ огромную потерю въ людяхъ, и особенно въ штабъ и оберъ-офицерахъ, я вижу непріятеля снова усилившагося и безпрестанно продолжающаго получать новыя подкрѣпленія. Онъ угрожаетъ прервать сообщенія по бухтѣ; пороху у меня на 10 дней. Я въ невозможности болѣе защищать этотъ несчастный городъ.

«Государь, будьте милостивы и справедливы! Отъѣзжая сюда, я зналъ, что обреченъ на гибель, и не скрылъ это передъ лицомъ Вашимъ. Въ надеждѣ на какой-либо неожиданный оборотъ, я долженъ былъ упорствовать до крайности; но теперь она настала; мнѣ нечего мыслить о другомъ, какъ о томъ: какъ вывести остатки храбрыхъ севастопольскихъ защитниковъ, не подвергнувъ болѣе половины ихъ гибели. Но и въ этомъ мало надежды. Одно, въ чемъ не теряю я надежды, это то, что можетъ быть отстою полуостровъ Богъ и Ваше Величество свидѣтели, что во всемъ этомъ не моя вина» [1]).

Но это донесеніе, кромѣ обрисовки настроенія главнокомандующаго, послѣ потери редутовъ, выясняетъ вообще его взглядъ. на борьбу за Севастополь. Не вступая еще въ должность, князь Горчаковъ считалъ дѣло настолько испорченнымъ, что видѣлъ себя «обреченнымъ на гибель». При такомъ взглядѣ главнаго начальника нельзя, конечно, было ожидать удачи. Но, съ другой стороны, князь Горчаковъ не могъ рѣшиться на оставленіе Севастополя, съ подобнымъ рѣшеніемъ никогда бы не помирились ни славные защитники города, ни родина этихъ несравненныхъ героевъ. Упорная оборона города продолжалась, но главный ея руководитель смотрѣлъ на это какъ на неизбѣжное зло и думалъ только объ одномъ, какъ бы возможно меньше потерять при этомъ людей, съ цѣлью сохраненія возможно бо́льше свѣжихъ силъ для послѣдующихъ дѣйствій на полуостровѣ. Мы видѣли, къ какимъ плачевнымъ результатамъ это приводило. Князь Горчаковъ не имѣлъ силы не разрѣшать предлагаемыя, согласно настроенію и духу гарнизона, его ближайшими руководителями, полныя иниціативы и наступатель-

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 356—358.

ной энергіи предпріятія, но въ самомъ разгарѣ ихъ у него хватало духу, при первыхъ большихъ потеряхъ, останавливать благополучно начатое дѣло и отдавать все сдѣланное на пользу врагу. Такъ было съ контръ-апрошами впереди редута Шварца и на Кладбищенской высотѣ. Этому же стремленію неразумной экономіи отвѣчало и уменьшеніе гарнизоновъ оборонительной линіи и передовыхъ построекъ, слѣдствіемъ чего явилась потеря редутовъ передъ лѣвымъ флангомъ. Съ матеріальной стороны получались только противоположные результаты, такъ какъ противникъ во всѣхъ случаяхъ, какъ бы съ нашею помощью, приблизился къ оборонительной линіи и городу, и тѣмъ получилъ возможность ежедневно причинять намъ гораздо бо̀льшія потери своимъ ближнимъ огнемъ, чѣмъ мы потеряли бы при упорномъ отстаиваніи мѣстности шагъ за шагомъ. Съ нравственной же стороны тоже всѣ выгоды переходили къ противнику, который до того возвысился духомъ и увѣренностью, что счелъ себя достаточно сильнымъ для дѣйствительнаго рѣшенія штурмовать городъ. Мы знаемъ, что намѣреніе противника штурмовать городъ было у него съ перваго дня появленія противъ южной стороны Севастополя. Нѣсколько разъ въ теченіе этой девяти-мѣсячной осады онъ дѣлалъ уже всѣ приготовленія для штурма, но ни разу не въ состояніи былъ привести его въ исполненіе. Бывшія же въ теченіе мая мѣсяца упомянутыя неудачи съ нашей стороны придали ему столько моральной силы и самоувѣренности, что вопросъ о штурмѣ былъ, однако, рѣшенъ окончательно.

Не можемъ не упомянуть еще объ одномъ невниманіи къ нравственному элементу въ распоряженіяхъ, предшествующихъ потерѣ нами передовыхъ редутовъ. Въ этихъ распоряженіяхъ мы не видимъ заботъ о врученіи командованія войсками на столь важномъ пунктѣ въ руки испытаннаго и надежнаго въ нравственномъ отношеніи начальника. Предшествующая дѣятельность, хотя бы въ Инкерманскомъ бою, достаточно обрисовывала личность генерала Жабокритскаго, а потому въ назначеніи его начальникомъ всѣхъ войскъ на Корабельной сторонѣ мы и видимъ невниманіе къ нравственному элементу.

Но и ранѣе назначенія генерала Жабокритскаго высшее начальство не обратило должнаго вниманія на нарушеніе порядка отправленія службы войсками на Корабельной сторонѣ, послѣ отозванія оттуда генерала Хрулева.

«Когда генералъ Хрулевъ былъ начальникомъ лѣвой половины

оборонительной линіи, у него велся строжайшій порядокъ въ охраненіи передовыхъ укрѣпленій. За Киленбалку полки ходили по очереди на службу, въ Камчатскій люнетъ тоже. Полковой командиръ отвѣчалъ за цѣлость не только оберегаемаго имъ пространства, но и своего полка, а потому смотрѣлъ, что называется, *въ оба*. Ротный командиръ, чтобы не осрамиться, и не погубить своихъ въ цѣпи, тоже не дремалъ, зналъ одного начальника—баталіоннаго командира, свято исполнялъ его приказанія, а рота знала его одного, всѣ роты знали своего баталіоннаго, онъ — полковаго, и во всемъ былъ толкъ и ладъ, и всякое приказаніе исполнялось свято, солдаты знали, кого слушать, и при случаѣ готовы были постоять за себя, исполняя данныя имъ приказанія. 12-е февраля—живое тому доказательство. Этотъ порядокъ съ принятіемъ начальства надъ лѣвою половиною оборонительной линіи генералъ-адъютантомъ княземъ Урусовымъ отъ генералъ-лейтенанта Хрулева былъ совершенно измѣненъ. Въ видахъ сбереженія людей и возможности давать имъ большой отдыхъ, князь Урусовъ сталъ посылать въ редуты за Киленбалку и Камчатку сводные караулы изъ разныхъ полковъ и ротъ; изъ этого вышли результаты, совершенно противорѣчившіе сказанному порядку: караулы не стали исполнять службу, какъ бы слѣдовало; по множеству начальниковъ, солдаты не знали, кого слушать: въ цѣпи за Киленбалкою однажды явились на службу три баталіонныхъ командира и трехъ полковъ люди, а старшаго между баталіонными командирами никого не было назначено; полковые командиры вовсе перестали ходить на эту службу, отзываясь, что у нихъ тамъ команда несравненно меньше той, что остается въ городѣ, при которой они имѣютъ больше обязанностей. Такой порядокъ вещей, говорятъ, былъ виною нѣкотораго паденія нравственной силы войскъ, составлявшихъ гарнизонъ Корабельной. Назначенный на мѣсто князя Урусова генералъ Жабокритскій продолжалъ тотъ же способъ обороны ввѣренной ему части» [1]).

Мы видѣли выше, сколь печально закончилъ свое командованіе генералъ Жабокритскій и сколь поздно начальство вручило снова этотъ важный постъ подходящему къ тому начальнику — генералу Хрулеву.

Для бо́льшей характеристики веденія дѣла по командованію войсками на Корабельной генераломъ Хрулевымъ приведемъ еще слѣдующую выписку:

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 381.

«У насъ на Корабельной, по распоряженію генерала Хрулева, ежедневно на Владимірской площади играетъ полковая музыка. Мы не унываемъ, несмотря на тягость осады и на огромныя наши потери. Генералъ Хрулевъ не перестаетъ ободрять свой отрядъ; онъ говоритъ: «если истощатся всѣ усилія и насъ одолѣютъ въ штурмѣ, если намъ нельзя уже будетъ держаться, а мы еще будемъ живы, пробьемся къ бывшему Инкерманскому мосту и тамъ соединимся со своими. Что же касается взятія насъ въ плѣнъ, капитуляціи и тому подобныхъ исторій, враги пусть объ этомъ и думать забудутъ!» [1]).

Послѣ захвата нашихъ редутовъ союзники начали дѣятельно работать надъ передѣлкою ихъ и устройствомъ новыхъ батарей въ захваченныхъ постройкахъ. Но и на другихъ пунктахъ осады противникъ тоже умножалъ свои средства.

Осажденный, несмотря на понесенную неудачу, тоже энергично принялся за умноженіе и улучшеніе своихъ укрѣпленій и ихъ вооруженія. Замѣтно было особенное оживленіе въ дѣятельности союзниковъ противъ нашего лѣваго фланга, что̀ заставило предполагать продолженіе въ скоромъ времени рѣшительныхъ дѣйствій противника на этомъ флангѣ. Поэтому самыя усиленныя работы происходили на Корабельной сторонѣ: тамъ умножали укрѣпленія, улучшали ихъ, ставили новыя орудія, перерѣзали амбразуры для сосредоточенной стрѣльбы по новымъ батареямъ противника и приступили къ устройству ретраншамента, долженствовавшаго служить укрытіемъ ближайшихъ резервовъ и составить надежную вторую линію обороны всей Корабельной стороны. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, защитникамъ Севастополя удалось къ 5-му іюня — дню открытія союзниками четвертаго бомбардированія, несмотря на потерю большаго числа орудій, бывшихъ на вооруженіи передовыхъ редутовъ, — противопоставить имъ снова равносильное число орудій. Союзники имѣли на своихъ осадныхъ батареяхъ, для дѣйствія по оборонительной линіи, 548 орудій, а считая съ 39-ю орудіями, назначенными для дѣйствія по Сѣверной сторонѣ и противъ вылазокъ, всего 587 орудій. Съ нашей стороны могло отвѣчать осаднымъ батареямъ 549 орудій, назначалось для обстрѣла подступовъ на впередилежащей мѣстности и фланкированія укрѣпленій — 319 и для внутренней обороны — 261 орудіе; всего же имѣлось 1,129

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 346.

орудій. Но, несмотря на равенство числа орудій для артилерійскаго состязанія, союзники снова имѣли на своей сторонѣ два весьма существенныхъ шанса. Число орудій для навѣснаго огня, имѣющаго столь сильное нравственное вліяніе, было не равносильно. Противникъ имѣлъ 160 мортиръ, а мы всего 69. Еще бо̀льшая разница была въ числѣ боевыхъ припасовъ. Союзники имѣли отъ 400 до 500 зарядовъ на каждое орудіе, у насъ же имѣлось: 140 зарядовъ на каждое длинное орудіе, дѣйствовавшее по осаднымъ батареямъ и противъ штурма; 70—на длинное орудіе, дѣйствовавшее только при штурмѣ; 60—на каждую мортиру и отъ 5 до 30—на орудіе внутренней обороны. Всего, такимъ образомъ, имѣлось до 117,000 зарядовъ, да еще небольшой запасъ пороха въ зарядахъ и боченкахъ на батареяхъ береговыхъ и Сѣверной стороны.

«Кромѣ недостатка въ порохѣ, въ это время обнаружился въ Севастополѣ еще недостатокъ въ нѣкоторыхъ снарядахъ.....» [1]).

Прибывавшія съ каждымъ днемъ свѣдѣнія убѣждали все больше и больше въ приготовленіи противника къ штурму, а потому въ Севастополѣ были приняты всѣ мѣры, чтобы этотъ рѣшительный актъ не засталъ защитниковъ врасплохъ. Какъ главнокомандующій, такъ и начальникъ гарнизона дали войскамъ указанія для дѣятельности ихъ во время штурма, стараясь достигнуть наивозможнаго порядка и отсутствія суеты.

Числительность гарнизона города и войскъ, расположенныхъ въ ближайшихъ его окрестностяхъ, къ 5-му іюня была слѣдующая:

Въ гарнизонѣ города было 81½ баталіонъ пѣхоты и 24 полевыхъ запряженныхъ орудія; всего до 43,000 человѣкъ. Артилерійская прислуга у орудій состояла преимущественно изъ матросовъ, числомъ до 11,000 человѣкъ. Затѣмъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ города имѣлось 39 баталіоновъ и 100 запряженныхъ орудій, числительностью около 21,000 человѣкъ. Всего, такимъ образомъ, близъ Севастополя и въ немъ было сосредоточено до 75,000 человѣкъ. Противникъ же имѣлъ около Севастополя: французовъ — 106,000, англичанъ—45,000, сардинцевъ—15,000 и турокъ—около 7,000; всего, значитъ, до 173,000, что̀ больше чѣмъ вдвое превышало наши силы [2]).

Изъ этого краткаго подсчета средствъ и силъ обѣихъ сторонъ мы видимъ, что союзники имѣли всѣ шансы на своей сторонѣ, такъ

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 323—325.

[2]) Тамъ же, стр. 327 и 328.

какъ болѣе сильною и сравнительно обильнѣе снабженною артилеріею могли одержать верхъ надъ вооруженіемъ обороны, а болѣе чѣмъ двойное превосходство числительность войскъ давало имъ право надѣяться на хорошій исходъ и послѣдующихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Выходило, такимъ образомъ, что, ожидая этихъ рѣшительныхъ дѣйствій, союзники могли возлагать свои надежды почти исключительно на нравственное могущество и превосходство. Нравственныя силы нашихъ войскъ, какъ мы видѣли, нисколько не падали, несмотря на все болѣе и болѣе тягостное ихъ положеніе, по мѣрѣ усиленія дѣятельности противника и приближенія его къ нашей оборонительной линіи. Мы видѣли, что войска всегда съ радостью встрѣчали вѣсть о рѣшеніи какихъ нибудь наступательныхъ операцій и какъ бы сами наталкивали своихъ высшихъ начальниковъ на разрѣшеніе таковыхъ. Подобное настроеніе гарнизона сложилось съ самаго начала осады и постоянно поддерживалось впослѣдствіи разными способствовавшими тому мѣрами. Весьма большое вліяніе на высокій нравственный духъ войскъ оказывало развившееся между отдѣльными людьми удальство, доходившее до самыхъ выдающихся степеней молодечества. Для примѣра приведемъ здѣсь на выдержку нѣсколько случаевъ. Кромѣ людей, отличавшихся на вылазкахъ, о которыхъ было сказано выше, въ повседневной жизни гарнизона выдающимися людьми были «сигнальщики», предупреждавшіе другихъ людей о направленіи полета непріятельскихъ снарядовъ. Такъ, «на бастіонѣ № 5 сигнальщикомъ былъ матросъ 33-го флотскаго экипажа Иванъ Левко. Безмятежно исполнялъ онъ свою обязанность: проносилась бомба дальше, по направленію къ пѣхотному прикрытію, «не наша!» кричалъ Левко, «армейская!» и прилегшіе было къ землѣ матросы принимались за свою работу. Какъ-то однажды бомба упала въ амбразуру, у которой стоялъ Левко на банкетѣ, ... трубка горѣла . . «Бережись, сопе!» закричалъ сигнальщикъ... еще мгновеніе... случайно трубка погасла, бомбу не разорвало: «Неховайсь, померла!» протянулъ молодецъ Левко».

«Въ темныя ночи французы бросали противъ Селенгинскаго редута брандкугели, и въ то мгновеніе, когда одинъ изъ нихъ, падая на землю, разбрасывалъ пламя, осыпали освѣщенное имъ пространство градомъ пуль. Однажды въ ночь видятъ, летитъ зловѣщій фонарь, упалъ, покатился вдоль нашихъ работъ, производившихся вблизи редута; французы пошли строчить.... Охъ, перебьютъ многихъ!... Не долго думавъ, на перерѣзъ снаряду бро-

сился удалой Макаръ Сидоренко, рядовой Селенгинскаго пѣхотнаго полка, догналъ брандкугель и, лишь только онъ успѣлъ остановиться, затушилъ его мѣшкомъ земли...»

«..... одна изъ множества бомбъ упала близъ толпы солдатъ 24-го флотскаго экипажа, прикрывавшаго батарею, устроенную между 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Разумѣется, солдаты шарахнулись: кто успѣлъ—упалъ на землю, другіе неподвижно ждали смерти..... мгновеніе было ужасно—бомбовая трубка догорала..... Матросъ Трофимъ Александровъ бросился къ бомбѣ.

«Бережись, бережись!» закричали ему товарищи: «курица, курица!....» [1]). Но Александровъ зналъ, что дѣлалъ: схватилъ грязи и залѣпилъ горѣвшую трубку. Она погасла..... Матросъ перекрестился и, толкнувъ ногою бомбу, крикнулъ товарищамъ: «Эхъ вы, солдатами зоветесь, а курицы боитесь!....» [2]).

Мы привели здѣсь на выдержку эти нѣсколько фактовъ, такъ какъ нѣтъ никакой возможности привести ихъ всѣ, въ общемъ же, по свидѣтельству очевидцевъ и участниковъ геройской обороны города:

«Ежеминутная грозящая опасность такъ пріучила къ себѣ солдатъ, что ихъ мужество дошло до совершеннаго равнодушія къ опасности. Въ послѣднее время на возгласы сигнальщика большинство перестало обращать вниманіе, и теперь только новички ложатся, да прячутся. «Отъ руки Божіей не уйдешь!» говорятъ солдаты, и смѣло смотрятъ въ лицо смерти. Отвага ихъ, такъ сказать, дошла до страсти вступать въ борьбу съ разрывнымъ снарядомъ. Стоитъ только прочесть приказы главнокомандующаго крымскою арміею, чтобы съ восторгомъ увидѣть, сколько пожаловано знаковъ отличія военнаго ордена за потушеніе непріятельской бомбы, или за то, что выброшена граната, или даже бомба съ батарей! Увлеченіе доходитъ до того, что, когда упавшая граната катится нѣкоторое пространство, прыгая и догорая, будучи готова разорваться не въ это, такъ въ слѣдующее мгновеніе, — человѣкъ пять, шесть солдатъ бѣгутъ въ запуски, чтобы догнать ее и вырвать трубку, или другимъ какимъ способомъ потушить снарядъ!.....» [3]).

Но не только ради товарищей своихъ люди не задумывались рисковать своею жизнью и вотъ тому примѣры:

---

[1]) Т. е. курится, дымится!

[2]) Всѣ эти выписки сдѣланы изъ соч. П. Алабина, ч. III, стр. 306—308.

[3]) Тамъ же, стр. 307.

«Командующій 8-ю пѣхотною дивизіей, генералъ-адъютантъ князь Урусовъ, начальникъ одной изъ важнѣйшихъ частей лѣвой половины оборонительной линіи Севастополя, идетъ съ ординарцемъ своимъ, Камчатскаго полка поручикомъ Арсеньевымъ, и безотлучно при немъ находившимися на вѣстяхъ рядовыми Полтавскаго пѣхотнаго полка 4-й мушкетерской роты Григоріемъ Ткаченко и 1-й гренадерской Семеномъ Копальскимъ, по первому бастіону. Спускается бомба... ближе... ближе... и падаетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ князя... «ложись!» успѣлъ онъ крикнуть. Разумѣется, эта извѣстная, хотя и не всегда спасительная, снаровка исполнена всѣми мгновенно. Что же дѣлаютъ Копальскій и Ткаченко? Они бросаются на князя и прикрываютъ его собою отъ осколковъ. Ясно, что это было дѣломъ мгновенія, что князь не успѣлъ воспрепятствовать благородному порыву, какъ бомбу уже разорвало, и одного изъ молодцовъ, его прикрывавшихъ собою, сильно ушибло осколкомъ камня» [1]).

Вотъ, что мы читаемъ въ запискахъ одного ротнаго командира:

«. . . Вдругъ, одна граната упала около меня и углубилась въ валъ. Мгновенно кто-то повалилъ меня и прикрылъ собою. Когда граната разорвалась и осколки пролетѣли мимо, я увидѣлъ, что тотъ же Анисимовъ опять жертвовалъ собою, чтобы спасти своего командира» [2]).

Эти и тому подобные примѣры выдающейся храбрости и безшабашнаго удальства не представляютъ изъ себя единичные случаи, а характеризуютъ прямо высоту нравственнаго духа и мужества войскъ, составлявшихъ гарнизонъ Севастополя. Сложилось подобное настроеніе массы защитниковъ, какъ мы видѣли, постепенно и благодаря правильному отношенію съ самаго начала начальниковъ, руководившихъ оборону, къ нравственному элементу въ войскахъ, а также воспріимчивости къ подобнымъ мѣрамъ первыхъ славныхъ защитниковъ города. Затѣмъ, помощью примѣровъ отдѣльныхъ личностей, какъ изъ числа товарищей-людей, такъ и изъ числа офицеровъ и вообще начальниковъ, мужество сдѣлалось достояніемъ всей массы защитниковъ и составило такую характеристическую особенность войскъ севастопольскаго гарнизона, что всякая новая часть, входившая въ составъ гарнизона, живо принимала этотъ общій тонъ и характеръ настроенія людей. Конечно,

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 393 и 394.

[2]) Рукописи, т. II, стр. 470.

не малое вліяніе на поддержаніе и укорененіе этого похвальнаго общаго духа презрѣнія къ опасности оказала сила привычки. Не только войска, но и оставшееся въ городѣ населеніе вполнѣ свыклось съ постоянною и ежеминутною опасностью, считая ее за вещь совершенно обыденную и естественную:

«Насколько видъ Крыма, Симферополя, главной квартиры и издали самаго Севастополя дѣлалъ мрачное, какое-то безотрадное впечатлѣніе, настолько впечатлѣніе, производимое видомъ южной стороны, было отрадное и успокоивающее. Тутъ вездѣ кипѣла разумная работа, безъ суеты и малѣйшаго страха. Команды слѣдовали въ порядкѣ по разнымъ направленіямъ, офицеры проѣзжали и проходили свободно по улицамъ, какъ въ мирное время, на бульварѣ были даже дамы съ зонтиками въ рукахъ противъ загара отъ солнечныхъ лучей. Между тѣмъ, тутъ же падали и разрывались бомбы, гранаты, ракеты; на перекресткахъ нѣкоторыхъ улицъ стояли часовые, объясняющіе, какое нужно принять направленіе, чтобы менѣе подвергаться выстрѣламъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Но все это представлялось явленіями совершенно обыкновенными. Казалось, что всѣ люди, живущіе въ Севастополѣ, полагаютъ, что жить подъ постояннымъ огнемъ мортиръ, пушекъ и ружей составляетъ нормальное явленіе человѣческой породы. И всѣ вновь прибывшіе, невольно, естественно подчинялись такому настроенію. Удивительный духъ, чудный народъ, и сколько для этого нужно вѣры, смиренія и душевнаго спокойствія!» [1]).

Кромѣ того, мы видѣли, что съ самаго начала защитникамъ города было внушено самое высокое, героическое понятіе о предстоящей имъ борьбѣ съ противникомъ. И съ тѣхъ поръ неизмѣнно всѣ попавшіе въ составъ гарнизона славнаго города, видя за собой или зеркальную поверхность, или бушующія волны Севастопольскаго рейда, мечтали только о побѣдѣ или геройской смерти, но никто не думалъ объ отступленіи.

Въ предыдущихъ главахъ и при подборѣ фактовъ для настоящей главы мы не упускали упомянуть о мѣрахъ, принимавшихся всѣми начальниками, благотворно вліявшихъ на нравственный духъ севастопольцевъ. Не упустимъ же и здѣсь упомянуть о подобныхъ мѣрахъ.

Не мало вліянія должно было имѣть то обстоятельство, что главнокомандующій, князь Горчаковъ, цѣнилъ службу своихъ

[1]) Рукописи, т. I, стр. 389.

войскъ и не упускалъ объ этомъ свидѣтельствовать въ своихъ донесеніяхъ:

«Неутомимостью, писалъ князь Горчаковъ, геройскимъ духомъ своимъ, люди продолжаютъ радовать и удивлять меня. Это тѣмъ болѣе достойно похвалы, что, въ послѣднее время, они лишились огромнаго числа самыхъ лучшихъ штабъ и оберъ-офицеровъ своихъ. Они совершенно закалены для теперешняго рода войны» [1]).

Въ самомъ Севастополѣ начальствующія лица старательно оберегали своихъ подчиненныхъ отъ всякихъ впечатлѣній, могущихъ пагубно повліять на ихъ духъ.

«Въ церкви, на Екатерининской улицѣ, раздавалось постоянно, при открытыхъ дверяхъ, печальное похоронное пѣніе. Тамъ отпѣвали усопшихъ офицеровъ. Оттуда тѣла ихъ были выносимы на рукахъ товарищей, со всѣми военными почестями, на Екатерининскую пристань. Но впослѣдствіи начальство вынуждено было совершать похороны безъ музыки, такъ какъ она невольно производила непріятное впечатлѣніе на тяжело раненыхъ, помѣщавшихся въ недальнемъ разстояніи.

«На сѣверной сторонѣ, куда тѣла перевозились на особыхъ баркасахъ, ихъ встрѣчали воинскія команды, которыя сопровождали ихъ до кладбища и, при опусканіи гроба въ землю, отдавали послѣднюю почесть тремя ружейными залпами.

«Тѣла нижнихъ чиновъ были перевозимы съ пристаней Графской, у Павловскаго мыса и Аполлоновой балки на сѣверную сторону, гдѣ они были погребаемы въ общихъ братскихъ могилахъ, причемъ отслуживалась панихида и отдавались военныя почести» [2]).

Но отмѣна музыки при постоянныхъ похоронахъ, такъ дурно вліявшей своими стройными, проникнутыми глубокой печали аккордами не только на раненыхъ, но и на всѣхъ бывшихъ въ Севастополѣ, не повліяла на уменьшеніе вниманія къ погибшимъ на полѣ брани героямъ, со стороны ихъ сослуживцевъ и начальниковъ:

«Похороны были очень приличны: всѣ свободные отъ службы офицеры присутствовали. Павелъ Степановичъ несъ гробъ до пристани, откуда мы повезли его на другую сторону бухты на гребныхъ судахъ. Пріятно было видѣть, что на похоронахъ простаго лейтенанта присутствуетъ адмиралъ, и не ради того, чтобы выста-

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 428.

[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 158 и 159.

вить себя, а напротивъ, изъ участія къ своей семьѣ—моряковъ. Я увѣренъ, что никому такъ не горько при видѣ убитаго или раненаго флотскаго офицера, какъ Павлу Степановичу, который душею привязанъ ко всѣмъ намъ» [1]).

Выше мы упоминали уже не разъ, какое близкое участіе въ дѣлѣ обороны, даже не исключая и жаркихъ схватокъ съ противникомъ, принимали состоявшіе при войскахъ священнослужители, появляясь постоянно передъ нашими воинами со словами утѣшенія и напутствія и благословляя ихъ именемъ церкви на выходящіе изъ ряда подвиги. Одинъ изъ участниковъ, описывая дѣйствія Муромскаго полка во время штурма непріятеля на наши передовые редуты, между прочимъ, говоритъ:

«Подкрѣпленія же нашему полку все еще не было; во время жаркой битвы у Киленъ-Балкскаго мостика явился нашъ полковой священникъ, отецъ Александръ Круглевскій; сказавъ утѣшительное слово, крикнулъ: «ребята, впередъ!»—наши бросились послѣдними силами на Забалканскую батарею, и овладѣли ею...» [2]).

Если напомнить еще, что почти на каждомъ укрѣпленіи имѣлся образъ, передъ которымъ часто происходили богослуженія, то нельзя не сказать, что ближайшіе начальники обращали большое вниманіе на доставленіе людямъ возможности искать поддержку въ своей религіозности.

Не забывали тоже начальствующія лица начинать всякое дѣло, по русскому обычаю, общею молитвою. При описаніи вступленія Муромскаго полка въ Севастополь мы находимъ слѣдующія подробности:

«Черезъ часъ мы собрались и тутъ же былъ отслуженъ впереди нашего бивака молебенъ, во время котораго всѣ горячо молились, прося Всевышняго Творца силъ и мужества побѣдить врага. Послѣ молебна нѣсколько секундъ было молчаніе и тишина, и на лицахъ всѣхъ можно было замѣтить нѣкоторое душевное волненіе, но храбрый нашъ начальникъ дивизіи (генералъ-лейтенантъ Бельгардъ) не далъ намъ задуматься, съ увлеченіемъ началъ разсказывать про Четатское дѣло, въ которомъ онъ лично участвовалъ, воодушевилъ солдатъ, попрощался съ ними и скомандовалъ: «пѣсельникамъ впередъ», и полкъ выступилъ...» [3]).

---

[1]) Рукописи, т. II, стр. 362.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 367.
[3]) Тамъ же, стр. 357.

Начавъ говорить о мѣрахъ, принимавшихся севастопольскими начальниками для поддержанія нравственной силы въ средѣ своихъ подчиненныхъ, всегда невольно приходится обратиться къ дѣятельности Павла Степановича Нахимова. Не можемъ и въ этотъ разъ не привести его слѣдующаго приказа:

«Геройская защита Севастополя, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ старшему въ ней. Высочайшимъ приказомъ отъ 27-го числа минувшаго марта я произведенъ въ адмиралы. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, выпала на меня.

«Я надѣюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности сознаніемъ, что, геройски отстаивая драгоцѣнный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость незаслуженную.

«Матросы! Мнѣ-ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту роднаго намъ Севастополя и флота? Я съ юныхъ лѣтъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію, мы сдружились давно; я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и если Богу и Императору будетъ угодно, вы доставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стеньгѣ съ тою же честью, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками.

«Вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Государя и генералъ-адмирала, и убѣдите враговъ православія, что на бастіонахъ Севастополя мы не забыли морскаго дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія черноморскихъ моряковъ.

«Рекомендую всѣмъ частнымъ начальникамъ приказъ сей прочесть при собраніи своихъ командъ» [1]).

Все сказанное выше и весь характеръ обороны до сего времени не могли не укрѣплять въ нашихъ войскахъ увѣренности въ томъ, что непріятель не добьется полнаго успѣха на предстоящемъ штурмѣ. Съ другой стороны, нельзя не сказать, что были причины и для сомнѣнія въ таковой увѣренности.

Послѣднія состязанія съ противникомъ въ артилерійской борьбѣ слишкомъ ясно выказывали недостатокъ средствъ съ нашей стороны. Союзники почти вдвое превосходили насъ количествомъ огня,

---

[1]) Рукописи, т. II, стр. 359 и 360.

вслѣдствіе недостатка пороха и снарядовъ въ Севастополѣ. Кромѣ того, они были несравненно сильнѣе насъ въ навѣсномъ огнѣ, имѣющемъ всегда бо́льшее матеріальное и моральное значеніе. Въ послѣднее время укрѣпленія нашей оборонительной линіи скоро уступали въ огнѣ противнику и съ трудомъ были приводимы въ такое состояніе, чтобы снова имѣть возможность бороться съ непріятелемъ.

Затѣмъ, не могли остаться безъ вліянія три послѣдовательныя удачи противника—впереди редута Шварца, на Кладбищенской высотѣ и передъ Корабельной стороною.

Эта послѣдняя удача имѣла весьма невыгодное для насъ вліяніе на нашего главнокомандующаго, который, какъ мы видѣли, съ самаго начала былъ терзаемъ сомнѣніями относительно положенія Севастополя.

«На другой день послѣ паденія редутовъ, т. е. 27-го мая, онъ уже отправилъ донесеніе, въ которомъ высказалъ необходимость покинуть городъ» [1]).

Но опять-таки такъ думалъ только главный руководитель нашей славной арміи, герои же защитники Севастополя далеки еще были отъ мысли уступить этотъ многострадальный городъ противнику. Ихъ настроеніе было вполнѣ на высотѣ поставленной имъ трудной задачи и вѣрно характеризуется слѣдующей выпиской изъ дневника одного изъ участниковъ, отъ 5-го іюня:

«Убѣжденіе, что намъ, любимымъ дѣтямъ Царя Бѣлаго, намъ, избраннымъ сынамъ могучей Россіи, выпала славная доля на свои рамена принять все бремя грозной войны, на грудь свою самые ярые удары ожесточеннаго врага, дѣлаетъ насъ ежеминутно готовыми на всякій подвигъ, на всякую смерть... И намъ-ли не устоять въ этой войнѣ, когда за насъ молится вся Россія! Намъ-ли не одолѣть, когда мы деремся за правду, намъ-ли не поразить пришельцевъ, когда мы защищаемъ отчизну!...» [2]).

Если же и были въ числѣ гарнизона люди колеблющіеся и сомнѣвающіеся въ возможности устоять противъ предстоящаго натиска врага, то ближайшіе начальники обороны своею непоколебимою увѣренностью поддерживали въ нихъ моральныя силы и вселяли рѣшимость довести упорство сопротивленія до послѣдней крайности:

«... Одинъ изъ полковыхъ командировъ формально запросилъ Хрулева: «что́ ему дѣлать, въ случаѣ натиска превосходныхъ силъ

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 471.

[2]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 392.

непріятеля и видимой невозможности удержаться на занимаемомъ пунктѣ? Куда ему отступать?»

«Хрулевъ отвѣтилъ лаконически: «*Отступленія нѣтъ!*»

«Тотъ не удовольствовался отвѣтомъ и вновь спросилъ: «если нѣтъ отступленія, то гдѣ его резервы и кто обязанъ подкрѣпить его, въ случаѣ крайности?»

«Хрулевъ отвѣтилъ: «*У насъ въ резервѣ—Россія!*» [1]).

Съ такими-то чувствами и съ полной надеждой на помощь Всевышняго готовился нашъ гарнизонъ къ предстоящему штурму. При такомъ настроеніи подчиненныхъ, да, можно сказать, и всего русскаго народа, главнокомандующему не легко было рѣшиться на приведеніе въ исполненіе мѣры, въ необходимости и неизбѣжности которой онъ самъ былъ глубоко убѣжденъ. Слѣдующія выписки ясно указываютъ его настроеніе въ періодъ до штурма:

«— Я рѣшилъ, говорилъ князь Горчаковъ, остановиться на нѣсколько дней оставленіемъ Севастополя потому, что, если въ настоящемъ положеніи дѣлъ, непріятель предприметъ штурмъ, то я надѣюсь отбить его. Послѣ же нѣсколькихъ дней будетъ совершенно иное. Быть можетъ, что для моего Монарха и отечества было бы лучше сейчасъ же оставить городъ, но я не могу на это рѣшиться. Сначала меня останавливала крайняя трудность исполненія, а потомъ сознаніе, что мое имя можетъ быть предано стыду и безчестію. Мы принесли уже столько жертвъ и испытали столько опасности, сохраняя этотъ городъ, что если будетъ хотя тѣнь возможности, я удержу его, mais pour cela, il me faudra voir les allures de l'ennemi dans l'espace de cinq ou six jours qui vont suivre» [2]).

«— Я все еще не могу рѣшиться оставить Севастополь, говорилъ князь Михаилъ Дмитріевичъ. При настоящемъ положеніи дѣлъ мнѣ слѣдуетъ, кажется, попытать счастіе въ отбитіи штурма. Но если непріятель, вмѣсто того, чтобы штурмовать, возобновитъ ужасное и продолжительное бомбардированіе, я буду вынужденъ отдать ему городъ, ибо онъ истолчетъ какъ въ ступѣ не только настоящій гарнизонъ, но и всю армію. Предыдущее бомбардированіе доказываетъ это. Если непріятель поступитъ такимъ образомъ, а я

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 407 и 408.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 472 и 473 «...но для этого мнѣ необходимо будетъ видѣть способъ дѣятельности противника въ продолженіе предстоящихъ пяти, шести дней».

буду упорствовать въ удержаніи Севастополя, то рискую потерять и городъ, и армію. Два послѣднія бомбардированія показали, что войска, долго остающіяся подъ огнемъ, разстраиваются отъ большой убыли начальниковъ. Пополнивъ необходимыя потери новыми полками, я кончу тѣмъ, что городъ возьмутъ приступомъ, и мнѣ не съ чѣмъ будетъ удержаться въ полѣ. Тѣмъ не менѣе оставить Севастополь теперь мнѣ кажется рано, но найду-ли я минуту, когда окажется это возможнымъ сдѣлать безъ потерь, не знаю; полагаю, однакоже, что лучше подвергнуться этой случайности, чѣмъ преждевременно уходить» [1]).

Нѣсколько въ иномъ и болѣе подготовленномъ, для предстоящихъ активныхъ дѣйствій, состояніи находились въ то время союзники. Съ назначеніемъ главнокомандующаго генерала Пелисье, активность и энергія были отличительною чертою всѣхъ ихъ дѣйствій.

Это-то настроеніе и имѣло своимъ послѣдствіемъ, указанныя выше, три удачи, изъ которыхъ послѣдняя—взятіе редутовъ, сильно подняла ихъ нравственныя силы и вселила даже слишкомъ большую увѣренность въ удачу задуманнаго штурма. Потому-то понятно, что:

«Послѣ дѣла 26-го мая Пелисье рѣшился воспользоваться энтузіазмомъ войскъ и назначилъ черезъ 10 дней штурмъ, которому должно было предшествовать бомбардированіе» [2]).

Такимъ образомъ, у нашихъ противниковъ нравственныя силы войскъ вполнѣ соотвѣтствовали подъему духа и рѣшимости ихъ начальника.

Планъ самаго штурма былъ предположенъ слѣдующій. Съ разсвѣтомъ 5-го іюня должно было начаться усиленное бомбардированіе, а черезъ 24 часа назначенъ былъ приступъ, для котораго: дивизія Мейрана направлялась на 1-й бастіонъ и куртину между нимъ и 2-мъ бастіономъ, съ цѣлью затѣмъ захватить послѣдній съ тыла, въ резервѣ за этой дивизіею были два баталіона гвардіи. Другія двѣ дивизіи, Брюнé и д'Отмара, направлялись по обѣ стороны Малахова кургана; прорвавшись въ этихъ пунктахъ, обѣ колонны должны были атаковать съ тыла самый курганъ. Въ общій резервъ всѣмъ этимъ колоннамъ была назначена гвардейская дивизія, ставшая у редута Викторіи. Во всѣхъ назначенныхъ частяхъ

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 476 и 477.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 475 и 476.

было 44 баталіона, силою до 30,000 [1]). Англичане, съ своей стороны, должны были поддерживать эту главную атаку штурмомъ 3-го бастіона и Пересыпи, для чего ими были назначены: легкая, 2-я и 4-я дивизіи, подъ общимъ начальствомъ генерала Броуна, и бригады Барнара и Эйра. Всего англичанъ было до 14,000 [2]).

При каждой колоннѣ находились команды саперъ и артилеристовъ.

Общее командованіе войсками, назначенными для атаки на Корабельную сторону, было поручено генералу Реньо де Сенъ-Жанъ д'Анжели, который только 4-го іюня былъ назначенъ начальникомъ правой французской атаки, вмѣсто генерала Боске.

Нельзя не обратить вниманіе на эту совершенно несвоевременную перемѣну начальника. Генералъ Боске съ самаго начала командовалъ войсками на этой мѣстности, а потому зналъ ее очень хорошо, да кромѣ того подъ его начальствомъ былъ одержанъ только что тутъ же значительный успѣхъ 26-го мая. Конечно, отсутствіе такого генерала, который былъ къ тому же извѣстенъ въ арміи своими подвигами, на рѣшительномъ пунктѣ атаки не могло не повліять на нравственные шансы къ успѣху предстоящихъ дѣйствій. Настоящая причина удаленія генерала Боске съ этого пункта остается не выясненною и объясняется такъ:

«Сколько можно судить, генералъ Боске, столь же осторожный въ военномъ совѣтѣ, сколько рѣшительный на полѣ битвы, не одобрялъ такого поспѣшнаго штурма. Эта ли причина, или желаніе генерала Пелисье лично руководить дѣйствіями, имѣли вліяніе на распоряженіе главнокомандующаго...» [3]).

Въ общемъ, значитъ, собственно для штурма назначено было до 44,000 человѣкъ [4]); сигналомъ начала штурма долженъ былъ служить троекратный спускъ ракетъ съ Ланкастерской батареи въ условленный часъ.

Увѣренный въ успѣхѣ атаки на Малаховъ курганъ и дальнѣйшаго оставленія нами послѣ этого всего Севастополя, генералъ Пелисье приказалъ, кромѣ того, держать на-готовѣ противъ укрѣпленій Городской стороны четыре французскія дивизіи, подъ командою генерала де-Салля. Генералъ же Боске съ 25,000-нымъ французскимъ корпусомъ, всею кавалеріею и сардинскими и турецкими вой-

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 369 и 370.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 369.

[4]) Тамъ же, стр. 370. У Тотлебена, ч. II, отд. I, стр. 350 показано 34,000.

сками долженъ былъ сначала произвести диверсію къ Мекензіевымъ высотамъ, а затѣмъ наступать далѣе къ Бахчисараю для угрозы нашимъ сообщеніямъ.

Съ нашей стороны, какъ было упомянуто выше, «сила гарнизона Севастополя къ 5-му іюня простиралась до 43,000 и изъ этого числа на Корабельной сторонѣ было расположено 20,378 штыковъ [1]). Самый штурмъ не былъ для насъ неожиданностью, его ждали какъ начальники, такъ и войска:

«Въ ожиданіи непріятельскаго штурма главнокомандующій предписалъ:

«1) По пробитіи тревоги, раненыхъ не подбирать до окончанія дѣла.

«2) Принять мѣры, чтобы гарнизоны бастіоновъ отнюдь не оставляли ихъ хотя бы они были атакованы весьма превосходными силами, а дрались бы на мѣстахъ, до послѣдней крайности, пока не прибудутъ къ нимъ резервы, такъ какъ это единственное средство дать артилеріи возможность продолжать дѣйствіе и огнемъ ея отразить непріятеля.

«Съ своей стороны, начальникъ гарнизона приказалъ:

«1) Въ случаѣ дневнаго штурма, начальники войскъ въ укрѣпленіяхъ, смежныхъ съ атакованными пунктами, не ожидая приказаній, должны сами отдѣлять часть своихъ войскъ для подкрѣпленія атакованнаго участка, но, для избѣжанія безпорядка и сохраненія людей, не должны сгущать войскъ.

«2) Когда непріятель спустится въ ровъ укрѣпленій, то войска, расположенныя по банкетамъ, непремѣнно должны влѣзать на брустверъ и отражать непріятеля штыками.

«3) Послѣ отбитія штурмующихъ колоннъ, наблюдать, чтобы войска не преслѣдовали непріятеля, но провожали его только ружейнымъ огнемъ.

«4) Людямъ, занимающимъ банкеты, воспретить крикъ «ура» и стараться, чтобы не было ни шума, ни суеты.

«5) Войскамъ, находящимся на работахъ, по тревогѣ, немедленно оставлять рабочій инструментъ и слѣдовать на указанныя мѣста.

«6) Всѣ нижніе чины полковъ гарнизона, находившіеся въ домашнемъ расходѣ, какъ-то: каптенармусы, артельщики, кашевары рабочіе на кухняхъ и проч., по тревогѣ должны собираться, на ука-

---

[1]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 367.

занныхъ имъ сборныхъ мѣстахъ, въ боевой амуниціи и съ ружьями, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было ихъ двинуть противъ непріятеля» [1]).

Сводя въ общее все сказанное о нравственномъ состояніи войскъ обѣихъ сторонъ передъ штурмомъ, нужно сказать, что войска одной стороны были въ самомъ подходящемъ для столь рѣшительнаго дѣйствія настроеніи:

«Успѣшное взятіе Камчатскаго люнета, Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ вскружило, что называется, головы союзнымъ военноначальникамъ. Всѣми овладѣло воодушевленіе, энтузіазмъ, почти изступленіе! У англичанъ и французовъ былъ одинъ кличъ: «*штурмъ!*» Всѣ были убѣждены въ возможности немедленной благопріятной развязки Севастопольской исторіи» [2]).

Въ этомъ увлеченіи не придано было даже значенія тому, что штурмъ Корабельной стороны былъ сравнительно мало подготовленъ, такъ какъ осадныя работы на этомъ фронтѣ отстояли отъ Малахова кургана на 200 и отъ 2-го бастіона—на 300 саженъ [3]).

Главнокомандующій, по своей рѣшительности, вполнѣ раздѣлялъ это общее настроеніе его войскъ, а войска видѣли уже, что его энергія сильно подвинула дѣло впередъ и привела къ ряду удачъ, передъ тѣмъ не выпадавшихъ на долю союзниковъ въ борьбѣ противъ оборонительной линіи города. Только вновь назначенный ближайшій руководитель войскъ, долженствовавшихъ идти на штурмъ, нѣсколько нарушалъ эту цѣпь моральныхъ шансовъ на успѣхъ предпринимаемаго дѣла. Онъ только что вступилъ въ командованіе войсками главныхъ штурмовыхъ колоннъ, былъ мало знакомъ со всѣми мѣстными обстоятельствами, не могъ знать въ подробности довольно пересѣченную на этомъ участкѣ мѣстность, и не могъ, конечно, пользоваться тѣмъ особеннымъ довѣріемъ войскъ, съ которымъ вполнѣ заслуженно они относились къ ихъ бывшему начальнику.

Со стороны обороняющагося мы видимъ нѣсколько отличное настроеніе, тамъ нѣтъ такого кричащаго энтузіазма, подобной эфектной, но скоро проходящей, вспышки разожженнаго геройства. Тамъ мы видимъ болѣе серьезное и хладнокровное настроеніе войскъ, нравственный духъ которыхъ за всю девятимѣсячную борьбу достигъ крайнихъ предѣловъ возможнаго своего развитія.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 333 и 334.

[2]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 416.

[3]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 354.

Войска эти, твердо вѣря въ помощь Господа Бога своему правому дѣлу, сознательно шли на самую отчаянную борьбу и если не были вполнѣ убѣждены, что сломятъ врага, то были увѣрены, что, пока они не лягутъ всѣ костьми, врагъ не завладѣетъ ни пядью, ввѣренной имъ Государемъ и родиною, русской земли. Это было не минутное геройство—плодъ увлеченія, а то сознательное, несокрушимое геройство, которое дѣлаетъ нашего русскаго солдата лучшимъ въ мірѣ бойцомъ.

Бывшія въ послѣднее время неудачи не успѣли поколебать это настроеніе, такъ какъ, съ одной стороны, оно слишкомъ глубоко вкоренилось въ войскахъ, а съ другой, они видѣли, что неудачи эти имѣли свои ясныя причины, совершенно независящія отъ состава и моральныхъ силъ самихъ войскъ.

Къ тому же войска эти имѣли теперь во главѣ своей, на угрожаемомъ пунктѣ, такого ближайшаго начальника, въ котораго вѣрили, съ которымъ привыкли не только твердо отстаивать свои укрѣпленія, но и причинять врагу значительныя неудачи. Они довѣрчиво шли за этимъ начальникомъ, такъ какъ знали, что онъ ихъ не покинетъ въ опасную минуту и при первой возможности выведетъ ихъ на путь къ побѣдѣ. Нѣсколько иное было настроеніе главнокомандующаго. Онъ вѣрилъ въ свои войска, видѣлъ ихъ исключительныя высокія нравственныя качества, надѣялся къ тому же на возможность удачно отбить покушеніе непріятеля, но въ то же время былъ глубоко убѣжденъ въ безцѣльности и невыгодности дальнѣйшаго отстаиванія города. Не рѣшался же онъ покинуть Севастополь только потому, что не находилъ въ себѣ самомъ достаточно мужества предпринять дѣйствіе, идущее въ разрѣзъ желаніямъ и ожиданіямъ какъ всей свой арміи, такъ и всего русскаго народа.

При такихъ-то условіяхъ, съ разсвѣтомъ 5-го іюня, началось усиленное четвертое бомбардированіе Корабельной стороны и лѣваго фаса 4-го бастіона. Наши батареи оборонительной линіи сначала съ живостью отвѣчали на огонь противника, но новыя французскія батареи, построенныя противъ Корабельной стороны, вскорѣ дали себя чувствовать. Уже послѣ пятичасоваго огня значительно были повреждены 2-й бастіонъ, Малаховъ курганъ и 3-й бастіонъ, со смежными батареями.

«Въ то же время обнаружился недостатокъ въ зарядахъ. Вслѣдствіе этого, послѣ 10-ти часовъ утра, огонь съ батарей Корабельной стороны былъ значительно ослабленъ.

«На осадныхъ батареяхъ также замѣчены были заваленныя амбразуры, въ особенности на англійскихъ №№ 9 и 14, на Воронцовской высотѣ, и на французскихъ №№ 15 bis и 17, на высотѣ Камчатскаго люнета. На французской батареѣ № 20, на мѣстѣ Волынскаго редута, взорванъ пороховой погребъ. Но прочія осадныя батареи продолжали дѣйствовать весьма усиленно, и бросали множество разрывныхъ снарядовъ, какъ навѣсно, такъ и прицѣльно» [1]).

Затѣмъ, около 2-хъ часовъ пополудни бомбардированію подверглась и Городская сторона и, такимъ образомъ, усиленный огонь по всей оборонительной линіи продолжался вплоть до темноты. Къ вечеру особенно пострадали: батарея № 5 (Никонова), Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ, «на которыхъ почти всѣ орудія, дѣйствующія прицѣльно, къ вечеру должны были замолчать.

«Въ теченіе дня, на оборонительной линіи подбито 16 орудій и 17 станковъ, и повреждено: 71 платформа, болѣе 200 амбразуръ и оборонительная казарма 1-го бастіона. Потеря въ людяхъ была весьма значительна» [2]).

«Наступившая темнота прикрыла наши войска и укрѣпленія лишь отъ прицѣльнаго огня, навѣсный же, и весьма сильный огонь продолжался. Внутреннее пространство укрѣпленій и мѣста расположенія нашихъ резервовъ были осыпаемы бомбами, равно какъ городъ, въ которомъ произведено было нѣсколько пожаровъ».

«Несмотря на жестокій огонь непріятеля, обороняющійся успѣлъ къ 2-мъ часамъ пополуночи замѣнить подбитыя орудія и исправить всѣ главныя поврежденія въ брустверахъ, платформахъ и пороховыхъ погребахъ, послѣ чего, для уменьшенія потери отъ непріятельскаго навѣснаго огня, работы были прекращены и рабочіе отведены въ резервъ. Только на Малаховомъ курганѣ продолжали насыпать въ закрытіи передняго фаса 4 барбета для полевыхъ орудій, что было необходимо для усиленія картечнаго огня по мѣстности... храбрые саперы и команда отъ Сѣвскаго полка, подъ градомъ непріятельскихъ бомбъ, работали съ такимъ рвеніемъ, что къ разсвѣту всѣ четыре барбета были готовы, и на нихъ поставлены полевыя орудія» [3]).

Только-что окончены были работы по исправленію поврежденій, какъ изъ секрета дано было знать, что въ Киленбалкѣ сосре-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 336 и 337.
[2]) Тамъ же, стр. 337 и 338.
[3]) Тамъ же, стр. 339.

доточены значительныя непріятельскія силы. Вѣроятно къ этому времени относится эпизодъ, записанный въ дневникѣ французскаго офицера изъ войскъ колонны Мейрана:

«Vers 3 heures du matin, aux premières heures du jour, deux officiers russes s'avancèrent j'usqu'à la gabionnade, à 20 mètres de nous, et soulevant leur casquette, ils nous crièrent: «Allons, Messieurs les Français, quand il vous plaira, nous vous attendons».

«Nous fûmes stupéfiés... ...Il était bien évident que l'ennemi connaissait nos intentions, et que nous allions trouver une défense solidement préparée» [1]).

Дѣйствительно, по первому извѣстію изъ секрета, на первомъ бастіонѣ была пробита тревога, которая распространилась по всей Корабельной сторонѣ. Тросовые щиты были сняты, орудія, заряженныя картечью, вдвинуты въ амбразуры, войска заняли банкеты, а резервы частные и общій пододвинуты къ укрѣпленіямъ. Въ то же время шесть пароходовъ стали на шпринги противъ устья Киленбухты.

Какъ извѣстно, генералъ Майранъ пустилъ свои колонны на штурмъ 1-го и 2-го бастіоновъ немного ранѣе 3-хъ часовъ утра и недождавшись условленнаго сигнала. Причина преждевременнаго начатія штурма на этомъ пунктѣ осталась невыясненною и ее разно приписываютъ: ошибкѣ въ распознаваніи сигнала или желанію не потерять выгодъ неожиданности, вслѣдствіе открытія сосредоточенія его войскъ нашими секретами. Но, во всякомъ случаѣ, атаки эти застали наши войска и пароходы совершенно подготовленными къ встрѣчѣ, а потому, несмотря на повтореніе ихъ, имѣли для французскихъ войскъ самыя гибельныя послѣдствія. Сильный ружейный и картечный огонь съ оборонительной линіи и весьма дѣйствительное обстрѣливаніе резервовъ и столпившихся въ Киленъбалкѣ войскъ съ пароходовъ, нанесли столь сильныя потери храбрымъ войскамъ Майрана, что заставили ихъ окончательно укрыться въ свои траншеи и отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній. Общій руководитель штурма, генералъ д'Анжели, видя преждевременное начатіе дѣла на своемъ правомъ флангѣ, не рѣшился сейчасъ под-

---

[1]) Herbé, стр. 280. «Около 3-хъ часовъ утра, на разсвѣтѣ, два русскихъ офицера приблизились къ линіи туровъ, въ 20-ти метрахъ (около 30-ти шаговъ) отъ насъ, и, приподнявъ фуражки, крикнули намъ:—«Ну, господа французы, пожалуйте, когда вамъ вздумается, мы васъ ожидаемъ».—«Мы остолбенѣли». Было очевидно, что противникъ знаетъ наши намѣренія и что мы встрѣтимъ солидно подготовленную оборону».

держать ихъ общею атакою, такъ что сигналъ для штурма былъ данъ лишь по прибытіи генерала Пелисье. Благодаря этому, три французскія колонны, направленныя на Малаховъ курганъ и на куртины по обѣимъ его сторонамъ, двинулись тогда, когда атаки ихъ товарищей на нашъ лѣвый флангъ были уже окончательно отбиты. Многократно повторенныя съ увлеченіемъ и настойчивостью атаки на Малаховъ курганъ, куртину между нимъ и 2-мъ бастіономъ и прилегающій правый фасъ этого послѣдняго не имѣли никакого успѣха. Храбрые защитники этихъ укрѣпленій, благодаря заблаговременнымъ указаніямъ своихъ начальниковъ, вездѣ встрѣчали непріятеля губительнымъ ближнимъ огнемъ. Пѣхота густою цѣпью заняла не только всѣ банкеты, но и многочисленные траверсы; вновь поставленныя въ ночь полевыя орудія косили противника картечью. Когда же передовые смѣльчаки добирались до самаго бруствера, то встрѣчали на немъ штыки неутомимыхъ борцовъ. Главный руководитель обороны на этомъ пунктѣ, генералъ Хрулевъ, зорко слѣдилъ за ходомъ боя и своевременно подкрѣплялъ особенно угрожаемые противникомъ пункты. Впрочемъ, одно мѣсто оборонительной линіи лѣваго фланга оказалось уязвимымъ. Третья французская колонна, направленная на батарею Жерве, благодаря невысокому брустверу, мѣстами даже совсѣмъ неимѣвшему рва, успѣла прорваться въ этомъ мѣстѣ и подавила своимъ превосходствомъ одинъ слабый (въ 300 человѣкъ) баталіонъ, тутъ расположенный. Пользуясь первымъ успѣхомъ, французы ринулись впередъ, но, удержанные огнемъ съ ретраншамента и праваго фаса Малахова кургана, ихъ передовые 2—3 баталіона засѣли въ домикахъ на правомъ скатѣ этого кургана.

«Въ это время прибылъ сюда генералъ Хрулевъ. Схвативъ возвращавшуюся съ работъ 5-ю мушкетерскую роту Сѣвскаго полка (138 человѣкъ), подъ командою штабсъ-капитана Островскаго, онъ построилъ ее за ретраншаментомъ, и со словами: «*Благодѣтели мои, въ штыки! за мною! Дивизія идетъ на помощь!*» двинулъ ее на непріятеля. Воодушевленные любимымъ начальникомъ, солдаты бросились безъ выстрѣла въ штыки. Вслѣдъ та этою ротой, по приказанію генерала Хрулева, устремились на непріятеля и остатки Полтавскаго баталіона, предводимые капитаномъ Борномъ. Французы встрѣтили наши войска сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ дверей и оконъ домиковъ. Здѣсь загорѣлся жестокій рукопашный бой. Французы защищались съ отчаянною храбростью; каждый домикъ приходилось брать приступомъ. Наши солдаты взлѣзали на

крыши, разбирали ихъ, поражали камнями засѣвшихъ въ домикахъ французовъ, врывались въ окна и двери, и, наконецъ, выбили французовъ, захвативъ у нихъ въ плѣнъ 1 штабъ-офицера, 8 оберъ-офицеровъ и около 100 нижнихъ чиновъ» [1]).

Вскорѣ подбѣжали, по распоряженію генерала Павлова, шесть ротъ Якутскаго полка, съ помощью которыхъ удалось совсѣмъ вырвать изъ рукъ непріятеля батарею Жерве и прогнать французовъ въ Доковъ оврагъ. Но успѣхъ этотъ, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія торжествующаго противника, конечно, дорого стоилъ нашимъ молодцамъ.

«Болѣе другихъ пострадала покрывшая себя славою 5-я рота Сѣвскаго полка, въ которой изъ 138 человѣкъ осталось на лицо лишь 33 человѣка. Въ числѣ павшихъ былъ храбрый командиръ роты штабсъ-капитанъ Островскій...» [2]).

Подошедшій затѣмъ съ Городской стороны на подкрѣпленіе Елецкій полкъ позволилъ генералу Хрулеву усилить занятіе батареи Жерве, благодаря чему трижды повторенная свѣжими резервами атака на этотъ пунктъ французовъ была окончательно отбита.

Какъ извѣстно, англичане тоже произвели въ этотъ день штурмъ 3-го бастіона и батарей на Пересыпи. Несмотря на троекратное повтореніе наступленія, непріятель могъ достигнуть лишь засѣки у 3-го бастіона и только на батареѣ Грибка нашимъ ротамъ пришлось штыками прогонять непріятеля.

Такимъ образомъ, къ 7-ми часамъ утра попытки противника были вездѣ окончательно отбиты. Потерпѣвшій осаждающій окончательно скрылся въ свои траншеи и только небольшое число англичанъ засѣло въ домикахъ передъ Пересыпью и лѣвѣе 4-го бастіона, но и эти люди въ сумерки были выбиты посланными двумя ротами.

Такъ, готовностью нашихъ войскъ къ бою и неимовѣрною стойкостью ихъ были разрушены всѣ розовыя мечты противника. Не помогла имъ тщательная и достигшая громаднаго превосходства въ силахъ подготовка штурма бомбардированіемъ. За 5-е и 6-е числа осаждающій выпустилъ по оборонительной линіи около 62,000 снарядовъ, съ нашей же стороны было выпущено только 19,000 [3]), такъ что огонь противника втрое превосходилъ нашъ. Не помогло имъ тоже ихъ возвышенное нравственное настроеніе, бывшее слѣдствіемъ предъидущихъ удачъ. Ближайшіе начальники

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 344 и 345.

[2]) Тамъ же, стр. 345 и 346.

[3]) Тамъ же, стр. 352.

славнаго гарнизона не поддались мрачнымъ соображеніямъ о невозможности дольше отстаивать Севастополь и съ полнымъ рвеніемъ и энергіею учредили полный порядокъ въ отбываніи службы на оборонительной линіи, установили заранѣе всѣ мѣры къ отбитію штурма и тѣмъ поддержали въ войскахъ присущую имъ нравственную мощь, о которую не могло не разбиться увлеченіе и азартъ союзниковъ.

Потери при штурмѣ были весьма значительныя, но и въ этомъ выгоды остались на нашей сторонѣ. Гарнизонъ потерялъ выбывшими изъ строя за время бомбардированія и штурма 5,446 человѣкъ, союзники же—6,700 человѣкъ, въ томъ числѣ восемь генераловъ. Въ нашихъ рукахъ остались плѣнными 18 офицеровъ и 275 нижнихъ чиновъ [1]).

Большинство этой потери противника лежало на полѣ передъ оборонительною линіею:

«Зацвѣло поле!» говорили солдаты, самодовольно улыбаясь и поглядывая изъ-за гребня бруствера на цвѣтные мундиры разноплеменныхъ враговъ, валявшихся повсюду» [2]).

Но гордость побѣдителя не отуманила чуткое сердце русскаго воина, состраданіе и жалость къ побѣжденному—эта рыцарская черта нашего солдата, сейчасъ же взяла верхъ:

«Съ какимъ гордымъ восторгомъ за имя русскаго солдата, которое носимъ, смотрѣли мы, какъ наши солдатики, видя, что между мертвыми есть много раненыхъ, не только позволяли уползать тѣмъ, которые могли, не только не стрѣляли по нимъ, не только махали имъ руками, чтобы лѣзли себѣ, куда хотятъ, но даже сами, съ опасностью собственной жизни, ползли къ нимъ съ манеркою ключевой воды, услаждая благотворнымъ глоткомъ послѣднія страдальческія минуты нѣкоторыхъ и воскрешая силы многихъ! Что же? Англичане, сидѣвшіе въ траншеяхъ и иногда замѣчавшіе эту продѣлку, конечно, съ сердечной благодарностью, съ уваженіемъ къ благородному врагу принимали эту услугу ихъ героямъ-товарищамъ, за нихъ умирающимъ? Какъ бы не такъ: они направляли на благотворителя цѣлый рой пуль и презирали вопли своихъ братій, дѣлавшихъ имъ знаки прекратить огонь, махавшихъ имъ шапками, въ отчаяніи посылавшихъ имъ проклятія за ихъ безчеловѣчіе и въ то же время цѣловавшихъ руки нашихъ солдатъ, утолявшихъ ихъ

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 352 и 353.

[2]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 404.

предсмертную жажду... Скажемъ правду: французы показывали въ этомъ случаѣ болѣе теплоты сердечной, болѣе великодушія, и не препятствовали подавать помощь ихъ раненымъ. Многіе изъ нихъ просили знаками и движеніями не покидать ихъ и взять съ собою. Истекавшіе кровью собирали остатокъ силъ и влеклись за нашими солдатами, отползавшими къ своимъ. Нѣкоторые изъ нашихъ, ползя сами, протащили за собою страдальцевъ по самому опасному пространству, не безъ страданій для нихъ, и потомъ, подхвативъ ихъ на руки, бѣгомъ проносили ихъ въ безопасное мѣсто. Нѣкоторыхъ раненыхъ не могли взять до ночи, а нѣкоторыхъ, придя за ними ночью, нашли уже умершими» [1]).

На другой же день послѣ штурма: «отслуженъ былъ благодарственный молебенъ въ городскихъ церквахъ и на бастіонахъ, гдѣ нѣсколько туровъ, покрытые парчей, замѣняли налой» [2]).

Не приминули, конечно, этимъ случаемъ воспользоваться многіе изъ достойныхъ лицъ нашего военнаго духовенства, чтобы своимъ теплымъ и задушевнымъ словомъ еще болѣе укрѣпить нашихъ доблестныхъ воиновъ на дальнѣйшіе геройскіе подвиги въ стѣнахъ многострадальнаго города.

8-го іюня состоялось перемиріе для уборки труповъ. Ожесточенные противники сошлись на нейтральной полосѣ, но у союзниковъ, по свидѣтельству очевидцевъ, уже незамѣтно было того оживленія и любезнаго настроенія, которыми въ особенности отличались французы послѣ дѣлъ 11-го и 26-го мая. Видно было, что неудача штурма произвела глубокое и удручающее впечатлѣніе на настроеніе и нравственное состояніе союзныхъ войскъ.

«Неудача приступа 6-го (18-го) іюня произвела весьма невыгодное впечатлѣніе на союзниковъ и заставила ихъ надолго отказаться отъ атаки открытою силою. У англичанъ явилась даже мысль о совершенномъ прекращеніи веденной ими атаки» [3]).

Такое настроеніе противника легко было замѣтить по послѣдующей его дѣятельности, которая не отличалась энергіею:

«Въ теченіе цѣлаго мѣсяца дѣятельности англо-французовъ почти не замѣчалось; они строили новыя батареи, вели подступы, но какъ тѣ, такъ и другіе подвигались впередъ туго.

«Три недѣли, употребленныя союзниками на возведеніе 19-ти

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 404.
[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 385.
[3]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 11.

новыхъ батарей и нѣсколькихъ траншей, при содѣйствіи арміи, имѣвшей подъ ружьемъ гораздо болѣе 150,000, нельзя считать особою дѣятельностью. Напротивъ, все это свидѣтельствовало объ истощеніи нравственномъ и физическомъ, о недостаткѣ энергіи и незнаніи, что̀ предпринять и на что рѣшиться. Отбитый штурмъ показалъ непріятелю, что русскія укрѣпленія сильны и гарнизонъ ихъ стоекъ, что на успѣхъ новаго штурма, безъ предварительной подготовки, разсчитывать нечего, а заставить обороняющагося очистить городъ при помощи полевыхъ дѣйствій для союзниковъ было дѣломъ невозможнымъ. Потеря многихъ генераловъ, свирѣпствовавшая въ рядахъ холера, отсутствіе перевозочныхъ средствъ, малое число кавалеріи и полевой артилеріи—это были такія причины, которыя не дозволяли англо-французамъ двинуться съ мѣста и разсчитывать на успѣхъ. Союзные главнокомандующіе понимали, что движеніе ихъ впередъ на одинъ переходъ не принесетъ никакой пользы для дѣла, а двинуться далѣе одного перехода было бы весьма опасно. Прикованные къ Севастополю, они рѣшились тянуть прежнюю лямку и продолжать осаду. Канонада прекратилась и наши потери значительно уменьшились» [1]).

Вообще неудача предпринятаго союзниками штурма должна была имѣть громадное значеніе. Фельдмаршалъ князь Паскевичъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ писалъ о немъ Государю:

«Геройское дѣло сіе не только покрыло славою нашъ храбрый гарнизонъ, но имѣло для насъ несомнѣнную пользу, доказавъ хвастливымъ врагамъ, что девятимѣсячныя усилія ихъ остались тщетными. Что я ни думалъ—не могу постигнуть, что предпримутъ союзники послѣ столь жестокаго пораженія; кажется едва-ли они осмѣлятся предпринять что-либо важное. Къ несчастью, я бывалъ въ отбитыхъ штурмахъ, и знаю, какое нравственное вліяніе производитъ неудача на солдата, на офицера и даже на генерала. Наша пѣхота первая въ свѣтѣ, но и она подвергается сему вліянію» [2]).

Нравственное же вліяніе, произведенное пораженіемъ 6-го іюня на союзниковъ, должно было быть тѣмъ болѣе громадное, что они не сомнѣвались въ успѣхѣ штурма и шли на него съ полною увѣренностью.

«А велика была самонадѣянность союзниковъ! Много доказательствъ. Было распредѣлено, кому уничтожать какое зданіе, гдѣ

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 478 и 479.

[2]) Тамъ же, стр. 477 и 478.

*

строить батареи, гдѣ просто укрѣпиться; взяты были припасы для обѣда въ Севастополѣ; не говорю о другихъ доказательствахъ ихъ убѣжденія въ невозможности неудачи; — но во всякой мелочи проявлялась эта увѣренность. Одинъ капралъ, съ новою на груди Наполеоновскою медалью, въ числѣ первыхъ вскочилъ на оборонительную стѣнку между рогаткой и 2-мъ номеромъ. Товарищи его пали подъ штыками, но ему посчастливилось: онъ какъ-то проскользнулъ, бросилъ ружье и пошелъ дальше на Корабельную. Тамъ его никто не тронулъ, думая, что идетъ плѣнный. Дойдя до церкви Бѣлостокскаго полка, французъ не зналъ, куда идти далѣе, и преспокойно сѣлъ на паперть. Черезъ нѣсколько минутъ его увидѣлъ кто-то изъ нашихъ офицеровъ и спросилъ: «что онъ здѣсь дѣлаетъ? — «Жду своихъ. Черезъ четверть часа наши возьмутъ Севастополь!»...

«Одинъ раненый французскій офицеръ, взятый въ плѣнъ на батареѣ Жерве, рѣшительно объявилъ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ онъ впервые встрѣтилъ въ Севастополѣ лицъ, говорящихъ по французски, что напрасно трудятся дѣлать ему перевязку, и вообще напрасно его принесли сюда, когда весь Севастополь, не болѣе какъ въ теченіе получаса, будетъ въ рукахъ его товарищей!..

«Не живыя-ли это доказательства общаго убѣжденія въ несомнѣнности успѣха?.. Но что значитъ самонадѣянность человѣческая предъ силою упованія на помощь Божію!?» [1]).

Потому-то такъ и тяжело было для союзниковъ пораженіе 6-го іюня, что оно вело за собою столь рѣзкій переломъ въ ихъ нравственномъ настроеніи.

По всему вышесказанному можно уже судить, какое вліяніе это геройское для насъ дѣло должно было имѣть на наши войска:

«Что касается гарнизона, то одержанный имъ блистательный успѣхъ имѣлъ на него самое благопріятное вліяніе, и, изгладивъ воспоминаніе о потерѣ передовыхъ укрѣпленій, поселилъ въ немъ въ это время убѣжденіе, что Севастополь не можетъ быть взятъ непріятелемъ» [2]).

Въ письмахъ генерала Хрущева мы находимъ слѣдующія строки:

«Воображаю, какъ сконфужены непріятели и въ особенности Пелисье, на котораго полагали столько надеждъ и онъ самъ вѣрилъ въ несомнѣнный успѣхъ. Что-то онъ теперь предприметъ?

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 406 и 407.

[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. I, стр. 356.

Наши войска ободрились и выросли. Надняхъ мы ожидаемъ подкрѣпленій до 40 баталіоновъ» [1]).

Не мало утѣшила, тоже нашъ несравненный гарнизонъ и придала духа на дальнѣйшее перенесеніе съ тѣмъ же упорствомъ и беззавѣтностью тяжелой севастопольской службы милостивая оцѣнка его подвиговъ со стороны Государя, который писалъ князю Горчакову:

«Вы уже знаете о радостномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Меня извѣстіемъ *о геройскомъ отбитіи штурма 6-го числа.* Воздавъ отъ глубины сердца благодареніе Всевышнему, повторяю вамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ Мою искреннюю и душевную благодарность. Безпримѣрные защитники Севастополя покрыли себя въ этотъ день еще новою неувядаемою славою. *Скажите имъ, что Я и вся Россія ими гордимся*» [2]).

---

[1]) «Русск. Стар.» 1892 г., сентябрь, стр. 604.

[2]) М. Богдановичъ, т. III, стр. 390.

VI.

Послѣдній періодъ осады и обороны Севастополя.—Черная.—Послѣдніе дни Севастополя.

Удачное отбитіе штурма 6-го іюня не сразу разсѣяло опасенія нашего главнокомандующаго о необходимости оставленія Севастополя; на другой день послѣ штурма, въ письмѣ Государю, онъ пишетъ объ этомъ, говоря, что оно, «по всей вѣроятности, будетъ намъ стоить отъ 10,000 до 15,000 человѣкъ». Но уже черезъ восемь дней въ такомъ же письмѣ мы читаемъ:

«Послѣ 6-го числа непріятель медленно велъ апроши къ бастіону Корнилова и къ бастіонамъ 5-му и 6-му; дѣйствующія войска его отошли на лѣвый берегъ рѣки Черной. Холера у него развивается, особенно у сардинцевъ, у коихъ, по показанію дезертировъ, умерло болѣе 2,000 человѣкъ, и въ числѣ ихъ генералъ Ла-Мармора, братъ главнокомандующаго. 7-я и 15-я дивизіи пришли сюда Суворовскими маршами; у насъ холерныхъ немного; наконецъ, почти совершенное прекращеніе огня непріятельской артилеріи даетъ намъ возможность исправлять верки и сберегать порохъ, такъ что теперь я покоенъ въ отношеніи пороховаго запаса. Все это, и въ особенности упадокъ духа у союзниковъ, послѣ отбитаго, стоившаго имъ до 10,000 человѣкъ, штурма, даетъ благопріятнѣйшій оборотъ нашимъ дѣламъ. Но не смѣю еще увлекаться надеждою. По численному превосходству непріятеля и по близости его апрошей къ 4-му и 5-му бастіонамъ, не смѣю ручаться за успѣхъ; но если дѣло протянется до сближенія сюда ополченія и 4-й и 5-й

пѣхотныхъ дивизій, то перевѣсъ будетъ на нашей сторонѣ и можно будетъ помыслить о совокупномъ наступленіи со стороны Черной и со стороны Севастополя отъ Корниловскаго бастіона, которое, хотя и будетъ намъ дорого стоить, но ослабитъ дѣйствія непріятеля противъ Севастополя, а съ наступленіемъ осени онъ отплыветъ отсюда; другой зимы онъ не рѣшится здѣсь провести...» [1]).

Между тѣмъ, противникъ, когда острое впечатлѣніе отбитаго штурма прошло и англичане согласились продолжать атаку 3-го бастіона, рѣшился настойчиво продолжать начатое дѣло, поставивъ себѣ слѣдующія цѣли:

«Во-первыхъ, значительно увеличивъ число батарей, доставить имъ перевѣсъ надъ артилеріею оборонительной линіи; во-вторыхъ, распространить сѣть своихъ траншей и приблизить ихъ, насколько возможно, къ нашимъ укрѣпленіямъ; въ третьихъ, усилить огонь по рейду, чтобы воспрепятствовать нашимъ пароходамъ занимать опасныя для него позиціи, какъ, напримѣръ, въ устьѣ Киленбухты.

«Этими мѣрами атакующій надѣялся подготовить успѣхъ для вторичнаго штурма, особенно на главныхъ пунктахъ атаки, т. е. на Малаховомъ курганѣ и 2-мъ бастіонѣ» [2]).

Поставивъ себѣ такую цѣль и занявшись работами для приведенія ея въ исполненіе, осаждающій очень мало безпокоилъ насъ своимъ огнемъ и, по свидѣтельству участниковъ, «..... послѣ неудачнаго штурма 6-го (18-го) іюня, атакующій въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ дѣйствовалъ лишь слабымъ огнемъ» [3]).

Такая обстановка какъ нельзя болѣе способствовала примѣненію того активнаго способа противодѣйствія замысламъ атаки, къ которому привыкли наши славные защитники Севастополя и которое на дѣлѣ всегда своевременно уравновѣшивало силы обороны съ возроставшими силами атаки.

Какъ извѣстно, и въ этомъ случаѣ Тотлебенъ намѣревался по тому же пути вести дальнѣйшую оборону города. Разсчитавъ приблизительно, сколько новыхъ батарей можетъ возвести противникъ противъ главнаго пункта атаки, онъ предполагалъ усилить вооруженіе Малахова кургана и 2-го бастіона для дѣйствія по будущимъ осаднымъ батареямъ на 60 орудій. Кромѣ того, для воспрепятствованія противнику приблизить свои подступы къ Мала-

---

[1]) Богдановичъ, т. III, стр. 391 и 392.
[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 12 и 13.
[3]) Тамъ же, стр. 5.

хову кургану, онъ, основываясь на удачномъ опытѣ защиты 4-го бастіона, проектировалъ оборонять мѣстность передъ Корниловскимъ бастіономъ перекрестнымъ артилерійскимъ огнемъ, для чего считалъ необходимымъ устроить на ретраншаментѣ по обѣ стороны кургана возвышенныя батареи по 30-ти орудій каждую. Всего, такимъ образомъ, получалось 120 орудій большихъ калибровъ, только «..... для борьбы съ осадными батареями и для дѣйствія по непріятельскимъ подступамъ, независимо отъ тѣхъ орудій, которыя слѣдовало поставить для второстепенныхъ цѣлей, какъ-то: для фланговой, тыльной и внутренней обороны самыхъ укрѣпленій.

«Наконецъ, онъ предполагалъ немедленно приступить къ устройству впереди Малахова кургана обширной контръ-минной системы, подобной той, которая имѣлась впереди 4-го бастіона» [1]).

Но 8-го іюня Севастополь снова понесъ невознаградимую потерю въ лицѣ одного изъ своихъ нравственныхъ столповъ и вдохновителя всѣхъ неимовѣрныхъ усилій обороны—генерала Тотлебена, который былъ раненъ пулею въ ногу на вылетъ. Опасный характеръ раны заставилъ генерала переѣхать на Сѣверную сторону и руководство работами перешло: «на Городской сторонѣ—къ командиру 3-го сапернаго баталіона, полковнику Гарднеру, а на Корабельной—инженеръ-штабсъ-капитану Тидебелю, который съ 25-го іюня (7-го іюля) передалъ эти обязанности вновь прибывшему инженеръ-полковнику Геннериху. При этомъ, хотя генералъ Тотлебенъ и сохранилъ за собою главное руководство оборонительными работами, но уже былъ совершенно лишенъ возможности слѣдить лично на мѣстѣ за настойчивымъ приведеніемъ въ дѣйствіе своихъ распоряженій.

«Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ находился часто въ самомъ болѣзненномъ и даже безнадежномъ состояніи, такъ что только изрѣдка могъ заниматься выслушиваніемъ докладовъ и составленіемъ инструкцій, не входя, однакожь, въ подробности дѣла.

«Это было причиною, что предположенія его не получили надлежащаго исполненія...» [2]).

Не можемъ не обратить вниманія на подобное рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ руководствѣ инженерными работами въ Севастополѣ. Всѣмъ извѣстно, что начальствующія лица нашей Крымской арміи постоянно подчеркивали безпримѣрность столь долгаго со-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 3 и 4.

[2]) Тамъ же, стр. 5.

противленія Севастополя громаднымъ усиліямъ осаждающаго. Не можемъ допустить мысли, чтобы эти же начальствующія лица не понимали, какую большую роль въ дѣлѣ успѣха обороны играла та исключительная энергія, съ которою велись до сихъ поръ въ осажденномъ городѣ всѣ работы по усиленію обороны, а между тѣмъ новый порядокъ завѣдыванія работами, по случаю раны генерала Тотлебена, по нашему мнѣнію, исключалъ возможность проявленія энергіи и настойчивости въ дальнѣйшихъ работахъ. Работами этими завѣдывало: на Городской сторонѣ одно лицо, на Корабельной — другое, на Сѣверной — третье. Общее руководство оставалось за генераломъ Тотлебеномъ, который, по болѣзни, не могъ не только слѣдить на мѣстѣ за исполненіемъ своихъ указаній, но даже не всегда могъ принимать словесные доклады о ходѣ этихъ работъ. И на это никто, повидимому, не обратилъ должнаго вниманія, даже несмотря на результатъ подобнаго веденія дѣла, такъ какъ таковой порядокъ продолжался до конца осады. Если не предположить, что высшее начальство въ это время было проникнуто убѣжденіемъ неизбѣжной необходимости оставить оборону Севастополя, то такого рода невниманіе къ дѣлу обезпеченія успѣшнаго хода дальнѣйшей обороны города слѣдовало бы отнести къ полной апатіи и пасивности высшаго начальства, тѣмъ болѣе, что результаты такого порядка весьма скоро сказались на дѣлѣ. Если подвести итоги успѣха работъ по оборонѣ хотя за первыя три недѣли, послѣ штурма 6-го іюня, то увидимъ, что къ 28-му іюня усиленіе оборонительной линіи выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

«Всего вновь поставлено орудій:

на Городской сторонѣ.	16
» Пересыпи.	14
» Корабельной сторонѣ	64
Итого	94» [1]).

Но орудія эти распредѣлялись по своему назначенію и калибрамъ слѣдующимъ образомъ: всего 27 орудій назначались для дѣйствія по осаднымъ батареямъ, а 67 — имѣли цѣлью дѣйствовать по впередилежащей мѣстности и для фланговой, и внутренней обороны, такъ что, напримѣръ, только три орудія изъ нихъ могли быть направлены на Камчатскій люнетъ—самый важный въ данное время

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 7.

пунктъ; въ число 64-хъ орудій Корабельной стороны включены 28 $^1/_2$-пудовыхъ мортиръ, назначенныхъ для навѣснаго огня по ближайшимъ траншеямъ. Кромѣ того, на Сѣверной сторонѣ было вновь поставлено 44 орудія, для усиленія обстрѣливанія входа на рейдъ, по поводу значенія которыхъ не можемъ не привести слѣдующаго компетентнаго мнѣнія:

«Но, принимая во вниманіе, что рейдъ имѣлъ уже весьма сильную защиту, что̀ уже было доказано опытомъ 5-го (17-го) октября, и что непріятель, прорываясь на рейдъ съ деревянными кораблями, подвергъ бы себя величайшей опасности, нельзя не замѣтить, что эти 44 орудія могли бы быть употреблены съ гораздо бо̀льшею пользою для вооруженія ретраншаментовъ Корабельной стороны и для сосредоточенія сильнаго перекрестнаго огня по мѣстности впереди Малахова кургана» [1]).

Почти то же самое можно сказать хотя бы о части вновь поставленныхъ, въ числѣ 21, орудій въ восточной части сѣвернаго берега рейда, назначенныхъ для обстрѣливанія мѣстности впереди 1-го и 2-го бастіоновъ и праваго берега Киленбалки близъ Забалканской батареи, такъ какъ дистанція для огня изъ этихъ орудій достигала 1,000 саженъ.

Все сказанное наталкиваетъ на мысль, что будь общее руководство надъ всѣми завѣдующими работами болѣе обезпечено, мы бы видѣли, вѣроятно, болѣе значительное усиленіе главныхъ пунктовъ, сравнительно со второстепенными, а не наоборотъ.

Противникъ за это время настойчиво приводилъ къ осуществленію свои предположенія, т. е. заложилъ много новыхъ батарей, въ особенности противъ Корабельной стороны, и продвигалъ, по мѣрѣ возможности, впередъ свои подступы. Онъ успѣлъ приблизить свои траншеи на Киленбалочныхъ высотахъ къ 1-му бастіону на 240 саженъ, а ко 2-му—на 220 саженъ. Противъ же Малахова кургана на 110 саж., а 2-го бастіона и промежуточной куртины—на 145 саж. На Городской же сторонѣ подступы непріятеля встрѣчали столь серьезное сопротивленіе въ нашемъ картечномъ огнѣ, что весьма мало продвинулись впередъ.

Огонь осаждающаго за это время, какъ было уже сказано, былъ весьма слабъ и достигалъ лишь 1,000 снарядовъ въ сутки, съ оборонительной же линіи выпускалось по работамъ противника до 1,700. Потери гарнизона нѣсколько превышали 3,000 человѣкъ,

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 10.

противникъ же понесъ потерю до 1,710 человѣкъ. Въ числѣ легко контуженныхъ былъ начальникъ штаба гарнизона, генералъ князь Васильчиковъ.

28-е іюня былъ одинъ изъ самыхъ горестныхъ дней для всего Севастополя, такъ какъ въ этотъ день пораженъ былъ вражескою пулей Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

Вотъ какъ описываютъ послѣдніе часы, проведенные этимъ несравненнымъ героемъ на оборонительной линіи:

«Въ этотъ день непріятель производилъ усиленную канонаду противъ 3-го бастіона и лѣваго фаса 4-го бастіона. Командующій Охотскимъ полкомъ, полковникъ Малевскій, послалъ къ Нахимову, испрашивая его разрѣшенія по какому-то дѣлу. «А вотъ сейчасъ я самъ къ нему пріѣду», отвѣчалъ адмиралъ, и не болѣе какъ черезъ полчаса уже былъ на 3-мъ бастіонѣ. Тамъ онъ сѣлъ на скамью у блиндажа начальника 3-го отдѣленія, вице-адмирала Панфилова; кругомъ его стояло нѣсколько флотскихъ и пѣхотныхъ офицеровъ; толковали о служебныхъ дѣлахъ. Вдругъ раздался крикъ сигналиста: «бомба!». Всѣ бросились въ блиндажъ, кромѣ Нахимова, который, безпрестанно твердя своимъ подчиненнымъ о благоразумной осторожности и самосохраненіи, самъ остался на скамьѣ и не пошевельнулся при взрывѣ бомбы, осыпавшей осколками, землею и камнями то мѣсто, гдѣ прежде стояли офицеры. Когда миновала опасность, всѣ вышли изъ блиндажа, разговоръ возобновился; о бомбѣ и въ поминѣ не было. Отдавъ приказанія на 3-мъ бастіонѣ, адмиралъ поѣхалъ на своей сѣренькой лошадкѣ на лѣвую сторону оборонительной линіи; по пути, матросы, которымъ онъ запрещалъ отдавать ему честь, посылали за нимъ вслѣдъ крестныя знаменія, какъ бы стараясь оградить его отъ опасности. Когда онъ въѣхалъ на Малаховъ курганъ, тамъ, передъ вдѣланнымъ снаружи въ стѣну башни образомъ, присланнымъ Императрицею Александрою Ѳеодоровною защитникамъ Севастополя, наканунѣ дня св. апостолъ Петра и Павла, шла вечерняя служба. Капитанъ 1-го ранга Кернъ, видя, что адмиралъ, сойдя съ лошади и ставъ на самомъ опасномъ мѣстѣ, въ обычномъ своемъ костюмѣ, сюртукѣ съ эполетами и бѣлой фуражкѣ, служилъ цѣлью непріятельскимъ стрѣлкамъ, сказалъ ему, что «передъ образомъ идетъ служба и не угодно-ли будетъ послушать ее». — «Я васъ не держу-съ», отвѣчалъ Павелъ Степановичъ. Но Кернъ, волнуемый какимъ-то предчувствіемъ, остался при адмиралѣ. Спустя нѣсколько минутъ, Нахимовъ уже хотѣлъ отойти отъ бруствера, когда одна изъ нашихъ бомбъ, брошенныхъ съ кур-

гана, попала въ ближайшую непріятельскую траншею, разорвалась тамъ и вскинула вверхъ двухъ растерзанныхъ ею человѣкъ. «Экъ ихъ знатно подбросило», закричалъ сигнальщикъ. Нахимовъ, уже сошедшій съ банкета, вернулся назадъ и сталъ смотрѣть въ трубу. Въ это время непріятельская пуля попала въ земляной мѣшокъ около того мѣста, гдѣ стоялъ адмиралъ. «Мѣтко стрѣляютъ канальи!» сказалъ онъ, и въ ту самую минуту, когда стоявшій возлѣ него лейтенантъ Колтовскій замѣтилъ ему, что въ него цѣлятъ, онъ былъ пораженъ пулею въ високъ. Капитанъ Кернъ съ нѣсколькими офицерами снесъ адмирала въ блиндажъ, для поданія ему первой помощи» [1]).

Съ этой минуты Нахимовъ не выходилъ изъ безсознательнаго состоянія и 30-го іюня, въ 11 часовъ утра, нестало еще одной изъ первостепенныхъ нравственныхъ причинъ духа защитниковъ Севастополя.

«Въ тотъ же день тѣло его было перевезено на Городскую сторону, въ домъ, въ которомъ жилъ покойный, и покрыто прострѣляннымъ и изорваннымъ флагомъ, развѣвавшимся на кораблѣ «Императрица Марія», на которомъ находился покойный адмиралъ во время Синопскаго боя. Около гроба тѣснились моряки, офицеры и солдаты всѣхъ родовъ оружія, даже женщины; словомъ, всякій, кто могъ, спѣшилъ поклониться праху знаменитаго адмирала» [2]).

1-го іюля состоялись торжественные похороны и вся семья севастопольцевъ, имѣя во главѣ главнокомандующаго и всѣхъ высшихъ чиновъ арміи, сознавая свою незамѣнимую утрату, благоговѣйно проводила останки Павла Степановича и предала ихъ землѣ въ знаменитой могилѣ черноморскихъ богатырей: Лазарева, Корнилова и Истомина.

«Весь севастопольскій гарнизонъ смотрѣлъ на Павла Степановича съ благоговѣніемъ и полною довѣренностію, а потому его потеря незамѣнима. Всѣ въ большомъ унынiи» [3]).

30-го іюня по гарнизону генераломъ графомъ Сакеномъ былъ отданъ слѣдующій приказъ:

«Провидѣнію угодно было испытать насъ новою тяжкою потерею: адмиралъ Нахимовъ, пораженный непріятельскою пулею на Корниловомъ бастіонѣ, сего числа скончался.

«Не мы одни будемъ оплакивать потерю доблестнаго сослужив-

---

[1]) Богдановичъ, т. III, стр. 400 и 401.

[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 18 и 19.

[3]) Изъ записокъ А. П. Хрущова. «Русская Старина» 1892 г., сентябрь, стр. 605.

ца, достойнѣйшаго начальника, витязя безъ страха и упрека; вся Россія, вмѣстѣ съ нами, прольетъ слезы искренняго сожалѣнія о кончинѣ героя синопскаго.

«Моряки Черноморскаго флота! Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ доблестей; онъ умѣлъ цѣнить ваше несравненное самоотверженіе; онъ раздѣлялъ съ вами всѣ опасности; руководилъ васъ на пути славы и побѣды.

«Преждевременная смерть доблестнаго адмирала возлагаетъ на насъ обязанность дорогою цѣною воздать непріятелю за понесенную нами потерю.

«Каждый воинъ, стоящій на оборонительной линіи Севастополя, жаждетъ,—я несомнѣнно увѣренъ,—исполнить этотъ священный долгъ; каждый матросъ удесятеритъ усилія для славы русскаго оружія» [1]).

Было отъ чего приходить въ уныніе, было за что мстить врагу!

Не разъ намъ приходилось упоминать о дѣятельности Павла Степановича и всегда мы сожалѣли, что не можемъ еще больше остановиться на всѣхъ ея мелочныхъ подробностяхъ. Но кому же неизвѣстно, что адмиралъ Нахимовъ всю душу и силы свои вложилъ въ дѣло обороны; его примѣру и заботливости обязаны тѣмъ, что въ стѣнахъ Севастополя каждый дѣлался героемъ; кто, какъ не онъ, настойчиво твердилъ, что Севастополь ни сдать, ни оставить невозможно, а можно только умереть на его развалинахъ. Кто первымъ всегда возмущался до глубины души за намекъ только на оставленіе Севастополя? Извѣстно тоже, что когда явилась мысль о постройкѣ моста на Сѣверную сторону, Павелъ Степановичъ, предвидя къ чему это можетъ повести, воскликнулъ: «Видали вы подлость? Готовятъ мостъ черезъ бухту». — «Ни живымъ, ни мертвымъ отсюда не выйду-съ» [2]).

Но такъ онъ думалъ не одинъ, а старался, чтобы всѣ проникнулись такимъ же убѣжденіемъ:

«Какъ-съ, вы хотите-съ уйти съ вашего поста-съ, говоритъ онъ, вы должны умирать здѣсь; вы часовой-съ, вамъ смѣны нѣтъ-съ и не будетъ; мы всѣ здѣсь умремъ-съ; помните-съ, что вы—черноморскій морякъ-съ, и что вы защищаете родной вашъ городъ-съ; мы непріятелю здѣсь отдадимъ-съ одни наши трупы и развалины; намъ отсюда уходить нельзя-съ; я уже себѣ выбралъ могилу-съ; моя мо-

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 19 и 20.
[2]) Богдановичъ, т. III, стр. 406.

тила ужь готова-съ; я лягу возлѣ начальника моего-съ, Михаила Петровича; Корниловъ и Истоминъ уже тамъ лежатъ-съ; они свой долгъ исполнили-съ; надо и намъ его исполнить-съ» [1]).

Вотъ какова была его програма службы въ Севастополѣ, и не даромъ, послѣ этого, рядовые защитники славнаго города связали его судьбу съ судьбою осажденнаго города и говорили, что пока онъ живъ, не имѣть противнику Севастополя.

Вотъ почему въ запискахъ участниковъ славной обороны мы встрѣчаемъ слѣдующія строки, которыя рельефно и правдиво выражаютъ громадность и значеніе понесенной Севастополемъ потери:

«Со смертью адмирала Нахимова, говоритъ одинъ изъ защитниковъ Севастополя, хотя не было никакихъ громкихъ выраженій печали, потому что тогда демонстраціи еще не были въ обыкновеніи, но всѣми чувствовалось, что недостаетъ той объединяющей силы и той крѣпости убѣжденія въ необходимости держаться до крайности. Хотя оставались еще весьма почтенныя и уважаемыя личности, но они не могли замѣнить Нахимова. Тотлебенъ былъ сильно раненъ; князь Васильчиковъ и Хрулевъ пользовались большою популярностью, первый—между офицерами, а послѣдній—и между офицерами, и между солдатами; но ни популярность эта, ни ихъ значеніе и вліяніе, не имѣли той всеобщности, какъ вліяніе Нахимова» [2]).

«Да, смерть Нахимова, какъ будто вѣсть о проигранномъ сраженіи, уронила нашу нравственную силу и, конечно, возвысила нравственную силу непріятеля» [3]).

Но были за это время и такіе эпизоды въ жизни защитниковъ Севастополя, которые могли вліять на укрѣпленіе ихъ нравственныхъ силъ. Въ числѣ этихъ эпизодовъ первенствующее значеніе имѣло посѣщеніе арміи преосвященнымъ Инокентіемъ. Два дня подрядъ онъ служилъ обѣдню, 25-го іюня на Сѣверной сторонѣ, а 26-го—на Южной, въ Николаевскомъ соборѣ, причемъ оба раза поучалъ присутствующихъ вдохновеннымъ словомъ.

Говоря о томъ, какъ дороги всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Россіи славные защитники Севастополя и съ какимъ сердцемъ, теплотою и молитвою всѣ слѣдятъ за ихъ подвигами, удачами и горестями, онъ заканчиваетъ словами:

---

[1]) Тамъ же, стр. 405 и 406.
[2]) Богдановичъ, т. III, стр. 407 и 408.
[3]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 441.

«Да, возлюбленные, безпримѣрнымъ мужествомъ противъ враговъ и долготерпѣніемъ вашимъ вы давно вышли и вознеслись изъ ряда людей и воиновъ обыкновенныхъ, видимо приблизились къ знаменитому сонму древнихъ поборниковъ земли Русской; содѣлались не только любезными, но и священными для всѣхъ сыновъ отечества: вы — слава Россіи, утѣшеніе ея Монарха, радость святой церкви, предметъ удивленія для самихъ враговъ и всего свѣта»!

Затѣмъ, Инокентій напомнилъ присутствующимъ все достигнутое уже въ борьбѣ съ противникомъ твердостью защитниковъ и убѣждалъ ихъ горячо благодарить Господа за ниспосланныя твердость духа и мощь, и закончилъ свое слово въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Стойте же, возлюбленные, стойте непоколебимо на той святой высотѣ, на которую возвелъ и поставилъ васъ самъ Господь! Продолжайте неослабно великое и священное служеніе ваше церкви и отечеству! Довершайте то, что начато вами такъ достославно и продолжено доселѣ такъ безпримѣрно! Помните, что за вами—Россія, предъ вами—потомство, надъ вами—Богъ и Его всесвятой промыселъ! Не забывайте, что вами сдѣлано уже гораздо болѣе того, что остается сдѣлать. Еще одно, другое поприще времени и терпѣнія; еще одна, другая побѣда, и врагъ со стыдомъ долженъ будетъ обратиться вспять. О, какъ тогда воскликнетъ и восплещетъ отъ радости вся Россія! Какъ отрадно будетъ тогда во всю жизнь на сердцѣ у каждаго изъ васъ»!

Послѣ обѣдни преосвященный освящалъ иконы, присланныя разнымъ полкамъ и командамъ изъ Россіи, и при этомъ не упустилъ пояснить, что къ противнику прибываютъ однѣ матеріальныя подкрѣпленія, а къ намъ и матеріальныя, и духовныя—въ видѣ этихъ благословеній съ далекой родины.

Еще болѣе знаменательно было слово, сказанное Инокентіемъ послѣ обѣдни въ Николаевскомъ соборѣ, гдѣ и самая служба происходила все время подъ громъ выстрѣловъ и грохотъ невдалекѣ разрывавшихся снарядовъ.

Здѣсь онъ говорилъ своимъ многочисленнымъ слушателямъ, что они участвуютъ не въ простой земной брани:

«Да, братія мои, все, происходящее у васъ здѣсь, я называю не иначе, какъ *проповѣдію всемірною*, которая произносится только на землѣ, а слагается не на землѣ, а на небѣ!...»

«...Подробности сего дѣла покажетъ всему свѣту время, но сущность его видна уже теперь: это окончательное паденіе магометанства! это рѣшительное возстаніе отъ униженія и рабства— православнаго Востока! это грозное обличеніе и кровавый урокъ невѣрію и закоренѣлой гордыни Запада!» Заканчивая эту мысль, онъ говоритъ:

«Видите теперь, что совершается у васъ и къ чему вы призваны, возлюбленные! Приходитъ въ исполненіе надъ царствами и народами одинъ изъ великихъ судовъ Божіихъ; рѣшается, надолго рѣшается, судьба Востока и Запада, а можетъ быть и всего свѣта. Цѣлые вѣка прошли въ ожиданіи настоящихъ событій, и цѣлые вѣка будутъ выражать собою ихъ послѣдствія. О, есть за что пролить вамъ кровь свою, какъ она ни драгоцѣнна для насъ! Есть ради чего принести въ жертву свою жизнь, какъ она ни важна и невозградима!...»

Упомянувъ затѣмъ, что и мѣсто, на которомъ происходитъ эта ожесточенная брань, избрано то, «гдѣ колыбель нашего православія», онъ продолжаетъ:

«...Послѣ таковыхъ чрезвычайныхъ распоряженій промысла Божія о судьбѣ настоящей брани, какъ иначе назвать васъ, братія мои, какъ не ратниками Божіими, какъ не воинствомъ Іеговы, какъ не исполнителями судебъ Вышнихъ? Такъ смотритъ на васъ вся Россія; такъ смотрятъ на васъ повсюду всѣ, вѣрующіе въ управленіе нашего міра не случаемъ слѣпымъ, а премудрымъ промысломъ Божіимъ; такъ взирайте, возлюбленные, и вы сами на свое дѣло, взирайте со смиреніемъ и преданностью, но и съ вѣрою живою и упованіемъ твердымъ. Если, посему, къ кому, то къ вамъ можно отнести во всей силѣ слово Евангелія: «*имѣйте вѣру Божію, и ничто же невозможно будетъ вамъ...*»

Затѣмъ слѣдовало напоминаніе о вознагражденіи свыше за подвиги ихъ: «И по елику предъ вами всегда опасности и смерть, то предъ вами же постоянно отверсты врата рая; надъ вами, подобно какъ надъ древними исповѣдниками вѣры, носятся вѣнцы небесные...» Не упустилъ онъ также напомнить воинамъ слова апостола: «*Аще кто и подвизается, не вѣнчается, аще незаконно подвизатися будетъ*».

«...Надобно посему, непремѣнно надобно вамъ узнать: кто въ вашемъ подвижническомъ положеніи подвизается, какъ должно, и потому достоинъ вѣнца небеснаго.

«Такимъ образомъ подвизается тотъ, кто не подвергаетъ себя опасности и смерти, безъ видимой нужды, по единой неразумной отвагѣ, или столь же непростительной безпечности, забывая, что жизнь воина принадлежитъ не ему, а отечеству. Тотъ, кто сражается и умираетъ не по язычески, а по христіански, т. е. одушевляясь въ принесеніи на жертву своей жизни не однимъ отвращеніемъ ко врагу и желаніемъ себѣ успѣха и отличія, а болѣе чувствомъ долга къ Царю и отечеству, тѣмъ паче къ вѣрѣ и св. церкви. Тотъ, кто преходитъ въ другой міръ съ чувствомъ смиренія и покаянія, а не съ надменіемъ и безчувствіемъ душевнымъ, не призвавъ на себя, даже въ минуту опасности смертной, милосердія Божія. Тотъ, кто, наконецъ, находясь предъ лицомъ смерти, заранѣе изгоняетъ изъ своей души всѣ помыслы нечистые и всѣ пожеланія плотскія. О всѣхъ, кои мыслятъ и дѣйствуютъ противнымъ образомъ—горько, но должно сказать, что они, при всемъ ихъ мужествѣ и самоотверженіи, подвизаются не какъ должно, и потому не могутъ пріять на главу свою того вѣнца, который былъ уготованъ имъ за ихъ подвиги».

На основаніи этихъ словъ онъ убѣждалъ ихъ не покидать вѣры, молиться и быть, такимъ образомъ, всегда готовыми предстать предъ судомъ Божіимъ, и закончилъ свою проповѣдь слѣдующими словами:

«... Въ заключеніе, вмѣсто взаимнаго прощальнаго слова, повторимъ слова св. Павла: «*аще живемъ, Господеви живемъ; аще же умираемъ, Господеви умираемъ; аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим. XIV, 8). Аминь!» [1]).

Намъ не разъ приходилось указывать и останавливаться на томъ, что нашъ солдатъ и наша армія весьма воспріимчивы и отзывчивы къ подъему нравственныхъ силъ воздѣйствіями на почвѣ религіозной, потому-то мы подробнѣе и остановились на упомянутыхъ проповѣдяхъ. Преосвященный Инокентій отлично понималъ эту благородную черту нашего народа, а потому интересно прослѣдить, какіе пріемы онъ употреблялъ, примѣняя на дѣлѣ подобное воздѣйствіе. Въ первой своей проповѣди, на Сѣверной сторонѣ, обращенной болѣе къ офицерамъ и высшимъ начальствующимъ лицамъ, чѣмъ къ рядовымъ защитникамъ Севастополя, онъ подробнѣе остановился на той славѣ и вниманіи, которой заслу-

[1]) Всѣ эти выписки изъ проповѣдей Инокентія взяты изъ П. Алабина, ч. III, стр. 430—438.

жилъ уже себѣ гарнизонъ осажденнаго города и особенно горячо убѣждалъ столь же стойко и твердо продолжать начатое дѣло, предвидя благополучное и радостное его окончаніе въ скоромъ времени. Ему какъ будто извѣстно было, гдѣ больше всего укоренилось мнѣніе въ безполезности дальнѣйшей борьбы за Севастополь, и насколько это мнѣніе, въ настоящую минуту, могло пагубно отразиться на ходѣ обороны. На Южной же сторонѣ, гдѣ большинствомъ его слушателей были пришедшіе съ бастіоновъ борцы, его слово было полно духовнымъ смысломъ. Преосвященный очень долго остановился на высокомъ значеніи ведомой ими брани, убѣждалъ ихъ, что эта борьба за православіе и его св. церковь руководится свыше и что они суть избранники Божіи, на которыхъ выпалъ счастливый жребій быть проповѣдниками и возстановителями истинной вѣры. Какъ нельзя болѣе вѣрно понимая высокія чувства нашего солдата, идущаго въ бой, онъ пошелъ на встрѣчу еще бо́льшаго укрѣпленія этихъ чувствъ, и подробно разъяснилъ слушателямъ, при какихъ условіяхъ чувства эти и надежды не будутъ обмануты и добродѣтельный и исполнившій до конца свой святой долгъ воинъ дѣйствительно заслужитъ вознагражденіе за свои земные подвиги. Попутно онъ не преминулъ предостеречь отъ развитія той неразумной отваги, которая, какъ мы знаемъ, имѣла мѣсто въ рядахъ Севастопольскаго гарнизона. Въ подтвержденіе правильности пониманія душевнаго состоянія нашего солдата передъ боемъ и въ бою приведемъ здѣсь слѣдующую выписку изъ записокъ одного изъ участниковъ:

«Въ этомъ отношеніи наши солдаты также отличаются отъ французовъ. Мы идемъ на штурмъ и вообще въ рѣшительный бой обыкновенно натощакъ, помолясь Богу, окропленные св. водою, многіе исповѣдавшись и пріобщившись. Да, мы идемъ въ бой натощакъ, какъ къ св. причастію или подъ брачный вѣнецъ, потому что равно страшнымъ и великимъ дѣломъ считаемъ причастіе великой тайны смерти. Одѣваемъ свою душу въ возможно чистыя одежды и въ то же время облекаемъ свое тѣло въ чистое бѣлье, готовя его землѣ. Не отъ этой ли готовности предстать Царю царствующихъ ликъ нашихъ убитыхъ товарищей по бо́льшей части спокоенъ, какъ ликъ младенцевъ. Ничего подобнаго не представляютъ лица убитыхъ французовъ: на нихъ напечатлѣно отчаяніе, звѣрство, какое-то опьяненіе кровью или виномъ!» [1]).

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 379.

Эту разницу авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«Впрочемъ, причины звѣрскаго выраженія лицъ у большинства убитыхъ французовъ надо искать въ безвѣріи ихъ, въ ихъ презрительныхъ насмѣшкахъ надъ христіанскими надеждами на лучшую жизнь загробную» [1]).

Не можемъ не упомянуть еще о бывшемъ 26-го іюня Брянскомъ праздникѣ. Князь Горчаковъ за 6-е іюня былъ назначенъ шефомъ Брянскаго полка, отстоявшаго 3-й бастіонъ. Полкомъ этимъ князь командовалъ въ 1828 году и совершилъ съ нимъ блистательную переправу черезъ Дунай. Полкъ былъ на нѣсколько дней переведенъ на Сѣверную сторону, гдѣ ему и былъ устроенъ праздникъ новымъ шефомъ. Для этого полкъ былъ приведенъ въ одну изъ укрытыхъ балокъ, въ которой были приготовлены столы для нижнихъ чиновъ и наметъ для офицеровъ. По пріѣздѣ главнокомандующаго съ преосвященнымъ Инокентіемъ, князь благодарилъ полкъ за службу, преосвященный то же сказалъ нѣсколько словъ и благославилъ солдатскую трапезу. «...Князь вызвалъ изъ фронта всѣхъ съ подвязанными головами, съ перевязанными руками и другими членами, хвалилъ молодечество этихъ людей, оставшихся во фронтѣ, несмотря на раны, ими понесенныя, и приказалъ записать фамилію каждаго изъ нихъ; мало того: онъ каждому изъ нихъ приказывалъ приходить въ гости къ нему, вызывалъ изъ строя для болѣе подробной бесѣды своихъ старыхъ боевыхъ сослуживцевъ. Между прочими, вышелъ нѣкто Дунайскій по фамиліи. «А это ты? Что же давно не приходишь?» [2]). Затѣмъ, были вызваны фельдфебеля и по одному человѣку съ роты и принесена водка.

Такія и тому подобныя празднества, соединенныя всегда съ ласкою и вниманіемъ со стороны старшихъ начальниковъ къ службѣ подчиненныхъ, въ особенности, если они связаны съ боевыми традиціями части, имѣютъ, какъ мы не разъ говорили, самое благотворное вліяніе на воспитаніе части и установленіе прочныхъ нравственныхъ связей между людьми и даже офицерами и ихъ начальниками. Случаевъ для подобнаго рода пріемовъ нравственнаго воздѣйствія можно отыскать почти всегда и вездѣ, и при всякой обстановкѣ, было бы только желаніе со стороны начальниковъ серьезнѣе посмотрѣть на подобные пріемы, легко ведущіе къ установленію должной спайки въ войскахъ.

---

[1]) Алабинъ, ч. III, стр. 379.

[2]) Тамъ же, стр. 438.

Въ теченіе іюля мѣсяца подъ Севастополемъ продолжалась та же дѣятельность съ обѣихъ сторонъ. Противникъ усиленно воздвигалъ и умножалъ свои батареи и въ то же время старался придвигаться своими осадными работами къ оборонительной линіи. Противъ Городской стороны, благодаря нашей сильной артилеріи, траншейныя работы противника нисколько не подвинулись впередъ. На Корабельной же сторонѣ онъ, хотя и съ большими затрудненіями, но успѣлъ приблизить свои работы на 50 саженъ къ Малахову кургану и 2-му бастіону.

«Всего въ описываемый промежутокъ времени на осадныхъ батареяхъ прибавилось 103 орудія: 17—противъ Городской, и 86—противъ Корабельной стороны» [1]).

Не таковъ, къ сожалѣнію, былъ успѣхъ работъ съ нашей стороны по усиленію артилерійскаго могущества оборонительной линіи, для предстоящаго новаго состязанія.

«Несмотря на постоянныя напоминанія со стороны генерала Тотлебена, въ Севастополѣ были производимы лишь работы второстепенной важности, между тѣмъ какъ въ эти два мѣсяца предположенія его объ усиленіи огня по осаднымъ батареямъ впереди Малахова кургана легко могли быть осуществлены, тѣмъ болѣе, что непріятель все это время стрѣлялъ вообще весьма слабо» [2]).

Въ подтвержденіе этихъ словъ приведемъ слѣдующія данныя:

«Итакъ, по всей линіи отъ 3-го до 1-го бастіона, для противодѣйствія осаднымъ батареямъ, въ эти шесть недѣль было прибавлено только 11 орудій. Между тѣмъ атакующій, какъ выше сказано, возвелъ здѣсь восемь батарей (французы—7, англичане—1) и поставилъ на нихъ не менѣе 80-ти орудій, для дѣйствія по этой части оборонительной линіи.

«Такимъ образомъ, обороняющимся упущено было самое дорогое время, которымъ гораздо лучше успѣлъ воспользоваться его противникъ. Послѣ этого уже не было сомнѣнія, что съ открытіемъ общаго огня съ осадныхъ батарей атакующій пріобрѣтетъ надъ нимъ полный перевѣсъ.

«Главное вниманіе обороняющагося было устремлено въ это время на фланговую и въ особенности на внутреннюю оборону укрѣпленій» [3]).

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 28.

[2]) Тамъ же, стр. 29.

[3]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 29 и 30.

Въ это же время, какъ извѣстно, приступлено было къ работамъ по устройству плавучаго изъ бревенчатыхъ плотовъ моста чрезъ бухту, для соединенія Южной стороны съ Сѣверной.

Мы не будемъ напоминать и перечислять всѣхъ отдѣльныхъ работъ, произведенныхъ за это время обѣими сторонами, а остановимся подробно лишь на сравненіи результатовъ всѣхъ работъ обѣихъ сторонъ, произведенныхъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ 6-го іюня по 4-е августа.

За эти два мѣсяца союзники успѣли усилить свое вооруженіе 113 орудіями. «Изъ этого числа вновь поставленныхъ орудій, 90 назначено для дѣйствія по укрѣпленіямъ Южной стороны, почти исключительно противъ Малахова кургана и 2-го бастіона, и 23—для обстрѣливанія рейда и Сѣверной стороны» [1]).

Всего, такимъ образомъ, вооруженіе осадныхъ батарей доходило до 700 орудій. «Изъ этихъ орудій 638 назначались для дѣйствія по укрѣпленіямъ Южной стороны, 56—для пораженія города, рейда и Сѣверной стороны, и 6—для отраженія вылазокъ» [2]).

Кромѣ того, союзники имѣли запасъ въ 250 орудій и ожидали прибытія выписанныхъ 400 большихъ мортиръ.

Обороняющійся за этотъ періодъ вновь поставилъ на своихъ укрѣпленіяхъ Южной стороны 135 орудій.

«Но изъ этого числа для противодѣйствія осаднымъ батареямъ было назначено не болѣе 40 орудій. Изъ нихъ только 14 были поставлены на Корабельной сторонѣ. Остальныя же 95 орудій имѣли цѣлью обстрѣливаніе мѣстности, фланговую и внутреннюю оборону» [3]).

Всего же на оборонительной линіи имѣлось 1,259 орудій, которыя назначались: 586—для дѣйствія по осаднымъ батареямъ, 421—для обстрѣливанія мѣстности и для фланкированія укрѣпленій и 252—для внутренней обороны.

Артилерійское состязаніе, такимъ образомъ, при слѣдующемъ бомбардированіи должно было произойти между 638 орудіями союзниковъ и 586—нашими.

Затѣмъ, союзники имѣли на своей сторонѣ громадное превосходство въ навѣсномъ огнѣ, а именно: 205 мортиръ—противъ на-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 47.
[2]) Тамъ же, стр. 48.
[3]) Тамъ же, стр. 48.

шихъ 69-ти. Да къ тому же «изъ числа ихъ 39 мортиръ 2-хъ-пудовыхъ должны были молчать, по неимѣнію снарядовъ» [1]).

Если сравнить по-раіонно число орудій съ нашей и съ противной стороны, то мы увидимъ, что:

1) «На правомъ флангѣ оборонительной линіи, а именно на 7-мъ, 6-мъ и 5-мъ бастіонахъ, артилерія наша была почти равносильна съ непріятельскою.

2) «На 4-мъ бастіонѣ со смежными укрѣпленіями мы даже сохранили надъ осадными батареями нѣкоторый перевѣсъ.

3) «Напротивъ того, на Корабельной сторонѣ непріятель, будучи равносиленъ съ нами по числу орудій, дѣйствовавшихъ прицѣльно, имѣлъ мортиръ въ пять разъ болѣе чѣмъ мы» [2]).

Состояніе запасовъ было слѣдующее: союзники имѣли около 350—450 готовыхъ снарядовъ на каждое орудіе, у насъ же было на каждое длинное, дѣйствовавшее по осаднымъ батареямъ, 140 зарядовъ, на дѣйствовавшее въ случаѣ штурма—70 и на мортиру—60. Въ общемъ запасѣ имѣлось еще 21,500 пудовъ пороха.

«Въ это время у насъ началъ ощущаться недостатокъ въ нѣкоторыхъ разрывныхъ снарядахъ... Несмотря на это, изъ приведеннаго обзора видно, что относительно артилерійскихъ припасовъ мы были въ это время въ лучшемъ положеніи, чѣмъ во второе бомбардированіе 28-го марта (9-го апрѣля)» [3]).

Чтобы покончить выборку изъ дѣйствій за этотъ періодъ, упомянемъ еще, что только за іюль мѣсяцъ было произведено съ оборонительной линіи девять большихъ и малыхъ вылазокъ, преимущественно съ Корабельной стороны, съ цѣлью замедленія работъ атакующаго и принужденія его держать въ траншеяхъ подъ нашимъ огнемъ болѣе значительные караулы.

«Кромѣ того, наши секреты безпрестанно дѣлали нападенія на непріятельскіе аванпосты. Хотя при этихъ вылазкахъ наши отряды и терпѣли иногда довольно большія потери, но такой способъ дѣйствій, безпокоя атакующаго, какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ превосходному духу нашихъ войскъ» [4]).

Артилерійскій огонь во все разсматриваемое время былъ совсѣмъ незначительный, такъ какъ союзники выпускали въ среднемъ около 1,500 снарядовъ въ сутки; съ нашей же стороны, для про-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 49.
[2]) Тамъ же, стр. 49 и 50.
[3]) Тамъ же, стр. 51.
[4]) Тамъ же, стр. 46.

тиводѣйствія работамъ противника, поддерживали огонь силою до 3,500 выстрѣловъ ежедневно [1]).

Для болѣе вѣрнаго заключенія объ энергіи работъ по усиленію артилеріи оборонительной линіи, сравнимъ цифры числа орудій за предшествовавшее время. Мы знаемъ, что ко второму бомбардированію, 28-го марта, мы могли дѣйствовать по осаднымъ батареямъ изъ 466 орудій и всего имѣли 998, а къ третьему бомбардированію, бывшему 25-го мая — изъ 571, имѣя 1,174 орудія. *Значитъ, въ этотъ промежутокъ времени, меньше двухъ мѣсяцевъ, мы прибавили 105 орудій, для дѣйствія по осаднымъ батареямъ, и всего 176 орудій.* Къ 5-му іюню—четвертое бомбардированіе, мы имѣли 549 орудій, для борьбы съ осадными батареями, а всего 1,129; ровно черезъ два мѣсяца, къ 5-му августа, мы могли дѣйствовать противъ осадныхъ батарей изъ 586 орудій, которыхъ всего было 1,259. *Значитъ, за эти два мѣсяца мы увеличили число орудій только на 37 для дѣйствія по осаднымъ батареямъ, а всего на 130 орудій.* Если припомнить еще, что въ апрѣлѣ и маѣ происходила упорная борьба по устройству и овладѣнію контръ-апрошами на правомъ флангѣ оборонительной линіи, которая, конечно, отнимала много времени, рабочихъ и войскъ, а іюнь и іюль отличались отсутствіемъ подобныхъ особыхъ предпріятій и крайнимъ ослабленіемъ артилерійскаго огня атакующаго, то приведенныя выше сравнительныя цифровыя данныя скажутъ сами за себя.

Невольно, послѣ этого, припомнишь извѣстныя слова адмирала Нахимова: «Берегите Тотлебена—говаривалъ онъ, когда ему напоминали о необходимости беречь себя—а такихъ какъ мы съ вами, найдется довольно» [2]).

Изъ сдѣланнаго выше болѣе подробнаго обзора результатовъ всѣхъ работъ на оборонительной линіи видно, между прочимъ, что даже характеръ дальнѣйшаго усиленія обороны, по своей цѣли, измѣнился. Прежде, послѣ каждаго состязанія съ противникомъ, на первомъ планѣ ставилось цѣлью такъ вести работы, чтобы къ будущей борьбѣ быть снова сильнѣе его. Для этого предугадывалось и разсчитывалось возможное новое усиленіе батарей противника и немедленно приводились въ исполненіе тѣ работы, которыя давали бы возможность выставить превосходящее число орудій противъ *будущихъ* батарей непріятеля. Этотъ-то вполнѣ актив-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 37.
[2]) Богдановичъ, т. III, стр. 403.

ный характеръ дѣятельности давалъ возможность всегда, въ предшествующія бомбардированія, отвѣчать противнику огнемъ изъ большаго числа орудій. Этотъ активный характеръ не могъ оставаться не замѣченнымъ и безъ вліянія на духъ и нравственныя силы защитниковъ. Каждый изъ нихъ видѣлъ, что вновь поставленныя орудія должны были нести смерть и разрушеніе на самыя работы противника—въ его расположеніе. Совсѣмъ не то было замѣтно въ работахъ этихъ послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Бо̀льшее вниманіе было обращено на усиленіе фланговой и внутренней обороны, чѣмъ, какъ бы невольно, всѣмъ указывалось, что настало время не поражать врага, а усиленно заботиться только объ оборонѣ отъ его рѣшительныхъ предпріятій. Могло-ли, спросимъ мы, подобное сознаніе видимаго перехода отъ активной къ пассивной оборонѣ, поддержать нравственное могущество гарнизона? Но и самая энергія въ производствѣ работъ была уже, какъ мы видѣли, не та. Объ одной причинѣ ослабленія энергіи въ работахъ мы уже упомянули выше, на другую мы намекнули, но не можемъ умолчать и о третьей. Просматривая записки участниковъ Севастопольской борьбы, нельзя оставить безъ вниманія слѣдующія строки:

«Хотѣлось бы дожить скорѣе до зимы, чтобы отдохнуть немного душою. Постоянный бой, не прекращающійся ни днемъ, ни ночью, вѣчныя бомбы и ядра, начинаютъ дѣйствовать на нервы. Душа невольно ждетъ покоя, отдыха, а тутъ впереди еще три мѣсяца такого существованія. Готовъ атаковать не только Ѳедюхины горы, но самый адъ, чтобы окончить это неестественное положеніе. Конечно если бы греки, вмѣсто Ахиллеса, имѣли хотя одну 7-ми-пудовую мортиру, то Троя не держалась бы и 10-ти дней...» [1]).

«... Про то, что намъ всѣмъ надоѣло, нечего и говорить. Девять мѣсяцевъ одно и тоже изо дня въ день яснѣе всего могутъ доказать, съ какимъ бы удовольствіемъ мы бросили все это; конечно, только съ тѣмъ, чтобы это не повело къ безчестію Россіи. Знаешь-ли, что другой разъ приходятъ такія мысли, что желаешь быть раненымъ, для того только, чтобы избавиться отъ всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ тревогъ. Конечно, когда успокоишься, то сознаешься, что это глупо; но все-таки заключеніе ты можешь вывести то, что мы сдѣлались какими-то деревяшками. На всѣхъ нашихъ начальниковъ нашла какая-то апатія ко всему, и видя это, и у самого всякая энергія пропадаетъ...» [2]).

[1]) Богдановичъ, т. III, стр. 408.

[2]) Рукописи, т. II, стр. 392 и 393.

Появленіе признаковъ подобнаго настроенія у нѣкоторыхъ лицъ изъ числа командировъ батарей и участковъ оборонительной линіи, все время осады проведшихъ въ ужасающей обстановкѣ жизни, насъ нисколько не удивляетъ. Оно вполнѣ естественно, какъ слѣдствіе переутомленія и физическаго, и нравственнаго. Удивляетъ насъ только, что на это явленіе не было обращено вниманіе, не было принято мѣръ, чтобы остановить его распространеніе, чтобы поддержать колеблющихся и изнемогающихъ въ надеждѣ на лучшій поворотъ дѣла, хотя бы одними бодрящими слухами. Хотя бы однимъ скрытіемъ истинныхъ опасеній высшихъ руководителей. Между тѣмъ, опасенія и сомнѣнія эти безпрепятственно проникали къ защитникамъ.

«Идея устройства моста чрезъ бухту, къ всеобщей радости, наконецъ осуществляется; полагаютъ, что мостъ строится съ тою цѣлью, чтобы всѣми нашими силами атаковать стратегическій пунктъ между IV и V бастіонами и довершить такимъ образомъ Севастопольское дѣло; но послѣ, къ всеобщему унынію, прошелъ слухъ, что мостъ строится съ сѣверной стороны на южную для отступленія нашихъ войскъ, такъ какъ сомнѣваются въ возможности успѣшнаго сопротивленія съ нашей стороны, и вслѣдствіе этого принимаютъ дѣятельныя мѣры къ укрѣпленію сѣверной части Севастополя»[1]).

Мы глубоко убѣждены, что предотвратить подобные слухи среди защитниковъ славнаго города было бы легко, если бы на это было обращено должное вниманіе. Мы знаемъ, что гарнизонъ за все время осады жаждалъ и искалъ активныхъ дѣйствій и, конечно, вѣсть о предположеніи таковыхъ была бы съ радостію и вѣрою имъ принята, какъ отвѣчающая его постояннымъ мечтамъ.

Но убѣдить и поддержать войска и ихъ начальниковъ въ подобныхъ случаяхъ въ состояніи только тотъ, кто самъ увѣренъ въ хорошемъ исходѣ дѣла и изъ осторожности только принимаетъ мѣры противоположнаго характера, а не тотъ, который съ самаго начала не имѣлъ никакой надежды на успѣхъ и думалъ только о томъ, какія мѣры можно принять, чтобы оставленіе Севастополя стоило возможно меньшихъ потерь.

Мысль объ активныхъ дѣйствіяхъ съ нашей стороны въ теченіи двухъ описываемыхъ мѣсяцевъ не только въ дѣйствительности существовала, не только ею были заняты высшія начальствующія

[1]) Рукописи, т. III, стр. 419 и 420.

лица нашей арміи, но даже, какъ извѣстно, она осуществилась 4-го августа несчастнымъ сраженіемъ на Черной. Но чтобы понять условія, при которыхъ произошелъ этотъ бой, его значеніе и неминуемыя послѣдствія, намъ придется нѣсколько подробнѣе остановиться на мотивахъ и обстановкѣ, при которой нашъ главнокомандующій дошелъ до рѣшенія дать этотъ бой.

Еще когда, послѣ взятія союзниками нашихъ передовыхъ редутовъ, князь Горчаковъ доносилъ въ Петербургъ о своемъ рѣшеніи и необходимости въ скоромъ времени очистить Севастополь, въ столицѣ многіе не могли примириться съ подобнымъ грустнымъ окончаніемъ славной Севастопольской борьбы. Въ числѣ этихъ лицъ былъ директоръ канцеляріи военнаго министерства генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, который и подалъ по этому поводу записку со своимъ личнымъ мнѣніемъ:

«Если намъ суждено, писалъ онъ, очищать твердыни, орошенныя русскою богатырскою кровью, то движеніемъ не назадъ, а впередъ. Такъ мы не потеряемъ болѣе 20,000 человѣкъ, но возвысимъ славу русскаго оружія. Крайнія обстоятельства требуютъ и крайнихъ мѣръ. Смѣлымъ Богъ владѣетъ» [1]).

Затѣмъ, составитель записки предлагалъ двинуть впередъ гарнизонъ Севастополя съ Корабельной стороны, а полевую армію въ долину рѣки Черной, и искать, такимъ образомъ, соединенія всѣхъ силъ по южную сторону города. Мысль эта была сообщена по телеграфу князю Горчакову. Прямымъ послѣдствіемъ подобныхъ предположеній должно было быть усиленіе Крымской арміи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Севастополь, какъ извѣстно, подошли 7-я пѣхотная и 15-я резервная дивизіи, и тогда же сдѣланы распоряженія о спѣшномъ слѣдованіи въ Крымъ 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій (2-й корпусъ), 7-й резервной и ополченій.

Столь значительное скопленіе войскъ въ Крыму заставило военнаго министра обратить особенное вниманіе на заботы объ обезпеченіи ихъ продовольствіемъ и подвозомъ какъ его, такъ и всего необходимаго изъ Россіи. Для согласованія хозяйственныхъ распоряженій министерства и дѣятельности полеваго интендантства арміи было рѣшено командировать на югъ и въ Крымъ генералъ-адъютанта барона Вревскаго. Порученіе, возложенное на него, сводилось къ слѣдующему: «...не вмѣшиваясь отнюдь въ распорядительную часть арміи, баронъ Вревскій обязанъ былъ входить во все, что касалось

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 471.

до снабженія арміи предметами хозяйства, и въ этомъ отношеніи облегчать дѣятельность главнокомандующаго. Для сего, писалъ военный министръ, отстраняя все, что могло бы возбудить превратные толки о цѣли вашего командированія, вы должны стараться входить съ главнокомандующимъ и чинами управленія арміею въ откровенныя объясненія, дабы, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, представить мнѣ, для доклада Государю Императору, сколь возможно полный и вѣрный обзоръ настоящаго положенія дѣлъ и вновь возникающихъ видовъ».

«Государю Императору благоугодно было, писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ военный министръ князю Горчакову, поручить мнѣ покорнѣйше просить ваше сіятельство передать барону Вревскому ваши виды и соображенія на счетъ хозяйственнаго снабженія Крымской и Южной армій *при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ событій*».

Разсчитывая, что съ прибытіемъ подкрѣпленій, князь Горчаковъ будетъ въ состояніи не только отстоять Севастополь, но, при нѣкоторой рѣшимости, и перейти въ наступленіе, военный министръ князь Долгоруковъ надѣялся, что присутствіе директора канцеляріи военнаго министерства въ главной квартирѣ, какъ лица, близко знакомаго съ нашими видами, окажетъ нѣкоторое давленіе на главнокомандующаго; что не вмѣшиваясь ни въ распоряженія, ни въ военныя соображенія, но,будучи обязанъ часто сталкиваться съ княземъ Горчаковымъ и входить съ нимъ въ объясненія, баронъ Вревскій, какъ человѣкъ, ратующій за движеніе впередъ, поддержитъ энергію главнокомандующаго въ пользу наступательныхъ дѣйствій [1]).

Самъ князь Горчаковъ, какъ извѣстно, не считалъ выгоднымъ переходить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Эти его взгляды наиболѣе рельефно выразились въ письмахъ его къ военному министру отъ 26-го іюня и 5-го іюля:

«Было бы просто сумашествіемъ начать наступленіе противъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, главныя силы котораго занимаютъ, кромѣ того, недоступныя позиціи. Первый день я бы двинулся впередъ; второй—я бы отбросилъ непріятельскій авангардъ и написалъ бы великолѣпную реляцію; третій день я былъ бы разбитъ съ потерею отъ 10,000 до 15,000 человѣкъ, и четвертый день Севастополь и значительная часть арміи были бы потеряны. Если бы я дѣйствовалъ иначе, Севастополь уже болѣе мѣсяца принад-

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 475.

лежалъ бы непріятелю, и вашъ покорнѣйшій слуга былъ бы между Днѣпромъ и Перекопомъ»... «Я бы желалъ, любезный князь, чтобы вы убѣдились въ одной истинѣ, которую я считаю непреложною, а именно, что принятая мною система осторожности есть, конечно, наилучшая, которой можно было послѣдовать, и что полученные черезъ нее результаты доставили неисчислимую выгоду для Россіи» [1]).

Но непреложнымъ собственно оказывалось то, что князь Горчаковъ самъ колебался и не могъ остановиться окончательно на одномъ рѣшеніи. Подъ вліяніемъ прибывшихъ и обѣщанныхъ подкрѣпленій, а равно малой дѣятельности противника въ іюнѣ мѣсяцѣ, онъ самъ началъ мечтать о возможности перехода въ наступленіе:

«Если дѣло протянется, говорилъ онъ, до сближенія сюда ополченія, 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій, тогда перевѣсъ будетъ на нашей сторонѣ и можно будетъ помышлять о совокупномъ наступательномъ дѣйствіи: со стороны Севастополя, отъ Корниловскаго бастіона и со стороны Черной. Дѣло будетъ трудное, потому что укрѣпленія непріятеля весьма сильны и позиція почти неприступная, но, полагая даже неудачу—бѣды не будетъ. Понесенный нами уронъ не доведетъ насъ до крайности; непріятель съ своей стороны потерпитъ большую потерю и дѣйствія его противъ Севастополя ослабятся, а съ наступленіемъ осени онъ отплыветъ отсюда; другой зимы онъ не рѣшится здѣсь провести» [2]).

Такая перемѣна въ мнѣніяхъ и настроеніи главнокомандующаго будетъ понятна, если мы напомнимъ мнѣнія объ отличительныхъ чертахъ его характера:

«При всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ не стоялъ на высотѣ своего назначенія и не имѣлъ твердости довести начатое дѣло до конца. Придавая часто большое значеніе мелочнымъ и неважнымъ извѣстіямъ, онъ поминутно измѣнялъ свои предположенія и не рѣшался привести ихъ въ исполненіе. Совѣтуя другимъ брать больше на себя, быть рѣшительными и не падать духомъ, князь Горчаковъ самъ терялся при первой неудачѣ и даже при однихъ слухахъ, неблагопріятныхъ для задуманнаго имъ предпріятія. Какъ бы сомнительны не были

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 2.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 479 и 480.

эти слухи, князь Михаилъ Дмитріевичъ колебался уже въ своихъ распоряженіяхъ и только при постороннемъ вліяніи, которому поддавался весьма легко, и при энергическомъ настаиваніи, онъ въ состояніи былъ разсѣять свои ложныя опасенія» [1]).

Такое-то постороннее вліяніе и настояніе и явилось въ главной квартирѣ съ прибытіемъ туда въ половинѣ іюня генералъ-адъютанта Вревскаго. Присутствуя постоянно при докладахъ и проводя все свободное время съ главнокомандующимъ, онъ: «...имѣлъ случай убѣдить князя Горчакова въ справедливости своихъ идей и достигъ того, что въ половинѣ іюля было уже приказано приготовить матеріалы для возстановленія моста на рѣкѣ Черной, вытребовано нѣсколько понтоновъ Бираго и поручено командирамъ частей приготовить сколь можно болѣе ручныхъ перекидныхъ мостиковъ, для переправы черезъ водопроводный каналъ. Князь Горчаковъ самъ всецѣло предался задуманному предпріятію и доносилъ, что если къ намъ скоро прибудутъ подкрѣпленія и непріятель до тѣхъ поръ не предприметъ ничего рѣшительнаго, то онъ двинется ему въ тылъ» [2]).

Въ слѣдующемъ донесеніи онъ обѣщалъ представить свои подробныя предположенія относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Но недолго просуществовало это настроеніе, новые слухи опять поколебали рѣшимость нашего главнокомандующаго:

Сначала доставленныя по телеграфу свѣдѣнія изъ Берлина о посылкѣ 40,000 человѣкъ въ подкрѣпленіе союзныхъ армій, а потомъ слухи о намѣреніи французовъ высадиться у Перекопа и проникнуть въ Сивашъ, озадачили князя Михаила Дмитріевича и парализовали всѣ его виды и намѣренія. Веселое настроеніе, въ которомъ находился князь Горчаковъ, съ тѣхъ поръ, какъ задумалъ атаковать непріятеля, и вѣра въ лучшее будущее покинули его окончательно.

«Если союзникамъ, говорилъ онъ, отправлены значительныя подкрѣпленія, то едва ли можно будетъ атаковать ихъ съ надеждою на успѣхъ, даже и въ томъ случаѣ, когда армія наша будетъ усилена прибытіемъ 4-й и 5-й дивизій и Курскаго ополченія».

«Сдѣлавшись мрачнымъ и задумчивымъ, князь Горчаковъ сталъ высказывать сомнѣнія въ успѣхѣ наступательныхъ дѣйствій и не перемѣнилъ своихъ убѣжденій даже и послѣ того, какъ получилъ

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 481.
[2]) Тамъ же, стр. 483.

изъ Петербурга нѣсколько телеграмъ, извѣщавшихъ его, что готовящіяся союзникамъ подкрѣпленія вовсе не такъ значительны и далеко не доходятъ до первоначальной цифры; что въ Марсели посажено будетъ на суда не болѣе четырехъ полковъ; что, затѣмъ, могутъ быть отправлены еще подкрѣпленія, но не въ томъ числѣ, какое просилъ Пелисье, и что слухи о намѣреніи французовъ высадиться у Перекопа считаются невѣроятными. Всѣ эти доводы казались главнокомандующему недостовѣрными и онъ отвѣчалъ на нихъ или отрицаніемъ, или сомнѣніемъ»[1]).

Его донесенія снова были полны доказательствами правильности принятой имъ системы пасивныхъ дѣйствій и опять онъ настоятельно просилъ о направленіи къ Перекопу двухъ гренадерскихъ дивизій, слѣдовавшихъ на югъ.

Баронъ Вревскій горячо возставалъ противъ этого поворота во взглядѣ главнокомандующаго и упорно настаивалъ на необходимости рѣшительныхъ дѣйствій, доказывая, что гренадеры могли подойти лишь въ сентябрѣ, а до тѣхъ поръ Севастополь врядъ-ли въ состояніи будетъ продержаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ доносилъ въ Петербургъ: «... оставаться до осени въ настоящемъ положеніи— значило бы понапрасну истощать собственныя силы; ибо Севастополь, даже безъ усиленнаго бомбардированія и не считая обыкновенной убыли отъ болѣзней, поглощалъ ежедневно круглымъ числомъ до 250 человѣкъ. По разсчету, выведенному изъ вѣдомости о потери нашихъ войскъ, оказалось, что въ девять дней, съ 1-го (13-го) по 9-е (21-е) іюля, у насъ выбыло изъ строя отъ непріятельскаго огня 2,260 человѣкъ, слѣдовательно, до ноября мы потеряли бы еще около 30,000 человѣкъ, между тѣмъ какъ непріятель могъ значительно усилиться. Къ этому надлежитъ присовокупить потерю достойнѣйшихъ начальниковъ; остававшіеся же на своихъ мѣстахъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изнемогали въ силахъ физическихъ и нравственныхъ, а лица, вновь прибывающія, должны были знакомиться съ положеніемъ дѣлъ и пріучаться къ совершенно новой для нихъ дѣятельности. Наконецъ, продовольствованіе войскъ было сопряжено съ чрезвычайными затрудненіями, а недостатокъ сѣна не позволялъ содержать до зимы и уменьшенное число лошадей»[2]).

Въ то время, какъ происходили всѣ эти разговоры, споры и

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 484.

[2]) Богдановичъ, т. IV, стр. 3.

переписка, дѣло осады подвигалось, какъ мы знаемъ, впередъ вѣрными и настойчивыми шагами. «Къ концу іюля Севастополь представлялъ грустный и тяжелый видъ. Улицы запружены были снарядами и ихъ осколками; земля взрыта бомбами; дома разрушены. Въ самыхъ скрытныхъ мѣстахъ и зданіяхъ шныряли пули; никому не было ни покоя, ни пощады, и остряки сравнивали городъ и его защитниковъ съ бревномъ, постепенно подвигаемымъ въ печь, по мѣрѣ того, какъ сгоралъ одинъ изъ его концовъ. Положеніе гарнизона было тяжко и почти невыносимо» [1]).

Князь Горчаковъ окончательно не останавливался ни на чемъ и Вревскій писалъ въ столицу:

«Я благоговѣю передъ огромною отвѣтственностью, которая лежитъ на князѣ Горчаковѣ; часто мнѣ кажется, что онъ готовъ склониться къ наступательному образу дѣйствій, пламенно желаемому арміею и въ особенности гарнизономъ, и можетъ быть пошелъ бы съ меньшимъ колебаніемъ по этому пути славы и спасенія, если бы онъ былъ увѣренъ, что будетъ одобренъ Императоромъ»... «Мои убѣжденія должны преклониться передъ великою опытностью (главнокомандующаго), оживляемою горячею преданностью къ Императору и Россіи, но смѣю думать, что они были бы раздѣлены нѣкоторыми лучшими людьми нашей арміи, если бы этотъ вопросъ былъ подвергнутъ обсужденію въ военномъ совѣтѣ, подобно тому, какой былъ передъ штурмомъ Варшавы» [2]).

Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ не могло имѣть мѣста въ Петербургѣ, гдѣ не могли быть извѣстны подробности всей обстановки, а потому въ письмѣ, отъ 19-го іюля, военный министръ передалъ князю Горчакову Высочайшую волю о созывѣ военнаго совѣта. 20-го же іюля Государь лично писалъ главнокомандующему:

«... Ежедневныя потери *неодолимаго Севастопольскаго гарнизона*, все болѣе и болѣе ослабляющія численность войскъ вашихъ, которыя едва замѣняются вновь прибывающими подкрѣпленіями, приводятъ меня еще болѣе къ *убѣжденію*, выраженному въ послѣднемъ моемъ письмѣ, *въ необходимости предпринять что либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ*, могущей имѣть, наконецъ, пагубное вліяніе на духъ гарнизона».

«Въ столь важныхъ обстоятельствахъ, дабы облегчить нѣкоторымъ образомъ лежащую на васъ отвѣтственность, предлагаю вамъ

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 488 и 489.

[2]) Тамъ же, стр. 489 и 490.

собрать изъ достойныхъ и опытныхъ сотрудниковъ вашихъ *военный совѣтъ*. Пускай жизненный вопросъ этотъ будетъ въ немъ со всѣхъ сторонъ обсужденъ, и тогда, призвавъ на помощь Бога, *приступите къ исполненію того, что признается наивыгоднѣйшимъ*» [1]).

Но еще до полученія этого повелѣнія о сборѣ совѣта, князь Горчаковъ, подъ вліяніемъ окружающихъ и успѣховъ осадныхъ работъ противника, самъ снова пришелъ къ убѣжденію о необходимости движенія впередъ. «*По этимъ уваженіямъ необходимо перейти къ наступленію, несмотря на невыгодныя условія, при которыхъ оно будетъ производиться*» [2]).

Въ запискѣ, представленной на Высочайшее имя, князь Горчаковъ, изложивъ необходимость, для спасенія Севастополя, перейти къ наступленію, какъ только прибудутъ 4-я, 5-я и 7-я резервная дивизіи, т. е. около 1-го августа, писалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о невозможности овладѣть укрѣпленными высотами Сапунъ-горы. По мнѣнію главнокомандующаго, «необходимо было ограничиться попыткою—сбить главныя силы непріятельскаго обсерваціоннаго корпуса съ позиціи по лѣвую сторону рѣки Черной, на высотахъ Ѳедюхиныхъ и Гасфортовыхъ (противъ селенія Чоргунъ). Занятіе нами этихъ высотъ будетъ имѣть важныя послѣдствія: мы стѣснимъ непріятеля, лишимъ его изобильнаго водопоя въ р. Черной и станемъ столь близко отъ позиціи Сапунъ-горы, что будемъ ей угрожать ежечаснымъ нападеніемъ, такъ что непріятель не можетъ штурмовать Севастополь, не опасаясь атаки въ тылъ во время штурма; притомъ, подобный первый успѣхъ нашъ уронитъ духъ непріятеля и можетъ быть откроетъ виды для дальнѣйшихъ выгодныхъ дѣйствій. Но не должно обманывать себя. За успѣхъ и этой атаки невозможно ручаться...» [3]).

28-го іюля, на другой же день послѣ полученія приведеннаго выше повелѣнія Государя, какъ извѣстно, былъ собранъ военный совѣтъ изъ высшихъ начальниковъ и генераловъ въ арміи. Совѣтъ этотъ имѣлъ цѣлью прекратить нерѣшительность и колебанія нашего главнокомандующаго и облегчить ему возможность рѣшиться на наступленіе помощью разложенія части его отвѣтственности на всѣхъ членовъ совѣта. Если бы это не было историческимъ фак-

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 5 и 6.
[2]) Н. Дубровинъ, стр. 493.
[3]) Богдановичъ, т. IV, стр. 4 и 5.

томъ, то трудно было бы повѣрить, что подобная постановка вопроса возможна, въ особенности въ той арміи, гдѣ свѣжи еще должны бы были быть въ памяти незабвенныя изрѣченія Суворова, начинающіяся съ требованія: «полная мочь избранному полководцу...» Правда, были и при немъ военные совѣты, но такіе, повтореніе которыхъ только желательно и въ будущемъ. Вспомнимъ для примѣра хотя бы военный совѣтъ передъ штурмомъ Измаила. Обстановка тамъ была, какъ извѣстно, слѣдующая. Суворову было поручено принять начальство надъ арміею и спѣшно взять съ нею сильнѣйшую турецкую крѣпость. Не говоря уже о томъ, что эта крѣпость не разъ уже видѣла отступающую отъ ея стѣнъ русскую армію, ко времени прибытія Суворова, начальники нашей арміи тоже на военномъ совѣтѣ рѣшили невозможность взять Измаилъ и начали отводить свои войска отъ крѣпости. Вотъ при какихъ условіяхъ Суворовъ принялъ начальство надъ войсками и ему предстояло черезъ нѣсколько дней съ этими же начальниками и войсками штурмовать тотъ же Измаилъ. Не имѣя времени на другія средства, онъ обратился къ сбору военнаго совѣта, какъ къ могучему средству въ рукахъ главнаго начальника въ короткое время подготовить въ нравственномъ отношеніи свои войска, въ лицѣ ихъ начальниковъ, къ предстоящему подвигу. Дѣйствительно, на этомъ совѣтѣ, онъ вдохновенными и горячими словами вселилъ въ начальниковъ свою непоколебимую увѣренность и возбудилъ ихъ моральныя силы настолько, что они въ одинъ голосъ предложили ему немедленный штурмъ Измаила.

Въ разбираемомъ же нами случаѣ совѣтъ долженъ былъ явиться средствомъ противъ моральной немощи главнокомандующаго. Онъ долженъ былъ за него рѣшить выборъ дѣйствій и снять съ главнаго начальника отвѣтственность за это рѣшеніе. За княземъ же Горчаковымъ оставалась бы тогда лишь матеріальная сторона дѣла, т. е. исполненіе всѣхъ распоряженій и соображеній для приведенія рѣшенія въ исполненіе. Трудно понять, какъ могли придти къ такому рѣшенію. Неужели же полагали, что можетъ продолжать функціонировать такая армія, въ которой главнокомандующій передалъ свою волю и отвѣтственность колегіи старшихъ начальниковъ, а принимаетъ на себя лишь исполнительную власть? Не сознавалъ тоже, повидимому, ненормальности своего положенія во главѣ арміи и князь Горчаковъ.

Какъ бы то ни было, а 28-го іюля были приглашены для участія въ военномъ совѣтѣ слѣдующія лица: начальникъ штаба арміи, ге-

неральъ-адъютантъ Коцебу, начальникъ Севастопольскаго гарнизона, генералъ-адъютантъ графъ Сакенъ, генералъ-лейтенанты: начальникъ артилеріи—Сержпутовскій, командующій корпусомъ — Липранди, начальникъ инженеровъ — Бухмейеръ, генералъ-квартирмейстеръ—Бутурлинъ, командующій войсками на Корабельной—Хрулевъ, дежурный генералъ Ушаковъ и командующій войсками на Городской сторонѣ—Семякинъ и вице-адмиралъ Новосильскій. Затѣмъ, присутствовалъ на совѣтѣ генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій и были приглашены, для разныхъ объясненій, начальники штабовъ—генералъ-маіоры: Крыжановскій и князь Васильчиковъ, полковники: Козляниновъ и Исаковъ и генералъ-интендантъ арміи генералъ-маіоръ Затлеръ. Командиръ 2-го корпуса генералъ-адъютантъ Реадъ и начальникъ штаба генералъ-маіоръ Веймарнъ, за болѣзнью, въ совѣтѣ не участвовали.

Послѣ общихъ объясненій о положеніи дѣлъ на полуостровѣ и признанія его труднымъ, князь Горчаковъ предложилъ всѣмъ представить на другой день письменно свои мнѣнія въ разрѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ:

«Ополченіе, предназначенное въ мое распоряженіе, независимо отъ Курскихъ дружинъ, окончательно можетъ собраться къ Перекопу только къ концу октября.

«По приблизительному соображенію генералъ-интенданта, войска, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, могутъ довольствоваться сѣномъ въ Крыму до 15-го октября. Если же уменьшить число лошадей на половину, то сѣна достанетъ до половины января; если на $^3/_4$—то по 15-е апрѣля, т. е. до появленія подножнаго корма.

«Итакъ, нынѣ настало время рѣшить неотлагательно вопросъ о предстоящемъ намъ образѣ дѣйствій въ Крыму: продолжать-ли пасивную защиту Севастополя, стараясь только выиграть время и не видя впереди никакого опредѣленнаго исхода, или же, немедленно по прибытіи войскъ 2-го корпуса и Курскаго ополченія, перейти въ рѣшительное наступленіе.

«Вопросъ этотъ предлагаю на ваше обсужденіе и въ дополненіе онаго, если мы не должны болѣе оставаться въ пасивномъ положеніи, то:

«1) Какое дѣйствіе предпринять?» «2) Въ какое время?» [1]).

Поданныя 29-го числа мнѣнія вкратцѣ, заключались въ слѣдующемъ:

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 63 и 64.

Графъ Сакенъ считалъ невозможнымъ переходъ въ наступленіе, какъ въ долинѣ Черной, такъ и со стороны Севастополя, а потому приходилъ къ единственному рѣшенію — оставить Южную сторону и, собравъ всѣ наши силы, дѣйствовать въ полѣ.

Генералъ Хрулевъ, не видя никакихъ выгодъ отъ атаки непріятеля на р. Черной, настаивалъ на безотлагательности рѣшительныхъ дѣйствій и предлагалъ три способа: 1) произвести наступленіе съ Корабельной стороны и овладѣть всѣми работами противника до редута Викторіи включительно, а затѣмъ утвердиться на линіи между Каменоломнымъ оврагомъ и Делагардіевою балкою; 2) укрѣпить сильно Сѣверную сторону, вывести войска изъ Севастополя, взорвавъ укрѣпленія, и не позже какъ черезъ два дня перейти всѣми соединенными силами въ рѣшительное наступленіе, и 3) очистить Городскую сторону, собрать на Корабельной всѣ 75,000 и съ ними овладѣть командующими надъ нею высотами.

Генералъ Семякинъ признавалъ полезнымъ наступленіе со стороны Чоргуна лишь частью силъ для временнаго облегченія Севастополя и отсроченія на время катастрофы. Отъ рѣшительныхъ же дѣйствій въ долинѣ р. Черной и со стороны города не предвидѣлъ успѣха, а потому полагалъ болѣе полезнымъ, при невозможности оставаться въ прежнемъ положеніи, очистить Южную сторону.

Вице-адмиралъ Новосильскій стоялъ за безотлагательное наступленіе.

Генералъ Липранди предлагалъ атаковать со стороны Чоргуна, а по завладѣнію Чоргунскою долиною обсудить вопросъ о возможности вести дальнѣйшую атаку на Сапунъ-гору.

Генералъ Коцебу склонялся къ безотлагательной атакѣ непріятеля со стороны Чоргуна.

Генералъ Сержпутовскій полагалъ немедленно атаковать Ѳедюхины высоты, и, въ случаѣ спуска значительныхъ силъ противника съ Сапунъ-горы, поддержать атаку рѣшительною вылазкою къ Камчатскому люнету и демонстраціею съ Городской стороны.

Генералъ Бухмейеръ предлагалъ атаковать со стороны р. Черной на Ѳедюхины высоты и Сапунъ-гору и на д. Кадыкіой. Первую атаку должна была поддержать рѣшительная вылазка съ Корабельной стороны, а дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля — гарнизонъ Городской стороны.

Генералъ Бутурлинъ считалъ необходимымъ занять такое положеніе, чтобы, при покушеніи непріятеля на Севастополь, имѣть возможность атаковать его съ поля и для этого предлагалъ овла-

дѣть высотами лѣваго берега р. Черной. Наступленіе онъ предлагалъ произвести по прибытіи бо́льшей части дружинъ ополченія и если бы противникъ спустилъ значительныя силы съ Сапунъ-горы, то захватить вылазкою Камчатскій люнетъ.

Генералъ Ушаковъ полагалъ возможнымъ продолжать пасивную оборону города, дотянувъ дѣло до 1-го ноября, когда прибытіе къ намъ всѣхъ подкрѣпленій и осень измѣнятъ положеніе въ нашу пользу. Но для обезпеченія себя отъ рѣшительныхъ дѣйствій непріятеля—бомбардировки и штурма, считалъ необходимымъ быть готовымъ къ наступленію съ поля, со стороны р. Черной, при помощи вылазокъ изъ города [1]).

Изъ сказаннаго видно, что бывшіе въ самомъ Севастополѣ начальники не видѣли пользы наступленія со стороны р. Черной и только одинъ изъ нихъ рѣшился высказаться за энергичное наступленіе изъ города. Генералы же, только бывавшіе въ Севастополѣ, склонялись къ наступленію со стороны р. Черной, но большинство все-таки не считало возможнымъ добиться рѣшительныхъ результатовъ—занятія Сапунъ-горы, а думало лишь стѣснить противника овладѣніемъ высотами лѣваго берега р. Черной.

Обсудивъ дѣло послѣ полученія мнѣній совѣта, *князь Горчаковъ рѣшился послѣдовать мнѣнію большинства членовъ его*—атаковать союзниковъ со стороны р. Черной. Предложенное генераломъ Хрулевымъ сосредоточеніе всей пѣхоты въ самомъ Севастополѣ, чтобы атаковать непріятеля отъ Корабельной стороны, было признано главнокомандующимъ, не взирая на неоспоримую пользу такого дѣйствія въ случаѣ успѣха онаго, дѣломъ слишкомъ рискованнымъ, непосредственныя послѣдствія котораго при неудачѣ могли быть крайне гибельны для участи осажденнаго города. Очищеніе же южной части Севастополя безъ предварительнаго боя, хотя и при невыгодныхъ условіяхъ, было отвергнуто княземъ Горчаковымъ какъ рѣшеніе, противное и Высочайшей волѣ, и его собственному убѣжденію.

«Избравъ по этимъ причинамъ нападеніе со стороны р. Черной, главнокомандующій полагалъ произвести его между 2-мъ (14-мъ) и 7-мъ (19-мъ) августа, главнымъ образомъ, по двумъ слѣдующимъ причинамъ:

«1) до того времени непріятель могъ рѣшиться на штурмъ,

---

[1]) Цѣликомъ всѣ мнѣнія членовъ совѣта помѣщены у Тотлебена, ч. II, отд. II, приложенія, стр. 203—247.

отбитіе котораго было бы для насъ выгоднѣе, чѣмъ атака Ѳедюхиныхъ и Гасфорта горъ;

«2) къ 7-му (19-му) августа уже поджидали пять дружинъ ополченія, которыми князь Горчаковъ имѣлъ въ виду замѣнить 7-ю пѣхотную дивизію, находившуюся въ Севастополѣ, присоединивъ послѣднюю къ свободнымъ для дѣйствія въ полѣ войскамъ, числительность которыхъ не превзошла бы въ такомъ случаѣ и 43,000 штыковъ» [1]).

Другой авторъ исторіи Восточной войны, генералъ Богдановичъ, еще болѣе рельефно высказывается о мотивахъ, по которымъ князь Горчаковъ рѣшилъ произвести наступленіе въ долинѣ р. Черной:

«Очищеніе безъ боя Южной стороны было отвергнуто княземъ Горчаковымъ. Да и какъ онъ могъ принять его? Оставленіе Севастополя, послѣ тѣхъ жертвъ, которыхъ намъ стоила его оборона, было почти равносильно уступкѣ непріятелю Москвы въ 1812 г.; а князь Горчаковъ не обладалъ авторитетомъ Кутузова. Несравненно было удобнѣе, сложивъ съ себя отвѣтственность, приступить къ исполненію плана дѣйствій, одобреннаго большинствомъ членовъ совѣта» [2]).

Но принявъ это рѣшеніе, и донеся объ этомъ Государю, князь Горчаковъ продолжалъ, повидимому, колебаться. Такъ, 2-го августа, онъ пожелалъ узнать мнѣніе генерала Тотлебена и посѣтилъ его на Бельбекѣ, гдѣ онъ пользовался отъ раны; вмѣстѣ съ главнокомандующимъ пріѣхали генералъ-адъютанты Вревскій и Коцебу:

«Генералъ Тотлебенъ не одобрялъ наступленія къ р. Черной. Указавъ на благопріятныя для непріятеля обстоятельства—мѣстныя выгоды и превосходство силъ его—Тотлебенъ изъявилъ сомнѣніе въ успѣхѣ атаки на Ѳедюхины высоты. Да и самое овладѣніе этимъ пунктомъ не послужило бы ни къ чему: немыслимо было разсчитывать на успѣхъ при атакѣ неприступной позиціи на Сапунъ-горѣ, подъ огнемъ батарей, вооруженныхъ орудіями большаго калибра, и, по всей вѣроятности, мы не могли бы удержаться на Ѳедюхиныхъ высотахъ, уступая непріятелю и въ числѣ войскъ, и въ вооруженіи ихъ; а союзники, по прежнему, владѣя Сапунъ-горою и Балаклавою, продолжали бы осаду. По мнѣнію генерала Тотлебена, удобнѣе было атаковать непріятеля значительными силами

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 68 и 69.

[2]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 12.

со стороны Корабельной, между Киленбалкою и Лабораторною балкою, но для успѣха въ томъ онъ полагалъ непремѣннымъ условіемъ произвести всѣ предварительныя распоряженія къ наступленію совершенно скрытно и напасть на непріятеля неожиданно. Самъ Тотлебенъ, несмотря на страданія отъ раны, занимался тогда составленіемъ плана для предположеннаго имъ нападенія, не скрывая сопряженныхъ съ нимъ затрудненій. Главнокомандующій, признавъ основательность доводовъ генерала Тотлебена, уже былъ готовъ отказаться отъ предпріятія, на которое рѣшился противъ собственнаго убѣжденія, слѣдуя мнѣнію, высказанному большинствомъ лицъ, которые, однако же, были во многомъ несогласны между собою въ подробностяхъ исполненія предложенныхъ ими плановъ. Напротивъ того, баронъ Вревскій, въ порывѣ неудовольствія на генерала Тотлебена, сказалъ ему, что на него падетъ вся отвѣтственность за стараніе отклонить главнокомандующаго отъ принятаго имъ рѣшенія. Князь Горчаковъ колебался въ своемъ намѣреніи и, разставаясь съ Тотлебеномъ, повидимому, предполагалъ отложить на время атаку непріятельской позиціи; но, по возвращеніи въ главную квартиру, находясь подъ вліяніемъ Вревскаго, Бутурлина и другихъ лицъ, которые не командовали никакими частями войскъ, и въ случаѣ неудачи дѣйствій не подвергались ни малѣйшей отвѣтственности, снова склонился на сторону прежняго плана—атаковать непріятеля на р. Черной» [1]).

Для болѣе полной обрисовки положенія и всѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ бою на р. Черной, прибавимъ, что «. . . предполагаемое нападеніе было заранѣе извѣстно не только у насъ, но и въ непріятельской арміи; 2-го (14-го) августа, перебѣжчикъ отъ непріятеля показалъ, что на р. Черной ждутъ нападенія русскихъ. Дѣйствительно, союзники могли разгадать намѣреніе князя Горчакова изъ нѣсколькихъ нашихъ рекогносцировокъ къ рѣкѣ Черной, и къ тому же у насъ не скрывали намѣренія — дать рѣшительное сраженіе. Въ главной квартирѣ былъ многочисленный штабъ; офицеры, при немъ состоявшіе, бо́льшею частью не были взяты изъ фронта, а наѣхали въ армію изъ всей Россіи, съ цѣлью пріобрѣсти чины и отличія; въ средѣ ихъ, какъ выразился одинъ изъ участниковъ обороны Севастополя, господствовалъ духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія. Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій, они употребляли, или, лучше сказать, убивали время

---

[1]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 13—15.

на сплетни, которыя расходились въ ихъ пустой перепискѣ и достигали Петербурга къ немалому безпокойству князя Горчакова, придававшаго особую важность свѣтской молвѣ» [1]).

Взгляды самого князя Горчакова на принятое имъ, почти противъ его воли, рѣшеніе и настроеніе передъ приведеніемъ его въ исполненіе весьма рельефно высказаны въ слѣдующемъ его письмѣ военному министру, писанномъ наканунѣ боя на р. Черной:

«Я наступаю противъ непріятеля потому, что если бы я не сдѣлалъ этого, Севастополь былъ бы все-таки потерянъ въ самое короткое время. Непріятель дѣйствуетъ медленно и осмотрительно; онъ собралъ баснословное количество снарядовъ на своихъ батареяхъ—это видно простымъ глазомъ. Подступы его стѣсняютъ насъ все болѣе и болѣе, и почти нѣтъ мѣста въ Севастополѣ, которое не было бы подвержено его выстрѣламъ. Пули свищутъ на Николаевской площади. Нечего себя обманывать, я атакую непріятеля при скверныхъ условіяхъ. Его позиція очень сильна: на правомъ его флангѣ находится Гасфортова гора, почти отвѣсная и сильно укрѣпленная; на лѣвомъ—Ѳедюхины высоты, передъ которыми течетъ глубокій каналъ съ каменными одеждами, наполненный водою и черезъ который невозможно переправиться иначе, какъ по мостикамъ, накидываемымъ подъ огнемъ непріятеля, дѣйствующаго въ упоръ.

«У меня нѣтъ воды, чтобы оставаться противъ непріятеля 24 часа времени. У меня 43,000 пѣхоты и если у непріятеля есть здравый смыслъ, то онъ выставитъ противъ меня 60,000 человѣкъ.

«Если счастіе, на которое надѣюсь весьма мало, будетъ мнѣ благопріятствовать, я постараюсь воспользоваться успѣхомъ, а въ противномъ случаѣ необходимо покориться волѣ Божіей. Я отойду на высоты Мекензи и постараюсь очистить Севастополь съ возможно меньшими потерями. Надѣюсь, что мостъ черезъ бухту будетъ готовъ во-время и облегчитъ мои дѣйствія.

«Прошу васъ припомнить данное мнѣ обѣщаніе — оправдать меня въ свое время. Если дѣла примутъ дурной оборотъ—вина не моя. Я сдѣлалъ все, что возможно, но, со времени моего прибытія въ Крымъ, задача была слишкомъ трудна» [2]).

Несмотря на то, что принятое рѣшеніе было предварительно столь подробно разобрано всѣми начальниками на совѣтѣ и что

---

[1]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 15.

[2]) Н. Дубровинъ, стр. 496 и 497.

почти ежедневно производились рекогносцировки непріятельскаго расположенія и мѣстности, на которой предполагалось наступать, диспозиція, отданная по войскамъ, не имѣла характера принятаго опредѣленнаго рѣшенія. По ней планъ дѣйствій заключался, «... главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы *обозрѣть расположеніе непріятельскихъ войскъ, прикрывавшихъ осаду Севастополя, и, если окажется возможнымъ, оттѣснить ихъ отъ р. Черной къ Сапунъ-горѣ*» [1]).

Для производства этого наступательнаго движенія, какъ извѣстно, князь Горчаковъ сосредоточилъ до 68,000, но изъ этого числа для фланговыхъ и тыльныхъ отрядовъ, прикрывавшихъ наступленіе, было отдѣлено до 10,000 человѣкъ; около 8,000 было кавалеріи, на дѣятельность которой можно было разсчитывать лишь по взятіи нашими войсками Сапунъ-горы. Такимъ образомъ, собственно для атаки было до 49,000 человѣкъ, въ составѣ которыхъ было 47,000 штыковъ, при 244 орудіяхъ [2]). Эти послѣднія силы были раздѣлены на три корпуса. Правый корпусъ, генерала Реада, въ составѣ двухъ дивизій пѣхоты, при 62-хъ орудіяхъ, былъ направленъ противъ Ѳедюхиныхъ высотъ; лѣвый корпусъ, генерала Липранди, двѣ дивизіи пѣхоты, при 70-ти орудіяхъ — на Гасфортовы высоты и резервъ, генерала Шепелева, — тоже двѣ дивизіи пѣхоты, съ 36-ю орудіями, направленъ за правымъ корпусомъ; сюда же, къ резерву, направленъ и артилерійскій резервъ, въ составѣ 76-ти орудій.

Не приводя здѣсь всѣхъ подробныхъ диспозицій, отданныхъ каждой колоннѣ, напомнимъ только, что:

«Согласно предположеній князя Горчакова, корпусу лѣваго фланга, генералъ-лейтенанта Липранди, было приказано сбить сардинскій авангардъ, занимавшій на правомъ берегу Телеграфную гору впереди Чоргуна, и, затѣмъ, готовиться къ нападенію на Гасфорта высоту, между тѣмъ какъ войскамъ праваго фланга, ввѣреннымъ генералъ-адъютанту Реаду, предписывалось строиться въ боевой порядокъ противъ Ѳедюхиныхъ высотъ, внѣ пушечнаго выстрѣла непріятеля, и, выдвинувъ сильную артилерію для обстрѣливанія этихъ высотъ, готовиться къ форсированію переправы черезъ р. Черную. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что обоимъ начальникамъ двухъ главныхъ отрядовъ главнокомандующій предписалъ отнюдь

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 83.

[2]) Въ это число не вошли 28 орудій, бывшихъ при кавалерійскомъ резервѣ.

не приступать къ атакамъ Ѳедюхиныхъ и Гасфорта высотъ безъ особаго на то съ его стороны приказанія. Послѣ выполненія этихъ предварительныхъ дѣйствій и по ближайшемъ осмотрѣ позиціи сардинцевъ, князь Горчаковъ имѣлъ намѣреніе избрать на мѣстѣ одинъ изъ слѣдующихъ трехъ родовъ дѣйствій: 1) повести атаку на Гасфорта высоты пѣхотою генерала Липранди, поддержанною пѣхотою генерала Реада и резервами, оставя противъ Ѳедюхиныхъ горъ одну артилеріею, подъ прикрытіемъ сильной кавалеріи; 2) или же, если бы атака на Гасфорта высоты оказалась слишкомъ рискованною—атаковать Ѳедюхины высоты войсками генерала Реада, поддерживая ихъ бо́льшею частью пѣхоты генерала Липранди и общимъ пѣхотнымъ резервомъ; 3) или же, наконецъ, *ограничиться однимъ усиленнымъ обозрѣніемъ, если бы упомянутыя выше атаки представили слишкомъ много затрудненій*» [1]).

Кромѣ того князь Горчаковъ предполагалъ произвести вылазку изъ Севастополя, для которой на Корабельной сторонѣ, подъ начальствомъ генерала Хрулева, былъ собранъ особый отрядъ въ 20,000, но нападеніе это не состоялось, такъ какъ было отмѣнено.

Союзники, зная не только намѣреніе наше произвести наступленіе, но и приблизительный планъ его, спокойно ожидали наше движеніе на своихъ укрѣпленныхъ и природою, и искусствомъ позиціяхъ. Федюхины высоты, прикрытыя съ фронта р. Черною и трудно-проходимымъ водопроводнымъ каналомъ, были усилены ложементами и занимались 18,000 съ 48-ю орудіями французскихъ войскъ. На правомъ берегу Черной у Трактирнаго моста имѣлся тетъ-де-понъ. Гасфорта высоты и Телеграфная гора, на правомъ берегу, тоже усиленныя укрѣпленіями, были заняты сардинцами, въ числѣ 9,000, при 36-ти орудіяхъ. Рядомъ съ ними находилось 10,000, при 36-ти орудіяхъ, турецкаго контингента. Сзади этой позиціи возвышались недоступные обрывы Сапунъ-горы, усиленные укрѣпленіями и батареями, вооруженными орудіями большаго калибра. На Сапунъ-горѣ были расположены войска, которыя можно было двинуть на поддержку или въ долину Черной, или къ осадному корпусу, смотря по развитію дѣятельности противника. Такимъ образомъ, первая атака наша должна была встрѣтить сопротивленіе болѣе чѣмъ 36,000, съ 120 орудіями, союзниковъ, а затѣмъ непріятель могъ безъ всякой помѣхи сосредоточить на своей позиціи до 60,000.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 88 и 89.

Собравъ факты для болѣе подробной обрисовки обстановки передъ боемъ на Черной, посмотримъ, къ чему привели эти факты на дѣлѣ, на что они имѣли вліяніе и что можно было ожидать, какъ слѣдствіе и результатъ подобной обстановки.

Съ самаго начала своего прибытія къ арміи князь Горчаковъ выказалъ полную нерѣшительность въ своихъ дѣйствіяхъ и, боясь больше всего отвѣтственности, чутко прислушивался къ сужденіямъ и мнѣніямъ, доходившимъ до него изъ Петербурга и вообще изъ Россіи. Дѣло нашей кампаніи въ Крыму онъ считалъ потереннымъ и не рѣшался предпринять никакихъ серьезныхъ дѣйствій для выхода изъ подобнаго положенія тѣмъ или другимъ путемъ. Нерѣшительность эта не могла не пройти незамѣченною. Въ запискахъ участниковъ мы встрѣчаемъ слѣдующія слова: «Съ тѣхъ поръ, какъ князь здѣсь, наши не сдѣлали еще ни одной удачной вылазки» [1]). Въ Петербургѣ, конечно, все это было извѣстно, и по ходу дѣлъ, и по донесеніямъ тамъ не могли не видѣть, что въ крымской арміи дѣла идутъ не нормальнымъ путемъ, что тамъ главнокомандующій не обладаетъ должнымъ запасомъ нравственныхъ силъ, чтобы направить дѣло по тому пути, который онъ считалъ правильнымъ и ведущимъ къ хорошимъ результатамъ.

Но, видя отсутствіе нравственной мощи въ главнокомандующемъ, тамъ считали возможнымъ прибѣгнуть къ паліативнымъ мѣрамъ, которыя могли по наружности исправить дѣло, но, конечно, не придавали ему внутренней крѣпости. Какъ уже упоминалось, въ Крымъ былъ посланъ съ постороннимъ порученіемъ генералъ-адъютантъ Вревскій, но при этой посылкѣ втайнѣ разсчитывали, что онъ воспользуется слабостью характера князя Горчакова и уговоритъ его перейти къ наступательному образу дѣйствій. Другою мѣрою явилось указаніе на сборъ военнаго совѣта, устранявшаго другую слабость князя Горчакова: страхъ передъ отвѣтственностью, такъ какъ представлялась возможность свалить ее на своихъ подчиненныхъ генераловъ. Съ наружной, матеріальной стороны какъ будто и были достигнуты желаемые результаты. Главнокомандующій рѣшился перейти въ наступленіе и даже отдалъ для этого всѣ необходимыя распоряженія. Но внутренняя, нравственная сторона дѣла отъ этого не только ничего не выиграла, а даже еще больше проиграла. Главный начальникъ нашей многострадальной арміи не по собственному почину и убѣжденію

[1]) Рукописи, т. III, стр. 392.

велъ свою армію въ бой, а потому, что на этомъ настояли извнѣ, потому что это представлено было ему, между прочимъ, какъ роковая, но и неизбѣжная необходимость. Одинъ изъ близкихъ къ нему адъютантовъ пишетъ слѣдующее:

«Изъ получаемыхъ главнокомандующимъ писемъ, а также изъ личныхъ объясненій съ генералъ-адъютантомъ Вревскимъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ полагалъ, что это наступательное движеніе было необходимо также и для удовлетворенія *общаго мнѣнія Россіи, точно также какъ Бородинское сраженіе было необходимо прежде отдачи Москвы*» [1]).

Разъ придя къ заключенію, что наступленіе есть роковая необходимость, которую онъ не въ силахъ отвратить, князь Горчаковъ не остановился на такомъ наступленіи, которое могло бы произвести моральное впечатлѣніе на противника, онъ не искалъ ударить со всѣмъ пыломъ дѣйствительной рѣшимости на такой пунктъ расположенія непріятеля, гдѣ бы могли пострадать его насущные, нравственные интересы. Онъ придержался лишь ариѳметическому большинству мнѣній совѣта. А между тѣмъ, достаточно было лишь бѣгло пробѣжать эти мнѣнія, чтобы видѣть, что предлагаемое наступленіе со стороны Черной, по заключенію самихъ предлагавшихъ его, не сулило никакихъ рѣшительныхъ результатовъ. Отъ него ожидали лишь нѣкотораго стѣсненія противника и самая удача его приводила нашу армію лишь къ подножію неприступной позиціи непріятеля на Сапунъ-горѣ, безъ всякой надежды продолжать развивать одержанный успѣхъ и добиться серьезныхъ результатовъ окончательнымъ пораженіемъ противника. Князь Горчаковъ не обратилъ должнаго вниманія на мнѣнія двухъ людей — Тотлебена и Хрулева, которые были выдающимися дѣятелями по защитѣ Севастополя и которые прямо указывали на безцѣльность наступленія со стороны Черной, а признавали возможность лишь наступленія изъ Севастополя, которое, при удачѣ, дѣйствительно могло привести къ достиженію рѣшительныхъ и тяжкихъ для противника въ нравственномъ отношеніи результатовъ. Но принять это рѣшеніе и согласиться, такимъ образомъ, съ меньшинствомъ — значило бы взять на себя отвѣтственность, а мы видѣли, что князь Горчаковъ почти только потому и рѣшался на наступленіе, что могъ освободиться отъ отвѣтственности, возложивъ ее на военный совѣтъ.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, прилож., стр. 298.

Изъ всего сказаннаго не трудно вывести заключеніе, къ чему повели паліативныя мѣры, принятыя въ Петербургѣ тогда, когда положеніе и вся обстановка требовали мѣръ радикальныхъ. Не можемъ не упомянуть, что и современники сознавали эту необходимость, но, повидимому, не настойчиво, не громко и не своевременно ее высказывали. Такъ, тотъ же баронъ Вревскій наканунѣ боя на Черной писалъ военному министру:

«Наканунѣ этихъ событій, быть можетъ рѣшительныхъ, позвольте вамъ сказать, положа руку на сердце, что если Богу будетъ угодно и князь Горчаковъ погибнетъ въ этомъ дѣлѣ, то честь нашего оружія требуетъ, чтобы преемникомъ ему былъ назначенъ человѣкъ энергичный и рѣшительный—словомъ генералъ Лидерсъ» [1]).

Итакъ, нашъ главнокомандующій велъ свою армію въ бой противъ воли, подчиняясь мнѣніямъ и требованіямъ другихъ; онъ велъ ее не только безъ увѣренности достигнуть рѣшительныхъ результатовъ, но даже безъ всякой надежды на какой-нибудь успѣхъ; надежда его была такъ слаба, что онъ предполагалъ возможность совсѣмъ не давать бою разыгрываться и ограничиться однимъ усиленнымъ обозрѣніемъ непріятельскаго расположенія. Онъ велъ значительныя силы къ позиціи противника и заранѣе хлопоталъ письменно въ Петербургѣ о своемъ оправданіи, сваливая вину въ ожидаемой имъ неудачи на своего предшественника, оставившаго ему столь роковое наслѣдство.

Невольно, послѣ этого, срывается съ языка вопросъ. Для чего же было вести войска въ бой при такой обстановкѣ?.. Неужели, только для того, чтобы безцѣльнымъ кровопролитіемъ оправдать давно задуманное оставленіе Севастополя?..

Мы бы не подчеркивали столь жестко всѣ эти факты, предшествовавшіе бою на Черной, если бы они характеризовали лишь личное состояніе духа главнокомандующаго и могли остаться бы безъ вліянія на войска. Но, къ сожалѣнію, этого не могло быть. Всѣ перепитіи съ рѣшеніемъ вопроса о наступленіи были хорошо извѣстны войскамъ и сильно вліяли на ихъ духъ. Вотъ, что мы находимъ въ запискахъ прикомандированнаго къ одному изъ полковъ 12-й дивизіи, для командованія баталіономъ:

«Полковникъ NN (командиръ полка) позвалъ меня обѣдать; за столомъ, кромѣ его и меня, были еще три баталіонныхъ командира, полковой адъютантъ и полковой докторъ.

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 497 и 498.

«Къ слѣдующему утру, за исключеніемъ доктора, всѣмъ присутствующимъ было суждено быть убитыми или тяжело ранеными. Предметомъ разговора было, разумѣется, предстоящее сраженіе. Я былъ пораженъ мрачнымъ настроеніемъ моего начальника и новыхъ товарищей. Видно было, что они готовы умереть, обрекли себя на жертву, но безъ всякой надежды не только на успѣхъ, но даже на принесеніе какой-нибудь пользы общему дѣлу...» [1]).

Главнокомандующій долженъ былъ знать это настроеніе своихъ войскъ и принять мѣры, чтобы вселить въ свои войска увѣренность. Но ничего подобнаго не было сдѣлано. Мы видѣли, что диспозиція была составлена не такъ, чтобы отъ нее можно было ожидать благодатнаго воздѣйствія на духъ войскъ. Скажемъ болѣе, были даже приняты и такія мѣры, которыя прямо лишали начальниковъ возможности принять въ бою самыя обыкновенныя мѣры нравственнаго воздѣйствія на свои части. Вотъ тому доказательства:

«... Оглянувшись, увидѣлъ, что мой баталіонъ растянулся въ совершенномъ безпорядкѣ. Нужно было остановиться, чтобы его собрать и выждать приказанія. Хотѣлось было скомандовать: «стройся по знамени»,—но вспомнилъ, увы! что знамени съ нами нѣтъ; оно было оставлено, какъ и знамена другихъ частей, на сѣверной сторонѣ или Николаевской батареѣ» [2]).

Въ другихъ запискахъ читаемъ:

«Воспрещено фронтовымъ солдатамъ покидать свои ряды для перенесенія убитыхъ и раненыхъ въ лазареты или на подводы, и обязанность эта всецѣло возложена на музыкантовъ, которые, съ носилками, будутъ слѣдовать за штурмующими колоннами» [3]).

Такимъ образомъ, части, долженствовавшія идти въ неравный и трудный бой, были лишены даже музыки — этого могущественнаго средства для поддержанія и возбужденія моральныхъ силъ войскъ.

Наканунѣ боя:

«На Мекензіевой горѣ князь Горчаковъ долго бесѣдовалъ съ начальниками отдѣльныхъ частей и въ особенности съ генераломъ Липранди.

«— Ну-съ, сказалъ онъ затѣмъ, обращаясь къ барону Вревскому, теперь пора и отдохнуть.

---

[1]) Рукописи, т. I, стр. 390 и 391.
[2]) Тамъ же, стр. 394.
[3]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 458.

«— Я завидую вашему сіятельству, отвѣчалъ баронъ; нѣсколько часовъ отдѣляютъ васъ отъ дня вашей славы.

«Что вы говорите? сурово спросилъ князь и потомъ отвѣтилъ: я знаю, что меня ожидаетъ завтра—прощайте».

«Присутствовавшіе разошлись. Что ожидало каждаго изъ нихъ завтра, извѣстно было только одному Творцу. Главнокомандующій всю ночь провелъ въ молитвѣ, стоя на колѣнахъ передъ образомъ Смоленской Божіей Матери» [1]).

Но не трудно было предвидѣть, что ожидало на завтра русскую армію. Неопредѣленность и нерѣшительность отданныхъ приказаній должны были отразиться путаницею и недоразумѣніями. Настроеніе главнокомандующаго и подчиненныхъ ему войскъ то же не обѣщали ничего хорошаго...

Первымъ предвѣстникомъ этой предсказанной всею обстановкою въ бою на Черной, 4-го августа, неудачи было недоразумѣніе съ приказаніемъ. Какъ извѣстно, къ разсвѣту 4-го числа войска заняли назначенныя имъ по диспозиціи мѣста, князь Горчаковъ выѣхалъ еще до разсвѣта къ новому редуту и, увидавъ, что войска еще стоятъ, передалъ адъютанту поручику Красовскому слѣдующее приказаніе: «Поѣзжайте къ генераламъ Липранди и Реаду и спросите у нихъ, что они стоятъ? Пора начинать» [2]). Приказаніе это застало генерала Липранди уже въ движеніи, которое онъ и продолжалъ для предписаннаго ему занятія Телеграфной горы и д. Чоргунъ; къ генералу же Реаду оно прибыло тогда уже, когда онъ открылъ предписанный огонь своею артилеріею и прекратилъ его, вслѣдствіе недѣйствительности. Потому-то возникло недоразумѣніе и генералъ Реадъ спросилъ посланнаго: «Что значитъ начинать? Огонь мы уже открывали и потомъ прекратили. Значитъ ли это атаковать»? И когда Красовскій повторилъ слово въ слово приказаніе князя Горчакова: «Хорошо, сказалъ Реадъ, скажите князю, что я атакую и прошу прислать подкрѣпленія...» Поручикъ Красовскій, возвратясь къ князю Горчакову, выразилъ свои опасенія на счетъ выполненія Реадомъ переданнаго ему приказанія потому, что онъ говорилъ не объ открытіи огня, а объ атакѣ. Князь Горчаковъ отвѣчалъ: «генералъ Реадъ знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать по диспозиціи» [3]).

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 497.
[2]) Богдановичъ, т. IV, стр. 29.
[3]) Тамъ же, стр. 29 и 30.

Главнокомандующій былъ при лѣвой колоннѣ и, слѣдя за тѣмъ, какъ войска генерала Липранди сбили передовыя части сардинцевъ, заняли правый берегъ р. Черной и приступили къ обстрѣливанію Гасфорта высотъ, рѣшилъ съ этого фланга вести главную атаку, а потому приказалъ 5-й дивизіи двигаться сюда на подкрѣпленіе.

Но въ это время было получено донесеніе о взятіи генераломъ Реадомъ предмостнаго укрѣпленія у Трактирнаго моста. Такимъ образомъ, съ самаго начала была нарушена диспозиція для боя. Князь Горчаковъ перемѣнилъ тогда свое рѣшеніе и послалъ приказаніе 5-й дивизіи поддержать атаку Реада, но «съ этой минуты онъ призналъ дѣло испорченнымъ» [1]). Между тѣмъ на правомъ флангѣ, какъ извѣстно, произошло слѣдующее. Генералъ Реадъ пустилъ въ атаку три полка 12-й дивизіи, которые, послѣ слабой подготовки всего четырьмя батареями, взяли переправу у Трактира и полѣзли на Ѳедюхины высоты. Сначала они имѣли успѣхъ, но, не поддержанные ни артилеріею, ни резервами, были съ большимъ урономъ сбиты собравшимися войсками противника и отброшены снова за рѣку.

Вслѣдъ за этою атакою и другая дивизія колонны генерала Реада, 7-я, была двинута правѣе для штурма Ѳедюхиныхъ высотъ; тутъ пришлось артилерію оставить на правомъ берегу рѣки: «...по совершенной невозможности перевезти орудія черезъ рѣку и водопроводный каналъ, за неимѣніемъ переносныхъ мостковъ, отставшихъ при спускѣ съ Мекензіевой горы и впослѣдствіи оказавшихся негодными. Такимъ образомъ, нашимъ войскамъ пришлось наступать безъ содѣйствія артилеріи, которая была заслонена пѣхотными колоннами, подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей и пѣхоты, расположенной въ нѣсколькихъ паралельныхъ ложементахъ на уступахъ Ѳедюхиной высоты» [2]).

Конечно, и эта храбрая дивизія, послѣ начальнаго успѣха и захвата нѣсколькихъ ложементовъ, должна была уступить подошедшимъ резервамъ противника.

Къ 7-ми часамъ утра, такимъ образомъ, обѣ дивизіи Реада, понеся весьма значительныя потери, были отброшены на правый берегъ р. Черной. Прибывшій главнокомандующій отдалъ въ распоряженіе генерала Реада, для возобновленія боя, 5-ю пѣхотную ди-

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 34.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

визію. Но это не помогло дѣлу, а увеличило лишь напрасно кровопролитіе, такъ какъ генералъ Реадъ приказалъ вести наступленіе не цѣлою дивизіею, а поочередно отдѣльными полками. Каждый изъ этихъ молодецкихъ полковъ имѣлъ первоначальный успѣхъ, но сильные резервы противника, подошедшіе съ Сапунъ-горы, вынудили ихъ къ отступленію съ значительными потерями. Къ концу боя генералъ Реадъ былъ убитъ, князь Горчаковъ принялъ лично начальство надъ его разстроенными войсками и приказалъ генералу Липранди поддержать ихъ отчаянныя атаки бригадою 17-й дивизіи. Но и эта послѣдняя попытка, веденная, сравнительно съ собравшимися значительными силами противника, малымъ числомъ войскъ — не имѣла успѣха. Изъ всѣхъ войскъ праваго фланга и резерва оставалась не введенною въ дѣло лишь одна 4-я пѣхотная дивизія, которая «... была задержана при спускѣ съ Мекензіевой горы по одной дорогѣ, огибающей ея утесы, патронными ящиками, лазаретными фурами и разнымъ обозомъ, загромоздившимъ путь, и потому эта часть пѣхотнаго резерва находилась отъ мѣста боя у Трактирнаго моста въ разстояніи болѣе четырехъ верстъ» [1]).

Наконецъ, около 10-ти часовъ утра главнокомандующій призналъ безцѣльнымъ производить дальнѣйшія попытки атаки непріятельской позиціи и, устроивъ войска, отвелъ ихъ отъ берега р. Черной къ подошвѣ Мекензіевыхъ горъ.

«Въ такомъ расположеніи русскія войска оставались четыре часа. Князь Горчаковъ надѣялся, что непріятель, стянувъ свои войска, перейдетъ черезъ р. Черную и атакуетъ нашу позицію, гдѣ мы могли встрѣтить его сильнымъ огнемъ артилеріи и потомъ атаковать его; но онъ этого не сдѣлалъ, почему, не имѣя возможности оставаться долѣе на мѣстахъ, гдѣ не было воды, войска наши получили приказаніе возвратиться на Мекензіеву позицію» [2]).

Сраженіе 4-го августа кончилось такъ, какъ можно было предвидѣть. Мы понесли громадную потерю и не достигли рѣшительно никакихъ результатовъ. Потеря наша простиралась свыше 8,000 человѣкъ, изъ которыхъ 6,500 падаетъ на войска, дравшіяся подъ начальствомъ генерала Реада. У союзниковъ выбыло изъ строя всего 1,811 человѣкъ [3]).

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 120.
[2]) Богдановичъ, т. IV, стр. 43.
[3]) Тамъ же, стр. 45 и 46.

Вспоминая общее число и распредѣленіе силъ, выведенныхъ княземъ Горчаковымъ для его наступательнаго предпріятія въ поле, подведемъ болѣе рельефно итоги ихъ числительности и дѣятельности въ бою. Всего было двинуто 99 баталіоновъ, 110 эскадроновъ и сотенъ и 304 полевыхъ орудія. Изъ нихъ въ охранительные отряды, для прикрытія самаго наступленія, было отдѣлено 12 баталіоновъ, 35 эскадроновъ и сотенъ и 32 орудія. Для самаго наступленія осталось: 87 баталіоновъ, 75 эскадроновъ и сотенъ и 272 орудія, но изъ этого числа дѣятельное участіе въ атакѣ и штурмѣ Ѳедюхиныхъ высотъ приняло всего 53 баталіона. 20 баталіоновъ—остальныя войска изъ колонны генерала Липранди, лишь оттѣснили передовыя части сардинцевъ съ Телеграфной горы и затѣмъ не переходили р. Черной; 14 же баталіоновъ резерва (вся 4-я дивизія) совсѣмъ не принимали участія въ боѣ, такъ какъ не могли своевременно подойти. Для 75-ти эскадроновъ и сотенъ совсѣмъ не найдено было примѣненія въ бою и они остались праздными зрителями усилій и пораженія своей пѣхоты. Но еще непонятнѣе является малое употребленіе въ дѣло артилеріи, несмотря на то, что этотъ родъ оружія можетъ имѣть, исключая матеріальнаго, большое благодатное нравственное вліяніе на обѣ стороны. Къ употребленію артилеріи, къ тому же, не было никакихъ препятствій въ мѣстности и она имѣлась при войскахъ въ весьма значительныхъ силахъ. А между тѣмъ, по свидѣтельству современниковъ, « . . . изъ назначенныхъ для дѣйствія нѣсколькихъ сотъ пушекъ достигли назначенія только 22» [1]). Другіе источники не отмѣчаютъ числа орудій, принявшихъ участіе въ бою, но всѣ единогласно заявляютъ, что атаки нашихъ войскъ велись при полномъ почти отсутствіи артилерійской подготовки и поддержки. Такимъ образомъ, подводя численные итоги сражавшихся на р. Черной войскъ, по всѣмъ свидѣтельствамъ выходитъ, что съ нашей стороны въ бою приняли участіе 40,000 штыковъ, тогда какъ противникъ, благодаря отсутствію всякой попытки со стороны Севастополя, сосредоточилъ къ концу боя на своей позиціи до 60,000. Несмотря на всю невыгодность условій обстановки, въ которую были поставлены наши войска, какъ передъ боемъ, такъ въ особенности въ самомъ бою на р. Черной, что мы достаточно выяснили выше, войска эти и по донесенію главнокомандующаго, и по заявленію всѣхъ участниковъ и историковъ этого боя, выказали громадный запасъ

[1]) Рукописи, т. III, стр. 435.

нравственныхъ силъ и замѣчательный подъемъ духа. Почти всѣ разрозненныя атаки отдѣльныхъ частей достигали своей цѣли. Рѣдкая часть не забиралась на непріятельскую позицію, не отбивала у непріятеля ложементовъ, укрѣпленій и даже орудій, а нѣкоторыя доходили до гребня непріятельскихъ высотъ и добирались даже до его лагерей. Но производимыя малыми силами, не поддержанныя своевременно ни артилеріею, ни резервами, всѣ эти отдѣльные молодецкіе штурмы въ концѣ концовъ были отбиваемы сосредоточенными силами противника. Начальники и офицеры служили истиннымъ примѣромъ своимъ людямъ, что и видно изъ цифры потери между офицерами и генералами, простиравшейся до 267 человѣкъ. Между ними много, конечно, пало такихъ выдающихся командировъ, какъ командиръ Одесскаго полка, полковникъ Скюдери, который даже въ послѣднія минуты жизни думалъ только о своихъ подчиненныхъ: «перенося съ необыкновеннымъ мужествомъ страданія отъ ранъ, онъ, умирая, произнесъ послѣднюю просьбу—о наградѣ крестами военнаго ордена четырехъ солдатъ Одесскаго полка, вынесшихъ его съ мѣста побоища» [1]).

Мы уже довольно рѣзко подчеркнули, насколько въ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ князя Горчакова до боя отсутствовали нравственная сила и соображенія о принятіи мѣръ къ вліянію на нравственный духъ какъ своихъ войскъ, такъ и противника. Самый же бой, какъ мы видѣли, начался съ того, что главнокомандующій суетливымъ и неяснымъ отданіемъ приказанія нарушилъ весь предположенный имъ же порядокъ боя. Затѣмъ, онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ устраненію могущаго произойти и предвидѣннаго другими недоразумѣнія, а когда оно уже произошло—потерялъ необходимыя главному начальнику твердость и настойчивость, и сразу «*съ этой минуты онъ призналъ дѣло испорченнымъ*» [2]). Онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ исправленію этой случайной ошибки генерала Реада, а, напротивъ, самъ подчинился ей — измѣнивъ свое обдуманное рѣшеніе атаковать противника лѣвымъ флангомъ на Гасфортовы высоты. Онъ не рѣшился пріостановить начатую ошибочно генераломъ Реадомъ атаку и, направленіемъ въ его распоряженіе резервовъ и другихъ войскъ думалъ обратить случайность въ преднамѣренную атаку съ праваго фланга, которую самъ только что призналъ за менѣе выгод-

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 48.

[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 109.

ную. Князь Горчаковъ самъ прибылъ къ войскамъ праваго фланга какъ всегда, выказалъ присущую ему личную храбрость, но дѣло отъ этого не выиграло, онъ не принялъ мѣръ къ возстановленію порядка въ веденіи боя, не остановилъ штурмованія непріятельской позиціи отдѣльными дивизіями и даже не проявилъ свою власть, допустивъ безобразныя атаки отдѣльными полками 5-й дивизіи, произведенныя по приказанію генерала Реада, вопреки просьбамъ начальника дивизіи. Такъ что, несмотря на присутствованіе на мѣстѣ боя главнокомандующаго, «все происходило съ ужасной суматохой, безъ порядка, безъ связи и прямыхъ распоряженій; резервы вовсе не прибыли; кавалеріи то же не было... Самъ главнокомандующій со своимъ штабомъ подвергался сильнѣйшему ружейному огню, не говорилъ ничего и отворачивался отъ посланныхъ къ нему...» [1]).

Изъ всего сказаннаго видно, что нашъ главнокомандующій по первой ошибкѣ одного изъ своихъ подчиненныхъ генераловъ призналъ все дѣло окончательно испорченнымъ и не выказалъ личной энергіи и распорядительности не только для поправленія дѣла, но и для продолженія его въ необходимомъ для успѣха порядкѣ. Это же признаніе первой неудачи роковою видно и изъ донесенія, представленнаго имъ Государю:

«... Изъ вчерашней депеши Вамъ, Всемилостивый Государь, извѣстно уже, что наша атака не имѣла успѣха. На удачу я мало разсчитывалъ, но не думалъ понести столь большаго урона... Жаль храбрыхъ, павшихъ по непонятному недоразумѣнію генерала Реада; жаль его самого: онъ былъ въ полномъ смыслѣ рыцарь; жаль барона Вревскаго, генерала Веймарна и весьма большое число штабъ и оберъ-офицеровъ, убитыхъ и раненыхъ, коихъ не знаю, какъ замѣнить; наконецъ, сердце стѣсняется, думая, что если бы Реадъ держался въ точности моихъ приказаній, мы кончили бы можетъ быть дѣло съ успѣхомъ, и что, по крайней мѣрѣ, треть храбрыхъ воиновъ, въ этотъ день потерянныхъ, была бы еще въ нашихъ рядахъ» [2]).

Интересно, что не только въ первые дни, но и впослѣдствіи князь Горчаковъ приписывалъ всю неудачу боя ошибкѣ генерала Реада.

«Покойный князь Михаилъ Дмитріевичъ часто впослѣдствіи говорилъ со мною о событіяхъ послѣдней войны и его убѣжденіе

[1]) Рукописи, т. III, стр. 435.

[2]) Богдановичъ, т. IV, стр. 50 и 51.

было, что Реадъ, *не бывшій никогда начальникомъ отряда въ сраженіи, какъ новичекъ* [1]), увлекся первымъ успѣхомъ артилерійскаго огня, вслѣдствіе коего французы бросили тетъ-де-понъ и поспѣшно отступили за Черную» [2]).

Не можемъ удержаться и не сказать, что таковая неопытность въ боевомъ отношеніи генерала Реада, если она дѣйствительно была, должна была обратить на себя вниманіе главнокомандующаго передъ сраженіемъ. Не слѣдовало въ такомъ случаѣ генералу Реаду вручать столь важное и отвѣтственное положеніе въ бою, какъ командованіе правымъ флангомъ боевой части арміи, тѣмъ болѣе, что это было легко сдѣлать. И нормальнѣе было бы, и согласнѣе съ требованіями нравственнаго элемента, если бы генералъ Реадъ велъ въ бой войска главнаго резерва, какъ составленныя изъ дивизій его же корпуса—4-й и 5-й.

Само собою разумѣется, что сраженіе на Черной не могло повести за собою подъема нравственнаго духа нашей арміи, въ которомъ она могла бы почерпнуть новыя силы, столь необходимыя ей для предстоящей развязки севастопольской борьбы. Но всѣ очевидцы и изслѣдователи этихъ событій сходятся въ одномъ, что неудача нашей арміи въ полѣ не отразилась удручающимъ образомъ на духѣ гарнизона.

«Нетерпѣливо ожидались въ Севастополѣ вѣсти съ поля битвы; наступилъ и полдень, но извѣстій нѣтъ, понемногу начало зарождаться невольное сомнѣніе въ успѣхѣ, къ вечеру же наступило и полное разочарованіе, потому что сначала потихоньку, а затѣмъ и громко пронеслась вѣсть о полномъ пораженіи. Отчаянія не было видно, но уныніе и печаль были всеобщія; всякій понялъ, что отнынѣ участь Севастополя рѣшилась, и что отстоять его нѣтъ возможности; впрочемъ, едва-ли я ошибусь, сказавъ, что въ эту ночь немного между нами было людей, которые подумали бы о своей собственной участи, такъ всѣ были подавлены предстоявшею гибелью города и флота» [3]).

Это-то настроеніе защитниковъ Севастополя и объясняетъ, что у нихъ могли разрушиться надежды на лучшую участь города, что они могли окончательно потерять вѣру въ способность высшаго командованія измѣнить судьбу ихъ долготерпѣливой борьбы, но на упорство этой борьбы сраженіе не имѣло видимаго вліянія, такъ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, прилож., стр. 301.

[3]) «Севастопольскій разгромъ». М. А. Вроченскаго. Кіевъ, 1893 г., стр. 192.

какъ давно уже всѣ защитники свыклись съ мыслью лечь костьми на развалинахъ славнаго роднаго гнѣзда: «сраженіе на Черной, несмотря на понесенную нами неудачу, не оказало замѣтнаго вліянія на рѣшимость защитниковъ Севастополя — обороняться до послѣдней крайности, но возвысило духъ осаждающихъ войскъ» [1]).

Конечно, потеря надежды на удачный конецъ дѣла должна была, въ концѣ концовъ, отразиться на упорствѣ и энергіи сопротивленія, въ виду его безцѣльности, но въ данную минуту подобное настроеніе еще не играло роли, такъ какъ подавлялось привычнымъ подъемомъ духа борцовъ знаменитаго города. Оно проявлялось только у главнокомандующаго, а можетъ быть и у другихъ старшихъ начальниковъ, которые въ свое время только въ наступленіи видѣли возможность спасти Севастополь. Князь Горчаковъ доносилъ Государю:

«Теперь вся моя забота — переформировать наиболѣе потерпѣвшіе полки. . . . На Мекензи непріятель меня не атакуетъ, а если атакуетъ, то милости просимъ... Но огромное бомбардированіе, угрожающее Севастополю, вѣроятно, скоро доведетъ насъ до необходимости очистить городъ. Надѣюсь, что до этой крайности мы не дойдемъ до окончанія моста чрезъ бухту. Но Вашему Императорскому Величеству надобно быть готовымъ на все...»

Государь Императоръ писалъ въ отвѣтъ князю Горчакову: «... Огромная потеря нашихъ славныхъ войскъ, *безъ всякаго результата*, Меня крайне огорчаетъ. Сожалѣю отъ души о бѣдномъ Реадѣ, заплатившимъ кровью за свою ошибку, равно о Вревскомъ, Веймарнѣ и двухъ полковыхъ командирахъ, Моихъ старыхъ сослуживцахъ.

«Но какъ все это не прискорбно, Я не унываю, а, покоряясь безропотно волѣ Божіей, не теряю надежды, что Онъ насъ не оставитъ и что подъ конецъ все-таки наша возьметъ. Разсуждая хладнокровно о теперешнемъ положеніи вещей, Я нахожу, что *неудача 4-го числа ни въ чемъ не перемѣнила наше взаимное положеніе относительно Севастополя.* Если Богъ благословитъ выдержать безъ слишкомъ огромной потери начавшееся вновь бомбардированіе, которое, впрочемъ, по телеграфическимъ донесеніямъ вашимъ, *съ 8-го числа* стало ослабѣвать, то есть еще надежда, что новый штурмъ будетъ столь же удачно отбитъ, какъ и первый. Но если усиленный огонь будетъ продолжаться еще нѣсколько дней, бата-

[1]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 53.

реи наши будутъ сбиты и мы не будемъ въ состояніи ихъ исправлять, какъ оно доселѣ дѣлалось съ успѣхомъ, то, разумѣется, лучше будетъ рѣшиться на оставленіе Южной стороны. Но Я не скрываю отъ Себя всю трудность исполненія сего предпріятія. Съ нетерпѣніемъ буду ждать, на что вы рѣшитесь... Если обстоятельства принудятъ васъ оставить южную часть Севастополя и вмѣстѣ съ нею жертвовать остатками нашего флота, то дѣло *еще далеко не потеряно...*

«Сейчасъ прибылъ флигель-адъютантъ Эссенъ съ подробнымъ донесеніемъ о дѣлѣ 4-го числа, изъ котораго Я еще болѣе убѣдился, что славныя войска наши исполнили долгъ свой свято. Прошу объявить имъ, отъ генерала до солдата, Мою искреннюю и душевную благодарность...

«... Повторяю вамъ, что если суждено Севастополю пасть, то Я буду считать эпоху эту только началомъ новой настоящей кампаніи...» [1]).

На другой день послѣ побѣды на Черной, воодушевленные этимъ радостнымъ для нихъ событіемъ, союзники открыли пятое бомбардированіе Севастополя.

Напомнимъ, что ослабленіе энергіи въ оборонительныхъ работахъ, въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ повело къ тому, что это артилерійское состязаніе, въ отличіе отъ всѣхъ бывшихъ ранѣе, свелось къ борьбѣ 598 нашихъ орудій съ 638 орудіями осаждающихъ. Если къ этому взять во вниманіе перевѣсъ противника въ калибрахъ, числѣ орудій навѣснаго боя и количествѣ артилерійскихъ запасовъ, то не трудно было предвидѣть результаты этой новой борьбы. Дѣйствительно, весьма скоро 2-й бастіонъ и Малаховъ курганъ, на которые были направлены главныя усилія противника, уступили въ огнѣ непріятелю и «укрѣпленія эти были сильно повреждены; почти всѣ амбразуры ихъ разрушены и рвы завалены землею, падавшею съ бруствера» [2]), а послѣ полудня онѣ совершенно замолчали. Укрѣпленія Городской стороны въ этотъ день мало стрѣляли. За то 3-й бастіонъ съ помощью части 4-го весьма удачно дѣйствовалъ и заставилъ къ полудню замолчать англійскія батареи въ третьей паралели. Ночью противникъ усилилъ навѣсный и штуцерный огонь. Особенно силенъ былъ огонь всѣхъ трехъ родовъ, не исключая и прицѣльнаго, противъ 2-го бастіона, Малахова кургана и ихъ

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 51 и 52.

[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 133.

сообщеній съ тыломъ, вслѣдствіе чего производились главнѣйшія работы по исправленію укрѣпленій. По этимъ же причинамъ явился недостатокъ въ матеріалахъ для исправленія, почему за ночь: «многія амбразуры и платформы не могли быть исправлены. Поврежденія же въ блиндажахъ и траверсахъ остались вовсе неисправленными, а подбитыя орудія не были замѣнены» [1]).

За эти первыя сутки бомбардировки съ нашей стороны было сдѣлано около 11,000 выстрѣловъ, а непріятелемъ—около 17,500. Гарнизонъ потерялъ 998 человѣкъ, противникъ же—225. Войска въ Севастополѣ были усилены въ этотъ день 4-ю пѣхотною дивизіею, которая разошлась по-бригадно по обѣимъ частямъ Южной стороны.

6-го числа съ разсвѣтомъ бомбардированіе возобновилось съ тою же силою; въ особенности для двухъ среднихъ фронтовъ Корабельной стороны, которые послѣ трехъ-часовой борьбы значительно ослабили свой огонь, такъ что французскія батареи до вечера продолжали почти безнаказанно разрушать Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ. Англійскія же передовыя батареи на Зеленой горѣ снова принуждены были замолчать. Въ этотъ день происходила грустная и торжественная церемонія въ Севастополѣ—перенесеніе церковной службы изъ Михайловскаго собора въ Николаевскія казармы, такъ какъ соборъ вошелъ уже въ сферу сильнаго бомбардированія противника и одна изъ бомбъ разорвалась на паперти во время богослуженія.

Въ послѣдующую ночь удалось все-таки, несмотря на столь же сильный огонь противника, сдѣлать больше исправленій, такъ что: «на оборонительной линіи, за исключеніемъ куртины, влѣво отъ Малахова кургана, всѣ почти амбразуры и платформы къ разсвѣту были приведены въ порядокъ» [2]).

За сутки было выпущено обороняющимся 4,500, а осаждающимъ—до 17,000 выстрѣловъ. Потеря же была: у насъ—992, а у противника — въ 175 человѣкъ.

7-го числа огонь противника былъ нѣсколько слабѣе, но результаты бомбардировки за день были тѣ же. Снова наше 4-е отдѣленіе принуждено было замолчать, а 3-е отдѣленіе одержало верхъ надъ англійскими батареями. Не можемъ не привести по этому поводу слѣдующаго свидѣтельства историка и очевидца:

«Говоря объ успѣшномъ дѣйствіи артилеріи 3-го отдѣленія,

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 134 и 135.

[2]) Тамъ же, стр. 137.

нельзя не отдать должной справедливости необыкновенной распорядительности и хладнокровному мужеству начальника отдѣленія капитана 1-го ранга Перелешина 1-го. Не ограничиваясь только противодѣйствіемъ тѣмъ осаднымъ батареямъ, которыя были направлены противъ 3-го отдѣленія, этотъ достойный командиръ постоянно употреблялъ всѣ усилія для поддержанія Малахова кургана, несмотря на то, что этимъ неоднократно навлекалъ на свое отдѣленіе сильнѣйшій огонь непріятеля» [1]).

Ночью снова: «съ нашей стороны могла быть исправлена только часть поврежденій» [2]).

За сутки было выпущено: обороняющимся — 7,000, а осаждающимъ—12,000 выстрѣловъ. Потери—939 и 171 человѣкъ

8-го числа общая канонада со стороны противника снова возобновилась, но въ этотъ день, несмотря на понесенныя повреждения благодаря усиленной помощи 3-го и 1-го бастіоновъ и Парижской (№ 107) батареи, Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ не замолчали, а добились ослабленія огня осадныхъ батарей. Между прочимъ, сильно повреждена была одна французская батарея впереди Малахова кургана, на которой былъ взорванъ погребокъ, равно какъ и батарея противъ 4-го бастіона; англійскія же батареи на Зеленой горѣ снова вынуждены были замолчать.

«Въ этотъ день посѣтилъ Севастополь главнокомандующій князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ. Во время самой жаркой канонады, сопровождаемый начальникомъ своего штаба генералъ-адъютантомъ Коцебу и большою свитою, онъ обошелъ укрѣпленія и съ сердечною нѣжностью горячо благодарилъ за стойкость всѣхъ, кого встрѣчалъ, отъ генерала до закопченаго пороховымъ дымомъ матроса и солдата. Появленіе любимаго, благороднаго вождя, совершенно равнодушнаго къ ужасамъ смерти, привело въ восторгъ храбрыя войска и удвоило ихъ готовность стоять и драться до послѣдней капли крови» [3]).

Таковое вниманіе главнокомандующаго къ своимъ подчиненнымъ и появленіе его на бомбардируемыхъ веркахъ было какъ нельзя болѣе своевременно въ тяжелые для защитниковъ Севастополя дни.

Ночью въ этотъ день французы атаковали нашъ завалъ у Докова оврага и произвели тѣмъ тревогу на Малаховомъ курганѣ, но

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 137 и 138.
[2]) Тамъ же, стр. 138.
[3]) Тамъ же, стр. 139.

по разъясненіи дѣла непріятель былъ выбитъ посланными нашими охотниками. Одновременно съ этимъ наши секреты передъ 2-мъ бастіономъ потѣснили непріятельскія и произвели тревогу въ траншеяхъ у Киленбалки.

За эти сутки съ нашей стороны было выпущено 7,000, а противникомъ — 10,000 выстрѣловъ. Потеря была въ 835 и 140 человѣкъ.

8-го числа закончилось пятое бомбардированіе города и 9-го хотя и продолжалось обстрѣливаніе Корабельной стороны, но уже значительно слабѣе.

Результаты этой четырехдневной артилерійской борьбы были далеко не тѣ, какіе бывали до сихъ поръ. Противникъ не могъ не видѣть своей силы и превосходства надъ осажденнымъ. Укрѣпленія наши, противъ которыхъ непріятель велъ главную борьбу, почти ежедневно должны были прекращать огонь, послѣ нѣсколькихъ часовъ усиленной дѣятельности; потери были громадны и защитники не успѣвали, какъ прежде, за ночь замѣнять всѣ подбитыя орудія и исправлять всѣ понесенныя поврежденія. Всѣ усилія были обращены только на то, чтобы предохранить отъ взрывовъ погреба и, по возможности, очистить амбразуры.

«Бомбардированіе это обнаружило, какъ мало мы были подготовлены для выдержанія съ непріятелемъ новаго артилерійскаго боя. Къ сожалѣнію, время уже было упущено, и теперь едва-ли уже было возможно возстановить потерянное равновѣсіе въ артилерійской борьбѣ» [1]).

Дѣйствительно, трудно было теперь наверстать потерянные два мѣсяца, въ которые и слабый огонь противника, и впечатлѣніе отбитаго штурма 6-го іюня, и прибывавшія все время свѣжія подкрѣпленія войсками, создавали вполнѣ благопріятную въ этомъ отношеніи обстановку для усиленія энергіи въ развитіи и умноженіи средствъ обороны. Мы не будемъ повторять высказанныя раньше мнѣнія о причинахъ упадка энергіи въ производствѣ оборонительныхъ работъ, а вспоминаемъ объ этомъ лишь потому, что плачевные результаты пятаго бомбардированія еще разъ понуждаютъ пожалѣть о подобномъ упадкѣ энергіи. Теперь же, конечно, трудно было поправить дѣло, такъ какъ слѣдовало вырывать изъ рукъ противника забранную уже имъ силу, да кромѣ того онъ успѣлъ, подъ прикрытіемъ своего огня, намного приблизиться къ

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 140.

угрожаемымъ имъ пунктамъ. Передъ Малаховымъ курганомъ французы устроили передовой плацдармъ, а передъ 2-мъ бастіономъ вывели седьмую параллель, въ разстояніи 35-ти саженъ отъ контръ-эскарпа.

Генералъ Тотлебенъ, бывшій долгое время въ опасномъ положеніи, оправился нѣсколько къ этому времени и, видя, что большинство данныхъ имъ указаній не исполнено, 8-го августа далъ письменное предписаніе полковнику Геннериху, въ которомъ подтверждалъ необходимость усиленія огня по мѣстности впереди Малахова кургана и въ дополненіе далъ еще нѣсколько указаній, сводившихся къ усиленію и облегченію самой упорной обороны Малахова кургана и 2-го бастіона. Въ ряду этихъ мѣръ обращаетъ на себя вниманіе указаніе на подрывъ помощью минъ подступовъ противника при приближеніи ихъ на 25 саженъ. Такія же мѣры были указаны и на случай занятія противникомъ нѣкоторыхъ нашихъ верковъ, для чего предположено было значительное улучшеніе и усиленіе обстрѣла со второй оборонительной линіи.

Но далеко не всѣ эти указанія были приведены въ исполненіе въ промежутокъ времени съ 9-го по 23-е августа, т. е. до начала шестаго и послѣдняго бомбардированія. Особаго усиленія энергіи въ работахъ противъ протекшихъ двухъ мѣсяцевъ не было замѣтно, что и сказалось на результатахъ работъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы усиленіе огня по батареямъ осаждающаго на Камчатскомъ люнетѣ и вблизи его. Наша артилерія съ этою цѣлью была усилена въ сказанный промежутокъ времени всего на 10 орудій, но:

«Такое незначительное усиленіе ея было тѣмъ болѣе недостаточно, что орудія, ежедневно подбиваемыя непріятелемъ, оставались бо́льшею частью безъ замѣны, такъ что, въ сущности, вооруженіе наше не только не было усилено, но постоянно ослаблялось съ каждымъ днемъ»[1]).

Столь же малую энергію мы видимъ и въ другихъ работахъ. Для усиленія внутренней обороны Малахова кургана былъ устроенъ окончательно ретраншаментъ, приспособленный для ружейной обороны впередилежащей площадки, устроены были барбеты для трехъ малыхъ орудій, впереди ретраншамента былъ высѣченъ въ скалѣ даже ровъ. «Но площадка впереди ретраншамента, къ сожалѣнію, не была очищена отъ находившихся здѣсь пороховыхъ погребовъ и блиндажей. Къ сносу этихъ построекъ не считали возможнымъ

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 143.

приступить, пока не будутъ отстроены подобныя же помѣщенія въ задней части укрѣпленія, чего нельзя было сдѣлать по неимѣнію лѣса. Вслѣдствіе этого, почти весь передній фронтъ укрѣпленія остался закрытымъ отъ выстрѣловъ съ ретраншамента» [1]). Эти два примѣра даютъ достаточную характеристику работъ обороняющагося въ это время подготовки обороны къ послѣднимъ рѣшительнымъ днямъ борьбы. Нельзя не сказать, конечно, что продолжающійся огонь противника все больше и больше наносилъ вредъ нашимъ укрѣпленіямъ и тѣмъ до крайности затруднялъ работы, которыя приходилось вести не подъ покровительствомъ нашего огня, а лишь подъ безнаказаннымъ огнемъ противника. Вотъ какими мрачными красками описываетъ одинъ изъ историковъ положеніе нашей Корабельной стороны въ этотъ періодъ:

«Но въ то время, какъ укрѣпленія Городской стороны и 3-го бастіона постоянно съ успѣхомъ противодѣйствовали осаднымъ батареямъ и успѣвали наносить имъ значительныя поврежденія, Малаховъ курганъ и въ особенности 2-й бастіонъ приходили все въ бо́льшее и бо́льшее разстройство и съ каждымъ днемъ получали новыя поврежденія, которыя, несмотря на всѣ усилія, не могли быть исправляемы, такъ какъ атакующій сосредоточивалъ противъ нихъ по ночамъ губительный навѣсный огонь.

«На этихъ пунктахъ осаждающій пріобрѣлъ самый рѣшительный перевѣсъ надъ нашею артилеріею и съ каждымъ днемъ перевѣсъ этотъ все болѣе и болѣе возросталъ, такъ что въ послѣдніе дни описываемаго промежутка времени уже не могло быть рѣчи о борьбѣ съ осадными батареями... Съ неимовѣрными усиліями и съ огромными жертвами обороняющійся исправлялъ въ теченіе ночи поврежденія въ пороховыхъ погребахъ и амбразурахъ, и едва успѣвалъ сдѣлать утромъ по нѣсколько выстрѣловъ изъ каждаго орудія по непріятельскимъ сапамъ, какъ въ самое непродолжительное время атакующій, дѣйствуя по этимъ укрѣпленіямъ сосредоточеннымъ перекрестнымъ огнемъ, засыпалъ на нихъ всѣ амбразуры, подбивалъ часть орудій и приводилъ ихъ къ совершенному молчанію. Послѣ этого, осадныя батареи продолжали цѣлый день почти безнаказано громить эти укрѣпленія, подвергаясь сами только выстрѣламъ отдаленныхъ батарей 3-го и 1-го бастіоновъ и еще болѣе отдаленныхъ батарей Сѣверной стороны».

«При такихъ обстоятельствахъ, положеніе Малахова кургана,

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 143 и 144.

2-го бастіона и соединяющей ихъ куртины дѣлалось все хуже и хуже. Бруствера ихъ были каждый день во многихъ мѣстахъ почти срываемы и рвы были до половины засыпаемы землею, падавшею съ бруствера.

«Въ особенности пострадалъ въ это время 2-й бастіонъ, противъ котораго дѣйствовали сосредоточеннымъ огнемъ болѣе 70-ти непріятельскихъ орудій. На этомъ бастіонѣ были почти срыты всѣ траверсы, разбиты блиндажи, а пороховые погреба приведены почти въ неисправимое состояніе. На немъ не было ни одного неуязвимаго мѣста: бомбы, ядра и пули летали по всѣмъ направленіямъ, производя страшное опустошеніе. Въ довершеніе ко всему, сообщеніе 2-го бастіона съ 1-мъ, гдѣ находились резервъ, начальствующія лица и перевязочный пунктъ 5-го отдѣленія, будучи поражаемо продольнымъ огнемъ съ Камчатскаго кургана, было до такой степени опасно, что раненыхъ на 2-мъ бастіонѣ днемъ не относили тотчасъ же на перевязочный пунктъ, а оставляли ихъ до сумерокъ, когда, подъ покровомъ темноты, носильщики менѣе подвергались опасности быть перебитыми во время слѣдованія съ раненымъ. Такое гибельное положеніе 2-го бастіона послужило поводомъ къ тому, что въ Севастополѣ называли его не иначе, какъ *адомъ*, *бойнею* и *толчеею*» [1]).

Таково было грустное положеніе нашихъ главныхъ укрѣпленій на Корабельной сторонѣ. Если прибавить къ этому, что за упомянутый періодъ времени у насъ, и преимущественно на Корабельной сторонѣ, было подбито около 54-хъ орудій и станковъ, большая часть которыхъ осталась безъ замѣны, то понятно будетъ, почему, несмотря на частные успѣхи, взрывы непріятельскихъ погребовъ и даже такой значительный взрывъ, какъ былъ ночью съ 16-го на 17-е августа, когда взорвано было около 600 пудовъ пороха, убито сразу 140 человѣкъ и повреждено пять французскихъ батарей, намъ все-таки «ни разу не удавалось ослабить огонь непріятельскихъ батарей, особенно французскихъ впереди 2-го бастіона и Малахова кургана, и здѣсь атакующій все время сохранялъ пріобрѣтенный имъ полный перевѣсъ въ артилерійскомъ огнѣ» [2]).

Огонь съ обѣихъ сторонъ за этотъ промежутокъ времени въ 15 дней поддерживался сравнительно слабый. Съ нашей стороны

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 145—147.

[2]) Тамъ же, стр. 148.

было выпущено около 51,000, а союзниками болѣе 132,000 выстрѣловъ.

Пользуясь превосходствомъ своего огня, противникъ за это время строилъ новыя батареи и настойчиво придвигался своими работами къ осажденнымъ веркамъ; такъ, къ Малахову кургану и 8-му бастіону сапы осаждающаго были подведены на разстояніе 17 и 20 саженъ. Къ 3-му же бастіону англичане придвинулись лишь на 85 саженъ. Ежедневное весьма скорое приведеніе къ молчанію нашихъ батарей, конечно, не давало возможности удачно задерживать эти работы. И если случалось иногда съ началомъ открытія огня разбивать голову сапы, то дальнѣйшее дѣйствіе по ней ограничивалось лишь ружейнымъ огнемъ и малыми мортирами изъ подвижныхъ батарей.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, обороняющійся, пользуясь превосходнымъ духомъ своихъ войскъ, сохранившихъ всю стойкость и мужество, несмотря на испытываемыя ими страшныя потери и неимовѣрные труды, старался препятствовать успѣху осадныхъ работъ малыми вылазками» [1]).

Вылазки эти, конечно, были столь же полезны, какъ и прежде для поддержанія и усиленія нравственнаго духа нашихъ молодцовъ, для подобающаго вліянія и впечатлѣнія на войска противника, но нельзя не сказать, что онѣ по малости своихъ силъ, а слѣдовательно и результатовъ, были похожи еще болѣе, чѣмъ прежде, на булавочные уколы, неспособные оказать большаго вліянія на ходъ дѣлъ осады и обороны.

За это же время была окончена и еще одна важная работа— 15-го августа былъ освященъ и открытъ для движенія мостъ черезъ бухту, соединяющій Городскую сторону съ Сѣверною. Грандіозность этой работы не требуетъ подтвержденія и можетъ быть всегда примѣромъ смѣлаго и удачно исполненнаго замысла нашей полевой инженерной техники. Но значеніе этого моста было, къ сожалѣнію, двоякое. Если бы этотъ мостъ былъ построенъ въ началѣ осады или даже въ то время, когда борьба съ нашей стороны сохраняла вполнѣ характеръ смѣлой до дерзости активной иниціативы, то за нимъ оставались бы только его громадныя выгоды. Мостъ этотъ облегчалъ сообщенія съ Сѣверною стороною, а слѣдовательно: подвозъ всего необходимаго, эвакуацію раненыхъ, сообщеніе со штабомъ арміи и могъ служить во всякое время быстро-

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 150.

му переводу на Южную сторону значительныхъ подкрѣпленій и силъ изъ состава полевой арміи. Окончаніе же моста въ послѣдніе дни Севастополя, когда всей арміи было навѣрное извѣстно, что ея главнокомандующій уже давно призналъ безусловно необходимымъ оставить Южную сторону и колеблется только въ рѣшеніи привести это въ исполненіе изъ-за громадной нравственной отвѣтственности передъ Царемъ, родиною и славными его подчиненными; когда многіе изъ начальниковъ въ самомъ городѣ тоже видѣли безцѣльность дальнѣйшей упорной борьбы за сохраненіе севастопольскихъ развалинъ; когда во главѣ гарнизона былъ не тотъ богатырь, который въ минуту смерти имѣлъ мужество сказать окружавшимъ его подчиненнымъ: «Отстаивайте же Севастополь» и «Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна»... «Благослови Господи Россію и Государя; спаси Севастополь и флотъ» [1]); когда, наконецъ, по ходу обороны на главномъ пунктѣ борьбы всѣ видѣли прогресивное ослабленіе ея съ каждымъ днемъ и все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи противника — имѣло лишь одно значеніе и войскамъ не трудно было видѣть въ немъ заботы начальства не объ упорной оборонѣ города до послѣдняго человѣка, а о спасеніи послѣдняго человѣка при оставленіи города въ рукахъ торжествующаго противника.

Но не одно это обстоятельство выказывало войскамъ намѣреніе, принятое въ то время главнокомандующимъ. Въ письмахъ своихъ къ военному министру онъ категорически высказывался, въ періодъ между 6-мъ и 12-мъ августа, что ожидаетъ только окончанія моста, для оставленія Севастополя, прибавляя, «что въ его арміи *нѣтъ ни одного человѣка, который не считалъ бы безумі̀емъ дальнѣйшее продолженіе обороны*» [2]).

На этотъ разъ онъ не только писалъ о своемъ рѣшеніи, но и принялъ рядъ подготовительныхъ мѣръ для его осуществленія. Князь Горчаковъ приказалъ Тотлебену сдѣлать проектъ необходимыхъ работъ и по этимъ предположеніямъ немедленно приступлено было къ слѣдующему: 1) на Городской и Корабельной сторонахъ была устроена и вооружена цѣлая система барикадъ, составляющая родъ предмостнаго укрѣпленія, для обезпеченія перехода черезъ мостъ и посадки на суда у Павловскаго мыска отступающихъ войскъ; 2) въ опорныхъ стѣнахъ Николаевской и Павловской батарей приступили къ выдѣлкѣ каморъ, для предстоящаго ихъ но-

[1]) Извѣстныя слова Владиміра Алексѣевича Корнилова.

[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 154.

дорванія, и 3) заложено было 11 новыхъ батарей на сѣверномъ берегу бухты, съ цѣлью обстрѣливанія внутренности Корабельной стороны и города, по оставленіи ихъ непріятелю. Затѣмъ, начальникомъ штаба гарнизона была составлена диспозиція и росписаніе всего порядка постепеннаго отступленія войскъ и оставленія города.

«Въ то же время главнокомандующій приказалъ, чтобы всѣ мастерскія, лабораторіи, главные пороховые запасы и вообще все имущество артилерійскаго гарнизона и арсенала, всѣ войсковые штабы, канцеляріи, архивы и проч. были переведены съ Южной стороны на Сѣверную»[1]).

«Но едва лишь прошло два дня съ начала этихъ приготовленій, какъ князь Горчаковъ, побуждаемый присущими въ немъ чувствами рыцарской доблести и самопожертвованія, отказался отъ своего намѣренія—очистить безъ боя Южную сторону и рѣшился оборонять Севастополь до послѣдней возможности. «Продолженіе до крайности защиты Севастополя, писалъ онъ Государю Императору, конечно, будетъ для насъ славнѣе, чѣмъ очищеніе его безъ очевидной необходимости. Дѣйствуя такъ, армія понесетъ, можетъ быть, бо́льшій уронъ; но она для того только и существуетъ, чтобы умирать за Вашу славу»[2]).

Военному же министру главнокомандующій въ это время писалъ: «Быть можетъ я поступилъ глупо, рѣшая продолжать оборону Севастополя; но изъ двухъ плохихъ способовъ дѣйствій, остающихся на мой выборъ, я предпочелъ наиболѣе достойный. Впрочемъ, я дѣлаю въ тайнѣ приготовленія къ очищенію города и укрѣпляю Сѣверную къ сторонѣ города, чтобы противодѣйствовать непріятелю, когда онъ займетъ Севастополь. Прежнія укрѣпленія были обращены въ противную сторону. Можетъ быть непріятель, замѣтя эти новыя батареи, подумаетъ, что я готовлюсь оставить городъ. Тѣмъ лучше: онъ пріостановитъ свои усилія, въ надеждѣ нагрянуть на меня при моемъ отступленіи, а, между тѣмъ, я построю завалы, которые составятъ новую ограду. Затѣмъ, непріятель, потерявъ напрасно время, рѣшится атаковать меня, и тогда, расположась на моей новой оборонительной линіи, я отражу его удобнѣе, нежели теперь, когда у меня два бастіона совершенно разрушены. Какъ Богъ дастъ! На войска можно положиться. Не-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 156.
[2]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 72.

удача 4-го августа не оказала вліянія на ихъ духъ. Всѣ убѣждены, что виноватъ одинъ лишь Реадъ и всякій надѣется отомстить» [1]).

Такое же настроеніе сохранилось у князя Горчакова и въ послѣдующіе дни: такъ, въ письмѣ отъ 20-го августа, между прочимъ, написано: « . . . Я рѣшился упорно продолжать оборону Южной стороны столько времени, сколько это будетъ возможно, такъ какъ это самый почетный для насъ исходъ» [2]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и въ этотъ послѣдній періодъ обороны Севастополя главнокомандующій постоянно колебался. Сначала онъ ждалъ только благопріятныхъ обстоятельствъ для оставленія города; когда же эти обстоятельства осуществились— онъ рѣшилъ отстаивать его до послѣдней крайности. Конечно, нельзя не преклониться съ благоговѣніемъ передъ послѣднимъ его рѣшеніемъ, какъ отвѣчавшимъ историческимъ традиціоннымъ завѣтамъ русскаго оружія и всѣмъ желаніямъ и настроенію его тогдашнихъ подчиненныхъ; но мы считаемъ необходимымъ остановиться и на другой сторонѣ дѣла. Всякое рѣшеніе въ какой бы то ни было боевой дѣятельности войскъ требуетъ, для пріобрѣтенія шансовъ на успѣхъ, тщательной подготовки, и чѣмъ серьезнѣе самое рѣшеніе, тѣмъ обширнѣе должна быть и подготовка къ нему. Такъ какъ мы касаемся здѣсь, по возможности, лишь нравственныхъ вопросовъ, то и посмотримъ, было-ли обращено вниманіе на нравственную подготовку принятаго рѣшенія.

Спѣшная постройка моста, перевозка тяжестей, всего лишняго, канцелярій и архивовъ на Сѣверную сторону, постройка барикадъ для прикрытія головы моста и мѣста посадки на суда, приготовленіе къ подорванію построекъ и тому подобныя работы, не могли прикрыть смыслъ заботъ главнаго начальника. Хотя въ вышеприведенномъ письмѣ князь Горчаковъ и пишетъ, что всѣ эти приготовленія дѣлаются имъ въ тайнѣ, но для кого это могло быть тайною—трудно заключить, такъ какъ въ томъ же письмѣ главнокомандующій надѣется, что даже противникъ замѣтитъ эти работы и пойметъ ихъ значеніе, разсчитывая изъ этого извлечь извѣстныя выгоды. Мы уже видѣли, насколько всѣ эти обстоятельства невыгодно отразились на энергіи и упорствѣ работъ по дальнѣйшей оборонѣ города и, конечно, онѣ не могли не остаться безъ вліянія на нравственномъ состояніи гарнизона, умень-

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 73 и 74.
[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 156.

шая его личную энергію и рѣшимость продолжать столь же стойко противодѣйствовать врагу, что свидѣтельствуютъ и историки:

«Хотя свое первое намѣреніе (оставить городъ) онъ (князь Горчаковъ) и старался держать въ глубокой тайнѣ, опасаясь обнаружить его даже созваніемъ военнаго совѣта, тѣмъ не менѣе слухъ о рѣшеніи его очистить Севастополь успѣлъ распространиться въ войскѣ. Очевидныя доказательства этому многіе видѣли въ диспозиціяхъ объ отступленіи, писавшихся въ штабѣ, въ возведеніи барикадъ на Южной и новыхъ батарей на Сѣверной сторонѣ, въ минированіи Николаевской и Павловской батарей, въ особенности въ постройкѣ моста и въ трасировкѣ передъ нимъ головнаго укрѣпленія. Немногимъ было извѣстно, что князь Горчаковъ уже отказался отъ своего намѣренія. Такое убѣжденіе очень естественно не могло не охладить горячности многихъ лицъ къ упорному продолженію обороны, сдѣлавшейся, по мнѣнію ихъ, уже совершенно безполезною и невозможною»[1]).

Изъ этихъ словъ безпристрастнаго историка нельзя не видѣть, насколько мало было обращаемо вниманія на нравственную сторону дѣла. Хотя князь Горчаковъ, по его же словамъ, былъ увѣренъ въ высокихъ качествахъ и способности своихъ войскъ, но слѣдовало, казалось бы, подумать, что ужасающія по своей тяжести обстоятельства послѣдняго періода осады и обороны и явные признаки заботъ главныхъ начальниковъ къ прекращенію этой борьбы должны были подтачивать въ войскахъ нравственную энергію и рѣшимость продолжать съ тѣмъ же упорствомъ эту сверхъестественную борьбу. А между тѣмъ благородное рѣшеніе главнаго начальника не уступать города непріятелю, требовавшее отъ войскъ выходящаго изъ ряда усилія, остается извѣстнымъ только немногимъ и совсѣмъ не объявляется войскамъ. А какихъ могъ бы достигнуть результатовъ князь Горчаковъ при безспорной любви къ нему войскъ за его безупречную храбрость и постоянныя заботы о нуждахъ подчиненныхъ, если бы онъ лично обратился къ защитникамъ съ принятымъ имъ рыцарскимъ рѣшеніемъ. Съ какою радостію приняли бы войска это рѣшеніе, насколько оно помогло бы имъ поддержать свои нравственныя силы и какую надежную опору подобное обращеніе къ войскамъ дало бы младшимъ начальникамъ для дальнѣйшихъ мѣръ воздѣйствія на моральный духъ подчиненныхъ. Къ сожалѣнію, ни этой мѣры, ни другихъ анало-

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 175.

гичныхъ мѣръ, для воздѣйствія на духъ войскъ не было принято. Войскамъ было предоставлено самимъ поддерживать свои нравственныя силы и никакой помощи свыше они въ этомъ отношеніи не получили; скажемъ больше; имъ неизвѣстно даже было, до какой выдающейся высоты достигло личное настроеніе ихъ славнаго начальника. Итакъ, мы не могли привести ни одной мѣры главнокомандующаго, клонящейся къ нравственной подготовкѣ его войскъ въ виду предстоящей и ожидаемой со дня на день рѣшительной развязки 11-ти-мѣсячной борьбы за Севастополь. Только младшіе начальники, геройски несшіе свою службу на самой оборонительной линіи, повседневными мѣрами воздѣйствія на своихъ подчиненныхъ продолжали благодарную работу поддержки и укрѣпленія нравственныхъ силъ войскъ.

Приведемъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ, напомнимъ нѣкоторые эпизоды, обрисовывающіе жизнь и состояніе войскъ гарнизона за это время, и тогда намъ ясно будетъ, при какомъ моральномъ состояніи нашихъ войскъ наступили рѣшительные дни геройской севастопольской эпопеи.

Однимъ изъ самыхъ видныхъ въ это время частныхъ начальниковъ въ Севастополѣ, понимающихъ въ то же время нравственную сторону дѣла, а потому имѣвшій вліяніе и любимый подчиненными войсками, былъ генералъ Хрулевъ, командовавшій всею Корабельною стороною. Онъ личнымъ примѣромъ и разнообразными мѣрами всегда старался поддержать бодрость и моральныя силы войскъ. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ очевидцевъ объѣздъ генераломъ Хрулевымъ подчиненной ему оборонительной линіи:

«Впереди, на казенной лошади, боцманъ Цурикъ, тѣлохранитель и неразлучный спутникъ генерала Хрулева, отважная, умная голова. Онъ плетется шагомъ, въ солдатской шинели, украшенный Георгіемъ съ полубантомъ. За нимъ въ папахѣ, на знакомой всѣмъ севастопольцамъ сѣрой лошади, въ тепломъ форменномъ пальто на распашку, поверхъ артилерійскаго однобортнаго казакина, въ большихъ сапогахъ, сгорбясь, съ нагайкою въ рукѣ, на казачьемъ сѣдлѣ, съ деревянными стременами баснословной величины, генералъ Хрулевъ, сопровождаемый неизмѣнными своими ординарцами: подпоручикомъ Якутскаго полка Сикорскимъ и прапорщикомъ Камчатскаго полка Негребецкимъ.

«Безмятежно двигался этотъ поѣздъ по опасной дорогѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на проносящіяся пули и на близкій полетъ снарядовъ.

«Впервые-ли двигаться Хрулеву по такой дорогѣ! Да и гдѣ онъ не двигался, въ какое время дня и ночи онъ не появлялся! Не тутъ, такъ въ другомъ, въ третьемъ углу передовой линіи нашей увидите вы его ежедневно, ежечасно. И чего не случалось съ безтрепетнымъ генераломъ во время этихъ поѣздокъ! Какимъ приключеніямъ, какой опасности онъ не подвергался.

«Однажды, напримѣръ, во время бомбардировки, огонь непріятельскій разгорѣлся жарче обыкновеннаго. Можно было ожидать какой нибудь рѣшительной попытки со стороны непріятеля. Генералъ Хрулевъ поспѣшилъ на всякій случай пріѣхать на Малаховъ курганъ. Шибче обыкновеннаго пробирался его добрый конь между матросскими домиками, покрывавшими курганъ. На одну изъ его узенькихъ улицъ спускается бомба. «Съ лошади, съ лошади, ваше превосходительство», кричатъ, бросаясь на землю, узнавшіе его солдаты, куда-то проходившіе толпою.

— Зачѣмъ, ребята?

«Бомба, ваше превосходительство, бомба!..»

«Разговоръ этотъ и послѣдующій былъ дѣломъ мгновенія. Бомба легла въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, шипѣла и вертѣлась, будто бѣшенная.

— Ну, чтожъ, что бомба, а можетъ не разорветъ?

«Разорветъ, ваше превосходительство, слышите, шипитъ!» И солдаты плотнѣе прижались къ землѣ.

— Авось не разорветъ..... продолжалъ Степанъ Александровичъ, и проѣхалъ мимо самой бомбы, лежавшей на дорогѣ. Ее дѣйствительно не разорвало.—«Видите, ребята, крикнулъ онъ, полуоборотясь къ нимъ, я говорилъ: не разорветъ!»

«Солдаты крестились, глядя ему вслѣдъ.

«Другой случай:

«Вскорѣ по вступленіи генерала Хрулева въ командованіе лѣвою половиною оборонительной линіи, проѣзжалъ онъ, кажется, по третьему бастіону, изучая его устройство. Въ одномъ узкомъ и открытомъ для непріятеля мѣстѣ часовой говоритъ ему: «извольте сойти съ лошади, ваше превосходительство, здѣсь нельзя проѣзжать».

— Что же такое?

«Убьютъ».

— Ты почему знаешь?

«Да здѣсь и пѣшкомъ-то кто идетъ, такъ пригнуться надо, да

бѣгомъ, а то сейчасъ двѣ-три штуцерныя влѣпятъ. Да уже мы знаемъ, что убьютъ».

— А можетъ и не убьютъ?

«Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, убьютъ».

— Такъ вотъ, смотри же, не убьютъ! И онъ, движеніемъ руки приказавъ своей свитѣ остаться, шагомъ проѣхалъ по роковому мѣсту..... Простонало, проныло нѣсколько пролетныхъ штуцерныхъ, но ни одна не коснулась Богомъ хранимаго героя.

«Солдаты съ удивленіемъ смотрѣли на геройскую отвагу своего начальника, и только одинъ изъ нихъ, пожавъ плечами, пробормоталъ сквозь зубы: «Экъ его!» И поплелись они по своимъ дѣламъ, повидимому, не обративъ особаго вниманія на происшедшее передъ ихъ глазами; а между тѣмъ, въ тотъ же вечеръ, во всѣхъ кружкахъ боеваго населенія Севастополя, за чашкою каши, шла объ этомъ рѣчь, прикрашенная и преувеличенная, облекая генерала Хрулева покровами таинственности и придавая ему что-то сверхъестественное. Мы ѣхали далѣе. Встрѣчные солдаты и матросы не снимали шапокъ, но какъ-то весело, любовно смотрѣли на любимаго генерала. Встрѣчалась-ли самая маленькая група солдатъ—два-три человѣка, Степанъ Александровичъ не оставлялъ ихъ безъ привѣтствія, получая въ отвѣтъ радостное: «здравія желаемъ!» Какъ-то легче ѣхать на бастіонъ въ свитѣ этого человѣка, чѣмъ одному; путь незамѣтнѣе, опасность не сказывается. Вотъ и блиндажъ генерала Павлова.

«Обойдя бастіонъ по всѣмъ его закоулкамъ и переулкамъ, осмотрѣвъ на немъ всѣ поврежденія и предполагавшіяся вновь постройки, посмотря въ трубу каждаго изъ сигнальщиковъ, Степанъ Александровичъ возвратился съ нами къ тому же блиндажу» [1]).

Мы не разъ уже упоминали, что подобные примѣры боевой удали начальника имѣютъ громадное значеніе, прежде всего, для созданія личности начальника необходимаго ореола молодечества, безъ котораго трудно вполнѣ овладѣть довѣріемъ подчиненныхъ; но, кромѣ того, это имѣетъ большое значеніе для развитія и поддержанія боеваго удальства и у самихъ подчиненныхъ, какъ каждый примѣръ даже со стороны самыхъ младшихъ начальниковъ. Въ подтвержденіе приведемъ хотя бы слѣдующій эпизодъ. Говоря о послѣднемъ періодѣ обороны, одинъ изъ ея участниковъ пишетъ: «. . . все спасеніе наше должно было заключаться въ немедленномъ

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 505—507.

исправленіи разрушаемыхъ укрѣпленій и въ безостановочной насыпкѣ земли на обнажаемыя сводчатыя и блиндированныя постройки, въ которыхъ, между прочимъ, помѣщались и пороховые склады. Короче сказать—и это не будетъ парадоксомъ—Севастополь держался тогда не столько боевыми, сколько рабочими своими силами. Только необходимо замѣтить, что для успѣха тогдашнихъ работъ требовалось больше мужества, чѣмъ для любаго боя, потому что на удары врага отвѣчать своими ударами легче, нежели быть осыпаему его ударами и думать не о возмездіи, а объ исполненіи заданнаго урока.

«Понимая это, начальники старались всѣми мѣрами ободрить падающихъ духомъ и поощрять смѣлыхъ работниковъ. Поэтому, хотя въ Севастопольскомъ гарнизонѣ и существовалъ обычай освобождать фельдфебелей отъ нахожденія на работахъ, но, имѣя въ виду, что присутствіе при ротѣ достойнѣйшаго изъ нижнихъ чиновъ можетъ возбудительно дѣйствовать на нихъ въ критическія минуты ихъ занятій, я совѣтовалъ фельдфебелямъ моего полка, если не каждый разъ, то, по мѣрѣ возможности, являться со своими ротами на работы. Совѣтъ этотъ оказалъ ожидаемое дѣйствіе, и многіе изъ фельдфебелей принесли несомнѣнную пользу дѣлу, хотя фельдфебель 2-й мушкатерской роты Флоріанъ Кострицкій, счастливой наружности и отважный молодой человѣкъ, и палъ жертвою своего усердія къ службѣ. Начальствуя командой, которой приказано было насыпать до половины разрушенный брустверъ, Кострицкій замѣтилъ, что люди нерѣшительно берутся за исправленіе его, потому что пули и ядра безпрерывно летѣли на разбитую насыпь. «Чего вы оторопѣли?» сказалъ онъ солдатамъ. «Вѣдь въ потемкахъ (это было ночью) непріятель не можетъ въ насъ цѣлиться; онъ стрѣляетъ на-угадъ. Вотъ смотрите!» И съ этими словами Кострицкій вскочилъ на брустверъ. Работа мгновенно закипѣла, но виновникъ ея начала не увидѣлъ ея окончанія: онъ былъ пораженъ пулею на смерть; тѣмъ не менѣе начатая работа уже не останавливалась»[1]).

Немало тоже принималось мѣръ достойными начальниками для поддержанія бодрости и хорошаго настроенія людей:

«По заведенному генераломъ Хрулевымъ порядку, вечеромъ отдѣльныя части расходились по бастіонамъ при звукахъ музыки. Всегда веселый и общительный штабсъ-капитанъ Вороновъ и нынѣ,

---

[1]) Рукописи, т. I, стр. 433 и 434.

какъ и всегда, въ припляску идя впереди баталіона, тянулъ свою любимую пѣсеньку . . . . . .

«Его звучный теноръ рельефно выдавался изъ-за трубныхъ акордовъ полнаго оркестра и вскорѣ заглохъ въ безпрестанныхъ разрывахъ, фейерверкомъ падающихъ, бомбъ. . . . . .» [1]).

Другимъ, столь же заботящимся о настроеніи подчиненныхъ, начальникомъ былъ полковникъ Сабашинскій, который: «...извѣстенъ и храбростью, и веселымъ нравомъ. На бастіонѣ всегда шутилъ и, разсказывая о своей удалой молодости, смѣшилъ и развлекалъ офицеровъ. А какъ отойдетъ полкъ его на отдыхъ, соберетъ онъ на дворѣ своей квартиры, тутъ же на Корабельной, полковыхъ музыкантовъ, которые еще уцѣлѣли. Солдаты уже знаютъ, что къ полковнику музыка пошла—кого ноги носятъ, тоже туда собираются. Пошла въ ходъ плясовая и забыты всѣ бомбы и гранаты. Солдатики въ присядку катаютъ и припѣваютъ сочиненную Сабашинскимъ пѣсню: «Бейте рыжихъ, какъ собакъ, и французовъ точно такъ...» Часа два повеселятся. «Ну, довольно, командуетъ Сабашинскій, теперь по мѣстамъ; музыкантамъ бережно сложить инструменты, а то взыщу, да готовить носилки; а солдатамъ готовить лопаты; ночью сегодня работать будемъ».—«Рады стараться», кричатъ солдаты.—«Ну, коли рады стараться, такъ давай имъ по чаркѣ», кричитъ своему деньщику полковникъ Сабашинскій. Солдаты расходятся въ восхищеніи, и долго еще эта чарка, сопровождаемая добрымъ, отъ души сказаннымъ словомъ, живетъ въ памяти солдата. На бастіонахъ потомъ идутъ разсказы, какъ душу отвели у полковаго командира» [2]).

За то всякое доброе слово, благодарность или просто радостное выраженіе на лицѣ подобныхъ начальниковъ ловилось, такъ сказать, на лету подчиненными и имѣло для нихъ громадное нравственное значеніе: « . . . . . обходя занятую моимъ полкомъ линію укрѣпленій, генералъ Хрулевъ вездѣ привѣтствовалъ офицеровъ и солдатъ своею благодарностью за ихъ любовь къ труду и пониманіе военнаго дѣла. Надо было видѣть, какою радостію, какимъ торжествомъ сіяли лица моихъ боевыхъ товарищей, чтобы понять, что значили для нихъ лестныя слова уважаемаго начальника; да и для меня они имѣли такую цѣну, что я земли не слышалъ подъ собою» [3]).

---

[1]) Рукописи, т. II, стр. 277.
[2]) Рукописи, т. II, стр. 156 и 157.
[3]) Рукописи, т. I, стр. 436.

«На утро съ оборонительной линіи въ Павловскій фортъ мимо насъ верхомъ возвращался генералъ Хрулевъ, съ двумя или тремя своими ординарцами... Генералъ казался въ духѣ, и настроеніе начальника, бывшаго кумиромъ севастопольцевъ, съ быстротою электрической искры сообщилось намъ, вызвавъ по удаленіи его оживленныя сужденія, въ которыхъ слышались и похвалы его военной находчивости, и удивленіе безграничной храбрости не только самого его, но и окружающихъ его офицеровъ, и, наконецъ, увѣренность, доходившая почти до суевѣрія, что былъ бы онъ цѣлъ, такъ Севастополь не погибнетъ» [1]).

Въ ряду другихъ были, конечно, и мѣры, служившія для поднятія и укрѣпленія боеваго молодечества и упорства. Такъ, когда въ Севастополь были введены нѣкоторыя ополченскія дружины, то, конечно, онѣ не могли сравниться сразу съ закаленными войсками гарнизона. Однажды бомба такъ неудачно попала въ одну изъ дружинъ, что сразу вывела изъ строя 18 человѣкъ и нравственно сильно потрясла ратниковъ: «Доложивъ генералу Сабашинскому, пишетъ одинъ изъ присутствовавшахъ при этомъ офицеровъ, я просилъ какъ нибудь ободрить ратниковъ. Генералъ обошелъ дружину, выбралъ себѣ ординарцевъ и нѣкоторымъ далъ Георгіевскіе кресты» [2]).

Вотъ что пишетъ одинъ изъ участниковъ про подобную же по характеру своему и цѣли мѣру генерала Хрулева:

«Замѣтимъ кстати, что Степанъ Александровичъ Хрулевъ, постоянно стараясь оживлять и поддерживать духъ своихъ подчиненныхъ, подмѣтивъ, что солдаты съ особеннымъ уваженіемъ смотрятъ на пластуновъ, видя въ нихъ истинныхъ рыцарей, и съ наслажденіемъ любуясь ихъ оригинальнымъ, свободнымъ костюмомъ, завелъ въ каждомъ изъ своихъ трехъ отдѣленій оборонительной линіи *пластунскую команду*. Въ составъ ея поступило по пяти человѣкъ съ каждаго полка 8-й, 9-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій, составлявшихъ гарнизонъ лѣвой половины оборонительной линіи, и въ каждую команду по одному настоящему пластуну, для обученія новобранцевъ... Въ команду пластуновъ генералъ Хрулевъ назначалъ, въ видѣ отличія, самыхъ расторопныхъ въ дѣлѣ, смѣтливыхъ, отважныхъ и самыхъ удалыхъ солдатъ, умѣвшихъ что нужно подмѣтить у непріятеля и съ толкомъ разсказать о подмѣченномъ. По

---

[1]) Рукописи, т. I, стр. 417.
[2]) Рукописи, т. II, стр. 476.

просьбѣ Степана Александровича Хрулева, полковые командиры немедленно сшили этимъ молодцамъ папаху, чуху съ нашитыми патронами, красные нагрудники, унтеръ-офицерамъ обложили черкеску галуномъ—словомъ, снарядили имъ весь пластунскій костюмъ.

«Солдаты восхищались новою одеждою и готовы были идти въ огонь и въ воду, чтобы доказать свое молодечество—не наружное только, но и дѣйствительное. Эти импровизированные пластуны стали во всемъ подражать дѣйствительнымъ: въ походкѣ медленной, съ перевалкою; въ разговорѣ—ломая языкъ на хохлацкій ладъ: даже стали строить серьезныя, безмятежныя рожи. На вылазку въ охотники новые пластуны лѣзутъ первыми; въ дѣлѣ—мечутся какъ львы; стрѣлять стали по пластунски, многіе долго цѣлясь; стали учиться ползать; словомъ, заведеніе пластунской команды было чрезвычайно удачно. Служить въ этой командѣ казалось очень лестно солдатамъ; на открывавшуюся у пластуновъ ваканцію обыкновенно желали попасть многіе, да и какъ же было не лестно носить костюмъ пластуна, когда онъ былъ вывѣскою храбрости и молодечества»![1]).

Много можно было бы еще привести мѣръ славныхъ частныхъ начальниковъ Севастопольскаго гарнизона въ дѣлѣ нравственнаго воздѣйствія на своихъ подчиненныхъ, а въ особенности генерала Хрулева, но ограничимся лишь приведеніемъ еще заключительныхъ словъ одной статьи, описывавшей службу этого Севастопольскаго героя:

«Перечисливъ славные боевые подвиги генералъ-лейтенанта Хрулева, мы должны еще прибавить, что Степанъ Александровичъ отличался истинно добрымъ сердцемъ. Его любовь къ солдатамъ, горячая заботливость о нихъ, постоянное вниманіе къ ихъ нуждамъ были всѣмъ извѣстны и пріобрѣли всеобщую къ нему любовь и довѣріе солдатъ, которые его обыкновенно и называли: «нашъ старатель»; повторяемъ, Степанъ Александровичъ не имѣлъ всѣхъ качествъ вождя арміи, но у него былъ здравый взглядъ на военное дѣло и боевую подготовку войскъ; онъ умѣлъ владѣть душею солдата и водить его въ бой»[2]).

Въ послѣднихъ выпискахъ мы приводили черты изъ жизни войскъ на Корабельной сторонѣ, такъ какъ на нее были преимущественно обращены главныя усилія противника, но изъ повсе-

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 782 и 783.

[2]) Матеріалы Н. Дубровина, в. II прилож., стр. 81.

дневной жизни гарнизона на другихъ пунктахъ можно привести много подобныхъ данныхъ, если прослѣдить всѣ распоряженія и дѣятельность такихъ, напримѣръ, начальниковъ, какъ генералы Семякинъ, Хрущовъ и Шульцъ. Послѣдній, напримѣръ, прославившійся своею храбростью на Кавказѣ, «послѣ продолжительной боевой службы, получилъ 4-хъ-мѣсячный отпускъ для поправленія здоровья; но на пути не вытерпѣлъ, завернулъ въ Севастополь и провелъ весь свой отпускъ на 4-мъ бастіонѣ».

Подъ вліяніемъ подобныхъ достойныхъ начальниковъ гарнизонъ стойко переносилъ свое ужасное положеніе и оставался въ томъ же настроеніи крайняго упорства въ дѣлѣ защиты города и доходящаго до безразсудства молодечества при отдѣльныхъ эпизодахъ обороны. Въ одномъ изъ дневниковъ за послѣднюю половину августа мы находимъ слѣдующія строки:

«... Не хочется какъ-то допустить мысль о возможности сдачи Севастополя по какимъ бы то ни было разсчетамъ. При одномъ намекѣ на сдачу, многіе выходятъ изъ себя, другіе подозрительно посматриваютъ на господина, дѣлающаго такое предложеніе. Пусть враги возьмутъ Севастополь, святыню, врученную намъ отечествомъ, но мы не будемъ видѣть его сдачи. Если умерло здѣсь *столько* нашихъ братій, то какъ же *намъ* здѣсь не умереть?»

«Отдать Севастополь! а что скажетъ Россія?»

«Вы дали увянуть славнымъ лаврамъ севастопольскимъ, вами самими и вашими погибшими уже братьями взрощеннымъ и возлелѣяннымъ!»

«Вы пожалѣли своей крови для ихъ орошенія. Вы попустили надменнаго врага потоптать ихъ, составляющихъ славу отчизны, и преградою ему не могли поставить груды вашихъ тѣлъ!»

«Ужели мы доживемъ до этихъ укоризнъ? Ужели намъ не съ полнымъ тріумфомъ суждено воротиться въ отечественные предѣлы? Ужели послѣ трудовъ и бѣдствій трехлѣтней кампаніи и страшной настоящей борьбы, вмѣсто торжества и ликованій, мы должны будемъ видѣть холодный пріемъ собратій, слышать ихъ горькіе упреки?...

«Нѣтъ, этого не можетъ быть, не должно быть, или вѣрнѣе, до того мы не должны дожить!»[2]).

Приведемъ еще слѣдующія строки:

«Ни на комъ не видно слѣда опасенія за свою жизнь, за судьбу

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 210 и 211.

[2]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 490 и 491.

Севастополя. Мы всѣ увѣрены, что осада еще протянется, пока не истощатся наши враги, пока имъ не надоѣстъ эта безуспѣшная борьба, и они или уйдутъ сами, или бросятся на насъ съ яростью отчаянья и сокрушатъ свои зубы о наши желѣзныя груди».

«Мы и вѣрить не хотимъ возможности отступленія, отдачи Севастополя. Молву объ этомъ, которая вотъ уже нѣсколько дней носится между нами и принимаетъ все болѣе и болѣе опредѣленныя формы, мы считаемъ порожденіемъ злонамѣренныхъ или слабыхъ людей, и вопіемъ противъ ея распространенія» [1]).

Таковы были взгляды и мнѣнія большинства защитниковъ. Но изъ послѣднихъ строкъ мы видимъ, къ сожалѣнію, что это настроеніе гарнизона было смущаемо неосторожно высказанными и дошедшими до войскъ мнѣніями о неизбѣжности сдачи Севастополя. Люди же, и въ этой ужасной обстановкѣ послѣдняго періода, продолжали свою молодецкую службу, поддерживаемую постоянными примѣрами какъ старшихъ, такъ и младшихъ начальниковъ и офицеровъ, безпрестанными мелкими вылазками, поисками и удальствомъ охотниковъ въ службѣ секретовъ и патрулей и, наконецъ, всѣмъ сложившимся складомъ жизни и службы гарнизона. Такъ что и въ этотъ послѣдній періодъ обороны не были исключеніемъ слѣдующіе подвиги: «Вчера на 2-й бастіонъ французы бросили боченокъ, окованный желѣзными обручами. При паденіи два обруча лопнули. Боченокъ имѣлъ зажженный фитиль. Если бы онъ успѣлъ догорѣть, произошелъ бы взрывъ пороха, которымъ боченокъ былъ наполненъ; но по счастью онъ упалъ на мягкій траверсъ при людяхъ. Какой-то молодецъ-матросъ, не задумавшись ни на минуту, бросился съ топоромъ на грозившее разрушеніемъ и смертью чудовище и успѣлъ обрубить фитиль. Въ боченкѣ, чрезвычайно плотно сдѣланномъ, съ желѣзными болтами, соединявшими днища, оказалось около семи пудовъ пороха [2]).

Съ такимъ-то неослабѣвающимъ мужествомъ ожидалъ Севастопольскій гарнизонъ предстоящей рѣшительной борьбы.

Какъ извѣстно, 24-го августа, въ 5 часовъ утра, союзники открыли послѣднее—шестое и самое усиленное бомбардированіе обѣихъ сторонъ города. Изъ слѣдующей выписки видно, насколько наша оборонительная линія въ то время была мало подготовлена къ этому новому артилерійскому состязанію съ усилившимся противникомъ:

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 510 и 511.

[2]) Тамъ же, стр. 513 и 514.

«Изъ предшествующей главы видно, что атакующій, устройствомъ новыхъ батарей, пріобрѣлъ еще 5-го (17-го) августа рѣшительный перевѣсъ надъ артилеріею нашего лѣваго фланга; что послѣ того, настойчиво поддерживая жестокій сосредоточенный огонь по Малахову кургану и 2-му бастіону, онъ успѣлъ разстроить эти укрѣпленія и совершенно ослабить ихъ артилерію.

«Въ промежутокъ времени съ 5-го (17-го) по 23-е августа (4-е сентября) у насъ было подбито, преимущественно на лѣвомъ флангѣ, до 50-ти орудій, изъ которыхъ болѣе половины остались безъ замѣны.

«Между тѣмъ атакующій устроилъ и вооружилъ еще нѣсколько новыхъ батарей, преимущественно для дѣйствія по Малахову кургану и 2-му бастіону» [1]).

24-го числа непріятель поперемѣнно усиливалъ огонь свой то противъ Городской стороны, то противъ Корабельной. Результаты неготовности нашей къ борьбѣ съ усилившимся противникомъ сказались въ этотъ же день, такъ какъ къ вечеру не уступили противнику въ огнѣ только 6-й бастіонъ, Ростиславскій редутъ, 3-й и 1-й бастіоны. Остальныя же укрѣпленія понесли значительныя поврежденія. Въ особенности же пострадали, какъ извѣстно, Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ. Противъ перваго изъ этихъ укрѣпленій непріятель сосредоточилъ 110 орудій, въ числѣ коихъ 40 мортиръ.

«Дѣйствіемъ этого страшнаго огня въ переднемъ фронтѣ его и на прилегающей батареѣ № 84 (Никифорова) брустверъ мѣстами былъ срытъ до половины, почти всѣ амбразуры разрушены, ровъ полузасыпанъ и подбито много орудій» [2]).

Еще ужаснѣе было положеніе 2-го бастіона, расположеннаго въ лощинѣ и обстрѣливаемаго съ трехъ сторонъ 60-ю орудіями и 40 мортирами большихъ калибровъ. Къ вечеру изъ 20-ти орудій, бывшихъ на бастіонѣ, четыре было подбито, а остальныя принуждены были замолчать, вслѣдствіе поврежденій станковъ и платформъ. Изъ 600 человѣкъ гарнизона 200 выбыло изъ строя [3]). Но всѣ убитые и раненые до ночи оставались на бастіонѣ, такъ какъ дорога къ перевязочному пункту на 1-мъ бастіонѣ была подъ сильнымъ продольнымъ огнемъ съ Камчатскаго люнета. Тотъ же силь-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 159 и 160.
[2]) Тамъ же, стр. 160 и 161.
[3]) Тамъ же, стр. 161.

ный огонь препятствовалъ подносу крайне необходимыхъ туровъ и фашинъ, отчего ночныя работы по исправленію амбразуръ и мерлоновъ производились изъ стараго сухого хвороста, который постоянно загорался, а щели осыпались даже отъ собственныхъ выстрѣловъ. Опасность, грозившая насыпямъ погребовъ, вызывала постоянныя работы для ихъ сохраненія, на которыхъ много гибло людей. Самъ городъ, обѣ бухты и Сѣверная сторона тоже подверглись бомбардированію. Въ городѣ было нѣсколько пожаровъ, а на Большой бухтѣ зажженъ транспортъ Березань, ярко горѣвшій до самаго утра.

За день у насъ подбито 22 орудія, 33 станка, 100 платформъ и разрушено болѣе 300 амбразуръ [1]). Всю ночь около 80-ти мортиръ, пользуясь заревомъ пожара, удачно громили Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ, на которомъ до половины ночныхъ рабочихъ выбыло изъ строя. «Но, несмотря на всѣ эти потери и на страшное разрушеніе, къ утру удалось на этихъ укрѣпленіяхъ исправить главныя поврежденія въ пороховыхъ погребахъ и въ амбразурахъ, а на Малаховомъ курганѣ и на куртинѣ влѣво, кромѣ того, насыпать нѣсколько барбетовъ для полевыхъ орудій, съ цѣлью усилить оборону ближайшей мѣстности.

«Въ эти сутки атакующій сдѣлалъ около 40,000 выстрѣловъ, преимущественно разрывными снарядами большихъ калибровъ, а обороняющійся до 20,000, большею частью ядрами. Въ гарнизонѣ выбыло изъ строя около 2,000 человѣкъ, а у осаждающаго—284 человѣка» [2]).

Французы успѣли за ночь удлиннить свою седьмую паралель противъ Малахова кургана на 20 саженъ. Съ разсвѣтомъ же снова началось жестокое бомбардированіе. Огонь велся то залпами, то по-орудійно. Несмотря на сильный отвѣтный огонь съ остальныхъ нашихъ укрѣпленій, Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ почти тотчасъ же принуждены были замолчать. На курганѣ брустверъ передней батареи былъ почти срытъ и ровъ лѣвѣе башни совершенно засыпанъ. Туровая одежда постоянно загоралась и одинъ разъ пламя перешло даже на одежду погреба, но саперы и рабочіе Замосцскаго полка, подъ командой Томскаго полка прапорщика Насакина, несмотря на усиленный огонь противника, вскорѣ потушили пожаръ. 2-й же бастіонъ былъ обращенъ въ груду развалинъ, не уцѣлѣли даже два послѣдніе офицерскіе блиндажи.

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 162.
[2]) Тамъ же, стр. 162 и 163.

Пороховые погреба, среди адскаго огня и постоянныхъ пожаровъ, грозили ежеминутно взрывомъ. Въ другихъ частяхъ оборонительной линіи больше всего поврежденій понесли 4-й и 5-й бастіоны. За день подбито 29 орудій и 35 станковъ, разрушено 130 платформъ и до 400 амбразуръ [1]).

Всю ночь продолжался сильный огонь по двумъ выбраннымъ противникомъ укрѣпленіямъ, ихъ сообщеніямъ и Ушаковой балкѣ—мѣсто размѣщенія резерва Корабельной стороны. Работы по исправленію амбразуръ были сильно затруднены въ эту ночь пожаромъ склада стараго хвороста за горжею Малахова кургана.

«Къ мѣсту пожара прибылъ генералъ Хрулевъ и вскорѣ явились туда двѣ роты Сѣвскаго полка. Одушевленные присутствіемъ любимаго начальника и руководимые подпоручикомъ 6-го сапернаго баталіона Ордою, онѣ быстро потушили пожаръ, причемъ понесли значительную потерю» [2]).

За эти вторыя сутки противникъ сдѣлалъ до 52,000 выстрѣловъ, съ нашей же стороны лишь до 20,000.

Потеря наша была болѣе 2,500, а союзниковъ—290 человѣкъ [3]).

Къ утру 26-го числа французы передъ Малаховымъ курганомъ разобрали часть засѣкъ и придвинулись своею сапою на 12 саженъ къ контръ-эскарпу. Англичане тоже на нѣсколько саженъ продвинулись впередъ. Съ разсвѣтомъ же приступили къ столь же ожесточенному бомбардированію, ведя его снова попеременно противъ Городской и Корабельной сторонъ или совсѣмъ прекращая временами огонь, какъ бы передъ выходомъ своихъ войскъ на штурмъ. Съ нашей стороны занимались банкеты, придвигались резервы и, такимъ образомъ, войска подвергались усиленному огню вновь возобновляемой бомбардировки.

«На 2-мъ, 4-мъ и 5-мъ бастіонахъ происходили нѣсколько разъ фальшивыя тревоги. Все это имѣло послѣдствіемъ, съ одной стороны, огромное увеличеніе потерь, а съ другой—неминуемое утомленіе и ослабленіе энергіи гарнизона» [4]).

Брошенная въ этотъ день вновь на Малаховъ курганъ фугасная бочка произвела обвалъ бруствера на три сажени, который, впрочемъ, былъ сейчасъ же задѣланъ. Затѣмъ на курганѣ же произошелъ взрывъ погребка съ 50-ю зарядами и 100 снаряженными бомбами и гранатами.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 164.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, стр. 165.

«Въ этотъ день Малаховъ курганъ, поражаемый жестокимъ сосредоточеннымъ огнемъ съ трехъ сторонъ, пришелъ въ окончательное разстройство. Артилерія его была почти вся сбита, несмотря на всю энергію мужественнаго начальника ея капитанъ-лейтенанта Карпова. Потеря въ людяхъ на этомъ укрѣпленіи была огромная; всѣ блиндажи были переполнены ранеными, для отправленія которыхъ на перевязочный пунктъ необходимо было ожидать ослабленія непріятельскаго огня, такъ какъ дорога съ кургана была сильно поражаема артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Въ это время нѣсколько женщинъ изъ матросскихъ женъ отважились посѣтить своихъ раненыхъ мужей на курганѣ; нѣкоторыя изъ нихъ привели даже дѣтей. Большая часть изъ нихъ заплатила жизнью за это геройское самоотверженіе.

«Что касается 2-го бастіона, то это укрѣпленіе вполнѣ оправдывало присвоенное ему названіе «ада». Удерживаться на немъ долѣе не было никакой возможности, такъ какъ всѣ закрытія были совершенно уничтожены и надо было ежеминутно опасаться взрыва пороховаго и бомбоваго погребовъ. Изъ орудій его уцѣлѣло только шесть, а артилерійская прислуга была почти вся перебита. Доставка орудій и матеріаловъ къ этому укрѣпленію сдѣлалась совершенно невозможной; въ теченіе трехъ дней сюда нельзя было доставить даже ни одного ведра воды, что крайне увеличивало страданія раненыхъ, валявшихся подъ открытымъ небомъ безъ помощи до наступленія ночи, и было крайне тягостно для людей, изнуренныхъ тяжелою работою при стоявшихъ въ то время сильныхъ жарахъ» [1]).

На Городской сторонѣ сильнѣе другихъ пострадали въ этотъ день 4-й и 5-й бастіоны.

За этотъ день было подбито 38 орудій, 45 станковъ и разрушено множество платформъ и амбразуръ.

Ночью непріятель продолжалъ навѣсный огонь. Около 11-ти часовъ ночи непріятельская ракета попала въ подходившую къ Графской пристани шаланду съ порохомъ и взорвала его, другая, такая же шаланда затонула отъ взрыва; на обѣихъ было 200 пудовъ пороха.

«Сотрясеніе было такъ сильно, что Николаевская и Павловская батареи задрожали и въ нихъ вылетѣли вонъ всѣ оконные пере-

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 166 и 167.

плеты, а въ береговой батареѣ № 4-го, на Сѣверной сторонѣ, растворены двери и сдвинуты съ мѣстъ кровати больныхъ» [1]).

«Всего въ эти сутки непріятель выпустилъ болѣе 50,000 снарядовъ, въ томъ числѣ около 30,000 разрывныхъ. Съ нашей же стороны сдѣлано до 15,000 выстрѣловъ. Наша убыль въ эти сутки превышала 3,000 чел.; непріятель же потерялъ 249 человѣкъ» [2]).

За послѣднее время и за три дня бомбардированія, кромѣ обыкновенныхъ работъ по возможному исправленію поврежденій, была окончена и вооружена всего четырьмя орудіями 11-ти-орудійная батарея во второй линіи правѣе Малахова кургана. Затѣмъ, производились подрывныя работы на: Малаховомъ курганѣ, 2-мъ бастіонѣ, Николаевской и Павловской батареяхъ. Но изъ всѣхъ этихъ работъ только на 2-мъ бастіонѣ онѣ были окончены, такъ какъ было предположено, въ случаѣ штурма, оставить этотъ бастіонъ, за невозможностью на немъ держаться, и отойти во вторую линію.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, насколько плачевны для насъ были результаты этого шестаго трехдневнаго усиленнаго бомбардированія. Артилерійская и фортификаціонная обороны Малахова кургана и 2-го бастіона были окончательно разстроены, на всѣхъ другихъ пунктахъ наше вооруженіе было сильно ослаблено и потери наши въ людяхъ за три дня простирались до 7,561 человѣка. За эти три дня у насъ было подбито 89 орудій и 113 станковъ, бо́льшую половину этой потери понесли Малаховъ курганъ, 2-й бастіонъ и куртина между ними. Къ сожалѣнію, большинство этихъ орудій не были замѣнены, такъ что къ утру 27-го числа на переднемъ фронтѣ Малахова кургана оставалось всего восемь орудій, а на 2-мъ бастіонѣ—около шести.

Приблизительная сила всего вооруженія нашего и союзниковъ выражалась слѣдующими цифрами: французы выставили 609 орудій, а англичане—197, всего 806, изъ этого числа для дѣйствія по оборонительной линіи — 698 орудій. У насъ же всего было на Южной сторонѣ 1,381 орудіе, изъ которыхъ около 600 было назначено для борьбы съ осадными батареями. «Но изъ числа 600 орудій . . . . . слѣдуетъ исключить много орудій, которыя были подбиты послѣ 5-го (17-го) августа и не были замѣнены новыми» [3]).

Таковые результаты послѣдняго бомбардированія, само собой разумѣется, не могли послужить на пользу гарнизону въ смыслѣ

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 167.

[2]) Тамъ же, стр. 168.

[3]) Тамъ же, стр. 172.

укрѣпленія его нравственныхъ силъ. Каждый видѣлъ, какъ день за днемъ ослабѣвала сила сопротивленія нашихъ главныхъ укрѣпленій, орудія подбивались, бруствера и траверсы разрушались, амбразуры засыпались и, по окончаніи дня, за ночь, мы не были въ состояніи исправить всѣ поврежденія. Исправлялось только то, что было безусловно необходимо для дѣйствія оставшихся орудій при штурмѣ и для огражденія отъ взрыва пороховыхъ и бомбовыхъ погребовъ. Съ наступленіемъ утра, не успѣвала наша артилерія открыть огонь, какъ уже принуждаема была къ молчанію непріятельскимъ огнемъ и противникъ цѣлый день безнаказанно громилъ эти укрѣпленія, разрушая ихъ почти до основанія и истребляя мужественныхъ защитниковъ. Нигдѣ, ни на укрѣпленіяхъ, ни въ резервахъ, ни въ городѣ войска не имѣли отдыха и покоя — все было подъ обстрѣломъ противника. Затѣмъ, весьма часто непріятель подводилъ массы своихъ войскъ въ траншеи и прекращалъ огонь, у насъ поднималась тревога, войска подводились изъ резервовъ для встрѣчи штурма, а противникъ снова открывалъ по нимъ еще болѣе сильный огонь. За послѣдніе дни подобныя напрасныя тревоги участились, сборы войскъ противника въ траншеяхъ сдѣлались явленіемъ обыкновеннымъ, что все вмѣстѣ взятое не могло не повліять на бдительность службы въ гарнизонѣ. Между тѣмъ, войска не могли не желать штурма, какъ освобожденія отъ нервнаго и невозможнаго состоянія, вызываемаго постояннымъ его ожиданіемъ. Этимъ желаніемъ войскъ нѣкоторые начальники пользовались даже какъ средствомъ для ободренія ихъ:

«Было убѣжденіе, что французы, вообще любящіе сближать событія, изберутъ для штурма 26-е августа (7-е сентября), какъ день Бородинской битвы, открывшей имъ доступъ въ Москву. Еще наканунѣ храбрый генералъ Сабашинскій, прибывъ на 2-й бастіонъ, во время самаго страшнаго бомбардированія, ободряя войска, безнаказанно истребляемыя непріятельскими снарядами, говорилъ *что имъ уже недолго терпѣть и что завтра имъ удастся разсчитаться съ непріятелемъ и достойно отпраздновать бородинскую годовщину*»[1]).

Всякимъ подходящимъ случаемъ пользовался также и генералъ Хрулевъ для укрѣпленія нравственныхъ силъ ввѣренныхъ ему войскъ; такъ, 26-го числа онъ передалъ чрезъ адъютанта генералу Павлову копію за собственноручною подписью приказа о подви-

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 173 и 174.

гахъ ввѣренной ему 11-й дивизіи. Приказъ этотъ начинался слѣдующими словами:

«Храбрая 11-я дивизія прощается съ командирами двухъ своихъ полковъ: Якутскаго, генералъ-маіоромъ Бялымъ и Селенгинскаго, генералъ-маіоромъ Сабашинскимъ, назначенными командирами бригадъ.

«Желаю высказать этимъ достойнымъ генераламъ, а равно и командирамъ егерскихъ полковъ: Камчатскаго—генералъ-маіору Голеву и Охотскаго—полковнику Малевскому ту благодарность' право на которую они пріобрѣли при защитѣ Севастополя, какъ славнымъ участіемъ означенныхъ полковъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ, подъ непосредственнымъ ихъ распоряженіемъ, такъ и въ бытность генераловъ Голева и Сабашинскаго начальниками пѣхоты по отдѣленіямъ оборонительной линіи. . . .»

Затѣмъ, слѣдовало перечисленіе доблестной службы и подвиговъ полковъ дивизіи и ихъ командировъ въ Севастополѣ, начиная съ 3-го марта, когда генералъ Хрулевъ вступилъ въ славные ряды гарнизона. Заканчивался же этотъ приказъ слѣдующимъ образомъ

«Съ своей стороны, какъ ближайшій свидѣтель подвиговъ 11-й дивизіи, ея тяжкихъ и долговременныхъ боевыхъ трудовъ, свидѣтельствую, что эта дивизія, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова, извѣстнаго своими заслугами и постоянною его о ней попечительностью, съ самоотверженіемъ и храбростью, честно и свято исполняетъ долгъ свой при защитѣ Севастополя.

«Долгомъ считаю объявить мою совершенную признательность: достойному начальнику 11-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Павлову, командирамъ полковъ: Селенгинскаго—генералъ-маіору Сабашинскому, Камчатскаго—генералъ-маіору Голеву, Якутскаго—генералъ-маіору Бялому и Охотскаго—полковнику Малевскому.

«Въ заключеніе мнѣ пріятно сказать всѣмъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ, медикамъ, священникамъ и солдатамъ 11-й пѣхотной дивизіи, *что я за великую честь считаю водить въ бой ея прославившіеся полки.* Подписалъ: генералъ-лейтенантъ Хрулевъ» [1]).

Прибавимъ еще, что полки дивизіи составляли въ это время гарнизонъ Корабельной стороны на 3-мъ отдѣленіи. По указанію начальника дивизіи, приказъ этотъ былъ розданъ во всѣ баталіоны дивизіи.

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 526—528.

Но, несмотря на присутствіе въ составѣ гарнизона этихъ и другихъ столь же доблестныхъ начальниковъ, отлично понимавшихъ значеніе нравственнаго элемента и принимавшихъ мѣры къ его укрѣпленію, нельзя не сказать, что утомленіе войскъ и постоянное нервное ожиданіе штурма, равно какъ настойчивые слухи и нѣкоторыя приготовленія къ оставленію Севастополя должны были повліять на нравственное состояніе войскъ не въ должномъ, передъ штурмомъ, направленіи. Состояніе это довольно правильно опредѣляется однимъ изъ историковъ слѣдующимъ образомъ:

«Прежнее активное мужество севастопольскихъ воиновъ обратилось въ пасивную готовность—умереть, не переживъ потери залога, имъ ввѣреннаго. Уже разрушены были укрѣпленія, но еще стояли незыблемо живыя стѣны его защитниковъ» [1]).

Еще 22-го августа союзные главнокомандующіе созвали военный совѣтъ изъ высшихъ генераловъ армій, на которомъ рѣшено было, что время для производства штурма настало, такъ какъ осадныя батареи, видимо, пріобрѣли полное превосходство надъ обороною главныхъ пунктовъ и подступы подведены были на 12 саженъ къ Малахову кургану и на 18 саженъ ко 2-му бастіону. Штурмъ былъ назначенъ на 27-е августа, послѣ трехдневнаго усиленнаго бомбардированія. Огонь долженъ былъ вестись съ перерывами, какъ бы передъ штурмомъ, что должно было заставить насъ подводить войска и резервы. Этимъ, какъ мы видѣли, противникъ и достигъ желаемаго, т. е. нанесенія большихъ потерь войскамъ гарнизона, утомленія ихъ и, въ концѣ концовъ, ослабленія дѣятельности службы, вслѣдствіе постоянныхъ фальшивыхъ тревогъ. Самый же штурмъ предположено было произвести въ совершенно неожиданное время — ровно въ полдень, безъ всякаго сигнала—по свѣреннымъ часамъ.

Главный ударъ долженъ былъ быть нанесенъ на Малаховъ курганъ, куртину и 2-й бастіонъ корпусомъ генерала Боскѐ. Для атаки Малахова кургана назначена дивизія Макъ-Магона, силою въ 5,900 штыковъ, имѣя въ резервѣ гвардейскихъ зуавовъ и бригаду Вимпфена, числомъ въ 3,700 человѣкъ. Всего 20 баталіоновъ — 9,600 человѣкъ. На куртину, между курганомъ и 2-мъ бастіономъ, и для атаки далѣе второй линіи назначена была дивизія де-Ламоттъ-Ружа, силою въ 4,300 человѣкъ. Третья колонна должна была атаковать 2-й бастіонъ и затѣмъ въ обходъ и въ тылъ второй оборонительной линіи. Въ колоннѣ были: дивизія Дюлàка, въ числѣ 4,600 че-

[1]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 86.

ловѣкъ, и въ ближайшемъ резервѣ гвардейскій стрѣлковый баталіонъ и бригада Маролля, силою въ 2,800 человѣкъ. Всего же у Дюлака 7,400 человѣкъ. Въ общій резервъ была назначена гвардейская дивизія Меллинѐ, силою до 5,000 чел. и 24 полевыхъ орудія.

Всего, значитъ, въ распоряженіи генерала Боскѐ было 61 баталіонъ, силою въ 25,300 челов. и 24 полевыхъ орудія.

По взятіи французами Малахова кургана и по особому сигналу, англичане, подъ начальствомъ генерала Кодрингтона, должны были атаковать 3-й бастіонъ. Для этого назначено было въ штурмовую колонну 1,720 челов., въ первый резервъ—1,500, во второй резервъ—3,000 и въ общій резервъ — 4,500 человѣкъ; всего 10,720 человѣкъ. Затѣмъ, въ случаѣ благопріятнаго хода дѣла на Корабельной сторонѣ, нападеніе должно было распространиться и на Городскую сторону. Для этого изъ войскъ корпуса генерала де-Салля назначены были слѣдующія колонны: дивизія Левальяна, имѣя въ резервѣ дивизію д'Отмара, должна была тремя колоннами атаковать 5-й бастіонъ и люнеты Бѣлкина и Шварца. Сила этихъ войскъ была въ 8,380 человѣкъ. Послѣ взятія 5-го бастіона войска эти должны были съ тыла брать 4-й бастіонъ и тогда только съ фронта на него должны были двинуться: сардинская бригада Чіальдини и французская дивизія Буà; всего 5,600 человѣкъ.

Резервомъ всѣхъ этихъ войскъ служила дивизія Патѐ — 4,600 человѣкъ и 24 полевыхъ орудія.

Для охраненія лѣваго фланга, въ Кладбищенскихъ траншеяхъ выставлялась еще колонна въ 2,000 человѣкъ. Всего въ распоряженіи де-Салля противъ Городской стороны было назначено 20,580 человѣкъ и 24 полевыхъ орудія. Такимъ образомъ, всѣ силы, назначенныя для штурма, простирались до 56,600 человѣкъ. Остальныя же силы союзниковъ, тоже болѣе 50,000 челов., были расположены на разныхъ позиціяхъ для охраненія всего расположенія союзниковъ отъ нашихъ покушеній внѣ Севастополя [1]).

Нашъ гарнизонъ Южной стороны къ утру 27-го августа состоялъ изъ 96-ти баталіоновъ пѣхоты, одного стрѣлковаго баталіона, $2^3/_4$ баталіона саперъ, трехъ дружинъ Курскаго ополченія и 44-хъ запряженныхъ орудій; всего пѣхоты 41,000 человѣкъ. Въ прислугѣ у орудій было 4,000 матросовъ и 2,200 сухопутныхъ артилеристовъ. Гарнизонъ этотъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: на береговыхъ батареяхъ—800 человѣкъ; на Городской

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 216—227.

сторонѣ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Семякина—40 баталіоновъ и 16 орудій, всего 17,200 человѣкъ. Изъ нихъ: на 1-мъ отдѣленіи (6-й и 5-й бастіоны съ батареями) 12 баталіоновъ—5,000, подъ начальствомъ генерала Хрущова; на 2-мъ отдѣленіи (4-й бастіонъ и смежныя батареи), подъ начальствомъ генерала Шульца,—12 баталіоновъ—6,000 человѣкъ. Главный резервъ Городской стороны состоялъ изъ 16-ти баталіоновъ 5-й пѣхотной дивизіи—6,200 человѣкъ и 16-ти орудій.

Войсками Корабельной стороны начальствовалъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ и у него было 54 баталіона, три дружины и 28 запряженныхъ орудій. Изъ нихъ: на 3-мъ отдѣленіи (3-й бастіонъ) у генерала Павлова—13 баталіоновъ и одна дружина—7,500 человѣкъ; на 4-мъ отдѣленіи (Малаховъ курганъ)—генералъ Буссау съ девятью баталіонами—3,560 человѣкъ; въ ближайшемъ его резервѣ генералъ Лысенко съ восемью баталіонами и одной дружиной—3,500 человѣкъ; на 5-мъ отдѣленіи (2-й и 1-й бастіоны) командовалъ генералъ Сабашинскій, имѣя $9^3/_4$ баталіона и одну дружину—3,800 челов., въ ближайшемъ его резервѣ $5^1/_4$ баталіоновъ—1,500 человѣкъ. Общій же резервъ Корабельной стороны состоялъ изъ девяти баталіоновъ—3,500 человѣкъ и 28 орудій [1]).

Вникая въ подробности расположенія нашего гарнизона, которыя мы здѣсь не помѣщаемъ, нельзя не привести слѣдующія свидѣтельства:

«Малаховъ курганъ, защитникамъ котораго предстояло принять на себя сильнѣйшій ударъ противника, былъ занятъ четырьмя баталіонами трехъ полковъ 15-й резервной дивизіи: Модлинскаго, Прагскаго и Замостскаго, составленныхъ большею частью изъ новобранцевъ, всего въ числѣ 1,400 человѣкъ» [2]).

Изъ записокъ начальника штаба гарнизона мы узнаемъ, что незадолго до штурма явилась настоятельная необходимость, вслѣдствіе крайняго утомленія и разстройства, смѣнить для отдыха 9-ю пѣхотную дивизію, занимавшую въ теченіе 20-ти дней Малаховъ курганъ. Князь Васильчиковъ просилъ для этой цѣли у главнокомандующаго присылки въ Севастополь испытанной и надежной 12-й пѣхотной дивизіи. «Необходимость такого назначенія оправдывалъ я еще тѣмъ обстоятельствомъ, что для замѣны 9-й дивизіи на курганѣ у насъ не было никакихъ войскъ, кромѣ недавно прибывшей въ Крымъ 15-й резервной дивизіи, состоявшей большею

---

[1]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 91 и 92.

[2]) Тамъ же, стр. 94.

частью изъ рекрутъ и не бывшей до того времени ни въ какомъ дѣлѣ. Занимать такими войсками столь важный пунктъ, какъ Малаховъ курганъ, въ то самое время, какъ слѣдовало ожидать штурма и общей развязки дѣла, казалось намъ не безопаснымъ» [1]).

Резоны эти не были приняты во вниманіе начальникомъ штаба арміи, генералъ-адъютантомъ Коцебу; 12-я дивизія не была дана и Малаховъ курганъ былъ занятъ полками 15-й резервной дивизіи.

Говоря о составѣ нашего гарнизона къ концу августа, нельзя не упомянуть еще, что вслѣдствіе общей потери за этотъ мѣсяцъ болѣе 20,000 человѣкъ, большинство нашихъ полковъ было переформировано въ двухбаталіонный, а нѣкоторые и въ однобаталіонный составъ. Но и при этомъ многіе баталіоны считали въ своихъ рядахъ всего 250—400 человѣкъ.

«На ослабленіе боевой силы полковъ имѣла также большое вліяніе значительная убыль въ офицерахъ и унтеръ-офрцерахъ. Въ нѣкоторыхъ полкахъ эта убыль была такъ велика, что баталіонами командовали штабсъ-капитаны, а ротами—прапорщики» [2]).

Разсвѣтъ 27-го августа, какъ и въ предшествующіе дни, засталъ наши войска въ ожиданіи штурма на банкетахъ и со сближенными резервами, но противникъ началъ и этотъ день прежнимъ усиленнымъ бомбардированіемъ. Огонь былъ до того силенъ, что въ короткое время нанесъ значительныя потери и поврежденія.

«Передніе фасы Малахова кургана, 2-го бастіона и соединявшей ихъ куртины были совершенно разрушены: рвы ихъ были завалены; бруствера во многихъ мѣстахъ были почти срыты и представляли широкіе обвалы, которые едва можно было успѣть забрасывать земляными мѣшками. Внутри этихъ укрѣпленій также происходило страшное разрушеніе. Повсюду валялись убитые и раненые, которыхъ не было возможности отнести на перевязочные пункты. Хотя въ этотъ день, какъ и въ предыдущіе, и были замѣчаемы движенія непріятельскихъ войскъ въ траншеяхъ, но штурма въ это время дня не ожидали; всѣ заботы были направлены исключительно на сохраненіе людей отъ страшнаго огня» [3]).

А между тѣмъ, противникъ, сохраняя глубокую тайну, готовился къ начатію штурма. Только наканунѣ, вечеромъ, начальники получили отъ генерала Боскѣ приказъ о штурмѣ съ указаніемъ прочесть его людямъ на другой день, въ 8 часовъ утра. Въ при-

---

[1]) Записки князя В. И. Васильчикова. «Русскій Архивъ» 1891 г. № 6, стр. 243.
[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 181.
[3]) Тамъ же, стр. 184.

казѣ этомъ войска ободрялись воспоминаніями штурма передовыхъ редутовъ и боя на Черной. Войска начали понемногу, незамѣтно стягиваться въ ближайшія траншеи и строиться къ бою. Усиленный огонь продолжался съ тою же силою. Послѣ 10 часовъ противникъ сдѣлалъ перерывъ въ огнѣ, но въ $11^1/_2$ часовъ снова открылъ его, поражая вторую линію и мѣста предполагаемыхъ резервовъ. Войска наши около 12-ти часовъ начали обѣдать, укрываясь, гдѣ кто могъ подъ блиндажами и за траверсами. Генералъ Буссау былъ занятъ раздачею Георгіевскихъ крестовъ. Въ это-то время, ровно въ полдень, французы сразу бросились на Малаховъ курганъ, куртину и 2-й бастіонъ.

Дивизія Макъ-Магона, силою до 10,000, ворвалась на Малаховъ курганъ, встрѣтя на банкетахъ лишь нѣсколько штуцерныхъ и незначительное число орудійной прислуги. Застигнутый врасплохъ гарнизонъ кургана, всего силою въ 1,420 челов., да еще бывшіе тутъ около 400 человѣкъ прислуги и до 900 рабочихъ вступили отдѣльными кучками и ротами въ жаркую рукопашную свалку, но превосходство противника и потери въ начальникахъ и офицерахъ скоро заставили гарнизонъ уступить непріятелю почти весь курганъ, исключая узкой площадки между послѣдними траверсами и горжею. Отдѣльныя кучки нашихъ людей засѣли въ нѣкоторыхъ блиндажахъ и, баррикадировавъ входы, поражали непріятеля. Особенно крѣпко засѣли въ башнѣ 30 человѣкъ модлинцевъ съ поручикомъ Юніемъ, подпоручиками Данильченкомъ и Богдзевичемъ и кондукторами морской артилеріи Дубининымъ и Венецкимъ. Влѣво отъ кургана французы черезъ батарею Жерве прорвались ко второй линіи, но здѣсь были остановлены остатками Казанскаго полка и подошедшими съ Городской стороны Костромскимъ и Галицкимъ полками.

Атака на 2-й бастіонъ была произведена одновременно; тамъ тоже наши люди обѣдали и встрѣтили непріятеля въ разсыпную, торопясь занять банкеты. Непріятель опрокинулъ ихъ и, преслѣдуя къ Ушаковой балкѣ, захватилъ батарею Геннериха, во второй линіи. Но нѣсколько энергичныхъ офицеровъ, собравъ отступавшіе остатки, и самъ генералъ Сабашинскій съ баталіономъ изъ ближайшаго резерва своевременною контръ-атакою опрокинули увлекшихся преслѣдованіемъ, выбили всю бригаду Сенъ-Поля со 2-го бастіона, заняли банкеты и преслѣдовали французовъ огнемъ.

Куртина была атакована дивизіею де-Ламоттъ-Ружа, въ числѣ 4,000 человѣкъ, нѣсколько позже, такъ какъ траншеи противъ

нея были на болѣе дальнемъ разстояніи, да и волчьи ямы задержали наступленіе. Благодаря этому, наши войска успѣли выстроиться и встрѣтить противника картечью и ружейнымъ огнемъ, но, несмотря на это, малочисленные защитники, въ числѣ около 1,200 человѣкъ, были опрокинуты, и французы ворвались вслѣдъ за ними во вторую линію и достигли Корабельной слободки.

Штурмъ засталъ генерала Хрулева у себя на квартирѣ, въ Павловской батареѣ, тутъ же былъ и генералъ Лысенко. Хрулевъ сейчасъ же поскакалъ къ резерву и повелъ ко второй линіи Ладожскій и Шлиссельбургскій полки. Не видя тревожнаго сигнала на Малаховомъ курганѣ, вслѣдствіе сбитія флагштока, и зная слабость 2-го бастіона, онъ направился туда. Узнавъ по дорогѣ, что противникъ ворвался на Малаховъ курганъ, Хрулевъ послалъ приказаніе генералу Лысенко съ резервомъ 4-го отдѣленія отбивать курганъ. Но раньше прибытія генерала Хрулева, четыре орудія 5-й батареи 11-й артилерійской бригады, подъ командою капитана графа Тышкевича, прискакали изъ Аполоновой балки и поражали непріятеля картечью, а подошедшій Шлиссельбургскій баталіонъ совсѣмъ очистилъ вторую линію. Генералъ Хрулевъ поспѣшилъ къ Малахову кургану съ Ладожскимъ полкомъ. Французы, между тѣмъ, порывались удержаться между второю линіею и куртиной, но подошедшіе резервы и войска съ ближайшихъ укрѣпленій, подъ общимъ начальствомъ генерала Сабашинскаго, очистили окончательно куртину и прогнали непріятеля въ его траншеи. Не успѣли наши отбить эту атаку, какъ снова дивизія Дюлàка и де-Ламоттъ-Ружа, въ полномъ своемъ составѣ, бросились на вторичный штурмъ тѣхъ же укрѣпленій. Но, разстроенные огнемъ батарей Парижской и Лабораторной, они успѣли только взойти на брустверъ 2-го бастіона и прорваться черезъ куртину, какъ были прогнаны обратно пѣхотою генерала Сабашинскаго. Послѣ этого они понесли еще огромный уронъ отъ огня съ нашихъ пароходовъ «Херсонесъ», «Владиміръ» и «Одесса», занявшихъ позицію на рейдѣ.

Нельзя не упомянуть объ особенно удачномъ и геройскомъ дѣйствіи парохода «Владиміръ», подъ начальствомъ Бутакова, который смѣлымъ маневромъ подошелъ такъ близко подъ непріятельскія батареи, что мало отъ нихъ терпѣлъ, а самъ въ теченіе всего дня наносилъ страшное опустошеніе въ рядахъ штурмующихъ колоннъ противника. Къ концу дня, пароходъ съ 21-й пробоиной продолжалъ свои лихія дѣйствія, затѣмъ еще перевозилъ войска и, только по окончаніи всей работы, сталъ на якорь.

Про эти молодецкія дѣйствія даже французскій писатель отзывается слѣдующимъ образомъ: «Геройское и величественное, хотя и бѣдственное для французовъ, зрѣлище представлялъ въ особенности столь славный своими прежними подвигами пароходъ «Владиміръ», который, подъ начальствомъ Бутакова, подойдя быстро подъ выстрѣлы укрѣпленій Лавaранда (Киленбалочныхъ редутовъ), давалъ залпы то съ одного, то съ другаго борта, повидимому, нисколько не страдая отъ огня нашихъ батарей и внося гибель и смятеніе въ ряды штурмовыхъ колоннъ. Трудно сказать, сколько пало французовъ у 2-го бастіона. Никогда, говорятъ, не было на такомъ пространствѣ столько убитыхъ и раненыхъ» [1]).

Прогнанный послѣ этой атаки съ нашихъ укрѣпленій, непріятель остался частью во рвахъ и обѣ стороны раздѣлены были лишь толщею бруствера. Открытый противникомъ сильный огонь въ особенности во флангъ правой части куртины, съ занимаемаго французами Малахова кургана, заставилъ, въ концѣ концовъ, генерала Сабашинскаго отвести отсюда войска во вторую линію. Всѣ попытки противника снова захватить наши укрѣпленія были отражены. Наконецъ, около 2-хъ часовъ, къ дивизіи Дюлàка подошла въ подкрѣпленіе свѣжая бригада Мароллля, а войска, атаковавшія куртину, были подкрѣплены отборными войсками гвардейскихъ гренадеръ и вольтижеровъ. Французы снова ожесточенно бросились на приступъ. Снова противникъ появился на валу 2-го бастіона и водрузилъ даже знамя, но генералъ Сабашинскій съ крикомъ: «сюда! на валы!» устремилъ свои молодецкіе баталіоны на противника. Ужасная рукопашная свалка кончилась наконецъ въ нашу пользу и французы со страшными потерями отступили окончательно отъ 2-го бастіона и куртины въ свои траншеи.

Такъ блестяще для насъ кончился ожесточенный бой на этомъ 5-мъ отдѣленіи. Около шести отдѣльныхъ настойчивыхъ приступовъ непріятеля было отбито, несмотря на его превосходство въ силахъ. Съ нашей стороны было введено въ бой отъ 6,000 до 7,000, а непріятель имѣлъ всего 41 баталіонъ, силою до 18,000 [2]). Итакъ, мужество нашихъ войскъ и присутствіе въ ихъ рядахъ столь энергичныхъ начальниковъ, какъ генералъ Сабашинскій и многіе другіе, помогло удержать въ своихъ рукахъ самую слабую часть оборонительной линіи противъ рѣшительныхъ атакъ против-

---

[1]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 105 (Guerin, II, 417 и 418).

[2]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 196 и М. Богдановичъ, т. IV, стр. 108.

ника. За то и потери были съ обѣихъ сторонъ весьма значительны' въ особенности изъ числа начальниковъ. Въ нашихъ рукахъ осталось нѣсколько офицеровъ и до 150 человѣкъ нижнихъ чиновъ плѣнными.

Англичане, съ своей стороны, какъ извѣстно, двинули назначенныя на штурмъ 3-го бастіона войска послѣ того, какъ увидали на Малаховомъ курганѣ французское знамя. Штурмующимъ приходилось перебѣжать пространство въ 300 шаговъ подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, такъ что лишь одна колонна полковника Виндгама ворвалась на бастіонъ и потѣснила ближайшія части Владимірскаго полка, встрѣтившія ее, во главѣ съ начальникомъ 3-го отдѣленія Перелешинымъ 1-мъ. Пока непріятель занимался заклепкою орудій, подоспѣли резервы и, послѣ ожесточеннаго штыковаго боя, истребили и прогнали противника, взявъ до 150 человѣкъ въ плѣнъ. Возобновленіе атаки свѣжими войсками резерва имѣло еще менѣе успѣха, такъ какъ генералъ Павловъ подвелъ свои резервы и однимъ огнемъ отразилъ нападенія. Только небольшая кучка англичанъ достигла рва бастіона и тамъ засѣла, но высланные наши охотники забрали въ плѣнъ и истребили и этихъ смѣльчаковъ. Столь же безрезультатны были и другія атаки англичанъ на смежныя съ бастіономъ укрѣпленія. Къ 2-мъ часамъ англичане были окончательно отбиты и огонь лѣваго фланга 3-го отдѣленія былъ обращенъ на занятый французами Малаховъ курганъ.

Около 2-хъ часовъ, послѣ сигнала, поданнаго генераломъ Пелисье, начался штурмъ и Городской стороны. Сначала атака была поведена дивизіею Лявальяна на уголъ 5-го бастіона, люнетъ Бѣлкина и на люнетъ Шварца. Но изъ этихъ атакъ только вторая имѣла непродолжительный успѣхъ, занявъ люнетъ Шварца, изъ котораго, впрочемъ, противникъ былъ вскорѣ выбитъ подошедшими резервами. Вторичное же нападеніе на этотъ пунктъ не имѣло успѣха и французы потеряли плѣнными 90 человѣкъ. Столь же безуспѣшна была атака на 5-й бастіонъ и люнетъ Бѣлкина, гдѣ непріятель попалъ подъ взрывъ камнеметныхъ фугасовъ и потерялъ плѣнными шесть офицеровъ и 78 нижнихъ чиновъ. На 5-мъ же бастіонѣ они только появились на брустверѣ и были тотчасъ опрокинуты нашими штыками. При повтореніи штурма на эти укрѣпленія частью дивизіи, назначенной для штурма 4-го бастіона, непріятель однимъ огнемъ не былъ допущенъ до нашихъ укрѣпленій.

Около 3-хъ часовъ пополудни генералъ де-Салль хотѣлъ еще

разъ сдѣлать нападеніе тѣми же войсками и резервами, но генералъ Пелисье, неувѣренный въ результатѣ захвата Малахова кургана и получивъ отъ англичанъ отвѣтъ, что они лишь на другой день могутъ возобновить атаку 3-го бастіона, приказалъ ограничиться однако канонадою нашихъ укрѣпленій.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ 12-ти штурмовъ, произведенныхъ непріятелемъ на разныя части нашей оборонительной линіи на пространствѣ отъ 2-го до 5-го бастіона, только одинъ штурмъ Малахова кургана былъ удаченъ и на немъ ожесточенная борьба еще велась, на всѣхъ же остальныхъ пунктахъ непріятель не имѣлъ никакого успѣха и понесъ значительныя потери. На Малаховомъ же курганѣ, какъ извѣстно, происходило слѣдующее:

Генералъ Лысенко съ частью полковъ 9-й дивизіи прибылъ изъ резерва къ кургану, когда остатки его гарнизона держались на послѣдней площадкѣ передъ горжею. Чрезъ нѣсколько минутъ прискакалъ отъ 2-го бастіона самъ Хрулевъ и за нимъ прибѣжалъ Ладожскій полкъ. «Ставъ во главѣ этого полка и нѣсколькихъ ротъ 9-й дивизіи, Хрулевъ слѣзаетъ съ лошади и ведетъ солдатъ въ шести-рядной колоннѣ чрезъ проходъ, оставленный въ горжѣ бастіона. Все пространство, по которому надлежало наступать нашимъ войскамъ, подъ огнемъ густой цѣпи алжирскихъ стрѣлковъ, занимавшихъ траверсы и блиндажи, было завалено трупами. Французы стрѣляютъ почти въ упоръ. Головные ряды колонны Хрулева падаютъ; за ними идущіе подаются впередъ. Уже остается не болѣе 30-ти шаговъ до траверса, за которымъ стоятъ французы; русскій штыкъ уже готовъ рѣшить дѣло; но вдругъ Хрулевъ раненъ пулею, оторвавшею ему палецъ на лѣвой рукѣ; превозмогая боль, мужественный воинъ еще дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, и вслѣдъ за тѣмъ, сильно контуженный въ голову, принужденъ остановиться. «Скачите къ генералу Сабашинскому — говоритъ онъ одному изъ своихъ ординарцевъ, штабсъ-капитану Павлову. Пусть онъ приметъ команду надъ войсками» и самъ, изнемогая отъ потери силъ, оставляетъ мѣсто кроваваго побоища. Тогда же былъ раненъ командиръ Ладожскаго полка, полковникъ Галкинъ и перебиты всѣ старшіе офицеры» [1]).

Генералъ Лысенко повторяетъ атаку, но снова отбитъ и самъ смертельно раненъ. Оставшійся за старшаго, генералъ Юферовъ опять устраиваетъ войска и бросается съ ними въ ожесточенный

[1]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 116 и 117.

бой для прорыва въ горжу. Головная часть этихъ войскъ прорвалась во внутрь и была окружена французами, но храбрый Юферовъ на всѣ предложенія о сдачѣ отвѣчаетъ сабельными ударами и падаетъ геройскою смертью. Та же участь постигла попытки флигель-адъютанта Воейкова и капитанъ-лейтенанта Ильинскаго, такъ что къ 3-мъ часамъ пополудни, французы окончательно утверждаются въ горжѣ и заваливаютъ проходъ въ ней. Самъ главнокомандующій, получивъ извѣстіе о штурмѣ, прибываетъ на Николаевскую батарею и направляетъ съ Сѣверной стороны четыре полка. По полученіи извѣстія о выбытіи изъ фронта генерала Хрулева, князь Горчаковъ поручаетъ командованіе на Корабельной сторонѣ генералъ-лейтенанту Мартинау и даетъ ему Азовскій и Одесскій полки. Полки эти прибываютъ по окончательномъ оставленіи нами Малахова кургана и сейчасъ же ведутся генераломъ Мартинау на штурмъ кургана. «Эти малочисленные, но закаленные въ бояхъ, полки двинулись чрезъ горжу безъ выстрѣла, съ барабаннымъ боемъ. Но на этотъ разъ всѣ усилія храбрыхъ воиновъ остались безуспѣшными. «Казалось—говоритъ французскій историкъ—что они шли только за тѣмъ, чтобы показать, какъ русскіе жертвуютъ собою до послѣдней минуты и умираютъ». Самъ мужественный Мартинау былъ тяжело раненъ штуцерною пулею, раздробившей ему плечо. Удаляясь съ поля битвы, онъ послалъ доложить главнокомандующему, что войска Корабельной стороны остались безъ начальника» [1]).

Въ дѣйствительности же тамъ не было не только старшаго начальника, но и полковые и баталіонные командиры были перебиты, да и почти всѣ офицеры выбыли изъ фронта. Нехватало тоже патроновъ и капсюлей, которые приходилось собирать съ убитыхъ и раненыхъ. Несмотря на такое положеніе войскъ «безподобные русскіе солдаты, не обращая вниманія на несмѣтное превосходство непріятеля въ силахъ, не допускали мысли, чтобы курганъ остался въ рукахъ французовъ. Безпрестанно раздавались крики: «давайте патроновъ»! «ведите насъ!» [2]).

Находились офицеры—пѣхотные, саперы и моряки, которые составляли изъ разстроенныхъ войскъ колонны и дѣлали попытки штурмовать курганъ, но, конечно, всѣ онѣ были безуспѣшны.

Получивъ извѣстіе о таковомъ положеніи войскъ на Корабельной, главнокомандующій отправилъ туда для командованія всѣми

[1]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 118.
[2]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 119.

войсками генералъ-лейтенанта Шепелева, а затѣмъ и самъ туда поѣхалъ. Осмотрѣвъ лично все положеніе и усомнившись въ возможности отбить у непріятеля обратно Малаховъ курганъ, князь Горчаковъ рѣшился воспользоваться отбитіемъ штурма на другихъ пунктахъ и очистить Севастополь. Генералу Шепелеву было приказано устроить войска и во чтобы то ни стало задержать дальнѣйшее распространеніе противника, но не отбивать кургана.

Между тѣмъ на самомъ курганѣ въ башнѣ еще сопротивлялись тѣ 30—40 молодцовъ съ упомянутыми офицерами, которые засѣли тамъ при захватѣ Малахова кургана французами. Они завалили входъ, обороняя его штыками и абордажными пиками, а черезъ бойницы поражали окружавшаго ихъ непріятеля. Французы хотѣли было выкурить огнемъ и дымомъ засѣвшихъ удальцовъ, но затѣмъ сами потушили зажженный хворостъ, боясь распространенія пожара и взрыва отъ него погребовъ. Только послѣ 5-ти-часоваго сопротивленія, когда почти всѣ защитники были перебиты выстрѣлами изъ мортирки и послѣ разстрѣла всего запаса патроновъ, непріятель овладѣлъ башнею.

Въ 6-мъ часу пополудни князь Горчаковъ отдалъ приказаніе объ отступленіи гарнизона на сѣверную сторону.

Сводя главныя цифровыя данныя штурма, мы видимъ, что противникъ, изъ числа назначенныхъ войскъ, ввелъ дѣйствительно въ дѣло 40,900 человѣкъ, а съ нашей стороны приняло участіе 24,500 человѣкъ. Изъ этого числа на Корабельной сторонѣ шла борьба между 21,100 человѣками нашихъ войскъ и 27,550 союзниковъ (21,300 французовъ и 6,250 англичанъ). На Городской же сторонѣ усиліямъ 8,380 французовъ противостояли 3,350 человѣкъ нашихъ. Общая потеря у насъ простиралась до 12,193 человѣкъ, а у союзниковъ—10,067, причемъ у нихъ потеря на Корабельной сторонѣ доходила до 7,906 человѣкъ, а на Городской — 2,161 [1]).

Отбитые на всѣхъ пунктахъ, кромѣ Малахова кургана, понесшіе огромную потерю, разстроенные нашимъ упорнымъ сопротивленіемъ союзники рѣшили ограничиться на этотъ день занятіемъ Малахова кургана и, лишь послѣ прочнаго на немъ утвержденія, продолжать постепенно штурмовать прочія укрѣпленія. Благодаря этому, мы имѣли возможность безъ затрудненій со стороны противника совершить отступленіе гарнизона изъ развалинъ осажденнаго города. Такимъ образомъ, и въ этомъ послѣднемъ актѣ

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 228—230.

кровавой севастопольской борьбы, при условіи полнаго превосходства противника съ матеріальной стороны—въ артилерійской борьбѣ и въ числѣ войскъ, нравственныя силы и бодрость духа нашихъ войскъ такъ рельефно выказались въ упорствѣ борьбы, что противникъ не осмѣлился развивать свой частичный успѣхъ и не рѣшился на преслѣдованіе даже при начавшемся нашемъ отступленіи. Отступленіе на сѣверную сторону, какъ извѣстно, совершилось безпрепятственно черезъ мостъ и съ помощью морскихъ перевозочныхъ средствъ. Вслѣдъ за отходомъ войскъ начались разновременные взрывы укрѣпленій оборонительной линіи, пороховыхъ погребовъ, затѣмъ пожарище остатковъ города и, наконецъ, взрывы береговыхъ батарей. Въ теченіе двухъ сутокъ Южная сторона представляла изъ себя общее пожарище и только 30-го августа непріятель занялъ развалины Севастополя. Остатки Черноморскаго флота были затоплены на рейдѣ.

Откладывая общія замѣчанія обо всей 11-ти-мѣсячной, безпримѣрной въ исторіи войнъ, Севастопольской борьбѣ до заключенія, мы укажемъ здѣсь лишь о потерѣ нами во время штурма 27-го августа Малахова кургана. Главною причиною невозможности отстоять курганъ противъ штурма, конечно, должно было признать достигнутое противникомъ рѣшительное превосходство въ артилерійскомъ огнѣ, давшее ему возможность близко подвести свои подступы, привести наши укрѣпленія въ полуразрушенное состояніе и утомить и истрепать гарнизонъ и резервы, которые нигдѣ не находили укрытія отъ губительнаго огня противника. Но подобное положеніе явилось слѣдствіемъ ослабленія энергіи работъ въ послѣдній періодъ обороны, вслѣдствіе чего вооруженіе второй линіи не было доведено до той грозной силы въ 60 орудій по обѣ стороны Малахова кургана, какъ было предположено. Таковое ослабленіе нравственной бодрости какъ въ руководителяхъ работъ, такъ и въ исполнителяхъ, поведшее къ упадку энергіи въ работахъ, нами уже было въ подробности разобрано выше.

Столь же недостаточно энергіи было выказано и въ медленномъ веденіи контрминъ передъ Малаховымъ курганомъ, благодаря чему штурмъ засталъ ихъ незаряженными и непріятельскіе минеры на этомъ пунктѣ предупредили насъ взрывами. Между тѣмъ мины, уже по опыту передъ 4-мъ бастіономъ, были весьма дѣйствительнымъ средствомъ къ пріостановленію дальнѣйшаго приближенія непріятельскихъ работъ. А кромѣ того, главнымъ образомъ, контрмины имѣли громадное нравственное впечатлѣніе на

противника, что доказывается тѣмъ, что, дѣлая предположеніе для штурма, французы рѣшили овладѣть 4-мъ бастіономъ, направивъ на него сначала атаку съ тыла, ворвавщись черезъ 5-й бастіонъ, и только тогда должна была двинуться другая дивизія на фронтъ 4-го бастіона. Такъ бы остороженъ былъ бы противникъ и относительно Малахова кургана, если бы тамъ онъ не предупредилъ насъ въ минныхъ работахъ.

Нельзя не сказать еще разъ, что большою ошибкою въ отношеніи нравственнаго элемента было порученіе обороны главнаго пункта войскамъ, не находившимся на полной высотѣ моральныхъ силъ. Чтобы не быть голословнымъ, высказывая подобное мнѣніе, приведемъ здѣсь еще выписки по этому поводу изъ записокъ начальника штаба гарнизона:

«Если бы въ день штурма на Малаховомъ курганѣ стояла эта испытанная въ бояхъ дивизія (12-я), вмѣсто 15-й резервной, то Макъ-Магону не такъ бы легко было овладѣть Корниловымъ бастіономъ...»

«Настало 27-е августа. Извѣстно, что французы подступили войсками своими къ Малахову кургану на разстояніе 60-ти шаговъ и ворвались въ наше укрѣпленіе, не встрѣтивъ въ первую минуту серьезнаго сопротивленія отъ войскъ 15-й резервной дивизіи, недавно сформированной изъ отпускныхъ и рекрутовъ, не бывшихъ до того никогда въ огнѣ и только что поступившихъ на этотъ опасный постъ на смѣну 9-й пѣхотной дивизіи, окончательно истомленной службой на этомъ пунктѣ. Извѣстно также, что на всѣхъ прочихъ бастіонахъ попытки союзниковъ овладѣть ими остались безъ успѣха» [1]).

Немалое нравственное значеніе на ходъ борьбы за Малаховъ курганъ имѣло, какъ мы видѣли, преждевременное выбытіе изъ рядовъ начальниковъ, которые своимъ вліяніемъ на малодецкія войска могли бы сплотить воедино разстроенныя и столпившіяся вокругъ кургана наши части, выбивавшіяся изъ силъ и все время рвавшіяся съ непостижимымъ упорствомъ въ бой съ превосходнымъ по численности непріятелемъ, дабы отнять у него обратно захваченный имъ Малаховъ курганъ.

Не будемъ упоминать о другихъ причинахъ, имѣвшихъ то же нѣкоторое вліяніе на неудачу нашу въ борьбѣ на курганѣ, но не имѣвшихъ связи съ нравственнымъ элементомъ.

---

[1]) Записки князя В. И. Васильчикова. «Русскій архивъ» 1891 г., № 6-й, стр. 244.

Съ невыразимо-грустнымъ и тяжелымъ чувствомъ на душѣ наши геройскіе защитники Севастополя покинули его и устраивались на новыхъ позиціяхъ на сѣверной сторонѣ и Инкерманскихъ высотахъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ войскамъ нашимъ служило сознаніе исполненнаго до конца долга службы родинѣ и достойная оцѣнка этой ихъ службы не только ближайшими начальниками, но и Государемъ Императоромъ. Не можемъ не привести здѣсь слѣдующаго документа:

«Высочайшій приказъ Россійскимъ арміямъ.

«Долговременная, едва-ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она съ самаго почти начала поставила его защитниковъ на ряду съ героями, наиболѣе прославившими наше Отечество. Въ теченіе 11-ти мѣсяцевъ гарнизонъ Севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной, окружавшей городъ, земли и каждое изъ дѣйствій его было ознаменовано подвигами блистательнѣйшей храбрости. Четырекратно-возобновляемое жестокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именуемъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ ихъ. Съ неодолимымъ мужествомъ, съ самоотверженіемъ, достойнымъ воиновъ-христіанъ, они поражали враговъ или гибли, не помышляя о сдачѣ. Но есть невозможное и для героевъ. 27-го сего мѣсяца, послѣ отбитія шести отчаянныхъ приступовъ, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловымъ бастіономъ, и главнокомандующій Крымскою арміею, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь, которая въ семъ положеніи была бы уже безъ пользы проливаема, рѣшился перейти на сѣверную сторону города, оставивъ осаждающему непріятелю одни окровавленныя развалины.

«Скорбя душею о потерѣ столь многихъ доблестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою на жертву Отечеству, и съ благоговѣніемъ покоряясь судьбамъ Всевышняго, коему не угодно было увѣнчать ихъ подвиги полнымъ успѣхомъ, Я признаю Святою для Себя обязанностью изъявить и въ семъ случаѣ, отъ имени Моего и всей Россіи, живѣйшую признательность храброму гарнизону Севастопольскому, за неутомимые труды его, за кровь, пролитую имъ въ сей почти цѣлый годъ продолжавшейся защитѣ сооруженныхъ имъ же въ немногіе дни укрѣпленій. Нынѣ, войдя снова въ

ряды армій, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ же воинскихъ доблестей. Вмѣстѣ съ ними и подобно имъ, всѣ наши войска, съ тою же безпредѣльною вѣрою въ Провидѣніе, съ тою же пламенною любовью ко Мнѣ и родному нашему краю, вездѣ и всегда будутъ твердо встрѣчать враговъ, посягающихъ на Святыни наши, на честь и цѣлость Отечества, а имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ.

«На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Александръ» [1]).

С.-Петербургъ,
30-го августа 1855 года».

Но не только этимъ приказомъ Государь выказалъ вниманіе своимъ доблестнымъ войскамъ, вскорѣ онъ извѣстилъ главнокомандующаго, что самъ посѣтитъ его армію, чтобы лично на словахъ еще разъ благодарить войска за ихъ геройскую службу. При этомъ онъ писалъ князю Горчакову:

«На случай моего пріѣзда въ Крымъ, Я строжайшимъ образомъ запрещаю дѣлать какія-либо приготовленія для смотровъ войскъ. Они и безъ того много перетерпѣли, и потому не хочу, чтобы пріѣздъ Мой былъ имъ въ тягость» [2]).

Состоявшееся прибытіе Государя, 28-го октября, въ Крымскую армію было для нея самою лучшею наградою: «Вездѣ его присутствіе, Его милостивый привѣтъ—поселяли восторгъ неописанный и были величайшею наградою для Его воиновъ отъ главнокомандующаго до рядоваго» [3]).

Милостивое обращеніе Государя переполняло радостью и восторгомъ души закаленныхъ Севастопольскихъ героевъ. Такъ, при посѣщеніи 11-й дивизіи, столь доблестно отбывавшей свою службу въ этомъ городѣ, Государь слѣзъ съ лошади и пѣшкомъ обходилъ ряды полковъ, распрашивая и разговаривая даже съ отдѣльными нижними чинами, георгіевскими кавалерами и раненными.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. II, отд. II, стр. 247 и 248.
[2]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 141.
[3]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 192 и 193.

Затѣмъ вызвалъ передъ дивизію всѣхъ офицеровъ и благодарилъ ихъ отдѣльно и на ихъ глазахъ протянулъ руку генералу Павлову и изволилъ сказать ему: «Благодарю тебя за третій бастіонъ, ты славно отдѣлалъ англичанъ» [1]).

Послѣ этого Государь удостоилъ даже принять завтракъ, устроенный офицерами 11-й дивизіи, на которомъ пилъ здоровье этой славной части.

Вообще обращеніе Государя со всѣми чинами арміи было столь милостивое и внимательное, что въ запискахъ генералъ-лейтенанта Семякина мы находимъ слѣдующія знаменательныя строки: «... и по истинѣ было что-то торжественное, когда Государь, среди солдатъ и офицеровъ, былъ гораздо проще, любезнѣе и добрѣе каждаго изъ нашихъ корпусныхъ командировъ» [2]).

VII.

Характерныя черты изъ жизни и воспитанія черноморскихъ моряковъ.

Каждый разъ, когда намъ приходилось касаться разбора нравственнаго настроенія войскъ, составлявшихъ гарнизонъ Севастополя, мы, на основаніи всѣхъ данныхъ и документовъ, приходили къ убѣжденію, что начало высокаго моральнаго уровня въ гарнизонѣ было положено нашими славными черноморскими моряками. Изъ нихъ преимущественно состоялъ этотъ гарнизонъ въ первое время осады, ихъ же командиры и офицеры съ начала и до самаго конца осады командовали почти всѣми отдѣленіями оборонительной линіи, бастіонами, батареями и т. д. Ихъ же незабвенный герой—адмиралъ Корниловъ былъ душою и организаторомъ обороны города. Однимъ словомъ, судьба Севастополя была вначалѣ ввѣрена почти одной черноморской семьѣ. Семья эта устроила первоначальную защиту; она своею энергіею заставила противника отказаться отъ немедленной атаки и приступить къ продолжительной и упорной осадѣ. Черноморцы отдали свои силы, дали и матеріальныя средства, завели свои порядки и вложили свой духъ въ эту безпримѣрную борьбу. Постепенно прибывавшія и входившія въ составъ гарнизона отдѣльными частями наши полевыя войска заставали тамъ уже прочно укоренившійся характеръ борьбы,

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 587.

[2]) Рукописи, т. III, стр. 193 и 194.

замѣчательный подъемъ нравственнаго духа, и, какъ войска русскія, весьма отзывчивыя на развитіе моральнаго могущества, сейчасъ же воспринимали этотъ тонъ и настроеніе, достойно соперничая въ молодечествѣ и удальствѣ съ природными севастопольцами.

Мы видѣли уже, какими вѣрно разсчитанными, правильными и энергичными мѣрами дѣйствовалъ адмиралъ Корниловъ, съ перваго же дня вступленія его въ руководство защитою города, на нравственныя силы своихъ подчиненныхъ, и какихъ благихъ и высокихъ результатовъ онъ достигъ въ весьма короткое время, т. е. меньше, чѣмъ въ мѣсяцъ. Но именно возможность въ столь короткій срокъ, при обстановкѣ лишь ожиданія боевыхъ дѣйствій, достигнуть столь выдающихся результатовъ доказываетъ, насколько почва была подготовлена. Насколько до начала дѣйствій подъ Севастополемъ наши бравые черноморцы службою и воспитаніемъ были вполнѣ подготовлены къ нравственнымъ воздѣйствіямъ своихъ начальниковъ; какой запасъ нравственныхъ силъ и могущества они носили въ своихъ доблестныхъ сердцахъ.

Перебирая и подготовляя матеріалъ для настоящаго изслѣдованія, намъ попались подъ руку нѣкоторыя указанія на причины такого нравственнаго могущества черноморцевъ и мы не считаемъ себя въ правѣ не подѣлиться съ читателемъ этими данными, какъ вслѣдствіе ихъ значенія для разъясненія вопросовъ нравственнаго элемента, такъ и ради бо̀льшей полноты изслѣдованія. Мы не задаемся исчерпать полностью этотъ вопросъ, т. е. представить болѣе или менѣе полную картину жизни и воспитанія черноморцевъ, такъ какъ это слишкомъ непосильный для насъ трудъ. Не принадлежа, къ сожалѣнію, къ нашей славной морской семьѣ, мы не въ состояніи вѣрно оцѣнить и понять всѣ данныя для подобнаго изслѣдованія, да къ тому же и главные матеріалы для таковой работы, хотя бы, напримѣръ, приказы и распоряженія по Черноморскому флоту Михаила Петровича Лазарева и его переписка за время управленія этимъ флотомъ находятся еще въ архивахъ въ необработанномъ видѣ.

Да простятъ же намъ наши спеціалисты, что мы рѣшаемся все-таки затронуть подобный вопросъ, разсчитывая единственно на то, что иногда даже и невооруженнымъ глазомъ можно увидать, хотя и не такъ ясно, широкій горизонтъ.

Въ славную эпоху Екатерины II, съ окончательнымъ утвержденіемъ нашимъ на берегахъ Чернаго моря, началось и развитіе

нашего флота на этомъ морѣ. Необходимость въ немъ для защиты и укрѣпленія новыхъ нашихъ владѣній заставляла энергично приняться за дѣло, и въ 1787 г. Великая Императрица уже осматривала лично вновь устраиваемый, подъ руководствомъ адмирала Мекензи, военный портъ Севастополь и въ немъ флотъ нашъ, состоявшій тогда изъ: трехъ кораблей, 12-ти фрегатовъ, 20-ти мелкихъ, трехъ бомбардирскихъ судовъ и двухъ брандеровъ [1]). Какъ извѣстно, уже въ войны съ 1787 по 1791 гг. молодой флотъ этотъ принялъ блистательное участіе и при помощи его были покорены крѣпости: Очаковъ, Гаджибей, Тульча, Исакча и Измаилъ. Затѣмъ слѣдуютъ морскія побѣды надъ турецкимъ флотомъ, подъ командою принца Нассау-Зигенъ и контръ-адмирала графа Войновича. Еще болѣе широкое и славное боевое поприще выдалось на долю нашего Черноморскаго флота, подъ начальствомъ знаменитаго адмирала Ушакова. Истребленіе имъ 20-ти непріятельскихъ судовъ по берегамъ Чернаго моря между Синопомъ и Анапою, разгромъ турецкаго флота у Еникальскаго пролива и близъ Гаджибея, а въ особенности славная побѣда надъ соединенными эскадрами турецкою, алжирскою, тунисскою и триполійскою, у мыса Каліакріи, сдѣлали Черноморскій флотъ нашъ—грозою для турокъ.

Въ 1798 г. мы видимъ уже нашъ флотъ, подъ командою того же Ушакова, внѣ предѣловъ Чернаго моря, гдѣ онъ совмѣстно съ турецкимъ флотомъ покрылъ себя славою, освобождая Іоническіе острова и Неаполитанское королевство отъ владычества французовъ.

Тоже немало подвиговъ и блистательныхъ дѣйствій выпало на долю части Черноморскаго флота въ послѣдующихъ кампаніяхъ въ Средиземномъ морѣ. Въ войну съ Турціей съ 1807 по 1812 гг. снова Черноморскому флоту Россія была обязана взятіемъ Анапы и Сухумъ-Кале.

Въ 1816 г. въ командованіе Черноморскимъ флотомъ вступилъ адмиралъ Грейгъ. Въ Турецкую кампанію 1828—1829 гг. покореніе Анапы и Сизополя и содѣйствіе арміи при осадѣ Варны являются снова выдающимися дѣйствіями нашего флота.

Послѣ Адріанопольскаго мира мы пріобрѣли, какъ извѣстно, весь восточный берегъ Чернаго моря. Устройство Черноморской береговой линіи, имѣвшей назначеніемъ прекращеніе—торговли

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 66.

невольниками съ Кавказа и доставки горцамъ военной контрабанды, вызвали постоянное крейсерство нашихъ судовъ вдоль этого берега. Постоянное плаваніе это вдоль непривѣтливаго восточнаго берега, при особой бурности Чернаго моря въ извѣстные періоды и при условіи неимѣнія хорошихъ и устроенныхъ портовъ на этомъ побережьи, конечно, было отличною практическою школою для выработки надежныхъ капитановъ, офицеровъ и командъ.

Изъ приведеннаго краткаго обзора возникновенія и первыхъ шаговъ службы нашего Черноморскаго флота мы видимъ, что ему выпала на долю счастливая обстановка сразу вступить въ постоянную боевую практику. У этого молодаго флота почти сразу стали слагаться боевыя традиціи, которыя, какъ извѣстно, служатъ надежнѣйшимъ залогомъ нравственнаго могущества. На этихъ-то традиціяхъ онъ росъ, развивался, пріобрѣталъ еще новую боевую славу и, какъ бы, набирался, такимъ образомъ, моральныхъ силъ. Но, кромѣ указаннаго, была еще одна причина въ этой постоянной связи флота со всѣми интересами государства, которая немало способствовала надлежащему развитію и воспитанію черноморцевъ.

«Блаженной памяти Императоръ Николай требовалъ отъ Черноморскаго флота, чтобы онъ былъ всегда готовымъ орудіемъ нашей политики, и этимъ однимъ флотъ этотъ въ Его глазахъ получилъ большое значеніе. Сверхъ того, въ присутствіи Его моряки принимали столь дѣятельное и отличное участіе въ войнѣ 1828 г., что безъ флота врядъ-ли можно было бы перейти Балканы; выдержавъ штормъ на кораблѣ «Императрица Марія», Государь Императоръ сроднился съ флотомъ личными воспоминаніями опасности, а это устанавливало связь между тѣми, кто вмѣстѣ терпѣлъ ее.

«Итакъ, флотъ на Черномъ морѣ служилъ какъ для сообщеній и для защиты береговъ, такъ и для помощи военно-сухопутнымъ операціямъ и былъ необходимымъ орудіемъ нашей политики; на южныхъ предѣлахъ государства онъ игралъ главную роль, и безъ него ничто не могло быть предпринято.

«Такое положеніе весьма благопріятно дѣйствовало на весь флотъ.

«Всякій служащій чувствовалъ, что онъ для государства необходимъ, а такое сознаніе порождаетъ въ человѣкѣ чувство собственнаго достоинства и заставляетъ его служить дѣлу всѣми силами души. Никакое жалованье, никакія награды не въ состояніи заставить человѣка полюбить такъ сильно свое дѣло, какъ это дешевое, но великое средство» [1]).

[1]) Рукописи, т. I, стр. 295 и 296.

Весьма благопріятное вліяніе на состояніе Черноморскаго флота оказало продолжительное пребываніе въ должности главнаго командира адмирала Грейга, въ продолженіе 17-ти лѣтъ, съ 1816—1833 годахъ, и адмирала Лазарева, въ теченіе 18-ти лѣтъ, съ 1833—1851 гг.

Вице-адмиралъ Грейгъ былъ сынъ знаменитаго адмирала, героя Чесмы и Гохланда, и имѣлъ громкую репутацію ученаго моряка. «Этотъ опытный морякъ и даровитый администраторъ, извѣстный и въ ученомъ мірѣ, усовершенствовалъ ввѣренный ему флотъ во всѣхъ частяхъ и подготовилъ его къ дальнѣйшему развитію» [1]).

Но управленіе адмирала Грейга, несмотря на значительность достигнутыхъ результатовъ по благоустройству, администраціи и вообще служебной подготовки флота, не могло составить залогъ нравственнаго могущества Черноморскаго флота, такъ какъ было основано не на національной русской почвѣ.

«Въ Черномъ морѣ при адмиралѣ Грейгѣ флотъ комплектовался офицерами преимущественно изъ черноморскихъ гардемаринъ, т. е. дѣтей тамошнихъ семействъ, бо́льшею частью инородцевъ. Изъ нихъ выходило много дѣльныхъ, храбрыхъ и отличныхъ морскихъ офицеровъ, но въ основѣ ихъ воспитанія не лежало и не могло лежать національное чувство, безъ котораго, при всей исправности по службѣ, она дѣлается болѣе или менѣе выгодной професіей, ибо матеріальная польза государства не составляетъ главную цѣль, одушевляющую служащаго» [2]).

Другой авторъ слѣдующимъ образомъ говоритъ по этому же поводу:

«Съ 1812 г. въ высшихъ правительственныхъ сферахъ преобладало начало космополитизма. Такого направленія придерживались начальникъ Южнаго края Россіи, князь Воронцовъ, и адмиралъ Грейгъ. Ловкіе греки, пріемыши Екатерины, не преминули воспользоваться этимъ удобнымъ для себя настроеніемъ и, до цинизма хвастливо вознося свои заслуги, оттѣснили русскихъ, втерлись понемногу и въ администрацію по интендантству и подкопали впослѣдствіи довѣріе къ самому, всѣми чтимому, адмиралу Грейгу. Въ обоихъ флотахъ русскій языкъ все-таки, какъ правительственный и народный, снисходительно признавался существующимъ; но русскому человѣку стало душно въ этой сомкнутой атмосферѣ,

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 68.

[2]) Рукописи, т. I, стр. 299 и 300.

и болѣе способныя личности старались избирать для себя болѣе полезную и благодарную дѣятельность» [1]).

Гораздо бо́льшее значеніе для состоянія Черноморскаго флота имѣло управленіе имъ адмирала Михаила Петровича Лазарева, именно потому, что оно было основано на нравственныхъ, въ томъ числѣ и національныхъ началахъ, вслѣдствіе чего дало флоту не только матеріальное, но и полное моральное могущество. Чтобы дать общее понятіе о дѣятельности Михаила Петровича Лазарева, приведемъ здѣсь, съ обязательнаго разрѣшенія автора, выписку изъ сообщенія, сдѣланнаго въ русскомъ Императорскомъ историческомъ обществѣ нашимъ извѣстнымъ морскимъ исторіографомъ Ѳ. Ѳ. Веселаго:

«Въ 1838, 1839 и 1840 гг. онъ (адмиралъ Лазаревъ) начальствовалъ эскадрами, перевозившими десантныя войска на восточный берегъ Чернаго моря, гдѣ содѣйствовалъ занятію вооруженною силою нѣсколькихъ прибрежныхъ пунктовъ. Въ уваженіе его важныхъ заслугъ въ этомъ дѣлѣ, одно изъ вновь возведенныхъ укрѣпленій, по Высочайшему повелѣнію, было названо «фортъ Лазаревъ». Невозможность представить здѣсь, даже въ самомъ краткомъ очеркѣ, громадное количество разнообразныхъ трудовъ адмирала, заставляетъ ограничиться только замѣчаніемъ, что по его указаніямъ и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ всѣ части подчиненнаго ему обширнаго управленія приведены были въ возможно совершенное состояніе. Не было ни одного темнаго уголка въ ничтожной мастерской, въ который бы не заглянулъ заботливый хозяинъ флота, ни одного канцелярскаго дѣла, которое бы высокосвѣдущій кормчій не направилъ по настоящему курсу. Все матеріальное въ рукахъ такого отличнаго моряка-художника получило вполнѣ цѣлесообразныя и изящныя формы. Въ Николаевскомъ адмиралтействѣ введены были всѣ, не уступающія лучшимъ иностраннымъ флотамъ, усовершенствованія въ постройкѣ, вооруженіи и снабженіи всего штатнаго числа судовъ. Въ Севастополѣ, во вновь строющемся адмиралтействѣ, названнымъ уже по кончинѣ адмирала «Лазаревскимъ», срыта цѣлая гора, произведены громадныя работы доковъ, и городъ украсился множествомъ прекрасныхъ зданій, въ числѣ которыхъ были грандіозной архитектуры морскія библіотека, театръ и многое другое. Въ продолженіе управленія Лазарева, не

[1]) «Изъ воспоминаній и замѣтокъ севастопольца», Д. В. Ильинскаго. «Русскій Архивъ» 1893 г., № 1, стр. 50.

считая мелкихъ, построено болѣе 30-ти линейныхъ кораблей и фрегатовъ, замѣчательныхъ красотою своего наружнаго вида и внутренней отдѣлки и, главное, отличавшихся прекрасными морскими качествами, о которыхъ особенно заботился адмиралъ—отличный знатокъ корабельной архитектуры. Морское и артилерійское вооруженіе судовъ также доведено было до высокаго совершенства, а для достиженія всего этого, конечно, необходимо было предварительно довести до отличнаго состоянія всѣ мастерскія и другія учрежденія, а также установить вездѣ строгій порядокъ и быстроту дѣйствій по всѣмъ портовымъ операціямъ. Благотворная, энергическая дѣятельность адмирала была замѣчена Государемъ Императоромъ и ей отдавалъ полную справедливость вѣнценосный цѣнитель заслугъ своихъ подданныхъ: при всѣхъ болѣе выдающихся служебныхъ дѣйствіяхъ Михаила Петровича, въ лестныхъ, милостивыхъ рескриптахъ выражалась ему Монаршая признательность, назначались щедрыя награды, а иногда на донесеніяхъ его писались сердечно-благосклонныя резолюціи Государя, вродѣ слѣдующей: «Прекрасно, и спасибо генералъ-адъютанту Лазареву; славно и скоро распоряжается!». Всецѣло поглощенный служебными занятіями, адмиралъ не обращалъ вниманія на свое здоровье; но, между тѣмъ, страшный недугъ, подкравшійся незамѣтно, медленно, но неудержимо развивался въ немъ, и 11-го апрѣля 1851 г. свелъ его въ могилу. Государь Императоръ, съ трогательною заботливостью относившійся къ адмиралу во время его болѣзни, былъ глубоко опечаленъ его кончиною, а страшное горе подчиненныхъ выразилось непритворными слезами надъ гробомъ обожаемаго отца-командира. Знаменитый проповѣдникъ, преосвященный Инокентій, глубоко прочувственными словами, очертивъ важность заслугъ почившаго, выразился такъ объ его кончинѣ: «Прекрасный корабль кончилъ кругосвѣтное свое плаваніе, флагъ спущенъ; брошенъ мертвый якорь».

«Но всѣ эти заслуги Лазарева, если можно такъ выразиться, матеріальныя, видимыя, несмотря на ихъ чрезвычайно важное значеніе, блѣднѣютъ передъ благотворнымъ вліяніемъ адмирала на духъ всего личнаго состава его сослуживцевъ. Это вліяніе было до того обаятельно, что, вродѣ какого-то особаго магнетизма, передавалось отъ одного лица къ другому, быстро распространялось и охватывало всю массу служащихъ, отъ высшихъ чиновъ до послѣдняго матроса и мастероваго. Дѣлать все такъ, какъ указалъ Михаилъ Петровичъ, было непремѣннымъ закономъ для каждаго,

и, что важнѣе всего, закономъ, исполняемымъ не столько изъ страха взысканія, сколько изъ полнаго сердечнаго убѣжденія, что все сдѣланное по желанію адмирала будетъ хорошо и честно, а неисполненіе—безчестно, позорно для всякаго и вредно для службы. Подчиняясь съ любовью нравственному кодексу такого симпатичнаго начальника, всякій ясно сознавалъ, что строгая служебная исполнительность составляетъ служебный долгъ каждаго, и, затѣмъ, что въ такой службѣ, какъ морская, мелочей не существуетъ; что въ ней самый незначительный недосмотръ, при случаѣ, можетъ отозваться потерею корабля и гибелью сотенъ товарищей-сослуживцевъ. Но, обладая такимъ вліяніемъ, Михаилъ Петровичъ никогда не дѣлалъ его орудіемъ, подавляющимъ волю отдѣльныхъ личностей, сознавая, что угнетеніе воли превращаетъ человѣка только въ безсознательнаго, автоматическаго исполнителя; напротивъ, благороднѣйшій, честнѣйшій и добрѣйшій адмиралъ всѣми силами старался не о томъ, чтобы обезличить своихъ подчиненныхъ, но чтобы поднять ихъ духъ, возможно развить способности и направить каждаго къ полезной самостоятельной дѣятельности, согласной съ характеромъ, способностями и личными качествами каждаго. Поэтому, въ искусныхъ рукахъ Лазарева масса самыхъ разнообразныхъ людей крѣпко сплачивалась въ одно цѣлое, проникнутое беззавѣтною преданностью къ службѣ и святостью своего долга передъ Царемъ и отечествомъ. Въ этомъ отношеніи важнѣйшею изъ заслугъ Лазарева была созданная его дѣятельностью школа, давшая массу превосходныхъ морскихъ офицеровъ. Правила этой школы, твердо укоренившіяся въ средѣ русскихъ моряковъ и передаваясь преемственно отъ старшихъ къ младшимъ, представляютъ драгоцѣнное наслѣдіе, завѣщанное Лазаревымъ горячо любимому имъ флоту. Тѣло адмирала покоилось уже въ могилѣ, когда духъ его продолжалъ проявлять свое вліяніе въ дѣятельности доблестныхъ его учениковъ, которые въ Синопѣ и при защитѣ Севастополя, а ученики учениковъ Лазарева въ послѣднюю войну строго выполняли завѣтъ своего наставника: «свято и безукоризненно хранить честь русскаго флота!». Чтобы настоящій очеркъ дѣятельности покойнаго адмирала не показался пристрастнымъ панегирикомъ — картиною безъ тѣней, слѣдовало бы упомянуть и о раздававшихся иногда недоброжелательныхъ о немъ отзывахъ, какъ, напримѣръ, при вступленіи его въ должность главнаго командира дѣлались невыгодныя для него сравненія съ предшественникомъ его, адмираломъ Грейгомъ; потомъ иногда являлись нападки

на нѣкоторыя частныя, отдѣльныя его дѣйствія и, наконецъ, недоброжелатели-завистники не пощадили его и въ могилѣ, указывая на недолговѣчность его созданій, т. е. какъ бы ставя ему въ вину разрушеніе Севастополя и гибель Черноморскаго флота. На все это можно сказать, что Лазаревъ, какъ всякій человѣкъ, не могъ не дѣлать иногда ошибокъ, не былъ совершенно свободенъ отъ увлеченій и т. п. Но эти ошибки и увлеченія были до того ничтожны по количеству и малозначительности ихъ, что только самое тенденціозное озлобленіе или безсмысленно шипящая зависть могли касаться ихъ при видѣ поразительно громадныхъ заслугъ адмирала. Указаніе на недолговѣчность созданій его, въ сущности, заключаетъ въ себѣ самую высокую похвалу адмиралу. Нельзя отрицать, что мученическія страданія Севастополя и уничтоженіе Черноморскаго флота вызваны отчасти Лазаревымъ; но вызваны они тѣмъ, что неприступность Севастополя, при блистательномъ боевомъ состояніи Черноморскаго флота, возбудила сильныя опасенія нашихъ враговъ, и они не пожалѣли ничего, чтобы уничтожить такую для себя опасность.

«Черезъ 16 лѣтъ по кончинѣ адмирала, 9-го сентября 1867 г., одновременно Балтійскимъ и Черноморскимъ флотами, чествовалась его память. Въ Петербургѣ спускали броненосный фрегатъ «Адмиралъ Лазаревъ», а въ Севастополѣ открывали монументъ, и колосальная фигура адмирала, воздвигнутая среди развалинъ Севастополя, служила, какъ бы, предзнаменованіемъ близкаго возрожденія любимаго Лазаревымъ города, а, слѣдовательно, и возрожденія славнаго Черноморскаго флота.

«Лучшею характеристикою адмирала и вѣрнѣйшею оцѣнкою его дѣятельности могутъ послужить слова одного изъ его достойнѣйшихъ учениковъ, произнесенныя при открытіи Севастопольскаго монумента: «Трудъ упорный, не ослабный, не утомлявшійся препятствіями; польза истинная, не доставляющая выгодъ труженнику; безграничное усердіе къ обязанности; цѣлая жизнь, отданная долгу—вотъ изъ чего вылитъ этотъ знаменательный памятникъ. Рушилось все видимое, доступное грубому чувству; но высокое, незримое, сохранилось со всѣмъ духовнымъ своимъ обаяніемъ. Адмиралъ передалъ цѣлому сословію истинное, не наглазное только, усердіе къ Царю и любовь къ родинѣ, проявляющуюся отрицаніемъ суетной внѣшности въ трудѣ. Онъ училъ и научилъ любить дѣло ради приносимой имъ пользы. Твердое памятованіе прекраснаго прошедшаго ведетъ къ свѣтлому будущему и хранитъ

въ настоящемъ то уваженіе къ истинно достойному, безъ котораго всякое общество, какъ челнъ безъ руля, мечется безцѣльно въ вѣчно бушующемъ морѣ личныхъ страстей. Съ этимъ памятованіемъ навсегда сохранится то, чего не сокрушатъ никакія вражескія усилія; устоятъ нравственная мощь и знаніе, способное возстановить рушеніе и покрыть море новыми силами по первому слову Державнаго кормчаго».

Самъ Лазаревъ въ молодости своей прошелъ вполнѣ практическую и выдающуюся морскую школу. Будучи еще мальчикомъ, онъ въ числѣ другихъ кадетъ былъ отправленъ, въ царствованіе Екатерины II, въ Англію для изученія морскаго дѣла. Это была лучшая эпоха англійскаго флота, когда, подъ управленіемъ знаменитаго Нельсона, онъ не зналъ себѣ равнаго въ цѣломъ свѣтѣ и, развитымъ воодушевленіемъ, любовью къ дѣлу и стремленіемъ къ полезной дѣятельности, воспитывалъ изъ своей среды настоящихъ героевъ. Лазаревъ участвовалъ въ знаменитомъ Трафальгарскомъ сраженіи и все видѣнное имъ глубоко запало въ душу и онъ поставилъ себѣ цѣлью жизни достигнуть того же въ родномъ флотѣ. Развитіе и примѣненіе на практикѣ пріобрѣтенныхъ знаній было первымъ стремленіемъ Лазарева, и мы видимъ, что онъ въ тѣ времена, когда кругосвѣтныя плаванія въ нашемъ флотѣ были крайнею рѣдкостью, совершилъ три таковыхъ, командуя «Суворовымъ», «Мирнымъ» и «Крейсеромъ». Возвратившись изъ послѣдняго плаванія въ 1825 году, онъ привелъ въ Балтійское море свой фрегатъ «Крейсеръ» въ такомъ образцовомъ въ морскомъ отношеніи видѣ, что на фрегатъ этотъ, въ виду поучительности, возили гардемариновъ. Въ столь же образцовомъ видѣ представился, но уже на боевой экзаменъ въ Наваринскомъ сраженіи, вооруженный и приведенный имъ изъ Архангельска, новый корабль «Азовъ». Выдѣляясь своими дѣйствіями, на глазахъ соединенныхъ флотовъ трехъ державъ, корабль добылъ себѣ въ этомъ бою георгіевскій флагъ, а своему командиру чинъ контръ-адмирала. Въ 1833 году Лазаревъ уже командовалъ эскадрою, ходившею въ Константинополь для помощи султану противъ египетскаго паши, а затѣмъ и былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Черноморскаго флота.

Плавая на судахъ и доводя ихъ до образцоваго вида, онъ попутно пріохачивалъ къ дѣлу и воспитывалъ своихъ подчиненныхъ, изъ которыхъ выдвигалъ и намѣчалъ болѣе способныхъ, образовывая ихъ въ такихъ столповъ морскаго дѣла, какими были, напримѣръ, его ученики: Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ и цѣлая плеяда другихъ, впослѣдствіе извѣстныхъ нашихъ моряковъ.

Вступивъ въ командованіе Черноморскимъ флотомъ, Лазаревъ сразу поставилъ дѣло на національную почву:

«Не тратя попусту слово, онъ прямо приступилъ къ дѣлу. Пріѣхавшаго съ нимъ Нахимова онъ назначилъ командиромъ вновь строящагося корабля «Силистрія», Путятина командиромъ вновь спущеннаго фрегата «Агатополь», а молодаго Корнилова командиромъ тендера «Лучъ». Достаточно было одной лѣтней кампаніи, чтобы хвастливое утвержденіе грековъ, будто они болѣе русскихъ способны къ морскому дѣлу, было въ корень уничтожено образцовымъ видомъ, военнымъ порядкомъ и мастерскимъ, чисто-морскимъ управленіемъ питомцевъ Лазарева.

«Само собой создалась конкуренція, потребность приложить къ труду все свое знаніе и способность, и незамѣтно создалось общественное мнѣніе. Прежде при выпускѣ въ офицеры изъ морскаго корпуса, самые плохіе по экзамену назначались на службу въ Черноморскій флотъ; вдругъ произошла перемѣна, и стали чинить желающимъ такого перевода препятствія» [1]). Эта же перемѣна въ комплектованіи офицерами Черноморскаго флота, много, конечно, помогла Лазареву въ его дѣятельности:

«Во всякомъ случаѣ однородность общества офицеровъ: подготовленныхъ и настроенныхъ уже въ корпусѣ къ точному исполненію установленныхъ правилъ и приказаній, и вообще воспитанныхъ въ строгомъ военномъ духѣ, была въ высшей степени благопріятна для службы...»

«Общество офицеровъ представляло совершенную однородность потому, что всѣ воспитались въ одномъ и томъ же морскомъ корпусѣ, были дѣти дворянъ, и бо́льшею частью морскихъ же офицеровъ» [2]).

Подобная однородность общества офицеровъ по своему составу, образованію и воспитанію и по неуловимымъ особенностямъ однокашничества, конечно, давала много залоговъ для развитія настоящаго товарищества, результатомъ чего должна была явиться, при умѣломъ направленіи начальника, сплоченность и образованіе одной общей, твердой своею внутренней спайкой, семьи.

Посмотримъ же теперь, какими пріемами воздѣйствовалъ на эту черноморскую семью Лазаревъ, и если намъ не хватитъ данныхъ для документальной обрисовки его дѣятельности, то постараемся

---

[1]) Д. В. Ильинскій. «Русскій Архивъ» 1893 г., № 1, стр. 50 и 51.

[2]) Рукописи, т. III, стр. 298 и 301.

дополнить ихъ изъ дѣятельности его ближайшихъ сотрудниковъ, какъ вѣрныхъ и неизмѣнно преданныхъ ему его учениковъ и продолжателей его системы въ дѣлѣ веденія и воспитанія подчиненныхъ.

Въ основу отношеній своихъ къ подчиненнымъ Лазаревымъ былъ положенъ вѣрный взглядъ сохраненія какъ ихъ, такъ и своего достоинства:

«Будучи отъ природы не гордъ, а просто общителенъ, Лазаревъ всегда и всюду въ обращеніи съ подчиненными сохранялъ въ высшей степени чувство достоинства, но не терпѣлъ и отъ нихъ излишней къ себѣ предупредительности. Какъ въ разговорѣ съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, такъ и въ разговорѣ съ мичманомъ, онъ былъ неизмѣнно тѣмъ же, никогда не позволялъ себѣ выказывать, при посѣщеніи Государя, торопливость или робкую угодливость, въ полномъ сознаніи, что долгъ его службы, по силамъ его, исполненъ, и поэтому съ любовью, но безъ малѣйшаго страха, радовался посѣщеніямъ Государя»[1]).

Дѣйствительно, трудно разсчитывать воспитать доблестнаго воина, не поднявши или не поддержавши до должнаго уровня его личное достоинство, а между тѣмъ эта азбука военнаго воспитанія, къ сожалѣнію, весьма часто забывается въ личныхъ отношеніяхъ между начальниками и подчиненными.

Въ дѣлѣ образованія изъ своихъ подчиненныхъ доблестныхъ и хорошихъ слугъ отечеству адмиралъ добивался прежде всего вселить въ нихъ любовь, интересъ и преданность своей службѣ. И въ этомъ отношеніи имъ употреблялись самые разнообразные пріемы, въ зависимости отъ данной обстановки и характера подчиненнаго. Такъ, въ бытность свою командиромъ «Азова», Лазаревъ: «... замѣтилъ способности въ молодомъ Корниловѣ, и видя ихъ тратимыми на неопредѣленную цѣль, на чтеніе легкихъ и вредныхъ французскихъ авторовъ, выражалъ негодованіе на такую ошибочную умственную дѣятельность строгими взысканіями за всѣ промахи по службѣ. Бѣдный мичманъ, съ трудомъ перенося гоненія, вспомнилъ прежняго командира и думалъ, что новый преслѣдуетъ его по той же причинѣ. Корниловъ хотѣлъ уже просить графа Гейдена, замѣнившаго на кораблѣ Сенявина, о переводѣ его къ другому командиру; но, сжалясь, наконецъ, надъ подчиненнымъ, Михаилъ Петровичъ рѣшился объясниться съ нимъ. Онъ просилъ Корнилова сказать ему откровенно: желаетъ ли онъ про-

[1]) Д. В. Ильинскій. «Русскій Архивъ» 1893 г., № 1, стр. 51.

должать службу во флотѣ, и, по утвердительномъ отвѣтѣ, выразилъ свой взглядъ на обязанности морскаго офицера, необходимость образовывать себя для службы, изучать языки, на которыхъ болѣе сочиненій по морской части, и, наконецъ, читать эти сочиненія вмѣсто бывшихъ на полкѣ въ скромной каютѣ мичмана. Покойный Владиміръ Алексѣевичъ (Корниловъ) очень любилъ разсказывать объ этой эпохѣ своей жизни и увѣрялъ, что капитанъ не удовольствовался силою убѣжденія, а выбросилъ всю его библіотеку за бортъ, замѣнивъ ее книгами изъ собственной своей. Не знаемъ, простеръ ли Михаилъ Петровичъ до этой степени свое ожесточеніе на французскихъ писателей XVIII вѣка? Убѣжденный, что подобные менторы свернули бы 20-ти-лѣтнему юношѣ топъ [1]), можетъ быть рѣзкій еще тогда въ своихъ привычкахъ, капитанъ и посягнулъ на такое истребленіе. Достовѣрно, что Корниловъ началъ заниматься дѣломъ, учиться, слѣдить за собою, короче—жить новою жизнію» [2]).

Весьма интересными тоже являются первые шаги службы молодаго Ивана Семеновича Унковскаго, впослѣдствіи извѣстнаго моряка, командира брига «Эней» и фрегата «Паллада».

Отецъ Унковскаго, бывшій морякъ и товарищъ Лазарева, видя, что сынъ его по выпускѣ изъ корпуса служилъ, такъ сказать, для очистки совѣсти и не втягивался душою въ морскую службу, просилъ Лазарева взять его къ себѣ. Вскорѣ молодой человѣкъ, почти противъ своего желанія, былъ опредѣленъ въ Черноморскій флотъ и назначенъ адъютантомъ къ главному командиру.

«... Лазаревъ принялъ его какъ роднаго, поселилъ у себя въ домѣ и, сразу понявъ душевное настроеніе юноши, пожелалъ дать ему занятіе, способное поглотить все его вниманіе.

«Я поселился, говоритъ Иванъ Семеновичъ въ своихъ запискахъ, на набережной, въ верхнемъ этажѣ флигеля; у меня было четыре большихъ комнаты и прихожая. Видъ изъ оконъ былъ очаровательный на адмиралтейство и на рѣку Ингулъ, впадающую въ Бугъ; подъ окнами проходили военныя суда, транспорты, пароходы и яхты; около домика, подъ горой, у самой воды былъ адмиралтейскій шлюпочный сарай, наполненный разнаго рода гребными судами, на которыхъ были различныя парусныя вооруженія; подлѣ сарая стоялъ на подпорахъ ботъ, прекрасно выстроенный, такъ называемой наборной постройки по образцу Плимутскаго

[1]) Морское выраженіе—вершина, верхній конецъ корабельной мачты.

[2]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, ст. 106 и 107.

бота. На всѣхъ шлюпкахъ парусное вооруженіе приказано было возобновить и освѣжить, всѣ шлюпки выкрасить. Все это адмиралъ приказывалъ очевидно для того, чтобы пріохотить и пристрастить меня къ морскому дѣлу; я былъ назначенъ, по приказанію адмирала, завѣдующимъ шлюпками и гребными адмиральскими судами, находившимися въ адмиралтейскомъ, шлюпочномъ сараѣ, въ которомъ между различными шлюпками находился люгеръ съ полнымъ вооруженіемъ по образцу Дильскаго люгера. Я былъ въ полномъ восторгѣ 20-ти-лѣтняго юноши; съ восходомъ солнца я уже былъ среди этихъ шлюпокъ и гребныхъ судовъ; все шло по моей волѣ и желанію. Я предался этому дѣлу, такъ мудро устроенному для меня адмираломъ, и оставался въ этомъ сараѣ или около него до захожденія солнца и только отлучался отъ вновь дарованнаго мнѣ поста на время, когда приходили звать меня къ обѣду или къ адмиральскому часу. Я былъ всецѣло преданъ возложенному на меня адмираломъ дѣлу или, лучше сказать, дѣломъ этимъ былъ увлеченъ съ необычайною страстью, свойственной моей природѣ. Другихъ мыслей и разговоровъ, какъ объ этихъ шлюпкахъ и съ кѣмъ бы то ни было, я не имѣлъ и имѣть не могъ, такъ какъ къ самымъ интереснымъ предметамъ въ жизни въ то время относился съ полнымъ равнодушіемъ. На душѣ и въ головѣ только и было единственное дѣло вникнуть и глубоко понять это практическое искусство, въ которомъ въ то время я еще ничего не понималъ. Однако, мудрый адмиралъ далеко предугадывалъ будущность мою во флотѣ и вмѣстѣ съ пристращеніемъ къ этому дѣлу, въ короткое время знакомства со мною, такъ сказать, влюбилъ меня въ себя до такой степени, что невозможнымъ казавшееся его предложеніе дѣлалось для меня исполненіемъ удобнымъ и даже нетруднымъ. Михаилъ Петровичъ по моей къ нему привязанности становился для меня какъ бы вторымъ моимъ отцомъ, и потому только не дерзалъ я его въ помышленіяхъ ставить выше моего отца и сильнѣе любить его, что опасался навлечь на себя гнѣвъ Божій...» [1]).

Съ наступленіемъ зимы страсть къ катанью на шлюпкахъ не остыла и молодой морякъ вытащилъ изъ сарая и снарядилъ буэръ; его примѣру послѣдовали нѣкоторые товарищи, такъ что устраивались даже гонки на буэрахъ. Весною уже Унковскаго не удовлетворяло катаніе по рѣкѣ и затаеннымъ желаніемъ его было выйти

---

[1]) Адмиралъ И. С. Унковскій. Разсказы изъ его жизни, записанные Б. К. Истоминымъ. «Русскій Архивъ» 1887 г., № 1, стр. 133 и 134.

въ открытое море на упомянутомъ маленькомъ ботикѣ, на которомъ полагалось всего четыре человѣка команды. Лазаревъ, слѣдя за развивающимися морскими способностями молодаго человѣка и зная качества ботика, разрѣшилъ ему и это предпріятіе.

«Надобно было слышать, какъ черезъ 40 лѣтъ разсказывалъ Иванъ Семеновичъ о своемъ юношескомъ восторгѣ. Это первое самостоятельное плаваніе и затѣмъ эпопея «Оріанды», кажется, произвели на него сильнѣйшее впечатлѣніе.

«Въ тотъ же день ботикъ былъ снабженъ морскою провизіей и всѣмъ необходимымъ, а на другое утро съ разсвѣтомъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, Иванъ Семеновичъ пустился внизъ по Бугу. Счастію его не было предѣла, какъ вдругъ совершенно неожиданно онъ увидалъ слѣдующую по берегу коляску и въ коляскѣ Лазарева, выѣхавшаго проводить ботикъ.

«Передъ закатомъ солнца, пишетъ Иванъ Семеновичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, я вышелъ изъ Днѣпровскаго лимана, т. е. прошелъ мимо Очакова и Кинбурна, и съ закатомъ вступилъ въ море; попутный вѣтеръ свѣжѣлъ и ботикъ мой несся по волнамъ Чернаго моря. Я былъ въ восторгѣ и почувствовалъ осязательно всю красоту и наслажденіе морской жизни. По утру на другой день я на этомъ ботикѣ уже входилъ съ гордо поднятымъ военнымъ флагомъ на Севастопольскій рейдъ... При этомъ плаваніи я буквально соблюдалъ каждое слово тѣхъ наставленій, которыми начинялъ меня наканунѣ этого плаванія Михаилъ Петровичъ» [1]).

Такъ зачастую, оказавъ вниманіе и поручивъ молодому, болѣе или менѣе способному и, въ большинствѣ случаевъ, увлекающемуся, офицеру какое-нибудь маленькое, но отдѣльное, самостоятельное дѣло, можно пріохотить его и заставить серьезно и съ любовью заниматься дѣломъ. Тутъ главную роль играетъ задѣтое и польщенное самолюбіе самостоятельности въ проявленіи и осуществленіи своей воли и желаній и выказанное со стороны начальника довѣріе. Пружина же самолюбія есть главная, на которой можно основать всякое моральное воздѣйствіе на человѣка.

Черезъ четыре года мы уже видимъ лейтенанта Унковскаго командиромъ яхты «Оріанды». Эта яхта-тендеръ была выстроена въ 1836 году подъ личнымъ наблюденіемъ Лазарева и онъ питалъ къ ней особое расположеніе, но, подъ командою трехъ послѣдовательныхъ командировъ, яхта не оправдывала возлагавшіяся на

---

[1]) Адмиралъ Унковскій. «Русскій Архивъ» 1887 г., № 1, стр. 136 и 137.

нее надежды. Унковскій зналъ, чего ожидалъ отъ него Лазаревъ, а потому напрягъ свои силы для изученія особенныхъ качествъ этой яхты. Зачастую и самъ адмиралъ появлялся на палубѣ «Оріанды» со своимъ семействомъ для прогулки по Бугу.

«Однажды, разсказывалъ Иванъ Семеновичъ, мы спускались внизъ по рѣкѣ; впереди насъ, на значительномъ разстояніи, ходко выбирался французскій бригъ. «Обгоните-ка мнѣ этотъ бригъ», сказалъ Лазаревъ. Задача казалась непосильна; двухъ-мачтовый бригъ, очевидно, хорошій ходокъ, находился слишкомъ далеко впереди и, несмотря на всѣ усилія управлявшаго рулемъ Ивана Семеновича, дѣло подвигалось медленно. «Пустите меня къ рулю», сказалъ Лазаревъ и, взявъ на себя управленіе яхтою, пользуясь каждымъ благопріятнымъ мгновеніемъ, мастерски выполнилъ намѣченную задачу. Черезъ полчаса яхта уже шла впереди брига. Иванъ Семеновичъ всегда любилъ вспоминать этотъ случай и мастерство Михаила Петровича» [1]).

Приведемъ еще одинъ примѣръ употребленія въ дѣло Лазаревымъ столь вѣрнаго пріема обученія показомъ.

«Часто и съ особеннымъ удовольствіемъ покойный Павелъ Степановичъ (Нахимовъ), самъ всегда любившій дѣльныхъ молодыхъ офицеровъ, всегда готовый помогать имъ совѣтами своей опытности, любилъ разсказывать, какъ Михаилъ Петровичъ, посѣтивъ однажды вооружавшійся его фрегатъ, и замѣтивъ, что команда неправильно перевязывала ванты, снялъ съ себя вицъ-мундиръ, засучилъ рукава своей рубашки, и перевязалъ какъ слѣдуетъ, подавая тѣмъ благой примѣръ своимъ подчиненнымъ личнаго труда и превосходныхъ его знаній» [2]).

Не можемъ не привести здѣсь еще нѣсколько выписокъ изъ тѣхъ же замѣтокъ молодаго, но уже страстнаго моряка. Весною оживлялась жизнь въ Николаевѣ и все движеніе судовъ приходившихъ и уходившихъ происходило подъ горою адмиральскаго сада. «Тутъ непремѣнно всякій, проходившій по дорожкамъ сада, увидѣлъ бы адмирала съ трубою на берегу у стѣнки, замѣчающаго каждое движеніе на проходившемъ суднѣ. Это былъ по истинѣ страстный охотникъ до морскаго дѣла, и ни одинъ моментъ на суднѣ, входящемъ въ портъ или выходящемъ изъ онаго, не ускользалъ отъ его глаза. Въ то же время многочисленныя шлюпки подъ

---

[1]) Адмиралъ Унковскій. «Русскій Архивъ» 1887 г., № 1, стр. 140.

[2]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, приложенія, стр. 36.

парусами и подъ веслами сновали по рѣкѣ на глазахъ адмирала. Радость наступившей весны изображалась на каждомъ шагу, и не было точки на водѣ, гдѣ бы не останавливалось вниманіе на какомъ-либо чудесномъ зрѣлищѣ, разумѣется морскомъ; жизнь морская, что называется, не умолкала до глубокой ночи, а на берегу соотвѣтствующіе этой жизни разговоры, критическія бесѣды различныхъ группъ, и вся эта жизнь, полная энергіи и страсти къ одному дѣлу, проявлялась лишь, благодаря постоянно дѣйствующей пружинѣ, и эта пружина, все ободряющая, все оживляющая, все движущая, несомнѣнно былъ Михаилъ Петровичъ. Для всѣхъ и каждаго, удостоившихся чести носить морской мундиръ въ то время, онъ казался божествомъ и повелителемъ всего, что на водахъ и на морѣ двигалось и колыхалось. Такъ былъ онъ великъ и могущественъ. Можно смѣло сказать, что подобнаго ему дѣятеля въ Россіи не существовало» [1]).

Дѣйствительно, съ какою настойчивостью и энергіею Лазаревъ слѣдилъ за всѣмъ, что происходило на морѣ, видно еще изъ слѣдующаго случая:

«Тишина и порядокъ на кораблѣ, при совершеніи разныхъ маневровъ, были примѣрные. Живо помню, какъ мы вошли разъ ночью на Севастопольскій рейдъ въ бейдевиндъ: даже свистать въ дудки запрещено было унтеръ-офицерамъ, и одни старшіе боцмана тихо вторили командѣ старшаго офицера, а на другой день капитанъ объявилъ намъ благодарность главнаго командира Черноморскаго флота, Михаила Петровича Лазарева, бывшаго на рейдѣ на пароходѣ Громоносецъ» [2]).

Каждое лѣто Лазаревъ посѣщалъ Севастополь, гдѣ производилъ собранному флоту сначала смотры и ученья на якорѣ, а затѣмъ выходилъ со всею эскадрою въ море для производства эволюцій и маневровъ.

«... Время это было временемъ самой напряженной дѣятельности, и соревнованіе доходило до болѣзненности... распорядителями малѣйшаго движенія на каждомъ суднѣ являлись избранные знатоки морскаго искусства. Каждый изъ нихъ обладалъ неумолимымъ критическимъ взглядомъ, каждый чувствовалъ на себѣ пытливо устремленный взглядъ учителя. Это былъ какъ бы оркестръ, составленный исключительно изъ виртуозовъ; среди подобнаго

---

[1]) Адмиралъ Унковскій. «Русскій Архивъ» 1887, г. № 1, стр. 137 и 138.
[2]) А. Жандръ, стр. 5.

оркестра обратить на себя вниманіе было достойно цѣли жизни. И всѣ стремились къ этой цѣли и въ одобреніи Михаила Петровича видѣли ея достиженіе»[1]).

Вотъ какъ описываетъ тотъ же морякъ пребываніе въ Севастополѣ Лазарева въ 1847 году:

«Адмиралъ нѣсколько дней стоялъ съ флотомъ на рейдѣ въ Севастополѣ. Екатерина Тимофѣевна (супруга Михаила Петровича) почти каждый день съ дѣтьми пріѣзжала къ нему на корабль въ 2 часа обѣдать. Послѣ обѣда, по сигналу съ флагманскаго корабля, отъ всѣхъ стоявшихъ на этомъ рейдѣ судовъ отваливали подъ парусами гребныя суда различныхъ вооруженій—кататься и лавировать по рейду; всѣ стремились проходить подъ кормой адмиральскаго корабля; на прочихъ корабляхъ играла музыка, и я, съ яхтой «Оріандой», снимаясь съ якоря, лавировалъ по рейду чрезвычайно близко и множество разъ проходилъ или, выражаясь морскимъ языкомъ, рѣзалъ корму этого корабля. Адмиралъ въ это время обыкновенно послѣ обѣда сидѣлъ на корабельномъ балконѣ съ сигарой, и возлѣ него были дѣти и жена. Эти торжественныя для меня минуты остались лучшимъ, благоговѣйнымъ воспоминаніемъ на всю жизнь. Милый привѣтъ адмирала и громкое выраженіе его удовольствія каждый разъ, какъ я съ яхтою проходилъ у него подъ кормой, «хорошо, очень хорошо», восторженно звучатъ до сей минуты у меня въ сердцѣ... Послѣ нѣсколькихъ такихъ незабвенныхъ дней, проведенныхъ съ флотомъ на якорѣ въ Севастополѣ, наконецъ, по сигналу съ адмиральскаго корабля весь флотъ снимался съ якоря и уходилъ для практическаго плаванія на нѣсколько дней въ морѣ, и по волѣ адмирала я слѣдовалъ съ яхтой «Оріандой» за флотомъ всегда съ неописаннымъ восторгомъ. Снимались съ якоря обыкновенно очень рано поутру и когда всѣ корабли и суда выходили изъ Севастопольской бухты и уже были на просторѣ въ морѣ, тогда съ адмиральскаго корабля поднимался сигналъ: «кораблямъ и фрегатамъ построиться въ ордеръ похода двухъ колоннъ, а мелкимъ судамъ занять мѣста на вѣтрѣ флота на линіи выстроенныхъ въ колонны кораблей, яхтѣ же «Оріанда» быть на вѣтрѣ на линіи адмиральскаго корабля». Послѣ начинались различныя эволюціи, построенія, ученья, и такъ продолжалось двое сутокъ. На третьи сутки, по обыкновенію, по сигналу съ адмиральскаго корабля «гнать по вѣтру», весь флотъ гонялся, ло-

[1]) Адмиралъ Унковскій. «Русскій Архивъ» 1887 г., № 1, стр. 139.

вировали по вѣтру, и обыкновенно «Оріанда» была къ исходу гонки у всѣхъ на вѣтрѣ, а между кораблями впереди всѣхъ былъ адмиралъ...» [1]).

Въ 1848 году Унковскій признанъ былъ уже настолько выдающимся морскимъ офицеромъ, что былъ посланъ на «Оріандѣ» въ Кронштадтъ для принятія участія въ гонкѣ на Императорскіе призы. Гонки эти пріобрѣтали, такимъ образомъ, громадное значеніе. Любимой яхтѣ Лазарева предстояло соперничество съ новѣйшими по конструкціи и даже выписанными изъ Англіи яхтами Балтійскаго моря. Тутъ были задѣты, какъ бы, честь Черноморскаго флота и самолюбіе его начальника. 8-го августа, послѣ трехъ съ половиною-мѣсячнаго плаванія, яхта благополучно прибыла въ Кронштадтъ. Здѣсь Унковскій познакомился со своими противниками. Гонка состоялась 13-го августа.

«Погода была тихая, вѣтеръ самый умѣренный. Уже въ самомъ началѣ гонки ясно обозначились преимущества многихъ Балтійскихъ яхтъ передъ «Оріандою», которая и по устарѣлой конструкціи, и по невыгодности положенія вскорѣ оказалась позади всѣхъ. Впереди побѣдоносно шелъ «Варягъ».

«На «Оріандѣ» были приняты всѣ мѣры, чтобы воспользоваться каждой случайностью, все было разсчитано съ цѣлью облегченія успѣха: матросы лежали на палубѣ, чтобы меньше парусило, у рулеваго даже были подвязаны уши платкомъ, чтобы ничѣмъ не развлекаться. Штилѣло. Положеніе яхтъ не измѣнялось. Гонка за безвѣтріемъ шла довольно медленно, какъ вдругъ съ юга стали надвигаться тучи и набѣжалъ шквалъ. На яхтахъ стали убирать паруса, но, несмотря на это, онѣ быстро неслись подъ напоромъ вѣтра. Только этой случайности и ожидалъ Унковскій. Шквалъ для него былъ единственною послѣднею надеждою. Вопреки всѣмъ правиламъ предосторожности, рискуя перевернуться съ яхтою, онъ не только не убралъ парусовъ, подъ которыми шелъ, но почти мгновенно, благодаря превосходной командѣ, прибавилъ столько парусовъ, сколько было возможно. «Оріанда» понеслась какъ птица. Яхта за яхтою оставались позади. «Оріанда» летѣла быстро, сближаясь со своимъ главнымъ соперникомъ. Наконецъ, у перваго маячнаго судна она съ навѣтру налетѣла и обогнала «Варяга». Вѣтеръ свѣжѣлъ, и «Оріанда» все болѣе и болѣе прибавляла ходу; часа черезъ два обогнуто второе маячное судно, и когда «Оріанда»

---

[1]) Адмиралъ Унковскій. «Русскій Архивъ» 1887 г., № 1, стр. 140 и 141.

подошла къ третьему, «Варягъ» только подходилъ ко второму. Ровно въ 7 часовъ вечера «Оріанда» бросила якорь у фрегата Паллада, оставивъ далеко за собою всѣхъ состязавшихся. Съ фрегата прокричали троекратное «ура» и поздравили съ выигрышемъ приза. Иванъ Семеновичъ говорилъ всегда, что это была лучшая минута его жизни. До какой степени было сильно впечатлѣніе и предшествовавшее волненіе, можно заключить изъ того, что во время продолжительной, предсмертной болѣзни, въ минуты забытья, онъ начиналъ волноваться и говорить, «что боится опоздать на гонку»: это было ровно черезъ 38 лѣтъ послѣ успѣха «Оріанды!» [1]).

Отъ гонки со шкунами, вслѣдствіе явной невозможности разсчитывать на успѣхъ, Унковскій отказался. Только въ сентябрѣ мѣсяцѣ Унковскій, произведенный въ капитанъ-лейтенанты и осыпанный вниманіемъ и ласками Государя и овaціями со стороны товарищей-моряковъ, отправился въ обратный путь въ самое неблагопріятное время года. Сначала на суднѣ разыгралась холера, захваченная въ Кронштадтѣ, а затѣмъ, у береговъ Испаніи, оно попало въ жесточайшій штормъ и понесло аваріи съ потерею бушприхта. Только черезъ 10 мѣсяцевъ, въ мартѣ 1849 г., «Оріанда» пришла въ Севастополь обратно. Здѣсь, къ удивленію, ему назначенъ былъ карантинъ, а затѣмъ Михаилъ Петровичъ принялъ Унковскаго крайне холодно и съ упреками за отказъ отъ гонки со шкунами и за потерю бушприхта.

«Такой пріемъ и огорчилъ, и удивилъ Ивана Семеновича. Только чрезъ нѣсколько дней Михаилъ Петровичъ сталъ обращаться съ нимъ по старому, разспрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ, благодарилъ и проч. Чрезъ много лѣтъ Иванъ Семеновичъ узналъ отъ своего отца разгадку страннаго поведенія Лазарева въ этомъ случаѣ. Лазаревъ письмомъ объяснялъ Семену Яковлевичу (отецъ Унковскаго) причину холоднаго пріема, говоря, что послѣ такого исключительнаго плаванія, у всякаго, не только у молодаго командира, можетъ закружиться голова, что надо сразу образумѣть человѣка, иначе въ немъ разовьется пагубное самомнѣніе» [2]).

Изъ сказаннаго выше нельзя не заключить, что успѣхъ гонки явился не столько отъ достоинствъ самой яхты, сколько отъ бра-

---

[1]) Адмиралъ Унковскій. «Русскій Архивъ» 1887 г., № 2, стр. 280 и 281.

[2]) Тамъ же, стр. 287.

вости, лихости и искусства самого командира. Мы нѣсколько подробнѣе остановились на всѣхъ этихъ катаньяхъ и гонкахъ на шлюпкахъ подъ парусами, чтобы показать, какимъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ Лазарева былъ весь этотъ спортъ въ дѣлѣ подготовки подчиненнаго ему флота. Этимъ онъ прежде всего развивалъ въ молодыхъ офицерахъ благородную страсть и любовь къ морю, подбодряющую постояннымъ соревнованіемъ; затѣмъ, попутно молодежь обучалась морскому дѣлу и добивалась не только знанія, но и особеннаго искусства. Личнымъ участіемъ и наблюденіемъ онъ не только училъ, но и пріохочивалъ къ дѣлу вѣскимъ поощреніемъ и похвалою, такъ сильно дѣйствующими на самолюбіе.

Но главная выгода этого паруснаго спорта есть попутная, легкая, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣрная выработка въ офицерахъ нравственныхъ качествъ, требуемыхъ отъ будущихъ командировъ и начальниковъ. Каждому военному начальнику должны быть присущи слѣдующія качества: самостоятельность, способность быстро рѣшаться и еще быстрѣе приводить въ исполненіе свое рѣшеніе, привычка брать на себя это рѣшеніе, сознавая, что отъ него зависитъ не только личная опасность, но и отвѣтственность за другихъ подчиненныхъ. Всѣ эти качества не могутъ явиться вдругъ въ человѣкѣ, когда онъ уже ставится въ роль дѣйствительнаго начальника, а должны быть въ немъ развиваемы смолоду, въ теченіе всей его предшествующей службы, иначе зародышъ ихъ можетъ окончательно заглохнуть.

Парусный же спортъ на мелкихъ судахъ, т. е. при участіи молодыхъ офицеровъ, и даетъ именно все необходимое для указанной выработки. Бравое и ловкое управленіе парусами не можетъ быть безъ наличности самостоятельности; нерѣшительность, медленное и неловкое приведеніе въ исполненіе принятаго рѣшенія и даже самая необдуманность его не только сейчасъ же портитъ дѣло при управленіи шлюпкою, но и весьма часто приводитъ къ опасности не только личной, но и жизни экипажа шлюпки.

Вотъ почему, мы и нынѣ, въ эпоху почти исключительно парового военнаго флота, съ удовольствіемъ видимъ, что наша кадетская эскадра пополняется новыми парусными судами. Бравый морякъ легче всего и скорѣе всего вырабатывается подъ парусами.

Постояннымъ же своимъ наблюденіемъ за всѣмъ, что происходило на рейдѣ, за всѣми движеніями и распоряженіями на каждой, даже самой маленькой шлюпкѣ во время ихъ катаній, Лазаревъ знакомился съ подчиненными ему молодыми офицерами и намѣчалъ

наиболѣе способныхъ и годныхъ для дальнѣйшаго движенія по службѣ. Такими же знакомствами съ командирами служили ему маневры и эволюціи флота, при выходѣ эскадръ съ рейда въ открытое море.

Но для знакомства съ характеромъ и способностями отдѣльныхъ личностей изъ всей массы его подчиненныхъ служилъ для Михаила Петровича еще одинъ вѣрный пріемъ:

«Михаилъ Петровичъ, какъ главный командиръ, получалъ столовыя, которыя онъ считалъ своею обязанностью употреблять всѣ по ихъ назначенію, какъ средство личнаго знакомства съ подчиненными. Онъ жилъ открыто, и всякій воскресный день у него къ двумъ часамъ былъ званый обѣдъ, за которымъ играла музыка 2-го учебнаго экипажа. Столъ, обыкновенно, простой, но вкусный и сытный, накрывался на 30 кувертовъ, и соблюдался очередной въ приглашеніяхъ порядокъ: 10 человѣкъ въ генеральскомъ чинѣ (изъ нихъ всегдашнимъ гостемъ былъ начальникъ штаба адмиралъ Степанъ Петровичъ Хрущевъ), 10 человѣкъ штабъ-офицеровъ и 10 оберъ-офицеровъ, причемъ добрый адмиралъ заботливо наблюдалъ, чтобъ приглашались вмѣстѣ тѣ, которые живутъ вмѣстѣ на одной квартирѣ (этимъ экономнѣе соблюдался хозяйственный порядокъ ихъ холостой жизни). За столомъ бывали видны и гардемаринскіе погоны. Послѣ обѣда составлялась, обыкновенно, на биліардѣ игра «à la geurre», а къ пяти часамъ всѣ гости разъѣзжались по своимъ домамъ» [1]).

Дѣйствительно, гдѣ такимъ старшимъ начальникамъ узнать способности, характеръ, наклонности и убѣжденія своихъ подчиненныхъ даже изъ старшихъ и штабъ-офицеровъ, не говоря уже объ оберъ-офицерахъ. Вѣдь не на смотрахъ же, гдѣ кромѣ офиціальной стороны дѣла, да и то иногда затѣмняемой разными случайностями, ничего не увидишь. Непринужденная же застольная и послѣ-обѣденная бесѣда имѣетъ для этого весьма подходящую обстановку. А какая неоспоримая польза для службы и нашего дорогого военнаго дѣла была бы, если бы старшіе начальники хорошо знали личныя особенности каждаго изъ своихъ подчиненныхъ.

Намѣчая всѣми подобными мѣрами болѣе выдающихся изъ молодыхъ офицеровъ, черноморское начальство само заботилось дать имъ возможность пріобрѣсти знанія и опытность, предоставить

---

[1]) Д. В. Ильинскій. «Русскій Архивъ» 1893 г., № 1, стр. 54.

имъ командировки за границу и въ крейсерство къ Абхазскимъ берегамъ. По докладной запискѣ Корнилова, бывшаго тогда уже начальникомъ штаба, было принято за правило: «офицеровъ на суда къ Абхазскимъ берегамъ и за границу выбирать изъ кандидатовъ, представляемыхъ экипажными командирами *за отличіе*, поровну отъ каждаго экипажа»[1]).

Этимъ самымъ и симъ послѣднимъ начальникамъ давалось въ руки орудіе для поощренія своихъ подчиненныхъ, что̀ такъ важно для каждаго начальника. Офицерамъ, а тѣмъ болѣе командирамъ, старались при всѣхъ случаяхъ сохранить полную самостоятельность въ кругу ихъ обязанностей: «на кораблѣ всегда было много офицеровъ, но каждый имѣлъ свое мѣсто и обязанность, съ личною по ней отвѣтственностью, и Владиміръ Алексѣевичъ (Корниловъ) такъ умѣлъ очертить степень вліянія каждаго на общій ходъ какой-нибудь работы, что никто не вмѣшивался въ распоряженія другаго, но всѣ дѣйствовали и помогали другъ другу..... На вахтѣ онъ никогда не вмѣшивался въ распоряженія вахтенныхъ начальниковъ, и предоставлялъ имъ свободу управленія парусами днемъ и ночью, сообщая вечеромъ свои замѣчаніи о состояніи барометра и атмосферы, когда надлежало быть осторожнѣе, и корабль, слѣдуя къ извѣстной цѣли, всегда несъ паруса по силѣ вѣтра. Но ни одно упущеніе на вахтѣ не оставалось безъ замѣчанія, и для многихъ служба на «Двѣнадцати-Апостолахъ» была суровою школою. Иногда же Владиміръ Алексѣевичъ призывалъ въ каюту смѣнившагося съ вахты офицера и объяснялъ ему его ошибки; тогда слово его походило болѣе на совѣты любящаго наставника, чѣмъ на выговоры строгаго капитана»[2]).

Но это не было со стороны Корнилова начальническою мягкостью, а полное убѣжденіе, что научить подчиненныхъ находчивымъ дѣйствіямъ можно совѣтами и указаніями на ошибки, а не строгимъ укоромъ начальника. Въ доказательство сказаннаго приведемъ здѣсь выписку изъ отношенія Корнилова одному изъ начальниковъ, послѣ осмотра стрѣлковыхъ партій, слѣдовавшихъ съ кораблей на гребныхъ судахъ:

«На многихъ гребныхъ судахъ офицеры сидѣли закутанными въ шубахъ, вѣроятно, полагая, что, бывъ назначены въ партіи для береговыхъ дѣйствій, управленіе шлюпками до нихъ не каса-

---

[1]) А. Жандръ, стр. 9 и 10.

[2]) Тамъ же, стр. 2 и 3.

лось. Прошу командировъ: офицеровъ съ такими жалкими понятіями о службѣ посылать на шлюпкахъ не иначе, какъ для черныхъ работъ, гдѣ ихъ взглядъ на свои обязанности вреда дѣлу причинить не можетъ, ибо офицеръ, который во время порученія, налагающаго на него обязанность распоряженія и примѣра подчиненнымъ своимъ, одѣвается такъ, что трудно двигаться и что-нибудь видѣть, конечно, не имѣетъ чувства своего достоинства и, слѣдовательно, понятіе его о служебныхъ его обязанностяхъ жалкое» [1]).

Предоставляя самостоятельность даже младшимъ офицерамъ, черноморское начальство, конечно, особенно ревниво относилось къ самостоятельности командировъ.

«Наслѣдуя отъ Михаила Петровича методу управленія эскадрою, Владиміръ Алексѣевичъ любилъ, чтобы корабль, на которомъ развѣвался его флагъ, носилъ его съ достоинствомъ, но предоставлялъ капитану полную свободу учить команду и управлять судномъ по своей методѣ. Одинъ разъ на моей вахтѣ Владиміръ Алексѣевичъ спросилъ меня: «Думаете-ли вы, что грота-галсъ на мѣстѣ?»— Нѣтъ, отвѣчалъ я, но капитану угодно, чтобы онъ былъ въ этомъ положеніи. Не отвѣчая ни слова, Корниловъ дождался прихода командира и, между прочимъ, передалъ ему свое мнѣніе о грота-галсѣ, и когда капитанъ представилъ, что, осматривая судно снаружи, онъ нашелъ такое положеніе грота-рея наилучшимъ, Владиміръ Алексѣевичъ не настаивалъ больше. Но если дѣло шло о маневрѣ, который могъ служить дурнымъ примѣромъ для эскадры, если Корниловъ замѣчалъ что-либо противорѣчащее морскимъ порядкамъ, заведеннымъ Лазаревымъ въ Черноморскомъ флотѣ, то немедленно останавливалъ и исправлялъ ошибку: на своемъ суднѣ—наставленіемъ командиру, а на партикулярномъ — телеграфомъ по эскадрѣ» [2]).

Какъ вѣрный признакъ уваженія самостоятельности подчиненнаго, можно привести случаи допущенія возраженій съ ихъ стороны:

« . . . Всякій, кто рѣшился представить ему основательныя доказательства своей правоты или пользы своей идеи, всегда былъ имъ выслушиваемъ, и, убѣдившись въ своей ошибкѣ, онъ перемѣнялъ рѣшеніе. Я обязанъ передъ истиною высказать здѣсь, что нѣкоторые изъ приближенныхъ Корнилова, защищая свое мнѣніе,

---

[1]) А. Жандръ, стр. 133.

[2]) Тамъ же, стр. 25 и 26.

увлекались иногда за предѣлы общепринятыхъ отношеній между начальникомъ и подчиненнымъ, и много разъ свидѣтели этихъ возраженій Владиміру Алексѣевичу говорили имъ, что возраженія, хотя и справедливыя, могутъ имъ повредить; но Владиміръ Алексѣевичъ понималъ источникъ ихъ горячности, и до конца жизни дарилъ ихъ особеннымъ своимъ расположеніемъ» [1]).

Еще болѣе характеренъ слѣдующій случай. При распредѣленіи флота для защиты рейда въ 1854 г., часть команды съ фрегата «Сизополь» была назначена въ гарнизонъ одной изъ батарей, а командиръ фрегата съ другою частью команды назначался въ прикрытіе этой батареи, такъ какъ фрегатъ по росписанію не имѣлъ боевой позиціи . . . . ., «но командиръ фрегата «Сизополь» понялъ иначе это распоряженіе, и, не долго думая, высказалъ Владиміру Алексѣевичу, что считаетъ себя глубоко оскорбленнымъ тѣмъ, что его, какъ негоднаго, назначили въ резервъ батареи, которою командуетъ младшій въ чинѣ штабъ-офицеръ. Корниловъ отвѣчалъ, что прикрытіе—не резервъ батареи; но командиръ фрегата стоялъ на своемъ: онъ былъ взволнованъ, слова его лились изъ уязвленнаго сердца и были смѣлы до рѣзкости; Корниловъ прекратилъ объясненія; всѣ думали, что командиръ фрегата «Сизополь» впалъ въ немилость, но Владиміръ Алексѣевичъ скоро доказалъ, что цѣнитъ чувство собственнаго достоинства этого прекраснаго офицера» [2]). На другой же день въ приказѣ были соотвѣтствующимъ образомъ измѣнены распоряженія относительно батареи и фрегата.

При обходахъ Лазаревымъ Николаевскаго адмиралтейства, « . . . на мѣстѣ обсуждались доклады и проекты морскихъ инженеровъ насчетъ судостроенія, а командиры судовъ передавали свои предположенія объ оснасткѣ и вооруженіи судовъ. Часто опытный адмиралъ находилъ эти предполагаемыя улучшенія болѣе, чѣмъ сомнительными при исполненіи на практикѣ; но, видя настойчивое желаніе командира, онъ никогда не препятствовалъ въ исполненіи, и дѣлалъ это, чтобы пріохотить морскихъ офицеровъ къ попеченію и заботамъ привести ввѣренное ихъ командѣ судно въ наилучше исправный видъ» [3]).

Наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ, до чего всѣ воспитанники Лазарева были пріучены къ самостоятельности, служитъ извѣстный

[1]) А. Жандръ, стр. 20.
[2]) Тамъ же, стр. 21.
[3]) Д. В. Ильинскій. «Русскій Архивъ» 1893 г., № 1, стр. 54 и 55.

эпизодъ съ Нахимовымъ, когда онъ еще молодымъ капитанъ-лейтенантомъ командовалъ фрегатомъ «Паллада»:

«Старики наши до сихъ поръ разсказываютъ необыкновенный случай, надѣлавшій въ свое время много шума, какъ молодой капитанъ «Паллады», плавая въ эскадрѣ адмирала NN, поднялъ своему адмиралу сигналъ *флотъ идетъ къ опасности* и въ то же время поворотилъ, не ожидая приказаній; пока адмиралъ повѣрилъ свое мѣсто и сдѣлалъ сигналъ флоту *поворотить*, корабль «Арсисъ» былъ уже на камняхъ» [1]).

Изъ всего сказаннаго выше о пріемахъ и системѣ Лазарева въ подготовкѣ, обученіи и воспитаніи офицеровъ, мы можемъ смѣло сказать, что не даромъ въ нашихъ историческихъ трудахъ встрѣчаются такого рода заключенія, что « . . . главная заслуга Лазарева состояла въ образованіи многихъ опытныхъ и способныхъ морскихъ офицеровъ» [2]).

Въ дѣлѣ же обученія командъ и флота вообще Лазаревымъ и его учениками выказывались слѣдующія главныя черты, которыя заслуживаютъ быть отмѣченными. Прежде всего требовалось отъ судовыхъ командъ, при всякихъ дѣйствіяхъ и исполненіи приказаннаго, неимовѣрная быстрота. По вантамъ матросы должны были «не лазать, а бѣгать» [3]).

«Для достиженія на ввѣренномъ мнѣ кораблѣ при тревогѣ того проворства, съ которымъ должна дѣйствовать артилерія военнаго судна, признаю необходимымъ:

«Нижніе чины, вызываемые на верхъ при тревогѣ, должны являться, куда ихъ требуютъ, съ возможною быстротою, и потому имъ при этомъ не разбирать траповъ, а бѣжать по всѣмъ, какіе поставлены; командиру же оперъ-дека въ такомъ случаѣ озаботиться, чтобы всѣ подъемные трапы, и передніе, и задніе, съ обѣихъ сторонъ были спущены» [4]).

«Послѣ осмотра команды и батарейныхъ палубъ корабля Государь велѣлъ позвать для пробитія тревоги барабанщика, но тутъ вошелъ въ свою роль командиръ Нахимовъ. Онъ просилъ Государя раньше пробитія тревоги стать между нимъ и адмираломъ Лазаревымъ у середины поручни, впереди ютнаго штурвала, а всей остальной свитѣ совѣтывалъ поспѣшно ретироваться къ гакъ-

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, в. I, прилож., стр. 182.
[2]) Тотлебенъ, ч. I, стр. 69.
[3]) А. Жандръ, стр. 315.
[4]) Тамъ же, стр. 321.

борту. Дѣйствительно, распоряженіе это для безопасности лицъ свиты было необходимо. Какъ только грянулъ барабанъ тревогу, корабль дрогнулъ и, выстроенная для осмотра команда, безъ траповъ, бросилась внизъ, а черезъ нѣсколько мгновеній выскакивала на верхъ, съ ружьями и абордажнымъ оружіемъ. Спустившійся почти вмѣстѣ съ барабаннымъ боемъ, по парадному трапу, Государь засталъ всѣ орудія раскрѣпленными и готовыми къ бою. Ничего подобнаго Государь не видывалъ» [1]).

«Ничто, однако, не обращало на себя столько вниманія Владиміра Алексѣевича, какъ готовность корабля къ бою, и каждый день, кромѣ ежедневныхъ одиночныхъ ученій, производилась на кораблѣ тревога съ 4-хъ до 5½ часовъ пополудни. Тутъ все дѣлалось методически, постепенно, все совершенствовалось и приспособлялось къ бою, и едва-ли существовалъ въ то время корабль, на которомъ въ такой мѣрѣ, какъ на «Двѣнадцати-Апостолахъ», въ 1846 г., соединялось бы вмѣстѣ: умѣніе и быстрота заряжанія, вѣрность прицѣливанія, скорость подачи картузовъ, правильность вызова абордажныхъ партій и удобство всѣхъ приспособленій къ бою, отъ цѣпныхъ борговъ на марса-реяхъ до крюйтъ-камерныхъ клапановъ и занавѣсокъ. Что же касается до быстроты изготовленія корабля къ бою, то довольно сказать, что при многихъ пробахъ корабль подъ парусами, со вдвинутыми и закрѣпленными орудіями, открывалъ огонь со шканцевъ и оперъ-дека черезъ 1½, а изъ мидль и гонъ-дека черезъ 4½ минуты по пробитіи тревоги» [2]).

Но не только при тревогѣ требовали быстроты исполненія: «...Лежа въ дрейфѣ подъ марселями въ два рифа, корабль быстро спускался, паруса росли съ баснословною скоростью и не успѣвали оглянуться, какъ онъ уже летѣлъ на фордевиндъ съ распущенными лиселями вмѣсто крыльевъ, и потомъ вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, свертывалъ свои крылья и снова качался въ дрейфѣ» [3]).

Но такая быстрота не была плодомъ суетливости, такъ какъ и въ экстренныхъ случаяхъ все дѣлалось столь же быстро, но съ тѣмъ же внутреннимъ спокойствіемъ.

«Помню также, какъ, лавируя на Одесскій рейдъ, при поворотѣ оверъ-штагъ, рано отдали фока-булинь, и корабль заворотило

[1]) Д. В. Ильинскій. «Русскій Архивъ» 1893 г., № 1, стр. 52 и 53.
[2]) А. Жандръ, стр. 5 и 6.
[3]) Тамъ же, стр. 4 и 5.

теченіемъ на старый галсъ; берегъ былъ близко, поворотить черезъ фордевиндъ почти негдѣ, и на многихъ корабляхъ неминуемо произошелъ бы шумъ и безпорядокъ; но старшій офицеръ «Двѣнадцати-Апостоловъ» также въ полголоса, какъ и обыкновенно, произнесъ: «По мѣстамъ, поворотъ черезъ фордевиндъ», и корабль съ обстененнымъ крюйселемъ поворотилъ на пяткѣ на другой галсъ. Можно было думать, что маневръ этотъ произведенъ былъ капитаномъ нарочно для испытанія команды» [1]).

Происходило же это потому, что: «его система была: учить матросовъ въ то же время быстрой и правильной работѣ, и не разъ онъ говорилъ, что ошибаются тѣ, которые учатъ сначала правильности и думаютъ достигнуть со временемъ скорости, ибо матросы привыкнувъ дѣлать медленно, никогда уже не пріобрѣтутъ быстроты въ работѣ» [2]).

Подобная быстрота составляетъ силу привычки, а не продуктъ торопливости и суетливости, столь вредныхъ для дѣла. Самая же скорость всѣхъ дѣйствій, кромѣ многихъ другихъ выгодъ, имѣетъ за собой, какъ мы знаемъ, и нравственное значеніе, такъ какъ замѣчательно придаетъ энергіи, бодритъ и поднимаетъ духъ въ исполнителяхъ. Она составляетъ, если можно такъ выразиться признакъ и зародышъ всякаго молодечества. Это же развивало во всѣхъ людяхъ находчивость и даже иниціативу, такъ какъ каждый матросъ, въ силу даже одной привычки радѣть постоянно о быстротѣ, бросался, не ожидая команды и указанія, туда, гдѣ требовалась помощь.

«Помню, что въ одно изъ бомбардированій при обходѣ дистанціи, на Ростиславскомъ редутѣ, однимъ ядромъ подбило орудіе и ранило комендора. Ходившій постоянно за мною ординарецъ бросился немедленно распоряжаться за комендора, и вмѣсто подбитаго, новое орудіе было поставлено и открыло огонь такъ быстро, какъ на самомъ взыскательномъ смотрѣ; подобныхъ примѣровъ было множество» [3]).

Изъ всѣхъ приведенныхъ выписокъ мы видимъ, что главное и первенствующее вниманіе обращено было на боевую готовность флота, и этотъ взглядъ проводился не только при обученіи, но и въ дѣлѣ общей организаціи флота.

---

[1]) А. Жандръ, стр. 5.
[2]) Тамъ же, стр. 3.
[3]) Рукописи, т. I, стр. 269.

«Чтобы судить о вѣрности взгляда адмирала Лазарева, я избираю на удачу одно изъ дѣлъ адмирала, теперь забытое и почти уже непримѣнимое въ техническомъ отношеніи, но всегда живое по вѣрности господствующей въ немъ идеи, могущей быть очень полезною и нынѣ при шаткости понятій о многихъ предметахъ, именно, штатъ настоящаго вооруженія 1840 г. Это толстый фоліантъ, страницы котораго наполнены цифрами, означающими, какой длины и толщины должны быть разныя деревья и веревки, какихъ размѣровъ разныя желѣзныя вещи, сколько какихъ матеріаловъ слѣдуетъ отпускать на корабли и проч.; однимъ словомъ, полное положеніе о снабженіи его для боя и плаванія. Повидимому, подобная работа есть дѣло канцелярій, департаментовъ или комисій, и, дѣйствительно, если смотрѣть на него какъ на простую компиляцію цифръ, взятыхъ изъ разныхъ положеній, то дѣло это могъ бы исполнить всякій чиновникъ, что безпрестанно случается, какъ мы всѣ видимъ. Но Лазаревъ смотрѣлъ на вещи иначе, и, поручивъ ихъ составленіе лучшимъ капитанамъ, самъ далъ направленіе всему этому труду, и потому въ штатахъ 1840 г. вездѣ видна одна господствующая мысль, чтобы корабль былъ снабженъ во всемъ съ избыткомъ, одинаково, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Люди не вполнѣ опытные и не моряки весьма легко могли бы увлечься своими политико-экономическими, административными и другими высшими взглядами, не признавая той истины, что эти взгляды должны подчиниться требованіямъ военно-морскимъ. Они стали бы отпускать всего въ обрѣзъ, не терпѣть никакой экономіи на корабляхъ, сокращать для мирнаго времени штаты команды, всѣхъ снабженій на судахъ, въ предположеніи все это увеличить для войны; однимъ словомъ, сдѣлать возможныя урѣзки, на которыя такъ искусны всегда канцеляріи, департаменты и комисіи въ видахъ экономіи для государства.

«Послѣдній способъ, конечно, экономнѣе; но онъ грѣшитъ тѣмъ, что снимаетъ отвѣтственность со всѣхъ потому, что, случись отъ недостатка положенія (что почти неизбѣжно) бѣдствіе, болѣзни, потеря сраженія, командира нельзя будетъ привлечь къ отвѣтственности, а лица, составлявшія положенія, какъ всѣ колективныя учрежденія, останутся вполнѣ безнаказанны. Между тѣмъ, адмиралъ Лазаревъ, вводя въ положенія избытокъ, ставилъ всѣхъ на ясныя отношенія: когда на суднѣ всего довольно, командиру нѣтъ никакого оправданія, если требованія службы не исполнены въ точности. Адмиралъ, съ своей стороны, увѣренъ, что онъ коман-

дира можетъ послать куда угодно и требовать отъ него всякой службы. Многіе думаютъ, что, обрѣзая штаты мирнаго времени, можно исправить зло, увеличивая ихъ въ военное. Это есть полное заблужденіе. Пріучивъ всѣхъ въ долгіе годы мира къ безотвѣтственности и безнаказанному неисполненію требованій начальства, неминуемо происходящихъ отъ недостатка снабженій, этимъ самымъ развращаютъ нравственность и основу службы, и этого зла нельзя будетъ исправить въ военное время никакими сверхсмѣтными суммами. Такимъ образомъ, взглядъ адмирала Лазарева, выраженный въ штатахъ, имѣлъ существенное вліяніе на исправность и строгость исполненія требованій начальства, на полное опредѣленіе и разграниченіе отвѣтственности, безъ которой военная служба немыслима, и на достиженіе того главнаго условія морской службы, выраженнаго въ уставѣ, чтобы военный корабль среди глубочайшаго мира былъ точно также моментально готовъ къ бою, какъ среди самой ожесточенной войны. Такую вѣрность взгляда и пониманія истинныхъ основаній военной службы можно открыть и во всѣхъ дѣлахъ адмирала Лазарева» [1]).

Эти-то взгляды адмирала и его требованія отъ флота вполнѣ сходились съ тѣми разсчетами, которые возлагались нашею политикою на Черноморскій флотъ.

«Неоднократно получаемыя изъ Петербурга приказанія флоту быть готовымъ выйти въ море въ 24 часа заставляло всѣхъ адмираловъ и командировъ держать свои эскадры и суда въ такомъ состояніи, чтобы немедленно выйти на рейдъ, а порта имѣть такъ снабженными, чтобы требованіе это немедленно исполнить» [2]).

На успѣхъ боевой подготовки Черноморскаго флота и на крайнюю энергію къ службѣ всѣхъ служащихъ въ немъ отъ мала до велика, кромѣ примѣра старшихъ начальниковъ, имѣло огромное значеніе развитое до крайности соревнованіе и, такъ сказать, теченіе всей службы на виду у всѣхъ товарищей, сослуживцевъ и начальниковъ.

«Уединенное положеніе Севастополя еще болѣе увеличивало въ морякахъ привязанность къ своей службѣ, такъ какъ ничто другое не развлекало ихъ вниманіе. Кругомъ море, суда, адмиралтейства и моряки — вотъ сфера, въ которой суждено было вращаться и дѣйствовать каждому. Между тѣмъ какъ кронштадтскимъ морякамъ близость столицы представляетъ столько соблазновъ и

[1]) Рукописи, т. I, стр. 301—303.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 294.

возможности избрать другой родъ дѣятельности, Севастополь, отдѣленный отъ всего, сосредоточивалъ всѣ частные и служебные помыслы въ самомъ себѣ. Особенно благопріятныя условія климата, мѣстности и рейда способствовали сближенію привычекъ обыденной жизни съ флотомъ; находясь всегда на глазахъ у всѣхъ, флотъ неизбѣжно составлялъ предметъ постояннаго вниманія. Хорошій или дурной входъ судна на рейдъ, быстрая или вялая работа, лихое управленіе на шлюпкѣ — все дѣлалось предметомъ шумныхъ споровъ, происходящихъ или въ клубѣ, или на Графской пристани, а такъ какъ притомъ близость товарищескихъ отношеній порождала фамильярность, то въ спорахъ этихъ безцеремонно, публично, громко и въ глаза высказывалось одобреніе и порицаніе. Это хотя многимъ бывало непріятно, но имѣло важное значеніе для службы, потому что всякій остерегался попасться на зубокъ безпощадной молодежи, а избѣжать этого возможно было единственно только тѣмъ, чтобы дѣлать хорошо. Если какою нибудь уловкою и удавалось обмануть публику и пустить временно пыль въ глаза, то фальшь открывалась скоро, осмѣивалась публично и побуждала бо́льшую часть общества усвоить для своихъ дѣйствій правило: plus être que paraitre. Отсюда явилась потребность изучать свое дѣло основательно и всему корпусу офицеровъ сообщалось весьма дѣльное направленіе. Въ противоположность тому, что происходитъ въ Кронштадтѣ, гдѣ никто не видитъ флота, въ Севастополѣ всякое судно и всякій офицеръ зналъ, что на него всегда смотритъ нѣсколько глазъ, и что труба Нахимова или съ корабля, или съ квартиры наведена на рейдъ. Чувствуя себя подъ постояннымъ наблюденіемъ, всякій пріобрѣталъ привычку исполнять свое дѣло безукоризненно, не столько изъ опасенія законнаго взысканія или выговора начальства, сколько изъ опасенія подвергнуться порицанію и насмѣшкамъ своихъ сослуживцевъ. Черезъ это образовалось общественное мнѣніе, которое нигдѣ и никогда не выражалось такъ громко, ясно и опредѣлительно, какъ въ Черномъ морѣ, не взирая на то, что тамъ не было никакихъ печатныхъ органовъ для его выраженія. Но лучше и вѣрнѣе этихъ органовъ были постоянныя сборища на Графской пристани, въ клубѣ, на бульварѣ и въ товарищескихъ кружкахъ.

«Такое присутствіе безчисленнаго множества судей породило постоянный контроль и было могущественнымъ средствомъ улучшенія каждаго. Въ такомъ настроеніи я нашелъ общество, поступивъ въ Черноморскій флотъ въ 1843 г., и на своихъ глазахъ ви-

дѣлъ перерожденіе къ лучшему многихъ лицъ, пріѣзжавшихъ сюда на службу изъ другихъ мѣстъ» [1]).

Возбужденія соперничества и соревнованія между судами и командами ихъ искали и начальники. Пребываніе въ крейсерствѣ и заграничныхъ кампаніяхъ давало возможность командирамъ употреблять много времени на обученіе своихъ командъ, но обученіе это происходило по одиночкѣ и не могло повѣряться съ успѣхами, достигнутыми на другихъ судахъ, такъ какъ по возвращеніи они по-одиночкѣ входили въ гавань и, такимъ образомъ, соревнованіе между судовыми командами почти не существовало. Поэтому Корниловъ, какъ начальникъ штаба, просилъ у Лазарева особаго порядка производства имъ инспекторскихъ смотровъ.

«Возбудить это соревнованіе, способствовать развитію морскаго искусства и усовершенствованію боевой части черноморскихъ судовъ, водворить во всемъ флотѣ однообразный военный судовой порядокъ — вотъ цѣль, къ которой стремился Корниловъ, избравъ инспекторскіе смотры судамъ средствомъ къ достиженію сей цѣли.

«По возвращеніи отъ восточнаго берега Чернаго моря, отрядъ крейсеровъ собирался на Севастопольскомъ рейдѣ. Пріѣзжалъ Корниловъ и начиналъ осмотръ на всѣхъ судахъ размѣщенія всѣхъ судовыхъ принадлежностей, предстоявшихъ капитальныхъ исправленій, вооруженія, артилеріи, росписанія команды; потомъ поднималъ гребныя суда на ростры, снимался иногда съ якоря, смотрѣлъ тревогу, перемѣну парусовъ во время боя, вызывалъ абордажныя партіи, требовалъ со всего отряда вооруженныя гребныя суда съ десантомъ и т. п. Такіе смотры или, лучше сказать, публичные экзамены судовъ, электризовали черноморскихъ моряковъ, знакомили Корнилова съ искусствомъ и способностями командировъ, доставляли ему случай видѣть познанія и распорядительность старшаго и подчиненныхъ офицеровъ, развязность и умѣніе команды. Замѣтивъ найденные недостатки командиру, Владиміръ Алексѣевичъ записывалъ свои замѣчанія въ памятную книжку, дабы видѣть, при слѣдующихъ смотрахъ, постепенные успѣхи каждаго судна; заносилъ способнѣйшихъ офицеровъ въ списокъ *кандидатовъ въ командиры* и отмѣчалъ, кто изъ командировъ заслуживаетъ повышенія» [2]).

---

[1]) Рукописи, т. I, стр. 296—298.

[2]) А. Жандръ, стр. 15 и 16.

Эта благоразумная система соревнованія дала въ концѣ концовъ слѣдующіе благіе результаты:

«Прежде у насъ были суда, которыя были бы образцовыми во всѣхъ флотахъ; назовемъ изъ нихъ только «Двѣнадцать-Апостоловъ» и «Силистрію». Въ 1854 г. образцовыхъ судовъ не было; всѣ были одинаковы, всѣ были превосходны. Надо было внимательно всматриваться, долго слѣдить опытнымъ глазомъ за всѣми дѣйствіями, чтобы замѣтить, кто былъ слабѣе другихъ» [1]).

Въ 1850 г. задуманъ былъ пересмотръ номерныхъ таблицъ росписаній, т. е., по нашему, морскихъ уставовъ. Проекты испытывались и по нимъ отбирались мнѣнія командировъ судовъ, при этомъ Корниловъ слѣдующимъ образомъ выразилъ свой взглядъ на росписанія: «Мы даемъ командирамъ обсужденныя и испытанныя данныя и тѣмъ облегчаемъ ихъ трудъ; мы даемъ имъ канву, по которой они могутъ вышивать различные узоры; нельзя стѣснять командировъ; кто съумѣетъ сдѣлать лучше—пусть дѣлаетъ». Все это говорилъ онъ о росписаніяхъ для разныхъ маневровъ, но въ боевомъ абордажномъ и вообще въ основныхъ росписаніяхъ Корниловъ не допускалъ измѣненій» [2]).

Весьма рельефнымъ выраженіемъ взглядовъ одного изъ учениковъ Лазарева, Нахимова, на должныя отношенія къ подчиненнымъ нижнимъ чинамъ, представляетъ изъ себя разсказъ «Фрегатъ Бальчикъ». Это характеристическій разсказъ, въ которомъ все является вымышленнымъ, исключая одного лица, въ которомъ весьма мѣтко и правильно представленъ Павелъ Степановичъ, потому-то мы и приведемъ изъ этого разсказа выписки нѣкоторыхъ монологовъ.

«Мало того, что служба представится намъ въ другомъ видѣ, говорилъ Павелъ Степановичъ, да и сами-то мы совсѣмъ другое значеніе получимъ на службѣ, когда будемъ знать, какъ на кого нужно дѣйствовать.

«Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всѣми. Подобное однообразіе въ дѣйствіяхъ начальниковъ показываетъ, что нѣтъ у него ничего общаго со всѣми подчиненными и что онъ совершенно не понимаетъ своихъ соотечественниковъ. А это очень важно. Представьте себѣ, что вдругъ у насъ, на фрегатѣ, смѣнили бы меня и командира фрегата, а вмѣсто насъ назначили бы на

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, прилож., стр. 131.

[2]) А. Жандръ, стр. 27.

чальниковъ англичанъ или французовъ, такихъ, однимъ словомъ, которые говорятъ хорошо, пожалуй, по-русски, но не жили никогда въ Россіи. Будь они отличные моряки, а все ничего не выходило бы у нихъ на судахъ: не умѣли бы дѣйствовать на нашихъ матросовъ, вооружили бы ихъ противъ себя безплодною строгостью, или распустили бы такъ, что ни на что не было бы похоже. Мы всѣ были въ корпусѣ. Помните, какъ рѣдко случалось, чтобы иностранные учителя ладили съ нами; это хитрая вещь, причина ея въ различіи національностей. Вотъ вся бѣда наша въ томъ и заключается, что многіе молодые люди получаютъ вредное направленіе отъ образованія, понимаемаго въ ложномъ смыслѣ. Это для нашей службы чистая гибель! Конечно, прекрасно говорить на иностранныхъ языкахъ, я противъ этого ни слова не возражаю и самъ охотно занимался ими въ свое время, да зачѣмъ же прельщаться до такой степени всѣмъ чужимъ, чтобы своимъ пренебрегать? Нѣкоторые такъ увлекаются ложнымъ образованіемъ, что никогда русскихъ журналовъ не читаютъ и хвастаютъ этимъ; я это навѣрное знаю-съ. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкаютъ отъ всего русскаго, что глубоко презираютъ сближеніе со своими соотечественниками-простолюдинами. А вы думаете, что матросъ не замѣтитъ этого! Замѣтитъ лучше, чѣмъ нашъ братъ. Мы говорить умѣемъ лучше, чѣмъ замѣчать, а послѣднее уже ихъ дѣло; а каково пойдетъ служба, когда всѣ подчиненные будутъ навѣрное знать, что начальники ихъ не любятъ и презираютъ ихъ? Вотъ настоящая причина, что на многихъ судахъ ничего не выходитъ и что нѣкоторые молодые начальники однимъ только страхомъ хотятъ дѣйствовать. Могу васъ увѣрить, что такъ. Страхъ подъ-часъ хорошее дѣло, да согласитесь, что не натуральная вещь нѣсколько лѣтъ работать на пропалую, ради страха. Необходимо поощреніе сочувствіемъ; нужна любовь къ своему дѣлу-съ, тогда съ нашимъ лихимъ народомъ можно такія дѣла дѣлать, что просто чудо. Удивляютъ меня многіе молодые офицеры: отъ русскихъ отстали, къ французамъ не пристали, на англичанъ также непохожи; своихъ презираютъ, чужому завидуютъ, своихъ выгодъ совершенно не понимаютъ. Это никуда не годится. . . . .

«Пора намъ перестать считать себя помѣщиками, а матросовъ—крѣпостными людьми. Матросъ есть главный двигатель на военномъ кораблѣ, а мы только пружины, которыя на него дѣйствуютъ. Матросъ управляетъ парусами, онъ же наводитъ орудіе на непріятеля; матросъ бросится на абордажъ, если понадобится,

все сдѣлаетъ матросъ, ежели мы, начальники, не будемъ эгоистами, ежели не будемъ смотрѣть на службу, какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ, какъ на ступени для собственнаго возвышенія. Вотъ кого намъ нужно возвышать, учить, возбуждать въ нихъ смѣлость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а дѣйствительные слуги отечества. Вы помните Трафальгарское сраженіе? Какой тамъ былъ маневръ—вздоръ-съ! Весь маневръ Нельсона заключался въ томъ, что онъ зналъ слабость непріятеля и свою силу, и не терялъ времени, вступая въ бой. Слава Нельсона заключается въ томъ, что онъ постигъ духъ народной гордости своихъ подчиненныхъ и однимъ простымъ сигналомъ возбудилъ запальчивый энтузіазмъ въ простолюдинахъ, которые были воспитаны имъ и его предшественниками. Вотъ это-то воспитаніе и составляетъ основную задачу; вотъ чему я посвятилъ себя, для чего тружусь неусыпно и видимо достигаю своей цѣли: матросы любятъ и понимаютъ меня; я этою привязанностью дорожу больше, чѣмъ отзывами чваныхъ дворянчиковъ-съ. У многихъ командировъ служба не клеится на судахъ отъ того, что они невѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ матросами, забывая, что у мужика есть умъ, душа и сердце, такъ же, какъ у всякаго другаго»[1]).

Мы не будемъ здѣсь приводить факты для подтвержденія именно такого отношенія къ людямъ морскихъ начальниковъ Черноморскаго флота, какъ высказывается въ приводимыхъ выше разсужденіяхъ, такъ какъ считаемъ, что въ подтвержденіе этого приведено было достаточно фактовъ въ предшествующихъ главахъ, рисующихъ отношенія Корнилова, Нахимова, Истомина и другихъ моряковъ къ своимъ подчиненнымъ. Мы видѣли, что эти отношенія были основаны на строгой требовательности, любви, заботахъ и сердечныхъ попеченіяхъ о нижнихъ чинахъ.

«Матросы удивительно любятъ его (Нахимова); напримѣръ, вчера онъ разъѣзжалъ по батареямъ и когда проходилъ съ одного фаса на другой, только и слышно было: «наконецъ-то нашъ адмиралъ пришелъ на насъ поглядѣть; вѣдь когда пройдетъ, словно Царь, такъ и душѣ легче» [2]).

Это далеко не походитъ на тѣ отношенія нѣкоторыхъ началь-

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, прилож., стр. 202—204.

[2]) Рукописи, т. II, стр. 374 и 375.

никовъ, встрѣчи съ которыми люди боятся и всѣми силами ее избѣгаютъ.

За то и любовь подчиненныхъ къ этимъ адмираламъ и другимъ начальникамъ была безпредѣльная и даже не только между ихъ прямыми подчиненными. Въ описаніи смерти Нахимова мы встрѣчаемъ слѣдующія строки:

«. . . По окончаніи панихиды дозволено было всѣмъ матросамъ бастіона проститься съ адмираломъ, и замѣчательно, что солдаты тотчасъ же стали просить, чтобы и имъ позволили» [1]).

Еще болѣе рельефенъ слѣдующій разсказъ:

«Рядовой пѣхотнаго графа Дибича-Забалканскаго полка (къ сожалѣнію, имя его неизвѣстно), во время штурма, 6-го іюня, лежалъ на землѣ, близъ Малахова кургана, въ предсмертныхъ мукахъ. «Ваше благородіе, вскричалъ онъ проѣзжающему ординарцу начальника гарнизона, скакавшаго съ Малахова кургана въ городъ, а ваше благородіе!». Офицеръ, посланный съ важнымъ приказаніемъ, не остановился. «Постойте, ваше благородіе, я не помощи хочу просить, а важное дѣло есть...» Офицеръ возвратился къ нему и въ то же время подошелъ къ нему морякъ. «Что нужно, любезный, говори скорѣе!» — «Скажите, ваше благородіе, адмиралъ Нахимовъ не убитъ?»—«Нѣтъ».—«Ну, слава Богу... Я могу умереть спокойно». Солдатъ перекрестился, обратилъ очи къ небу и со вздохомъ закрылъ ихъ на вѣки» [2]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и отношенія между подчиненными, не исключая и матросовъ, и начальниками въ Черноморскомъ флотѣ были основаны на глубокомъ пониманіи послѣдними основъ нравственнаго элемента.

Заканчивая обзоръ пріемовъ воспитанія въ Черноморскомъ флотѣ въ мирное время и переходя къ мѣрамъ, принимавшимся начальниками уже съ открытіемъ непріязненныхъ дѣйствій, мы не можемъ не привести здѣсь, въ дополненіе всего сказаннаго, мнѣнія одного изъ бывшихъ черноморцевъ о причинахъ высокаго состоянія нашего флота на Черномъ морѣ:

«1) Долго и полновластно управлявшіе начальники и начальники вполнѣ достойныхъ.

«2) Большая, вполнѣ исправная масса морскихъ силъ, собранныхъ въ одномъ пунктѣ.

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, прилож., стр. 211.

[2]) Тамъ же, стр. 214.

«3) Сильно развитое и вліятельное общественное мнѣніе, столь же полезное для улучшенія нравственной, сколько матеріальной части флота.

«4) Совершенно однородное общество офицеровъ, не только по воспитанію, но и по народности, съ той поры, когда уменьшилось число инородцевъ, преобладаніе коихъ было вредно потому, что они не видѣли въ Россіи своего отечества, и при всей исправности не могли быть хорошимъ примѣромъ молодежи и вселять въ нихъ безкорыстіе къ службѣ. . . . .

«5) Полная готовность во всякое время къ бою, что вообще требуется и уставомъ, а въ Черномъ морѣ требовалась еще и политикою государства.

«6) Отсутствіе различія между мирнымъ и военнымъ положеніемъ. . . . .

«Послѣднія два условія выгодны потому, что они вызываютъ не только постоянную энергію и исправность на кораблѣ, въ полку и во всякой военной части, но вызываютъ полную бдительность во всѣхъ административныхъ и хозяйственныхъ военныхъ учрежденіяхъ. Такъ что смѣло можно сказать, что корабль или всякая другая военная часть въ полной боевой готовности будетъ полезнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ десять кораблей или частей, которыхъ изготовленія нужно ждать три недѣли или мѣсяцъ, да и тогда командиръ не можетъ быть увѣренъ и отвѣчать за ея дѣйствительность и исправность.

«Соединеніе всѣхъ означенныхъ условій дѣлало Черноморскій флотъ и нравственно, и матеріально лучшею военною силою не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ» [1]).

Съ весны 1853 года Корниловъ спѣшно дѣлалъ всѣ распоряженія для окончательной подготовки всего нашего флота къ предстоявшимъ событіямъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, кромѣ крейсерства у восточнаго берега Чернаго моря, было организовано крейсерство между Босфоромъ и Севастополемъ, для наблюденія за движеніемъ турецкаго флота, такъ какъ тогда, какъ извѣстно, произошелъ уже разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Портою. Въ августѣ мѣсяцѣ Владиміръ Алексѣевичъ производитъ всему флоту, стоявшему въ Севастополѣ, маневры, цѣлью которыхъ была поставлена атака и защита Севастопольскаго рейда. Такимъ образомъ, онъ знакомитъ нашъ флотъ съ возможными предстоящими дѣйствіями, какъ

[1]) Рукописи, т. I. стр. 306 и 307.

по защитѣ нашего главнаго порта, такъ и по атакѣ непріятельскихъ. Отдавая приказъ по флоту послѣ этихъ маневровъ, Корниловъ начинаетъ его слѣдующими словами:

«Оставляя флотъ, я вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность выразить гг. командирамъ судовъ, бывшихъ въ морѣ и на рейдѣ, въ кратковременное мое пребываніе на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ», совершенное мое сознаніе въ томъ, что корабельныя работы и артилерія найдены мною въ самомъ удовлетворительномъ состояніи, и что о таковой готовности на всякое военное дѣло флота я буду имѣть счастье донести Государю Императору» [1]).

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, какъ извѣстно, несмотря на позднее время года, флотъ нашъ блистательно исполнилъ возложенную на него задачу, т. е. перевезъ и высадилъ въ Закавказье, на подкрѣпленіе Кавказскому корпусу, изъ Севастополя всю 13-ю дивизію съ ея артилеріею и обозами, а изъ Одессы въ Севастополь перевезъ одну бригаду 14-й дивизіи.

Но политическія тучи все болѣе и болѣе заволакивали горизонтъ. Турція уже рѣшила объявить намъ войну, если мы не выведемъ нашихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ, а потому предположено было снова учредить крейсерство между Анатолійскимъ берегомъ и Крымомъ. Въ крейсерство это была назначена эскадра Нахимова, которая и вышла 11-го октября изъ Севастополя.

Въ тотъ же день турки открыли военныя дѣйствія на Дунаѣ обстрѣломъ нашей гребной флотиліи; Корниловъ 16-го октября объявилъ объ этомъ въ приказѣ по флоту, въ Севастополѣ, и тутъ же указалъ послѣднія необходимыя распоряженія, заканчивая ихъ слѣдующими словами:

«... Извѣстная всѣмъ исправность судовъ Черноморскаго флота, не разъ заслужившая Высочайшее одобреніе, даетъ полную надежду, что флотъ этотъ, бывъ вызванъ на бой врагами Россіи, докажетъ свѣту справедливость доброй славы, имъ пріобрѣтенной» [2]).

28-го октября Корниловъ уже съ эскадрою выступилъ снова на поиски турецкаго флота, вышедшаго, по свѣдѣніямъ, изъ Босфора, и тогда же отдалъ приказъ, который заканчивался словами:

«При могущемъ встрѣтиться боѣ, я не считаю нужнымъ излагать какія-нибудь наставленія: дѣйствовать соединенно, помо-

---

[1]) А. Жандръ, стр. 54 и 55.

[2]) Тамъ же, стр. 72.

гая другъ другу и на самое близкое разстояніе—по моему лучшая тактика» [1]).

Почти тоже самое высказалъ своей эскадрѣ и адмиралъ Нахимовъ, получивъ въ морѣ извѣстіе объ открытіи военныхъ дѣйствій:

«Имѣю извѣстіе, что турецкій флотъ вышелъ въ море съ намѣреніемъ занять принадлежащій намъ портъ Сухумъ-Кале, и для отысканія непріятельскаго флота отправленъ изъ Севастополя съ 6-ю кораблями генералъ-адъютантъ Корниловъ. Непріятель неиначе можетъ исполнить свое намѣреніе, какъ пройдя мимо насъ, или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ я надѣюсь на бдительный надзоръ гг. командировъ и офицеровъ; во второмъ — съ Божію помощью и увѣренностью въ своихъ офицерахъ и командахъ, я надѣюсь съ честью принять сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля и взаимная помощь другъ другу—есть лучшая тактика» [2]).

29-го числа, на другой день выхода эскадры Корнилова въ море: «Въ 10 часовъ утра, по сигналу, на всѣхъ судахъ отслужили молебенъ о ниспосланіи помощи свыше на враговъ Россіи», и въ полдень сдѣланъ телеграфъ: «Объявить командамъ, что Государь ожидаетъ усердной службы, а Россія всегдашней славы своего оружія. Съ нами Богъ» [3])!

Съ этого дня начался и свирѣпствовалъ до полудня 2-го ноября одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ штормовъ, которыми такъ извѣстно Черное море.

Распросныя и рекогносцировочныя свѣдѣнія сходились въ томъ, что непріятельскій флотъ въ Босфорѣ, а потому Корниловъ отправилъ эскадру, подъ начальствомъ адмирала Новосильскаго, къ адмиралу Нахимову; если нужно подкрѣпить его, а затѣмъ идти въ Севастополь. Самъ же на пароходѣ «Владиміръ» имѣлъ бой и взялъ турецкій пароходъ «Первазъ-Бахри», который и привелъ призомъ въ Севастополь.

Еще выходя изъ Севастополя, адмиралъ Нахимовъ «... далъ командирамъ судовъ инструкцію, въ которой упоминалось: такъ какъ Россія не объявляла войны, то, при встрѣчѣ съ турецкими судами, первый непріязненный выстрѣлъ долженъ быть со сторо-

---

[1]) А. Жандръ, стр. 87.
[2]) Тамъ же, стр. 87 и 88.
[3]) Тамъ же, стр. 89.

ны ихъ; тѣ же турецкія суда, которыя на это рѣшатся, должны быть уничтожены». Въ заключеніе адмиралъ пишетъ: «Я убѣжденъ, что, въ случаѣ разрыва Россіи съ Турціею, каждый изъ насъ исполнитъ свое дѣло» [1]).

Съ полученіемъ извѣстія объ объявленіи войны Нахимовъ поднялъ сигналъ: «война объявлена; турецкій флотъ вышелъ въ море; отслужить молебствіе и поздравить команду» [2]).

Нѣсколько дней за штормомъ адмиралъ не могъ передать на суда копіи съ манифеста; когда же это оказалось возможнымъ, то онъ передалъ и приведенный выше приказъ, причемъ прибавилъ: «...Увѣдомляю гг. командировъ, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превышающимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи вполнѣ увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло» [3]).

Послѣ бывшаго шторма пришлось нѣкоторыя суда отправить въ Севастополь, а потому у Нахимова, по отбытіи Новосильскаго въ Севастополь, осталось всего три корабля. Съ этими-то кораблями и бригомъ Павелъ Степановичъ 11-го ноября подошелъ къ Синопу и увидѣлъ, что тамъ стоятъ не четыре непріятельскихъ судна, какъ прежде было замѣчено черезъ перешеекъ, а 12 судовъ и два транспорта. Сейчасъ же было послано въ Севастополь просить подкрѣпленій; адмиралъ же рѣшилъ пока блокировать эскадру.

Но князь Меншиковъ уже самъ приказалъ Новосильскому съ тремя кораблями, съ разсвѣтомъ 12-го числа, идти къ Нахимову, на случай появленія непріятеля въ большихъ силахъ. Такимъ образомъ, 16-го ноября, наши суда соединились у мыса Пахіоса и Нахимовъ рѣшилъ атаковать стоявшій въ Синопѣ, подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей, турецкій флотъ, съ эскадрою, состоявшей изъ кораблей: «Императрица Марія» (флагманскій), «Чесма», «Ростиславъ», «Парижъ», «Великій Князь Константинъ» и «Три Святителя» и фрегатовъ: «Кагулъ» и «Кулевчи». На слѣдующій день былъ отданъ по эскадрѣ слѣдующій приказъ:

«Располагая при первомъ удобномъ случаѣ атаковать непріятеля, стоящаго въ Синопѣ, въ числѣ семи фрегатовъ, двухъ корветовъ, одного шлюпа, двухъ пароходовъ и двухъ транспортовъ, я составилъ диспозицію для атаки ихъ, и прошу командировъ стать по оной на якорь и имѣть въ виду слѣдующее:

---

[1]) Матеріалы, Н. Дубровина, в. I, стр. 154.

[2]) Тамъ же, стр. 157.

[3]) Тамъ же, стр. 158.

«1) При входѣ на рейдъ бросать лоты, ибо можетъ случиться, что непріятель перейдетъ на мелководье, и тогда на возможномъ близкомъ отъ него разстояніи, но на глубинѣ не менѣе 10 саженъ.

«2) Имѣть шпрингъ на оба якоря; если при нападеніи на непріятеля будетъ вѣтеръ N, самый благопріятный, тогда, вытравивъ цѣпи 60 саженъ, имѣть столько же и шпрингу, предварительно заложеннаго на битенгѣ; идя же на фордевиндъ при вѣтрѣ O и ONO, во избѣжаніе бросанія якоря съ кормы, становиться также на шпрингъ, имѣя его до 30 саженъ, и когда цѣпь, вытравленная до 60 саженъ, дернетъ, то вытравить еще 10 саженъ; въ этомъ случаѣ цѣпь ослабнетъ, а корабли будутъ стоять кормою на вѣтеръ, на кабельтовѣ; вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недѣйствительными отъ малѣйшаго невниманія и промедленія времени.

«3) Передъ входомъ въ Синопскій заливъ, если позволитъ погода, для сбереженія гребныхъ судовъ на рострахъ, я сдѣлаю сигналъ спустить ихъ на воду, и тогда имѣть ихъ у борта съ противолежащей стороны непріятеля, имѣя на одномъ изъ нихъ, на всякій случай, кабельтовъ и вепръ.

«4) При атакѣ имѣть осторожность, не палить даромъ по тѣмъ изъ судовъ, кои спустятъ флагъ; посылать же для овладѣнія ими не иначе, какъ по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для пораженія противящихся судовъ и батарей, которыя, безъ сомнѣнія, не перестанутъ палить, если бы съ непріятельскими судами дѣло и было кончено.

«5) Нынѣ же осмотрѣть заклепки у цѣпей; на случай надобности расклепать ихъ.

«6) Открыть огонь по непріятелю по второму адмиральскому выстрѣлу, если передъ тѣмъ со стороны непріятеля не будетъ никакого сопротивленія нашему на нихъ наступленію; въ противномъ же случаѣ, палить какъ кому возможно, соображаясь съ разстояніемъ до непріятельскихъ судовъ.

«7) Ставъ на якорь и уладивъ шпрингъ, первые выстрѣлы должны быть прицѣльные; при этомъ хорошо замѣтить положеніе пушечнаго клина на подушкѣ мѣломъ, для того, что послѣ въ дыму не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь. Само собою разумѣется, что онъ долженъ быть направленъ по тому положенію орудія, какъ и при первыхъ выстрѣлахъ.

«8) Атакуя непріятеля на якорѣ, хорошо имѣть, какъ и подъ

парусами, одного офицера на гротъ-марсѣ или салингѣ, для наблюденія при батальномъ огнѣ за направленіемъ своихъ выстрѣловъ, а буде они не достигаютъ своей цѣли, офицеръ сообщаетъ о томъ на шканцы, для направленія шпринга.

«9) Фрегатамъ: «Кагулъ» и «Кулевчи», во время дѣйствія остаться подъ парусами, для наблюденія надъ непріятельскими пароходами, которые, безъ сомнѣнія, вступятъ подъ пары и будутъ вредить нашимъ судамъ, по выбору своему.

«10) Завязавъ дѣло съ непріятельскими судами, стараться, по возможности, не вредить консульскимъ домамъ, на которыхъ будутъ подняты національные ихъ флаги.

«Въ заключеніе, я выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота; отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія» [1]).

Для самой атаки Нахимовъ предполагалъ ввести эскадру на рейдъ въ строѣ двухъ колоннъ, изъ которыхъ первую онъ велъ самъ, имѣя флагъ на кораблѣ «Императрица Марія», вторая же, дальняя отъ непріятеля, была поручена младшему флагману Новосильскому, бывшему на кораблѣ «Парижъ».

На другой же день, 18-го ноября, въ 9 часовъ, были спущены гребныя суда, а черезъ полчаса былъ поданъ сигналъ: «приготовиться къ бою и идти на рейдъ; въ исходѣ 11-го часа отслужили молебенъ» [2]).

«Около полудня эскадра подъ марселями, имѣя національные флаги на всѣхъ брамъ-стеньгахъ, шла въ сжатомъ, стройномъ порядкѣ двухъ колоннъ, съ тѣмъ, чтобы развернуться вѣеромъ противъ турокъ, стоявшихъ лунообразно подъ прикрытіемъ своихъ батарей, и стать правой колоннѣ правымъ бортомъ, а лѣвой—лѣвымъ. Увидавъ на адмиральскомъ кораблѣ сигналъ, команды, готовыя къ бою, ожидали только приказанія *начать*, но адмиралъ показалъ полдень (какъ это ежедневно дѣлается на эскадрахъ). Какое величавое спокойствіе!» [3]).

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, стр. 164—166.

[2]) М. Богдановичъ, т. I, стр. 151.

[3]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, прилож., стр. 198.

«Въ 20 минутъ 1-го часа, по первой пушкѣ турецкаго флагманскаго фрегата «Ауни-Аллахъ» былъ открытъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ судовъ боевой линіи и четырехъ береговыхъ батарей. Корабль «Императрица Марія», шедшій въ головѣ первой колонны, былъ засыпанъ ядрами и книпелями; бо́льшая часть его рангоута и стоячаго такелажа перебита; у гротъ-мачты осталась нетронутою только одна лишь нижняя ванта. Но корабль, пользуясь вѣтромъ, дувшимъ съ кормы, продолжалъ двигаться впередъ, обстрѣливая суда, мимо которыхъ проходилъ, и бросилъ якорь противъ стоявшаго пятымъ съ фланга адмиральскаго фрегата «Аунни-Аллахъ», который не выдержалъ и получасоваго огня, отклепалъ цѣпь и выбросился на берегъ у батареи № 10» [1]).

Мы не будемъ здѣсь описывать всего начавшагося боя, но упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ эпизодахъ его, въ которыхъ выказалось особенно рельефно необыкновенное хладнокровіе подчиненныхъ и выдающееся спокойствіе начальниковъ.

«32-го флотскаго экипажа мичманъ Варницкій, отряженный на баркасѣ и полу-баркасѣ, для завезенія вепра кораблю «Три Святителя», и находясь самъ на послѣднемъ, былъ раненъ щепою въ щеку отъ ядра въ то же время затопленнаго полу-баркаса. Несмотря на это, мичманъ Варницкій мгновенно, со всѣми людьми, перескочилъ на баркасъ и, ни мало не потерявшись, исполнилъ свое дѣло подъ сильнымъ огнемъ непріятеля» [2]).

«Граната, ударивъ въ одно изъ среднихъ орудій корабля «Ростиславъ», разорвала оное, разбила палубу и бомсъ и зажгла кокору и занавѣсъ, навѣшенную для подачи картузовъ нижняго дека и находившуюся прямо противъ разбитаго орудія; при этомъ несчастномъ обстоятельствѣ 40 человѣкъ матросовъ были ранены и обожжены. Въ этомъ числѣ, кромѣ прислуги у орудія, пострадали и столпившіеся кокорники и прислуга орудій верхняго дека, находившаяся надъ разбитымъ орудіемъ. Происшедшій, такимъ образомъ, пожаръ немедленно былъ потушенъ, но горящія части занавѣса попадали въ люки крюткамернаго выхода. Нѣкоторые люди изъ назначенныхъ въ крюткамеру, опасаясь за нее, бросились къ дверямъ, но мичманъ Колокольцовъ заперъ двери и велѣлъ накрыть люкъ и клапаны, съ хладнокровіемъ принялся тушить падавшія и тлѣвшія обрывки занавѣса» [3]).

---

[1]) М. Богдановичъ, т. I, стр. 152.

[2]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, стр. 171.

[3]) Тамъ же, стр. 171.

«Корабль «Парижъ» (капитанъ Владиміръ Ивановичъ Истоминъ), дѣйствуя противъ корвета и фрегата, въ скоромъ времени взорвалъ первый и заставилъ броситься на берегъ второй; послѣ, поправивъ цѣпь, онъ сталъ бить двухъ-полосный 64-хъ-пушечный фрегатъ «Низаміе», сбилъ ему мачты и его принудилъ броситься на берегъ, гдѣ онъ скоро и загорѣлся, а, въ заключеніе, вытянувъ снова шпрингъ, открылъ огонь противъ береговой батареи № 5-го. Адмиралъ (Нахимовъ) въ пылу боя тотчасъ замѣтилъ эти правильно-отчетливыя движенія, совершаемыя на кораблѣ съ такимъ спокойствіемъ, и приказалъ сигналомъ объявить свою благодарность, но, къ сожалѣнію, не на чемъ было сдѣлать сигналъ: всѣ фалы были перебиты» [1]).

Между прочимъ въ Синопѣ были закончены и старые наши счеты съ турками относительно нашего фрегата «Рафаилъ», взятаго ими у насъ въ 1829 году:

«Командиръ фрегата «Фазли-Аллахъ» (данный Богомъ) (бывшій Рафаилъ) былъ взятъ въ плѣнъ, и самый фрегатъ взорванъ на воздухъ, и тѣмъ исполнено давнее приказаніе 1829 года Государя Императора бывшему командиру Черноморскаго флота, адмиралу Грейгу, выраженное въ концѣ слѣдующими словами:

«Уповая на помощь Всевышняго, пребываю въ надеждѣ, что неустрашимый флотъ, горя желаніемъ смыть безславіе фрегата «Рафаилъ», не оставитъ его въ рукахъ непріятеля. Но когда онъ будетъ возвращенъ во власть нашу, то, почитая фрегатъ сей недостойнымъ носить флагъ россійскій и служить наряду съ прочими судами флота, повелѣваю вамъ предать оный немедленно огню» [2]).

Въ Синопѣ вся турецкая эскадра была истреблена, исключая парохода «Таифъ», который при началѣ боя бѣжалъ съ рейда въ Константинополь и, благодаря силѣ своего хода, благополучно избѣжалъ боя съ нашими тремя пароходами, слѣдовавшими въ Синопъ, подъ командой Корнилова, отдѣлавшись лишь незначительной перестрѣлкой съ флагманскимъ пароходомъ «Одессою».

«Корниловъ, завидя бѣгство «Таифа», подалъ сигналъ слѣдовавшимъ за нимъ пароходамъ «Крымъ» и «Херсонесъ»: «Атаковать непріятеля, поставя его въ два огня», а самъ, обратясь къ командиру парохода «Одесса», капитанъ-лейтенанту Керну, сказалъ ему: «Объявите вашимъ матросамъ, съ какимъ бы сильнымъ непріятелемъ не довелось бы намъ имѣть дѣло, мой флагъ не бу-

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, в. I, прилож., стр. 198 и 199.

[2]) Тамъ же, стр. 199.

детъ спущенъ». «Я уже объявилъ имъ, что ни въ какомъ случаѣ не спущу своего», отвѣчалъ Кернъ»[1]).

Результатомъ Синопскаго боя было, какъ извѣстно, уничтоженіе 13-ти непріятельскихъ судовъ и потеря турками до 3,000 человѣкъ. Начальникъ эскадры Османъ-паша и два командира фрегатовъ были взяты въ плѣнъ. У насъ потеря простиралась до одного офицера и 37-ми нижнихъ чиновъ убитыми и семь офицеровъ и 229 нижнихъ чиновъ ранеными. Кромѣ того, мы понесли весьма значительныя поврежденія эскадры въ корпусѣ, рангоутѣ, такелажѣ и парусахъ.

Тутъ наши несравненные черноморцы снова выказали громадный запасъ энергіи.

«Тотчасъ же по окончаніи сраженія, суда наши, потерпѣвшія немало, начали исправлять главнѣйшія поврежденія въ корпусѣ, такелажѣ и рангоутѣ, и черезъ 36 часовъ готовы были предпринять обратное плаваніе въ глубокую осень черезъ все Черное море. 20-го ноября утромъ, корабли снялись съ якоря и, при помощи пароходовъ, направились къ Севастополю, куда и пришли, несмотря на крѣпкій вѣтеръ, 22-го числа утромъ» [2]).

Государь Императоръ, получивъ донесеніе о Синопѣ, прислалъ слѣдующую грамоту на имя вице-адмирала Нахимова:

«Истребленіемъ турецкой эскадры въ Синопѣ, вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи.

«Статутъ военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ.

«Исполняя съ истинною радостью постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія 2-й степени большаго креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны» [3]).

Не можемъ не привести здѣсь выписки изъ разсужденій о морскомъ боѣ одного изъ нашихъ выдающихся по службѣ и опытныхъ моряковъ, бывшаго черноморца, какъ по вѣрности высказанныхъ мнѣній, такъ и по примѣнимости ихъ во многомъ и къ сухопутнымъ боямъ:

«Успѣхъ морскихъ битвъ приготовляется заблаговременно и зависитъ отъ начальника только до перваго выстрѣла. Въ этотъ

[1]) М. Богдановичъ, т. I, стр. 156.

[2]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, прилож., стр. 31.

[3]) М. Богдановичъ, т. I, стр. 159.

торжественный моментъ главнокомандующій долженъ совершенно положиться на личныя способности и опытность командировъ, предоставляя себѣ лестное право первымъ ринуться въ бой. Послѣдствія, не менѣе того, принадлежатъ ему столько же, сколько и вождю силъ на сушѣ. Если, въ теченіе крейсерства, онъ съумѣлъ пріучить экипажи къ управленію кораблями, если онъ развилъ въ командирахъ соображеніе, далъ имъ возможность совершенно постичь качества судовъ своихъ, вселилъ въ нихъ увѣренность, которая не можетъ существовать безъ чувства собственнаго достоинства, тогда, подобно Нельсону подъ Трафальгаромъ, онъ можетъ закрыть сигнальныя книги; но если, изъ лишняго педантизма, отсутствіемъ системы или чѣмъ либо подобнымъ онъ изнурилъ команду, если, по нетерпѣнію на маневрахъ, не допускалъ командировъ обдумывать и выполнять мысль свою и, въ довершеніе, клеймилъ ихъ позорными сигналами; если онъ водилъ флотъ на помочахъ, уничтожая тѣмъ всякій произволъ мышленія, тогда дѣло кончено, и въ рѣшительную минуту такому начальнику нѣтъ малѣйшаго основанія надѣяться на успѣхъ. Силы величественныя, стройныя на маневрахъ, когда все доступно глазу и исправимо сигналомъ, въ пылу битвы, при грохотѣ тысячи жерлъ, въ самомъ скоромъ времени представятъ иное зрѣлище. Виновникъ раскается въ своей угнетательной системѣ, но уже поздно. Другое условіе, не менѣе важное и чисто нравственное, есть тѣсная дружественная связь между командирами, и горе адмиралу, упустившему изъ вида это сильное ручательство за успѣхъ. На морѣ взаимная помощь весьма важна, но степень такой помощи не опредѣлима волею начальника, и въ хаосѣ битвы только взаимная привязанность можетъ понудить къ наиболѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ.

«Мы вдались въ эти разсужденія единственно съ цѣлью показать важность дѣйствій морскаго начальства даже въ мирное время. Съ каждымъ днемъ онъ болѣе и болѣе готовитъ себѣ лавры въ будущемъ или отдаляетъ возможность успѣха, и Синопскій бой есть дѣло многолѣтнихъ трудовъ, взаимной увѣренности, поселенной долгимъ служебнымъ братствомъ» [1]).

Послѣ Синопа въ Севастополѣ шли спѣшныя работы по капитальному исправленію пострадавшихъ въ бою нашихъ судовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Корниловъ, въ виду ожидавшагося разрыва съ

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, прилож., стр. 220 и 221.

западными державами, проявлялъ неутомимую дѣятельность въ приготовленіи Севастопольскаго порта къ оборонѣ, а флота къ его защитѣ и къ встрѣчѣ при возможныхъ условіяхъ съ непріятельскимъ флотомъ. Въ этихъ работахъ прошла вся зима.

«Подходилъ великій постъ и Владиміръ Алексѣевичъ распорядился, чтобы всѣ команды морскаго вѣдомства говѣли на первой недѣлѣ, и, подкрѣпивъ свои нравственныя силы вѣрою, ежеминутно готовы бы были встрѣтить грудью непріятеля и не задумались бы умереть всѣ до единаго, если то нужно для славы отечества» [1]).

Настроеніе черноморскихъ моряковъ въ то время дѣйствительно было таково:

«Помню, какъ незабвенный нашъ начальникъ, Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, незадолго до появленія у нашихъ береговъ непріятельской армады, говорилъ, что, если намъ придется дать сильнѣйшимъ врагамъ сраженіе на морѣ, то останется пожалѣть о томъ только, что некому будетъ донести о ходѣ дѣла: мертвые не воскресаютъ! Всѣ мы хорошо знали Корнилова, знали, что онъ никогда не любилъ говорить много и даромъ, и, признаюсь, мы гордились собою, съ гордостью готовы были ежеминутно умереть за честь нашего флота...» [2]).

18-го марта, съ одобренія князя Меншикова, Корниловъ объявилъ по Севастопольскому порту подробную инструкцію по оборонѣ порта. Объ этой инструкціи одинъ изъ его біографовъ говоритъ:

«Постоянно проникнутый желаніемъ общей пользы, совершенно увѣренный въ томъ, что во всякомъ дѣлѣ тогда только достигается полный успѣхъ, когда частные начальники вполнѣ понимаютъ намѣренія главнаго распорядителя, Владиміръ Алексѣевичъ составилъ подробную инструкцію командирамъ судовъ, на рейдѣ стоявшихъ, и командирамъ береговыхъ батарей, при разныхъ случаяхъ отраженія непріятеля...» [3]).

Говоря въ этой инструкціи о мѣрахъ и распоряженіяхъ въ случаѣ атаки флота, стоящаго на рейдѣ, непріятельскими брандерами, онъ заканчиваетъ свои указанія слѣдующими фразами:

«Трудно заранѣе опредѣлительно разъяснить подробности дѣй-

---

[1]) А. Жандръ, стр. 130.

[2]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. I, прилож., стр. 153.

[3]) А. Жандръ, стр. 136.

ствій каждаго; это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, къ коимъ заботливые офицеры должны готовиться, читая примѣры и обдумывая разные случаи... ...Конечно, самое вѣрное средство противъ этого варварскаго способа войны, есть хладнокровныя распоряженія или даже выжиданіе, ибо торопливость необходимо породитъ безпорядокъ, а безпорядокъ—гибель» [1]).

Не упустилъ Корниловъ и мѣръ, служащихъ для ознакомленія офицеровъ съ предстоящимъ противникомъ:

«Въ послѣднихъ приказахъ проявляется еще намѣреніе познакомить подчиненныхъ съ непріятелями, показать, что они ничѣмъ не превосходятъ насъ, и что мы можемъ идти въ бой съ полною увѣренностью въ побѣдѣ. Та же мысль видна и въ изданіи «Нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ войны Соединенныхъ Штатовъ съ Великобританіею», переведенныхъ капитанъ-лейтенантомъ Лихачевымъ изъ исторіи Кутра. На 41-й и 42-й страницахъ этой брошюры напечатано: «Лучшіе изъ капитановъ англійскаго флота знали, что побѣды, одержанныя ихъ адмиралами, не столько происходили отъ какой-то небывалой и сверхъ-естественной способности управлять движеніями флотовъ, сколько отъ *искусства* каждаго изъ ихъ подчиненныхъ въ *управленіи* отдѣльными судами; они видѣли доказательства того же искусства въ американскихъ офицерахъ и, сверхъ того, такое *совершенство артилеріи*, до котораго до той поры никогда еще не достигали. Вотъ условія, отъ которыхъ зависитъ участь морскихъ сраженій; не *англійскому*, а всякому *флоту*, который постарается пріобрѣсти ихъ, принадлежитъ *пальма первенства* на моряхъ».

«Такія дѣйствія Корнилова доказываютъ стремленіе его развить въ подчиненныхъ желаніе дѣйствовать не изъ слѣпаго повиновенія, но и по убѣжденію, возвысить энергію и духъ подчиненныхъ, и приготовить такимъ образомъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя» [2]).

А какъ бы для убѣжденія всѣхъ подчиненныхъ, что личный составъ нашего флота достигъ дѣйствительно полнаго *искусства* въ дѣлѣ управленія своими судами, мы, въ приказѣ отъ 18-го августа, читаемъ слѣдующее:

«Удовлетворительное состояніе морскихъ работъ на корабляхъ даетъ возможность прекратить ежедневный выходъ корабельнаго

---

[1]) А. Жандръ, стр. 143.

[2]) Тамъ же, стр. 173 и 174.

отряда, для крейсерства въ виду Севастополя, тѣмъ болѣе, что предполагается корабельными командами воздвигнуть оборонительную башню на высотѣ надъ Двѣнадцати-Апостольскою батареею, потребную для обороны боевой позиціи части флота, въ Инкерманѣ стоящей. Объявляя о семъ прекращеніи крейсерства корабельныхъ отрядовъ, я пользуюсь случаемъ, чтобы изъявить гг. флагманамъ, командирамъ, офицерамъ и командамъ признательность начальства за то усердіе, съ которымъ корабли, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, поддерживали крейсерство, столь полезное для практики командъ и столь необходимое въ жаркіе лѣтніе дни, для здоровья нижнихъ чиновъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу гг. командировъ безотлагательно заняться приведеніемъ кораблей въ то состояніе, которое требуется настоящими обстоятельствами, именно: чтобы, въ случаѣ выхода на бой съ непріятелемъ, матеріальная часть соотвѣтствовала извѣстному мнѣ пламенному желанію всѣхъ — доказать свѣту, что мы, русскіе, потомки тѣхъ самыхъ богатырей, которые въ столькихъ случаяхъ являлись Европѣ побѣдителями самыхъ могущественныхъ враговъ ея спокойствія» [1]).

Въ заключеніе не можемъ не привести выписки изъ завѣщанія Владиміра Алексѣевича, написаннаго имъ въ Севастополѣ 7-го сентября 1854 г., какъ показывающаго его благородный взглядъ на службу и возвышенныя нравственныя понятія:

«... Дѣтямъ завѣщаю: мальчикамъ—избравъ одинъ разъ службу Государю, не мѣнять ее, а приложить всѣ усилія сдѣлать ее полезною обществу, не ограничиваясь уставомъ, а занимаясь съ любовію, изучая всѣми своими способностями то, что для полезнѣйшихъ дѣйствій пригодно. Лучшій примѣръ для нихъ въ отношеніи послѣдняго ихъ дѣдъ и дядя, и могу смѣло сказать—отецъ. Дочкамъ слѣдовать во всемъ матери.

«Мои бумаги всѣ собраны, равно какъ бумаги и все то, что относится къ благодѣтелю моему Михаилу Петровичу Лазареву, къ семейству котораго желалъ бы, чтобы дѣти мои сохранили особую дружбу, и старались быть ему при всякомъ случаѣ полезными. Извлеченіе изъ бумагъ этихъ, особенно послѣднихъ, можетъ быть полезнымъ.

«Затѣмъ, благословляя жену и дѣтей, я со спокойствіемъ готовъ кончить какъ жилъ—для блага моей родины, которую Богъ

[1]) А. Жандръ, стр. 177 и 178.

не оставитъ и которая, конечно, по окончаніи неправедно начатой съ нею войны, станетъ еще выше въ судьбахъ націй» [1]).

Всѣ приведенныя выше выписки, эпизоды, мѣры и характерныя черты изъ жизни и службы нашихъ бравыхъ черноморцевъ въ эпоху до Севастопольской эпопеи, какъ намъ кажется, не требуютъ коментарій и детальнаго разбора. Въ нихъ достаточно рельефно выказывается, что доблестная черноморская семья, имѣя во главѣ своей Михаила Петровича Лазарева и затѣмъ его учениковъ, воспитывалась и служила въ обстановкѣ глубокаго уваженія и пониманія нравственнаго элемента. Всѣ эти мѣры какъ нельзя болѣе напоминаютъ пріемы нравственнаго воздѣйствія на своихъ подчиненныхъ великаго воспитателя нашихъ войскъ — Александра Васильевича Суворова. Разница только въ формахъ а основныя мысли, вложенныя во всѣ эти пріемы, по нашему, совершенно одинаковы.

Не мудрено поэтому, что мы видѣли столь же благіе результаты, выразившіеся въ почти недосягаемомъ моральномъ могуществѣ богатырской семьи черноморцевъ ко времени осады Севастополя.

Заключеніе.

Приводя въ предшествующихъ главахъ факты и эпизоды изъ борьбы нашей съ союзниками за обладаніе Севастополемъ, мы, какъ намъ кажется, достаточно подробно выясняли значеніе ихъ съ точки зрѣнія нравственнаго элемента на войска обѣихъ сторонъ. Потому-то здѣсь и считаемъ возможнымъ, не входя болѣе въ подробности, бросить лишь общій взглядъ на упомянутую борьбу и остановиться лишь на такихъ вопросахъ, которые остались недостаточно выясненными или имѣютъ столь важное значеніе, что группировка по нимъ всѣхъ приведенныхъ мелкихъ фактовъ, съ нашей точки зрѣнія, является безусловно необходимой.

Невозможность пользоваться услугами флота при условіи загражденія входа на рейдъ и неимѣнія къ сѣверу отъ Севастополя удобной гавани; перспектива атаки Сѣвернаго укрѣпленія, послѣ испытаннаго на Альмѣ упорства нѣкоторыхъ нашихъ полковъ, не захваченныхъ врасплохъ при борьбѣ за укрѣпленія—были, какъ

[1]) А. Жандръ, стр. 386 и 387.

мы знаемъ, причины, заставившія союзниковъ перейти на южную сторону, въ разсчетѣ атаковать менѣе защищенную часть города при возможности опереться на флотъ, для котораго имѣлись тамъ подходящія гавани.

Осторожность союзниковъ, какъ слѣдствіе встрѣчи съ нашими войсками на Альмѣ, неимѣніе кавалеріи и плохое знаніе мѣстности привело ихъ къ медленнымъ дѣйствіямъ, отъ которыхъ и произошла, какъ извѣстно, первая неожиданность для союзниковъ, имѣвшая столь большое вліяніе на ихъ дѣйствія и нанесшая первый ударъ ихъ моральному состоянію.

Дѣйствительно, въ эти нѣсколько дней медленныхъ дѣйствій противника гарнизонъ города сформировался и охваченный энергіею, иниціативою и желаніемъ проявить полное упорство въ предстоящей борьбѣ, направляемый выдающимися, по своему нравственному могуществу, начальниками, ко времени подхода противника, успѣлъ подготовить ему ошеломляющую неожиданность въ видѣ ряда вооруженныхъ орудіями укрѣпленій и батарей, занятыхъ вполнѣ готовыми къ ожесточенному бою защитниками. Рѣшимость противника была надломлена и онъ отказался отъ немедленной, неподготовленной атаки.

Пока противникъ собиралъ и устраивалъ средства для болѣе серьезной борьбы съ встрѣченною имъ неожиданностью, въ нашемъ молодецкомъ гарнизонѣ энергія и иниціатива крѣпли съ каждымъ днемъ и проявились въ такой исключительной дѣятельности, что подготовили противнику новую, еще бо́льшую неожиданность. Къ 5-му октября союзники сочли себя достаточно подготовленными для сбитія огнемъ нашего вооруженія съ укрѣпленій и немедленной атаки ихъ открытою силою, но эти замыслы оказались имъ не подъ силу. Артилерійская борьба не дала ожидаемыхъ результатовъ и противникъ снова принужденъ былъ отказаться отъ предположеннаго способа дѣйствій и вынужденъ былъ, вмѣсто штурма, перейти къ осаднымъ работамъ и постепенному, помощью ихъ, приближенію къ выросшей на его глазахъ оборонительной линіи. Моральное превосходство перешло, такимъ образомъ, сразу на сторону обороняющагося, который своими дѣйствіями заставлялъ противника отказываться отъ предположенныхъ имъ рѣшеній и упускать изъ своихъ рукъ иниціативу въ начавшейся борьбѣ.

Обѣ стороны начали умножать свое вооруженіе и строить все новыя и новыя батареи, но и въ этомъ обороняющійся выказалъ

полную иниціативу, онъ не думалъ только о томъ, чтобы противостоять силѣ огня противника, а задался идеей превосходить его огнемъ на каждомъ пунктѣ расположенія его осадныхъ батарей. Для этого онъ заранѣе высчитывалъ число и силу будущихъ осадныхъ батарей и на своей оборонительной линіи строилъ столько и такого вооруженія батареи, что съ нихъ можно было бы направить превосходный по силѣ и сосредоточенный огонь по имѣющимъ открыться батареямъ союзниковъ. Эта идея дальнѣйшаго развитія оборонительной линіи приводилась, благодаря выходящей изъ ряда энергіи гарнизона, въ исполненіе и была отличительною чертою работъ обороны за цѣлые восемь мѣсяцевъ послѣдующей осады.

Но не только въ работахъ выказались иниціатива и бодрый нравственный духъ защитниковъ; съ перваго же дня появленія противника передъ оборонительной линіею «съ нашей стороны почти всякую ночь производились незначительныя вылазки. Главнѣйшимъ результатомъ ихъ было вынужденіе непріятеля истомлять значительное число людей ночнымъ бодрствованіемъ и необходимость держать сильные резервы подъ огнемъ нашей артилеріи, чтобы всегда быть готовымъ дать отпоръ нашему покушенію, особенно, если оно приметъ серьезные размѣры» [1]).

За октябрь мѣсяцъ противникъ успѣлъ значительно придвинуться осадными работами къ 4-му бастіону и былъ готовъ штурмовать его, но снова выказанная нами иниціатива наступленіемъ полевой нашей арміи къ Балаклавѣ и съ Инкерманскихъ высотъ хотя и не дала матеріальнаго успѣха, но принесла большой успѣхъ нравственный. Союзники такъ были поражены упорствомъ нашихъ войскъ въ атакахъ, что не только отложили всякія рѣшительныя дѣйствія, но сами занялись работами оборонительнаго характера, боясь повторенія покушенія съ нашей стороны.

При возобновленіи дѣятельныхъ работъ, послѣ зимняго относительнаго затишья, противникъ встрѣтилъ энергичное до дерзости сопротивленіе своимъ осаднымъ работамъ.

Передъ атакованными имъ фронтами появились значительно выдвинутые впередъ ложементы. Ложементы эти сближали нашу пѣхоту, вооруженную менѣе дальнобойными ружьями, съ головою траншей противника и принуждали его, такимъ образомъ, подъ сильнымъ нашимъ ружейнымъ огнемъ оспаривать каждый шагъ

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 73.

продвиженія своихъ траншей впередъ. Когда же противникъ рѣшался дѣйствовать противъ нихъ открытою силою, то встрѣчалъ непреодолимую стойкость въ защитѣ ложементовъ. Но и этимъ не ограничилась иниціатива со стороны обороны. Вскорѣ появились контръ-апрошныя работы, которыя нарушили весь планъ противника, предупредили его замыслы и заставили его начать осадныя работы не противъ преднамѣченныхъ имъ укрѣпленій, а противъ значительно выдвинутыхъ передъ этими укрѣпленіями новыхъ работъ обороны.

Въ минныхъ работахъ противнику тоже не удалось удержать въ своихъ рукахъ иниціативу, такъ какъ наши минеры его предупредили.

Благодаря всему этому, союзники лишь послѣ шести-мѣсячной упорной борьбы нашли возможнымъ открыть второе бомбардированіе, предполагая закончить его штурмомъ. Тутъ и выказалось все значеніе принятаго обороною характера веденія работъ по артилерійскому усиленію оборонительной линіи. Противникъ 10-тидневнымъ бомбардированіемъ не добился никакихъ результатовъ и принужденъ былъ снова признать могущество защитниковъ и отказаться отъ задуманнаго штурма.

Но не вся борьба подъ Севастополемъ, къ сожалѣнію, освящается столь розовымъ свѣтомъ со стороны нравственнаго элемента, были въ этомъ отношеніи и значительныя тѣневыя стороны.

Въ бою при Инкерманѣ невниманіе руководителей къ основамъ нравственнаго элемента не дало возможности войскамъ достичь тѣхъ результатовъ, которыхъ они заслужили и могли достичь по состоянію ихъ моральнаго могущества.

Во время зимы, доведенный до крайности противникъ, не подвергся энергичному нападенію, противъ котораго не имѣлъ силъ устоять опять-таки потому, что главный руководитель не вдумался и не обратилъ вниманія на относительное положеніе нравственнаго состоянія своихъ войскъ и союзниковъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы опять видимъ признаки дисгармоніи между нравственнымъ духомъ нашихъ войскъ и ихъ главнаго начальника. Потому-то, какъ извѣстно, мы послѣдовательно потерпѣли подрядъ три неудачи, повліявшія на возвышеніе моральныхъ силъ противника до такой высоты, что онъ рѣшился даже предпринять штурмъ.

Слава Богу, закаленный духъ нашего гарнизона позволилъ ему выказать такую стойкость и упорство въ этой борьбѣ, что всѣ уси-

лія врага не дали никакого результата и повели только къ упадку возвысившихся его моральныхъ силъ.

Въ послѣдніе два съ лишнимъ мѣсяца эта грандіозная картина борьбы за Севастополь начинаетъ измѣняться. Случайныя обстоятельства потери нѣкоторыхъ лицъ изъ состава гарнизона складываютъ подходящую почву для постепеннаго проникновенія въ ряды ближайшихъ руководителей обороною свыше яда моральной немощи. Мы уже не замѣчаемъ въ работахъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ обороняющагося той выдающейся активности, которою онѣ отличались до сихъ поръ. Работы пріобрѣтаютъ вполнѣ пассивный характеръ, имѣя цѣлью не превзойти противника, а только оборониться отъ него. И это при томъ условіи, что, въ особенности въ первое время, послѣ отбитаго штурма, можно было вполнѣ воспользоваться угнетеннымъ состояніемъ противника и подогрѣтой этою удачею энергіею защитниковъ, не только для сохраненія, но для еще бо̀льшаго захвата иниціативы въ усиленіи средствъ и способовъ обороны. Но свыше, какъ мы видѣли, давно уже считали дѣло въ общемъ потеряннымъ, а потому и не обратили вниманія на созданіе такой обстановки, при которой моральныя силы обороны могли увеличиваться, а не уменьшаться.

Мы видѣли дальше, при какой ненормальной нравственной обстановкѣ послѣдовало сраженіе на Черной, долженствовавшее окончательно рѣшить судьбу Севастополя. Это сраженіе дѣйствительно и рѣшило его судьбу. За нимъ послѣдовало четвертое бомбардированіе, окончательно давшее перевѣсъ осадѣ. Поправлять испорченное дѣло было уже поздно, пасивно потерянное въ теченіе двухъ мѣсяцевъ время невозможно было уже наверстать. Да къ этому мало и стремились; работы велись еще съ меньшей энергіею, а главное начальство даже не считало необходимымъ подготовлять нравственныя силы защитниковъ для рѣшительнаго акта борьбы. Оно предоставило естественному теченію эту, какъ оно думало, агонію Севастополя.

Наконецъ, наступилъ и послѣдній штурмъ, 27-го августа, но онъ доказалъ, что гарнизонъ далеко не былъ въ агоніи, что его нравственная сила была еще настолько могущественна, что хотя на одномъ пунктѣ онъ и уступилъ противнику, но на всѣхъ остальныхъ далъ ему внушительный и тяжелый урокъ. Невольно послѣ этого думается, что, прими руководители своевременно должныя мѣры для воспособленія нравственныхъ силъ гарнизона и создай на всѣхъ частяхъ оборонительной линіи подходящія обстоятель-

ства для полнаго возможнаго моральнаго могущества, можетъ быть и на этомъ главномъ пунктѣ противникъ не имѣлъ бы успѣха.

Изъ этого краткаго обзора видно, что главною причиною продолжительности отстаиванія Севастополя былъ выдающійся высокій нравственный духъ его защитниковъ, позволявшій вести борьбу крайне активнымъ способомъ, а это въ свою очередь вліяло угнетающимъ образомъ на моральныя силы противника, чѣмъ и обусловилась крайняя нерѣшительность образа дѣйствій со стороны союзниковъ.

Мы уже не разъ говорили, что такое моральное состояніе нашихъ войскъ въ Севастополѣ съ самаго начала осады было слѣдствіемъ того, что главный контингентъ первоначальнаго гарнизона города составили части, въ высшей степени заботливо подготовленныя въ нравственномъ отношеніи разными мѣрами и пріемами, какъ въ мирное время, такъ и въ военное. Съ этими же частями вступили въ распоряженіе и командованіе почти всѣми пунктами оборонительной линіи ихъ же начальники, пріученные обращать серьезное вниманіе на моральную сторону дѣла и воспитанные въ одной и той же практической школѣ Михаила Петровича Лазарева. Нужно-ли говорить, что эти части принадлежали къ нашему бравому Черноморскому флоту?

Мы нисколько не хотимъ этимъ сказать, что подобный же высокій нравственный духъ не могъ выработаться при оборонѣ Севастополя, если бы защита города была ввѣрена сразу сухопутнымъ войскамъ; но въ данномъ случаѣ и при бывшихъ обстоятельствахъ, характеромъ послѣдовавшей борьбы были обязаны исключительно морякамъ. И вотъ почему. Изъ всѣхъ частей, бывшихъ при началѣ осады Севастополя, моряки безусловно были наиболѣе подготовленные въ боевомъ отношеніи и носили въ себѣ задатки гораздо большаго моральнаго могущества.

Да если взглянуть съ этой стороны и на всѣ остальныя части нашей сухопутной арміи, послѣдовательно прибывавшія къ Севастополю, то нельзя не сказать, что безспорно мы видѣли части, доведенныя до весьма высокаго моральнаго могущества, но это были полки, дивизіи, но не дальше. Въ арміи не наблюдалось, чтобы это былъ результатъ принятой и укоренившейся системы обученія и воспитанія войскъ. Тамъ были части, дѣйствительно одушевленныя высокимъ нравственнымъ духомъ въ силу-ли предшествовавшей боевой дѣятельности, или наличія такого выдающагося начальника, который глубоко понималъ и пользовался нрав-

ственнымъ элементомъ, но не было общей школы, системы, по которой бы воспитывалась одинаково, въ одномъ духѣ и направленіи, вся армія.

Во флотѣ же мы видимъ, что всѣ экипажи и команды съ 1833 года велись и воспитывались по одной системѣ. Тамъ была прочная спайка всѣхъ въ одну общую славную Черноморскую семью, и каждый матросъ, будь онъ ластовый или изъ какой-нибудь мастеровой команды, все-таки съ гордостью считалъ себя бравымъ черноморцемъ. Такую-то прекрасно подготовленную и сплоченную семью не трудно было поднять полностью и цѣликомъ на защиту, къ тому еще, своего же родного гнѣзда. Насколько же каждый морякъ считалъ Севастополь своимъ городомъ, который невозможно покинуть или отдать непріятелю, рельефной илюстраціею служитъ слѣдующій разсказъ:

«...въ день штурма 27-го августа, въ половинѣ десятаго часа вечера, увидя огонь въ библіотекѣ, я вошелъ въ большую залу, гдѣ было темно, и оттуда въ сосѣднюю комнату, откуда брезжалъ свѣтъ. Тамъ нашелъ я штурманскаго штабъ-офицера, смотрѣвшаго съ большимъ вниманіемъ на молодаго офицера, такъ же изъ штурмановъ, который ковырялъ гвоздемъ въ стѣнныхъ часахъ. «Что это вы дѣлаете?» спросилъ я. «А вотъ въ нашихъ часахъ кукушка испортилась, такъ поправляемъ». «Какъ вижу, вы намѣрены здѣсь оставаться». А какъ же-съ? «Да вы развѣ не знаете, что очищаютъ Севастополь, что можетъ быть уже около трети гарнизона ушло за бухту». «Куда ушло?» «На Сѣверную». «Зачѣмъ это-съ?» «Да Севастополь оставляемъ». «Помилуйте, да развѣ это можно-съ?» «Стало быть можно, когда всѣ уходятъ; я тутъ при послѣднихъ войскахъ; вотъ у васъ при библіотекѣ стоитъ Волынскій полкъ; собирайтесь скорѣе, да уходите». «Намъ нельзя уходить, мы никакого распоряженія не получали; армейскіе могутъ уходить, а у насъ свое, морское начальство; мы отъ него не получали приказанія; да и какъ же это Севастополь оставить? Развѣ это можно? Вѣдь штурмъ вездѣ отбитъ; только на Малаховомъ остались французы, да и оттуда ихъ завтра прогонятъ; а мы здѣсь на своемъ посту, по случаю телеграфа, такъ куда же намъ уходить?» «Ну и сидите тутъ, пока непріятель заберетъ васъ; вѣдь говорятъ вамъ, что Севастополь очищаютъ». «То есть это значитъ—отдаютъ непріятелю; объ этомъ мы не слыхали. Армейское начальство этого не можетъ разрѣшить, потому что у насъ здѣсь все морское, доки, магазины, и мало-ли еще чего. Мы здѣсь должны помирать, а не

уходить; что же о насъ въ Россіи скажутъ?» Даже и тогда, когда штурманы получили отъ своего начальства приказаніе уходить, старый подполковникъ, убирая не-хотя свои пожитки, ворчалъ: «Слыханое-ли дѣло? Севастополь оставляютъ; непремѣнно будетъ отмѣна» [1]).

Затѣмъ, нельзя еще не напомнить, что моральному могуществу первоначальныхъ защитниковъ города много способствовало то, что они остались подъ ближайшимъ и высшимъ руководствомъ своихъ же начальниковъ, знавшихъ ихъ и пользовавшихся ихъ полнымъ довѣріемъ и любовью.

Еще во введеніи мы предвидѣли возможность вопроса, почему моряки флота могли оказаться на сушѣ тѣми же бравыми воинами, какими были на морѣ, и почему непривычная для нихъ обстановка не повліяла замѣтно на ихъ нравственное состояніе. Мы высказывали уже, что это, повидимому, противорѣчитъ одному изъ коренныхъ условій пользованія нравственнымъ элементомъ—созданіе для войскъ въ дѣйствіяхъ привычной имъ обстановки и требованій.

Вглядываясь ближе въ бывшую обстановку, не трудно будетъ отвѣтить и на этотъ вопросъ. Отъ матросовъ въ первое время требовались лишь: работы земляныя, къ которымъ вообще народъ имѣетъ большую привычку, и по вооруженію укрѣпленій морскими же орудіями, которыя были имъ болѣе чѣмъ знакомы по судовой службѣ, и дѣйствія боевыя при этихъ же орудіяхъ. Въ концѣ же осады они исключительно исполняли обязанности прислуги при орудіяхъ. Такимъ образомъ, требовавшіяся отъ матросовъ дѣйствія были имъ вполнѣ привычны по службѣ на судахъ и разница заключалась лишь въ томъ, что передъ лафетами орудій на этотъ разъ были не борты кораблей, а земляные бруствера. Эта незначительная разница вполнѣ восполнялась тѣмъ, что высшее начальство заботливо поторопилось возстановить возможно въ полной мѣрѣ и здѣсь привычную имъ обстановку службы до мелочей. Экипажи, при первой къ тому возможности, какъ мы помнимъ, были сведены вмѣстѣ; были подъ командою своихъ же начальниковъ и при наличіи своихъ же офицеровъ; въ экипажи были розданы ихъ знамена, судовые образа и священники то же появились на своихъ бастіонахъ; былъ заведенъ тотъ же порядокъ службы, обычаевъ, распредѣленіе дня, команды и т. д. Однимъ словомъ, во

---

[1]) М. Богдановичъ, т. IV, стр. 126 и 127.

всемъ, по возможности, былъ сохраненъ привычный порядокъ жизни и службы.

Но кромѣ привычныхъ дѣйствій у орудій, мы видимъ, что, въ особенности, въ первое время вылазки производились преимущественно моряками. Почему же и съ этого рода дѣйствіями наши моряки такъ скоро и хорошо освоились? Напомнимъ, что еще Корниловъ довольно часто производилъ на берегу отдѣльные смотры абордажнымъ и стрѣлковымъ партіямъ отъ экипажей всѣхъ судовъ эскадры. Затѣмъ, и самыя вылазки начались не сразу, а постепенно, по мѣрѣ привычки къ такого рода дѣйствіямъ, и только впослѣдствіи не проходило ночи, чтобы со всѣхъ отдѣленій оборонительной линіи не отправлялись команды на удалые подвиги. Къ тому же на эти вылазки ходили только охотники, составлявшіе, конечно, людей выдающихся по своимъ индивидуальнымъ способностямъ и качествамъ. Нельзя еще не прибавить, что вообще матросы, по многимъ особенностямъ своей службы на морѣ, представляютъ изъ себя людей исключительно способныхъ, сметливыхъ и находчивыхъ сравнительно съ нижними чинами другихъ родовъ оружія.

Впослѣдствіи, при увеличеніи числительности гарнизона, морской элементъ въ немъ не составлялъ преобладающаго числа, однако, характеръ обороны Севастополя, въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, настроенія войскъ, оставался тотъ же и доблестно продержался до самаго послѣдняго дня защиты, несмотря на то, что нравственное настроеніе входившихъ частей было далеко не одинаково, равно какъ и ихъ моральныя качества. Весьма много частей вошли въ Севастополь столь же доблестно подготовленными въ моральномъ отношеніи, какъ и черноморцы, но были и такія части, которыя во многомъ имъ уступали. Такое явленіе весьма понятно. Входившія части, даже если онѣ бывали ниже по своимъ качествамъ, не могли оказать вліяніе на измѣненіе характера борьбы. Входили онѣ не сразу, а понемногу, отдѣльными частями, даже если вводили цѣлую дивизію, то она расходилась по полкамъ, а чаще по баталіонамъ, по отдѣламъ и укрѣпленіямъ всей оборонительной линіи. Поступали эти войска подъ команду постоянныхъ начальниковъ въ Севастополѣ и такимъ образомъ составляли какъ бы пришлый элементъ въ городѣ, играя роль скорѣе гостей, чѣмъ хозяевъ. Онѣ не могли вносить свои порядки, свои взгляды, а съ своей стороны поддѣлывались подъ установившійся и принятый тонъ въ этомъ боевомъ домѣ. Хозяевами, дававшими

тонъ, оставались моряки, составляя прочное и установившееся ядро, и къ нимъ приходили и весьма быстро смѣшивались въ одно прочное цѣлое частицы сухопутной арміи. Такое смѣшеніе происходило весьма быстро и надежно потому, что входили части той же русской арміи, сыны того же русскаго народа, носящаго въ себѣ всѣ задатки для самаго высшаго развитія нравственнаго духа, на почвѣ религіи и преданности: Царю, родинѣ, славѣ своихъ знаменъ и долгу службы. Если и бывали части, въ которыхъ эти задатки были хранимы подъ спудомъ и не развернулись еще въ высокое моральное могущество, то этому виною не составъ частей, а невниманіе къ пользованію нравственнымъ элементомъ со стороны начальниковъ. Эти части при первомъ, такъ сказать, общеніи съ другими частями, въ которыхъ природныя качества получили должное развитіе, сейчасъ же откликались на требованія новой обстановки и выказывали наружу и развивали всѣ свои скрытыя драгоцѣнности.

Вотъ почему въ Севастополѣ мы видѣли не перемѣну въ настроеніи гарнизона по мѣрѣ увеличенія его числительности и ввода разнообразныхъ по качествамъ войскъ, а лишь развитіе между ними благороднаго соревнованія, поведшаго къ постепенному росту до все высшихъ и высшихъ предѣловъ, незамѣнимыхъ нравственныхъ качествъ защитниковъ.

Итакъ, изъ всѣхъ фактовъ разыгравшейся борьбы за обладаніе Севастополемъ мы можемъ придти лишь къ одному выводу, что русская армія представляетъ по своему составу столь богатый готовый матеріалъ въ нравственномъ отношеніи, что, для достиженія подъема отдѣльныхъ ея частей на недосягаемую высоту моральнаго могущества, необходимо только вниманіе къ этому вопросу со стороны начальниковъ. Въ случаѣ же, если этого не было сдѣлано, то и оно восполнимо однимъ примѣромъ дѣятельности другихъ частей—однимъ развитіемъ соревнованія между частями.

Все вышесказанное нами вполнѣ объясняетъ явленія, видѣнныя нами въ бояхъ: на Альмѣ, при Инкерманѣ и на Черной, равно какъ и въ послѣднемъ штурмѣ 27-го августа. Во всѣхъ этихъ эпизодахъ мы видѣли проявленіе со стороны нашихъ войскъ высокихъ нравственныхъ качествъ,—они дрались великолѣпно, достигали громаднаго нравственнаго впечатлѣнія на противника, но, въ концѣ концовъ, ихъ дѣйствія не имѣли видимаго матеріальнаго успѣха, такъ какъ высшіе начальники и до боя, и въ бою не принимали нужныхъ мѣръ для развитія нравственныхъ силъ своихъ

подчиненныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ своими мѣрами затрудняли возможность добиться этими моральными достоинствами своихъ войскъ желательныхъ реальныхъ результатовъ. Войска влогали дѣйствительно всю душу свою въ дѣло, но, несвоевременно или ошибочно направленныя, они тратили понапрасно свои сокровища и добивались одного лишь—боеваго уваженія противника. Союзники, зачастую, послѣ подобныхъ дѣлъ, боялись повторенія удара, направленнаго въ больное ихъ мѣсто, ибо видѣли, чѣмъ они тогда рисковали. Но начальники наши не сознавали этой могущественной силы, не пользовались ею своевременно и умѣючи, и союзники продолжали осторожно вести свое дѣло впередъ, добиваясь такого положенія, при которомъ удачное примѣненіе къ дѣлу даже столь выдающагося моральнаго могущества встрѣчало бы непреодолимое затрудненіе.

Покажется, пожалуй, страннымъ, что и при столь неудачномъ пользованіи высшими начальниками дарами нравственнаго элемента войска наши сохраняли свою моральную силу. Если вдуматься въ подробности всѣхъ подобныхъ эпизодовъ, то ясно будетъ видно, что неудачныя мѣры какъ бы скользили только по тѣмъ частямъ, которыя заранѣе были солидно и серьезно подготовлены въ нравственномъ отношеніи или имѣли такихъ младшихъ начальниковъ, кои сами глубоко понимали и цѣнили основы моральной силы и дѣйствовали вполнѣ въ духѣ ея поддержанія.

Вся борьба подъ Севастополемъ приводитъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что въ русской арміи необходимо было обратить только вниманіе и научить начальниковъ умѣло пользоваться природными задатками своихъ войскъ, крайне отзывчивыхъ на мѣры моральнаго воздѣйствія, и тогда получались бы такія войска, для которыхъ не было бы ничего невозможнаго, которыя снова своими подвигами заслужили бы въ исторіи почетное прозвище своихъ дѣдовъ—«чудо-богатырей».

Не мечъ не могъ рубить, а мечемъ не умѣли пользоваться и рубить!

Чтобы извлечь всю возможную пользу изъ настоящаго изслѣдованія, посмотримъ, въ чемъ же заключались, хотя бы только главныя, ошибки и недостатки со стороны нашихъ начальниковъ въ дѣлѣ неумѣлаго, какъ мы видѣли, пользованія ими нравственнымъ элементомъ. Мы не задаемся цѣлью перечислить и указать всѣ подобныя ошибки опять таки потому, что, при самомъ изложеніи и выборкѣ фактовъ, мы, по возможности, останавливались

на всѣхъ мелочахъ, разбирая и оцѣнивая ихъ. А потому здѣсь упомянемъ только о главныхъ, болѣе бросающихся въ глаза и имѣющихъ наибольшее значеніе. Къ тому же, если только установится вѣрный взглядъ въ этомъ отношеніи на главныя основы дѣла нравственнаго элемента, то подробное развитіе его явится само собою и выработается вѣрнѣе и лучше на практикѣ, чѣмъ въ теоретическомъ, хотя бы и на исторической подкладкѣ, разборѣ.

Приступая къ разбору невниманія или неумѣнія пользованія нашими начальниками нравственнымъ элементомъ, мы наталкиваемся прежде всего на полное отсутствіе желанія одного изъ высшихъ начальниковъ завязать необходимыя связи съ подчиненными ему войсками. Мы видѣли, какъ онъ тяготился даже общепринятыми пріемами привѣтствія войскъ; онъ почти избѣгалъ свои войска, мало показывался передъ ними, ѣхалъ вдоль линіи войскъ мрачнымъ и непривѣтливымъ; не разговаривалъ съ солдатами, не дарилъ ихъ почти никогда ласковымъ словомъ; рѣдко лично выражалъ имъ благодарность за хорошую службу и даже не упускалъ случая громко и съ сарказмомъ обвинить свои войска въ дѣйствіяхъ, иногда даже не провѣренныхъ какъ слѣдуетъ.

Конечно, на такой почвѣ не могло сложиться никакой связи между начальникомъ и подчиненными ему войсками. Войска такъ же мрачно и холодно провожали своего начальника и не любили съ нимъ встрѣчаться. На этихъ началахъ не могло сложиться ни любви, ни довѣрія со стороны войскъ къ своему начальнику, столь необходимыхъ для выдающейся боевой дѣятельности войскъ. На этакое обращеніе войска не могли отвѣтить воодушевленіемъ при исполненіи его предначертаній и желаній, а безъ воодушевленія, безъ вкладыванія души въ дѣло, какое же дѣло можетъ дѣлаться хорошо—во всякомъ случаѣ не боевое. Самъ же начальникъ, съ другой стороны, отдаляясь отъ войскъ, не познавалъ ихъ, не изучалъ ихъ, не давалъ себѣ яснаго отчета въ присущихъ имъ качествахъ и недостаткахъ, а потому и объяснялъ себѣ понесенныя войсками неудачи ихъ дурными качествами. Слѣдствіемъ же этого сложилось полное недовѣріе къ войскамъ; съ потерей же довѣрія, конечно, этотъ начальникъ уже не хотѣлъ брать на свою отвѣтственность ихъ дѣйствія и предпочиталъ ничего съ ними не предпринимать. Если же это, по обстоятельствамъ, было необходимо, то онъ ихъ просто посылалъ, почти не давая указаній, а предоставляя другимъ указывать и брать на свою отвѣтственность, самъ же только присутствовалъ при войскахъ, но ими не руководилъ.

Почти такое же было его отношеніе къ подчиненнымъ начальникамъ. Онъ хотѣлъ дѣлать все самъ и не терпѣлъ около себя помощниковъ, а желалъ видѣть лишь показныхъ исполнителей своей воли. Это отношеніе дошло до того, что онъ не терпѣлъ даже людей и способныхъ, могущихъ критически отнестись къ его предположеніямъ или выказать какую нибудь самостоятельность или иниціативу; такихъ людей безцеремонными сарказмами онъ старался возможно скорѣе удалить отъ себя, а не привязать. Обращеніе его съ начальниками, даже довольно крупными, не было проникнуто хотя бы видимымъ уваженіемъ къ ихъ личности. Для примѣра приведемъ слѣдующія строки изъ письма одного изъ выдающихся командировъ полковъ, тогда еще полковника, Хрущова: «... Въ воскресенье я обѣдалъ у князя Меншикова (въ третій разъ). Его свѣтлость былъ очень любезенъ со мною и, прощаясь, подалъ мнѣ руку» [1]).

Хотя это и было въ старое время, когда, въ общемъ и на службѣ, и въ обществѣ, отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ и старшихъ къ младшимъ были значительно болѣе рѣзки, чѣмъ теперь, но все-таки это подчеркиваніе въ письмахъ къ братьямъ того факта, что у себя дома, прощаясь, князь удостоилъ, такъ сказать, поданіемъ руки, даетъ весьма прискорбную характеристику отношеній его къ своимъ подчиненнымъ. Вспомнимъ еще, что въ то же самое время мы видѣли во флотѣ совсѣмъ другое, въ этомъ отношеніи, обращеніе, основанное на полномъ уваженіи въ каждомъ, даже гардемаринѣ, его личныхъ человѣческихъ достоинствъ и признававшемъ принадлежность каждаго офицера къ одной семьѣ, гордой своею сплоченностью, а потому и достигшей столь блестящихъ результатовъ.

Отношеніе же къ начальникамъ князя Меншикова повело къ тому, что многихъ способныхъ людей онъ заставилъ уѣхать изъ арміи, а тѣ, которые прибыли съ войсками и не могли быть удалены, подвергались весьма часто незаслуженнымъ оскорбленіямъ ихъ самолюбія, въ подтвержденіе чего были приведены случаи: отзывъ Меншикова о генералѣ П. и исторія съ покушеніемъ на Евпаторію.

Нѣкоторые же изъ начальниковъ, хорошо и обстоятельно рекомендованные княземъ Горчаковымъ, долго не находили настоящаго дѣла въ арміи подъ Севастополемъ. Такъ, Степанъ Алексан-

---

[1]) «Русская Старина», 1892 г., іюнь, стр. 604.

дровичъ Хрулевъ съ декабря мѣсяца состоялъ при князѣ Меншиковѣ и занимался предсѣдательствомъ въ комиссіи, работавшей надъ опредѣленіемъ наилучшей формы пули для увеличенія мѣткости и дальности выстрѣла изъ нашихъ ружій [1]). Только 4-го марта генералъ Хрулевъ былъ назначенъ въ составъ гарнизона и, какъ мы знаемъ, почти сейчасъ же сдѣлался однимъ изъ нравственныхъ столповъ обороны.

А между тѣмъ самъ же князь Меншиковъ постоянно жаловался на недостатокъ способныхъ генераловъ, говоря, что въ его армію посылаютъ только однихъ непригодныхъ.

Говоря выше о томъ, что каждый начальникъ долженъ для успѣха дѣла заслужить довѣріе и любовь своихъ войскъ, мы далеки были отъ мысли, чтобы начальники должны были искать этой любви и заискивать ее, напротивъ, послѣдніе начальники никогда не достигаютъ цѣли, такъ какъ этихъ чувствъ отъ своихъ подчиненныхъ необходимо именно добиться твердыми и разумными мѣрами, а не какими нибудь поблажками.

Мы вполнѣ напримѣръ, согласны со слѣдующими словами участника обороны Севастополя про одного изъ начальниковъ:

«Служить съ нимъ, а особенно въ мирное время, не легко, за то хорошій служивый у него никогда не бываетъ смѣшанъ съ плохимъ: строгая справедливость издавна—девизъ его служебныхъ дѣйствій и обращенія съ подчиненными; власть его всегда крѣпка, сильна и неотразима; такую власть мужественная природа русскаго солдата и вообще русскаго человѣка принимаетъ и любитъ искренно,—всегда любитъ сильнѣе власти слабой, нерѣшительной, опускающей бразды, на которыхъ держится русскій человѣкъ и безъ которыхъ онъ еще, такъ сказать, боится разбить себѣ голову» [2]).

Не можемъ не привести и еще одной выписки изъ того же автора, говорящаго о необходимыхъ качествахъ на должности начальника войскъ одной изъ половинъ оборонительной линіи Севастополя, по случаю одного назначенія:

«При исполненіи этой должности необходима кипучая дѣятельность въ начальникѣ, полная, неукротимая энергія,—необходимо посвященіе дѣлу всего себя, чтобы успѣть сжиться, сдружиться съ солдатами, заставить ихъ смотрѣть на начальника какъ

---

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. II, приложенія стр. 38 и 39.

[2]) Н. Алабинъ, ч. III. стр. 178.

на оракула и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на своего ангела-хранителя. Для достиженія такого авторитета мало однихъ словъ и приказаній; нужно лично быть вездѣ и безпрестанно являться по всей подвѣдомственной линіи, во всѣхъ опасныхъ ея уголкахъ, день и ночь находиться между солдатами, одушевлять ихъ, поддерживать въ нихъ твердость и лично удостовѣряться, исполняются ли распоряженія по сохраненію бдительнаго и тщательнаго наблюденія за непріятелемъ» [1]).

Эти строки мы находимъ во многомъ пригодными вообще для опредѣленія отношенія начальника къ службѣ и къ своимъ подчиненнымъ.

Далѣе, тотъ же авторъ, сравнивая двухъ своихъ начальниковъ дивизіи, еще ближе подходитъ къ цѣли въ своихъ поясненіяхъ:

«Мнѣ кажется, что наши солдаты едва-ли особенно полюбятъ N. N.

«Солдатъ любитъ такого начальника, который бы однимъ появленіемъ своимъ, такъ сказать, наэлектризовалъ бы его, какъ, напримѣръ, Хрулевъ, а этого свойства въ N. N. нѣтъ. Солдату мало, что начальникъ добръ и честенъ, какъ, напримѣръ N. N.— нѣтъ, онъ не любитъ начальника фронтовика въ военное время, не любитъ начальника педанта, съ заученными манерами и пріемами, не любитъ серьезнаго человѣка, никогда до него не нисходящаго. Лучшую похвалу, какую солдатъ находитъ возможнымъ сдѣлать о своемъ начальникѣ, это сказать: «Такой-то, нашъ братъ солдатъ, даромъ что генералъ, онъ нужду солдатскую знаетъ и въ обиду тебя никогда не дастъ». Если спросить нашихъ солдатъ сравнительнаго отзыва о N. N. и Павловѣ, то можно быть увѣрену, что о послѣднемъ они отзовутся съ большимъ сочувствіемъ. И можетъ быть солдаты будутъ правы, потому что въ дѣлѣ управленія ими N. N. выѣзжаетъ больше на теоріи, а Павловъ относится къ вопросу преимущественно съ практической стороны. Возьмемъ для примѣра продовольствіе солдатъ—предметъ, ближе всего стоящій къ солдатскому сердцу!..

«Павловъ, бывало, всякій день или самъ пойдетъ смотрѣть кашу солдатъ, или велитъ принести къ себѣ пробу, или я схожу осмотрю пищу во всѣхъ частяхъ и доложу ему о результатахъ, или онъ пошлетъ своихъ личныхъ адъютантовъ во всѣ полки для осмотра пищи, словомъ, не было дня, чтобы онъ не подвергнулъ фак-

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 263.

тическому контролю пищу своихъ солдатъ. Да и бѣда же начальнику части, если Павловъ убѣдится, что у него не хороша солдатская пища, или не отвѣчаетъ требованіямъ, онъ не ограничится тѣмъ, что распушитъ виноватаго, на чемъ свѣтъ стоитъ—на словахъ, нѣтъ, онъ отдѣлаетъ его въ приказѣ и пообѣщаетъ оставить безъ команды, что нерѣдко и выполняетъ.

«N. N. дѣйствуетъ совсѣмъ иначе: онъ возложилъ повѣрку пищи на гевальдигера и ограничился изданіемъ циркулярныхъ и сепаратныхъ предписаній, чтобы пища непремѣнно была хороша и состояла изъ *слѣдующихъ* предметовъ и, сдѣлавъ такое распоряженіе, N. N. уже не допускалъ мысли, чтобы кто-нибудь рѣшился его ослушаться и позволилъ бы себѣ давать солдатамъ недоброкачественную пищу.

«Словомъ, повторяю: кумиромъ солдатъ N. N. никогда не сдѣлаться» [1]).

Чтобы закончить съ вопросомъ объ отношеніи начальника къ нижнимъ чинамъ, скажемъ, что, какъ видно, и здѣсь отношенія въ русской арміи должны быть сложены не на одномъ сухомъ начальническомъ обращеніи, но, при всей требовательности, строгости и крѣпкой власти, необходима наличность ласковыхъ—семейныхъ, такъ сказать, отношеній. Только при наличности таковой манеры всегда можно добиться въ нашей арміи завладѣть сердцемъ солдата, а слѣдовательно, быть въ состояніи вполнѣ овладѣть направленіемъ нравственнаго духа своихъ подчиненныхъ. Эту особенность нашего солдата весьма рельефно выразилъ извѣстный нашъ поэтъ Аполлонъ Майковъ въ стихотвореніи, обращенномъ къ Степанъ Александровичу Хрулеву; тамъ мы встрѣчаемъ слѣдующія строки:

«Въ томъ тайна нашихъ силъ, доступная немногимъ:
«На подвигъ доблести, и въ мирѣ, и въ войнѣ,
«Не нужно русскихъ звать команды словомъ строгимъ,
«Но встанутъ всѣ на кликъ: «Голубчики, ко мнѣ!» [2]).

Другой нашъ главнокомандующій, князь Горчаковъ, не имѣлъ такихъ крупныхъ недостатковъ въ вопросѣ обращенія съ подчи-

---

[1]) П. Алабинъ, ч. III, стр. 591.

[2]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. II, прилож., стр. 52.

ненными, напротивъ, онъ былъ всегда заботливъ объ ихъ нуждахъ, привѣтливъ, общителенъ и любилъ разговаривать съ солдатомъ— недаромъ же и они дали ему лестное прозвище «честнаго князя». Но при всемъ томъ, у князя Горчакова не было привычки имѣть дѣло съ войсками и онъ не могъ своими пріемами въ обращеніи подѣйствовать на умы массы.

«Вчерашній день былъ ознаменованъ посѣщеніемъ нашего бастіона княземъ Горчаковымъ въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, Бибикова и Воейкова. Когда мы пошли по валгангу бастіона, Горчаковъ, проходя быстро, благодарилъ солдатъ, но говорилъ при этомъ такъ тихо, что не былъ разслышанъ. Я передалъ слова его солдатамъ и тогда задніе, которыхъ онъ уже миновалъ, кричали: «рады стараться». Мнѣ же лично онъ сказалъ: «Я писалъ о васъ Государю Императору, что кромѣ васъ никого болѣе нѣтъ изъ отпускныхъ. Вы занимаете самый важный постъ. Благодарю васъ, и передайте всѣмъ вашимъ войскамъ мою благодарность и мое удовольствіе, чтобы они знали, что я признаю ихъ заслуги» [1]).

Видѣли мы, что наши оба главнокомандующіе и въ другихъ вопросахъ нравственнаго элемента не всегда были на высотѣ своего положенія. Одинъ изъ нихъ какъ будто даже не обращалъ никакого вниманія на эту сторону дѣла, весьма часто поступалъ совсѣмъ наперекоръ этимъ требованіямъ и самъ отличался отсутствіемъ желанія брать на свою отвѣтственность дѣятельность его арміи. Другой же отличался такою нерѣшительностью характера и неустойчивостію своихъ предположеній, что весьма часто изъ-за этого поступалъ также наперекоръ видимымъ требованіямъ нравственнаго элемента. А между тѣмъ оба эти лица были дѣйствительно выдающимися государственными дѣятелями, высоко одаренными отъ природы и получившими блестящее образованіе. Кромѣ общихъ причинъ подобнаго явленія, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько ниже, нельзя не упомянуть, что характеръ прохожденія службы обоими этими лицами игралъ въ этомъ дѣлѣ большую роль.

Князь Меншиковъ, при всей своей разнообразной и всесторонней государственной дѣятельности и службы, никогда въ жизни не былъ въ положеніи отвѣтственнаго въ полной мѣрѣ начальника какой бы то ни было войсковой части. Два раза въ своей

[1]) Рукописи, т. III, стр. 394 и 395.

жизни, до Севастополя, да и то уже въ чинѣ адмирала ему пришлось командовать войсками. Но оба раза это командованіе было временное, онъ принималъ подъ свою власть отряды уже готовые, сформированные, а не самъ лично ими командовалъ отвѣтственно, понимая подъ этимъ словомъ и обученіе, и подготовку, и воспитаніе своихъ подчиненныхъ. Эти оба раза имѣли мѣсто въ 1828 году, когда князь Меншиковъ командовалъ сухопутнымъ десантомъ, овладѣвшимъ Анапою, а затѣмъ ему ввѣренъ былъ осадный корпусъ подъ крѣпостью Варною. Командованіе это продолжалось очень короткое время, такъ какъ вскорѣ князь былъ тяжело раненъ. Оба эти эпизода, конечно, не могли дать настоящей командирской практики, а между тѣмъ умѣнье владѣть нравственнымъ элементомъ только и возможно пріобрѣсти на практикѣ. И какъ бы человѣкъ въ теоріи не овладѣлъ этимъ предметомъ, его все-таки нельзя считать за вполнѣ подготовленнаго въ этомъ отношеніи начальника.

Князь же Горчаковъ до своихъ послѣднихъ служебныхъ положеній болѣе 20-ти лѣтъ былъ начальникомъ штаба у фельдмаршала Паскевича, да еще передъ тѣмъ болѣе десяти лѣтъ начальникомъ штаба корпуса. Всѣ историки и біографы, говоря о князѣ, сходятся въ одномъ, что это долгое пребываніе его въ должности начальника штаба развило въ немъ нерѣшительность и несамостоятельность:

«Очевидно, что столь продолжительное однообразіе служебной дѣятельности должно было отразиться не только на характеръ, но даже на самыя способности князя Горчакова. Начальникъ штаба находится въ постоянной зависимости отъ командующаго корпусомъ или арміею: онъ дѣлается только исполнителемъ приказаній высшаго начальства, причемъ долженъ непремѣнно входить во всѣ подробности дѣлаемыхъ распоряженій; кругъ же самостоятельной его дѣятельности крайне ограниченъ. Что же удивительнаго, если подобныя занятія, особенно если они продолжительны, имѣютъ вліяніе на развитіе чувства самостоятельности въ человѣкѣ и колеблютъ въ немъ увѣренность въ себѣ? Рѣдкій характеръ и не всякая личность въ состояніи устоять противъ подобнаго вліянія, а тѣмъ болѣе еще, когда главный начальникъ не терпитъ возраженій, одаренъ желѣзною волею, огромною властью и, вслѣдствіе того, не отличается мягкостью формъ своего обращенія съ подчиненными. Такимъ-то человѣкомъ, при всѣхъ его блестящихъ ка-

чествахъ, былъ фельдмаршалъ Паскевичъ, съ которымъ князь Горчаковъ, какъ начальникъ главнаго штаба дѣйствующей арміи и какъ генералъ-губернаторъ Варшавы (съ 1846 г.), былъ въ постоянныхъ ежедневныхъ служебныхъ отношеніяхъ. Отношенія эти непремѣнно должны были оказать вліяніе на характеръ и личность князя Горчакова. Не обладая полною самостоятельностью, при вполнѣ ясномъ взглядѣ на предметы, онъ во многихъ случаяхъ бывалъ нерѣшителенъ и часто, при исполненіи самой вѣрной и обдуманной мысли, колебался»[1]).

Такъ-то, весьма часто, необдуманное направленіе службы многихъ способныхъ личностей портитъ ихъ и не даетъ возможности выработаться въ дѣйствительно выдающихся военно-начальниковъ.

Нельзя не сказать, что, въ особенности, въ русской арміи, въ дѣлѣ преуспѣянія и развитія нравственнаго элемента въ войскахъ, почти первенствующую роль играютъ начальники, такъ какъ въ остальномъ самый складъ нашего солдата даетъ весьма благопріятную почву для достиженія моральнаго его могущества. Если прежде этотъ вопросъ могъ, съ грѣхомъ пополамъ, рѣшаться присутствіемъ въ арміи одного главнаго начальника, глубоко понимающаго требованія нравственнаго элемента, то въ настоящее время это далеко недостаточно и безусловно необходимо, чтобы всѣ частные начальники были серьезно подготовлены въ этомъ отношеніи. И дѣйствительно, мы видимъ даже въ борьбѣ за Севастополь, несмотря на присутствіе въ составѣ войскъ многихъ дѣльныхъ частныхъ начальниковъ, постоянный, весьма усиленный спросъ на нихъ и мѣры, доказывающія ихъ недостатокъ.

Возьмемъ хотя бы дѣятельность такихъ генераловъ, какъ Хрулевъ и Хрущевъ. Хрущеву было поручено возведеніе редутовъ за Киленбалкою, ему же поручаютъ веденіе такихъ же контръ-апрошей у редута Шварца, и когда борьба за нихъ съ противникомъ не была еще окончена, онъ же посылается въ Чоргунскій отрядъ, для замѣны выбывшаго оттуда генерала Линранди. Хрулевъ командовалъ войсками на Корабельной, возвелъ съ этими войсками контръ-апроши впереди Малахова кургана и выдержалъ ожесточенную борьбу за нихъ съ противникомъ. Когда же задумали возводить контръ-апроши на Кладбищенской высотѣ, то поручили

[1]) Матеріалы Н. Дубровина, вып. II, прилож., стр. 5 и 6.

это дѣло тому же Хрулеву, несмотря на то, что, благодаря этому, Корабельная сторона осталась въ далеко, какъ мы видѣли, ненадежныхъ рукахъ. И только послѣ окончанія дѣла у Кладбища Хрулевъ снова возвращается на Корабельную. Подобная постоянная перетасовка начальниковъ, конечно, могла быть вызвана лишь полною бѣдностью арміи въ хорошихъ частныхъ начальникахъ. А между тѣмъ, она вела за собою то, что начальники зачастую командовали не своими частями и имъ приходилось дѣлать боевое дѣло съ частями и людьми имъ мало знакомыми и ихъ мало знающими. Ихъ же собственныя части оставались тоже безъ знакомыхъ командировъ. Такъ, генералъ Хрущовъ въ письмѣ своемъ отъ *2-го іюня* пишетъ: «Моя бригада, командованіе которою я передалъ старшему изъ полковыхъ командировъ при отъѣздѣ изъ Севастополя въ концѣ *апрѣля*, находится теперь на Корабельной сторонѣ» [1]).

Нельзя сказать, что оба приведенныя слѣдствія указанной частой перемѣнѣ начальниковъ служили бы на укрѣпленіе нравственнаго элемента въ войскахъ.

Затѣмъ, не разъ мы наталкивались на явленіе малой выработки въ частныхъ начальникахъ самостоятельности и иниціативы.

Но все это — недостатокъ въ хорошихъ начальникахъ въ арміи и сравнительно малое развитіе между ними иниціативы и самостоятельности, конечно, не можетъ быть поставлено имъ въ упрекъ, такъ какъ въ этомъ виновата система, практиковавшаяся въ жизни войскъ въ то время. Указанныя качества, столь необходимыя для каждаго начальника, не могутъ явиться вдругъ, а воспитываются и вырабатываются съ самаго начала службы, если на это обращается должное вниманіе и дается необходимое направленіе свыше. Что подобная выработка была вполнѣ возможна и въ разбираемое нами старое время, доказательствомъ тому служитъ нашъ Черноморскій флотъ.

Мы видѣли, какими мѣрами и какъ настоятельно и систематично вырабатывалъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ въ своихъ офицерахъ съ самыхъ младшихъ чиновъ эти дорогія качества. Мы видѣли, что даже гардемаринамъ и мичманамъ предоставлялась при исполненіи ими служебныхъ обязанностей полная, въ кругу ихъ дѣятельности, самостоятельность, иниціатива и соотвѣтствующая имъ отвѣтственность. Такими пріемами съ молоду въ нихъ выра-

[1]) «Русская Старина» 1892 г., сентябрь, стр. 603.

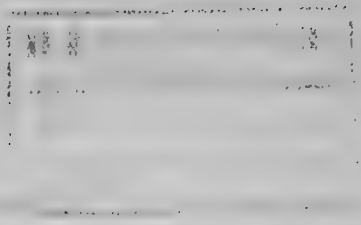
батывались желаемыя достоинства и потому-то и получались столь блестящіе результаты. Мы достаточно любовались его учениками за время борьбы за Севастополь, тоже самое можно сказать и о всѣхъ отдѣльныхъ начальникахъ тогдашняго Черноморскаго флота. Даже самые младшіе чины этой бравой семьи, много позже ея уничтоженія, на нашихъ глазахъ фигурировали какъ лучшіе адмиралы нашего флота въ другихъ моряхъ.

Хотя и можно упомянуть, что самая обстановка службы на морѣ много облегчаетъ примѣненіе на практикѣ этой благой системы воспитанія, даже и въ мирное время, но мы глубоко убѣждены, что и въ сухопутныхъ войскахъ, при извѣстномъ вниманіи и охотѣ, можно вести дѣло на тѣхъ же основаніяхъ и достигать тѣхъ же результатовъ.

И мы говоримъ это не голословно, а на основаніи разбора приведенныхъ выше мѣръ воспитанія и обученія флота Лазаревымъ. Всѣ эти пріемы и мѣры по духу своему и основной идеи, которая въ нихъ ясно видна, вполнѣ сходны съ аналогичными мѣрами другихъ нашихъ же начальниковъ, дѣятельность которыхъ съ этой точки зрѣнія изслѣдовалась нами ранѣе. Тутъ опять-таки мы наталкиваемся на не разъ высказывавшійся нами выводъ, что форма мѣръ пользованія нравственнымъ элементомъ можетъ и должна быть до крайности разнообразна, а основныя идеи его примѣненія совершенно однородны. Мы даже можемъ теперь еще болѣе обобщить это положеніе, высказавъ, что оно касается одинаково до всѣхъ видовъ военной силы, не только разныхъ родовъ оружія, но даже для сухопутныхъ и морскихъ.

Можетъ показаться страннымъ, почему въ нашей арміи, въ которой, во времена Суворова и подъ его руководствомъ, было такъ сильно развито глубокое пониманіе и пользованіе нравственнымъ элементомъ, мы могли встрѣтиться съ такимъ, зачастую, полнымъ забвеніемъ этого сильнаго рычага въ дѣлѣ управленія войсками. Мы объясняемъ себѣ это тѣмъ, что пріемы пользованія моральною стороною военнаго дѣла до сихъ поръ ускользали отъ теоретическаго изслѣдованія и, такимъ образомъ, отъ нихъ не оставалось слѣда для послѣдующихъ поколѣній.

Нашими изслѣдованіями мы стараемся только возбудить интересъ къ этой сторонѣ дорогаго намъ военнаго дѣла. Пусть каждый, въ особенности практикъ, внесетъ съ своей стороны хотя незначительную лепту въ дѣло разъясненія всѣхъ этихъ сложныхъ во-

просовъ и, можетъ быть, при этомъ условіи, когда-нибудь дѣло это станетъ на твердую почву въ нашей арміи. Тогда пользованіе нравственнымъ элементомъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія войскъ будетъ уже не достояніемъ, по личному почину, отдѣльныхъ выдающихся начальниковъ, а вся масса личнаго состава офицеровъ и начальниковъ явится вполнѣ подготовленной въ этомъ отношеніи. До какого же могущества можетъ дойти тогда наша славная армія, всегда носящая въ себѣ дарованные свыше неисчерпаемые задатки развитія полной моральной силы!

Гос. Историч. Научн. Б-ка
РСФСР
№ .....
..... 193 г.